Чувашский государственный институт гуманитарных наук

В.Н. КЛЕМЕНТЬЕВ

ИСТОРИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Книга 1

ИСТОКИ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЧУВАШЕЙ

Чебоксары 2014

УДК 94(470.344)
ББК 63.3(2Рос.Чув)
К 48

Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института
гуманитарных наук

Научный редактор
кандидат исторических наук **Ю.В. Гусаров**

Рецензенты:
Н.И. Егоров, доктор филологических наук,
В.П. Иванов, доктор исторических наук,
Е.К. Минеева, доктор исторических наук

Клементьев В.Н.

История национальной государственности чувашского народа. Кн. 1: Истоки государственности чувашей / В.Н. Клементьев; науч. ред. Ю.В. Гусаров; Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук. – Чебоксары, 2014. – 320 с., [24] с. ил.

В книге рассматриваются истоки государственности чувашского народа: зарождение и развитие этнического движения, возникновение и организационные формы национального движения, модели и пути самоопределения чувашей с момента создания государства Волжская Болгария до образования Чувашской автономии.

Предназначена для научных работников, преподавателей и студентов, работников органов власти и управления, представляет интерес для широкого круга читателей.

ISBN 978–5–4246–0387–7

© В.Н. Клементьев, 2014
© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2014

К читателю

Современная Чувашия – динамично развивающаяся республика, неотъемлемая часть многонационального Российского государства. Еще в середине XVI в. земли, населенные чувашами, вошли в его состав. Однако царская Россия по своему административно-территориальному устройству была унитарным государством. В советской России установилась федеративная форма государственного устройства, основанного на национально-территориальном принципе. Чувашский народ обрел свою национальную государственность в виде автономной республики. В современных условиях, решая вопросы совершенствования и модернизации российской государственности, нужно всесторонне изучать исторический опыт и исходить из него: недопустимо игнорирование многонационального характера страны, необходимы предоставление регионам реального самоуправления, обеспечивающего полный учет их интересов, включая национальные, реализация принципа демократического централизма, позволяющего сохранять и укреплять единство России.

В соответствии со стратегическими задачами осуществления фундаментальных исследований в области гуманитарных наук, наш институт реализует новый проект – издание научных трудов «История национальной государственности чувашского народа» (в трех книгах) и сборников документов по национальному движению и образованию Чувашской автономии. Они явят собой первое в исторической науке обобщенное исследование возникновения и эволюции чувашской государственности.

Предлагаемая книга – первая из трилогии, посвященной истории национальной государственности чувашей, выпуск которой приурочен к 100-летию образования Чувашской Республики. В данной книге рассматриваются истоки государственности чувашей: зарождение и развитие этнического движения народа, возникновение и установление организационных форм национального движения, модели и пути самоопределения этноса в период до образования Чувашской автономной области. В двух последующих частях будут освещены вопросы создания Чувашской автономии и ее национально-государственного строительства в советский период.

Надеемся, что книга даст читателю много познавательной информации, пищу для размышлений, что она будет способствовать развитию и усилению гражданственности, воспитанию патриотических чувств, любви к своему народу.

Директор института Ю.Н. Исаев.

Введение

Государственно-правовое оформление этносов Российской Федерации представляет собой одну из сложнейших проблем в истории и практике государственного строительства многонациональной страны, которая сложилась как государство с мозаичной структурой национального состава населения и оставалась таковой на протяжении всей истории. На каждом из этапов ее истории регулирование национальной составляющей в государственном устройстве имело свои особенности и специфику, которые характеризовались то жесткими формами правления с крайним централизмом, то стремлением перейти к умеренным демократическим моделям правления (расцентрализации власти), то возможностями перехода к широкой демократии[1]. Самодержавную Россию принято считать унитарной, хотя некоторые ее части пользовались элементами автономии (Польша, Финляндия и др.). В результате Октябрьской революции 1917 г. и последующих преобразований произошел процесс усложнения формы государственного единства РСФСР, превративший ее в федеративное государство. С помощью федерации советская власть в условиях угрозы распада страны, революционных событий и Гражданской войны стремилась сохранить единство России, создав с учетом национального признака территориальные публично-правовые образования как способ самоопределения этносов. Таковыми в РСФСР стали автономии, организованные по национально-территориальному признаку. В конце 1918 г. была образована Трудовая коммуна немцев Поволжья, впоследствии ставшая автономной республикой. В 1919 г. возникла Башкирская АССР, в 1920–1921 гг. – Киргизская (Казахская) АССР, Татарская, Дагестанская, Горская автономные республики, Карельская трудовая коммуна. Первым актом, законодательно закрепившим название «автономная область», стал декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 24 июня 1920 г. «Об автономной Чувашской области». Вслед за этим в течение 1920–1922 гг. последовал ряд актов центральных органов государственной власти РСФСР, которые законодательно закрепили создание многих автономных областей[2]. К концу 1922 г. большинство народов России получило автономию.

Автономии формировались на основе законов центральной власти. После издания общероссийского закона о провозглашении автономии созывался учредительный съезд Советов автономной единицы, на котором реализовывался акт провозглашения автономии. Ее высшей формой была автономная республика, которая являлась субъектом, имеющим все атрибуты государственности. В отличие от автономной республики автономные области не имели атрибутов государственности. Аналогичный с автономными областями правовой статус имели трудовые коммуны[3].

Чувашия статус автономной республики получила по декрету ВЦИК от 21 апреля 1925 г. «О преобразовании Чувашской автономной области в Чувашскую Автономную Социалистическую Советскую Республику».

Государственно-правовая институализация чувашского этноса в виде советской автономии, выражавшей национальный, но не государственный суверенитет, явилась одной из форм осуществления нацией своего права на самоопределение. Чуваши стали субъектом самоуправления государственно-властного характера. Правовой титул получила исконная этническая территория чувашского народа, а это материальная основа его существования и высшая духовная ценность – Родина[4]. На первом этапе развития Советского государства автономия обеспечила учет национальной специфики жизнедеятельности этноса, послужила одной из важных форм разрешения национального вопроса, позволила обеспечить гармоничное сочетание общегосударственных и местных интересов. В качестве государственно-правовой функции автономия закрепила и развила советскую государственность в формах, соответствующих национально-политическим условиям жизнедеятельности народа. Изменение политических основ общества, создание национального отряда рабочего класса и народной интеллигенции, стремление обеспечить активное участие трудящихся в осуществлении государственной власти явились социально-политическим назначением автономии. Создание и развитие общественно-политических организаций, а также просвещения, культуры, печати и других средств духовного развития на родном языке на основе коммунистической идеологии стало социально-культурной функцией. Наконец, основной и решающей функцией советской автономии была хозяйственно-организаторская, которая обеспечила мощный социально-экономический и культурный прогресс народа[5].

Вместе с тем национально-государственное строительство в СССР характеризовалось явными противоречиями. Уже с конца 1920-х гг. по нарастающей шел процесс партийно-бюрократической централизации. В сфере национальных отношений многое стало меняться. Превалирующей в политике Центра стала тенденция к унификации национального многообразия. Произошло резкое усиление роли Центра – союзных и федеральных органов власти и управления. Сложившаяся ситуация в сфере национальных отношений радикально стала меняться во второй половине 1980-х гг., когда на волне демократизации национальные проблемы проявились во всей остроте и в открытой форме, что в конечном итоге привело к распаду СССР, а РСФСР преобразовалась в Российскую Федерацию, став самостоятельным государством. Процессы, охватившие прежние союзные республики, начали развиваться и в национально-государственных образованиях, входивших в состав Российской Федерации и поставивших вопрос о повышении формы их государственности – о предоставлении им статуса суверенных государств. Реализуя свои устремления к государственному суверенитету, Чувашская АССР 24 октября 1990 г. приняла декларацию о государственном суверенитете и была преобразована в Чувашскую Советскую Социалистическую Республику (ЧССР) (с 13 февраля 1992 г. она стала именоваться Чувашской Республикой в составе Российской Федерации).

Учитывая эту тенденцию, IV съезд народных депутатов России (21–25 мая 1991 г.) признал необходимым повысить правовой статус автономных республик, исключив из их названия слово «автономные». Тем самым было установлено их новое официальное наименование – «республики в составе РСФСР»[6].

Суверенизация и сепаратизм затронули в той или иной мере все республики Российской Федерации. В 1990-х гг. федеральные власти не только не препят-

ствовали данным процессам, но и содействовали им, видя в этом единственный путь сохранения единства России. Так, 31 марта 1992 г. был подписан Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации. Согласно договору, республики (государства) в составе Российской Федерации обладали всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории, кроме тех полномочий, которые были отнесены в ведение федеральных органов государственной власти Российской Федерации. В соответствии с договором, территория и статус республик в составе Российской Федерации не могли быть изменены без их согласия[7].

Выражением названных процессов явились договоры и соглашения между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти республик в ее составе о разграничении предметов ведения и полномочий. Такой договор с Чувашской Республикой был подписан 27 мая 1996 г.[8] Субъекты Федерации, в том числе и Чувашия, стремились тогда обозначить и закрепить большой объем прав и полномочий, что едва ли можно назвать сепаратизмом. Дело, скорее, в другом: как реально взятые, так и декларативно провозглашенные положения тогда были гарантом статуса республики как реального субъекта Федерации, ее государственности[9].

В начале XXI в. концепт национальной государственности, ставший неотъемлемой частью политической традиции и закрепленный в обществоведческих теориях и косвенно в законодательстве еще с советских времен, стал подменяться идеями «национально-культурной автономии» и «территориального самоуправления» – понятиями «весьма далекими от естественного права любого народа определить свой политический статус»[10]. Для части представителей этнологоправовой мысли стало характерным рассматривать в качестве приоритетных (с точки зрения удовлетворения национальных запросов и одновременно понижения политизации этничности) экстерриториальные формы в виде национально-культурной автономии с лишением национальных субъектов РФ их национально-государственного характера и превращением России в административно-территориальную федерацию[11].

Произошедшая в первом десятилетии XXI в. десуверенизация республик в составе Российской Федерации привела к тому, что они в основном вернулись к правовому статусу, которым характеризовались прежние советские автономные республики. Однако нельзя не замечать объективных факторов развития республик: движение к национальному суверенитету и самостоятельности неодолимо, поскольку в нем проявляется стремление народов России к национальному самосохранению[12]. И реальность такова, что именно территориально-политические формы самоопределения этноса остаются базовыми формами и наиболее перспективными с точки зрения сохранения субъектом самоопределения собственной самоидентификации, его онтологического существования как культурно-системного целого[13]. «В государстве, – писал крупнейший российский историк В.О. Ключевский, – народ становится не только политической, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и сознанием своего мирового значения»[14].

Советский опыт и практика национально-государственного строительства России убеждают, что национальная государственность в виде автономии как политико-правовая форма реализации права народов на самоопределение, самостоятельное национальное развитие и самоуправление сохраняет свою актуальность. Ее социальное и политическое значение заключается в том, что она обеспечивает защиту самобытности, является гарантией осуществления основных прав и свобод человека, сохранения культурного своеобразия, создания политико-правовых условий для свободного и равноправного развития этносов, налаживания сотрудничества с другими народами. При этом территориальные формы всегда выступают основными формами самоопределения этносов, в то время как экстерриториальные могут служить как основными (при отсутствии территориальных форм), так и дополнительными формами (например, национально-культурные автономии этносов, самоопределившихся в России в форме как федеративного государства, так и соответствующих субъектов Российской Федерации)[15]. Национально-государственный характер автономий нисколько не противоречит сохранению территориальной целостности Федерации, поскольку эта целостность есть принцип межгосударственных отношений, тогда как право на самоопределение присуще не государству, а народу и реализуется не в межгосударственных отношениях, а в процессе внутреннего развития государства. «Иными словами, самоопределение может осуществляться и без отделения и образования самостоятельного государства – путем федерализации отношений между народами, пожелавшими жить в едином государстве. Но и для этого придется признать право на историческую территорию и ее целостность и неприкосновенность за любой компактной национальной составляющей»[16].

Национальная государственность – это динамично развивающаяся в соответствии с конкретно-историческими условиями национально-политическая и правовая система. В зависимости от общего политико-государственного контекста она способна приобретать одну из многообразных форм или видов, может иметь разный правовой статус, будучи одновременно и элементом территориального устройства, и гарантией обеспечения как правовой, так и фактической возможности реализовать компактно проживающим этносом национальный суверенитет и политическое самоуправление в составе федеративного государства.

Предлагаемое читателю исследование ставит задачей нарисовать объемную картину возникновения и эволюции национальной государственности чувашского народа, показать историко-генетическую связь между различными ее этапами. Первая книга обширного исследования посвящена истокам государственности чувашей: зарождению и развитию этнического движения народа, возникновению и характеристике организационных форм национального движения, поиску моделей и путей самоопределения чувашей в период до создания Чувашской автономии.

Во второй книге будет показана история создания чувашской государственности: образование Чувашской автономной области и ее преобразование в автономную республику, национально-административное строительство автономии в 1920–1925 гг. В третьей книге планируется рассмотреть национально-государственное строительство Советской Чувашии в 1925–1991 гг. Таким образом, каждая из книг будет посвящена самостоятельному периоду в истории национальной государственности чувашского народа.

Говоря о данном проекте, нужно отметить, что с наибольшими трудностями как общетеоретического, так и фактологического плана была сопряжена разработка проблематики первой книги. Это объясняется слабой изученностью этнополитической ситуации, политико-административного строя и направлений национальной и административной политики в Чувашском крае в дореволюционный период. Сложности возникли и в связи с отсутствием единого и четкого научного понимания и объяснения таких терминов, как «национальная государственность», «политическая автономия», «административная автономия», «народность», «национальность», «нация», «этнос» и т. д., а также ряда исторических явлений, например, окончательного формирования чувашского этноса в его современных национальных формах. С учетом данного обстоятельства автор не придерживается строгости в определениях и довольно вольно использует названные понятия, смысл которых до сих пор остается дискуссионным в науке.

Издание многотомной истории национальной государственности чувашей преследует цель не только осветить наиболее важные компоненты национальной истории народа в контексте его государственно-правовой институализации, но и стимулировать исследовательскую мысль на создание национального исторического нарратива, не ограничивающегося узкими административно-территориальными рамками современной Чувашской Республики.

Литература и источники

[1] *Бугай Н.Ф.* Советский централизм и авторитаризм: республики и регионы // Управление Россией: опыт, традиции, новации, XVI–XX вв. М.: Наука, 2007. С. 199.

[2] *Кутафин О.Е.* Российская автономия. М.: ТК Велби: Проспект, 2006. С. 133–134, 223–224.

[3] Там же. С. 134.

[4] *Сампиев И.М.* Самоопределение народов: теория и онтология. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦВШ, 2004. С. 44.

[5] *Кутафин О.Е.* Указ. соч. С. 126, 129.

[6] Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 22. Ст. 776. С. 874.

[7] Сборник договоров и соглашений между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации о разграничении предметов ведения и полномочий. М., 1997. С. 735.

[8] Там же. С. 297–303.

[9] *Кутафин О.Е.* Указ. соч. С. 310.

[10] *Ступишин В.* Самоопределение народов: традиции и действующее право // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 108.

[11] *Чешко С.В.* Кризис доктрины самоопределения // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 5.

[12] *Кутафин О.Е.* Указ. соч. С. 316.

[13] *Сампиев И.М.* Указ. соч. С. 132.

[14] *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 1: Курс русской истории. М.: Мысль, 1987. Ч. 1. С. 42.

[15] *Хабриева Т.В.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010. С. 30.

[16] *Ступишин В.* Указ. соч. С. 109, 111.

Глава 1

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Советская историография истории национально-государственного строительства Чувашии

Комплексное и обобщенное теоретическое осмысление истории национальной государственности чувашского народа только начинает формироваться, несмотря на то что тема эта вполне сложившаяся в историографии. История ее изучения насчитывает многие десятилетия, представлена значительным объемом научных трудов. Прежде всего, усилиями исследователей были рассмотрены социально-экономические и идейно-политические предпосылки образования Чувашской автономии, показан сам процесс ее создания и развития на начальном этапе в 1920–1930-е гг., охарактеризованы отдельные этапы развития, некоторые ее структурообразующие элементы (такие как система Советов, конституционное строительство). Учеными, специализирующимися в области дореволюционной истории, сделаны попытки вскрыть корни государственности чувашей, показать механизм осуществления национальной политики в Чувашском крае в период самодержавия. Однако существует потребность в создании обобщающей картины возникновения и эволюции чувашской государственности на всех этапах ее развития, осмыслении природы, сущности и содержания такого многогранного явления, как государственность чувашского народа, на основе использования наработок и накопленного научно-исследовательского потенциала, а также введения в оборот нового исторического материала.

Современными исследователями историографии выделяются два основных периода и ряд этапов в изучении этой темы, отличающихся сдвигами в концепциях и конкретно-исторической проблематике и разной степенью интенсивности исследовательской работы. Первый период – с 1917 г. до конца 80-х гг. XX в. В его границах определяются этапы: 1917 г. – конец 20-х гг. XX в. (время становления советской историографии, относительно свободного для дискуссий, первых попыток научной постановки и осмысления проблемы); 1930-е – середина 1950-х гг. (научные поиски поставлены в жесткие рамки «Краткого курса истории ВКП(б)», существенно ограничены источниковая база и исследовательский инструментарий); середина 1950-х – 1980-е гг. (обращение к ленинизму в качестве методологической основы, значительное расширение проблематики, документальной основы научных трудов, приращение исторических фактов). В 90-е гг. XX в. наступил новый период в развитии историографии. Освободившись от идеологического прессинга, исследователи получили свободу творчества, распространилось разнообразие научных подходов и интерпретаций событий, резко расширились исследовательское поле и источниковая база исследований[1].

В целом данная схема вполне применима и к исторической науке в Чувашии. Касательно местной историографии нужно отметить, что как самостоятель-

ное исследовательское направление анализируемая тема начала складываться в 1920-е гг., когда появились первые работы, в которых затрагивались вопросы истории национального движения и создания чувашской государственности[2]. В Чувашии в этот период активностью отличался Д.П. Петров-Юман – видный деятель национального движения и один из первых после Октября 1917 г. историков, публицистов[3]. История борьбы за национальное самоопределение, возникновения чувашских национальных организаций, деятельности левых политических партий получила освещение в работах А.Д. Краснова[4]. Названные авторы в своих публикациях отметили, что на подготовительном этапе национально-государственного строительства в Чувашии ведущую роль сыграли революционно-демократические организации, возглавляемые левыми эсерами.

В качестве авторов выступали также активные участники общественно-политических преобразований, Гражданской войны, руководители советских органов[5]. Они рассмотрели в общих чертах процесс образования Чувашской автономии, пытались выявить значение ее создания.

В 1920-х гг. исследователи были относительно свободны в изучении истории национально-государственного строительства. Работы того времени определили основные сюжетные линии истории чувашской государственности, которые обычно сводились к необходимости преодоления социально-экономической и культурной отсталости народа, а также к национально-освободительным интенциям, вызванным к жизни революционными потрясениями начала XX в. При этом следует отметить, что корни национальной государственности народа исследователи искали в истории средневекового государства – Волжской Болгарии. Однако, несмотря на столь однозначное понимание истоков национального автономного образования, в работах 1920-х гг. абсолютно верно была отмечена определяющая роль советской власти в процессе создания государственности чувашей.

В 1930-х гг. наступило время жесткого идеологического прессинга, падения интереса к историософским исследованиям. Основная масса публикаций этого десятилетия и 40-х гг. XX в. представляла собой юбилейные издания, справочные пособия, отчетные доклады партийных и советских руководителей[6]. Центральное место в них занимало выяснение значения создания советской автономной государственности чувашей для их развития и участия в социалистическом строительстве. Образование Чувашской автономии связывалось с победой Октябрьской революции 1917 г., осуществлением ленинской национальной политики, покончившей с национальным гнетом. Подчеркивалось значение разгрома буржуазного национализма и победы в Гражданской войне для создания автономного образования.

В 1930-х гг. выступает с многочисленными работами по истории Чувашского края, в том числе по проблематике национального движения и национального государственного строительства, И.Д.Кузнецов – «почти единственный историк-марксист в Чувашии»[7]. Написанные в аналитическом ключе и с позиции жесткого идеологического диктата, они были призваны предостеречь исследователей от вольной трактовки вопросов, получивших однозначную оценку в партийных документах и выступлениях лидеров Советского государства[8]. Он подверг резкой критике работы Д.П. Петрова, Г.И. Комиссарова, А.Д. Краснова[9], написанные, по его мнению, с мелкобуржуазных националистических позиций. С точ-

ки зрения историка-марксиста они преувеличивали роль эсеров и «тем самым умаляли работу большевиков в создании национальной государственности чувашского народа»[10]. С подачи И.Д. Кузнецова чувашское национальное движение и организации, не руководимые непосредственно партией пролетариата, объявлялись буржуазно-националистическими. И вместе с тем, несмотря на идеологические установки, И.Д. Кузнецов одним из первых среди национальных историков активно включился в процесс глубокого, содержательного изучения истории своего народа. Кропотливо собирая и изучая источники, он ввел ранее неизвестные данные в научный оборот[11]. Его выводы, касавшиеся прежде всего ранней этнической истории чувашей, дореволюционной социально-экономической жизни народа и политики самодержавия в Поволжье, были основаны на значительной фактологической базе и подтверждены последующими исследователями[12].

Историографии 1920–1930-х гг. принадлежит особая роль в осмыслении рассматриваемой проблемы: в ее рамках сформировалось исследовательское пространство истории национальной государственности чувашей, определились смысловые акценты понимания социальной природы и сущности советской национальной автономии чувашей. Однако уже в ходе идеологических преобразований 1930-х гг. «национальная историческая мысль практически делегитимизируется»[13]. Если до 1928–1929 гг. чувашские историки могли относительно свободно излагать свои мысли, суждения, концепции, то с этого времени началась идеологизированная марксистская подача чувашской истории[14]. Национально-государственное строительство стало трактоваться как составная часть пролетарской революции и социалистического переустройства бывшей национальной окраины при определяющей роли большевистской партии. Обобщающих работ по истории национальной государственности создано не было. Исследования указанных десятилетий еще мало опирались на архивные источники, тем не менее в работах этого периода впервые были поставлены многие вопросы, ставшие предметом специальных научных разработок в последующие годы.

1940-е гг. и начало 50-х гг. XX в. характеризовались резким снижением интереса к изучению вопросов истории национальной государственности чувашей. Публикации тех лет продолжили обозначившиеся тенденции предыдущего десятилетия и сконцентрировались на освещении достижений советской власти в решении национального вопроса. Основными направлениями в исторических сочинениях становились Октябрьская революция и установление советской власти, первые социалистические преобразования и участие в них чувашских трудящихся[15]. Национально-государственное строительство освещалось в русле важнейших социально-экономических преобразований советской власти под руководством партии большевиков и их вождей, а также теории «правового октроизма». Согласно ей источником формирования автономных республик и областей выступали центральные органы власти[16]. Теоретической базой исследований в эти годы стали произведения И.В. Сталина.

Лишь со второй половины 1950-х гг., после XX съезда КПСС, начали происходить изменения в изучении истории чувашской государственности, что было связано с эволюцией советской идеологической системы – общественные науки освобождались от заскорузлого сталинизма. Начинается бурное развитие историографии национально-государственного строительства. С середины 50-х гг. до конца 80-х гг. XX в. был написан значительный пласт литературы по названной

теме. Вследствие роста числа квалифицированных научных кадров, накопления фонда исторических исследований, данный период отличился возрастающим объемом исследовательских работ, введением в оборот не использовавшегося ранее исторического материала, постановкой новых вопросов и разработкой новых аспектов. Методологической основой для историков служили положения ленинской концепции национально-государственного строительства, что заранее предопределяло содержащиеся в научных публикациях выводы и оценки. Первоочередную свою задачу исследователи видели в том, чтобы рассмотреть наименее разработанные аспекты изучаемой проблемы в целях подтверждения и доказательства постулатов официальной схемы истории национально-государственного строительства в регионе, а сам научный анализ выступал «способом приведения конкретного исторического исследования к общему марксистскому знаменателю»[17]. Ему соответствовали структура проблематики и направления исследовательского поиска. Приоритетное значение и детальную проработку получили вопросы, связанные с анализом марксистско-ленинской теории национальных отношений и государственного управления применительно к Чувашскому краю, социально-экономического и культурного уровня чувашей, позволившего получить статус автономии, описанием предпосылок для образования автономной области, а затем ее преобразования в АССР, руководящей роли коммунистической партии в создании автономного образования и государственного строительства; с рассмотрением проблем «ликвидации фактического неравенства» и социально-экономических преобразований в процессе национально-государственного строительства в Чувашии.

Примечательна дискуссия, развернувшаяся в 50-е гг. XX в. по вопросу о формировании чувашской нации[18]. В ходе нее обсуждалась проблема «Были ли чуваши до Великой Октябрьской социалистической революции нацией или вплоть до революции они оставались народностью?»[19]. В связи с этим вопросом исследователи пытались уяснить и ряд других вопросов из истории чувашского мира: о степени зрелости капитализма, классовой дифференциации в чувашском социуме, наличии национальной буржуазии и пролетариата, социально-экономических и культурных предпосылках и уровне развития национального движения в дореволюционной Чувашии.

Более поздними рефлексиями над этой дискуссией стали публикации Н.М. Семенова, И.Д. Кузнецова и М.В. Румянцева 1960-х гг., в которых рассматривался вопрос «о формировании и развитии чувашской социалистической нации»[20].

История и предпосылки образования Чувашской автономии были рассмотрены в трудах Я.К. Павлова, И.Е. Петрова, В.Л. Кузьмина, опубликованные во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XX в.[21] Опираясь на архивные источники и материалы печати, эти авторы впервые в историографии предприняли попытку научного анализа проблемы. Они описали основные события, привели основополагающие факты и документы. Но при этом обошли все спорные и конфликтные вопросы, касавшиеся прежде всего территориального формата автономного образования. Процесс его создания предстал гладким и беспроблемным.

Научную ценность представляют изданные в этот же период сборники документов[22]. Несмотря на идеологизированную позицию и селективный отбор документальных источников, факт публикации ранее неизвестных материалов уже сам

по себе способствовал расширению источниковой базы исследований, сделал ее более доступной. Предисловие, вводные статьи и комментарии в них стали самостоятельными историческими исследованиями.

Свою роль в осмыслении проблем национально-государственного строительства, места политической элиты в нем сыграли опубликованные воспоминания организаторов советской власти и первых руководителей Чувашской автономии[23]. Из первых рук читатели смогли получить сведения о том, как создавались советские органы и коммунистические организации, происходила организация автономии, информацию об участии самих мемуаристов в этом процессе. Безусловно, воспоминания не лишены субъективизма, они подверглись внутренней (со стороны самих авторов) и внешней цензуре в духе официальной доктрины истории национального движения. Эти авторы умаляли роль в национальном самоопределении чувашского народа революционно-демократических организаций, руководимых эсерами; не писали о сложностях, трудностях и противодействии, с которыми они столкнулись, решая вопрос создания Чувашской автономной области и ее последующего преобразования в автономную республику. Лишь В.А. Алексеев в своей книге упомянул о щекотливом факте – предложении В.И. Ленина руководителям Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР создать сразу же республику[24]. (И то после того, как он был опубликован в монографии В.Н. Любимова и Б.Х. Юлдашбаева[25].)

С учетом особой роли В.И. Ленина в создании национальной государственности чувашей исследователи особое внимание уделили обоснованию этой фигуры в истории народа. Она была показана в работах В.Н. Любимова, И.Д. Кузнецова и др.[26]

В историографии рассматриваемого периода впервые в качестве самостоятельного направления выделяется «критика буржуазных фальсификаторов истории национальных отношений в СССР и исторического пути чувашского народа»[27]. Начиная с 1960-х гг. регулярно выходили научные публикации и юбилейные сборники статей, особенно в связи с годовщинами Октябрьской революции 1917 г. и образования СССР (но не Чувашской автономии), в которых в апологетических тонах, с односторонним подбором только положительных фактов описывались развитие и достижения чувашского народа в условиях Советского государства[28].

Основным лейтмотивом всех трудов советской историографии являлось обоснование руководящей роли коммунистической партии в подготовке и создании автономии и национально-государственном строительстве чувашей. В литературе показывались несостоятельность идеологии и политики «буржуазного» и «мелкобуржуазного национализма», Чувашского национального общества, партии эсеров, чувашских национальных объединений и революционно-демократических организаций, не связанных с большевиками, их неспособность решить национальный вопрос; подвергалась критике «алюновщина»[29]. Вместе с тем ряд исследователей допускали признание «некоторой положительной работы» в национально-государственном строительстве такой организации, как Чувашский левый социалистический комитет, руководимый левыми эсерами[30]. Г.А. Варюхин отметил, что нельзя оценивать деятельность Чувашского левого социалистического комитета с точки зрения мерок, сложившихся в центральных районах страны, без учета национальных особенностей[31].

С 70-х гг. XX в. с ростом научных кадров проблемная структура работ по истории национально-государственного строительства становится более дифференцированной и мозаичной. История Советов по-прежнему остается в центре внимания исследователей, но при этом расширяется хронологический и тематический диапазон изучения. Если для 1950–60-х гг. было характерно исследование вопроса «как устанавливалась советская власть в Чувашии»[32], то теперь Советы рассматривались на всех этапах истории страны и в многообразии их деятельности: административной, хозяйственной, социальной и т.д., а также с точки зрения их организационной структуры[33].

Предметом исследований Т.А. Ахазова стала первая Конституция Чувашии 1926 г., принятая ЦИК Чувашской АССР, но не утвержденная высшими законодательными органами страны[34]. Г.А. Александров рассмотрел деятельность Чувашского представительства при ВЦИК[35].

Из обширного спектра проблем, в той или иной мере затрагивающих национально-государственное строительство, наиболее активно разрабатывались вопросы культурной политики и подготовки национальных кадров, интернационального воспитания, формирования новой исторической общности «советский народ», ликвидации фактического неравенства, строительства партийно-государственного аппарата, рассмотренных на базе обширного фактологического материала в диссертационных, монографических исследованиях, тематических сборниках и научных статьях[36].

Отдельные проблемы истории национальной государственности чувашского народа получили отражение в общероссийской литературе и трудах исследователей других регионов. Так, ряд вопросов национального движения чувашей в период с февраля по октябрь 1917 г. были затронуты Р.К. Валеевым, И.Р. Тагировым, начальный этап национально-государственного строительства – Р.Г. Хайрутдиновым, М.К. Мухарямовым в коллективной монографии «Гражданская война в Поволжье». Документальные материалы по этой теме представлены в сборнике документов «Образование Татарской АССР»[37]. Московский историк О.И. Чистяков рассмотрел сюжеты об образовании Чувашской автономной области и установлении ее границ[38]. Его коллега Г.П. Макарова осветила некоторые моменты организации и деятельности Чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР[39].

Анализ советской историографии второй половины 1950-х – 1980-х гг. показывает, что исследователями был выявлен, введен в научный оборот и проанализирован обширный фактический материал по различным аспектам истории национальной государственности чувашей. Значительно расширились и углубились проблематика исследований и источниковая база. Наблюдалась некоторая объективизация подходов к изучению рассматриваемой темы[40]. Лучшие образцы научной литературы, созданные в этот период, не потеряли своей значимости. Были созданы предпосылки для успешной разработки конкретно-исторических и методологических проблем в условиях постсоветского времени. Однако в подавляющем большинстве работ, написанных в историко-партийном плане, идеология преобладала над потребностями научного анализа. Основные оценки истории национально-государственного строительства выводились исходя из партийно-политических установок[41].

Начавшееся в конце 1980-х гг. теоретическое переосмысление советской национальной политики привнесло зримые черты новых подходов к изучению национальной проблематики, которая сначала формировалась в рамках концепции «подлинно демократического», «обновленного» социализма, предполагающего исправление «сталинских деформаций»[42]. С этих позиций историки начали критически осмысливать реализацию национальных потребностей чувашского народа в советский период истории. Показательны в этом отношении публикации В.Д. Данилова[43], доклады на конференциях[44], статья А.В. Изоркина в научном сборнике, приуроченном к 70-й годовщине создания Чувашской автономии. Последний сделал попытку освободиться от штампов советской историографии в освещении основных вех истории советской национальной государственности чувашей[45]. В частности он подчеркнул позитивную роль некоммунистических национальных общественно-политических объединений, таких как Чувашское национальное общество, Чувашский левый социалистический комитет, а также левых эсеров в движении за национальное самоопределение чувашского народа; указал на массовые репрессии в 1930-е гг.; отметил негативное влияние сталинских деформаций на национально-государственное строительство Чувашской АССР и их последствия для национальной жизни чувашского народа в последующие периоды советской истории.

Изучение истории национальной государственности чувашского народа в постсоветской историографии

После 1991 г. процесс освоения новых концептуальных подходов, заполнения историографических и источниковедческих лакун пошел значительно активнее. С этого времени для историографии национально-государственного строительства характерны концептуальный плюрализм и разнообразие интерпретаций событий, возрастание числа публикаций, расширение и обновление тематики, хронологических рамок исследований и круга используемых источников. Появились новые активно разрабатываемые темы: формирование административно-командной системы, репрессивная политика в национальной сфере, территориальное размежевание и др. В научной литературе происходила реабилитация и переоценка деятельности «фигур умолчания».

В определении познавательных ориентиров для исследователей по-прежнему большую роль играли научные конференции. Таковой в начале 1990-х гг. стало совещание историков-чувашеведов (30 сентября – 1 октября 1993 г.). В докладах А.В. Изоркина, Е.К. Минеевой, В.Н. Клементьева были озвучены некоторые малоизученные и неизученные проблемы истории национально-государственного строительства Чувашии и названы перспективные направления исследовательского поиска[46].

В эти же годы одной из самых дискуссионных и нередко произвольно интерпретируемых проблем стала тема «Большой Чувашии», поднятая в публицистической литературе и связанная с рефлексиями в сознании определенной части чувашских интеллектуалов, по поводу упущенного исторического шанса – отказа чувашских национальных лидеров в 1920 г. от предложения В.И. Ленина создать сразу же республику с центром в г. Симбирске[47]. Лишь на рубеже XX–XXI вв.

начали появляться научные работы, в которых исследователи беспристрастно и без политических спекуляций на основе исторических документов стали анализировать вопрос о так называемой Большой Чувашии[48].

В 1990-х гг. ведущее положение в разработке проблем истории национальной государственности чувашей занимал А.В. Изоркин. Им было опубликовано в периодической печати большое количество статей, различных заметок о чувашском национальном движении и его лидерах, истории образования Чувашской автономии. Историк ввел в научный оборот обширный пласт новых документов, обозначил новые подходы в исследованиях; критиковал традиционный тезис советской историографии, которая определяла чувашские организации и деятелей, не связанных с большевистской партией, как националистические. Он стал активным разработчиком историко-биографического жанра – дал портреты многих ранее замалчиваемых в истории народа персон; проанализировал общественно-политические явления и движение за национальное самоопределение в период с февраля по октябрь 1917 г.; исследовал начальный этап формирования советской политической системы в Чувашии, механизм действия административно-командных методов руководства в области национальной политики и репрессий в отношении чувашской интеллигенции[49]. Им также изучены ранее не затронутые исследователями страницы из истории образования Чувашской автономной области[50].

Отличительной чертой второго периода историографии явился всплеск активности национальных историй у всех народов страны. Исследователями (М.Н. Губогло, Д. Усманова) национальная история трактуется как история этнической мобилизации, борьбы народа за свои национальные интересы и приоритеты, «под которыми чаще всего подразумевается создание национальной государственности»[51]. В советской исторической науке национальная история занимала периферийное положение и призвана была выявлять специфические особенности развития своих народов[52]. И если в отношении изучения «советской национальной государственности» за ней все же признавалось право на существование, то в области изучения дореволюционной истории в советское время национальные историки вынуждены были избегать острых тем, связанных с включением в состав Российской империи, с национальными движениями и национальной политикой, несмотря на созданные серьезные труды прежде всего по вопросам социально-экономической истории. Названные темы оставались за пределами научных исследований или освещались в одностороннем идеологизированном плане[53]. Во многом изучение аспектов истории, связанных с национальными проблемами, взяли на себя зарубежные исследователи. Среди них в первую очередь следует назвать швейцарского историка А. Каппелера, поставившего своей задачей преодолеть «русоцентристский» взгляд на историю России и рассмотреть ее как пример многонационального государства, показать входившие в него народы не только как объект государственной политики, но и как силу, существенно влиявшую на историческое развитие[54]. Предметом исследований ученого стали развитие и результаты «национального историописания в Советском Союзе» на примере народов Среднего Поволжья, история нерусских этносов и национальных движений в регионе и самодержавной России[55]. Труды Каппелера являют собой сильные аналитические и оригинальные исследования с интересными методологическими приемами и исследовательскими принципами, которые

помогли средневолжским и российским историкам «в какой-то мере переосмыслить историю народов Поволжья»[56].

В русле национальной истории стал писать свои труды крупнейший специалист в области средневековой и феодальной истории Чувашии В.Д. Димитриев. Тема этнической государственности чувашей стала с 1990-х гг. одной из основных в его работах. Истоки государственности чувашей он видел в средневековом государстве Волжская Болгария[57]. В частности, в статье с весьма показательным названием «К 1100-летию чувашской государственности» он отметил, что Волжская Болгария олицетворяла чувашскую государственность, чувашский язык являлся государственным языком и использовался в законодательстве, управлении, делопроизводстве, образовании и межэтнических отношениях в Волжской Болгарии. Болгарский (чувашский) язык и культура оказали значительное влияние на народы, входившие в это государство[58]. Исследователь резко критически оценивал утверждение казанских историков о приоритете казанских татар в качестве единственных полноправных наследников волжских болгар[59].

В изучении корней государственности чувашей наряду с этноцентристско-территориальным проявился и другой подход – этноцивилизационный[60], представленный работами Г.И. Тафаева[61]. В них в качестве предмета научного анализа автор рассматривает такое историческое явление, как «болгаро-чувашская цивилизация». Однако, по мнению критиков такого подхода, «убедительная система доказательств о наличии локальной „чувашской" цивилизации в работах Г.И. Тафаева практически отсутствует, а если быть последовательным, то констатация и абсолютизация языковых, хозяйственных, религиозных и других различий между отдельными народами приведет к неизбежному выводу о существовании в мировой истории сотен и сотен цивилизаций»[62].

Среди актуализированных направлений современной историографии отметим историю чувашей в составе Казанского ханства, присоединение к Российскому государству, проявление национально-освободительных устремлений, национальную и конфессиональную политику в дореволюционном Чувашском крае[63]. В советский период толкование этих проблем носило идеологический характер и пережило известную эволюцию в угоду политической конъюнктуре[64]: от тезиса «Россия – тюрьма народов» до концепции «наименьшего зла», «согласно которой русский народ, выступая в роли центрообразующего государственного ядра, взял на себя основные тяготы этой миссии, являясь защитником и покровителем других народов»[65]. Вхождение в состав Российского государства рассматривалось как благо для народов, так как способствовало их более прогрессивному развитию и одновременно освобождало из-под власти реакционных и отсталых государственных образований; особо подчеркивалась добровольность такого объединения и его прогрессивный характер практически для всех этносов Поволжско-Приуральского региона. Обязательным для исследователей считалось отражение в своих работах постоянно ухудшавшегося положения эксплуатируемых слоев общества, роста феодальной и капиталистической эксплуатации. Непререкаемыми являлись тезисы о совместной борьбе всего многонационального эксплуатируемого населения против самодержавного государства, господствующих сословий, о прогрессивности классовой борьбы, о необходимости по преимуществу изучать массовые народные движения. В трудах историков, как правило, обосновывалась антифео-

дальная направленность выступлений населения края, затушевывались национальные аспекты[66]. Однолинейность исторической позиции наблюдалась в рассмотрении конфессиональных проблем, для нее был характерен классовый подход: «вопросы христианизации нерусских народов освещались как борьба народных масс против насильственной политики царизма и церкви»[67].

В новейшей литературе постепенно складываются более полная и противоречивая картина и представления о характере и значении инкорпорационных процессов, царской и имперской национальной и религиозной политики в Чувашии. В советское время официальной в исторической науке являлась концепция добровольного вхождения Чувашии в состав России[68]. В постперестроечный период некоторые исследователи поставили под сомнение исключительно добровольный характер присоединения Чувашского края к Московскому государству и его позитивных последствий[69]. Следует отметить и определенную коррекцию научной позиции авторитетнейшего чувашского медиевиста В.Д. Димитриева, который предложил «новую формулировку для своей старой концепции»[70]: Горная сторона мирно – по прошению (челобитью) – была присоединена к России[71].

В постперестроечной историографии – происходят существенный пересмотр других проблем и выявление новых аспектов в изучении дореволюционной национальной истории: правительственной политики интеграции национального региона в структуру Российского государства, «реакции» нерусских народов на установление русского господства, национально-освободительного движения, проблем русификации и ассимиляции, местного административного управления и политики центра[72]. Исследователи отмечают, что царское правительство в своей национальной политике не столько продвигало русскую этничность, сколько преследовало прагматические цели поддержания внутренней и внешней стабильности государства. Рассматривая ход правительственной административной практики и политики в отношении нерусских народов Поволжья, они указывают на многообразие типов и степеней государственной «русификации»: политической, административной, социальной и культурной интеграции; обращают внимание на смысл, содержание и реализацию в исторической практике понятий «колонизация», «унификация», «ассимиляция», «христианизация», «миссионерство», «обрусение»[73]. В полной мере новизна подходов проявилась в исследованиях «фронтира» (пограничья, или «контактной зоны»). Применяются концепции, разработанные американскими учеными для изучения истории освоения Запада, применительно к региону Среднего Поволжья, который к XIX в. и географически, и административно был полностью интегрирован в Российскую империю, однако во многих отношениях считался пограничным, «так как был населен народами, которые рассматривались русскими как „отсталые" и „низшие"»[74]. Историки занялись и такой проблемой, как образы национальных регионов в общественном сознании и культуре России, а также восприятие Русского государства населяющими его нерусскими народами[75].

Еще одна заметная тенденция в современных исследованиях – изучение роли религии и конфессиональной политики в национальном развитии чувашского народа. Эти вопросы подняты в работах Л.А. Таймасова, В.Г. Родионова, Ю.М. Артемьева, Г.А. Николаева[76]. Авторы переносят внимание с «формальной конфигурации» церкви и институциализации православия в Чувашском крае на проблемы, к которым ранее исследователи не обращались или уделяли слабое

внимание: взаимодействие конфессиональных факторов в социокультурной и политической жизни народа, роль христианского просвещения в формировании национального и общественного движения чувашей, этнокультурное и религиозное воздействие на них татар-мусульман, как угроза «конкурирующей ассимиляции», значение религиозных просветителей в формировании идейной программы национально-освободительной доктрины этноса.

Новую историографическую ситуацию отличает смещение акцентов в исследовательских парадигмах с социологической на этнокультурную. Изучение национальной идентичности заняло одно из важнейших мест. В связи с этим исследователи активно анализируют феномен национального просветительства, распространение образования, становление национальной интеллигенции, литературного языка, профессиональной культуры и литературы как основных факторов формирования национального самосознания и идеологии чувашского народа[77]. «Национальное пробуждение», «чувашский ренессанс» они датируют концом XIX в., описывая их не только через этнокультурную проблематику[78], но и через понятие модернизации – перехода чувашского социума от традиционалистского аграрного общества к индустриальному[79], трансформации институтов управления им[80]. Преодоление сформировавшегося в советской историографии комплекса экономически и культурно отсталого этноса накануне революции 1917 г., и создание иного образа народа – творца, субъекта истории, создателя национальной государственности – «один из самых главных итогов и поучительных уроков интеллектуальных исканий на почве национальной истории»[81] последних десятилетий.

При изучении диалектики этнокультурных и общественно-национальных процессов дореволюционного периода в центре внимания исследователей оказываются выдающиеся фигуры Е.И. Рожанского, В.П. Вишневского, В.Г. Пуцека-Григоровича, Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого, И.Я. Яковлева, Н.В. Никольского, Н.И. Ашмарина, Д.Ф. Филимонова, Г.И. Комиссарова и других менее масштабных по своей значимости, игравших ключевую роль в национальном просветительстве и развитии самосознания чувашей[82]. Начатое ими дело в начале XX в. переросло в движение за национальное самоопределение народа. Не ограничиваясь изучением школьно-образовательной и научной работы, что было характерно для советского времени, в современной литературе деятельность просветителей рассматривается в категориях философского, культурологического, политологического осмысления[83].

Как самостоятельное исследовательское направление формируется изучение этноментального комплекса чувашей, в частности вопросов его объективизации и проявлений в общественно-политической жизнедеятельности[84].

Особое место в историографии занимает национальная история в лицах. Именно с 1990-х гг. вопросы истории этнополитики в немалой мере стали рассматриваться и в историко-биографическом жанре. В подобного рода исследованиях, как правило, отражаются не только биографические моменты, но и теоретические взгляды национальных лидеров, их влияние на национально-политическую жизнь, линия поведения политических и общественных структур и групп национального движения. Наряду с А.В. Изоркиным, начавшим работу в этом направлении еще в 1980-х гг., в нее включился Г.А. Александров. Под руководством А.В. Изоркина и при активном авторском участии издавалась серия биографи-

ческих очерков, опубликованных в сборниках «Они боролись за счастье народное» (Вып.1–4. Чебоксары, 1980, 1982, 1985, 1988). Еще два выпуска вышли под названием «Их имена останутся в истории» (Чебоксары, 1992, 1994). Эти авторы опубликовали исследования, посвященные жизни и деятельности национальных политических деятелей – Г.Ф. Алюнова, С.Н. Николаева, Т.Н. Николаева (Хури), И.В. Васильева, Г.Т. Титова, А.Г. Гавриловой, Д.П. Петрова (Юман) и др., которые ранее считались «националистами», подвергались огульной критике, их имена фактически были под запретом[85]. Ю.В. Гусаров в ряде своих публикаций осветил деятельность парламентариев от Чувашии в дореволюционной Государственной думе и в связи с ней вопросы формирования национально-политических требований[86]. Большое место в биографических изданиях отведено личности Д.С. Эльменя – одного из отцов-основателей советской национальной государственности чувашей[87]. Монографические исследования о нем подготовил на основе привлеченных впервые архивных материалов М.И. Иванов[88]. В указанных публикациях развенчивается официально прикрепленный за «своим героем» ярлык и штамп советской историографии «правового уклониста» и сторонника идеи «вырождения чувашей»; констатируется, что кампания по его дискредитации была инсценирована партийным руководителем Чувашии С.П. Петровым; дается оценка исторической роли политического деятеля в организации Чувашской автономной области, вызывающая споры среди историков и публицистов в связи с вопросом об упущенном Д.С. Эльменем «историческом шансе».

В новых условиях стало актуальным изучение истории национального движения, национальных политических партий и организаций начала XX в. В предыдущий историографический период их исследование было полностью подчинено «классовой парадигме марксистско-ленинской идеологии и практически не допускало объективного фундированного достоверными и полными источниками объяснения»[89]. Одним из первых отказался от устаревшей методологии А.В. Изоркин. В своих работах он отверг господствовавшую в советской историографии концепцию истории национального движения в первые десятилетия XX в., основывавшуюся на положении «о двух четко обозначившихся в нем тенденциях: буржуазно-националистической и социалистической»[90]. Он стал рассматривать его как гомогенный и разворачивающийся процесс, показал его зарождение как реакцию на «национально-колониальный гнет», охарактеризовал этапы, реальные движущие силы, детализировал и персонифицировал значимые эпизоды национально-освободительной борьбы чувашей[91].

Важную роль в формировании новых исследовательских подходов и активизации научной мысли в изучении данной проблемы сыграли труды А. Каппелера. Ему принадлежит разработка вопроса о предпосылках возникновения и развития этнических движений народов Среднего Поволжья[92]. Освещая их историю, исследователь выделяет различные фазы становления наций и национальных движений в регионе, подчеркивает, что при их анализе «особенно плодотворными оказываются конструктивистские культурологические подходы»[93], характеризует национально-политические и социальные факторы революции 1905–1907 гг., ставшей генеральной репетицией «весны народов 1917–1920 годов»[94].

Анализ истории национального движения чувашей в первой четверти XX в. предприняла Т.В. Немцева. В ее диссертации и статьях рассмотрены особенности возникновения, характер и недостаточно исследованные аспекты этого явления:

организационные связи, политическое поведение и деятельность первых национальных организаций и съездов, взаимообусловленность развития чувашского национального движения и процесса становления государственности народа[95].

Ряд новых идей и положений по истории национального движения выдвинуты в исследованиях С.В. Щербакова и В.Н. Клементьева. Первый в своей диссертации перенес акцент с национально-территориального на культурно-автономистский компонент движения[96], рассмотрел идеологический аспект национального самоопределения чувашей в начале XX в.[97] В.Н. Клементьев изучил основной комплекс факторов, условий, предпосылок национальной эмансипации чувашей в дореволюционный период[98].

По-иному стало осмысливаться место политических партий в национальном движении этноса. Прежде всячески выпячивалась роль РСДРП(б) и вопреки исторической правде принижалось значение партии эсеров, тогда как социалисты-революционеры занимали ведущие позиции и были главными фигурантами в общественно-политической жизни и национальном движении в Чувашском крае. С этих позиций дал анализ роли эсеров в национально-политических процессах А.В. Изоркин[99]. Он охарактеризовал становление чувашской организации партии социалистов-революционеров, ее практическую работу, в том числе в области национального вопроса в первом десятилетии XX столетия; подчеркнул реализм, демократизм и адекватность программы эсеров историческим условиям своей эпохи. Истории эсеров в Чувашии посвящены кандидатская диссертация и учебное пособие В.В. Макаревского[100]. В них достаточно подробно анализируются идейно-теоретические аспекты, концептуальные основы и практика социалистов-революционеров по вопросам национальной политики и национально-государственного устройства.

В исследованиях истории партий и движений начала XX в. особое место заняло изучение русского национализма в этнических регионах. Становление и деятельность правых партий и организаций в Поволжье, в том числе и в Чувашии, рассмотрены в трудах Е.М. Михайловой[101]. Историк приходит к выводу о неоднозначно реакционном и охранительном характере их идеологии. Поскольку регион являлся этнически и конфессионально многоликим, тактика поволжских правых отличалась от программных положений их столичных единомышленников. Поволжские защитники монархии предлагали модернизацию административно-территориального устройства страны с учетом национальных особенностей, расширение полномочий местных органов самоуправления, обещая уважать религию, культуру и традиции нерусских народов, сохранявших верность самодержавию.

Вместе с тем в новейшей историографии национальных проблем в изучении программ и тактик партийно-политических образований сохраняются существенные пробелы: остаются маловыясненными роль и значение общественно-политических сил либерального направления (кадеты и октябристы), социалистической ориентации (трудовики, энесы, меньшевики, анархисты, чувашские социалисты-националисты) в процессах трансформации национальной жизни чувашского народа[102].

В связи с историей национального движения и партий в центре внимания исследователей оказался многообразный спектр непартийных национальных организаций: различные профессиональные объединения чувашских учителей, ин-

теллигенции и молодежи и т.д., Союз мелких народностей Поволжья, чувашские национальные общества. В научных публикациях и в статьях Чувашской энциклопедии авторы отказались от политически конъюнктурных оценок их деятельности как «националистических», отмечая, что она была нацелена на консолидацию всех национальных сил, достижение национального самоопределения, главным средством реализации которого считалась культурная автономия чувашей[103].

Самое заметное место в новейшей историографии заняло изучение проблем национальной политики и национально-государственного строительства в советское время. При этом особое внимание исследователи уделили послеоктябрьскому периоду и 20-м гг. XX в. Закономерно, что на первый план вышли вопросы предыстории, предпосылок, условий и процесса создания Чувашской автономной области и ее преобразования в автономную республику. В советской историографии, как отмечалось, эти сюжеты, особенно образование ЧАО, получили широкое освещение. Однако радикальные изменения в развитии государственной, общественной жизни и исторической науки в постсоветский период вызвали потребность в качественно обновленном осмыслении, казалось бы, изученных с концептуальной и фактологической стороны тем. Так, существенный пласт исследований посвящен эволюции установок и политической линии чувашского национального движения в послеоктябрьский период в связи с проблемой федерирования России – попыток организации в Среднем Поволжье и Приуралье областной автономии (Волго-Уральского штата, Татаро-Башкирской республики). В работах А.В. Изоркина, Т.В. Немцевой, В.Н. Клементьева, С.В. Щербакова отмечается, что она была формой борьбы за демократизацию национальной сферы и административно-государственного устройства страны; обращается внимание на специфику программы и требований чувашских национальных лидеров, считавших, что областная федерация народов Урало-Поволжья должна строиться на равноправии и с широким использованием принципов национально-культурной автономии для входящих в нее народов[104].

В трудах по истории национально-государственного строительства чувашей первых лет советской власти большое внимание уделено правительственным органам по осуществлению этнополитики – Народному комиссариату по делам национальностей РСФСР и Чувашскому отделу при Наркомнаце, так велико было их влияние на процессы национального самоопределения и создания государственности народа. История этих учреждений занимает одно из главных мест в исследованиях Е.К. Минеевой[105]. Она выявила и ввела в научный оборот множество конкретных фактов об организации и деятельности Чувашского отдела; проанализировала его структуру и участие Отдела и Наркомнаца РСФСР в советском и культурном строительстве чувашских уездов, организации агитации и пропаганды среди чувашского населения, содействии социально-экономическому развитию Чувашского края и росту национального самосознания этноса; охарактеризовала их роль в организации Чувашской автономии.

Ряд конкретно-исторических аспектов образования и функционирования Чувашского отдела при НКН РСФСР также осветила в своей монографии московский историк В.Г. Чеботарева[106].

Наряду с изучением центрального комиссариата и его Чувашского отдела, определенное место в историографии заняли вопросы истории губернских совет-

ских национальных органов – Казанского комиссариата по чувашским делам, Отдела по делам национальностей Казанского губернского исполкома Советов[107], которые стали инструментом создания структурных элементов государственности: национальных административных органов, учреждений образования и культуры, подготовки кадров. И вместе с тем остается малоизученной роль советских национальных отделов и секций в Симбирской, Уфимской, Самарской и других губерниях и уездах с компактным чувашским населением. Недостаточно сделано и в области изучения национальных партийных организаций – Чувашского коммунистического комитета, Чувашской секции при агитационно-пропагандистском отделе ЦК ВКП(б) и др. Специальных научных исследований о них мало, укажем лишь обзорные статьи А.М. Симулина и Ю.В. Гусарова в «Чувашской энциклопедии».

Точно так же очень слабо исследованы вопросы об участии чувашей в антисоветских организациях и Белом движении и программах антибольшевистских правительств по решению национального вопроса и национально-административному устройству в Среднем Поволжье[108]. Исследователи затрагивают их только в самых общих чертах. Для объективных оценок и адекватных выводов по указанной проблеме необходимо выявить и провести глубокую разработку и анализ большого корпуса малоисследованных источников и документов.

Достаточно подробно в новейшей литературе рассмотрены вопросы организации Чувашской автономной области и ее преобразования в АССР. Исследователи сделали акценты в первую очередь на замалчивавшихся ранее в советской историографии «конфликтных» моментах и сюжетах, связанных с препятствиями в процессе государственно-территориального оформления чувашской государственности[109].

Практически совершенно новая тема, поднятая современными авторами, – установление административных границ и конструирование территории автономии. Исследователи обратили внимание на то, как сложно и в какой борьбе определялись ее границы и решались проблемы территориального формата Чувашии[110].

Ко вновь «открытым» темам в историографии следует отнести изучение государственной политики по отношению к национальным меньшинствам, целенаправленно претворявшейся в Чувашии в 1920-х – первой половине 1930-х гг. Исследователи показывают, как решались насущные проблемы жизнедеятельности нетитульных этносов в автономии – татар и мордвы, основные направления реализации политики государственной заботы и поддержки по отношению к этническим миноритариям [111].

В связи с изучением истории национально-государственного образования в 1920-х гг. исследовательский интерес проявился и к таким малоизученным вопросам, как проекты областного районирования (планы включения Чувашии в областные, краевые объединения) и внутритерриториального административного переустройства Чувашской автономии[112]. Авторы отмечают, что в вопросах создания экономических районов главным для руководителей Чувашии было сохранение ее автономного статуса и ускоренное развитие социально-экономического потенциала. Результатом областного районирования рубежа 1920–1930-х гг. стало включение Чувашии в состав Нижегородского края. Но этот вопрос фактически оказался обойденным в современной историографии и нуждается в дальнейшей разработке: необходимо изучение всех последствий нахождения Чувашии

в составе краевого объединения, анализ правовых, административных, финансовых, социально-экономических и культурных взаимоотношений с ним национального региона.

В современной историографии произошло переосмысление истории становления Советов и их реального места в политической системе страны. Предметом исследований В.Н. Клементьева стали вопросы возникновения советской системы и ее эволюции в годы новой экономической политики. Он концептуально по-новому осветил «триумфальное шествие советской власти» в чувашских уездах, взаимоотношения Советов и земств, Советов и Коммунистической партии, роль избирательных кампаний и массовой коллективизации в свертывании политики «оживления Советов» и демократизации нэповского периода[113]. А.Р. Ратникова рассмотрела малоисследованную проблему организации и деятельности волисполкомов на территории Чувашии в 1917–1927 гг., охарактеризовав правовые основы работы органов местной власти, уровень квалификации кадрового состава волостных исполкомов и их деятельность по организации политической, хозяйственной и культурной жизни[114].

Важным явлением стал выход работ, обобщающих опыт национально-государственного строительства и этнополитики в 1920-х – начале 1930-х гг. Е.К. Минеева проанализировала реализацию доктрины национального вопроса в указанный период в автономиях Поволжья[115]. Значительное внимание она уделила социокультурным факторам формирования и развития национально-территориальных образований, прежде недостаточно исследованных в региональной историографии. В.В. Орлов построил свой анализ на осмыслении реалий новой экономической политики в социально-экономической и этнополитической сферах. Особое внимание при этом уделил роли национальной партократии[116]. В то же время в монографиях этих авторов оказались малоизученными или вовсе не рассмотренными такие структурообразующие элементы национально-государственного строительства, как политика реализации чувашского языка и коренизация государственного аппарата, государственно-правовые аспекты, финансово-бюджетная организация в качестве конструктивного элемента национально-государственного строительства. Ряд из них нашел отражение в публикациях других авторов[117].

Анализ новейшей литературы по истории советской национальной государственности Чувашии показывает, что большинство исследований посвящено послеоктябрьскому периоду и 1920-м гг., что вполне объяснимо, поскольку тогда формировалась конфигурация автономного образования. Однако не менее важным представляется изучение последующих этапов национально-государственного строительства. К числу недостаточно разработанных относится последующий советский период, охватывающий 30–80-е гг. XX в. Важное значение в этой связи имеет исследование кануна и самой Великой Отечественной войны, послевоенного этапа, когда происходили существенные трансформации национальной политики и системы государственного управления в стране. В более полном и всестороннем анализе нуждается влияние десталинизации и «оттепели» на процессы национально-политической жизни в Чувашии в 1950-х – первой половине 1960-х гг. Весьма интересен для научного осмысления этнополитической ситуации в республике так называемый период «застоя» (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.). Актуальным в историографии остается исследование процессов реформирования партийно-государственной системы власти в условиях перестройки.

В рамках периода 1930–1980-х гг., пожалуй, наиболее изученное направление – история Советов. В конце 1980-х гг. был издан сборник документов о Советах Чувашской АССР (составитель В.А. Нестеров), в котором дана комплексная информация о составе и содержании важнейших законодательных актов, регулирующих деятельность Советов с 1920 г. по 1987 г.[118] Общая картина развития и основные тенденции эволюции советской государственности Чувашии с ноября 1917 г. по 1993 г. представлена в исследовании В.Н. Клементьева[119]. Этот же автор проанализировал советское строительство в автономии на заключительном этапе формирования административно-командной системы с 1930 по 1936 г.[120] Предметом изучения А.И. Назаровой стал анализ механизмов формирования депутатского корпуса городских Советов республики и их место в политической системе государства в 1946–1964 гг. В диссертации И.В. Титовой, посвященной деятельности Верховного Совета Чувашии за весь период его существования, рассматриваются принципы формирования, состав депутатов, структура и основные направления работы высшего законодательного и представительного органа власти республики[121]. А.И. Назаровой и И.В. Титовой впервые были созданы открытые базы данных, содержащие интересные сведения о социально-демографической структуре депутатского корпуса[122].

Организационная структура, компетенция, направления деятельности Верховного Совета, Совета министров, а также статус народного депутата Чувашской ССР и его полномочия охарактеризованы в монографии В.Г. Тимофеева[123]. Опыт реформирования местного самоуправления в Чувашии в период перестройки и в начале 1990-х гг. на фоне общеполитических изменений в стране и эволюции российского законодательства проанализирован в кандидатской диссертации Е.В. Волковой[124].

Среди исследователей, изучающих отдельные элементы национально-государственной жизнедеятельности автономии с послевоенного периода по 1980-е гг., следует отметить работы И.И. Бойко. Им дан анализ развития гражданского общества, рассмотрены общественно-политические настроения в Чувашии, охарактеризована областная организация КПСС в последние годы ее существования[125].

Объектом изучения диссертации А.И. Минеева стало функционирование Чувашского Совнархоза – экономического административного района, существовавшего в 1957–1962 гг. Основные акценты исследователь сделал на анализе управленческих, хозяйственно-организаторских, кадровых сторон и деятельности Совета народного хозяйства по управлению промышленностью, оставив вне внимания административно-территориальный и национально-политический аспекты реформы[126].

В 1990-х гг., когда чрезвычайно актуальными стали вопросы становления Российской Федерации и реформирования государственности национальных субъектов, резко возрос интерес к проблемам национально-государственного строительства Чувашии. Это привело к увеличению числа публицистических и научных изданий. С дискуссионными статьями на страницах периодической печати по животрепещущим проблемам трансформации национальной политики и связанными с ней вопросами общественно-политической жизни Чувашии активно выступали публицисты. Отчетливо выраженным аналитическим и исследовательским подходом отличалась публицистика А.П. Хузангая. Автор с позиций «суверенизации» Чувашской Республики ратовал за повышение ее статуса, расширение объема полномочий и прав, сферы использования национального языка[127].

Значительную роль в осмыслении актуальных сюжетов национально-политической жизни Чувашии в 1990-е гг. – начале XXI в. играют этнологи. Так, в публикациях московского исследователя В.Р. Филиппова развитие чувашского национального движения показано в общероссийском политическом контексте. Автор прослеживает его дифференциацию, выделяет основные организационные структуры, характеризует их деятельность, в том числе и в области национально-государственного строительства. Он делает вывод, что динамика этнополитической ситуации в Чувашии конца XX – начала XXI в. может быть описана как постепенное угасание «этноромантики» и выступает против сохранения этнической государственности «на большей части территории России»[128].

Весомый вклад в научные исследования по очень широкому спектру вопросов этнической и этнополитической истории чувашей с древности до современности внес этнолог В.П. Иванов[129]. Ему принадлежит разработка концептуальной модели региональной национальной политики и программы ее реализации в Чувашской Республике[130].

Приметой новейшей историографии стало активное сближение социологических, политологических и конкретно-исторических исследований с проблемами национальной государственности чувашей в 1990 – 2000-х гг. Заметное место среди таких работ занимают публикации социолога Д.М. Шабунина, в которых прослеживаются процесс изменения государственных институтов в Чувашской Республике и политическая трансформация региона в 1990-х гг.[131] Эти работы являются одними из первых, посвященных политической истории Чувашии указанного десятилетия[132]. В исследованиях И.Е. Ильина, И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Н.Г. Семедовой-Полупан сквозь призму социологических опросов анализируются общественные настроения, характеризующие общественно-политическую ситуацию, отношение населения к национальной политике государственной власти и институтам, политическим деятелям в Чувашской Республике[133].

В работах политологов одно из ведущих направлений – электоральные исследования, изучение общественно-политических последствий выборов и референдумов и их влияния на эволюцию национальной государственности Чувашии в конце XX – начале XXI столетия[134].

С юридических позиций анализирует роль избирательной системы и циклов 1990-х гг. в формировании государственной власти в Чувашии Л.Н. Линик[135].

Конституционное строительство в Чувашии в постсоветское время стало предметом исследований правоведов Н.К. Филиппова и А.И. Ухтиярова[136]. Они рассматривают конституционные основы, статус, структуру, компетенцию и полномочия институтов власти в республике, ее административно-территориальное устройство; предлагают пути совершенствования федеративных отношений.

Проблемы, связанные с историей национальной государственности постсоветской Чувашии, довольно интенсивно исследуются историками. Они стали объектом диссертаций и научных трудов Д.А. Захарова, В.В. Андреева, В.Д. Данилова. Первый проанализировал сложный процесс национально-государственного строительства в Чувашской Республике в последнее десятилетие XX в., рассмотрел идеи суверенизации республики и попытки их реализации в условиях формирования новых федеративных отношений в начале 1990-х гг., осветил становление президентской власти и принятие Конституции в Чувашии, проследил опыт формирования Государственного совета и его взаимодействия с институтом

президентства в Чувашской Республике[137]. В.В. Андреев, рассматривая процессы национально-государственного строительства в республиках Среднего Поволжья в 1985–2008 гг., проанализировал основные тенденции эволюции национальной государственности и осветил деятельность органов государственной власти и управления Чувашии в указанный период в социально-экономической области и сфере регулирования общественно-политических отношений[138]. В монографиях В.Д. Данилова концептуальные и конкретно-исторические аспекты современной государственности Чувашии исследуются в едином контексте этнополитических, правовых и социально-экономических проблем[139]. В центре его внимания – динамика социально-политических изменений, конституционно-политическое развитие, модернизация управления и социально-экономические процессы в Чувашии в 1990–2000-х гг. Автор проанализировал, как проходили становление новых элементов политической системы, институализация органов власти, сформировался каркас властных отношений в условиях так называемого демократического транзита.

Обращаясь к характеристике общеисторических трудов, в которых национально-государственная компонента заняла заметное место, следует назвать коллективную монографию «История Чувашии Новейшего времени» в 2 книгах и историко-этнографическое исследование «Чуваши: история и культура» в 2 томах[140]. Заслуживают внимания работы очеркового характера, посвященные истории органов управления в Чувашском крае и историко-правовым аспектам чувашской государственности[141].

Подводя общий итог анализа основных тенденций и достижений новейшей историографии истории национальной государственности чувашского народа, можно констатировать следующее. Очевидно значительное продвижение вперед в изучении и осмыслении данной проблемы. Это проявилось в отходе от идеологизированного освещения, существенном расширении предметного поля научного анализа, обновлении источниковой базы исследований, внедрении принципов методологического плюрализма. Заметно изменилась, разнообразилась и наполнилась новым содержанием тематика трудов. Появились работы, свидетельствующие о качественных сдвигах в интерпретации и осмыслении как традиционных, так и ранее закрытых и новых сюжетов, явлений и процессов истории национальной государственности чувашей.

Наиболее изучены два хронологических промежутка: первая треть XX в. и постсоветский период. Успешно развивается процесс изучения движения за национальную эмансипацию этноса в годы революций и Гражданской войны. Историки раскрывают его формы и организационные структуры, показывают модели, проекты и поиски форм самоопределения чувашей. Достаточно полно разработан вопрос институализации Чувашской автономии: в литературе описана деятельность партийно-советских органов по созданию автономной области и ее преобразования в Чувашскую АССР и установлению границ автономии. Активно рассматривается история Советов. Для 1990–2000-х гг. характерен всесторонний анализ проблем реформирования государственной и политической системы Чувашской Республики в условиях модернизации.

Вместе с тем и в рамках указанных хронологических периодов вне анализа исследователей остается немало важных вопросов и аспектов. К ним относятся: роль политических партий в формировании представлений и осуществлении на-

ционально-государственного строительства; система органов власти и местного самоуправления в комплексе; механизмы взаимоотношений Центра и национального субъекта Российской Федерации; динамика государственно-правовых, общественно-психологических и ментальных параметров; место политической элиты и проблема номенклатуры; национально-языковая политика, имевшая особую актуальность в 1920-х и 1990-х гг.; финансово-бюджетная организация и межбюджетные отношения как элемент национально-административного строительства. В историографии не получили отражение взгляды и позиция руководителей советской страны и борьба их точек зрения на вопросы государственного строительства автономии. По-прежнему недостаточно изучается эволюция национально-государственного образования в 30–80-х гг. XX в. Данный период нуждается в комплексном анализе и обобщающих трудах.

В современной историографии история национальной государственности чувашского народа все более осознается как многомерное явление. Преодолевается локализация предмета изучения в хронологических рамках советского этапа. Отсюда обращение историков к таким темам, как истоки этнической государственности чувашей, социально-политические формы национального существования этноса в самодержавной России. Переосмысление и фактологическое обновление переживают традиционные сюжеты историографии – присоединение Чувашского края к Московскому царству, этноконфессиональная и этнокультурная политика. Выявляются новые направления – инкорпорация народов Среднего Поволжья в Российское государство, административное управление национальной периферией, роль просветительства в формировании национального самосознания и идеологии чувашского народа, анализ условий, факторов и предпосылок возникновения и развития движения за национальное самоопределение в царской России. Остается насущной задача всестороннего исследования этнополитического развития чувашского народа в имперский период, включая малоизученные проблемы – законодательную, административную политику царизма по отношению к чувашам. Существует также необходимость в теоретической разработке категориального аппарата: четкое определение таких принципиальных понятий, как «народность», «национальность», «нация», а в отношении советского периода – «национальная государственность», «национально-государственное образование» и т.д. – применительно к истории чувашей. Для ее удовлетворения требуются теоретико-методологические изыскания и изучение проблемы на междисциплинарном уровне с участием этнологов, философов, политологов, правоведов. Участие последних особенно востребовано, поскольку мало работ историко-правоведческого профиля, нет фронтального правоведческого анализа в осмыслении истории национальной государственности чувашей.

Характеризуя современное состояние историографии, нельзя не отметить, что опубликованная научная литература различна по степени полноты источниковой основы. Исследователи используют богатые архивные иногородние фонды (Москвы, Казани, Ульяновска и других городов) и периодические издания недостаточно. Просматривается нигилизм в оценках трудов других исследователей, которые объявляются написанными «с устаревших позиций»[142], но при этом так называемые «исправления» и «открытия» зачастую сводятся к новым версиям уже изученного, не лишенных субъективизма и методологической неопределенности. Очевидно, что любое новое прочтение и выработка новой «правильной» концепции

взамен «устаревшей» требует глубокой, тщательной, объективной и всесторонней проработки научных вопросов, основанной на максимально доступной и полной источниковой базе, знании достижений новейшей историографии, высокой исследовательской культуры.

Однако общая направленность историографического процесса все же носит позитивный характер, отличается утверждением исследовательского плюрализма и творческого подхода к анализу проблематики истории национальной государственности чувашского народа. При этом продолжают оставаться особо значимыми следующие задачи: достижение высокого научного уровня исследований; глубокий, точный, объективный и всесторонний анализ всего комплекса вопросов изучаемой проблемы; расширение и обновление источниковой базы и качественное развитие теоретико-методологического инструментария при обязательном освобождении исследовательского мышления от идеологической или интеллектуальной конъюнктуры и субъективизма.

Литература, источники и примечания

[1] *Матвеева Л.Д.* Отечественная историография национально-государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье (1917–1936): монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2006. С. 6–7.

[2] *Немцева Т.В.* Национальное движение в Чувашском крае в 1917–1920 гг.: историографический обзор // Сборник научных трудов докторантов, научных сотрудников, аспирантов и студентов. Вып. 7. Чебоксары, 2000. С. 341.

[3] *Петров Д.П.* Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань: Чувашское отделение Госиздата: Казанское подотделение, 1921; *Его же.* Ахтономла чăваш опласĕ. Шупашкар, 1923; *Его же.* Чувашия: историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л., 1926; *Его же.* Путь свободы. Чебоксары, 1927.

[4] *Краснов А.Т.* Нарăспа юпа уйăхĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеки уйрăмĕ, 1931; *Его же.* Чăвашсен Хусанти организацийĕсем // Ĕçлекенсен сасси. 1923. № 8. С. 13–14.

[5] *Тюмеров В.В.* Образование Чувашской автономной области. Чебоксары, 1923; *Коричев С.А.* Заметки к вопросу по истории мелких национальностей Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1929; *Михайлов А.М.* 10 лет Октябрьской революции и ЧАССР. Чебоксары, 1927.

[6] 10 лет Чувашской Автономной Социалистической Республики (1920–1930). Чебоксары: ЦИК ЧАССР, 1930; Материалы для докладчиков о 10-летии ЧАССР. Чебоксары: ЦИК ЧАССР, 1930; К 11-летию Чувашской АССР. Чебоксары, 1931; К 12-й годовщине Чувашской автономии. Чебоксары, 1932; Советская Чувашия: национально-культурное строительство. М.: Соцэкгиз. 1933; 15 лет Чувашской АССР. Чебоксары, 1935; Краткий очерк хозяйственного и культурного строительства Чувашской АССР за 15 лет (1920–1935). Чебоксары, 1935.

[7] *Димитриев В.Д.* Труды И.Д. Кузнецова по истории Чувашии (к 60-летию ученого) // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 31: Исторический сборник. Чебоксары, 1966. С. 321.

[8] *Кузнецов И.Д.* Из истории Чувашии // Советская Чувашия: национально-культурное строительство. М.: Соцэкгиз. 1933. С. 9–65; *Его же.* Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960.

[9] *Кузнецов И.Д.* Чăваш коммунисчĕсем хушшинчи сылтăм сулăнчăка тата национализма хирĕç. М., 1930; *Его же.* О некоторых уроках Октября в Чувашии (рецензия на брошюру А. Краснова «Февраль – Октябрь» (на чувашском языке) // Коммунист. Н. Новгород, 1932; № 1. *Его же.* Против националистической концепции чувашской истории // Очерки по истории и историографии Чувашии. С. 309–333.

[10] *Немцева Т.В.* Национальное движение чувашского народа: исторический опыт создания государственности (1917–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2002. С. 17–18.

[11] *Минеева Е.К.* Концепция национально-государственного развития чувашского народа в трудах И.Д. Кузнецова // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: сб. ст. Всероссийской научной конференции историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). М: ИНИОН РАН, 2006. С. 161.

[12] *Денисов П.В.* И.Д. Кузнецов – неутомимый труженик исторической науки // Там же. С. 42–46; *Димитриев В.Д.* Труды И.Д. Кузнецова по истории Чувашии ... С. 320–331.

[13] *Хлынина Т.П.* Формирование советской национальной государственности у народов Северного Кавказа: состояние и проблемы исследований // Народы и власть в истории России: проблемы исследований: сб. науч. ст., посвященных 60-летию со дня рождения Н.Ф. Бугая. Майкоп: Меотия, 2002. С. 140.

[14] *Погодин Е.П.* Об историзме в изучении истории чувашского народа // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. ст. / ЧГИГН. Чебоксары, 1999. С. 74.

[15] *Григорьев С.Г.* Советская Чувашия. М.: Изд-во Ведомостей Верховного Совета РСФСР, 1940; 20 лет Чувашской Автономной Советской Социалистической республике. Чебоксары: Госиздат Чувашской АССР, 1940; Советская Чувашия к 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Чебоксары: Гос. изд-во ЧАССР, 1943; *Андреева З.А.* Советы Чувашии за 25 лет. Чебоксары, 1945; *Матвеев А.М.* 25 лет Чувашской АССР. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1945; *Павлов Я.К.* 30 лет Чувашской советской автономии // Записки / ЧНИИ. Вып. 5. Чебоксары, 1950. С. 3–38; *Его же.* Великая Октябрьская Социалистическая революция и установление советской власти в Чувашии // Вопросы истории чувашского народа: тезисы докладов на сессии 30–31 января 1950 г. Чебоксары, 1950. С. 20–24; *Кузьмин В.К.* К вопросу об истории установления советской власти в Чувашии // Записки / ЧНИИ. Вып. 6. Чебоксары, 1952. С. 196–213; *Семенов Н.М.* Тридцать лет Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. Чебоксары, 1950; Социалистическая Чувашия. Чебоксары, 1940.

[16] *Хлынина Т.П.* Советская национальная государственность: природа, понятие, образ. Майкоп: Аякс, 2001. С. 20.

[17] *Матвеева Л.Д.* Указ. соч. С. 12.

[18] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 399. Л. 82–84 об.; *Любимов В.Н.* К вопросу о возникновении чувашской нации // Записки / ЧНИИ. Вып.6. С. 31–165; *Григорьев П.Г.* К вопросу об образовании чувашской буржуазной нации // Записки / ЧНИИ. Вып. 7. Чебоксары, 1953. С. 153–163; *Лебедев П.Л.* К вопросу о чувашской нации // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 11. Чебоксары, 1955. С. 252–268.

[19] *Любимов В.Н.* К вопросу о возникновении чувашской нации. С. 131.

[20] *Семенов Н.М.* К вопросу о сближении социалистических наций // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 23. Чебоксары, 1963. С. 89–124; *Его же.* О сближении наций в ходе коммунистического строительства. Чебоксары, 1964; *Кузнецов И.Д.* Формирование чувашской социалистической нации // История Чувашской АССР. Чебоксары, 1967. Т. 2. С. 97–98; *Румянцев М.В.* К вопросу о формировании чувашской социалистической нации // Чувашия за 50 советских лет. Чебоксары, 1968. С. 45–56.

[21] *Павлов Я.К.* Великая Октябрьская социалистическая революция и разрешение национального вопроса в Чувашии (1917–1925 гг.). Чебоксары: Чувашгосиздат., 1957; *Петров И.Е.* Чувашия в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Вып. 2: 1919–1920 гг. Чебоксары: Чувашгосиздат., 1959; *Его же.* Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Чебоксары: Чувашгосиздат., 1961; *Кузьмин В.Л.* Под знаменем великой дружбы: к 40-летию образования Чувашской советской автономии. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960.

[22] Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии: сб. док. Чебоксары: Чувашгосиздат., 1957; Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960.

[23] *Илларионов И.И.* В борьбе за советскую власть: воспоминания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957; *Тюмеров В.В.* Страницы моей жизни. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957; *Ефимов И.Е.* В борьбе за советскую власть: воспоминания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968; *Коричев С.А.* Первые шаги: воспоминания о первых годах советской власти в Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969; *Алексеев В.А.* Дорогой Октября: воспоминания бывшего члена Революционного комитета Чувашской автономной области. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971.

[24] *Алексеев В.А.* Указ. соч. С. 59.

[25] *Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.Х.* Ленин и самоопределение наций: на примере народов Среднего Поволжья и Приуралья. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1967. С. 176.

[26] Там же; *Любимов В.Н.* Учение В.И. Ленина о ликвидации фактического неравенства и претворение его в жизнь // Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1972. С. 206–218; *Его же.* Роль В.И. Ленина в создании советских автономий народов Среднего Поволжья и Приуралья: историография // Интернациональное воспитание строителей социализма и коммунизма: межвузовский сб. Чебоксары, 1982. С. 17–26; *Кузнецов И.Д.* В.И. Ленин и социалистическое возрождение народа Чувашии. Чебоксары, 1970; *Его же.* Ленин и самоопре-

деление народов Поволжья и Приуралья // Вопросы истории и историографии чувашского народа: сб. ст. Вып. 1. Чебоксары, 1970. С. 3–26; Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 44: В.И. Ленин и чувашский народ. Чебоксары, 1969; *Егоров Н.Е.* Ленинская национальная политика и развитие народного образования в Чувашской АССР // Торжество ленинской национальной политики. С. 250–257; Ленин и Чувашия: документы, материалы, воспоминания. Чебоксары, 1980.

[27] *Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.Х.* Указ. соч.; *Любимов В.Н.* Против фальсификации истории реализации ленинской национальной политики // Чувашия за 50 советских лет. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. С. 57–68; *Его же.* Критика буржуазных фальсификаторов истории национальных отношений в СССР и исторического пути чувашского народа // Труды / ЧНИИ. Вып. 73: Вопросы истории Чувашии. Чебоксары, 1977. С. 127–128.

[28] Чувашия за 50 советских лет; Торжество ленинской национальной политики; В великом содружестве народов. Чебоксары, 1974; *Ахазов Т.А.* Национально-государственное строительство и разрешение национального вопроса в Чувашской АССР // Труды / ЧНИИ. Вып. 73. С. 3–25; Образование СССР – торжество ленинской национальной политики: тезисы докладов и сообщений науч. сессии. Чебоксары, 1982.

[29] Яркий пример – публикации И.Д. Кузнецова и С.А. Артемьева: *Кузнецов И.Д.* Октябрьская революция и крах чувашского буржуазного национализма // Установление советской власти в Чувашии: сб. ст. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. С. 158–181; *Его же.* Социалистическая революция и крах буржуазного национализма в Чувашии // *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории и историографии Чувашии. С. 216–224; *Его же.* К вопросу о национальном социализме и национальном коммунизме // Там же. С. 224–234; *Артемьев С.А.* Борьба против национализма в Чувашии в 1917–1918 годах: тезисы доклада на науч. сессии «Некоторые вопросы истории Чувашской областной организации КПСС». Чебоксары, 1967.

[30] *Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.Х.* Указ. соч. С. 161; *Ахазов Т.А.* Национально-государственное строительство ... С. 11; *Алпатова И.С.* Историография вопроса о роли революционно-демократических организаций в национально-государственном строительстве в Среднем Поволжье и тактике большевиков по отношению к ним // Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1991. С. 76–77.

[31] *Варюхин Г.А.* О Чувашском левом социалистическом комитете // История и культура Чувашской АССР: сб. ст. Вып. 2. Чебоксары, 1972. С. 405.

[32] Установление советской власти в Чувашии; *Румянцев М.В.* Рождение советской власти в Чувашии. Чебоксары, 1966; *Кузьмин В.Л.* К вопросу об истории установления советской власти в Чувашии // Записки / ЧНИИ. Вып. 6. Чебоксары, 1952. С. 196–213; *Кузнецов И.Д.* Установление советской власти в уездах Чувашского края // Науч. сессия, посвященная итогам исследовательской работы ЧНИИ в 1960 г.: тезисы докладов, обсуждаемых на заседании секции истории. Чебоксары, 1960. С. 7–12; *Павлов Я.К.* Великая Октябрьская социалистическая революция и установление советской власти в Чувашии // Вопросы истории чувашского народа: тезисы докладов на сессии 30–31 января 1950 г. Чебоксары, 1950. С. 20–24.

[33] *Артемьев С.А.* Великий Октябрь в Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972; *Изоркин А.В.* Из истории Советов Чувашии первых лет диктатуры пролетариата // Вопросы истории советского строительства в Чувашской АССР: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 3–38; *Его же.* Советы солдатских депутатов в Чувашии в 1917 году // Чувашия в годы Первой мировой войны: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 39–61; *Изоркин А.В., Макаревский В.И.* Деятельность Чувашской областной партийной организации по укреплению Советов и оживлению их работы в 1921–1927 годах // Труды / ЧНИИ. Вып. 92: Вопросы истории Советов, партийных и комсомольских организаций Чувашской АССР. Чебоксары, 1979. С. 30–48; *Макаревский В.И.* Осуществление принципа пролетарского интернационализма в советском строительстве в Чувашии в 1921–1925 гг. // Интернациональное воспитание строителей социализма и коммунизма. Чебоксары, 1982. С. 26–37; *Иванов Н.И.* Участие местных Советов Чувашии в подготовке условий массовой коллективизации в деревне (1928–1929 гг.) // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 41–51; *Дмитриев К.Д.* Деятельность Советов Чувашской АССР в послевоенный период (1946–1958 гг.) // Вопросы истории советского строительства в Чувашской АССР: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 39–54; *Арсентьева А.В.* Развитие демократических основ деятельности Советов Чувашской АССР на этапе развитого социализма (1959–1970 гг.) // Там же. С. 55–74; *Данилов В.Д.* О некоторых вопросах деятельности Советов депутатов трудящихся Чувашской АССР по дальнейшему развитию сельского хозяйства (1971–1975 гг.) // Труды / ЧНИИ. Вып. 92. С. 142–147; *Его же.* Участие рабочих в местных Советах депутатов трудящихся Чувашии в условиях развитого социализма (1969–1977) // Актуальные проблемы истории рабочего класса

автономных республик РСФСР: межвузовский сб. Вып. 2. Чебоксары, 1979. С. 111–116; *Демидов М.В.* Деятельность Советов народных депутатов Чувашской АССР по социально-культурному обслуживанию населения в 1976–1984 годах // Культурное строительство в Чувашской АССР на этапе развитого социализма: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 41–58; *Его же.* Повышение социально-политической активности депутатов – важный фактор обеспечения самоуправления народа // Социально-экономические проблемы совершенствования человеческого фактора. Чебоксары, 1989. С. 36–43; *Ислюков С.М., Прокопьев Л.П.* Развитие советской демократии: повышение роли Советов депутатов трудящихся в выполнении планов хозяйственного и культурного строительства // Итоги, перспективы, задачи: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1977. С. 121–164.

[34] *Ахазов Т.А.* Утверждение принципов пролетарского интернационализма в государственной и общественной жизни Советской Чувашии // В великом содружестве советских народов. С. 21–54; *Его же.* О первой Конституции Чувашской АССР // Труды / ЧНИИ. Вып. 92. С. 16–29.

[35] *Александров Г.А.* Образование и деятельность Чувашского представительства при ВЦИК (1921–1925 гг.) // История и культура Чувашской АССР. Вып. 3. Чебоксары, 1974. С. 238–248.

[36] *Можаров Г.Г.* Деятельность ОКК–РКИ Чувашии в 1920–1934 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань: КГУ, 1969; *Александров Г.А.* Подготовка специалистов для Чувашии за пределами республики в годы восстановления народного хозяйства (1921–1928 гг.) // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 52: Вопросы истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1970. С. 260–265; *Тимофеев П.Т.* Вопросы сближения социалистических наций в литературе, изданной в Чувашской АССР // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 47: История, этнография, социология. Чебоксары, 1969. С. 226–234; *Бичуч М.Л.* Чувство семьи единой: из истории борьбы партии за интернациональное сплочение трудящихся Горьковского края в 1928–1936 гг. Горький, 1972; *Его же.* Братская помощь трудящихся промышленных центров Горьковского края национальным автономиям в осуществлении коренных задач культурной революции // Торжество ленинской национальной политики. С. 265–278; *Михайлов П.М.* Формирование советской национальной интеллигенции – одно из условий ликвидации фактического неравенства // Там же. С. 257–264; *Гусев Т.Г.* Помощь трудящихся Горьковского края Чувашской АССР в социалистическом строительстве (1929 –1936 гг.) // Ученые записки / ЧГПИ. Вып. 13. Чебоксары, 1961. С. 179–209; *Евграфов Ф.Г.* Дорогами дружбы и сотрудничества: к истории национальных автономий в Горьковском крае // Интернациональное воспитание строителей социализма и коммунизма. С. 47–59; *Симулин А.М.* Роль дружбы народов в ускоренном формировании кадров интеллигенции у народов Среднего Поволжья (1917–1928 гг.) // Там же. С. 59–63; *Иванова Т.М.* Подготовка партийных и советских кадров в первые годы социалистической индустриализации. 1926–1929 гг.: на материалах партийных организаций Татарии, Чувашии и Марийской автономной области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1976; *Павлов Г.П.* Партийное руководство проведением административно-территориальной реформы в Чувашии в 1927 году // Труды / ЧНИИ. Вып. 73: Вопросы истории Чувашии. Чебоксары, 1977. С. 129–133; *Александров Г.А.* Выдвижение передовых рабочих и крестьян Чувашии на руководящую работу в годы строительства социализма // История и культура Чувашской АССР: сб. ст. / ЧНИИ. Вып. 2. Чебоксары, 1972. С. 399–404; *Яковлев Г.А.* Вопросы национального развития в деятельности Чувашской областной организации КПСС (60-е – первая половина 80-х годов) // Из истории Чувашии советского периода: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 160–173; *Прокопьев И.П.* Чувашская АССР в братской семье советских народов // Торжество ленинской национальной политики. С. 19–35; *Ислюков С.М.* Развитие принципов социалистического интернационализма в построении и деятельности Советов народных депутатов Чувашской АССР // Вопросы истории политического, экономического и социально-культурного развития Чувашской АССР. Чебоксары, 1983. С. 37–56.

[37] *Мухарямов М.К.* Создание национальной государственности народов Среднего Поволжья // История СССР. 1963. № 5. С. 45–57; *Валеев Р.К.* Революционное движение в Среднем Поволжье (июль – октябрь 1917 г.). Казань, 1972; *Тагиров И.Р.* Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль – октябрь 1917 года). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977; *Хайрутдинов Р.Г.* Осуществление ленинской программы по национальному вопросу в 1917–1920 гг.: по материалам Поволжья и Приуралья. Казань, 1976; Образование Татарской АССР: сб. документов и материалов. Казань: Тат. кн. изд-во, 1963; Гражданская война в Поволжье: 1918–1920. Казань: Тат. кн. изд-во, 1974 и др.

[38] *Чистяков О.И.* Становление Российской Федерации (1917–1922). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966.

[39] *Макарова Г.П.* Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923 гг.: ист. очерк. М.: Наука, 1987.

[40] *Немцева Т.В.* Национальное движение чувашского народа: исторический опыт создания государственности (1917–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары: ЧГУ, 2002. С. 9.

[41] *Матвеева Л.Д.* Указ. соч. С. 14, 215.

[42] *Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.Р.* Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законотворчества. М.: Русский мир, 1999. С. 24.

[43] *Данилов В.Д.* Ленинская идея федерации и отход от нее в период культа личности Сталина // Из истории Чувашии советского периода: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 22–32.

[44] *Николаев В.Н.* Из истории образования советской национальной государственности Чувашии // КПСС – организатор создания, развития советской национальной государственности, экономики, культуры и совершенствования национальных отношений в автономных республиках Поволжья и Приуралья: исторический опыт, проблемы, поиск: тезисы докладов и сообщений региональной науч. конференции. Секция 1. Чебоксары, 1990. С. 4–6; *Иванова Т.М.* Партийное руководство интернациональным воспитанием трудящихся Чувашии в 1928–1932 годах // Там же. С. 41–44; *Краснов П.С.* К вопросу о структуре форм самоопределения наций // КПСС – организатор создания ... Секция 2. Чебоксары, 1990. С. 31–33; *Можаров Г.Г.* О статусе автономных республик // КПСС – организатор создания ... Секция 3. Чебоксары, 1990. С. 65–67.

[45] *Изоркин А.В.* Национально-государственное строительство Чувашской АССР за 70 лет // Чувашской АССР – 70 лет: сб. ст. Чебоксары, 1990. С. 13–34.

[46] *Изоркин А.В.* Малоизученные и неизученные проблемы истории Чувашии 20–30-х гг. // История Чувашии: проблемы и задачи изучения: тезисы докладов и сообщений к науч. конференции. Чебоксары, 30 сентября – 1 октября 1993 г. Чебоксары, 1993. С. 48–51; *Минеева Е.К.* О деятельности Чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей (1918–1921 гг.) // Там же. С. 51–54; *Клементьев В.Н.* Некоторые вопросы государственного строительства Чувашии в 1921–1936 гг. // Там же. С. 54–57.

[47] *Илларионов И.* Кремльте, чăваш ĕçĕпе... // Тăван Атăл. 1990. № 6. С. 1–5; *Кибеч А.* Большая Чувашия: мечта или реальность // Советская Чувашия. 1992. 17 января; *Изоркин А.* Иллюзии национального дома или ностальгия по «Большой Чувашии» // Там же. 1992. 5 февраля; *Филиппов В.* Грезы о «Большой Чувашии» // Этнографическое обозрение. 1995. № 6. С. 111–118.

[48] *Иванов В.П.* Чувашский этнос: проблемы истории и этногеографии. Чебоксары, 1998. С. 104–105; *Немцева Т.В.* Национальное движение чувашского народа: исторический опыт создания государственности (1917–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук; *Клементьев В.Н.* Чувашия: от автономной области к республике (1922–1925 гг.) // Чувашская Республика: проблемы национально-государственного строительства: история и современность: сб. ст. Чебоксары, 2005. С. 6–75.

[49] *Изоркин А.В.* Чувашия в 1917–1920 гг. // История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1. Чебоксары, 2001. С. 13–81; *Его же.* Этап зарождения и развития идеи самоопределения чувашского народа // Проблемы национального в развитии чувашского народа. С. 9–19; *Его же.* Крестьянские съезды и Советы крестьянских депутатов в Чувашии в 1917 году // Из истории Чувашии советского периода. Чебоксары, 1991. С. 3–19; *Его же.* О деятельности Чувашской организации партии социалистов-революционеров в 1903–1910 гг. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. ст./ ЧГИГН. Вып. 2. Чебоксары, 2001. С. 94–129; *Его же.* Чувашские военные организации и их роль в национальном самоопределении этноса (апрель 1917 г. – февраль 1918 г.) // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия. Чебоксары, 2002. С. 17–46.

[50] *Изоркин А.В.* От зарождения идеи самоопределения до образования автономии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. С. 20–37.

[51] *Аймермахер К., Бордюгов Г.* «Свое» и «чужое» прошлое. Введение // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: АИРО-XX, 1999. С. 16; *Усманова Д.* Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 109–110.(Библиотека журнала «Ab imperio»).

[52] *Хлынина Т.П.* Формирование советской национальной государственности у народов Северного Кавказа ... С. 139.

[53] *Бордюгов Г.А., Бухараев В.М.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 24.

[54] *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. С. 9; *Дякин В.С.* Рец. на кн.: Каппелер А. Россия как многонациональное государство: возникновение, история, падение. Мюнхен, 1993 // Отечественная история. 1994. № 6. С. 250.

[55] *Каппелер А.* Роль нерусского населения Среднего Поволжья в русских народных восстаниях XVII века: [Рукопись] // НА ЧГИГН. Отд. Х. Ед. хр. 827; *Его же.* Первые национальности России: Царская империя и народы Среднего Поволжья с 16 по 19 в. Кёльн; Вена: Бёлау, 1982. (К истории Восточной Европы; т. 14). Рукопись перевода с нем.; переводчик не указан // НА ЧГИГН. Отд. Х. Ед. хр. 1040. Т. 1, 2: 2-й экз.; *Его же.* Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997; *Его же.* Предпосылки и развитие национальных движений в Среднем Поволжье в сравнении с другими регионами Российской империи // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики [далее – Известия НАНИ ЧР]. 1996. № 2. С. 203–210; *Его же.* Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. № 2. С. 129–135; *Его же.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое изд-во, 2005. С. 395–429.

[56] *Димитриев В.Д.* О трудах швейцарского историка А. Каппелера по истории народов Среднего Поволжья с древних времен до середины XIX века // Из истории дореволюционной Чувашии: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 34.

[57] *Димитриев В.Д.* История и национальные проблемы чувашского народа // Вестник Чувашской национальной академии. 1994. № 2. С. 26–33; *Его же.* К 1100-летию чувашской государственности // ЛИК Чувашии. 1995. № 2. С. 115–121; *Его же.* Этнос и государственность // Чувашская Республика на рубеже тысячелетий: история, экономика, культура: тезисы докладов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Чувашской Республики, 22 июня 2000 г. Чебоксары, 2000. С. 4–9.

[58] *Димитриев В.Д.* К 1100-летию чувашской государственности. С. 117, 119.

[59] См.: *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. Чебоксары, 2004; *Его же.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. Чебоксары, 2014; *Гузенкова Т.* Этнонациональные проблемы в учебниках по истории (на примере Украины, Беларуси и некоторых республик Российской Федерации) // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 134; *Исхаков С.* История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации» // Там же. С. 280.

[60] *Исхаков С.* Указ. соч. С. 287.

[61] *Тафаев Г.И.* Болгаро-чувашская цивилизация в условиях модернизации: цивилизационный аспект. Чебоксары, 1999; *Его же.* Болгаро-чувашская цивилизация: прошлое, настоящее, будущее. Чебоксары, 2000; *Его же.* Геополитические факторы формирования и функционрования болгаро-чувашской цивилизации: цивилизационный аспект. Чебоксары, 2001.

[62] *Бойко И.И.* Рец. на: Трансформация общероссийских политических партий и национально-культурных объединений: сб. науч. ст. Чебоксары: ЧГПУ, 2011. 188 с. // Чувашский гуманитарный вестник. 2012. № 7. С. 178.

[63] *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история; *Его же.* Охадер Томеев – чувашский общественно-политический деятель второй четверти XVIII века // Исследования по дореволюционной истории Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 18–30; *Его же.* Национально-колониальная политика Московского правительства в Среднем Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. // Вестник Чувашского университета. 1995. № 2. С. 4–13; *Петрова О.Н.* Средневолжские народы в политических и социально-экономических условиях Казанского ханства: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары: ЧГУ, 2004; *Морозов Д.М.* К вопросу о складывании системы управления Казанской землей во второй половине XVI – начале XVII века // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии ... С. 263–274.

[64] *Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.* Указ. соч. С. 28.

[65] *Котов В.И.* Рец. на кн: Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под. ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1999. // Отечественная история. 2001. № 5. С. 199.

[66] Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период: сб. ст. / под. ред. В.Н. Данилова и П.С. Кабытова. Саратов: Наука, 2010. С. 19–20.

[67] *Таймасов Л.А.* Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 21.

[68] *Димитриев В.Д.* Навеки с русским народом: к 425-летию добровольного вхождения Чувашии в состав Русского государства. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976; *Его же.* Добровольное вхождение Чувашии в состав Российского государства // Труды / ЧНИИ. Вып. 71: 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары, 1977. С. 63–91.

[69] *Изоркин А.В.* Сказка о «добровольном вхождении» Чувашии в состав Русского государства // ЛИК Чувашии. 1997. № 2. С. 127–137; Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству: взгляд из XXI века: «Круглый стол» в Институте российской истории РАН, 14 ноября 2002 г. / под ред. А.Н. Сахарова, В.В. Трепавлова. М., 2003. С. 23, 27.

[70] Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. С. 28.

[71] *Димитриев В.Д.* Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары: Национальная академия наук и искусств Чувашской Республики, 2001; *Его же.* Вхождение Чувашии в состав Русского государства // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 1: А–Е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С. 381.

[72] *Трепавлов В.В.* «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 155–163; *Его же.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007; *Его же.* Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблемы адаптации) // Тюркские народы средневековой Евразии: избранные труды. Казань: Фолиант, 2011; *Его же.* Власть и народы: этнический компонент в административной политике государства XVI–XX вв. // Управление Россией: опыт, традиции, новации. XVI–XX вв.: коллективная монография. М.: Наука, 2007. С. 227–238; *Каппелер А.* «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Ab imperio. 2000. № 1. С. 9–21; *Кузеев Р.Г., Мухамедьяров Ш.Ф.* О национальной политике России в Волго-Уральском регионе во второй половине XVI – начале XIX в. (постановка проблемы, пути изучения) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: тезисы докладов и сообщений к международной науч. конференции, 16–17 ноября 1993 года. Уфа, 1993. С. 19–23; *Алишев С.Х.* Тернистый путь борьбы за свободу. Казань: ФЭН, 1999; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1998; Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период; *Басманцев Д.В.* Система воеводского управления и политика Центра на территории Чувашии в 1719–1781 годы: источниковедческий и историографический обзор // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. ст / ЧГИГН. Вып. 5. Чебоксары, 2012. С. 59–86; *Клементьев В.Н.* Истоки государственности чувашского народа: исторические и социокультурные предпосылки / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2012. (Науч. доклады / ЧГИГН; вып. 9).

[73] *Трепавлов В.В.* «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1. С. 60–73; *Его же.* «Ваша Высокая порта»: российская государственность в системе традиционных представлений о монархии у народов Евразии XV–XVIII вв. // Восток. 2006. № 1. С. 26–41; *Каппелер А.* Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи; *Его же.* Как классифицировали русские источники XVI – середины XIX в. этнорелигиозные группы Волго-Уральского региона // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии: на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С. 13–38; *Его же.* Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. М.: Новое изд-во, 2004. С. 94–114; *Его же.* Образование наций и национальные движения в Российской империи; *Верт П.В.* От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимосвязь // Российская империя в российской историографии. С. 48–73; *Бахлов И.В., Напалкова И.Г.* Территориальная организация имперских систем и политические механизмы управления национальной периферией. Саранск: Изд. центр ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева, 2009.

[74] *Большакова О.В.* Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография. М.: Наука, 2008. С. 237; *Петухов А.В.* Российское государство и нерусские народы Среднего Поволжья и Приуралья: проблемы взаимоотношений в XVI–XVIII веках в освещении современной американской историографии // Национальная государственность чувашского народа: история и современность: сб. ст. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 3–10; *Бахлов И.В., Напалкова И.Г.* Поволжье-Приуралье и Сибирь в территориальном комплексе Российской им-

перии: специфика колонизации и управления // Вестник Чувашского университета: Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 8–15.

[75] *Трепавлов В.В.* Волга-матушка = Ана Идель // Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.). Тула: Гриф и К, 2011. С. 14–37; *Его же.* «Непоколебимый столп»: Образ России в XVI–XVIII вв. в представлении ее народов // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 36–46.

[76] *Таймасов Л.А.* Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья ... ; *Родионов В.Г.* Этнос. Культура. Слово / сост. А.Н. Лукина. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006; *Его же.* Ермей Рожанский: жизнь и творчество. Чебоксары: ЧГИГН, 2012; *Артемьев Ю.М.* Мятежный дух «чувашского Аввакума» // Известия НАНИ ЧР. 2000. № 1. С. 3–17; *Николаев Г.А.* Мир средневолжской поликонфессиональной деревни в аспекте отношений «свой» и «чужой»: вторая половина XIX – начало XX века. Чебоксары, 2011. (Науч. доклады / ЧГИГН; вып. 2).

[77] *Артемьев Ю.М.* XX ĕмĕр пуçламăшĕнчи чăваш литературин (1900–1917 çç.). Шупашкар, 1992; *Зеткина И.А.* Национальное просветительство в культуре народов Поволжья. Саранск, 2005; *Родионов В.Г.* Чăваш литературин, XVIII–XIX ĕмĕрсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2006; *Его же.* Этнос. Культура. Слово; *Его же.* Чувашская литература 1909–1917 годов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012; *Его же.* Социкульурная динамика чувашского этноса, XVIII – начало XX века. Чебоксары, 2010. (Науч. доклады / ЧГИГН; вып. 1.); *Его же.* Формирование этнического сознания чувашской творческой интеллигенции начала XX века. Чебоксары, 2011. (Науч. доклады / ЧГИГН; вып. 6.); *Его же.* О чувашской национальной идее как идеологии этнокультурной и политической нации // Национальная государственность чувашского народа. С. 19–27; *Васан А.В.* Избранные труды: исследования по истории чувашской литературы: методические материалы; воспоминания: письма, рецензии, стихи / сост. В.Г. Родионов, Л.Ю. Трофимов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009; *Клементьев В.Н.* Истоки государственности чувашского народа; *Герасимова Н.И.* Истоки формирования чувашской национальной интеллигенции // И.Я. Яковлев и проблемы яковлевоведения: сб. ст. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. С. 53–62; *Александров Г.А.* Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары. 1999; *Его же.* Формирование дореволюционной чувашской интеллигенции и ее идейные поиски // Проблемы национального в развитии чувашского народа. С. 220–234.

[78] *Кондратьев М.Г.* Историко-типологические координаты процессов в культуре народов Поволжья конца XIX – начала XX в. // Ренессанс Поволжья: конец XIX – начало XX вв. – период духовного возрождения народов / науч. ред. М.Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 5–18; *Трофимов А.А.* Понятие «ренессанс» и чувашская культура конца XIX – начала XX в. // Там же. С. 19–38.

[79] *Николаев Г.А.* Обновление средневолжской деревни во второй половине XIX – начале XX века: несколько этюдов общего плана // Там же. С. 181–214; *Его же.* Рыночные реалии второй половины XIX – начала XX столетия и крестьянская община чувашей (По материалам Казанской и Симбирской губерний) // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность: материалы научной конференции, Чебоксары, 5–6 октября 1999 г. Чебоксары, 2000. С. 81–103.

[80] Ретроспектива процессов модернизации государственного управления в Чувашии (60-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в.) / под. ред. Е.К. Минеевой. М.: Этносфера, 2012.

[81] *Гузенкова Т.* Указ. соч. С. 123.

[82] *Родионов В.Г.* Ермей Рожанский: жизнь и творчество; *Вишневский В.П.* Письменная культура раннего просветительства / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004; Ашмарин Н.И. Чувашская народная словесность: исследования, автобиография, воспоминания, письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003; *Краснов Н.Г.* Выдающийся чувашский педагог-просветитель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992; И.Я. Яковлев и проблемы яковлевоведения; И.Я. Яковлев – просветитель народов Поволжья и Приуралья: статьи и материалы межрегиональной науч.-практ. конференции, посвященной 160-летию со дня рождения И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2009; Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века: материалы конференции, посвященной 125-летию со дня рождения ученого. Чебоксары: ЧГИГН, 2005; *Яковлев Ю.В.* Духовное пространство Ивана Юркина: в экзистенциально-чувашском контексте и на фоне иных культурных, духовных сфер. Чебоксары: ЧГИГН, 2010; *Плечов Г.Н.* Социально-просветительные и педагогические идеи и деятельность И.Я. Яковлева: сб. ст. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008; *Беленчук Л.Н.* Советская историография концепций просвещения нерусских народов России рубежа XIX–XX вв. // Народы и власть в истории России: проблемы исследований. С. 36–58; *Димитриев В.Д.* Н.В. Ни-

кольский – чувашский ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары, 1993; *Никольский Н.В.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004; Т. 2: Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. 2007; Т. 3: Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. 2008; Т. 4: Этнографические альбомы. 2009; *Павлова А.Н.* Система Н.И. Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России (в последней трети XIX – начале XX века): учеб. пособие. Чебоксары, 2004; Гурий Комиссаров – краевед и просветитель / сост. А.А. Кондратьев. Уфа: Изд-во ТГТ, 1999; *Комиссаров Г.И.* О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова; предисл. Л.П. Куракова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003; *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. Чебоксары, 2004; *Золотницкий Н.И.* Избранные труды: статьи, лингвистические исследования, словари, письма, отчеты, разные документы / сост. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007; *Леонтьев А.П.* «Хыпар»: минувшее и настоящее: факты, события, личности, судьбы. Чебоксары: Изд. дом «Хыпар», 2011.

[83] *Кондратьев М.Г.* Яковлевоведение: современные контексты // И.Я. Яковлев и проблемы яковлевоведения. С. 5–9; *Его же.* Цивилизационные аспекты просветительской деятельности И.Я. Яковлева // И.Я. Яковлев – просветитель народов Поволжья и Приуралья. С. 6–15; *Его же.* «Чувашский феномен» конца XIX – начала XX века и просветительская деятельность И.Я. Яковлева // Центр и периферия. 2008. № 4. С. 19–24; *Хузангай А.П.* Мифологические концепты об И.Я. Яковлеве в контексте официальной идеологии, русского и чувашского национализмов: опыт реконструкции яковлевского дискурса // И.Я. Яковлев и проблемы яковлевоведения. С. 10–18; *Его же.* И.Я. Яковлев и Н.В. Никольский: опыт ретроспективного анализа исторического наследия личностей // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века. С. 7–25; *Клементьев В.Н.* Просветительство И.Я. Яковлева как фактор формирования национального самосознания чувашского народа // И.Я. Яковлев – просветитель народов Поволжья и Приуралья. С. 16–39; *Димитриев В.Д.* Об историческом значении просветительской деятельности И.Я. Яковлева // Известия Академии наук Чувашской Республики. 1993. № 1. С. 25–36; *Димитриев В.Д., Леонтьев А.П., Матвеев Г.Б.* Н.В. Никольский – ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011; *Артемьев Ю.М.* Мятежный дух «чувашского Аввакума». С. 3–17; *Его же.* Константин Иванов: жизнь, судьба, бессмертие. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 2013.

[84] *Родионов В.Г.* О типах национального мышления // Известия НАНИ ЧР, 2000. № 1. С. 18–25; *Никитина Э.В.* Чувашский этноменталитет: сущность и особенности. Чебоксары: Новое время, 2005; *Николаев Г.А.* «Чувашская натура» в воспоминаниях И.Я. Яковлева: некоторые размышления и источниковедческие заметки // И.Я. Яковлев и проблемы яковлеведения. С. 19–41; *Иванов В.П.* О некоторых аспектах историко-культурной обусловленности этнической психологии чувашей // Культурные традиции в условиях трансформации общества: материалы науч.-практич. конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Н.В. Никольского. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 39–52; *Клементьев В.Н.* Национальная психология и уровень притязаний чувашской политической элиты начала XX века // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: материалы науч.-практич. конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности и 400-летию освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (Чебоксары, 8–9 ноября 2012 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 32–42.

[85] *Изоркин А.В.* Непримиримый: Николаев (Хури) Тимофей Николаевич // Их имена останутся в истории. Вып. 1. Чебоксары, 1992. С. 6–18; *Его же.* Несбывшиеся надежды в революции: Алюнов Гавриил Федорович // Там же. Вып. 2. Чебоксары, 1994. С. 49–62; *Его же.* Невостребованный талант: Петров (Юман) Дмитрий Петрович // Там же. С. 63–73; *Его же.* Среди признанных лидеров революции: Васильев Иван Васильевич // Там же. С. 85–89; *Его же.* Пули революции безжалостны: Гаврилова Агафия Гавриловна // Там же. С. 90–96; *Александров Г.А., Изоркин А.В.* Жил в эмиграции: Николаев Семен Николаевич // Там же. С. 74–79; *Их же.* Непредсказуемость судьбы: Титов Гермоген Титович // Там же. С. 80–84; *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы; *Его же.* С.Н. Николаев: штрихи биографии секретаря Комуча // Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век: сб. ст. Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 42–69; *Леонтьев А.П.* «Хыпар»: минувшее и настоящее.

[86] *Гусаров Ю.В.* Депутат Государственной думы: Федоров Александр Федорович // Их имена останутся в истории. Вып. 2. С. 44–48; *Его же.* Общественно-политические деятели Чу-

вашии начала XX века А.Ф. и П.А. Федоровы // Личность, общество, власть в истории Чувашии. С. 5–41; *Его же*. Первые парламентарии Чувашии (К.В. Лаврский, Я.А. Абрамов) // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья: сб. ст. Чебоксары, 2008. С. 215–233; *Гусаров Ю.В., Герасимова Н.В.* Дмитрий Алексеевич Кушников // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 150–169.

[87] *Можаров Г.Г.* Об «эльменевщине» или о национал-уклонистах Чувашии // Национальная политика КПСС: исторический опыт, противоречия и проблемы перестройки. Чебоксары, 1990. С. 124–128; *Николаев В.Н., Лялина Л.В.* Д.С. Эльмень (Семенов). Его роль в становлении и развитии чувашской национальной государственности. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008.

[88] *Иванов М.И.* Даниил Эльмень: острые грани судьбы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009; *Его же*. Д.С. Эльмень – организатор Чувашской автономии, журналист и публицист (1885–1932 гг.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012.

[89] *Зорин В.Ю.* Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. С. 44.

[90] *Верещагин А.С.* Некоторые новые тенденции в изучении башкирского национального движения в годы Гражданской войны // Отечественная история. 2002. № 4. С. 116.

[91] *Изоркин А.В.* Этап зарождения и развития идеи самоопределения чувашей.

[92] *Каппелер А.* Предпосылки и развитие национальных движений в Среднем Поволжье ...

[93] *Капеллер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи. С. 402.

[94] Там же.

[95] *Немцева Т.В.* Национальное движение чувашского народа: исторический опыт создания государственности (1917–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук; *Ее же*. Некоторые особенности становления чувашского национального движения // Российская цивилизация в условиях трансформации: региональный аспект: сб. науч. трудов. Чебоксары, 2003. С. 162–182; *Ее же*. I Всечувашский военный съезд и проблема государственности чувашского народа // Сборник научных трудов докторантов, научных сотрудников, аспирантов и студентов. Вып. 8. Чебоксары: ЧГПУ, 2000. С. 129–133.

[96] *Щербаков С.В.* Экстерриториальная автономия в национальном самоопределении чувашского народа в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары: ЧГУ, 2012.

[97] *Щербаков С.В.* Национальное самоопределение чувашского народа в начале XX века: идеологический аспект. Чебоксары: Новое время, 2013.

[98] *Клементьев В.Н.* Истоки государственности чувашского народа.

[99] *Изоркин А.В.* О деятельности Чувашской организации партии социалистов-революционеров в 1903–1910 гг.

[100] *Макаревский В.В.* Возникновение и деятельность организаций партии эсеров в Чувашском крае (1904–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1997; *Его же*. Политическая и социальная деятельность чувашских организаций партии социалистов-революционеров (1904–1918): учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008.

[101] *Михайлова Е.М.* Черносотенцы в Чувашии: численность, социальный состав, деятельность // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. ст. / ЧГИГН. Вып. 3. Чебоксары, 2004. С. 113–127; *Ее же*. Идеология правых партий и организаций Поволжья начала XX века: региональный аспект // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 18–34; *Ее же*. Национальный вопрос в идеологическом дискурсе начала XX века: региональный аспект // Национальная государственность чувашского народа: история и современность: сб. ст. С. 28–37; *Ее же*. Черносотенные организации Среднего Поволжья в 1905–1917 гг. Чебоксары: Клио, 2008.

[102] Лишь справочная информация о них дается в опубликованных в «Чувашской энциклопедии» статьях Ю.В. Гусарова, А.В. Изоркина и В.Н. Клементьева.

[103] *Немцева Т.В.* Образование первых чувашских национальных организаций и их деятельность // Сборник научных трудов докторантов, научных сотрудников, аспирантов и студентов. Вып. 9, т. 1. Чебоксары: ЧГПУ, 2001. С. 116–121; *Щербаков С.В.* «Кружок деятелей по образованию чуваш» 1906 г. и его роль в истории национального движения // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2011. № 3 (71). Ч. 1. С. 232–237; *Изоркин А.В.* Союз чувашских учителей и деятелей просвещения // Чувашская энциклопедия. Т. 4: С(и)–Я. С. 91; *Гусаров Ю.В.* Союз учительский общечувашский // Там же. С. 90; *Его же*. Союз чувашской учащейся молодежи // Там же. С. 91; *Клементьев В.Н.* Союз мелких народностей Поволжья // Там же. С. 89; *Его же*. Чувашское национальное общество // Там же. С. 594.

[104] *Изоркин А.В.* От зарождения идеи самоопределения до образования автономии; *Немцева Т.В.* I Всечувашский военный съезд и проблема государственности чувашского народа;

Ее же. Роль чувашского национального движения в истории образования Татаро-Башкирской республики // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2001. № 4. С. 57–60; *Клементьев В.Н*. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация чувашей (ноябрь 1917–1919 годы) // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 23–44; *Щербаков С.В*. Позиция чувашских и марийских национальных деятелей в вопросе образования Татаро-Башкирской республики (по материалам РГУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики») // Историк и время: проблемы истории и историографии народов Поволжья, Марий Эл: материалы науч. конференции. Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. С. 151–158.

[105] *Минеева Е.К*. Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа (1918–1925 годы). Чебоксары: Изд-во Л.А. Наумова, 2007; *Ее же*. Наркомнац и становление Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик: исторический опыт и уроки. Чебоксары, 2007; *Ее же*. Наркомнац РСФСР: цели, задачи, структура // Вестник Чувашского университета. 2006. № 7. С. 23–33; *Ее же*. Наркомнац и формирование национального самосознания чувашского народа // Чувашская Республика на рубеже тысячелетий ... С. 52–54; *Ее же*. Деятельность Чувашского отдела Наркомнаца РСФСР по формированию национального самосознания чувашского народа // Народы России на переломе эпох (XX – начало XXI вв.). Казань: КГТУ, 2005. С. 136–140; *Ее же*. Деятельность Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР среди крестьян края: особенности переходного периода // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: материалы VIII межрегиональной науч.-практ. конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 496–506.

[106] *Чеботарева В.Г*. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003.

[107] *Минеева Е.К., Щербаков С.В*. К вопросу о возникновении Казанского комиссариата по чувашским делам (март – апрель 1918 года) // Национальная государственность чувашского народа: история и современность. С. 59–67; *Клементьев В.Н*. Отдел по делам национальностей Казанского губернского исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его деятельность (1918–1920 гг.) // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья: сб. ст. Чебоксары, 2008. С. 297–310.

[108] *Изоркин А.В*. Национально-государственное строительство Чувашской АССР за 70 лет. С. 17; *Александров Г.А*. С.Н. Николаев: штрихи биографии секретаря Комуча. С. 42–69; *Макаревский В.В*. Политическая и социальная деятельность чувашских организаций партии социалистов-революционеров. С. 112–116; *Леонтьев А.П*. Провозвестник чувашской печати: к 100-летию первой всечувашской газеты // ЛИК Чувашии. 2005. № 4. С. 148–150; *Лапандин В.А*. Эсеровские политико-государственные образования в России в годы Гражданской войны. Комитет Всероссийского Учредительного собрания (июнь 1918 – январь 1919 гг.): исторические источники. Т. 1. Самара, 2006. С. 134.

[109] *Клементьев В.Н*. Чувашия: от автономной области к республике; *Минеева Е.К*. Наркомнац и становление Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик ... ; *Иванов В.П., Клементьев В.Н*. Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010.

[110] *Клементьев В.Н*. Образование Чувашской автономной области: этнотерриториальный аспект // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии ... С. 352–361; *Его же*. Чувашия: от автономной области к республике; *Его же*. Установление административной границы Чувашии с Марийской республикой (1920–1941 гг.) // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. ст. / ЧГИГН. Вып. 4. Чебоксары, 2006. С. 78–143; *Его же*. Административное размежевание между Чувашией и Татарской республикой (1920–1925): проекты и решения // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. ст. / ЧГИГН. Вып. 5. Чебоксары, 2012. С. 95–129; *Орлов В.В*. Малоизвестные страницы из истории чувашско-марийских этнотерриториальных споров 1920-х годов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2006. № 3. С. 21–29; *Минеева Е.К*. Административные границы Чувашской автономии с Ульяновской губернией в 20-е годы XX века // Вестник Ленинского мемориала. Вып. 9. Ульяновск, 2007. С. 398–410.

[111] *Клементьев В.Н*. Деятельность государственных органов Чувашии по поддержке и развитию нетитульных национальностей республики (1924–1930 гг.) // Проблемы национального в развитии чувашского народа. С. 53–70; *Минеева Е.К*. Политика Советской России в отношении национальных меньшинств в 20–30-е годы XX века (на примере Марийской, Мордовской и Чувашской автономий) // Социокультурные аспекты стратегического развития региона: материалы IV региональной науч. конференции. Чебоксары: Новое время, 2008. С. 101–109.

[112] *Клементьев В.Н.* Чувашия и проекты укрупнения регионов РСФСР в первой половине 1920-х гг. // Чувашский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 21–37; *Его же.* Проекты административно-территориальной реформы внутриобластного районирования Чувашии (первая половина 1920-х гг.) // Становление и развитие парламентаризма в России: материалы Всероссийской науч.-практ. конференции, 30–31 марта 2006 г. Чебоксары, 2006. С. 102–112; *Минеева Е.К.* Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е годы). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009; *Орлов В.В.* Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX века. М., 2009.

[113] *Клементьев В.Н.* Формирование советской системы в Чувашии: начальный этап (ноябрь 1917 г. – первая половина 1920 г.) // Личность, общество, власть в истории Чувашии. С. 70–127; *Его же.* Советы Чувашии и массовая коллективизация деревни (1929–1932 гг.): переосмысление традиционных подходов // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке: преобразования, проблемы и перспективы развития: сб. ст. Чебоксары, 1997. С. 64–78; *Его же.* Избирательные кампании в Советы Чувашии второй половины 1920-х годов как отражение политических противоречий нэпа // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 3. С. 142–194.

[114] *Ратникова А.Р.* Деятельность волисполкомов на территории Чувашии в 1917–1927 гг.: исторический опыт и уроки: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары: ЧГУ, 2011.

[115] *Минеева Е.К.* Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР ...

[116] *Орлов В.В.* Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии ...

[117] *Димитриев И.А.* Политика коренизации органов исполнительной власти Чувашской автономной области (1920–1925) // Национальная государственность чувашского народа: история и современность. С. 94–97; *Клементьев В.Н.* Из практики реализации национально-языковой политики в Чувашской автономной области (1920–1925 гг.) // Российская тюркология. 2012. № 2 (7). С. 82–91; *Его же.* Проблемы конструирования системы местных бюджетов в практике национально-административного строительства Чувашской автономной области (1921–1925) // Чувашский гуманитарный вестник. 2012. № 7. С. 34–51.

[118] Законы и постановления о Советах Чувашской АССР (1920–1987 гг.): документы и материалы / сост. В.А. Нестеров; редколлегия: А.П. Петров, Л.П. Петров, С.М. Ислюков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989.

[119] *Клементьев В.Н.* Формирование и развитие советской государственности Чувашии (ноябрь 1917–1993 гг.) // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия. С. 47–76.

[120] *Клементьев В.Н.* Советы Чувашии на завершающем этапе формирования административно-командной системы (1930–1936 гг.) // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. ст. / ЧГИГН. Вып. 1. Чебоксары, 1997. С. 130–151.

[121] *Назарова А.И.* Городские советы Чувашской АССР в 1946–1964 гг.: формирование и состав депутатского корпуса: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2005; *Титова И.В.* Верховный Совет Чувашии (1938–1994): формирование, состав, основные направления деятельности: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007.

[122] *Бойко И.И.* О некоторых проблемах социально-экономического и политического развития советской и постсоветской Чувашии в исследованиях 1990-х – начале 2000-х годов // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья. С. 113.

[123] *Тимофеев В.Г.* Высшие органы государственной власти и управления Чувашской ССР (1989–1990 гг.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992.

[124] *Волкова Е.В.* Развитие местного самоуправления в России: вторая половина 1980-х–первая половина 1990-х годов: на материалах Чувашской Республики: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГПУ, 1998.

[125] *Бойко И.И.* К проблеме становления гражданского общества: на примере Чувашской Республики // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия. С. 77–92; *Его же.* Политические настроения в Чувашии в период «оттепели» (1954–1964 гг.) // Личность, общество, власть в истории Чувашии. С. 195–209; *Его же.* Чувашская областная (республиканская) организация КПСС (КП РСФСР) в условиях политического противостояния: опыт и уроки 1985–1991 годов // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 45–60.

[126] *Минеев А.И.* Чувашский Совнархоз в 1957–1962 годы: организация, кадровый состав, управление промышленностью: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары: ЧГУ, 2012.

[127] *Хузангай А.П.* Тяжба о России // Советская Чувашия. 1991. 13 ноября; *Его же.* «Ловушка для республик...» // Там же. 1992. 27 марта; *Его же.* Евразиец Сахаров и нынешние демократы // Там же. 1992. 16 июня. См. также: *Тарасов С.* О чем мечтают этнократы // Советская Чувашия. 1992. 8 июля; *Хузангай А.* «Лозунг "Чувашия для чуваш"» мне кажется просто глупым // Чăвашъен. 1991, 25 апреля – 2 мая; *Кибеч А.* Этюды о чувашском // Советская Чувашия. 1992. 28 июля; *Алексин В.* Язык до штрафа доведет // Советская Чувашия. 1996. 11 декабря.

[128] *Филиппов В.Р.* Чувашия девяностых: этнополитический очерк. М., 2001. С. 119, 196; *Его же.* Грезы о «Большой Чувашии» // Этнографическое обозрение. 1995. № 6. С. 111–118.

[129] *Иванов В.П.* Этническая карта Чувашии: расселение, численность и межэтническое взаимодействие титульной нации и этнических групп на территории республики. Чебоксары, 1997; *Его же.* Чувашский этнос; *Его же.* Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005; *Его же.* Этническая история чувашского народа: научный очерк. Чебоксары, 2010. 88 с.; *Его же.* Проблемы этнографии чувашского народа: избранные труды. Чебоксары: Фонд историко-культурологич. исследований им. К.В. Иванова, 2012; *Иванов В.П., Клементьев В.Н.* Образование Чувашской автономии.

[130] *Иванов В.П.* Современная этнополитическая ситуация в Чувашской Республике и проблемы ее оптимизации: из опыта проектных разработок концепции региональной политики и программы ее реализации. Чебоксары, 1999.

[131] *Шабунин Д.М.* Политическая трансформация региона: изменение государственных институтов и конституционный процесс в Чувашской Республике. Чебоксары, 1999.

[132] *Захаров Д.А.* Национальная государственность Чувашии в условиях распада Советского Союза и становления российского федерализма (1990–1993 гг.): монография. Чебоксары: Атолл, 2006. С. 8.

[133] *Ильин И.Е.* Межнациональные отношения в Чувашии: этносоциальные проблемы переходного периода // Проблемы национального в развитии чувашского народа. С. 127–138; Чувашская Республика: социокультурный портрет / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. Чебоксары: ЧГИГН. 2011; *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* Чувашская Республика // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 345–353; *Семедова-Полупан Н.Г., Шабунин Д.М.* Чувашия глазами социологов: опыт социологического исследования: в 2 ч. Саратов: Буква, 2013.

[134] *Карпов А.В.* Изменения в избирательной системе Российской Федерации в конце XX – начале XXI в.: на примере института президентства в Чувашской республике // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии ... С. 371–381; *Его же.* Избирательные кампании и референдумы 1991–2008 годов в Чувашии: анализ общественно-политических результатов // Национальная государственность чувашского народа. С. 154–158; *Шумилов А.В.* Электоральная география: региональное пространство. Чебоксары, 2009.

[135] *Линик Л.Н.* Становление и развитие избирательной системы Чувашской Республики. Чебоксары: ИПК «Чувашия», 2003.

[136] *Филиппов Н.К.* Республики в составе Российской Федерации: конституционные аспекты взаимоотношений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997; *Его же.* Конституционное развитие республик – субъектов Российской Федерации. Чебоксары: Салика, 1998; *Ухтияров А.И.* Конституционный процесс в Чувашии: практика, проблемы, теория. Чебоксары: ИПК «Чувашия», 2007.

[137] *Захаров Д.А.* Институт президентства в Чувашии (1991–2000 гг.). Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2004; *Его же.* Национальная государственность Чувашии в условиях распада Советского Союза ... ; *Его же.* Формирование и деятельность Государственного совета Чувашской Республики (1994–2003 гг.) // Личность, общество, власть в истории Чувашии. С. 210–245.

[138] *Андреев В.В.* Республики Волго-Вятского экономического района в условиях модернизации российской государственности. М.: МИРОС, 2003; *Его же.* Национально-государственное строительство в Среднем Поволжье на рубеже XX–XXI веков: исторический опыт и уроки. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2009.

[139] *Данилов В.Д.* Очерки новейшей политической истории Чувашии. Чебоксары: Новое время, 2006; *Данилов В.Д., Малышкин А.П., Димитриев И.А.* Время перемен: социальная мо-

дернизация и демократический транзит в Чувашии, 1990–2010 гг. Чебоксары: Новое время, 2011 и др.

[140] История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1: 1917–1945. Чебоксары, 2001; Кн. 2: 1945–2005. Чебоксары, 2009; Чуваши: история и культура: в 2 т. / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009.

[141] *Николаев И.В.* Историко-правовые аспекты формирования чувашской государственности. Чебоксары, 2000; История государственного управления Чувашии / *А.П. Данилова, И.Г. Голышев, И.А. Димитриев, В.А. Павлов*. Чебоксары, 2007 и др.

[142] См.*: Щербаков С.В.* Анализ современной историографии образования Чувашской автономии: на примере работ А.В. Изоркина // Проблемные вопросы регионоведения: материалы международной. научн.-практ. конференции. Ч. 1. Чебоксары: ЧГПУ, 2010. С. 168–177.

Глава 2

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЧУВАШСКОГО ЭТНОСА

Этническая история чувашей (IX – первая половина XVI в.). Чувашский народ в системе этноконфессиональной политики Российского государства (вторая половина XVI – первая половина XIX в.).

Современная этноадминистративная карта Чувашской Республики сформировалась в результате сложных и длительных этногенетических миграционных процессов. В науке утвердилось мнение, что наиболее вероятной прародиной древнейших предков чувашских племен являлась Центральная Азия[1].

Пройдя через длительные этапы этнической эволюции и территориальных перемещений, у предков современных чувашей – болгар и сувар – в VII–VIII вв. появились зачатки этнической государственности на Северном Кавказе (Великая Болгария и Суварское княжество). Переселившись в Среднее Поволжье, в VII–VIII вв. они создали Болгарский союз племен, в который вошли и местные финские племена – предки марийцев, удмуртов, восточной мордвы, коми-пермяков, а также современных венгров[2].

В конце IX в. основывается государство Волжская Болгария, занимавшая в период своего расцвета обширную территорию современных Самарской, Ульяновской и части Пензенской областей, закамских и юго-западных районов Татарстана и юго-восточных районов Чувашии. К рубежу XII–XIII вв. северная часть Волжской Болгарии доходила до р. Казанки, восточная – рек Яик (Урал) и Белая, южная – Жигулей, западная охватывала правобережье Волги, выступая до рек Сура и Ока[3]. В X – начале XII в. в процессе этнополитической консолидации тюркоязычных болгарских и суварских племен, ассимиляции ими части финно-угорского населения шло формирование болгарской древнечувашской народности[4]. Волжская Болгария являлась государством с высокоразвитым для своего времени хозяйством, политикой и культурой, стоявшим по уровню социально-экономического и культурного развития на уровне Киевской Руси и феодальных государств Западной Европы. На болгарской земле было построено множество (до 38) городов, военных крепостей. Считается, что по количеству населения ее главные города Болгар и Биляр превосходили крупнейшие города тогдашней Руси (за исключением Киева).

С официальным принятием правителем Волжской Болгарии Алмушем в 922 г. ислама она стала мощным геополитическим фактором средневековой европейской политики как посредника между мусульманским Востоком и христианской Восточной Европой.

Древнечувашский язык являлся государственным языком Волжской Болгарии. Он использовался в законодательстве, управлении, судопроизводстве, богослужении, литературе и межэтнических взаимоотношениях и оказал значитель-

ное влияние на народы, входившие в Волжскую Болгарию: в марийский язык вошло 1500, в удмуртский – более 500, в коми-пермяцкий – свыше 300, в мордовский – 100 с лишним чувашских слов[5].

Монголо-татарское завоевание Волжской Болгарии в 1236 г. ликвидировало государственность предков чувашей. Города и сотни селений были разрушены, огромное количество людей перебито. Территория Среднего Поволжья включается в Золотую Орду как Болгарский улус. Довершили процесс разрушения походы золотоордынских ханов и эмиров в конце XIV–XV в., Тамерлана в 1391 и 1395 гг., русских князей и ушкуйников, но более всего – Мангытского (Ногайского) юрта во главе с Едигеем, когда было уничтожено более 32 городов, около 2000 селений, четыре пятых болгаро-чувашского населения, основная часть его элиты и духовенства. Оставшиеся в живых болгаро-чуваши («худые болгары», по Казанскому летописцу) перебежали в среду марийских племен: половина – в центральную и северную Чувашию, другие – в Приказанье и Заказанье, где они в последующем в значительной мере были отатарены. Беженцы-чуваши, испытав погромы со стороны мусульман, в новых местах вернулись к полузабытым языческим верованиям[6]. Массовое перемещение болгаро-чувашей в зоны традиционного расселения финно-угров дало новый импульс ассимиляционным процессам: консолидации языческого болгарского населения в отдельную этноконфессиональную группу и культурно-языковому смешению мусульманской части болгар с прибывающими в край кыпчако-татарами.

В Казанском ханстве выделившиеся в 1438 г. из Золотой Орды болгары-чуваши в массе своей составили сословие ясачных людей. «Ясачные чуваши» несли в пользу казанских ханов более 20 видов различных поборов и повинностей. Горная сторона Казанского ханства, расположенная на границе с лесостепью, подвергалась постоянным грабительским набегам со стороны других татарских орд[7]. В «Казанский период» (1445–1551) резко усиливается приток в левобережные районы Поволжья кыпчакоязычного населения, которое со временем начинает доминировать как в политическом, так и в культурно-языковом отношении. В XV в. из источников исчезает этноним «болгары», название «татары» окончательно переходит к мусульманскому населению Среднего Поволжья. В источниках в подавляющем большинстве упоминаются черемисы, которыми обозначалось вообще все нетатарское население Поволжья[8]. К началу XVI в. в результате сложнейших этноконсолидационных и миграционных процессов в междуречье Аниша, Кубни и Свияги и на левобережье – в Приказанье и Заказанье – формируется ядро имеющей все необходимые этноспецифические признаки самостоятельной и внутренне достаточно консолидированной этнической общности – народности с этнонимом «чăваш» (чуваш). Ее основой послужило не принявшее ислам (и отпавшее от него) болгаро-суварское земледельческое население, вобравшее в себя некоторое количество марийцев[9].

Рельефно выраженный бинарный (тюркский – финно-угорский) состав чувашского этноса и связанное с этим относительно позднее (лишь к началу XVI в.) появление самого этнонима «чуваши» обусловили сравнительно позднюю локализацию в источниках основной этнической территории чувашей на левобережье Волги (в Заказанье и Приказанье) и на правобережье (в междуречье Свияги, Суры и Волги)[10]. Междуречье Волги, Суры и Свияги становится основным ареалом обитания этноса, который со временем стал признаваться «материнской» родиной всего чувашского народа[11].

Вхождение в 1551 г. чувашей в состав Московского государства имело двоякие историко-политические, культурные, этногеографические и этнодемографические последствия. С одной стороны, с учетом последовавшего затем обращения чувашского народа в православие и инкорпорации в Русское государство, народ был избавлен от исламизации и, как следствие, реальной перспективы исчезновения как этноса (по оценке авторитетного исследователя В.Д. Димитриева, после вхождения чувашского народа в состав России в дореволюционный период обрусения чувашей не происходило, а значительная их доля – примерно до 40% – отатарилась, приняв ислам[12]). Чуваши в составе огромной по размерам России получили практически неограниченные возможности для расширения территории своего обитания, в том числе путем расселения на ранее оставленных их предками землях в Средневолжском регионе[13]. С другой стороны, принудительная христианизация, искоренение традиционного религиозного мировоззрения, изменение основ жизнеустройства, иные цивилизационные ориентиры (интенсивное усиление воздействия на чувашей славяно-христианского культурного мира) оказывали стрессовое, кризисное, переломное влияние на судьбу чувашского народа: ломали исторически сложившиеся миропонимание и мировоззрение.

Но и для самой России присоединение Среднего Поволжья стало переломным в ее истории: существовавший с болгарского периода полюс восточноевропейской истории, который ориентировался на Азию, передвинул центр Русского государства на восток. Русь приняла наследство Среднего Поволжья в качестве торгового и культурного посредника между Средней Азией и Европой. Московское государство стало также преемником многонациональных государств Среднего Поволжья и окончательно трансформировалось из державы с преобладанием восточнославянских признаков в полиэтническое Русское государство[14].

Вторая половина XVI–XVII в. характеризовались включением региона Среднего Поволжья в экономическую, политическую и социальную структуру Московского государства, русской колонизацией вновь присоединившихся земель. Для укрепления своих позиций московское правительство возвело в Чувашии целый ряд городов-крепостей (Чебоксары, Цивильск, Ядрин). Они являлись военно-административными пунктами, проводившими политику царского правительства среди населения Чувашского края и осуществлявшими административный контроль над ним. Вместе с тем города являлись ремесленно-промысловыми и торговыми центрами, обслуживавшими край и связывавшими его экономику со всероссийским рынком. Русским помещикам и монастырям отошла часть общинных земель чувашских крестьян. «Государственный» тип феодальных отношений, господствовавший в Чувашии задолго до середины XVI в., сохранялся и после вхождения ее в состав России. Чувашские крестьяне платили ясак в царскую казну и несли многочисленные повинности. Феодальная прослойка из чувашей (окружные князья, сотенные и десятные князьки и тарханы) приравнивались к русскому служилому сословию[15].

В это же время происходит процесс политико-административной интеграции Чувашии в Московское царство, регион становится частью единой политико-административной системы России. На народы Поволжья была распространена управленческая практика, существовавшая в центральных областях России. Для управления населением Поволжского региона был создан приказ Казанского дворца[16]. В начале XVII в. территория Чувашии входила в состав Чебоксарского, Сви-

яжского, Курмышского, Ядринского, Цивильского, Козьмодемьянского, Кокшайского и Алатырского уездов. Чуваши, проживавшие в левобережной части Среднего Поволжья, входили в Казанский уезд (в начале XVII в. в этом уезде числилось около 200 чувашских деревень, рассеянных среди татарских и марийских поселений)[17]. Во главе уездного административно-судебного, военного и отчасти хозяйственного аппарата стояли воеводы, при которых содержались съезжие (приказные) избы. Для управления чувашскими крестьянами и суда над ними определялись так называемые татарские головы. В каждом уезде Чувашии правительство учредило аманатные дворы, где содержались заложники ясачных людей, отвечавшие головой за поведение односельчан и уплату ими ясака[18].

Господствующее положение в региональном управлении занимала русская военная и гражданская администрация. Но потребность в тесных повседневных контактах с коренными жителями обусловила необходимость привлечения в нижнее звено управления представителей местного населения. По установившейся еще в Казанском ханстве системе волостными сотниками назначались представители чувашской феодальной прослойки (до середины XVII в.), во главе отдельных деревень или групп селений ставились выборные старосты из ясачных крестьян[19].

Если в административном устройстве Чувашского края действовала как общая закономерность тенденция к централизации и политической интеграции, когда регион становился частью единого политико-административного пространства, то в системе этносоциальных отношений переплетались дискриминация и привелегирование его населения, которые вплоть до XVIII в. в какой-то степени уравновешивали друг друга. Жизненный уклад и внутриобщинные отношения у чувашей оставались в неприкосновенности, по отношению к ним проводилась политика веротерпимости и осторожного миссионерства. Чувашские ясачные крестьяне оставались лично свободными. За счет освоения Дикого поля значительно расширилась территория, освоенная чувашами. Переселявшиеся в Дикое поле служилые чуваши имели льготы.

Вместе с тем осуществляется сегрегация нерусского населения, о чем свидетельствуют изменения в этнической терминологии, касающейся нерусских народов Поволжья, в русских летописях. В начале XVII в. она принципиально остается такой же, как после завоевания Казани: сохраняется этноним «черемисы» и попрежнему в терминах «татары» и «чуваши» этнические критерии сливаются с социальными. Но появляются религиозные разграничительные критерии в терминах «новокрещены» (ясачное нерусское население, принявшее христианство) и «крестьяне» (русское православное земледельческое население). Начиная с 40-х гг. XVII в. и все чаще в последней его трети в качестве общего названия для нерусских народов Поволжья употребляется термин «иноземцы», с середины XVII в. появляется понятие «иноверцы». Таким образом, в XVII в. московское правительство видит в национальностях Среднего Поволжья отличный от русских компонент, причем все большее значение по сравнению с географическим и социальным приобретают этнический и религиозный критерии[20].

Исходя из интересов военной безопасности и стремления извлечь максимальную выгоду из налогов и военной службы нерусских подданных, национальная политика московских царей тем не менее отличалась прагматизмом, гибкостью и терпимостью. Центральная власть в своих указах подчеркивала, что администрация на местах должна обращаться с подвластными «иноверцами» «ласково и

приветом»[21]. Но с точки зрения присоединенных народов владычество России рассматривалось как насильственное господство чужаков, стремящихся навязать им свои административные и социальные порядки, а в более отдаленной перспективе и свою религию и культуру[22]. К тому же русская политика по отношению к национальностям определялась не только тем, какие цели ставило московское правительство, но и тем, как она реализовывалась на местах. Воеводы уездных городов и их администрация с помощью насилия, взяточничества и мошенничества преследовали свои личные цели обогащения за счет практически беззащитных «иноверцев». Вкупе с интересами и действиями русских помещиков, стремившихся к расширению своего землевладения за счет ясачных крестьян, а также церкви и монастырей, преследовавших экономические и миссионерские цели, это вело к возникновению сильнейшего потенциала социального протеста среди нерусских народов Поволжья. Как следствие вышеназванного в Смутное время в 1606 г. в Чувашии началось мощное народное восстание, которое продолжалось до 1610 г., затихая лишь на время уборочной страды. В 1615 г. стихийное недовольство крестьян усилением податного гнета переросло в открытое восстание, охватившее все Среднее Поволжье. В нем участвовали наряду с татарскими, марийскими, мордовскими, удмуртскими и чувашские крестьяне. Восстание было подавлено в 1616 г.[23] Чуваши, мордва и татары в значительной мере сформировали массовую основу среди повстанцев под предводительством С. Разина.

Крупномасштабные вооруженные выступления были только высшей ступенью в целой шкале различных форм сопротивления господству центральной власти. Уклонение от налогов и повинностей, местные вооруженные акции локального значения, подача бесчисленных челобитных властям, уход в неконтролируемые государством регионы (в XVII в. бегство и переселение чувашей в Закамье, Приуралье, Самарский и Саратовский края приняло значительные размеры) и т.п. являлись свидетельством мощного протестного потенциала. Эти формы волнений выражали не только общий социальный и политический протест против централизованного государства и его «региональных наместников», но и протест против чуждого национального гнета («они хотят жить по-своему» – так говорилось в одном из летописных источников XVII в.)[24]. Однако, по мнению А. Каппелера и В.В. Трепавлова, в этот период включенные в состав России народы Среднего Поволжья стремились не к восстановлению своей независимости, а к сохранению гарантированных им Москвой прав и привилегий[25].

Царское правительство, напуганное восстаниями, было вынуждено пойти на проведение ряда мер, ограждающих права нерусских народов Среднего Поволжья. Сбор ясачных поборов возложили на выборных людей из самих крестьян. В 1685 г. был издан особый наказ о переписи и размежевании мордовских, марийских и чувашских земель, которым предусматривался возврат ясачных земель, захваченных русскими помещиками «сверх своих дач»[26].

Политика комплиментарности, характерная для всего периода Московского царства и отличавшаяся тем, что по отношению к народам Среднего Поволжья в целом соблюдался статус-кво, уважались традиционные права, социальные структуры и их система ценностей, продолжалась до Петровских реформ[27]. В XVIII в. Русское государство перешло к генеральному наступлению на особое положение нерусского населения Среднего Поволжья. Необходимость мобилизации ресурсов для победы в Северной войне, а также выбранная в качестве образца для подража-

ния модель западноевропейской модернизации (централизованное, отрегулированное государство) резко ускорили процессы социальной, административной, экономической и социокультурной унификации региона. Первая четверть XVIII в. прошла под знаком социального выравнивания присоединенных народов Поволжья. Вначале было доведено до конца наступление на элиту. Петр I ликвидировал сословие чувашских сотенных и десятных князьков, тарханов и служилых чувашей, переводя их в разряд государственных крестьян. Одновременно ясачных и служилых чувашей уравняли с русскими государственными крестьянами. В 20-х гг. XVIII в. они были включены в разряд государственных крестьян.

Наряду с этим петровская Россия завершила административную инкорпорацию Среднего Поволжья: унификацию его юридического статуса с другими территориями, установление единого стандарта подданства и управления. Важнейшее значение имело установление, основанной на территориальном принципе губернской формы устройства. Реформой 1708–1710 гг. были учреждены губернии во главе с губернатором, облеченным большими полномочиями и объединившим в своих руках всю административную, финансовую, судебную и военную власть. По губернской реформе Петра I территория Чувашии в 1708 г. вошла в состав Казанской губернии, затем часть ее отошла к Нижегородской губернии, выделенной из Казанской в 1714 г. В 1719 г. губернии были подразделены на провинции, включавшие несколько уездов. Современную Чувашию составляли полностью Чебоксарский и Цивильский, частично – Свияжский, Козьмодемьянский и Кокшайский уезды Свияжской провинции, несколько селений Казанского и часть Симбирского уездов Казанской губернии, целиком Ядринский и части Курмышского и Алатырского уездов Алатырской провинции Нижегородской губернии. Уезды по-прежнему делились на волости и станы. Такое административное деление просуществовало до областной реформы, проведенной в Среднем Поволжье в 1780–1781 гг. В 1780 г. была учреждена новая губерния – Симбирская, а в 1781 г. преобразована Казанская. Территория Чувашии оказалась в составе этих двух губерний. Были изменены границы прежних уездов, созданы новые уезды, а некоторые вовсе ликвидированы (например, Кокшайский). В пределах Чувашии теперь были Чебоксарский, Цивильский, Ядринский, частично Козьмодемьянский и Тетюшский уезды Казанской губернии, Курмышский, Алатырский и Буинский уезды Симбирской губернии[28]. Деление на губернские административные единицы имело свои положительные и отрицательные стороны. Позитивной чертой признается наличие твердых границ с устоявшимися внутриадминистративными и социально-культурными отношениями. Однако самодержавие не заботилось о совпадении административно-территориального устройства с реальной картиной расселения народов. Поэтому чуваши в ходе губернского разграничения оказались раздробленными: части этноса оказались в разных губерниях и уездах.

Процессы инкорпорации и унификации охватили и низшее звено управления. Уже во второй половине XVII в. в чувашских селениях установилась в целом такая же система сельских должностных лиц, какая существовала в русских селениях вообще и в черносошных уездах в особенности. В XVIII в. все более суживалось действие обычного права чувашей. Чиновники принуждали чувашских крестьян по самым незначительным поводам обращаться к судебному разбирательству в официальные органы, к суду по форме. Незнание законов и русского языка создавало для чувашей неимоверные трудности в судах[29].

Проявлением политики «имперского поглощения» региона стала массовая и недобровольная христианизация чувашей. Во второй половине XVI–XVII вв. московское правительство в религиозном вопросе придерживалось политики осторожного миссионерства. С реформ Петра I начинается новый этап религиозной политики государства: в имперском мышлении правящей верхушки православие стало рассматриваться как стержневая основа этноконфессиональной интеграции российских народов в контексте идеи «один царь и один Бог»[30]. Ради утверждения государственной религии власти пошли на широкое использование в практике христианизации, наряду с методами стимулирования, мер принуждения иноверцев к принятию православия. Указ 11 сентября 1740 г. императрицы Анны Иоанновны дал сигнал фронтального наступления на систему традиционных религиозных ценностей народов Поволжья. Чувашское население оказывало упорное сопротивление христианизации, восставало, распускало антицерковные слухи, бежало от крещения в Приуралье и Самарский край. В Чебоксарском уезде это движение даже приняло своего рода организационно-политическую форму выражения. Специально выехавший в Москву представитель этого уезда крестьянин Охадер Томеев «от всех поданному по выбору» чуваш направил обращение в Синод на имя императрицы Елизаветы Петровны, в котором просил, чтобы чувашей «под неволею крестить не повелено было». Как видно из прошения, чуваши Чебоксарского уезда ходатайствовали об установлении взамен воеводского, особого автономного управления из трех лиц для сбора податей, охранения их от всяких «обид и полог», управления ими с использованием родного языка. Они выступали за христианскую проповедь на родном языке, за проведение обряда крещения людьми, знающими чувашский язык, и при участии чувашей, отвергали насильственную христианизацию[31]. Движение против принудительного крещения чувашей и вообще насилия в управлении ими, возглавляемое О. Томеевым, своего рода было феноменальным явлением. Оно свидетельствовало о стихийных проблесках элементов национального самосознания и политического мышления чувашей.

Несмотря на все протесты, принудительное крещение не только не было приостановлено, но и усилено. И уже в 1750 г. значительная масса чувашского населения (в количестве 175 тыс. чел.) была христианизирована[32]. Таким путем государственная власть пыталась поставить под свой контроль не затронутую прежде сферу представлений о ценностях, добиться полной этнокультурной интеграции чувашей в православие и в конечном итоге русифицировать их. На первый взгляд, христианизация прошла с большим успехом и привела к усилению государственного контроля, который теперь также охватил социально-культурную сферу и мировоззрение чувашей и окончательно достиг уровня деревни (в крупные поселения направлялись русские священники). Но энергичная политика христианизации не достигла своей конечной цели. Смена языческой религии носила чисто формальный характер и лишь слегка изменила религиозные представления народа. Сложился языческо-православный синкретизм чувашских верований: народ внешне принимал новые «ценности», но сохранял и оберегал от «чужаков» свое духовное начало для внутреннего потребления[33].

Результаты насильственной христианизации охарактеризовал в 1776 г. консервативный государственный деятель и историк М.М. Щербатов, который констатировал: язычников крестили против их воли и поэтому «они остаются внут-

ренне по-прежнему идолопоклонники»[34]. Таким образом, несмотря на значительный внешний перелом, который принесла христианизация, социально-культурный облик чувашского народа почти не изменился. Внутренняя приверженность к «старой» вере, унаследованные социальные отношения и язык продолжали интегрировать народ и составляли существенный фактор его этнической идентичности, сдерживая процесс аккультурации.

Агрессивное вмешательство имперского государства в исторически сложившиеся социокультурные структуры и ценности пробудили мощные силы сопротивления. Как низшая ее форма – многочисленные прошения и жалобы чувашских крестьян. В 60-е гг. XVIII в. у народов Среднего Поволжья появилась возможность довести до Петербурга свои заботы и чаяния. Это – массовая подача «сказок» комиссии во главе с А.И. Свечиным, работавшей в 1763–1765 гг. Всего А.И. Свечин принял 264 «сказки» от чувашских, татарских, русских, марийских, мордовских и удмуртских крестьян, причем наибольшее число обращений было подано чувашами. Почти все «сказки» были коллективными, т.е. подавались от имени многочисленной группы жителей[35]. Другим крупным событием, вызвавшим волну социального протеста чувашского населения, явился созыв в 1767 г. Комиссии о сочинении проекта нового уложения (Уложенной комиссии). Чувашские крестьяне послали в комиссию 5 депутатов с наказами. В наказах в Уложенную комиссию и докладе А.И. Свечина отразились специфические чаяния чувашского народа, которые можно обобщить как желание сохранить статус-кво: они касались защиты своего землевладения и лесных угодий, остатков особого положения и религиозных ценностей, протестов против обременительных налогов и повинностей, национального угнетения, проявлявшегося в массовых злоупотреблениях русской администрации, судопроизводстве и т.д.[36]

Вторую ступень социального протеста составлял массовый уход от гнета налогов и повинностей, в том числе и путем бегства чувашских семей и целых селений в южные и юго-восточные окраины государства. Среди других причин активной миграции чувашей в XVIII в. исследователи также называют малоземелье в селениях чувашских государственных крестьян, вольную колонизацию хлебопашцев, принудительное крещение, реализацию стратегии государственной политики по колонизации восточных земель, привлечение чувашей на строительство сторожевых укрепленных линий, станичную службу, отход на уральские металлургические заводы[37]. Около 20 % чувашей, по оценкам А. Каппелера, в XVIII в. покинуло свою прежнюю территорию проживания[38]. Этнолог В.П. Иванов указывает, что в результате активных миграционных перемещений в 1744–1762 гг. удельный вес чувашей в Казанской губернии сократился с 20,5 % до 19,7 %, а в Симбирской – с 13,2 до 10,5 %[39].

Как и в XVII в., в указанном столетии чуваши-переселенцы нередко выполняли роль первопроходцев в освоении новых территорий. В общих чертах их миграция в XVIII в. соответствовала тенденциям предшествующего столетия. Однако увеличились интенсивность и радиус миграций. Основными зонами расселения чувашей в XVIII в. явились в Среднем Поволжье территории юго-западных, южных и частью центральных районов современной Республики Татарстан, северных, восточных и центральных частей нынешней Ульяновской области, западных (Самарская Лука), северных и северо-восточных районов теперешней Самарской области. В Нижнем Поволжье осели небольшие группы чувашей, почти

все на севере современной Саратовской области. Важнейшим районом, куда устремились чуваши в XVIII в., стало Южное Приуралье, здесь они заселили главным образом западные, юго-западные и центральные районы Башкирии, а также северные и северо-западные районы современной Оренбургской области. Таким образом, в XVI–XVIII вв. чуваши почти в три раза увеличили территорию своего расселения, освоив юго-восточную Чувашию, районы Закамья, Симбирского, Самарского краев и Приуралье[40]. Оказавшись на новых землях в иноэтническом окружении, чуваши, как правило, сохраняли все свои этнокультурные и этноязыковые признаки, не ассимилируясь или почти не ассимилируясь в окружающей этнической среде – сформировалась крупная чувашская диаспора.

Гнет имперской политики и насильственной христианизации вызвал крупнейшее после выступления С. Разина надрегиональное восстание под предводительством Е. Пугачева. В Приуралье и Заволжье в нем участвовали яицкие казаки, русские крепостные крестьяне и работные люди уральских заводов, башкиры, татары, удмурты, мари и другие народы. Активное участие в антиправительственном движении приняли чувашские крестьяне Приуралья, Закамья и Самарского края, чувашские работные люди на уральских заводах. Общие цели освобождения от произвола чиновников, от налогов и повинностей и обещание религиозной терпимости объединили народы Приуралья и Поволжья. «Все чуваши заражены преступным духом», – отмечалось в одном из донесений в Петербург[41]. И едва в июле 1774 г. войско Е. Пугачева, переправившись через Волгу, вступило на территорию Чувашского края, «как все иноверцы наполнились возмущением»[42]. Летом 1774 г. в Чувашском крае от рук повстанцев погибло в целом около двух десятков дворян, чиновников, смотрителей лесов, купцов, 119 представителей духовенства из 177 уничтоженных по всей России, несколько волостных сотников, коштанов и пуянов[43].

Столкнувшись с угрозой серьезной политической и социальной нестабильности и не добившись интеграции народностей Поволжья в православную культуру путем насильственной христианизации и социального выравнивания, имперская власть в лице Екатерины II предпочла перейти к более гибкой политике по отношению к «инородцам»: политике сотрудничества. Такому повороту способствовало и увлечение императрицей западными идеями просвещенного абсолютизма, которые под знаком государственного разума были устремлены на достижение политической и экономической гармонии. Но при всей своей терпимости ее политика сохраняла далеко идущую цель унифицирования и нивелирования. «Подумайте только, – писала она Вольтеру в 1767 г. во время путешествия по Волге, – ...какое различие климата, жителей, привычек и понятий! Я теперь в Азии и вижу все своими глазами. Здесь 20 различных народов, один на другого не похожих... Легко положить общие начала, но частности? Ведь это целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять»[44]. В русле более гибкого подхода к национальностям царица положила конец активной эпохе политики христианизации: «воинствующее никонианство... заменили терпеливым миссионерским трудом»[45]. После восстания Е. Пугачева была проведена губернская реформа, которая привела к определенной децентрализации. Наделив губернаторов большими полномочиями, она внедряла определенные элементы самоуправления: в губерниях, уездах и городах были созданы исполнительные, финансовые и судебные органы.

Под влиянием идей Просвещения в XVIII в. начали намечаться позитивные явления в культурной жизни чувашского народа, которая законсервировалась на уровне XIV–XVI вв. Знаменательным событием для нее стало обучение детей народов Поволжья русской грамоте, связанное с распространением христианства. Еще в 20–30-х гг. XVIII в. в Казани работала школа для детей чувашей, мари и других народов Поволжья и Приуралья в целях подготовки миссионерских кадров из коренного населения. По данным Н.В. Никольского, в 1723 г. в ней обучалось 10 учеников, 1724 г. – 14, 1726 г. – 10, 1727 г. – 10. Об этой школе, располагавшейся в 1733 г. в Зилантовом монастыре, И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер сообщали, что в ней нерусским учеником велено было все время говорить на родном языке. По сведениям того же Никольского в школе при Свияжском монастыре, открытой в 1710 г., в 1734 г. обучалось 20 учеников, 1738 – 18, 1739 – 27, 1740 – 42 чел.[46]

В четырех новокрещенских школах, открытых в городах Казанской губернии, с 1740 по 1773 г. обучалось около 380 чувашских мальчиков. С 1765 по 1773 г. эти школы окончили 307 чувашей (36,1% от общего числа учащихся)[47]. Всего в XVIII в. более 500 чувашских детей окончили новокрещенские школы[48]. В Нижегородской губернии были случаи определения чувашей для обучения грамоте в монастыри и монастырские школы, несколько человек обучались в Нижегородской духовной семинарии[49]. Хотя обучение в этих учебных заведениях велось на русском и церковнославянских языках, учащиеся получали лишь элементарные знания, сам факт того, что небольшое число чувашей впервые научились читать и писать и было положено начало постепенному образованию грамотной прослойки чувашского населения, говорит о многом.

В XVIII в. русская наука стала проявлять интерес к народам Поволжья, в том числе и чувашскому народу. Жизнь чувашей стала предметом изучения таких ученых России, как Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, В.Н. Татищев, И.И. Лепехин, П.С. Паллас, И.П. Фальк, И.Г. Георги, П.И. Рычков и др. В этнографических сообщениях, касающихся чувашей, четко вырисовываются два направления – клерикально-консервативное и либеральное. Представители первого отставание культурного развития чувашей объясняли предвзято: не результатом социальной и национальной дискриминации, а примитивной психикой, ограничивающей возможности развития. Вторые отличались меньшей предвзятостью и большей доброжелательностью в этнопсихологических характеристиках[50]. Так, тон снисходительно-отрицательных описаний задает уже И.Т. Посошков[51], а Г. Миллер пишет: «Черемисы и чуваши... и за тупостью их разума кажутся на взгляд, весьма глупы и боязливы. По душевным дарованиям народов сих також мало хвалить можно. У них разум весьма туп, и по тому крайне невежи, и к порокам весьма склонны»[52]. Наряду с этим проявляются и свободные от предрассудков взгляды. И.Г. Гмелин характеризует чувашей как «народ очень бережливый и по этой причине не употребляющий водки»[53]. К.С. Милькович пишет о добродушных, благодарных и любящих своих ближних чувашах[54].

Свидетельством интереса к чувашам во второй половине XVIII в. стало также появление научного труда по исследованию их языка. В 1769 г. вышел своего рода первый справочник по чувашскому языку – «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка», – изданный Петербургской типографией Российской Академии наук. В нем содержались не только сведения о грамматике, но и чувашско-русский словарь[55].

Курс Екатерины II, которым была принята во внимание полиэтничность России и реализовывалась гибкая политика сотрудничества с нерусскими народами, продолжился и в первой четверти XIX в. Чуваши, будучи государственными крестьянами, сохраняли определенные правовые и хозяйственные преимущества по сравнению с крепостным крестьянством, почти исключительно состоявшим из русских[56]. Была продолжена либеральная политика в области христианизации и вместе с тем в начале XIX в. усилилась тенденция к оказыванию влияния на народы Поволжья с помощью просвещения (через школы) и переводов религиозной литературы. С начала XIX в. в Среднем Поволжье стали открываться приходские училища, в 30–40-х гг. XIX в. – училища удельного ведомства и Министерства государственных имуществ. В первой половине XIX в. в чувашских селениях было открыто около 60 школ[57]. В 1804 г. основан Казанский университет, которому предстояло сыграть значительную роль в развитии высшего образования среди чувашей и в области изучения чувашского народа*.

Наряду с распространением образования среди чувашей, в начале XIX в. были сделаны попытки организации обучения на чувашском языке и целенаправленной подготовке кадров (священнослужителей) со знанием национального языка для работы в среде чувашского населения. Организовывать обучение языкам народов Среднего Поволжья в духовных учебных заведениях начал архиепископ Казанский и Симбирский Амвросий (Протасов). В 1817 г. он предписал академическому правлению рассмотреть вопросы учреждения классов чувашского и марийского языков и разработал ряд мер для совершенствования переводческого дела. В 1819 г. класс чувашского языка был открыт при Казанском духовном училище. В 1820 г. правление Казанской духовной академии поручило смотрителю Чебоксарского духовного училища открыть при уездном училище «Класс чувашского языка», который функционировал до 1871 г.[60] На основании доношения архиепископа Амвросия в Синод от 25 ноября 1818 г., сообщившем об опыте священника с. Чемеева Ядринского уезда А. Алмазова использования родного языка прихожан для разъяснения им истин христианства, руководящий церковный орган одобрил этот опыт и издал специальный указ от 18 декабря 1818 г., в котором предписывал духовным властям Казанской епархии обратить внимание на знание священнослужителями чувашского и марийского языков. К середине XIX в. классы чувашского языка действовали в Казанской, Симбирской, Оренбургской духовных семинариях, а также в Казанском, Чебоксарском, Алатырском духовных училищах[61].

Решение задач православного миссионерского просвещения чувашей привело к появлению книг на чувашском языке. В 80-х гг. XVIII в. в Нижнем Новгороде

---

* По подсчетам историка Г.А. Александрова, к 1917 г. высшую школу закончил 41 чуваш, из них 23 являлись выпускниками Казанского университета[58]. Виднейшие представители Казанского университета К.Ф. Фукс, А.Н. Казем-бек, В.А. Сбоев, Н.И. Ильминский, П.Н. Луппов, Н.А. Фирсов, И.Н. Смирнов и др. показали в своих научных трудах самоценность чувашского языка и культуры, развивали идею о том, что история языка и культуры есть история самого народа, в них отражается миросозерцание народа. Через научные общества Императорского Казанского университета (Общество естествоиспытателей и Общество археологии, истории и этнографии) и их научные издания «Труды Общества естествоиспытателей» и «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете» осуществлялось систематическое археологическое и историко-этнографическое исследование чувашского народа[59].

открылась первая школа по переводу духовной литературы на языки народов Поволжья. В конце XVIII в. священником Нижегородской епархии Григорием Рожанским был сделан ряд переводов на чувашский язык религиозных текстов, которые, правда, не были опубликованы. В 1800 г. синодальная типография Петербурга отпечатала 600 экземпляров краткого катехизиса на чувашском языке, переведенного в 1788 г. Ермеем Рожанским. В декабре 1804 г. Московская синодальная типография напечатала краткий катехизис митрополита Платона на чувашском языке. Нижегородская переводческая школа, основанная Е. Рожанским, развивалась его последователями – Григорием Рожанским (сын Е. Рожанского) и Иваном Русановским. В частности, в 1789–1790 гг. они составили первый учебник чувашского языка. Данный учебник был в XVIII в. единственным учебным пособием для изучающих в те времена чувашскую речь. Своей деятельностью Е. и Г. Рожанские и И. Русановский способствовали созданию переводческого дела и заложили основы формирования чувашского литературного языка[62].

Новое оживление переводческого дела произошло после открытия в 1818 г. Казанского отделения Российского библейского общества. Его филиалы появились и на территории Чувашии – в Алатыре, Ишаках, Цивильске, Ядрине, Чебоксарах. К переводческой работе привлекались священники, знающие чувашский язык. Причтом с. Ишаки Козьмодемьянского уезда было переведено на чувашский язык соборное послание апостола Иакова, Евангелия от Луки и Иоанна (священник с. Шатьма Ядринского уезда Василий Федоров), Евангелие от Марка (священник с. Чемеево Ядринского уезда А. Алмазов). Кроме того, священником и дьяконом с. Пандиково было переведено на чувашский язык Евангелие от Матфея. Все эти переводы были отпечатаны в 1820 г. в количестве 5000 экземпляров под названием «Святой Евангель...». У деятелей библейского общества была мысль издать на чувашском языке и остальные книги Нового Завета, но этому замыслу не суждено было сбыться[63].

В переводной литературе использовалась русская графика. Русский и славянский тексты переводились на чувашский язык дословно, по складу речи были непонятны для чувашей (лишь к середине XIX в. наметились попытки применения форм перевода, основанных на учете строя чувашской речи). Но даже несмотря на это выпуск, хотя и незначительного количества, чувашских книг на базе русской графики, имел известное культурно-историческое значение в том отношении, что положил начало развитию чувашской письменности.

В 30-х гг. XIX в. также велась работа по созданию грамматики и словаря чувашского языка. Почти одновременно в правление Казанской духовной семинарии были представлены две рукописи: священника с. Большой Туван Курмышского уезда Симбирской губернии С. Елпидина и протоиерея В.П. Вишневского. После обсуждения было решено напечатать труд В.П. Вишневского. В 1836 г. он был издан под названием «Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии». Грамматика Вишневского стала основным учебным пособием для классов чувашского языка при духовных училищах. С деятельностью В.П. Вишневского связано и окончательное утверждение диалектной основы литературного чувашского языка с определенной традицией правописания[64].

Церковная литература и распространение русско-христианского просвещения, хотя и оказали некоторое влияние на создание чувашской письменности,

на развитие интереса общественности к истории, культуре, языку чувашей, в целом имели очень скромные результаты: почти не оказали воздействия на повышение культурного уровня чувашской массы населения, не затронули глубоких пластов духовной жизни народа и не сформировали новой национальной элиты. Совсем немногие «инородцы», научившись читать и писать по-русски, становились священниками, чиновниками низшего звена управления. Однако русское образование отрывало их от своих соотечественников, они теряли связь с родной средой, быстро русифицировались в «восходящей ассимиляции»[65].

Либеральная религиозная и культурная политика первой четверти XIX в. не сопровождалась соответствующими действиями в сфере политико-административных отношений. Чувашское население продолжало подвергаться дискриминации со стороны органов власти по мотивам национально-религиозной принадлежности. В качестве конфликтообразующих факторов сохранялись старые столкновения интересов с русским дворянством и купечеством, эксплуатировавших «инородцев», традиции произвола и коррупции со стороны местных чиновников. То, что такое положение оставалось неизменным, подтверждает письмо полицейского чина полковника Маслова шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, в котором сообщается об управлении уездами, населенными чувашами, не знавшими ни законов, ни русского языка и совершенно беззащитными перед произволом властей как «безгласные овцы»[66]. В результате произвола чиновников всех уровней, включая и выбранных из чувашских крестьян сельских начальников, объединенных взяточничеством, вымогательством и клеветой, чуваши были совершенно запуганы и экономически разорены[67].

Если при Павле I и Александре I господствовала политика сохранения социального статус-кво и веротерпимости, то во второй четверти XIX в. вновь проявилась тенденция к активному вмешательству государства в сферу традиционных социальных отношений и религии народов Поволжья. По указу Николая I от 25 января 1835 г. около 200 тыс. государственных крестьян (мужского пола) Симбирской губернии, в том числе свыше 41 тыс. ревизских душ Алатырского, Курмышского и Буинского уездов были переданы в удельное ведомство. Чувашские, татарские, русские и мордовские государственные крестьяне этих уездов, включая лашманов и однодворцев, стали удельными. Перемена традиционного социального статуса была встречена крайне враждебно и вызвала сопротивление. Волнения среди чувашских удельных крестьян, которые начались еще в 1835 г., продолжались в 1836 г., 1839–1840 гг., 1843 г.[68]

В 1837–1841 гг., после введения новшеств, связанных с переходом большой группы чувашских государственных крестьян в удельные, под руководством министра государственных имуществ П.Д. Киселева была проведена реформа управления государственными крестьянами. Она преследовала цель повысить экономический и культурный уровень крестьян, чтобы надежнее гарантировать государственные доходы и воздействовать на изменение положения крепостных крестьян. Однако ее проведение в чувашских уездах вызвало резкое недовольство крестьянства, которое усмотрело в ней посягательство на свою социально-правовую автономность. В результате в 1842 г. произошло самое крупное в XIX в. выступление чувашских и марийских крестьян в Казанской губернии. В памяти народа оно сохранилось как «Акрамовская война» («Шурча вăрçи»)[69]. Новации Киселева, как и изменение статуса части государственных крестьян по царскому указу от 25 ян-

варя 1835 г., еще более усилили государственный контроль и дальнейшую социальную унификацию народов Поволжья.

Начиная с 20-х гг. XIX в. после периода религиозной терпимости в Среднем Поволжье началось новое наступление православия, вызванное массовым движением за возврат в язычество. По данным Казанской консистории, в 1829 г. 186 219 чувашей-новокрещенов в Казанской губернии и 42781 – в Симбирской губернии стремились вернуться в язычество[70]. В вероотступническом движении чувашей, несомненно, проявился национальный протест, который под лозунгом «назад к старой вере» был направлен против наступления государства на их последние особые права, против вмешательства в духовную и культурную сферы жизни, которые практически не контролировались органами власти, и вообще против любых изменений статуса-кво. В декабре 1828 г. было разрешено возобновить миссионерскую деятельность. В 1835 г. в тех волостях, где проживали вместе язычники и христиане, было запрещено, в отличие от прежнего, выбирать язычников в волостные или деревенские головы. В середине XIX в. правительство перешло к еще более решительным мерам. В 1857 г. все некрещеные чуваши Симбирской губернии были насильственно обращены в православие; «вероотступники», которые не хотели возвращаться к христианству, должны были переселяться на Енисей[71].

Религиозная политика государства в XVIII–XIX вв., направленная на утверждение православия как стержневой основы этноконфессиональной унификации народов Поволжья, в конечном итоге принесла определенные результаты. Во второй половине XIX в. произошло окончательное закрепление православия в чувашской среде. По данным переписи 1897 г., в Казанской и Симбирской губерниях 98,9 % чувашей считались христианами[72] (исследователями называется и другая цифра: язычники среди чувашского населения Поволжья составляли 1,5 %)[73]. Православие проникло в быт, стало его составной частью, в среде чувашского населения утвердились христианские религиозные культы, произошли существенные внутренние процессы мировоззренческого характера, что, в частности, нашло яркое выражение в основании чувашских православных монастырей (например, Александринский чувашский женский монастырь), в введении богослужения и церковного песнопения на чувашском языке[74].

Стали ощущаться положительные для чувашей моменты принятия христианской религии. Поскольку она являлась государственной, принадлежность к ней означала социально-правовое уравнение чувашей с русскими. Принятие чувашами православия, как и для других языческих народов Поволжья, явилось своеобразным идеологическим обоснованием пребывания в составе Российского государства. При посредстве религии чуваши оказались окончательно интегрированными в систему, стягивающую этносы в рамки единого имперского социума. Степень комфортности существования этноса в составе империи повысилась, кроме того он приобщился к великой религиозной, мировоззренческой и культурной традиции[75]. Христианство способствовало изживанию средневековых языческих пережитков, сыграло и цивилизирующую роль как основной канал просвещения и образования чувашей. С переходом в православие чуваши этнически дифференцируют себя уже посредством не религии, а языка, бытовых и этнографических особенностей, которые в национальном самосознании народа выходят на первый план в качестве этнодифференцирующих признаков[76].

В первой половине XIX в. в идеологии и общественно-политической жизни России особое влияние приобрели категории национального мышления. Царское правительство в духе теории «официальной народности» повышенное значение придавало этническим и расовым различиям. В общей оценке народностей Среднего Поволжья, как и в XVIII в., выкристаллизовывались два направления, что четко проявилось в дискуссиях о чувашах, которая велась в журнале «Казанский вестник» в 1829–1831 гг. В одной анонимной статье чуваши изображались как «народ жалкий во всех отношениях», «который не способен произвести ничего достойного высшей природы человека»: «полудикое сего народа состояние не происходит от каких-либо причин внешних, но от самой их природы. Есть племена человеческие, коих, по-видимому, она всего лишила, и не в состоянии ничему научиться!»; «Грубое и глупое лицо, робкий характер, сумасбродное жертвоприношение уродливо вымышленным божествам, странный язык, а еще страннейший того образ жизни – все это ясно показывает, что за народ чуваши»[77].

Выступления, изобиловавшие расовыми предрассудками и обобщениями, в этом издании критиковались также темпераментно: «Описывать таким образом целое поколение многочисленного народа, а, что еще хуже напечатать о сем, слишком неосновательно»[78]. Однако последняя точка зрения не была типичной, в работах 30–60-х гг. XIX в. преобладали циничные, высокомерные, поверхностные суждения о чувашах, мари и удмуртах. Дальнейшую перспективу развития национальностей Поволжья многие современники видели в том, что не только мордва, но и мари, удмурты и чуваши «близки к своему закату и своему растворению в других национальностях, особенно в русской...»[79]. Даже прогрессивные публицисты того времени, проявляя понимание культурного своеобразия и отличности «инородцев», давали низкую оценку их этническому потенциалу. А. Герцен в своих статьях и мемуарах, выражая сочувствие «жалким, бедным» удмуртам, мари, чувашам и мордве, которые представляют «настоящий клад» для коррумпированных чиновников, в качестве единственного выхода из их положения видел в приобщении к русским[80]. В.В. Берви-Флеровский, предлагая поощрять «собственную национальность» поволжских народов, рассматривал это «самым сильным средством для их слияния с нами (русскими. – *В.К.*)»[81].

Несмотря на алармистические прогнозы в отношении будущего народов Поволжья, ассимиляционного давления господствующей нации, связанного с политико-административной интеграцией, христианизацией, явлениями трансформации социально-экономических структур, миграционными перемещениями, межэтническими контактами, и к середине XIX в. большинство национальностей региона (в их числе чуваши) сохранили свою этническую самобытность, социальный и культурный герметизм и традиционализм и национальную перспективу развития. Вовсе не случайно православный священник П. Мальхов, прекрасно знавший фольклор, мифологию, прошлое и настоящее чувашей, писал: «Чуваши еще утешаются тою надеждою, что и для них когда-нибудь взойдет заря радости и счастья... которые возвратят чувашам их прежнюю вольную жизнь и поставят чуваш в завидное положение»[82].

Среди главных причин поразительной этнической стойкости чувашей нужно назвать прежде всего незначительное цивилизаторское превосходство русских – российская социально-политическая система с крепостным правом, произволом администрации и экономическим застоем была для них малопривлекательной, как и система христианства[83]. Другая причина – политика правительства, которая,

за исключением короткого периода (первая половина XVIII в.), не предпринимала никаких серьезных усилий для ассимиляции «инородцев». «По сути, – пишет А. Каппелер, – царская империя вплоть до ее падения была устроена сословно и протонационально. Если ее подданные оставались лояльными и выполняли свои повинности по отношению к властителю и его династии, то их оставляли в покое. Религиозная или языковая унификация не являлась первостепенной целью политики. В течение долгого периода времени власть привилегировала группы нерусского населения даже в ущерб массы русских подданных, для того, чтобы упрочить их лояльность»[84].

Еще одним фактором, препятствовавшим русификации, было то, что чуваши представляли собой почти исключительно сельское население, проживавшее в замкнутых деревенских патриархальных сообществах, и после обращения в христианство чувашский языческий мир сохранился, хотя и существенно деформировался, как этнокультурная целостность, которая играла важную роль в мировоззрении, ценностных ориентациях и социальных отношениях этноса[85]. Как отмечает в связи с этим исследователь Г.А. Николаев, в самосознании и поведении сторонников традиционной веры «явственно проявлялось» национальное «Я» и совершаемые язычниками сельские и межсельские моления «объективно являлись своеобразной формой национального движения, ибо включали в себя протестное начало»[86]. И наконец, высокая степень этнической резистентности чувашей определялась тем, что им удалось сохранить за собой самую этнически замкнутую территорию, на которой они составляли преобладающее большинство населения. На условно взятой территории современной Чувашской Республики в 1857 г. чуваши составляли 77,5 % населения (360,4 тыс. чел.). Несмотря на активный процесс миграции этноса, в середине XIX в. 94 % чувашей продолжало жить на своей прежней территории в Среднем Поволжье – в междуречье Волги и Суры[87]. Внутри этого основного района они в значительной степени сохраняли свою этническую замкнутость. В середине XIX в. на территории Казанской губернии (в ней проживала основная часть чувашей – 70 %) насчитывалось 1233 чувашских селения и только 161 смешанное селение (13,05 %). В районах чувашской колонизации в окружении русских, татарских и мордовских поселений шел процесс этнического смешения. Национально-смешанный состав жителей чувашских селений был особенно характерен для Самарской губернии, где уже в середине XIX в. доля таких селений достигла 32 % (в середине XVIII в. – 21 %)[88].

Либерально-буржуазные реформы второй половины XIX в. – фактор национальной мобилизации чувашского этноса

Реформы Александра II и связанные с ними социально-экономические, политические и духовные изменения означали начало новой эпохи в истории народов Среднего Поволжья. Благодаря им, с одной стороны, был открыт путь к либерально-буржуазной эмансипации и тем самым дан импульс к развитию национальных движений. С другой стороны, процессы модернизации имели интегрирующее действие. Крестьянская реформа 1860-х гг. унифицировала и уравняла все категории крестьян юридически и социально. Для чувашей это означало завершение трехсотлетнего процесса социальной интеграции в общероссийское пространство. Возникновение очагов индуст-

рии, развитие торговли, транспорта, особенно железнодорожного, в национальных районах Среднего Поволжья способствовало усилению коммуникативных взаимосвязей, эрозии замкнутости и традиционного уклада, росту мобильности населения, в том числе этнической, развитию школьного образования и грамотности и т.д. Однако не следует преувеличивать степень интенсивности и глубины названных процессов. С последней четверти XIX в. под их воздействием социально-экономическая жизнь и структура чувашского этноса стали претерпевать заметные изменения. Начала складываться чувашская буржуазия. Из чувашей выдвинулись чебоксарские купцы и предприниматели Ефремовы, цивильские Абалымовы, нижегородские Селивановы, тетюшские купцы Оливановы, Кузьмины, Добросмысловы и другие торговцы[89]. Постепенно формировался национальный пролетариат. На волжских лесопильных заводах, расположенных в районах компактного проживания чувашей, большинство рабочих составляли коренные жители[90]. В 1897–1898 гг. в отходе числилось почти 15 тыс. крестьян Чувашии, пополнявших ряды пролетариата в Казани, Нижнем Новгороде, на Урале, в Донецком угольном бассейне и других местах[91]. Отходничество имело большое значение для кристаллизации чувства этнической принадлежности, поскольку переселенцы, попадая в иноэтническую среду, неизбежно осознавали национальные различия и своеобразие[92].

После отмены крепостного права хотя и медленно, но неуклонно меняется экономический строй и менталитет чувашского крестьянства. По замечанию современника, в нее «хлынули русские обычаи, нравы и вкусы»[93]. Под воздействием рыночных реалий происходило разложение натурального хозяйства, развитие неземледельческих занятий в чувашских деревнях, формировались социальные группы капиталистического общества. В чувашской общине шла и социальная дифференциация крестьянства. В повседневной жизни начал укрепляться иной поведенческий стереотип. Общественному мнению и интересам общинник стал предпочитать личную выгоду. Индивидуализм стал разъедать патриархальные устои деревни и низовое социальное звено сельского общества – крестьянскую семью. Семейные разделы в сельских обществах в капиталистическую эпоху стали обыденностью. Вовлечение общины в орбиту рыночных отношений наложило отпечаток и на положение такой ее специфической социальной составляющей, как коштанство. Паутина данного мирского института продолжала еще опутывать строй отношений в крестьянском сообществе, но буржуазные преобразования сузили поле деятельности сельских заправил. Росло число лиц, покидавших пределы сельского общества в поисках лучшей доли[94].

И все же во второй половине XIX – начале XX в. вышеназванные новые социально-экономические моменты далеко не определяли облик чувашского социума. Всероссийская перепись 1897 г. показывает, что в Казанской и Симбирской губерниях доля чувашей, занятых в промышленности, ремесле и транспорте, не достигала и одного процента, тогда как в этих отраслях трудился каждый десятый русский и каждый двадцать пятый татарин. В торговле чуваши уступали русским и татарам в десятки раз[95]. Чувашская прослойка городского населения была крайне немногочисленной. По данным 1897 г., в Чебоксарах чуваши составляли 9,3 % населения, в Цивильске – 16 %, в Ядрине – 2,4 %, в Алатыре проживало 3 чуваша. В общем количестве жителей названных городов на долю чувашей приходилось 4 %. В городах Чувашии были зафиксированы всего 874 чуваша, из них

439 проживали в Чебоксарах[96]. В указанном году доля городского населения у чувашей в Среднем Поволжье составила 0,32–0,72 %. По данным Всероссийской переписи, в губерниях Среднего Поволжья и Приуралья к сословию крестьян принадлежали 99,95 % чувашей. Сельское хозяйство, основанное на неразвитой агротехнике, продолжало оставаться основным занятием фактически абсолютного большинства чувашского этноса: в 1897 г. в Среднем Поволжье в этой отрасли были заняты 98,25 % чувашей[97]. Таким образом, модернизация с трудом проникала в хозяйственные и общественные отношения чувашского населения. Оно было малоподвижным и в большинстве своем не стремилось к изменению социального статуса. Деревня продолжала оставаться базой для воспроизводства чувашского этноса. Глубинные архетипические стороны национальной культуры и во второй половине XIX в. отличались значительной устойчивостью. И это вкупе с замкнутостью чувашской сельской общины создавало социальное пространство для национального движения, которое втягивало «в свой водоворот и крестьянское население»[98].

Фактором национальной мобилизации чувашского этноса в пореформенный период стала либерализация общественно-политической жизни, связанная с расширением гражданских прав и правового поля. Весьма заметное место в ней заняла земская реформа, проведенная в чувашских уездах в 1865–1866 гг. Несмотря на ограниченный, преимущественно дворянский сословно-представительный характер, фактическую включенность земского самоуправления в систему официальных учреждений, создание земств явилось попыткой частичной административной децентрализации на местах за счет расширения функций провинциальных органов власти. Выполняя главным образом хозяйственную и социально-культурную работу, земства в лице передовой земской интеллигенции и чиновников своей деятельностью по развитию образования, здравоохранения, библиотек, путей сообщения, местной экономики и управления в среде чувашского населения объективно создавали социально-экономическую и гражданско-правовую базу для национальной мобилизации этноса. Ограничимся в качестве примера лишь земской медициной, которая активно боролась против темноты и невежества, болезней и массовых эпидемий, несла в народ гигиенические знания. Так, врача Д.А. Кушникова по праву можно назвать первым пропагандистом научных медицинских знаний среди чувашей: читал лекции, проводил беседы на медицинские темы. О его привязанности к чувашам говорит письмо, адресованное К.В. Лаврскому: «Я уже привык к чувашам, и я в душе решил было умереть у этих темных, несчастных людей. Разумею беднейшую часть населения...»[99]

Врачом Чебоксарского уезда С.М. Вишневским был написан ряд популярных брошюр по предупреждению некоторых распространенных болезней. Многие из них при содействии И.Я. Яковлева были переведены на чувашский язык. В письмах к И.Я. Яковлеву в 1893–1894 гг. С.М. Вишневский спрашивает о возможности напечатать просветителем на чувашском языке брошюру «О предупреждении глазных болезней среди чувашей»; высказывает желание напечатать на чувашском языке «Гигиену для чуваш» и просит помочь с ее переводом. Распространению подобных брошюр на чувашском языке способствовали медицинские советы при уездных земствах. С 1893 по 1913 г. было выпущено 40 брошюр на медицинскую тему на чувашском языке[100].

Земства сыграли определенную роль в развитии чувашского национального движения. Из представителей земской интеллигенции были депутаты Государственной думы, которыми в числе прочего выдвигались и требования в защиту социально-экономических прав, интересов и потребностей народа.

Важной предпосылкой социальной коммуникации как ключевого фактора национальных движений является уровень образования и степень грамотности. Либерально-буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. позволили значительно расширить образовательное пространство, дифференцировать сеть образовательных учреждений, фактически создать чувашские национальные школы. 26 марта 1870 г. были приняты особые правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», которые узаконили для нерусских детей первоначальное обучение на родном языке. Правила 1870 г. также стимулировали подготовку национальных педагогических кадров и развитие сети учебных заведений. Система инородческого просвещения упрочилась изданием в 1874 г. «Указа о льготах по воинской повинности», призванного подтолкнуть нерусское население отдавать детей в инородческие школы. Расширение правового поля инородческого образования стало существенным фактором развития национальной школы чувашей.

Огромную роль в развитии школьного дела среди чувашского населения сыграло учреждение при управлении Казанского учебного округа должности инспектора чувашских школ. 4 февраля 1867 г. эту должность занял Н.И. Золотницкий – активный поборник организации начальных школ с обучением на чувашском языке, в 1875–1903 гг. ее занимал И.Я. Яковлев. В числе персон, сыгравших значительную роль в развитии чувашской школы, необходимо назвать и имя инспектора (1869–1874) и директора (1874–1886) народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова.

Названные деятели народного просвещения хорошо понимали специфические особенности и потребности чувашского населения и одновременно обладали административным ресурсом для их реализации через попечителей учебных округов. И.Н. Ульяновым, к примеру, было открыто 38 чувашских школ, при его содействии заработала Порецкая учительская семинария. Также благодаря его поддержке сохранилась и получила развитие основанная гимназистом И. Яковлевым в 1868 г. Симбирская чувашская школа, ставшая фактически центром просвещения и культуры чувашского народа[101]. И.Я. Яковлевым и его сподвижниками было заложено более 400 чувашских школ всех типов[102]. К 1911 г. в Поволжье и Приуралье числилось уже 926 чувашских школ, из них земских – 307, церковно-приходских и миссионерских – 573, министерских – 46[103]. На территории современной Чувашии в сельской местности насчитывалось 670 начальных учебных заведений: 272 были подведомственны Министерству народного просвещения, 398 – Синоду. В них обучалось более 32 тыс. учащихся. В городах края действовали также различные типы образовательных учреждений и специальные профессиональные учебные заведения[104].

По данным переписи 1897 г., доля грамотных чувашей в Казанской губернии среди мужчин составляла 13,2 %, 1,1% – среди женщин, в Симбирской губернии соответственно – 15,6 и 1,2%. Накануне Октябрьской революции 1917 г. грамотность чувашского населения Поволжья и Приуралья среди мужчин выросла до 18 %, среди женщин – до 4,2 %[105].

Расширение сети учебных заведений потребовало адекватного роста педагогических кадров. Для подготовки учителей нерусских школ постепенно открывались учительские школы и семинарии. Кроме Симбирской чувашской школы, которую с 1868 по 1919 г. окончили 1379 чел., чувашские учителя готовились в Казанской инородческой учительской семинарии (дневное отделение этого учебного заведения закончили с 1875 по 1918 г. 185 чувашей)[106], Казанской земской женской учительской школе (31 чувашка), в учительских институтах городов Казани, Уфы, Оренбурга, Самары (22 чуваша), Бирской инородческой учительской школе (17 чувашей) и т.д.[107] В 1914 г. в чувашских уездах был 871 учитель, три четверти из них являлись чувашами. В 1917 г. образовательной деятельностью были заняты 1243 чувашских учителя[104].

Таким образом, реформы второй половины XIX в., утверждение в Поволжье системы Н.И. Ильминского, деятельность И.Я. Яковлева по подготовке образовательных кадров обусловили не только демократизацию педагогического корпуса, включившего заметную прослойку выходцев из крестьян, но и изменение этнического кадрового состава учителей: основную его массу составили педагоги из чувашей, хорошо знающие среду учеников, обладающие положительной этнической идентификацией и убежденностью в необходимости служения родному народу. Из них во многом происходили активисты чувашского национального движения – Г.И. Комиссаров, А.Г. Гаврилова, И.Н. Юркин, Г.Т. Титов, И.С. Баймеков, Д.П. Петров (Юман) и др. К ним же следует причислить юристов (Г.Ф. Алюнов, С.Н. Николаев, В.Ф. Федотов), ученых (Н.В. Никольский), священнослужителей (А.В. Рекеев, Д.Ф. Филимонов, М.П. Петров и др.), думских деятелей (Я.А. Абрамов, В.А. Анисимов, А.Ф. Федоров).

Литература и источники

[1] Чуваши: история и культура. Т. 1. Чебоксары, 2009. С. 33.

[2] *Димитриев В.Д.* Этнос и государственность // Чувашская Республика на рубеже тысячелетий: история, экономика, культура: тезисы международной научн.-практич. конференции, посвященной 80-летию Чувашской Республики. Чебоксары, 2000. С. 4.

[3] *Иванов В.П.* Этническая история чувашского народа. Чебоксары, 2010. С. 36.

[4] *Димитриев В.Д.* Основные вехи истории чувашского народа и края X–XVII веков // Власть и общество в прошлом и настоящем: региональный аспект. Чебоксары, 2003. С. 15.

[5] *Иванов В.П., Николаев В.В., Димитриев В.Д.* Чуваши: этническая история и традиционная культура. М., 2000. С. 27.

[6] *Димитриев В.Д.* Этнос и государственность. С. 5.

[7] *Петрова О.Н.* К вопросу о положении народов Среднего Поволжья в политической системе Казанского ханства // Власть и общество в прошлом и настоящем. С. 48.

[8] *Капеллер А.* Первые национальности России: Царская империя и народы Среднего Поволжья с 16 по 19 в. Кельн; Вена: Белау, 1982 (К истории Восточной Европы; т. 14) [Рукопись перевода с нем.; переводчик не указан] // НА ЧГИГН. Отд. Х. Ед. хр. 1040. Т. 1: 2-й экз. Л. 96, 99.

[9] *Иванов В.П.* Некоторые этнодемографические и историко-культурные характеристики чувашского этноса // Чувашия: актуальные аспекты антропологии. Чебоксары, 2004. С. 21.

[10] *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. Чебоксары, 2005. С. 292.

[11] *Иванов В.П.* Формирование чувашской диаспоры // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 29. М., 2003. С. 107.

[12] *Димитриев В.Д.* Просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев: сб. ст. Чебоксары, 2002. С. 87.

[13] *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. С. 293.

[14] *Ермолаев И.П.* Создание управления на Средней Волге после присоединения края к России // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1997. С. 130.

[15] *Димитриев В.Д.* Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во второй половине XVI – начале XVII веков // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары, 1981. С. 7–17.

[16] Национальные окраины Российской империи: становление и развитие управления. М., 1997. С. 388.

[17] История Чувашской АССР. Т. 1. Чебоксары, 1983. С. 72.

[18] *Димитриев В.Д.* О социально-экономическом строе и управлении в Казанской земле // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 100–101.

[19] *Морозов Д.М.* К вопросу о складывании системы управления Казанской землей во второй половине XVI – начале XVII веков // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х гг. XX в.: сб. ст. Всероссийской науч. конференции (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. С. 270.

[20] *Каппелер А.* Первые национальности России. Л. 75–76.

[21] *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. С. 204.

[22] *Дякин В.С.* Рец. на: А. Каппелер. Россия как многонациональное государство. Возникновение. История. Падение. Мюнхен, 1993 // Отечественная история. 1994. № 6. С. 251.

[23] *Димитриев В.Д.* Крестьянская война начала XVII в. на территории Чувашии // Труды / ЧНИИ. Вып. 93: Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Чебоксары, 1979. С. 53–93.

[24] *Каппелер А.* Первые национальности России. Л. 39.

[25] *Дякин В.С.* Рец. на: А. Каппелер. Россия как многонациональное государство. С. 251; *Трепавлов В.В.* «Белый царь». С. 143.

[26] История Чувашской АССР. Т. 1. С. 101.

[27] *Димитриев В.Д.* Политика Московского правительства в Чувашском крае в XVII веке // Известия национальной академии наук и искусств Чувашской Республики [далее – Известия НАНИ ЧР]. 2002. № 4. С. 21–41.

[28] *Димитриев В.Д.* Чувашия в первой половине XVIII века // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1958. С. 223.

[29] *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века: до Крестьянской войны 1773–1775 годов / под ред. П.П. Епифанова. Чебоксары, 1959. С. 328, 329.

[30] *Ислаев Ф.Г.* Становление веротерпимости в России: исторический контекст // Православие в поликонфессиональном обществе. Казань: Магариф, 2006. С. 111.

[31] *Димитриев В.Д.* Охадер Томеев – чувашский общественно-политический деятель второй четверти XVIII в. // Исследования по дореволюционной истории Чувашии: сб. ст. Чебоксары, 1991. С. 26–28.

[32] *Макаров Д.М.* Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.). Чебоксары, 2000. С. 206–208; *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века. С. 348.

[33] *Макаров Д.М.* Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI в. – 1861 г.) // Труды / ЧНИИ. Вып. 86: Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР. Чебоксары, 1978. С. 112; *Хузангай А.* Право на историю // Советская Чувашия. 1998. 23 ноября.

[34] Цит. по: *Можаровский А.Ф.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 г. М., 1880. С. 106.

[35] *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века. С. 388.

[36] Там же. С. 390–392.

[37] *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары, 2007. С. 174–175.

[38] *Каппелер А.* Первые национальности России. Л. 41.

[39] *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. С. 140.

[40] Там же. С. 145.

[41] *Каппелер А.* Первые национальности России. Л. 14.

[42] Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии: сб. док. Чебоксары, 1972. С. 221.

[43] *Таймасов Л.А.* Христианское просвещение чувашского населения в Казанской и Симбирской губерниях в первой половине XIX века // Состав и положение населения Чувашии в XVIII – начале XX веков. Чебоксары, 1990. С. 50.

[44] Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 23. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен да начала XX века).

[45] *Родионов В.Г.* К проблеме исторического взаимодействия чувашского язычества и христианства // *Родионов В.Г.* Этнос. Культура. Слово. Чебоксары, 2006. С. 232.

[46] *Павлова А.Н.* Система Н.И. Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России (в последней трети XIX – начале XX века). Чебоксары, 2004. С. 11.

[47] Там же; *Никольский Н.В.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Чебоксары, 2007. С. 76.

[48] *Димитриев В.Д.* Природа, население, предыстория Советской Чувашии // Чувашской АССР – 70 лет: сб. ст. Чебоксары, 1990. С. 10.

[49] История Чувашской АССР. Т. 1. С. 167.

[50] *Филиппов В.Р.* Этническое сознание чувашей по литературным данным XVIII–XIX вв.: к проблеме реконструкции // Историко-этнографические исследования в Чувашской АССР. Чебоксары, 1990. С. 68–69.

[51] *Кочетков В.Д.* Исторические знания о чувашах в XVI–XVIII веках // Труды / ЧНИИ. Вып. 93. С. 21.

[52] Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период. Чебоксары, 2001. С. 97, 98.

[53] *Харлампович К.В.* Известия И. Гмелина о Казани и казанских инородцах // ИОАИЭ. Т. 19. Вып. 5–6. Казань, 1903. С. 274.

[54] Быт и верования чуваш Синбирской губернии (Из записок уездного землемера Мильковича 1783 г.) // *Никольский Н.В.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004. С. 485.

[55] *Хузангай А.П.* «Начав учиться языку у ласточки...» // Сочинения принадлежащие к грамматике чувашского языка. Чебоксары, 2011. С. III.

[56] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 1999. С. 31.

[57] *Димитриев В.Д.* Природа, население, предыстория Советской Чувашии. С. 10.

[58] *Александров Г.А.* Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 1997. С. 129–157.

[59] *Егоров В.Г.* Значение Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина в деле изучения и научной разработки чувашского языка // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 14. Чебоксары, 1956. С. 259–266.

[60] *Гаврилова Л.М.* Интеллигенция Чувашии в первой половине XIX века // Исследования по истории Чувашии дооктябрьского периода: сб. ст. Чебоксары, 1985. С. 28; *Гусаров Ю.В.* История Чебоксарского духовного училища (1816–1918) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сб. ст. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2014. С. 55.

[61] *Таймасов Л.А.* Указ. соч. С. 56–57, 59.

[62] *Родионов В.Г.* Чăваш литературин, XVIII–XIX ĕмĕрсем: вĕренӳ пособийĕ. Шупашкар, 2006. С. 422.

[63] *Таймасов Л.А.* Указ. соч. С. 54–55.

[64] *Там же.* С. 60; *Родионов В.Г.* Чăваш литературин: XVIII–XIX ĕмĕрсем. С. 432.

[65] *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Т. 2: Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Чебоксары, 2007. С. 15.

[66] Донесение Симбирского жандармского полковника шефу жандармов графу Бенкендорфу // Русские писатели о чувашах. Изд. 2-е. Чебоксары, 2009. С. 24.

[67] *Кузнецов И.Д.* О положении чувашского народа при царизме // *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 130–138.

[68] История Чувашской АССР. Т. 1. С. 139–140.

[69] *Григорьев П.Г.* Чувашия в период разложения крепостного строя и зарождения капиталистических отношений // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1958. С. 371–389.

[70] *Димитриев В.Д.* Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма. С. 114.

[71] *Каппелер А.* Первые национальности России. Л. 219, 222.

[72] *Николаев Г.А.* Заметки о чувашско-русских взаимоотношениях в средневолжской деревне на рубеже XIX–XX столетий // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. ст. Чебоксары, 1999. С. 39.

[73] *Каппелер А.* Предпосылки и развитие национальных движений в Среднем Поволжье в сравнении с другими регионами Российской империи // Известия НАНИ ЧР. 1996. № 2. С. 206.

[74] *Евдокимова А.Н.* Религиозное мировоззрение чувашского народа в середине XIX в. // И.Я. Яковлев – просветитель народов Поволжья и Приуралья. С. 117–119; *Таймасов Л.А.* Этнорелигиозные движения среди крещеных народов Волго-Камья во второй половине XIX – начале XX века // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. Чебоксары, 2005. С. 458, 459.

[75] *Юрченков В.А.* Мордовский этнос в системе Российской империи: XVIII – начало XX века // Отечественная история. 2004. № 5. С. 31.

[76] *Родионов В.Г.* К вопросу о национальном самосознании чувашей в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы традиционной культуры чувашей. Чебоксары, 1989. С. 67.

[77] Известия о чувашах, живущих в Казанской, Симбирской, Оренбургской и других губерниях // Казанский вестник. 1829. № 25. С. 292–293; № 26. С. 106–116.

[78] Замечания на статью: Известие о чувашах, напечатанную в Казанском вестнике 1829 года // Там же. 1831. № 32. С. 280.

[79] *Капеллер А.* Первые национальности России. Л. 333.

[80] *Герцен А.И.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 1: Произведения 1829–1841 годов. М., 1954. С. 13–33, 368–371.

[81] *[Берви-Флеровский В.В.]* Положение рабочего класса в России // *Берви-Флеровский В.В.* Избранные экономические произведения: в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 199.

[82] Цит. по: *Артемьев Ю.М.* Страсть к полемике: статьи, рецензии. Чебоксары, 2003. С. 21.

[83] *Димитриев В.Д.* О трудах швейцарского историка А. Каппелера по истории народов Среднего Поволжья с древних времен до середины XIX в. // Из истории дореволюционной Чувашии: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 33.

[84] Цит. по: *Каплуновский А.* Татары-мусульмане и русские в мещанских общинах Среднего Поволжья в конце 19 – начале 20 века // Ab imperio. 2000. № 1. С. 76.

[85] *Таймасов Л.А.* Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2004. С. 367.

[86] *Николаев Г.А.* Средневолжская деревня рубежа XIX–XX веков в зеркале этнического национализма // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: Материалы VIII межрегиональной научно-практич. конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая, 2005 г.). М., 2005. С. 469.

[87] *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. С. 153–154.

[88] Там же. С. 148–149.

[89] *Зорин А.Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань, 2001. С. 123.

[90] История промышленности и рабочего класса Чувашии. Ч. 1. Чебоксары, 1972. С. 25.

[91] История Чувашской АССР. Т. 1. С. 191.

[92] *Ананьич Б., Гетрелл П.* Национальные и вненациональные измерения экономического развития России XIX–XX вв. // Ab imperio. 2002. № 4. С. 80, 82.

[93] Цит. по: *Николаев Г.А.* Рыночные реалии второй половины XIX – начала XX столетий и крестьянская община (По материалам Казанской и Симбирской губерний) // Поволжье в системе Всероссийского рынка: история и современность: материалы науч. конференции. Чебоксары, 2000. С. 86.

[94] Там же. С. 86–100; *Николаев Г.А.* Богатство и богатые люди в представлениях средневолжского чувашского крестьянства второй половины XIX – начале XX вв. // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 50–51.

[95] *Николаев Г.А.* Сельское народонаселение Казанской и Симбирской губерний в конце XIX – начале XX веков // Состав и положение населения Чувашии в XVIII – начале XX веков. Чебоксары, 1990. С. 91, 92.

[96] История Чувашской АССР. Т. 1. С. 192; *Иванов В.П.* Расселение чувашей в Российской империи // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии ... С. 128; *Галимова Л.Н.* Купеческий менталитет в этническом проявлении на примере купцов-чувашей Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. // Облик российской провинции: исторические социокультурные проблемы: V Международные Стахеевские чтения: материалы науч. конференции. Елабуга, 2012. С. 107.

[97] *Каппелер А.* Предпосылки и развитие национальных движений в Среднем Поволжье ... С. 205.

[98] *Николаев Г.А.* Средневолжская деревня рубежа XIX–XX веков ... С. 467.

[99] Цит. по: *Гаврилова Л.М.* Земская интеллигенция Чувашии во второй половине XIX – начале XX вв. (врачи, ветеринары, агрономы) // Вопросы истории Чувашии XIX – начала XX вв. Чебоксары, 1988. С. 32.

[100] *Гаврилова Л.М.* Земская интеллигенция Чувашии ... С. 34–35.

[101] *Сергеев Т.С.* Научно-педагогическое наследие И.Н. Ульянова и современность. Чебоксары, 2009. С. 7.

[102] *Ефимов Л.А.* Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья последней трети XIX – начала XX веков. Чебоксары, 2000. С. 194.

[103] Там же. С. 195.

[104] *Арсентьева А.В., Петрянкина А.П.* Учебные заведения в образовательном пространстве Чувашии конца XVIII – начала XX века. Чебоксары, 2007. С. 478.

[105] *Ефимов Л.А.* Указ. соч. С. 194, 195.

[106] *Исламов Ф.Ф.* Н.В. Никольский и Казань // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века. Чебоксары, 2005. С. 91.

[107] Данные представлены Г.А. Александровым.

[108] *Александров Г.А.* Указ. соч. С. 5; *Ефимов Л.А.* Указ. соч. С. 195.

Глава 3

ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ И ИДЕОЛОГИИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Историко-культурные предпосылки возникновения чувашского просветительства. Деятельность российских общественных деятелей, писателей, педагогов по защите национального достоинства, развитию просвещения и образованию чувашей

Социально-политические и экономические сдвиги и изменения, происходившие в Чувашии во второй половине XIX в., не могли не найти отражения в общественном сознании. В рассматриваемый период у чувашей, как и у других народов Поволжья, возникает национальное просветительство. Суть этого общественного явления современными исследователями определяется как «особый культурный феномен, концентрированно выражающий в воззрениях и деятельности видных представителей своих народов своеобразие национального менталитета, традиционные и инновационные, религиозные и родоплеменные, общечеловеческие и национальные стороны жизни, целостность и синкретизм мировосприятия народа, его интересы и потребности»[1]. Становление просветительства связано с появлением общественных деятелей, способных охватить социокультурную ситуацию своей эпохи и своего общества, выразить духовные, интеллектуальные и прочие потребности своего народа и осуществить конкретные действия для их реализации. Национальное просветительство народов Поволжья связано с именами наиболее одаренных и образованных их представителей, таких, как И.Я. Яковлев и Н.В. Никольский – у чувашей, Ш. Марджани, К. Насыри, Г. Тукай – у татар, М.Е. Евсевьев – у мордвы, С.Г. Чавайн – у мари, И.С. Михеев – у удмуртов. Эти просветители стали катализаторами культурного и интеллектуального развития этносов, ключевыми субъектами национального возрождения народов Поволжья второй половины XIX – начала XX в.

У истоков национального просветительства чувашей стояла плеяда мыслителей второй половины XVIII – первой половины XIX в. В.Г. Пуцек-Григорович (Вениамин, 1700-е – 1785), став во главе Казанской епархии, развернул большую работу в области просвещения нерусских народов Поволжья. Под его руководством впервые были составлены грамматика чувашского, марийского и удмуртского языков, написаны первые оригинальные стихотворения на языках народов Поволжья, в том числе и на чувашском. Д.С. Семенов-Руднев (Дамаскин, 1737–1795) по поручению императрицы Екатерины II руководил составлением пятиязычного «Словаря языков разных народов», первый том которого содержал русско-татарочувашско-мордовский лексикон. Выходец из чувашей, Е.И. Рожанский (1741–?) стоял во главе нижегородской переводческо-лингвистической школы. Ему принадлежит попытка создания чувашской письменности на основе кириллицы, а также издание первой книги на чувашском языке – «Краткого катехизиса». В ду-

хе просветительских идей он воспитал сына Григория – одного из авторов первого учебника чувашского языка (1791).

Вслед за ними на арену христианского просвещения чувашей выходят П.И. Талиев (1778–1832) – главный редактор текста Евангелия на чувашском языке, переложивший на родной язык чувашей также полный катехизис митрополита Московского Платона, сыгравший значительную роль в совершенствовании мастерства перевода на чувашский язык, а также в формировании чувашского литературного языка; А.М. Алмазов (1781 – после 1822) – основоположник жанра чувашской гомилетики, считавший просвещение чувашского народа главным делом своей жизни[2].

Деятельность и кредо этих людей объединялись идеями христианского миссионерства, которое на определенном историческом этапе имело монополию на просвещение и образование народов Среднего Поволжья, приобщение чувашского народа к достижениям передовой русской культуры и повышение его культурно-экономического и социального статуса. Христианские миссионеры вносили книжную культуру в среду местного населения, своим трудом способствовали накоплению в чувашском социуме позитивных представлений о значении национального языка и просвещения.

Если первая фаза национального просветительства чувашей была связана с распространением общей грамотности, переводами вероучительной литературы на чувашский язык, попытками разработать учебную литературу, то его второй этап характеризуется секуляризацией интересов и мышления просветителей, созданием просветительной программы[3]. Во второй половине XIX в. национальное просветительство становится самостоятельным явлением. Формирование национального литературного языка, исследование истории, этнографии, фольклора выходят за рамки миссионерских задач. Важнейшее влияние на становление национального просветительства оказала на этом этапе деятельность российских общественных деятелей, писателей, педагогов, ученых по защите национального достоинства, развитию просвещения и образования чувашей.

Понимая приниженное положение «инородцев» в России, в том числе чувашей, не поддерживали постулатов официального шовинизма А.С. Пушкин, А.И. Герцен, Т.Г. Шевченко, Н.Г. Гарин-Михайловский, В.В. Берви-Флеровский, В.А. Сбоев, А.А. Фукс и другие представители российской интеллигенции. Деятели передовой русской общественной мысли критически относились к политике насильственной русификации, которая, как они считали, не приносит пользы «ни самому русскому народу, ни местным народностям окраин»[4]. С сочувствием писал в своих статьях об угнетенном положении и притеснениях чувашских крестьян со стороны чиновников и полиции А.И. Герцен[5]. Известный публицист В.В. Берви-Флеровский отмечал: «Если бы мы, к явному вреду для самих себя, не отталкивали постоянно инородцев своей заносчивостью, то русские произведения и русский костюм вошли бы, вероятно, между ними во всеобщее употребление»[6]. Как говорил он, русские могли бы многому поучиться у нерусских народов. «В Казанской губернии чуваши – самые лучшие сельские хозяева, – размышлял публицист, – между ними самая благоприятная смертность – признак их трудолюбия и порядочности»[7]. Берви-Флеровский указывал, что, несмотря на многовековое татарское и русское господство, чувашский народ сохранил свою историческую территорию, язык и культуру, и высказывался за национальную администрацию для окраин, расширение сферы применения национальных языков[8].

Писатель и этнограф В.А. Сбоев создал первую монографию о чувашах – «Исследование об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах», в которой он подошел к изучению их жизни и быта, к оценке их культуры без устоявшихся стереотипов и предвзятости, питая к чувашскому народу искреннюю симпатию и уважение. А.А. Фукс, собирательница этнографического материала о нерусских народах Казанской губернии, первой опубликовала тексты чувашских песен. Культуру и быт чувашей она осветила с умеренно-либеральных позиций, притом ей не было чуждо благосклонное отношение к чувашам[9]. Ученые из так называемого славянофильского окружения: А.А. Фукс, А.И. Артемьев, И.Н. Березин, А. Невзоров, Д.П. Ознобишин (казанские и симбирские) и П.С. Савельев, В. Григорьев (столичные) – выявили народных самородков (Хведи, Ягур), помогали печататься ученикам В.П. Вишневского, прежде всего В. Лебедеву и С.М. Михайлову (Яндуш)[10].

В числе представителей русской общественности, посвятивших себя благородному делу просвещения народностей Поволжья, в том числе и чувашского народа, особенно выделились педагоги и исследователи Н.И. Ильминский, Н.И. Золотницкий, В.К. Магницкий, Н.И. Ашмарин. Эти личности и их деятельность имеют особое значение в истории национального просветительства чувашей.

Николай Иванович Ильминский (1822–1891), выдающийся русский миссионер-педагог, ученый-востоковед, этнограф, переводчик, профессор Казанского университета, сделал проблему инородческого образования одной из самых популярных в российском обществе XIX в., возвел ее до «степени совершенно неотложной необходимости»[11]. Система христианского просвещения «восточных инородцев», разработанная Н.И. Ильминским, была законодательно оформлена в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (1870). Она представляла собой цельную законченную программу христианского просвещения, которая впервые учитывала этносоциальные особенности народов Поволжья и предусматривала опору на православие как основу духовного мира учащихся; активное использование миссионеров-учителей, знающих язык своих учеников; допущение родного языка в школу и церковную проповедь; создание учебной и религиозной литературы на национальных языках; доступность, бессословность народной школы[12]. Родной язык должен был стать средством приобщения к русской культуре и осознанного обращения язычников и мусульман в православие. Стержнем «Правил» была идея о приоритетности обращения в православие по сравнению с усвоением государственного языка.

Возникновение системы Н.И. Ильминского тесно связано с конкретными историческими условиями и этноконфессиональной ситуацией, в которой оказались народы Поволжья ко второй половине XIX в. Начиная со второй половины XVI в. вплоть до 70-х гг. XIX в. официальная политика просвещения в Среднем Поволжье строилась на принципах «лобовой» русификации, допускавшей использование только церковнославянского и русского языков в церковной проповеди и школьном обучении. Недобровольная христианизация, преследовавшая цель этнической ассимиляции, приводила к росту сопротивления против нее. Это выразилось, с одной стороны, в часто формальном характере принятия православия чувашами, а с другой стороны, в большом движении вероотступничества среди чувашей, прежде всего в ислам. Помимо русской культуры на чувашей воздействовала татарская, выступавшая конкурентом и альтернативным образцом для

подражания. Притом влияние татар на чувашей было более сильным, чем влияние русских. Так, И.Я. Яковлев вспоминал, что татарского муллу принимали в чувашских домах более охотно, чем священника[13]. Тюркоязычные чуваши, исторически живущие рядом с мусульманским консолидированным населением, близкие ему по культуре и быту, объективно склонялись к магометанству. Но принятие ислама для чувашей означало потерю национальной самобытности. По документам известно, что в первой половине и середине XIX в. отатарилось несколько десятков тысяч чувашей, перешедших в мусульманство[14]. А по оценке авторитетного исследователя В.Д. Димитриева, со времени вхождения народа в состав России значительная его доля (примерно до 40 %), приняв ислам, стала татарами[15]. «Свершилось странное явление, – писал И.Я. Яковлев. – Инородцы, прожившие под русским владычеством и влиянием целых три столетия, официально исповедовавшие православие, разделенные на приходы, содержавшие местное духовенство, принужденные исполнять христианские требы, неожиданно оказались мусульманами... русская христианская культура потерпела тяжкое поражение»[16].

Система Н.И. Ильминского была призвана разрешить данную проблему путем распространения христианского просвещения среди нерусских народов на их родных языках. По его словам, главная цель, преследуемая им при организации школ для нерусских детей, – православно-христианская, религиозно-воспитательная, в интересах духовного сближения с русским народом[17]. Ее конечным итогом должно было стать обрусение «инородцев» Поволжья. Но обрусение «не как насильственное... а как мирное завоевание инородческих душ и сердец “русскою верою”, усвоенною на языке инородца, свободного, благодарного за учение чувства»[18].

Политическими и социальными предпосылками принятия системы Н.И. Ильминского явились гибкая правительственная политика Александра II, стремившегося интегрировать народы Поволжья на путях их социально-экономической и культурной модернизации, начавшаяся ломка структуры традиционных обществ, вызванная либерально-буржуазными реформами 60-х гг. XIX в. Накопление положительного опыта использования в миссионерской деятельности родных языков народов региона также способствовало утверждению принципов Н.И. Ильминского в просвещении нерусских народов востока России.

Реализация идей Ильминского осуществлялась по ряду направлений: открытие школ, создание особого типа учебных заведений для подготовки учителей из среды «инородцев» или в совершенстве владеющих их языком, издание религиозной, учебной литературы на языках народов Поволжья.

Первые чувашские школы по системе Н.И. Ильминского были организованы Братством св. Гурия в 1867 г. В 1870 г. насчитывалось 10 чувашских школ, в которых обучалось 160 учащихся. В них родной язык был предметом обучения в течение первых двух лет. В 70-х гг. XIX в. в чувашских школах преобладал трехлетний курс обучения, родной язык изучался в течение первого года. В последующие два десятилетия, в отличие от остальных «инородческих», в чувашских школах установился четырехлетний курс обучения, преподавание родного языка велось на протяжении первых двух лет[19].

Детищем Н.И. Ильминского была Казанская учительская семинария, кардинально повлиявшая на развитие образования и культуры, воспитавшая плеяду национальной чувашской интеллигенции. Достаточно отметить, что семинарию

окончили 185 чувашей[20]. Чрезвычайно большую роль сыграл Н.И. Ильминский в формировании таких выдающихся просветителей Поволжья, как И.Я. Яковлев, М.Е. Евсевьев, И.С. Михеев. И.Я. Яковлев являлся одним из лучших и наиболее последовательных учеников Н.И. Ильминского. На основе системы своего учителя он разработал более широкую программу просвещения чувашского народа и реализовал разработанный Н.И. Ильминским принцип о двуязычной начальной школе в дореволюционной России. Знакомство чувашского просветителя с Н.И. Ильминским произошло в Казани в сентябре 1870 г. Сам Яковлев так определил значение своих встреч с просветителем: «Ильминский убедил меня, что в основу образования родных мне чуваш должен быть положен не русский, а родной их язык, что это правило должно применяться вообще ко всем инородцам»[21]. Под влиянием Н.И. Ильминского Иван Яковлевич выработал конкретный план просвещения чувашского народа, создал новый чувашский алфавит и первый букварь. Дружба просветителей продолжалась более двадцати лет, и все это время И.Я. Яковлев всегда находил сочувствие и преданное участие Н.И. Ильминского в деле просвещения чувашского народа.

Усилиями Н.И. Ильминского была организована и поставлена на постоянную основу переводческо-издательская деятельность на национальных языках народов Среднего Поволжья. Под его руководством развернулось осуществление разработки письменности на основе кириллицы для восточных народов России, создавалась система переводов на национальные языки, учитывающая их доступность и фонетические особенности. Переводы и книгоиздание немусульманских народов Поволжья осуществлялись главным образом благодаря переводческой комиссии православного миссионерского общества при Братстве св. Гурия (1867–1917), председателем которой с 1876 г. до своей кончины в 1891 г. являлся Н.И. Ильминский. Ею с 1867 г. по 1 сентября 1892 г. было напечатано книг на чувашском языке 42 названия в 73 изданиях. Это была преимущественно религиозная литература[22]. Как руководитель комиссии, Ильминский всячески защищал чувашские переводы от недоброжелательных критиков[23]. Переводческо-издательская деятельность переводческой комиссии при Братстве св. Гурия способствовала становлению письменно-литературного чувашского языка и заложила традиции издания национальной литературы. Не менее важным являлось то, что книгопечатание на родном языке повышало цивилизационный статус народа, служило доказательством его культурной полноценности. Однако до начала XX в. книжная продукция на чувашском языке светского содержания оставалась весьма немногочисленной по тиражам и репертуару.

Система просвещения, разработанная Н.И. Ильминским, поддержанная российским правительством и реализованная при участии ее создателя, учеников, соратников и последователей, сыграла заметную роль в подготовке условий для национального просвещения народов Среднего Поволжья. Преследуя цель русификации этносов посредством распространения христианского просвещения, она внедряла национальный язык обучения, способствовала появлению новых «инородческих» школ и национальных кадров для них, становлению национальных литературных языков и издательского дела, объективно стимулировала рост национального самосознания народов Востока России, формировала их национальную элиту, которая в начале XX в. выступила с национальными и политическими требованиями.

Активным адептом и транслятором идей Н.И. Ильминского в педагогическую практику был Николай Иванович Золотницкий (1829–1880). Его просветительская деятельность в Чувашском крае связана с исполнением в 1867–1871 гг. должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, но она не ограничивалась кругом служебных обязанностей. Н.И. Золотницкий известен как исследователь чувашского языка и этнографии, основоположник отечественного чувашского научного языкознания, автор капитальных научных трудов.

Просветительскую деятельность Н.И. Золотницкий начал с того, что встал в ряды сторонников первоначального обучения нерусских детей на родном языке. Первым в истории чувашского просвещения он теоретически обосновал и практически подтвердил мысль о необходимости использовать в школьном обучении родной язык учащихся, исходя в том числе из положительного опыта отца, который был одним из первых сельских учителей, отказавшихся от способа обучения путем бессмысленного заучивания на русском и церковнославянском языках. Несмотря на запреты штатных смотрителей школ и начальников учебного округа, рискуя впасть в их немилость, старший Золотницкий в своей школе обучение строил на чувашском языке, используя чувашскую грамматику и переводы Евангелия и катехизиса[24]. Просвещение нерусского населения, по утверждению Н.И. Золотницкого, должно служить усвоению «инородцами понятий о нравственном превосходстве русской народности». Но выполнение этой задачи, по мысли просветителя, возможно только при обучении ребенка на языке, «на котором он уже привык мыслить и выражать свои мысли и в котором для него ясно и понятно каждое слово»[25]. В «Записке о народном образовании чуваш», составленной 9 сентября 1866 г., Н.И. Золотницкий сообщает о «первых нуждах в деле народного просвещения чуваш» следующее: «Для возможного скорейшего обрусения чуваш, для распространения в массе их основных понятий о христианских истинах и для успешного хода у них народного образования необходимо:

«1. Первоначальное обучение чувашских детей на их родном языке. Для этого требуются книги, печатанные русскими гражданскими буквами...

а) чувашский букварь: эта книга составляется мною на родном языке под заглавием “Чуваш кнеге”...

б) краткое изложение Священной истории...

в) краткое изложение катехизиса и обязанностей христианских...

г) перевод Евангелия...

2. Заведение образцовой чувашской школы в г. Цивильске...»[26]

Такая постановка дела обучения на родном языке независимо от субъективных устремлений педагога должна была способствовать развитию образования и национальной культуры.

Необходимость создания учебной литературы для школ выдвигала задачи научного изучения чувашского языка и создания национальной письменности. Н.И. Золотницкий принялся за выполнение этих задач. Им опубликовано несколько значительных научных трудов по вопросам чувашского языка, предпринята попытка составления алфавита с учетом фонетических особенностей чувашского языка. При всем несовершенстве графического оформления звуковой системы чувашского языка, в принципе, его алфавит послужил основой для дальнейшего совершенствования и окончательного формирования чувашской графики. В этом смысле Н.И. Золотницкий является одним из зачинателей создания чувашского

алфавита и письменности. Свой алфавит он применил в издании учебников и переводных книг[27]. В 1867 г. Золотницкий выпустил первый букварь для чувашских школ, издавал календари на чувашском языке (с 1867 г.). Его главный научный труд – «Корневой чувашско-русский словарь» (1875) – первый историко-этимологический словарь чувашского языка, который содержит более 3000 слов. За свои научные изыскания в области чувашеведения Н.И. Золотницкий был удостоен в 1879 г. золотой медали Русского географического общества.

Н.И. Золотницкий стоял у истоков переводческого дела на чувашском языке. В 1869–1872 гг. он входил в состав переводческой комиссии Братства св. Гурия; впервые перевел тексты словесности других народов, а также некоторые образцы из русской литературы на чувашский язык. К переводческому делу он привлек непосредственных представителей чувашского народа (В. Якимов, М. Дмитриев, Г. Филиппов, М. Федоров и др.). Переводческая работа некоторых его последователей (Г. Филиппов, М. Федоров) вскоре переросла в чувашское поэтическое творчество. Фактически переводная художественная литература чувашского народа зародилась в недрах литературно-переводческой школы Н.И. Золотницкого[28].

Ученый поддержал мнение В.В. Радлова, высказанное в 1887 г., о том, что «нынешние чуваши суть потомки древних болгар». Он, в частности, считал, что в Волжской Болгарии функционировали два языка: общетюркский (булгаро-татарский) и народный (булгаро-чувашский)[29]. Еще в студенческие годы Н.И. Золотницкий начал собирать фольклор чувашей: первокурсником участвовал в экспедиции В.А. Сбоева, записал 15 текстов чувашских песен, некоторые из них перевел на латынь и передал немецкому профессору Фатеру (в 1849 г. они опубликованы в Берлине). Интересовался историей Чувашского края, в газетах печатал заметки по краеведению Чувашии и Среднего Поволжья[30].

Просветительство Н.И. Золотницкого явилось ударом по старой практике школьной и книгоиздательской работы миссионеров, несмотря на то, что в его взглядах на задачи и цели образования нерусских народов было много общего с миссионерскими и сам он был убежденный сторонник русификации нерусских народов: как только Золотницкий увидел, что его ученики идут дальше его в национализации образования, он резко воспротивился этому. Стоило В.К. Магницкому высказать сожаление, что «чуваши не создали для себя чувашских книг, из которых могли бы черпать дальнейшее свое образование», как Н.И. Золотницкий заявил: «...г. Магницкий скорбит о том, что радует и должно радовать всякого истинно русского и истинного православного человека: мы думаем, что отсутствие у чувашей собственной литературы... поможет русско-православным деятелям скорее просветить и обрусить этих инородцев; чуваши для себя не могли создать книг, направленных к этим целям. Мы, по очевидной нужде, стараемся дать им, ради вернейшего укоренения в них православия и легчайшего ознакомления их с русской грамотою, первоначальные учебники на их родных наречиях (писанные русскими буквами), но мы же первые восстанем против кого бы ни было, кто вздумает создавать для тех же инородцев их народную литературу, и во что бы то ни стало будем препятствовать подобному предприятию»[31]. Позже он яростно хулил алфавит и чувашские издания И.Я. Яковлева[32].

Вместе с тем вышеприведенные высказывания вошли в противоречие с практической деятельностью автора. Система Н.И. Золотницкого, основанная на обу-

чении на родном языке чтению, письму, счету, пению, предусматривала преподнесение учащемуся сравнительно широкого круга знаний, содействие развитию его как человека мыслящего, на что были рассчитаны и программа, и учебные книги. Это и составляло положительную сторону его системы, в последующем окончательно вытеснившей пережитки палочной муштры новокрещенских школ. Пользуясь предоставленным родному языку правом «гражданства» в образовании и просвещении, прогрессивная чувашская интеллигенция, в первую очередь ученики Золотницкого поставили педагогические принципы последнего на службу чувашскому народу.

Просветительские идеи Н.И. Золотницкого, прежде всего в области этнографического изучения и просвещения чувашей, успешно развил Василий Константинович Магницкий (1839–1901), который говорил о Н.И. Золотницком: «Мой незабвенный учитель по исследованию быта чуваш»[33]. Действительно, ряд научных трудов Магницкого имеет прямое отношение к деятельности его предшественника. Одна из работ так и называется – «Дополнение к Корневому чувашско-русскому словарю». В.К. Магницкий писал статьи о чувашском языке в связи с поставленными Золотницким вопросами, печатал отзывы о его работах, полемизировал с ним и поддерживал его, боролся против искаженных истолкований его исследований, популяризовал их[34].

Исполняя должность судебного следователя 2-го участка Чебоксарского уезда и инспектора народных училищ в уездах Казанской и Вятской губерний, Магницкий защищал гражданские права нерусских народностей, в том числе чувашей, немало сделал для улучшения школьного образования нерусских детей. Он сочувственно относился к положению чувашских крестьян, выступал против надругательств чиновников, с возмущением отзывался о жестокости, появившейся во время подавления крестьянских волнений в Акрамовской и Сюндюковской волостях[35]. Его официальные отчеты и доклады, журнальные и газетные корреспонденции, научные труды посвящены реабилитации культурных достижений чувашского народа, незаслуженно искаженных и извращенных в казенной этнографической литературе и официальных документах, где чувашей награждали эпитетами «крайне неразвитые», «малоумные», «невежественные» и т.д. и тем самым, по выражению Магницкого, «возвели на них горы вранья и измышлений»[36]. В ряде статей В.К. Магницкий подробно описал факты грубости и насилия местных властей по отношению к чувашским крестьянам, показал, как чиновники пользовались каждым удобным случаем для глумления над ними лишь за то, что они говорят не по-русски[37]. Он не оставлял незамеченной ни одной публикации о чувашах и тотчас откликался, если находил в ней неточности или сознательные искажения. Например, он решительно выступил против тенденциозной статьи Михневича о чувашах Цивильского уезда, полностью отверг ложные доводы о социальной беспомощности крестьян и указал на факты их борьбы в защиту своих общественных интересов[38], призывал просвещенную общественность направить свои силы на изучение языка, быта, культуры и правдивое освещение жизни «инородцев» Поволжья[39]. В.К. Магницкий резко критиковал «государственников-патриотов», выступавших за насильственное и «скорейшее обрусение чуваш». «Если народности за тысячелетия своего существования, – писал он, – сохранили свой язык, обычаи и т.д., то кто вправе им запрещать дальнейшее развитие на самобытной основе; путь к содружеству с народностями России заключается не в руси-

фикации их, а во внутреннем усовершенствовании на основе родного языка, литературы»[40].

Он ратовал за развитие культуры чувашской деревни и улучшение крестьянского быта – за открытие сельских лечебниц, создание библиотек, устройство общественных бань, внедрение прогрессивных методов ведения сельского хозяйства и т.д.

В.К. Магницкий проявил себя и как прогрессивно мыслящий представитель русской педагогической общественности: последовательно боролся с пренебрежительным отношением к так называемым инородческим школам, добиваясь изменения и улучшения общей организации работы в них и внедрения новых методов обучения. Выступал за широкий охват образованием чувашской молодежи. 27 августа 1891 г., в день празднования 100-летия Козьмодемьянского городского училища, он прислал поздравительный текст с пожеланием: «В наступающем втором столетии желаю большего притока в училище чуваш и черемис, моих земляков»[41]. В спорах по поводу развития национальных школ В.К. Магницкий твердо отстаивал принцип обучения на родном языке и этому вопросу посвятил несколько работ, из которых особенно примечательна статья «О преподавании в инородческих школах»[42], в которой есть такие строки: «Сколько мне известно, принцип, что каждая народность должна получать начальное школьное образование на своих родных языках, с лишним 300 лет тому назад высказал славянский педагог, чех Амос Каменский»[43]. Статья «Грамотность у чуваш в Ядринском уезде», написанная еще в начале его публицистической деятельности (1864), поднимала вопрос о том, что в печати нет материалов, посвященных образованию инородцев. В ней он подверг сомнению и критике школьные методы обучения чтению и письму, в которых господствовали схоластика и педантизм, в результате чего, чтобы научиться лишь писать свое имя, чувашский ученик должен был пробыть в школе не менее двух лет[44]. Это выступление Магницкого было очень важным и актуальным в то время, когда на просвещение и развитие культуры нерусских народов со стороны официальных кругов не обращалось должного внимания.

Высоко ценил В.К. Магницкий просветительскую деятельность своих современников. Он полностью разделял взгляды И.Я. Яковлева, считавшего непременным условием обучения в школе использование национального компонента. В письме к директору народных училищ Казанской губернии Магницкий прямо заявил, что «он убежденный единомышленник И.Я. Яковлева по указанному вопросу»[45].

Убежденный в широких творческих способностях чувашского народа и возможностях их проявления при соответствующих условиях, В.К. Магницкий с заботой относился к нарождающейся чувашской национальной интеллигенции; внимательно следил за тем, как развивается чувашская молодежь в школах, и не раз, по собственному же признанию, задавался вопросом, дойдет ли кто-либо из учеников до университета, и был несказанно рад, когда однажды увидел чуваша-студента Казанского университета[46]. Василий Константинович отмечал каждое проявление представителями чувашского народа оригинальной мысли и гуманных чувств. Он широко популяризовал С.М. Михайлова – первого этнографа из чувашей, посвятив его научной и литературной деятельности несколько своих статей; добивался издания собрания его сочинений. Интересовался изучением народного быта и собиранием устно-поэтического творчества чувашских учителей, учащих-

ся школ, образованных крестьян, из их среды подготовил ряд активных корреспондентов Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. При содействии и настоянии В.К. Магницкого приобщился к этнографической работе М.Ф. Федоров, в будущем известный писатель, автор баллады «Леший». В.К. Магницкий принял активное участие в творческой судьбе исследователя Н.М. Охотникова, талантливого представителя чувашской молодежи, рано ушедшего из жизни, этнографические заметки которого Магницкий издал после его смерти [47]. Магницкий поддерживал и направлял энергию известного собирателя чувашских этнографических и фольклорных материалов, бытописателя И.Н. Юркина, с которым имел продолжительную и частую переписку (Юркин называл Магницкого своим учителем, но учителем своеобразным – через письма)[48]. Восторженно встретил Василий Константинович появление трудов Н.И. Ашмарина о чувашском языке, о народной поэзии и назвал его «новой умственной силой» родного ему Чувашского края»[49].

Весом вклад В.К. Магницкого в изучение истории и этнографии чувашей. В его историко-этнографических трудах дана картина чувашской действительности XVI–XVIII вв., а также современного ему периода. Он описал социальный строй и бытовой уклад, материальную и духовную культуру чувашей. Магницким-ученым всегда руководило стремление к честному служению науке во имя интеллектуального и духовного развития народов Среднего Поволжья и Приуралья. Вопреки господствовавшему в то время скептическо-пренебрежительному отношению к духовной культуре «инородцев», он своими трудами доказывал, что чувашский народ ни в чем не уступает другим народам. В своей общественной и педагогической деятельности Магницкий отстаивал национальное равноправие, право народов на развитие на основе передовых, демократических и гуманных принципов. Своими просветительскими идеями он воспитывал у народов уважение друг к другу, служил прогрессу, способствуя развитию просвещения, культуры и росту национального самосознания чувашского народа. Мировоззрение и научно-педагогическая деятельность Магницкого характеризуют его как прогрессивного просветителя демократического и светского направления, в отличие от предшественников.

Русские мыслители и просветители второй половины XIX в., прежде всего Н.И. Ильминский, Н.И. Золотницкий и В.К. Магницкий, определили главные направления национального просветительства чувашского народа: общекультурное – связанное с развитием письменности и литературного языка, национальных отраслей знаний; общественно-педагогическое – обеспечивающее социокультурное возрождение через развитие школьного образования чувашей. Они также подготовили культурное социальное пространство для деятельности своих преемников – чувашских просветителей. Их труд на ниве просвещения и в изучении культуры чувашей стал стимулом для молодой национальной интеллигенции (С.М. Михайлов, И.Я. Яковлев, И.Н. Юркин, Н.В. Никольский и др.) в изучении, сохранении и популяризации духовной и материальной культуры, расширении и совершенствовании народного образования чувашского этноса, приобщении его к передовым достижениям русской и мировой культуры.

С.М. Михайлов – пионер чувашского просветительства

Первым литератором, этнографом, историком из чувашей, пионером чувашского просветительства следует признать Спиридона Михайловича Михайлова (Яндуш, 1821–1861)[50]. «Из миллиона чуваш и черемис, – писал он о себе, – я первый еще писатель в России»[51]. Выходец из чувашского народа, из обычной крестьянской семьи, благодаря пытливому уму и упорному труду, получая знания самостоятельно, возвысился до уровня высокообразованных людей того времени. В 1842 г. казанский губернатор утверждает его «штатным переводчиком чувашского языка при Козьмодемьянском земском суде», на этой должности С. Михайлов остается до конца жизни. Наблюдая нравы, порядки, царившие в судебных органах и местном управлении, когда власти «бьют и терзают чуваш»[52] (взятки, поборы, насмешки, обращение как с людьми низшего сорта и т.д.), он не мог не проникнуться сочувствием к униженным соплеменникам и стремлением доказать их полноценность. Чтение исторических, этнографических и статистических трудов, газет и журналов, знакомство с произведениями русских писателей – от Ломоносова до Пушкина и Лермонтова – и трудами Н.М. Карамзина; контакты с видными учеными А.И. Артемьевым, И.Н. Березиным, П.С. Савельевым, А.Ф. Риттихом способствовали проявлению у Михайлова интереса к познанию истории и культуры своего народа, освоению исследовательских методов, разработке литературного языка[53]. По мнению исследователей творческого наследия просветителя, он учился русскому языку и приобретал литературно-творческие навыки «по произведениям А.С. Пушкина прежде всего». А языково-художественный стиль С.М. Михайлова создавался по примеру Н.М. Карамзина и развивался в его манере[54].

Как просветитель С.М. Михайлов проявил себя в научной деятельности и литературном творчестве, которые имели ряд аспектов: публицистика, историко-этнографические исследования, сбор и обработка образцов устно-поэтического народного творчества, создание оригинальных художественных произведений. Просветительский дух в них выразился в поисках путей восстановления объективной истории чувашского народа; стремлении к просвещению родного народа и избавлению его от невежества, суеверия; в изъявлении глубокого уважения и любви к родному народу, защите и возвеличиванию духовной культуры этноса и в полемике с теми, кто ущемлял его достоинство; в защите писателем народных общественных и социальных интересов; в освещении результатов своих исследований чувашского, марийского и русского народов[55].

«Не бояся отныне, финн! (первоначально происхождение чувашей С.М. Михайлов связывал с финно-уграми и поэтому отождествляет их. – *В.К.*). Теперь ты не презренный... не бойся, чуваш», написал он редактору «Казанских губернских ведомостей» И.А. Артемьеву в декабре 1851 г.[56] В этих словах звучит не просто восторг за успехи своего сочинения, о котором лестно отозвался ученый А.И. Артемьев, но и стремление разорвать путы национального неравенства, высокая оценка народа, к которому он принадлежит.

Работая переводчиком в земском суде, он был очевидцем бесконечных притеснений простых чувашей со стороны чиновников и коштанов. Местные власти «дурно управляют чувашами и во зло употребляют благонамеренные распоряжения правительства», «писаря и старшины чуваш... являются сами первыми притеснителями и бывают примером для разврата, отчего в подчиненных им чувашах

теряют всякое к себе доверие и заставляют смотреть на себя как на врагов», не говоря уже «о лицах занимающих высшие инстанции»[57]: «вместо того, чтобы руководить инородцев на пути гражданственности, они стараются всеми мерами преграждать стремление к цивилизации»[58] – такую нелицеприятную характеристику дает С.М. Михайлов существующим порядкам. В своих публицистических «вставках» к сочинениям он ставит злободневные вопросы общественной жизни, обличает пороки местного управления и произвол администрации, эксплуатацию трудящихся чувашей промышленниками и торговцами, сочувственно относится к сельской и городской бедноте. Особенно характерны в этом отношении его произведения «Известия из Козьмодемьянска», «Разговор на постоялом дворе», «Разговор дедушки Ивана с Григорием», «Село Ишаки ...». В статье «О ярмарках в Козьмодемьянском уезде в 1856 году и о ценах на привозные товары в г. Козьмодемьянске» автор приводит примеры надувательства разного рода торговцами, обкрадывания крестьян: «...хлеб у чуваш скупается за самую низкую цену, а потом богатый капиталист втридорога продает его беднякам-горожанам»[59]. Михайлов с горечью описывает злоупотребления местных чиновников. «Нет житья от них бедным чувашам», – заявляет он в путевом очерке «Разговор на постоялом дворе»[60], в котором описан случай мошеннической проделки волостного головы и писарей, собиравших деньги с крестьян якобы для того, чтобы освободить от рекрутства. «Застращали их, бедных, как овец: с кого 10, с кого 20, а с кого 30, с кого 50, а с иного сорвали по 100 целковеньких»[61]. А рекрутского набора в том году и не было.

Обличая беспредел и беззакония чиновников, выход из этого положения С.М. Михайлов видит в изменении местного административного управления, чтобы порочных чиновников «заменили люди добросовестные, с здравым смыслом, могущие руководить нас, инородцев, к добру и истреблять монгольские понятия в подчиненных»[62]; чтобы сами представители чувашского народа могли участвовать в государственном управлении. Последняя идея предполагала многое: преодоление языкового (администрация говорит на языке народа) и психологического барьера (народ не видит в администраторе пришельца, а пока же волостные головы и писаря «везде поделаны плуты и мошенники пришлые»), надежду на то, что представители народа будут знать его нужды и заботиться о его благополучии, вместе с ними простые чуваши будут постепенно вовлекаться, проявлять себя в общественно-политической жизни[63].

Социально-политические взгляды С.М. Михайлова наиболее ярко представлены в труде «Отчего чуваши давятся и какие правительство должно принять меры для предупреждения этого явления» (1856). В нём он излагает суждения о том, как местные власти должны поступать в отношении «инородцев». В первом, идеологическом блоке рекомендаций автор предлагает семь мер, среди них – пропаганда христианских догматов на родном языке «инородцев», искоренение суеверия и язычества, формирование правосознания нерусского населения («внушать инородцам, что гражданские законы изданы для охранения благосостояния народа и что всякий может защищать себя в суде»), развитие и улучшение постановки школьного образования инородческих детей[64]. Во втором, политическом блоке С. Михайлов выдвинул десять мер по установлению справедливости в управлении чувашским населением: в волостную и сельскую администрацию следует выдвигать людей «с хорошими качествами, а не с испорченной нравственностью, какие большею частию ныне занимают эти должности»; жалобы и заявления в сельские

и волостные управления должны рассматриваться и решаться по закону; чиновникам нужно обращаться с «инородцами благоразумно, поставив себя примером, с ними не пьянствовать и их не притеснять и не обманывать на каждом шагу, а напротив, стараться заслужить уважение народа»; стремиться установить «добрые нравы» и принципы справедливости и морали в его среде , «а так называемых коштанов и ябедников, живущих за счет ближнего и обманывающих, постепенно выводить в обществе»; способствовать подъему хозяйства, ремесел, развитию образования и законопослушания, религиозных начал и медицины, искоренению бедности и явлений суицида среди чувашей[65].

Выдвинутые С.М. Михайловым идеи свидетельствуют о просветительском характере его мировоззрения. И хотя в них еще не сформулирована осознанная программа национального возрождения и общенациональная идея, однако его призывы в защиту прав чувашского народа, об искоренении невежества, передаче местного управления образованным чувашам, разработка специальных правил для управления чувашами говорят о том, что он приблизился к пониманию гражданственности чувашского народа. Мысль о том, что чуваши – цивилизованный народ, проводится во многих его работах. Так, в очерке «Казанские инородцы перед памятником Державину в Казани» автор заключает: «Таким образом, и чуваши, слывущие доселе самыми необразованными инородцами, тоже любопытны, тоже умеют ценить добродетель не менее просвещенных людей и также способны к восприятию возвышенных понятий»[66]. В статье «О музыке чуваш» он отмечал, что через музыку чувашский народ выражал внутреннюю жизнь и тем обнаруживал степень своего нравственного образования[67]. С чувством гордости за свой народ он вдохновенно рассказывает о музыке чувашей, их музыкальных инструментах. В то время, когда широко было распространено убеждение о непонимании чувашами музыки, об отсутствии у них оригинальных музыкальных инструментов и песен, Михайлов описывает чувашскую музыку и убеждает в отсутствии ущербности своего народа[68].

В очерке «Чувашские свадьбы» автор говорит о поэтической одаренности родного народа. Он подводит читателя к выводу: у чувашей полное образности и глубокомыслия устно-поэтическое творчество. Михайлов отмечает, что доказательством полноценности чувашского народа служит также и его собственное научное и публицистическое творчество. «Может ли быть, чтобы человек чувашского происхождения и не учившийся в высших учебных заведениях стал писать дельное?» – за глаза говорили о Михайлове учителя Козьмодемьянска. Отвечая на это, он писал: «И патриарх русской словесности, Михайло Васильевич Ломоносов, был сын рыбака... Почему и я, хотя сам и подножие Ломоносова, не хочу отстать от начатого...»[69]

В одном ряду с развитием цивилизованности и гражданственности С.М. Михайлов ставил задачи преодоления невежества и бескультурья, распространения грамотности, сети школ и подъема общего образовательного уровня чувашей, избавления их «решительно от рабства и непросвещения». В противоположность казенной историко-этнографической науке, объяснявшей отставание культуры и фактическое отсутствие образования у чувашей их примитивной психикой[70], Михайлов причины отсталости и невежества видит в отсутствии целенаправленных мер по просвещению его соплеменников, сохранении среди них языческих предрассудков и суеверий. Давая оценку образованию чувашей в прошлом, он пишет:

«В тогдашнее время чуваши грамотность считали за великую науку, совершенно недоступную их детям, так как тогда между чувашами грамотных почти никого не было, а если были кое-какие, то волостные писаря и родственники отдавали их в солдаты для искоренения грамотности между чувашами»[71]. Задолго до официального интереса Михайлов целенаправленно проанализировал состояние народного образования на примере Козьмодемьянского уезда. В труде «Статистические очерки Козьмодемьянского уезда» анализу грамотности чувашей и марийцев он посвятил специальный раздел «Степень образованности». На примере одного уезда здесь наглядно демонстрируется нелицеприятная картина состояния образованности и охвата начальным обучением молодежи: «В Козьмодемьянском уезде... по 9-й народной переписи (1850–1851 гг. – *В.К.*) числится обоего пола 73 846 душ; из них грамотных людей считается в городе 480, в уезде 290, всего 770 человек. Следовательно, принимая в расчет общее число ревизских душ, пропорция грамотных к неграмотным как 1:100»[72]. С.М. Михайлов указывает, что в уезде было только семь приходских училищ для государственных крестьян и в них обучалось 198 чел. (187 мальчиков и 11 девочек), в Козьмодемьянске функционировали уездное и приходское училища с количеством учеников в 105 чел. Во всем уезде обучалось, таким образом, 303 чел. Соотношение числа учащихся к общему количеству населения было 1: 260[73].

Приведя печальную статистику по образованию в Козьмодемьянском уезде, публицист называет и причину такого положения – бездеятельность местных властей, которые не обращают никакого внимания на развитие просвещения в чувашских селениях и, более того, сознательно его тормозят. «Утвердительно могу сказать, что писаря, старшины и некоторые из духовенства вместо прилежания к просвещению чуваш, – отмечает он, – стараются как можно продолжать в них закоренелое невежество, дабы они с постепенным образованием не могли перебить им дорогу на пути тунеядства и проч.»[74] Препятствием к обучению чувашских детей, по свидетельству просветителя, являлась также бедность их родителей, отсутствие средств. «Чтобы содержать одного мальчика в училище, нужно двух отдать в заработки», – говорили ему крестьяне[75].

С.М. Михайлов не ограничился показом и раскрытием причин неприглядности школьного обучения у чувашей. В статье «О сельских приходских училищах и об успехе учения в них инородческих детей» (сохранился лишь черновой вариант), написанной в 1857 г. для Русского географического общества и представленной оттуда в Министерство народного просвещения, он делится соображениями об улучшении образования чувашской молодежи. По замыслу просветителя, детей в школах должны обучать специально подготовленные учителя, а не священнослужители, перегруженные служебными делами, которые по этой причине «не могут с успехом преподавать им учения, и в таком случае весьма редкие из мальчиков выходят смышлеными». «Цель образования... – подчеркивает он, – состоит в том, чтобы развивать между этим народом грамотность, а расторопнейших мальчиков приготовить на должности волостных и сельских писарей, занимаемые обыкновенно русскими»[76]. Следовательно, просвещение, согласно убеждениям С.М. Михайлова, должно служить прежде всего общественному развитию нации, чтобы образованные представители народа могли участвовать в органах администрации и управлять чувашами. Касаясь вопросов, как и чему учить, С.М. Михайлов стоял на позициях христианско-нравственного воспитания, обращая перво-

степенное внимание на нравственность, духовность, добросовестность в воспитании и обучении. Преподавание в школе, как полагает он, должно быть построено на принципах добровольности и личной заинтересованности: в ученики «должно записывать таких мальчиков, которые сами желают учиться, и не брать насильственным образом»[77]. Такое понимание вопросов образования чувашей фактически означало отход от официального курса на принудительную русификацию и открывало новое направление в просвещении нерусских народов с преподаванием «на родном языке науки»[78].

С.М. Михайлова волновала не только постановка учебно-воспитательной работы в школах, он поднимал вопросы о создании центральных школ для чувашей. Например, писал о необходимости открытия таких школ в чувашских селениях Ишаки и Чемеево[79], обосновывая такой выбор тем, что в них «бывает большое стечение инородцев на богомолье» и что «чувашские дети в подобных приходах лучше учатся, чем в других обыкновенных селениях, имеющих училища»[80]. В своей родной деревне Юнгапоси Михайлов организовал обучение крестьянских детей на дому. Учил он их по составленному им рукописному чувашскому букварю[81]. Вне всякого сомнения, одним из важнейших мероприятий по образованию чувашских детей С.М. Михайлова было первоначальное преподавание в школах на родном языке. Такой вывод делает исследователь его педагогического наследия Д.Е. Егоров[82], хотя документальных данных на этот счет не имеется. Анализ статей и публицистики, хода рассуждений просветителя позволяет согласиться с умозаключением, что он подспудно пришел к такому выводу[83].

Следует отметить и попытки С.М. Михайлова научно разработать некоторые вопросы чувашского языкознания. Он, например, описал различия между «низовыми» и «верховыми» чувашами, в их говоре[84]. Наречие верховых (ишакских) чувашей он считал правильным, потому что оно не содержало иноязычных слов и выражений. Исследователь делает изыскания с целью установить место чувашского языка среди других языков, определить его родственные связи с другими языками, выяснить генезис (этимологию) отдельных чувашских слов[85].

Чувашские тексты С.М. Михайлова высоко оценивались учеными. Так, после выхода книги «Чувашские разговоры и сказки» филолог и востоковед И.Н. Березин констатировал: «Автор – даровитый чувашенин... Изданием чувашских текстов г-н Михайлов оказал большую услугу восточной филологии, теперь ученые имеют возможность определить истинное место чувашского языка». Об этой же книге газета «Казанские губернские ведомости» в статье «Учение и литературные известия» сообщала: «...в этом издании в первый раз ученые познакомятся с пространными оригинальными чувашскими текстами»[86]. Эти оценки подтверждают значимость трудов С.М. Михайлова для языкознания. Однако объективные и субъективные условия были таковы, что С.М. Михайлов не дошел до создания новой чувашской письменности. Эту задачу решил И.Я. Яковлев.

В просветительской деятельности С.М. Михайлова большое место занимают его исследования по этнографии и истории. Этнографом родного уголка назвала Михайлова газета «Казанские губернские ведомости». Его современник А.И. Артемьев отмечал превосходное знание им «языка и быта своего племени»[87]. В числе наиболее важных этнографических работ С.М. Михайлова значатся ненапечатанный и утраченный «Историко-этнографический очерк быта чуваш», «Краткое этнографическое описание чуваш», «Чувашские свадьбы», «Предания чуваш». В сво-

их трудах исследователь старался глубже осветить те вопросы, которые были обойдены в книгах А.А. Фукс и В.А. Сбоева. В отличие от многих своих предшественников, распространявших этнографические сведения, полученные лишь в одной местности, на весь чувашский народ, Михайлов всегда указывал, что он пишет о верховых чувашах. Описал он также быт и культуру горных марийцев и русского населения края. Ученый не ограничивался фиксированием фактов, старался в ряде случаев объяснить их генезис и рассматривать их в эволюции; не довольствуясь регистрацией фактов, он ищет «в них проявление души народной, связи их с историческим процессом общественного развития»[88]. По его мнению, народ сам в процессе хозяйственной деятельности, сообразуясь с жизненными потребностями, развивает свою культуру, но это развитие происходит не изолированно, значительную роль играет взаимовлияние народов. Культурно-бытовому взаимодействию чувашей и марийцев он отводит значительное место в своих этнографических очерках. В быту и культуре родного народа Михайлов наблюдал не только положительное. При этом он был свободен от расистских воззрений, распространенных в этнографии в середине XIX в., и не разделял страсти некоторых этнографов к экзотике и выдумкам (обоснованными фактами Михайлов разоблачил вымысел «о сухой беде»). Он изучал жизнь, быт и культуру народа не как посторонний наблюдатель, а как человек, живущий в этой среде, вследствие чего его труды не содержат неточностей. Для него характерны подход к этнографическим явлениям в социальном плане, обособленное рассмотрение этнографических показателей богатого и бедного слоев населения[89].

Спиридон Михайлов не делал широких теоретических обобщений по этнографии, но заслуженно считается первым чувашским этнографом: чувашский народ с его бытом показал именно таким, каким он был в то время. Его этнографические труды оказали большую услугу чувашскому народу, поскольку начисто отметали измышления этнографов-шовинистов, возводивших клевету на чувашей, изображавших их нецивилизованными и отсталыми во всех отношениях. Он сумел показать, что «инородцы» имеют свою самоценную культуру.

С.М. Михайлов пробовал свои силы в исторических исследованиях. Как историк, он наметил пути к решению проблемы происхождения чувашского народа. Вначале вслед за Н.М. Карамзиным исследователь в ряде своих статей называет чувашей финнами. В путевом очерке «Казанские инородцы перед памятником Державину в Казани» он пишет: «Переданные мною слова сильно подействовали на сердца молодых моих товарищей – финнов»[90]; в письме к А.И. Артемьеву от 29 декабря 1851 г. говорит о себе: «среди собратий своих из поколения финн-чуваш»[91]. Однако в последующем просветитель перестал слепо следовать за признанным историком. На основе собранных исторических и лингвистических данных он делал свои заключения, его взгляды претерпели эволюцию. Ему принадлежит, пожалуй, самое тактичное для его времени заключение по вопросу этногенеза чувашей: «Я могу лишь предположительно сказать, что чуваши происходят от разных племен, так же как все народы царства Болгарского: конечно, в них есть и болгары, и финны, и монголы»[92]. И наконец, прямо причисляет чувашей к тюркским племенам и считает, что «чуваши, будучи отрасль турецкого племени, обитали в Закамской стране на севере-востоке и, может быть, вышли они из Сибири...»[93].

В статьях С.М. Михайлова получили отражение и более поздние этапы истории чувашского народа. Он показал добровольный характер вхождения чува-

шей в состав Московского царства и его помощь русским войскам при взятии Казани, осветил вопросы, касающиеся положения населения Чувашского края в XVII–XVIII вв., историю населенных пунктов и отдельных археологических памятников. Большое внимание обратил исследователь на участие чувашей в восстании Е.И. Пугачева. В очерке «Воспоминания о пугачевщине» он подчеркивает, что народ помнит и чтит Пугачева. В работе «Предания чуваш» Михайлов отмечает такой интересный факт: чуваши свое летоисчисление ведут от Пугачева, так как война под его предводительством наиболее памятна населению[94].

С.М. Михайлов известен и как первый чувашский археограф: выявил и опубликовал ряд исторических документов. В своих статьях исследователь широко использовал факты из письменных источников и исторические предания народа. Его труды способствовали популяризации среди чувашей истории своего народа, он познакомил образованную ее часть с наиболее яркими историческими событиями и личностями, с эпизодами героической борьбы народа за свое существование и тем самым опроверг основной концептуальный посыл официальной историографии, считавшей нерусские народы Поволжья «неисторической категорией»[95], и в некотором роде возвратил народу его историю.

К историко-этнографическим исследованиям близки фольклорные изыскания С.М. Михайлова. Ученый был не только собирателем чувашского фольклора, но и первым его исследователем. Специалисты отмечают, что в исследование фольклора Михайлов внес элемент теоретического анализа и системности и что его работа по сбору и обработке произведений устно-поэтического творчества, его оригинальные рассказы о жизни и быте народа послужили примером для передовых представителей интеллигенции из чувашей в создании чувашской письменности и оригинальной художественной литературы[96]. С.М. Михайлов активно использовал богатейший чувашский фольклор в работе над литературными произведениями; устное народное творчество стало одним из важнейших источников формирования мировоззрения С.М. Михайлова и его просветительских взглядов. Без знания народного творчества С.М. Михайлов не мог бы стать одним из крупных деятелей культуры и просвещения своего народа.

С.М. Михайлова интересовали все жанры фольклора: исторические предания и воспоминания, легенды, обрядовый фольклор, малые жанры, песни, сказки, причем не только чувашей, но и русских, мари и удмуртов. В ряде своих сочинений он опубликовал немало чувашских песен на родном языке и в переводе на русский язык, десятки чувашских пословиц, поговорок, примет, загадок, исторических преданий, сказок. В середине XIX в. они представляли собой самое большое собрание произведений чувашского фольклора. Более полное представление о С.М. Михайлове как исследователе чувашского фольклора дает его сборник «Чувашские разговоры и сказки», который содержит четыре чувашские песни, 34 пословицы и приметы, образцы говоров чувашей, рассказы о приключениях, две чувашские сказки, 43 загадки, 5 прибауток. Такое разнообразие жанров в одном сборнике никем из его предшественников еще не было представлено[97]. На фольклорном материале С.М. Михайлов воссоздал духовный портрет чувашского народа, отразил реалии его жизни, быта и мировоззрение. Исследования просветителя по фольклору явились важным этапом изучения духовной культуры чувашского этноса.

Собранные образцы фольклорного творчества, как уже отмечалось, С.М. Михайлов активно использовал в своих трудах. Его публицистика, научные и литературно-художественные работы отличаются литературным совершенством, логичностью, композиционной завершенностью, прекрасным стилем, богатым, ярким и сочным языком[98]. Как исследователь, оперируя фактами, Михайлов всегда стремился и к художественному их описанию. Писательское мышление С.М. Михайлова литературоведами характеризуется как этап, ознаменовавшийся широким проникновением в чувашскую литературу и «утверждением в ней народного сознания», ее «переходом от синкретического», универсального сознания к "специализированному", к типу собственно художественной литературы»[99].

Своей многогранной научно-литературной деятельностью С.М. Михайлов оставил родному народу замечательные сочинения, которые являются «выражением духа народного»[100]. Следуя в русле основного направления прогрессивных идейных движений и научной мысли своего времени, он утвердил идею народности в формирующейся общественной мысли чувашей, стремился к познанию своего народа посредством познания его истории, этнографии. Он первым из чувашей взял на себя миссию исследователя своего народа в том широком плане, в каком это делалось русской наукой о русском народе, причем сделал это «с европейским взглядом на вещи»[101]. Своим творчеством Спиридон Михайлов способствовал развенчанию ложных взглядов и предрассудков о неспособности чувашей и других народов Поволжья к высшим проявлениям интеллектуальной и творческой деятельности; открыл перед российским читателем подлинный чувашско-марийский мир с его богатой духовной жизнью и одаренностью. Во всех его произведениях подспудно сквозит стремление осуществить для родного народа равенство общественно-политических прав с другими народами, свободу развития его национальной культуры.

Он размышлял о судьбе своего народа. Историческую перспективу чувашского этноса С.М. Михайлов видел, с одной стороны, в сохранении его национального своеобразия, а с другой – в едином «русско-православном государстве». Такой подход проистекал из того, что, называя себя «обрусевшим инородцем-писателем»[102], по своим убеждениям и действиям С.М. Михайлов не был насильником-русификатором; он открыл новое направление в просветительстве, предвосхитившем в какой-то мере программу поволжских шестидесятников, основанную на отказе школы и церкви от методов принуждения в социокультурной интеграции нерусских народов, на заботе об их просвещении с учетом национальной самобытности.

Прогрессивное развитие чувашского народа С.М. Михайлов усматривал в утверждении социальной справедливости, которая, по его мнению, должна выражаться в честном служении «царевых слуг» на местах, в духовно-просветительской миссии православной церкви путем проповеди христианства на родном языке и искоренения языческих суеверий, во всестороннем просвещении чувашского народа. Будучи в то время единичным представителем из числа образованных и интеллектуальных чувашей, он остро осознавал свою нетипичность. Этим объясняется его жизненное кредо: «...вся моя мысль и все мои желания клонят к тому, чтобы... своих единоплеменцев повлечь за собой. Будет уже жить им в невежестве!»[103]

Просветительская деятельность С.М. Михайлова была по достоинству оценена уже его современниками – видными российскими учеными А.И. Артемьевым,

И.Н. Березиным, А.Ф. Риттихом. В частности, А.И. Артемьев так писал о Михайлове: «Как природный чувашенин, он знал превосходно язык и быт своего племени, и как человек, значительно развитый чтением, мышлением и практической жизнью в среде русской, он с родственною любовью, но и беспристрастно судил о своих соплеменниках. В этом отношении все его статьи замечательны...»[104] Казанский литератор А. Невзоров отозвался о просветителе следующими словами: «...обращает на себя особенное внимание писатель-самоучка из чуваш Спиридон Михайлов... Известно, что чуваши принадлежат к числу неграмотных наших инородцев, и доселе человек образованный между ними, а тем более писатель, был неслыханное чудо...»[105] Высоко оценила деятельность С.М. Михайлова петербургская газета «Русский дневник»: «Государственный крестьянин Спиридон Михайлов не русский, а чувашенин (подчеркнуто редакцией. – *В.К.*), он первый образованный, с европейским взглядом на вещи человек из этого племени, в которое едва только еще проникают первые шаги государственности. Г-н Михайлов давно обратил на себя внимание ученого мира...»[106] По подсчетам В.Д. Димитриева, исследователя творчества С.М. Михайлова, о просветителе сказано в 35 дореволюционных изданиях – книгах, статьях, энциклопедиях. Во второй половине XIX в. труды С.М. Михайлова перепечатывали в десятках книг, даже без указания автора[107]. Научная, литературная и служебная деятельность С.М. Михайлова еще при его жизни получила общественное и официальное признание. В 1854 г. он был избран членом-сотрудником Русского географического общества, которое через пять лет отметило его научные заслуги серебряной медалью – «за доставление Обществу в течение многих лет любопытных этнографических и статистических сведений о чувашах Казанской губернии и русском населении Козьмодемьянского уезда». В 1856 г. он был удостоен звания члена-корреспондента Казанского губернского статистического комитета, в 1859 г. – царской серебряной медали за службу в качестве переводчика[108].

Просветительская деятельность И.Я. Яковлева и его историческая роль в социокультурном преобразовании чувашского народа

Во всей полноте и наиболее ярко черты чувашского просветительства раскрылись в общественно-педагогической и научно-литературной деятельности Ивана Яковлевича Яковлева (1848–1930), около полувека работавшего «над национальным подъемом чуваш»[109]. Как отметил видный представитель отечественной педагогической мысли, основоположник этнопедагогики Г.Н. Волков, «у чуваш не было Кирилла и Мефодия, Шекспира, Коменского, Ломоносова, Пушкина, Гёте, Толстого, Андерсена... И. Яковлев был всем для чуваш: изобрел алфавит, писал пьесы и мечтал о театре, создал первую в России подлинно трудовую школу-интернат для детей беднейших крестьян, создал чувашскую классическую педагогику, писал стихи и рассказы, переводил Толстого, Гёте, Пушкина, Андерсена...»[110]. Формированию И.Я. Яковлева как просветителя чувашей способствовала сама обстановка в стране второй половины XIX в. Яковлев жил и трудился в период капиталистической модернизации России, когда у наций и народностей пробуждалось и росло национальное самосознание. Ответом на вызов времени стало появление такого «духовного исполина», как И.Я. Яковлев, ставшего своего рода апостолом чувашского возрождения[111] и не имевшего себе

равных по степени влияния на весь дальнейший ход подвижническо-просветительской деятельности интеллигенции[112].

Как и его предшественникам, просветительству И.Я. Яковлева была свойственна православно-миссионерская идеология. «Будучи христианином, – пишет он в 1870 г., в самом начале своего просветительского пути, – любя Россию и веруя в ее великую будущность, я от души желал бы, чтобы чуваши были просвещены светом Евангелия и слились в одно целое с великим русским народом. То и другое, как важное и необходимое для блага и счастья чуваш...»[113] Однако реальное наполнение просветительства Яковлева оказалось гораздо шире телеологии. Сам И.Я. Яковлев, подводя итоги своей сорокалетней просветительской деятельности, так определит ее суть: 1) «Основная идея – идея христианского просвещения инородцев светом Евангелия. Эта задача была требованием совести и сердца руководителя Школы и требованием самой жизни»; 2) «Другой идеей была идея сближения и объединения их с русским народом... положенная в основу развития Симбирской школы и всей моей деятельности»; 3) «Родной язык в школьном обучении, родной язык за богослужением, Евангелие на родном языке, доступное пониманию всякого чувашенина, учитель и священник из природных местных инородцев, из крестьянской среды... та третья идея, которая направляла развитие Симбирской школы»[114].

Таким образом, распространение христианского просвещения И.Я. Яковлев мыслил вместе с национально-культурным развитием этноса. Православие просветитель рассматривал не как способ ассимиляции народа, а как канал приобщения к достижениям русской культуры и повышения культурно-экономического и политического статуса родного народа. И лейтмотивом просветительской программы И.Я. Яковлева стало национально-культурное и духовное возрождение чувашского народа, и этим она переросла рамки миссионерства, охватила более широкий спектр развития этноса. Именно в связи с его деятельностью национальное просветительство чувашского народа становится самостоятельным явлением, происходит институциональное оформление культуры народа: родной язык – язык школы, появляются национальное учительство, письменность, литературный язык, агенты национального просветительства в лице первых представителей национальной интеллигенции; исследования фольклора, этнографии, национального языка окончательно выходят за рамки миссионерских и приобретают характер научно-теоретических задач.

«Обрусение инородцев», о котором часто писал и говорил И.Я. Яковлев, он понимал не как буквальную (физическую) ассимиляцию, а как духовное слияние с русскими[115]. «Нашей задачей, – заявит он в 1898 г, – было духовно слить инородцев с русским народом»[116]. В 1908 г. он скажет: «Национальная идея развития инородцев есть идея их духовного объединения и слияния с русским народом и поднятия первых до уровня последнего»[117]. Значит, перспективы чувашской национальной жизни неотделимы для него от развития русской нации, и иных альтернативных путей культурного и социального возрождения чувашского народа он не видел. И.Я. Яковлев был уверен, что патриархально-традиционная чувашская национальная культура больше не может стоять на периферии общечеловеческой цивилизации и что процессы христианизации чувашей, начатые еще в XVI в., невозможно остановить, но нужно всячески поддерживать. Воспитанный в духе русско-христианской культуры, в чувашской политеистической вере он ви-

дел много рудиментарного и оценивал это как тормоз на пути возрождения народа[118].

Приобщение родного народа к русской культуре мыслилось просветителем на основе сохранения самобытной чувашской культуры, непременного использования чувашского языка («поднять культуру чуваш возможно только через родной, понятный им язык»)[119]. Он был против какого-либо принуждения в национальных отношениях. Это требование сформировано им предельно четко: «Инородцы должны прочно войти в великую семью русского народа, но войти в нее не пасынками, а равноправными детьми. <...> Прежде всего надо устранить всякую мысль о насильственном воздействии, мысль, столько раз приводившую к самым печальным результатам, не надо стремиться обрусить инородцев, а надо помочь им обрусеть»[120].

Уже признанный в качестве патриарха чувашского народа, в 1917 г. он с полным основанием заявлял: «Я никогда не разделял господствовавших отчасти в правительстве, но и главным образом среди духовенства и земств, руководимых представителями узкого национализма стремлений к насильственной русификации инородцев, тем более сам никогда таких навязанных мер не употреблял»[121].

Просветительство И.Я. Яковлева, не будучи статичным явлением, претерпело эволюцию. Первоначально он утвердил себя в мысли, что вся задача исчерпывается просто обучением возможно большего количества мальчиков-инородцев русскому языку в русской школе и что овладение русской грамотой чувашами есть основное и достаточное условие позитивного изменения их образа жизни, улучшения социального положения, для чего «просто провести через русскую школу сколько возможно мальчиков-чуваш, и только»[122]. (В 1868 г. Яковлев даже написал статью, опубликованную в «Симбирских губернских ведомостях», в которой выступил против употребления родного языка в обучении чувашей[123]). В своих воззрениях он находился тогда под влиянием своего учителя по Бурундукскому училищу А.И. Баратынского[124]. «Нам представлялась необходимость, – напишет по прошествии лет Яковлев, – все дело школьного образования исключительно вести через русский язык и по русским книгам; чувашский язык, по тогдашним нашим представлениям, не должен был ни под каким видом допускаться среди учеников, так как он не в состоянии выразить тех мыслей, чувств и понятий, какие должны быть сообщены школьникам, тем более нельзя допустить книг на родном языке; переводы Священного Писания и церковно-богослужебных книг мы считали совершенно невозможными»[125]. Но общение с передовыми представителями интеллигенции произвели переворот в его просветительских воззрениях. Так, встреча с польским ссыльным О.Л. Косинским (1864–1865) пробудила в будущем просветителе чувство национального достоинства[126]. Знакомство с Н.И. Ильминским, придерживавшимся совершенно противоположных взглядов, чем А.И. Баратынский, убедило Яковлева, что средством приобщения чувашей к русской культуре должны стать непременно родной язык, национальная письменность и школа родного языка[127].

Эти положения стали краеугольным камнем педагогической просветительской системы И.Я. Яковлева. В вопросах конфессиональной будущности чувашского народа И.Я. Яковлев также стал сторонником Н.И. Ильминского (христианизация через просвещение на основе родного языка), поскольку реально оценивал происходящие в России социально-экономические и политические преобра-

зования и понимал, что в православном государстве задачи образования чувашей нельзя решить вне христианской политики[128].

Общение с демократически настроенными образованными представителями русской культуры показало ему самоценность этнической самобытности любого народа. И.Я. Яковлев вспоминал о беседах с историком А.П. Покровским, преподававшим в симбирских учебных заведениях в 70-х гг. XIX в.: «Будучи горячим русским патриотом, Покровский стоял за то, чтобы один народ не порабощал другого. Зная о моей деятельности по просвещению чуваш, в основу которой была положена идея сближения чувашского народа с русским, Покровский неоднократно беседовал со мной на тему о моих начинаниях. Он спрашивал меня о том, достаточно ли я обосновал мои планы. По его мнению, как бы ни был мал, ничтожен, дик народ, но пусть он живет своей особенной, природной, самобытной жизнью, сохраняя свою оригинальность. Его пугало то соображение, что чуваши, о хороших качествах которых я ему рассказывал, слившись с русским народом, потонув в нем, утратят свои племенные особенности»[129]. В своих мемуарах он приводит интересное размышление Н.И. Ильминского[130], который «не сочувствовал... узкообруситель ной программе» официальной власти и «проводил ту мысль, что инородцы составляют лишь часть русского народа, но входят в состав всего человечества. Поэтому, например, по отношению к русским инородцам, надо привить им все то хорошее, что есть у русских, сохранив у них («инородцев». – *В.К.*) все их хорошее, историческое, национальное»[131].

На всех этапах национальной общественно-просветительской деятельности И.Я. Яковлева стержневой была идея просвещения чувашей на основе родного языка и, главное, через национальную школу. Просвещением переустроить жизнь народа, всколыхнуть его, пробудить творческую энергию, привести в движение его внутренние силы и через то достичь расцвета нации – в этом был смысл «чувашских преобразований» («чувашского дела», «чувашско-просветительского дела») И.Я. Яковлева, как сформулировал сам просветитель[132].

Программные положения по просвещению чувашей И.Я. Яковлев изложил в докладных записках директору гимназии и училищ Симбирской губернии И.В. Вишневскому от 25 августа 1870 г. и попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову от 22 декабря 1870 г. В них цели и задачи будущего просветителя уже были увязаны с христианским просвещением и сопротивлением исламско-татарской ассимиляции. Яковлеву представлялась только такая дилемма: магометанство, ведущее к быстрому растворению чувашей среди мусульман, к тому же чреватое противопоставлением чувашей русским, или же христианство – государственная идеология русских, которая предотвратит столкновение его соплеменников с русскими на религиозной почве, даст возможность пользоваться и культурными благами русского народа, более того, при возможности пользоваться родным языком сохранит чувашский народ как самобытный спутник русского народа[133]. Исходя из сложившейся национальной ситуации, И.Я. Яковлев выдвигает такие цели: чтобы защититься от исламизации и отатаривания чувашей, которым язычество неспособно противостоять, необходимо привить чувашам христианское учение путем церковной проповеди на родном языке; открывать школы для чувашских детей, в которых бы преподавали на родном языке учителя-чуваши; создать чувашскую письменность, наладить переводы на чувашский язык религиозной, учебной и другой литературы; организовать подготовку педагогов-чувашей, оказав поддержку Симбирской чувашской школе[134].

Воплощением замыслов и практической реализацией формулы «просвещение светом Евангелия» стала созданная в 1868 г. И.Я. Яковлевым Симбирская чувашская школа (в 1877 г. преобразована в Центральную чувашскую, в 1890 г. – в Чувашскую учительскую школу). Первым пунктом Положения цель образовательного учреждения определялась как «приготовление учителей для начальных чувашских училищ в видах распространения религиозно-нравственного, православно-русского просвещения среди чувашского населения»[135]. Декларируя главным содержанием образования религиозность и будучи последовательным адептом системы инородческого просвещения Н.И. Ильминского, для которого религиозность составляла «душу образования, основание всего»[136], на деле свою систему педагогики И.Я. Яковлев подчинил общеобразовательной программе, которая в подготовке народных учителей ориентировалась на широкую аксиологическую базу, учет национальных ценностей, потребностей и требований фундаментальности: будущий педагог должен был получить знания не только Закона Божия, грамматики, арифметики, географии и истории, но и естественных наук, медицины, сельского хозяйства, кроме того, уметь хорошо писать, рисовать, читать ясно и выразительно, петь и даже знать основы нотной грамоты[137].

Центральным педагогическим принципом своей школы чувашский педагог-просветитель сделал принцип народности – обучение с учетом этнокультурных и этнопсихологических особенностей, ориентация на национальные и традиционные ценности. Известен рассказ В.А. Калашникова, первого учителя и воспитателя Симбирской чувашской школы, о том, как он старался как можно лучше преподавать предметы методами, которые тогда были распространены. Казалось, как пишет Калашников, дело шло легко и хорошо. «Но не того хотел Иван Яковлевич. При всяком посещении школы он выражал мне свое сожаление, что здесь не тот дух... какой желателен для чуваш... Между прочим он говорил, что подражание чувашами русским не есть еще просвещение их, что даже знание русского языка, арифметики и т.п. учебных предметов не составляет для его школы предмета первостепенной важности...»[138] В поисках «своего духа», «чувашского пути» Яковлев нашел, что опора может быть только на исконно национальные корни всей культуры и традиции самого народа и что основой в выработке теории и практики национальной школы нужно сделать национальный компонент образования и воспитания. Его стержнем И.Я. Яковлев сделал обучение родному языку и преподавание на нем, благодаря чему весь процесс воспитания и обучения в школе принимал сознательный характер. Уместно в связи с этим привести воспоминания видного деятеля народного образования в Среднем Поволжье И.В. Ишерского, который в качестве инспектора народных училищ Симбирской губернии побывав впервые в 1877 г. в Раскильдинском, Штанашском, Четайском и Пандиковском училищах Курмышского уезда, в которых обучались чуваши, ярко охарактеризовал, к чему приводило игнорирование родного языка в школе: «Преподаватели здесь были русские люди, преподавание велось исключительно на русском языке... к своим обязанностям все относились честно.... И все-таки результаты от их трудов получались очень ограниченные. Весь запас знаний в чтении, счете и письме ограничивался приобретением лишь механических навыков... Привычка к механическому буквализму, соединенная с крайне плохим пониманием русской разговорной речи, доходила до того, что беспрестанно приходилось выслушивать от учеников повторение слов моего же приказания, которое они должны были бы

только выполнить. Например, скажешь, бывало, ученику: «Повтори слово – “рыба”, “сядь”, “встань”», и он тотчас же повторяет: «Повтори слово – “рыба”, “сядь”, “встань”...»[139].

Опираясь на систему просвещения Н.И. Ильминского в вопросе школьного применения родного языка, И.Я. Яковлев пошел дальше своего учителя. По программе Ильминского родной язык допускался как средство лишь первоначального обучения – в первый год учебы. Яковлев считал необходимым использовать родной язык не только для первоначального обучения, но как орудие постоянной и последовательной работы по руководству развитием учащихся. Дидактика начального обучения, разработанная И.Я. Яковлевым для чувашской школы на основе «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г., значительно усилила роль родного языка и национальный элемент в учебно-воспитательном процессе. Срок обучения в двуязычной начальной школе им был установлен четыре года вместо трехгодичного в русской школе, обучение на родном языке осуществлялось в 1–2 классах, а в последующих классах он оставался обязательным предметом[140]. Педагог-просветитель активно добивался практического осуществления этого принципа во всех инородческих школах. По его настоянию в 1880 г. съезд инспекторов народных училищ Казанской губернии пришел к заключению о необходимости модифицировать систему Н.И. Ильминского в вопросе школьного применения родного языка: было решено ввести чтение книг на родном языке во всех четырех классах, даже тогда, когда ученики свободно владеют русской речью. Учитель инородческих школ обязательно должен был знать язык учеников, поскольку весь первый год обучение предполагалось на материнском языке и по книгам на родном языке воспитанников[141].

Высокий ценностный статус родного языка в образовании рассматривался И.Я. Яковлевым не только как средство эффективного обучения чувашских детей, но и как важный элемент национального возрождения, призванный помочь преодолеть невежество и способствовать развитию языка как узлового компонента национальной культуры, средоточия духа и памяти народа, формы внутринационального общения.

Вместе с тем в национальной школе И.Я. Яковлев значительное внимание уделял изучению русского языка. Русский язык в трансляции педагога-просветителя позволял готовить широкообразованную национальную интеллигенцию. Поэтому забота о хорошем усвоении чувашскими учащимися русского языка (на основе и с помощью родного языка) стала непреложным правилом деятельности И.Я. Яковлева и как педагога, и как инспектора школ[142]. В определении места и роли родного и русского языков для образования «инородцев» национальный просветитель также пошел дальше Н.И. Ильминского. Последний рассматривал национальные языки как средство миссионерской пропаганды и орудие изучения государственного русского языка. В национальном просветительстве Яковлева русский язык выступал языком образованности и культуры, каналом межнационального общения, как культурно-образовательная база чувашской интеллигенции.

Эффективное внедрение национальных компонентов в содержание образования обеспечивалось и использованием И.Я. Яковлевым в педагогической подготовке национальных учителей ценностей народной культуры, что было важно для сохранения положительной этнической самоидентификации молодых людей

и предотвращения их маргинализации. Показательно, что в Симбирской чувашской школе отмечались традиционные народные праздники, сохранялись и культивировались лучшие национальные обычаи. Достаточно рано будущих учителей привлекали к сбору образцов фольклора, записи народных обрядов, переводческой деятельности[143]. По убеждению продолжателя просветительского дела Яковлева Н.В. Никольского, это было необходимо, чтобы учащиеся «с любовью подходили к народной жизни, чтобы почувствовали всю поэзию народной словесности, красоту народной музыки, богатство речи, глубокий исторический смысл обрядов, работу созидательной мысли в устройстве жилища, в орудии и оружии, в технических приемах»[144].

Заложив общий фундамент чувашского национального образования, И.Я. Яковлев стал зачинателем чувашского женского образования. «Мне казалось несправедливым, – писал И.Я. Яковлев, – чтобы в то время, когда для чуваша-мужчины открывалась дорога к просвещению, женщины-чувашки оставались бы в невежестве»[145]. Необходимость в женском образовании определялась не только крайне низкой грамотностью среди женщин по сравнению с мужской частью населения, но и осознанием особой роли женщины как носителя культурной традиции: грамотная девочка – грамотная мать; грамотная мать – грамотная семья; грамотная семья – грамотный народ[146]. Первый эскиз своей программы женского образования Яковлев дал в докладной записке «Соображения о мерах к развитию просвещения в чувашском населении Казанского учебного округа», написанной в 1876 г.[147] В собственном доме, на личные средства в 1878 г. он открывает женское отделение Симбирской учительской школы. В 1881 г. это отделение было узаконено, в 1890 г. преобразовано в женское училище, с последующим приданием ему в 1901 г. статуса двухгодичных, в 1912 г. – трехгодичных курсов.

Для пропаганды идеи женского образования педагог-просветитель использовал миссионерские съезды, апеллировал к педагогической общественности. Важное место в этой работе занимали публикации в открытой печати: «Чувашская учительская школа в Симбирске и женское училище при ней» (Православный благовестник. 1893. № 11), «Соображения о распространении женского образования между чувашами» (Там же. № 1); статья «Очерк возникновения женского при Симбирской чувашской школе училища» (Церковные ведомости. 1893. № 24)[148]. Выступления И.Я. Яковлева по этому вопросу имели заметный резонанс, обратив внимание прогрессивной общественности на новые задачи в деле инородческого образования.

Самой сложной задачей было изменение отношения семей к школьному образованию девочек. Чувашские семьи зачастую последовательно выступали против обучения дочерей в школе. Причин для этого было множество. Прежде всего, девочка школьного возраста была постоянной, а не сезонной работницей в семье, как мальчик. Учение также воспринималось сельским социумом либо как забава, либо как повинность. И.Я. Яковлеву приходилось любыми способами преодолевать препятствия на пути к просвещению женской половины чувашского населения. Рассказывая об открытии женского отделения при Симбирской чувашской учительской школе, он писал: «Так как вывоз из деревень чувашских девушек и девочек был вначале делом новым, необычным в деревне, то приходилось прибегать к различным способам их вербовки. Так, например, мы с женой оплачивали стоимость их переезда до Симбирска»[149].

Хотя крестьяне неохотно отдавали девочек на учебу, положение постепенно менялось в лучшую сторону. В конце XIX – начале XX в. чувашские девочки учились в народных школах Министерства народного просвещения, земских училищах, школах православного ведомства. В 1911 г. в Чувашском крае в 670 сельских школах из обучавшихся 32 427 учащихся насчитывалось 6 507 девочек, или 20,1 % (в 1869 г. в 58 чувашских школах на его территории обучалось 2 080 чел., из них девочек было 13 %)[150]. По оценке И.Я. Яковлева, в Симбирской чувашской учительской школе к началу XX в. (с 1878 по 1895 г.) были подготовлены 122 чувашские учительницы[151]. За весь период существования ее женскими подразделениями было выпущено 387 профессионально подготовленных педагогов[152].

Понимая, что национальное образование невозможно без учебной литературы на родном языке, И.Я. Яковлев в 1872 г. выпускает в свет чувашский букварь. Весь включаемый в него материал он обработал сообразно с особенностями восприятия чувашских детей. Букварь отражал многие стороны жизни чувашей: их быт, нравы, образцы устной словесности, религиозные представления. В 1873 г. просветитель выпускает «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки». Эта книга стала главным учебником не только чувашского, но и русского языков. Более того, букварь стал классическим образцом для создания однотипных по структуре пособий поволжскими просветителями[153]. Переводами и созданием учебно-педагогической литературы И.Я. Яковлев занимался вместе со своими учениками более 50 лет (1870–1922) при этом творчески использовал опыт предшественников, прежде всего Н.И. Золотницкого, М.Д. Дмитриева и др. Для чувашских школ И.Я. Яковлев составил и издал все необходимые учебники и учебные пособия на родном и русском языках: двуязычные буквари в 33 вариантах (с 1873 по 1919 г.); «Первоначальный учебник русского языка для чуваш», «Первоначальные разговорные уроки русского языка», «Уроки сравнительного изучения предметов», «Первую книгу для чтения после букваря на чувашском языке»[154]. Они сыграли значительную роль в развитии просвещения и культуры чувашей, по словам Яковлева, эти «дешевые чувашские издания сделали большое дело, они эту массу одухотворили и подняли»[155]. Во всех его учебниках присутствует богатый фольклорный материал. Так, при составлении букваря И.Я. Яковлев использовал народные песни, пословицы, поговорки. По его мнению, «народная мудрость, образцы устной словесности родного народа должны были стать предметом изучения для учащихся, чтобы вызвать в них любовь к родному слову, выработать с раннего детства терпеливое, серьезное отношение к учению, к жизни вообще»[156]. Учет национальной специфики, использование передовых достижений педагогики России конца XIX – начала XX в. позволили И.Я. Яковлеву разработать учебную литературу, определившую принципы и тенденции развития учебно-методической базы национальной чувашской школы на многие годы вперед.

Опираясь на передовые педагогические методики, фундамент этнической культуры и ценности национального своеобразия, И.Я. Яковлев сделал Симбирскую чувашскую учительскую школу кадровой опорой просветительских инициатив. Преобразование школы в 1877 г. в центральную официально закрепило ее как центр подготовки учителей для чувашских школ, открыло путь для дальнейшего развития ее как комплекса учебных заведений со включением в него мужского начального училища, женского училища (отделения), педагогических курсов, превращая ее затем в учительскую школу и семинарию. По фактическому со-

держанию и направлению работы школа стала местом формирования народных педагогов, не только владеющих прочными профессиональными знаниями, хорошо знающих среду учеников, но и обладающих прочной положительной этнической идентификацией и убежденностью в необходимости народного служения[157]. «Давая своим воспитанникам необходимую подготовку для будущей учительской деятельности, – подчеркивал педагог, – школа старается не вырывать их из среды, откуда они вышли. Почти все дети, поступившие в школу из деревни, возвращаются в нее обратно более или менее знающими людьми, но близкими по духу, языку и быту к окружающему населению, а потому и пользуются в глазах населения тем большим доверием, чем лучше понимают его интересы и чем ближе к нему стоят»[158].

Из школы И.Я. Яковлева вышло около 600 учителей, а также первая плеяда чувашской художественной и научной интеллигенции[159]. Часть выпускников Иван Яковлевич направлял в духовные семинарии, чтобы они по их окончании поступали в вузы или же определялись священниками в чувашские приходы[160].

Влияние просветителя на своих учеников сохранялось и после окончания школы. Он поддерживал тесную связь с ними, постоянно переписывался, давал самые различные полезные советы, например, как вести учебный процесс, какими учебными пособиями лучше всего пользоваться и т.д. Подвижничество национального просветителя уже само влияло на его учеников. Не случайно по его примеру некоторые учителя по своей инициативе организовывали школы и долгое время содержали их на свои средства. Так поступил А.В. Рекеев, организовавший восемь школ, а другой ученик И.Я. Яковлева К.С. Степанов бесплатно в течение двух лет работал помощником учителя в родной школе[161]. Эти подвижники народного просвещения и другие агенты национального просветительства повседневным трудом учителя, священника в национальных приходах (П.М. Миронов, П.О. Афанасьев, Д.Ф. Филимонов, И.С. Бюргановский и др.), работой национального журналиста (С.И. Игнатьев, Д.П. Петров, А.Г. Гаврилова и др.), творчеством литератора (И.Н. Юркин, И.И. Иванов, К.В. Иванов и др.) или композитора (Ф.П. Павлов, С.М. Максимов) реализовывали идеи национального возрождения, способствовали распространению в этнической среде ценностей национальной культуры.

В Симбирской чувашской учительской школе со времени назначения И.Я. Яковлева окружным инспектором чувашских школ Казанского учебного округа сосредоточилось организационное управление фактически всем чувашским просвещением. На посту инспектора чувашских школ (1875–1903) он выполнял работу огромного масштаба по инспектированию и открытию не только министерских, но и земских, церковно-приходских, братских училищ в Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской губерниях. Он способствовал открытию школ также в Уфимской и Оренбургской губерниях, не входивших в Казанский учебный округ. Ежегодно выезжая в инспекционные поездки по губерниям, просветитель встречался с чувашскими крестьянами множества селений, убеждал их в необходимости открытия училищ, стремился развить в населении потребность в образовании, приучить его к школе как к необходимому учреждению. С этой же целью он вел обширную переписку с органами управления, духовными правлениями, земствами и крестьянами. В итоге при участии И.Я. Яковлева и его учеников в Поволжье и Приуралье было открыто более 400 чувашских школ, сформировавших целую сеть начального образования среди чувашей[162]. Он стремился

и начальную школу подчинить нуждам и интересам чувашского народа, превратив ее в культурно-просветительный очаг. При многих школах имелись образцово поставленные земельные участки, ремесленные мастерские, библиотеки[163]. В начале 1900-х гг. И.Я. Яковлев начал переводить чувашские одноклассные училища Министерства народного просвещения в двухклассные, но с ликвидацией в мае 1903 г. «по соображениям политического характера» должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа эта работа была приостановлена. К этому времени И.Я. Яковлев успел преобразовать 16 одноклассных училищ в двухклассные[164].

Деятельность Яковлева являлась существенным фактором формирования педагогического пространства не только чувашского, но и других народов. Позиция просветителя отражалась в решениях съездов работников Поволжско-Приуральского региона. Так, в 1880 г. в Казани состоялся съезд инспекторов народных училищ, на котором И.Я. Яковлев выступил с докладом о состоянии нерусских начальных школ в Казанском учебном округе, представил проект по совершенствованию их учебных планов, программ, режима и т.д. Съезд утвердил практически все предложения докладчика. В постановлении Бичуринского съезда учителей (1883), в котором приняли участие чувашские, марийские и русские педагоги, было зафиксировано положение о внедрении в практику педагогической системы И.Я. Яковлева: растянуть курс обучения в инородческих школах на 4 года, принять систему двух отделений при четырехлетнем курсе обучения, начинать обучение «инородцев» русской грамоте со второго года, ввести чтение на родном языке во всех отделениях. В начале 90-х гг. XIX в. начальные школы многих народов Поволжья стали четырехлетними с двумя отделениями, а процесс обучения на родном языке осуществлялся в 1–2 классах. В 3–4 классах родной язык оставался предметом обучения. Впоследствии преимущество системы И.Я. Яковлева признал и Н.И. Ильминский, который пересмотрел старую программу и составил новую для нерусских начальных школ восточной России, с учетом популярности методики чувашского педагога[165].

Национальный просветитель всячески отстаивал необходимость равноправного положения инородческой школы в образовательном пространстве. В условиях, когда официальная политика в области просвещения нерусских народов менялась от консервативно-охранительной до либерально-реформаторской, ему приходилось лавировать. В ситуации доминирования запретительных мер Иван Яковлевич должен был искать точки соприкосновения своих концептуальных взглядов и действий с официальной концепцией просвещения, которая в отношении нерусских народов заключалась в поощрении их интеграции через приспособление православного просвещения к этническим особенностям нерусского населения. Он стремился максимально использовать имеющиеся административные возможности для пропаганды и реализации задач национальной школы, активно искал и находил себе союзников в высших сферах государственной власти, органах управления просвещением и среди отдельных общественных деятелей. Яковлеву удалось установить деловые контакты с министрами образования Д.А. Толстым и И.Д. Деляновым, обер-прокурором Святейшего синода К.П. Победоносцевым, рядом церковных иерархов, попечителей учебного округа, опереться в той или иной мере на их содействие[166].

Демократический подъем Первой русской революции просветитель использовал для повышения статуса национального языка в школьной практике, расширения сети школ, национального книгоиздания. Результатом его усилий стало рассмотрение проблем национальной школы в Особой комиссии (совещании) по вопросам образования восточных «инородцев» в мае 1905 г., в работе которой принял участие И.Я. Яковлев; в ней ему удалось защитить право первоначального обучения в национальных школах на родном языке[167]. Под влиянием революционных событий в 1907 г. вышли «Правила о начальных училищах для инородцев», разработанные под руководством министра народного просвещения П.М. Кауфмана. В них родной язык официально признавался языком обучения и воспитания в национальной школе до второго класса включительно. В последующих классах он оставался предметом обучения. При разработке «Правил...» широко использовался новаторский опыт Яковлева и организованных им чувашских школ. В этих целях в Симбирск приезжал член совета Министерства народного просвещения А.С. Будилович. После возвращения он представил министру отчет, который затем был издан брошюрой[168].

Просветитель встретил появление «Правил...» как качественный сдвиг в отношении официальных кругов и педагогов к национальной школе. И.Я. Яковлев в 1908 г. призывал расширить сферу применения «Правил...» на местах в целях реформирования инородческой школы, предлагал ввести должность заведующего инородческим делом при общественных учреждениях. Он считал уместным расширить подготовку учителей из среды «инородцев» и книгоиздание на их языках. «Правила...» П.М. Кауфмана успешнее всего внедрялись именно в чувашских школах. Современник писал, что, как только вышел этот документ, сторонники просвещения чувашей на родном языке сейчас же признали все чувашские школы существующими на основании этих правил[169].

В 1913 г. возобладало консервативное направление, что отразилось в «Правилах о начальных училищах для инородцев» (14 июня 1913 г.) министра народного просвещения Л.А. Кассо. Основное их отличие от правил Кауфмана заключалось в соотношении родного и русского языков в процессе обучения. Так, обучение русскому языку должно было начинаться не позднее третьего месяца с начала обучения, а преподавание на русском языке можно было начинать значительно раньше, чем через два года обучения[170]. Несмотря на смену правительственного курса, И.Я. Яковлев продолжил работу по развитию национальной школы, не используя государственную поддержку, но широко апеллируя к педагогической общественности и населению. В 1916 г. обстановка вокруг Симбирской чувашской учительской школы резко обострилась. По настоянию министра народного просвещения Н.К. Кульчицкого педагог-просветитель подлежал увольнению, а его школа – преобразованию в русское учебное заведение[171]. Однако Февраль 1917 г. радикально изменил социально-политическую ситуацию в стране. И.Я. Яковлеву удалось сохранить свою школу и передать ее советской власти.

Благодаря усилиям чувашского педагога-просветителя национальная школа на рубеже XIX – начала XX в. получила мощный импульс к развитию и самообновлению. Как последовательный ученик Н.И. Ильминского, И.Я. Яковлев поначалу видел школу такой, какой она задумывалась «просветителем инородцев», то есть как школу для первоначального обучения инородческих детей с преподаванием на русском языке с использованием родного языка. Однако уже в про-

цессе организации Симбирской чувашской учительской школы молодой человек вышел за рамки системы Ильминского, широко используя национальный компонент воспитания и образования, ставя перед школой не только образовательные, но и национально-возрожденческие задачи. Его трудами был заложен фундамент развития национальной школы чувашского народа, ее организационных, методических и кадровых сторон, он превратил её в социальный институт народа для подготовки образованных и равноправных граждан России. Просветитель разработал и успешно реализовал оригинальную систему подготовки сельских учителей, призванных развернуть на селе широкое общественно-просветительское движение; деятельность чувашских учителей впервые приобрела статус гражданской профессии, а школа – положение учреждения государственной и общественной службы. Созданная им широкая и прочная сеть чувашских школ решала генеральную задачу просветительства: национальная школа сохраняла и воспроизводила национальный менталитет, культуру, этнопсихологические особенности народа.

Масштабы общественно-педагогических инициатив, деятельности и творческой активности чувашского просветителя позволили ему стать одной из крупнейших фигур педагогического пространства Поволжско-Приуральского региона, влиявших на формирование системы народного образования, общественно-педагогическое движение этносов края. Разработанная им система образования с тремя типами начальных школ получила широкое распространение в начале XX столетия после утверждения «Правил о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России». Система начального образования И.Я. Яковлева с обучением на родном языке в первых двух классах распространилась на школы Министерства народного просвещения, земские и церковно-приходские школы и функционировала около 30 лет (1891–1917) как часть общегосударственной системы образования в Российской империи[172].

Наряду с развитием народного образования как первичного механизма реализации задач национального просветительства, И.Я. Яковлев приоритетное внимание уделяет языку и письменности – фундаменту этнического своеобразия, во многом определяющему ментальный комплекс народа. Язык, по мысли просветителя, оболочка духовного богатства каждого народа. «Душою всякого племени и всякого народа является язык его. Нет языка без народа, но нет и народа без языка... Вырвать же у чуваш их родной язык – это значит насильственно умертвить целое племя и искалечить его духовный облик»[173]. Поэтому создание письменного общедоступного литературного языка он рассматривал как неотъемлемую часть «чувашского дела».

Попытка создания чувашского письменного языка была предпринята еще до Яковлева, уже в первой половине XVIII в. За 100 лет, начиная с 1767 г., с момента появления первой печатной грамматики чувашского языка В.С. Пуцека-Григоровича, на чувашском языке было издано 20 книг, которые представляли собой религиозно-миссионерские переводы с русского и старославянского языков. Печатались они средствами русской графики без учета фонетических особенностей чувашского языка[174]. Утилитарные запросы государства и официальное признание педагогикой второй половины XIX в. первенства родного языка в первоначальном обучении в школах с нерусским составом учащихся привели к пересечению задач просветительства с потребностями государства, стимулировали

интерес религиозной и научной общественности к национальным языкам. Существенную поправку в чувашскую графику внес Н.И. Золотницкий. Его деятельность в области развития и сохранения языка, начатая в русле официальной политики Министерства народного просвещения, миссионерского общества «Братство святителя Гурия» и научных обществ, имела, как уже отмечалось, широкую просветительскую направленность.

До выступления И.Я. Яковлева чувашская графика оставалась неупорядоченной. Попытки дояковлевских исследователей чувашского языка и переводчиков религиозно-миссионерской литературы В.С. Пуцека-Григоровича, Е. Рожанского, Г. Рожанского, А. Алмазова, С. Элпидина, В.П. Вишневского и, наконец, Н.И. Золотницкого приспособить русскую азбуку к чувашскому языку не увенчались успехом только потому, что им не удалось передать все тонкости чувашской фонетики и точно определить звуковой состав языка[175]. Отсутствие нужных знаков мешало правильному воспроизведению фонетических звуков чувашского языка. На эти недостатки И.Я. Яковлев обратил внимание еще в 1867 г. «Я полагаю, что для выражения чувашских звуков необходимо составить некоторые условные знаки, без которых нельзя обойтись при выражении чувашских звуков»[176], – писал он в рецензии на книгу Н.И. Золотницкого «Солдалык кнеге». А через четыре года студент Казанского университета Яковлев вплотную занялся составлением чувашского алфавита. В 1871 г. вместе с русским студентом А.В. Белилиным он составил на основе низового диалекта первый вариант чувашского алфавита, состоящего из 47 знаков, и на этой основе в 1872 г. издал букварь. В том же году Яковлев и Белилин переделали алфавит, сократили количество букв до 27. В 1873 г. Яковлев снова пересмотрел и усовершенствовал свой алфавит. В двадцатипятибуквенном алфавите, вошедшем в историю с именем И.Я. Яковлева, все чувашские специфические звуки получили графическое обозначение, при этом новые чувашские буквы представляли собой те же буквы русского алфавита, дополненные диакритическими знаками[177]. В «Предуведомлении» к букварю Яковлев писал: «Для чувашского языка принят русский алфавит. Чувашские звуки, по произношению сходные со звуками русского языка, изображаются соответствующими знаками русского алфавита; для изображения же несходных звуков употребляются ближе подходящие буквы с придаточными знаками»[178].

Использование просветителем кириллицы в чувашском алфавите было обусловлено рядом факторов. Приоритетность миссионерских задач первого этапа просветительства сделали априорной ориентацию на православный греческий алфавит. Важное значение имело и то, что развитие письменности на базе титульного алфавита облегчало приобщение чувашского народа к достижениям российской, а через нее – мировой культуры. Наконец, учитывалась и существовавшая традиция разработки алфавитов – в основу нового чувашского алфавита он положил усовершенствованную Н.И. Золотницким графику, которая вела начало от первой грамматики чувашского языка[179].

Приступая к работе по определению звуков и букв чувашского языка, за основу будущего алфавита Яковлев взял низовой, укающий диалект, и его первый букварь был написан на низовом диалекте. Для верховых чувашей он хотел издать особый букварь на их окающем диалекте, но понял, что для консолидации нации необходим единый, общенациональный литературный язык, а издание книг на двух диалектах приведет к образованию двух письменно-литературных язы-

ков. Поэтому он решительно отказался от издания учебников на двух диалектах. Сосредоточив в руках все литературно-издательское дело, И.Я. Яковлев стал усиленно культивировать низовой диалект, обогащая его элементами верхового диалекта[180]. Первым мероприятием по выработке языковых норм чувашского общенародного литературного языка было «Предуведомление», составленное Яковлевым в 1872 г., перепечатываемое почти в каждом издании букваря. В «Предуведомлении» излагались графические, орфографические и произносительные нормы чувашского литературного языка[181]. Добиваясь общедоступности и нормативности литературного языка, любой чувашский текст, прежде чем сдать его в печать, Яковлев выносил на обсуждение, в котором участвовали носители разных говоров и диалектов. «Тут происходили споры, – вспоминал об этих обсуждениях Н.И. Ашмарин, – и в конце этих споров, в которых принимали участие десятки лиц, устанавливался тот или иной текст. Следовательно, этот язык с самого начала был общечувашским, а не чисто низовым или верховым»[182].

Создание национального алфавита стало настоящей революцией в культурной и общественно-политической жизни чувашского народа. «Утверждался не просто современный алфавит, а новая культура, – отмечает фольклорист В.Я. Канюков, – появилось светское книгоиздание, в школы пришло новое народное слово, учебные книги заговорили о началах наук, зародилась художественная литература, народная по своей сущности, – в общественном сознании состоялся поворот к активным духовным преобразованиям». И далее он подчеркивает: «Принципиально новое в его письменности заключается в том, что она восприняла, впитала в себя дух народного слова, народной мысли, воспрянула на идее народности культуры»[183].

При господстве духовно-миссионерской письменности, когда чувашские слова транскрибировались с полным игнорированием фонетических особенностей языка, книги на чувашском языке не пользовались авторитетом у читателей, их зачастую не понимали. Это отрицательно сказывалось и в деле просвещения. С введением нового алфавита, усовершенствованием письменности, использованием родного языка в первоначальном обучении интерес к книгам на чувашском языке резко повысился, начался перелом и в школьном образовании. Так, в 1879 г. на съезде духовенства Цивильского уезда было отмечено, что графика «г. Яковлева с кавычками и хвостиками при буквах нисколько не помешала книгам г. Яковлева сделаться самыми любимыми у чуваш; требования чуваш на эти книги постоянно возрастают... и они сделались настольными в каждой чувашской семье, в которой есть хоть мало-мальски грамотный»[184].

Деятельность просветителя в области культурно-языкового строительства не ограничилась разработкой нового алфавита, более адаптированного к живому строю чувашской речи. Выработка норм литературного языка происходила и в результате переводческой практики произведений религиозного и вероучительного содержания, классической литературы. Обращение к переводам было вполне правомерным и даже необходимым. В период деятельности Яковлева национальная литература только зарождалась и переводы способствовали приобщению публики к национальному языку и воспитанию любви к литературе. Переводная литература подготавливала читательскую аудиторию для национальной литературы[185].

Переводами на чувашский язык И.Я. Яковлев фактически занимался начиная с открытия Симбирской чувашской учительской школы. С 1878 г. он яв-

лялся членом переводческой комиссии православного миссионерского общества. Перевод священных, богослужебных книг и другой литературы на чувашский язык был включен в число обязанностей предписанием, данным ему при назначении на должность инспектора чувашских школ Казанского учебного округа 27 августа 1875 г. К этой работе он целенаправленно приобщал преподавателей и учеников Симбирской чувашской учительской школы (А.В. Рекеев, С.Н. Тимрясов, А. Петров, В.Н. Никифоров, М.П. Петров, И.С. Бюрганевский и др.)[186]. Им и его помощниками были переведены и изданы на родном языке весь Новый Завет, части Ветхого Завета, десятки учебников, исторических, естественнонаучных, художественных, медицинских, сельскохозяйственных и других книг[187]. В 1870-х гг. Яковлев создал целую антологию переводного детского рассказа для первоначального чтения. Он перевел произведения А.С. Пушкина, И.А. Крылова, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, С.Т. Аксакова и др.

Переводческие работы национального просветителя ознаменовали собой новый, более высокий этап письменно-литературного чувашского языка. Ориентируясь на культуру русского слова, они создавали в чувашском языке новые слова и словосочетания, обогатили семантику бытующих в языке слов новыми значениями. С 1872 по 1917 г. на чувашском языке было издано около 700 названий книг, основную часть которых составляла переводная литература. Переводы церковно-богослужебной литературы дали церковно-религиозный стиль речи, переводы учебно-педагогической и научно-популярной литературы способствовали формированию научной терминологии и научно-популярного стиля речи, переводы произведений русской классической литературы ускорили становление и развитие стилей художественной речи[188]. Благодаря в том числе и им, чувашская письменная литература возникла примерно на три десятилетия раньше литературы соседних марийских и мордовских народов[189].

Чувашский просветитель принял и развил технику переводов, разработанную Н.И. Ильминским: опора на живой разговорный язык народа, учет уровня его культурного и языкового развития, этнопсихологических особенностей. Яковлев вспоминал напутствия своего учителя, создателя новой письменности: «Не будьте самоуверенны!... Не стыдись учиться у какого-либо старика-рассказчика из народа! Вслушивайтесь! Улавливайте тон, оттенки, выговоры, произношения!..», призывал делать переводы на разговорный народный язык, а не на «ученый». По его совету Яковлев каждую свою книгу проверял среди чувашей разных местностей. «Ему хотелось узнать, – сообщает А. Рекеев, – в какой степени наши книги приложимы будут в сельских школах»[190]. Восприняв технику, разработанную Н.И. Ильминским, в принципиальных вопросах роли и значения родного языка И.Я. Яковлев занял иную позицию. Н.И. Ильминский, как миссионер, рассматривал родной язык лишь как средство русификации («Сделайте инородцев путем родного языка православными, они будут русскими»)[191]. Не отрицая миссионерских воззрений чувашского просветителя, особенно выраженных на начальном этапе, можно считать, что основной доминантой его работы в области родного языка явилось стремление к его развитию как средоточия духа и памяти народа, формы внутринационального общения и посредника между мировой, русской и национальной культурами. Выступая за расширение сферы действия родного языка, Яковлев призывал бережно относиться к этому национальному богатству, а от

своих учеников требовал повышения качества преподавания родного языка в школе. В письме к своему ученику и последователю А. Рекееву он писал: «Ачусене чăвашла вулама авантарах вĕрент, çавăнпа эс мана пит савăнтарăн. Сана эп шанатăп çапла вĕрентĕн тесе» (Научи своих учеников читать по-чувашски как можно лучше, этим ты меня очень обрадуешь. Я уверен, что ты так и учишь)[192]. В другом письме этому же адресату он указывал: «Чăвашла авантарах вĕрентме пит кирлĕччĕ... Сана калама кирлĕ мар, эс ху та пĕлетĕн пире, чăвашсене, чăвашла вулама кирлине, асту, ан ман çавна!» (Очень важно, лучше учить детей чувашскому... Не тебе говорить, ты и сам знаешь, как нам, чувашам, необходимо обучение на чувашском языке, помни, не забывай об этом!)[193].

Яковлев остро реагировал на притеснения, чинимые шовинистически настроенными чиновниками языку «инородцев». Известен такой случай. На одном из больших совещаний, на которое И.Я. Яковлев был приглашен министерством в качестве эксперта, один высокопоставленный чиновник позволил себе иронически заметить: «Что же можно выразить на чувашском языке? У чуваш, наверное, и слов-то нужных нет!» На такое унизительное заявление Яковлев с достоинством ответил: «Если, ваше высокопревосходительство, у человека нет ни мыслей, ни чувств, ни достаточного знания предмета, то и на богатом словами языке он ничего разумного не сможет высказать. Но если у бедного народа, высокомерно считаемого диким, есть мысли, чувства, совесть и разум, то, поверьте, он сумеет найти и нужные слова для их выражения»[194]. Когда в 1914 г. попечитель школ издал распоряжение, запрещающее употребление родного языка в чувашских школах, И.Я. Яковлев выдвинул идею собрать в народе «достаточное число голосов» с требованием защитить права чувашского языка и «возбудить этот вопрос в Думе»[195].

Строительство И.Я. Яковлевым национального литературного языка включало и такие направления, как сбор лексического материала и создание словарей, развитие лексики и грамматики чувашского языка. Лексикография поволжских языков развивалась еще со второй половины XVIII в. русскими, немецкими лингвистами, священниками и учителями. Но из имевшихся опытов лексикографии некоторые были недоступны для работы, поскольку не публиковались, другие не соответствовали реальной живой языковой ситуации[196]. Наблюдение над живым звуковым материалом, собранные лексические материалы позволили ученому-просветителю начать работу над составлением словарей, которая носила весьма продолжительный характер. И.Я. Яковлев и его ученики составляли чувашско-русский словарь с 1873 по 1919 г. Словарь Яковлева впервые в истории изучения национального языка не только давал подлинное толкование слова, но и раскрывал специфику его распространения в диалектах. Ученый-педагог внес свой вклад и в научное изучение чувашского языка. Это подтверждается его работами: «О новом чувашском алфавите», «Об особенностях фонетического строя чувашского языка», «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки» (14-е издание – с методическими указаниями). Еще в годы учебы в гимназии им были написаны рецензии на книги Н.И. Золотницкого «Солдалык кнеге», «Чуваш кнеге»[197]. Появление его теоретических трудов во многом вызвано задачами национального просвещения и народной школы, общей работой над учебной литературой, созданием алфавитов и словарей. Однако деятельность И.Я. Яковлева в области языкового строительства обеспечивала не только образовательные и научно-исследовательские задачи, но и служила базой для формирования полноценного этничес-

кого самосознания народа, поскольку изучение и развитие просветителем родного языка приводили к подъему культуры этноса. С его именем связан важный этап развития письменно-литературного языка чувашей: Яковлева по праву можно назвать создателем новой национальной письменности, одним из основателей чувашского языкознания.

И.Я. Яковлеву суждено было стать также одним из основоположников чувашской литературы. Основой ее развития просветитель сделал народную словесность. Свою литературную деятельность Яковлев начал с записей и обработки фольклорных произведений и широко привлекал к этому делу своих сотрудников и учеников. Еще в 1871 г., после окончания первого курса университета, он организовал в летнее время фольклорную экспедицию (участвовали С.Н. Тимрясов, В.А. Белилин, А.В. Рекеев, И.И. Иванов и Т. Петрова) в чувашские деревни Буинского уезда Симбирской губернии, где было записано много сказок, песен, поговорок, загадок[198]. В его Симбирской школе программа обучения словесности включала и обязательное участие учащихся в записывании образцов народной поэзии, что давало возможность не только демонстрировать ученикам богатство национального языка, его красоту и глубину, но и решать задачу сохранения, изучения и приумножения многовекового художественного опыта и духовного богатства своего народа[199]. Для И.Я. Яковлева собирание и изучение фольклорных произведений было вызвано стремлением проникнуть «в народный социально-психологический строй мышления, душу народа»[200]. Материалы фольклорных экспедиций удачно использовались им при создании чувашских букварей, оригинальных художественных произведений, а также при переводе на чувашский язык текстов русских авторов[201]. Сбор, обработка и популяризация образцов живого разговорного языка также стали фундаментом его работы по формированию национальной письменности, созданию учебной литературы, разработке теории языка.

Музыкально-фольклористическая работа в яковлевской школе стала стадией подготовки национального репертуара исполнителей. Непосредственно музыкальным фольклором И.Я. Яковлев не занимался. Вместе с тем он поощрял тех, кто был способен к такой деятельности. По воспоминаниям учителя В.И. Колпакова, в 1898 г. Яковлев командировал его и воспитанника школы Р. Идобаева «для собирания чувашских мотивов». О подобной экспедиции во время летних каникул в 1902 г. с участием названных лиц и еще одного воспитанника, Гурия Комиссарова, говорится в воспоминаниях последнего. Достаточно скоро эта деятельность привела к появлению двух великолепных музыкально-этнографических изданий под названием «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним», вышедших в Симбирске в 1908 и 1912 гг.[202]

Собранные народные песни, сказки, легенды и загадки имели самостоятельную ценность как зеркало национального менталитета, отражающее достижения духовной культуры народа. Сбор, сохранение и обработка народной словесности были важны также для изучения истории национального языкознания и языкового строительства. В фольклорных записях точно фиксировались звуковые особенности каждого говора, что развивало диалектологию языка. Национальный язык сохранялся в его лучших образцах, что позволяло обеспечить преемственность в последующем лингвистическом строительстве.

Образцы фольклора, собранные и обработанные учениками И.Я. Яковлева, сделались источником авторской поэзии и прозы, художественного мировоззре-

ния, фундаментом литературных традиций, развитых в творчестве писателей-просветителей И.Н. Юркина, К.В. Иванова, М.Ф. Федорова, Н.Е. Ефимова, Я.В. и Ф.В. Турханов и др.[203] Оригинальные произведения чувашской художественной литературы – дидактико-нравоучительные рассказы, новеллы, притчи – были созданы Яковлевым на основе обработки фольклорных произведений и предназначались школьникам. Их содержание составляют сюжеты из чувашской действительности, оно проникнуто национальным духом. О такой направленности литературного творчества просветителя, в частности, свидетельствуют переработанные им народные юмористические рассказы «Как мужик лошадь искал» (1873), «Старик и комар» (1873), «Сколько стоит хомут» (1876) и многие другие произведения[204]. Вклад И.Я. Яковлева в развитие словесности чувашей выразился не только в его литературных опытах по обработке образцов устной народной поэзии, но и в том, что он поощрял и всячески поддерживал в творческих исканиях молодых авторов, заинтересованно следил за их литературной деятельностью. Развернутая с широким размахом культурно-образовательная работа И.Я. Яковлева и его соратников способствовала зарождению чувашской художественной литературы и подготовила почву для динамичного, качественного сдвига литературно-художественного сознания чувашского народа, происшедшего в последней трети XIX в. Достаточно сказать, что основное ядро в историко-литературном процессе рубежа XIX–XX вв. составляли ученики, соратники Яковлева и, что немаловажно, «своеобразная литературно-творческая школа, объединившая плеяду талантливых литераторов, сформировалась именно в Симбирской учительской школе»[205]. Писателями стали обучавшиеся в Симбирской школе И.И. Иванов, И.Н. Юркин, Г.А. Кореньков, Г.И. Комиссаров, А.В. Княгинина (Васся Анисси), Т.С. Семенов-Тайр. Здесь расцвел талант классика чувашской поэзии К.В. Иванова, видного поэта Н.В. Васильева-Шубоссинни. Благодаря их творчеству, по оценке литературоведа В.Я. Канюкова, «художественная литература поднялась до уровня самого яркого выражения национальной духовной жизни чувашского народа последней четверти XIX – начала XX в.»[206].

Поставив жизненной целью образование и духовно-культурное развитие чувашского народа, И.Я. Яковлев не остался в стороне от общественно-политической жизни. Просветительское наследие Яковлева свидетельствует, что ему пришлось уделить внимание и проблемам социальной действительности, взаимодействия личности, государства,общества. Формирование общественно-политических взглядов Яковлева происходило в годы учебы в гимназии и университете, когда он знакомился с творчеством Н.М. Карамзина, Л.Н. Толстого, К.Д. Ушинского, Н.А. Добролюбова, В.Г. Белинского, французских просветителей, античных и немецких философов и др.[207], под влиянием Н.И. Ильминского и в процессе более чем пятидесятилетней служебной деятельности, в ходе встреч и общения с высокопоставленными чиновниками, особенно с К.П. Победоносцевым, обер-прокурором Святейшего синода[208]. Эпистолярный материал, публичные высказывания, оценки и воспоминания чувашского просветителя говорят о том, что его общественно-политические взгляды в целом находились в русле официальной идеологии того времени («самодержавие – православие – народность»). Следующие строки из статьи И.Я. Яковлева «По поводу заметки земского начальника С.Я. о земских инородческих школах» (1899) свидетельствуют о полном соответствии позиции просветителя названной триаде: «Просвещение чуваш прежде всего должно быть

религиозно-нравственное, в духе православной церкви и потому уже патриотическое, так как понятия „православие", „царь" и „русская народность" неразделимы между собой»[209]. Незадолго до своей кончины Яковлев писал: «Я всегда был монархистом. <...> Я признаю, что можно учредить такое монархическое правление, при котором одинаково хорошо будет житься всем подданным, всем народностям, всем вероисповеданиям...»[210] Вся его деятельность, которую он сам называл «патриотически-монархической», «консервативной», «служением русскому делу»[211], проходила именно в духе этих воззрений.

Просветитель И.Я. Яковлев смотрел на уваровскую формулу гораздо шире: для него она стала не только основой просвещения, а прежде всего основой всей российской государственности. Свой взгляд на государство и власть чувашский просветитель вслед за К.П. Победоносцевым обосновывал в контексте христианского вероучения: «Всякая власть... имеет своим источником и основанием Всевышнего Бога... „Несть бо власть, аще не от Бога"»[212]. Чувашский просветитель часто подчеркивал: «Всякую власть я признавал и признаю»[213]. Исходя из этого в своей общественной деятельности он руководствовался императивом, что «суть не в том или ином режиме (царском или нецарском), что надо и можно работать ради самого дела при всяком режиме»[214]. В силу этого он избегал участия в политической деятельности. В своих воспоминаниях писал: «Политику я всегда не любил, ею не занимался»[215] – и удовлетворился пределами культурнических форм общественной деятельности (в 1906 г., например, отказался баллотироваться в 1-ю Государственную думу). По его мнению, всего можно достигнуть «без потрясений, насилий, мирным путем»[216], поэтому он не принимал революционных идей, хотя и соглашался с демократическими взглядами на просвещение. В этом контексте показательно весьма сдержанное отношение И.Я. Яковлева к проявлениям политического радикализма на чувашской почве; он считал вмешательство в политику Российского государства пагубным для «инородцев»: «Чувашам я всегда вбивал в головы, что не дело их, маленького народа, живущего в России, толковать об ее государственном устройстве. Пусть решает этот вопрос сам русский народ»[217]. И потому он оказался в оппозиции к движению молодых чувашских радикалов, среди которых было немало его учеников, в годы Первой русской революции. Так, в 1905 г. после обнародования царских манифестов в чувашских деревнях начались крестьянские волнения. И.Я. Яковлев по предложению симбирского губернатора побывал во многих чувашских и русских селениях, где разъяснял смысл манифестов, уговаривал крестьян воздержаться от бунтов, погромов помещичьих имений. Он отчислил из школы причастных к «беспорядкам» учеников. Правда, идя на этот шаг, он продолжал сочувствовать попавшим в «беду своим воспитанникам», часть их впоследствии восстановил в школе, а К.В. Иванова, будущего классика чувашской поэзии, привлек к преподавательской работе[218]. В 1912 г., обращаясь к министру народного просвещения Л.А. Кассо, И.Я. Яковлев писал: «...не примкнул, несмотря на приглашение и угрозы смертью, к левым партиям, а остался верен тем убеждениям относительно порядка и закона, которым служил всю жизнь»[219].

Приверженность И.Я. Яковлева существующему политическому строю отнюдь не отменяла того положения, что самыми близкими для него неизменно оставались интересы трудовых чувашских масс, достижение народного блага и защита национальной чести и достоинства чувашского народа. «Чувашский народ»,

«мои соплеменники», «простой народ», «бедный народ», «трудовое крестьянство», «беднейшая часть населения», «послужить на благо чувашскому народу» и др. – часто встречающиеся выражения в его рукописных материалах. В своих воспоминаниях И.Я. Яковлев подчеркивает демократизм своей педагогическо-просветительской системы. Основанную им чувашскую школу он считает учреждением демократическим, имеющим «в виду интересы простого народа»[220]. О себе заявляет: «Я демократ»[221], подразумевая под этим – заступаться за простой народ, за его интересы, выражать его устремления. В письме к В.И. Ленину от 25 ноября 1919 г. просветитель называет себя «старым, убежденным демократом», «другом народа», «из народа же вышедшим», а свое призвание определяет как «чувашское народное дело»[222]. По возможности он обращал внимание общества и правящих кругов на бедственное положение, нищету, социальную отсталость родного народа, хотел повернуть их лицом к решению его насущных проблем. Современники отмечали его демократичность и гуманность во взаимоотношениях с людьми, глубокие симпатии к соплеменникам[223].

Организационную форму решения социально-экономических проблем И.Я. Яковлев во многом видел в крестьянской общине, в которой люди объединены производственными и социально-территориальными интересами и в которой складываются общественные отношения сотрудничества и взаимопомощи. Поэтому он оказывал содействие и поддержку сельским обществам в расширении своего землевладения, разрешении земельных споров и т.д.[224] С опорой на поддержку этих обществ Яковлев осуществлял строительство сельских школ и обеспечение их необходимыми средствами. Ему импонировали существовавшие в них отношения, ответственность каждого перед общиной и общины за каждого. Он придавал особое значение повышению в рамках сельской общины общественной активности крестьян и осознанию ими себя как свободной личности[225]. В то же время Яковлев видел ограниченность сельской общины как основы жизнеустройства крестьян. По мере развития товарно-денежных отношений в деревне всё наглядней становилось социальное расслоение крестьянства, ослабление общинных связей. «Сельские общества как юридические единицы начали разлагаться на моих глазах, – отмечает он в своих воспоминаниях. – В сельских обществах мне бросалось в глаза отсутствие единения, внутренней спайки, связи, взаимного сплочения интересов. Общества не имели своих вполне порядочных представителей, которые, например, при взятии с торгов в аренду земель отстаивали бы интересы своих односельчан. И тут работали кулаки, которые, являясь представителями обществ, действовали к своей выгоде»[226].

Выход из такой ситуации просветитель стал искать в новых формах организации земельных отношений крестьян и общего их жизнеустройства с опорой на развитие личностных начал: «Общества эти разложились, не способны к дальнейшему развитию, – пишет он. – Мне все дороже, понятнее столыпинские идеи... тем более, что до таких же выводов дошел я сам в то время, когда о Столыпине никто не знал, когда он как государственный деятель еще не выдвигался... И ранее я всегда стоял за индивидуализм, за личную энергию, инициативу отдельных членов общества... В этом направлении я особенно укрепился, побывав за границей, вглядевшись в то, как, почему, например, в Швейцарии, Германии, Австрии так процветают отдельные, даже мелкие хозяйства, при поддержке, конечно, правительств. Но и до поездки за границу во мне уже намечался поворот от сельских

обществ к личной инициативе, к личному труду, к личной предприимчивости, наконец, к группировке наиболее энергичных, трудоспособных сил в деревне»[227].

Выступая за личную инициативу, изобретательность и практичность, в то же время И.Я. Яковлев был против перекосов в развитии индивидуализма (так, он критически относился к практике государственных льгот в отношении крестьян, перешедших на отруба)[228], полагая, что он может быть социально результативен лишь в общественных рамках. Именно поэтому Яковлев при содействии крестьянам в приобретении земель отдавал предпочтение их обществам, а не отдельным личностям[229]. Подтверждением такой позиции является организация и деятельность, при непосредственном участии Яковлева, чувашской женской трудовой общины в Буинском уезде Симбирской губернии, которая с 1908 г. обосновалась на р. Вараксарка. Община была создана на базе общественно-коллективной собственности и имела назначение служить совместному противостоянию жизненным невзгодам и религиозному утешению объединившихся в них на добровольных началах женщин-чувашек и представительниц других национальностей. Одновременно она должна была способствовать социально-культурному развитию и религиозно-нравственному самосовершенствованию каждой отдельной сестры-насельницы[230].

Наблюдая явные противоречия между обществом и государством с одной стороны и их институтами и отдельными личностями с другой, Яковлев видел пути и средства их смягчения в социальном просвещении, религиозно-нравственном воспитании, труде на общее и личное благо в любых общественно-политических условиях. Он исходил из признания самоценности человеческой личности и утверждения ее блага как критерия оценки общественных отношений. Не случайно в его мемуарах понятие «гуманизм» находится в активном употреблении. Можно считать, что задуманное И.Я. Яковлевым «чувашское дело» – это проявление его гуманистических представлений о благе человека как высшей ценности[231]. Достижению этой цели служила вся его социально-просветительская деятельность. Он не только насаждал грамотность среди чувашского народа, повышал его уровень культуры, распространял в его среде христианско-нравственные ценности с их обращенностью к отдельной личности, но и формировал у него социальное самосознание и чувство собственного достоинства, осуществлял общественно-гражданское и социально-личностное воспитание.

Будучи представителем одного из многочисленных народов России, все явления общественной жизни И.Я. Яковлев неизменно рассматривал сквозь призму национальных интересов: российских (имея в виду интересы титульного этноса государства) и чувашских. Причем приоритетными для него были первые. Известны его суждения об исторических судьбах «восточных инородцев» России, высказанные в год 40-летия его школы, в кульминационный период общественного признания его просветительской деятельности: «Наши восточные инородцы, вкрапленные между русским населением, должны быть покорными историческими спутниками русского народа. Как огромное мировое тело, русский народ движется по своей исторической орбите, увлекая за собой ряд этих более мелких тел. Горе и радости русского народа – их горе и радости, его будущее – их будущее, его счастье – их счастье...»[232] Просветитель многократно, в различных формулировках повторяет мысль, что «никакого самобытного и национального развития им искать не следует, и не надо толкать их в этом направлении»[233]. В объяснительной за-

писке министру народного просвещения Л.А. Кассо он пишет: «Наши инородцы так отстали от окружающего их русского народа, настолько бедны духовно и материально, что ни о каких мечтаниях, существующих у инородцев западной России, с их стороны не может быть и речи, так как будущность восточных инородцев только в мирном слиянии с окружающим их со всех сторон русским населением. В этом и только в этом их счастье и венец мечтаний деятелей из их собственной среды»[234]. Завершая свои воспоминания, он подытоживает: «Чуваши – слишком ничтожная величина по отношению ко всему великому русскому народу»[235]. Наконец, в «Завещании родному чувашскому народу» И.Я. Яковлев дает завет: «Чтите и любите великий, добрый и умный русский народ... <...> ...Народ этот да будет руководителем и вашего развития: идите за ним и верьте в него»[236].

Основываясь на убеждении, что «восточные инородцы» безусловно относятся к «неисторическим народам», они всего лишь «незначительные спутники русского народа», «покорно следуют ему в его исторической орбите», он сформулировал перспективу национально-политического развития чувашей: никакой самостоятельной политической роли играть им не суждено. «Ни исторические, ни культурные, ни географические условия не дают им никаких поводов мечтать о подобной самобытности. Вступать на этот путь, фантазировать на тему об автономии для чуваш, черемис, вотяков и т.д., развивая национальный задор, – размышлял И.Я. Яковлев, – значило бы понапрасну тратить силы и внимание на химеры и играть судьбою инородцев»[237].

Заслуживают внимания высказывания И.Я. Яковлева относительно проблемы сепаратизма. «Чувашское племя, – подчеркивает он, – не может представлять для русского народа и русского правительства предмет опасений... и избрать путь самостоятельной чувашской цивилизации, как некоторые боязливо думают. Не было, нет и положительно не может быть подобных тенденций среди чуваш и их просветителей. Последние ясно понимают, что русской историей для всех народностей России... поставлен бесповоротно вопрос полного слияния с русской народностью. <...> Навязывать же чувашам, этому мирному из мирных племен, мечты о самостоятельном ходе чувашской цивилизации – значит быть наивными»[238].

Исходя из высказываний и оценок И.Я. Яковлева относительно будущности чувашского народа, из его деятельности, по собственному выражению, «как русского работника на почве просвещения чуваш»[239] еще при жизни он был объявлен «русификатором» рядом своих же учеников, занявших позиции политических радикалов. Так, ставший одним из лидеров чувашских эсеров, Г.Ф. Алюнов опубликовал в 1906 г. в газете «Симбирские вести», а затем, в 1907 г., в газете «Вести» статьи «О двух генералах» и «Сплошная драма», будущий советский деятель Д.П. Петров напечатал в 1907 г. в «Симбирских вестях» статью «Современная бурса». В них деятельность просветителя и его школы в Симбирске показана как чуждая и вредная интересам чувашского народа[240]. В резкой оппозиции к просветительской системе И.Я. Яковлева, считая её «проводимой в духе поповщины», находился писатель и фольклорист И.Н. Юркин, жестко критиковавший и обличавший своего бывшего учителя[241]. В 1917–1918 гг. негативное отношение к И.Я. Яковлеву выразило Чувашское национальное общество[242].

Среди части чиновников Министерства просвещения и консервативного духовенства И.Я. Яковлев за свою деятельность на ниве чувашского просвещения и применение родного языка слыл «националистом» и «сепаратистом»[243]. Его об-

виняли в том, что «он хочет чувашить», («а чуваш надо русить»), «создать чувашское государство», называли «инородцелюбцем... намеренно обособляющим свое племя от главной народности в государстве», и т.д.[244]

И после ухода из жизни И.Я. Яковлева споры вокруг его просветительской деятельности и наследия не утихают. При этом в зависимости от государственной идеологии и политической конъюнктуры на первый план выходили те или иные стороны его деятельности. Во время празднования 60-летия Симбирской чувашской учительской школы и 80-летия просветителя он был назван «великим организатором и практиком, беззаветно преданным своему обездоленному народу», отмечалось, что «Иван Яковлевич – не просто просвещенец, но и культурный вождь своей нации» (А.В. Луначарский). Однако с начала 1930-х гг. миссионерская система Ильминского – Яковлева уже считалась «основой как чувашского октябризма, так и чувашского кадетского течения». Высказывалось, что «за слащавым народолюбием яковлевской школы скрывалась откровенно обрусительная политика» (И.Д. Кузнецов). В связи с празднованием 100-летия со дня рождения И.Я. Яковлева (1948) установилась в целом позитивная оценка деятельности просветителя чувашского народа, хотя вплоть до начала 1990-х гг. религиозный аспект его просветительства умалчивался. В Яковлеве начали видеть поборника дружбы народов, патриота России, в идее «обрусения» усматривали аналог советского интернационализма. В такой интерпретации яковлевских идей его просветительская деятельность логично укладывалась в прокрустово ложе официальной теории расцвета и сближения наций. Когда в 70-х гг. XX в. во время празднования 100-летия новой чувашской письменности этнопедагог Г.Н. Волков дал свой концепт прочтения «агиографической легенды» и выдвинул лозунг «Вперед – к Яковлеву!», делая его личность символом «чувашского (народного) дела», это было расценено как проявление национализма[245].

Новый этап осмысления «чувашского дела» И.Я. Яковлева наступил в 1990-х гг. Этот период характеризуется возможностями для исследователей без оглядок на официальные идеологические установки и купюр, на широкой документальной базе анализировать его просветительскую систему. И, как прежде, в оценке чувашского просветителя высказываются две точки зрения: 1) И.Я. Яковлев – теоретик и практик слияния чувашей с русским народом «на основе усвоения христианских идеалов», что «с точки зрения чувашского национализма» может быть и должно быть оспорено[246]; 2) И.Я. Яковлев – спаситель чувашской нации, носитель национально-патриотической идеи, ревностный последователь национального подъема родного народа[247]. Объективной основой для диаметрально противоположных суждений о сути подвижнической жизни чувашского просветителя является противоречивость между мировоззрения Яковлева как христианского миссионера-просветителя, с одной стороны, а с другой – реальным содержанием и результатами его просветительской деятельности. Нельзя судить о характере и значении творений той или иной исторической персоны только по его взглядам и по тому, что он говорит и пишет, ибо значение слов, помыслов в конечном итоге определяется действиями и тем, каким интересам они служат. А они не оставляют никакого сомнения в их позитивном характере для чувашского народа. Неоспоримыми результатами просветительской работы И.Я. Яковлева стали создание национальной школы, развитие научного познания родного языка, исследование и пропаганда национальной культуры. Благодаря его неустанной

деятельности дело просвещения и национально-культурного подъема чувашского народа перестало быть уделом энтузиастов-одиночек и превратилось в массовое движение. По словам самого Ивана Яковлевича, в 1868 г. у чувашей не было и двух правильно поставленных школ, а к 1908 г. их было 400. К началу широкой общественно-просветительской деятельности педагога (1868) чувашских учителей было всего 15, по данным переписи 1897 г. – уже 558[248]. По сравнению с первыми учениками Яковлева, это были совсем иные «плоды просвещения». Представители этого поколения – «более чуваши», в них «значительно ярче выражена национальная самобытность личности»; они являли собой «синкретический» продукт процесса кристаллизации собственно национальной культуры[249].

Открытой им Симбирской чувашской учительской школе суждено было стать первым крупным очагом возрождения национальной культуры. Здесь возникла первая литературная школа. Одновременно шел динамичный процесс становления и таких видов искусств, как музыкальное, изобразительное, театральное искусства. В сформированной под личным руководством И.Я. Яковлева интеллектуальной среде деятелей чувашского просвещения и культуры вызревали идеи художественного творчества национального направления, появились чувашские литературные и музыкальные произведения, происходила профессионализация занятий в сфере национального искусства. Не случайно из среды Симбирской чувашской школы вышли многие чувашские писатели и поэты: И.Н. Юркин, Г.И. Комиссаров, А.В. Княгинина, Т.С. Семенов-Тайр, К.В. Иванов, Н.В. Васильев-Шубоссинни и др. В Симбирской школе выросли первые чувашские композиторы Ф.П. Павлов, С.М. Максимов, Г.Г. Лисков, музыковед В.П. Павлов, организатор чувашского театра и драматург И.С. Максимов-Кошкинский, историк и этнограф М.П. Петров, языковед Ф.Т. Тимофеев, математики и педагоги Н.М. Охотников и П.М. Миронов.

Таким образом, деятельность Ивана Яковлевича вышла далеко за рамки собственно педагогической или образовательной. Масштабы ее были истинно просветительские. Он стоял в центре всех «чувашских преобразований». Ему удалось обобщить и сконцентрировать образовательно-воспитательные, культурологические, духовно-религиозные проблемы, потребности и интересы своего народа, сформулировать и предъявить общественному мнению программу духовного национального возрождения в целях приобщения народа к современной цивилизации, моделью которой служили русская культура и образованность. При этом И.Я. Яковлев сумел преодолеть конфессиональную ограниченность целей просветительского миссионерства, он возглавил процесс выхода родного народа из этнокультурной изоляции, определил новый вектор культурного развития этноса – не на внешнюю русификацию, а на внутреннюю консолидацию национальных сил. В связи с этим историк В.Д. Димитриев подчеркивает, что своей просветительской деятельностью И.Я. Яковлев «приостановил процесс исламизации чувашей и их отатаривания, который мог привести к исчезновению древней народности» («одновременно безуспешной была великодержавная политика этнической русификации чувашей»)[250], и возглавил общественное движение за национальный подъем чувашей, за сближение наций, за их равенство в пределах единой России, против насильственной русификации, и это «движение можно оценивать как одну из форм национально-освободительного движения»[251]. Исследователи отмечают, что яковлевские нововведения «безусловно, способствовали завершению кон-

солидации чувашской нации»[252]. Будучи неизбежным результатом процесса внутренней эволюции этноса, они серьезно повлияли на менталитет и «духовную субстанцию чувашского народа». С их претворением происходит качественное изменение национальной духовной жизни чувашского народа: она преодолевает свой этнокультурный «герметизм», в ней усиливаются «европоцентристские тенденции»[253].

Историческая роль И.Я. Яковлева в национальном подъеме чувашского народа в полной мере была осознана и признана уже его современниками, что выразилось в причислении Яковлева к пантеону национальных героев. Не случайно симбирские чиновники, общественность губернии называли его «чувашским богом», а крестьяне Козьмодемьянского уезда в своем приветственном адресе провозгласили «чувашским Моисеем»[254]. Доказательством признания заслуг Яковлева соплеменниками является и текст обращения в связи с 40-летием Симбирской чувашской школы жителей с. Большие Арабузи Буинского уезда: «Симбирская чувашская школа через своих питомцев – народных учителей и сельских священников – подняла чуваш на ноги, вызвала в чувашах сознание, что они такие же люди, как и все другие. За это Школе честь и слава! Но еще большая честь и неотъемлемая слава учредителю этой школы Ивану Яковлевичу: не было бы Ивана Яковлевича – не было бы и чувашской школы, а без этой школы мы, чуваши, пожалуй, и по сие время сидели бы во тьме»[255].

Высокую оценку роли И.Я. Яковлева в контексте всего национального просветительства народов Поволжья дала столичная газета «Санкт-Петербургские ведомости», которая в 1908 г. писала: «В истории культурного развития инородцев не только Симбирской губернии, но и всего восточного района в России, заселенного чувашами, мордвой и прочими инородческими племенами, имя г. Яковлева должно быть поставлено выше Николая Ивановича Ильминского»[256].

Проблемы просвещения, общенациональной и общественной жизни чувашского народа в творчестве интеллигенции (конец XIX – начало XX в.)

Авторитет, масштаб и влияние личности просветителя И.Я. Яковлева общепризнаны, потому так велико число продолжателей его дела. Конец XIX и начало XX в. ознаменованы выдвижением целой плеяды чувашских национальных деятелей (литераторов, исследователей культуры, этнографии и истории, педагогов и священнослужителей), чья мысль, творчество развивались преимущественно в русле просветительских идей. Задачи, которые они ставили перед собой, были просты и демократичны и исполнены подвижническим желанием – искоренять неграмотность и невежество, поднять культуру, изучать историю, язык, собирать фольклор родного народа. В условиях неразвитой общенациональной и общественной жизни чувашского народа эти устремления не только создавали базу для развития национального самосознания, но и имели демократическую общественно-политическую направленность.

Важной особенностью чувашского просветительского движения начала XX в. является значительное расширение его географии. Наряду с Симбирском, средоточием национального интеллектуально-творческого потенциала, энтузиасты чувашского просвещения и культуры объединяются в Казани, Самаре, Уфе и других городах Поволжско-приуральского региона.

Особую этноконсолидирующую роль на рубеже XIX–XX вв. играла художественная литература. Творчество чувашских писателей и поэтов того времени естественно вырастало из народных традиций, фольклора, в словесно-художественной форме отражало национальное своеобразие и вместе с тем стало символом национального языка и мысли. Просветительская мысль обращалась к важнейшим проблемам и аспектам жизни чувашского народа – это пробуждение и развитие национального самосознания, просвещение и распространение знаний среди народа, улучшение его социального и правового положения.

В 70-х гг. XIX в. выступил с рассказами о жизни чувашской деревни сельский учитель Игнатий Иванович Иванов (1845–1883) – первый яркий представитель яковлевской литературной школы. Скупой на похвалы И.Я. Яковлев так оценил его рассказы: «До него не умели писать по-чувашски, литературно, связно излагать свои мысли на бумаге»[257]. Значительным произведением писателя стал цикл рассказов (повесть) «Чăвашсем епле пурăнни» (Как живут чуваши), написанный в 1876 г. Он открывается горькими размышлениями о национальной приниженности соплеменников: почему в окружении других народов чуваши не на высоте положения, не потому ли, что чуваши среди других смирны, пришиблены, а меж собой кичливы и драчливы? Национальной бедой народа И.И. Иванову видится отсутствие общего согласия в миру. Констатируя активизировавшийся процесс разложения патриархальных устоев пореформенной деревни, рассказчик с тоскою пишет об «уходящем согласии в миру», он полон тревоги и заботы о «чувашском благополучии»; негодует по поводу того, что чувашскому крестьянину приходится терпеть унижения лишь за то, что он не знает русского языка. Высказывая свои наблюдения над происходящими в деревне общественными и социально-экономическими процессами, он задумывается о будущей судьбе чувашей. В перспективе благополучие своего народа он связывает с развитием школьного образования, медицины, наук, сохранением патриархального всеравенства, искоренением алчности, невежества, ворожей и йомзей[258]. При анализе рассказов И.И. Иванова нетрудно заметить, что в них весьма четко выражена просветительская позиция – устранить пороки людей путем повышения культуры и распространения знаний[259].

Особое место в просветительской литературе принадлежит творчеству М.Ф. Федорова (1848–1904). Это первый чувашский поэт, автор оригинальной талантливой поэмы «Арçури» (Леший, 1879 г.). Поэма пронизана народностью, правдиво и высокохудожественно изображает чувашскую действительность, «свойственные черты национального характера» чувашского народа. Исследователи творчества М.Ф. Федорова обоснованно относят писателя к создателям чувашского литературного языка, расценивают его произведение как начало перелома в художественном сознании чувашского народа, как значительную веху в становлении и развитии профессиональной художественной литературы[260].

Почти одновременно с М.Ф. Федоровым начал свою творческую деятельность Иван Николаевич Юркин (1863–1943). Первые его литературные опыты относятся к концу 70-х гг., когда он записал и литературно обработал образцы устно-поэтического народного творчества. Его многочисленные этнографические зарисовки и рассказы запечатлели картины быта чувашской деревни. Идеологию национально-народнического характера, выработанную чувашской интеллигенцией в конце XIX – начале XX в., Юркин обогатил отповедью национального ни-

гилизма, романтическим превозношением старины, народности, проповедью избранничества чувашского народа. Юркин считал, что чувашскому народному складу не подходит русское православие. Основу национального своеобразия он усматривал в старой чувашской вере. В своих литературных, этнографических и публицистических произведениях писатель отстаивал чувашское язычество и находился в оппозиции к христианским просветителям, в том числе критически относился к деятельности И.Я. Яковлева[261]. Не замыкаясь в литературном творчестве и фольклористике, И.Н. Юркин разрабатывал проблемы лингвистики и топонимики, археологии, этнографии. Он имел тесные связи с В.К. Магницким и Н.И. Ашмариным, общался с Н.В. Никольским. Отстаивая право народа на развитие национального языка и культуры, он первым сделал попытку организовать выпуск чувашской газеты. В 1889 г. И.Н. Юркин обратился в Министерство внутренних дел с просьбой разрешить ему издавать газету на чувашском языке под названием «Пулхăр». Однако его ходатайство чиновниками министерства было признано «не подлежащим удовлетворению»[262]. Собранные им материалы народного творчества (оформлены как «Лирические произведения. Народные песни на чувашском языке») он представил на Казанскую научно-промышленную выставку (1890), где получил похвальный лист. За свою научно-исследовательскую деятельность И.Н. Юркин был избран членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (Москва), Общества археологии, истории и этнографии (Казань), Ученой архивной комиссии (Симбирск), Общества научных работников (Москва)[263].

Под влиянием В.К. Магницкого И.Н. Юркин начал заниматься вопросами происхождения чувашского народа и написал статью «Золотой ключ для истории Волжско-Камского Булгарского царства». В этом произведении он сформулировал идею: «...чуваши прежде были знаменитым народом, были булгарами, имели сильное государство». На 24 страницах этого текста и в «Материалах к объяснению некоторых исторических названий Волжско-Камского Булгарского царства», объемом в 42 рукописные страницы, Юркин посредством чувашского языка пытается раскрыть, объяснить и осмыслить многие географические названия Поволжья и Урала[264]. Считается, что он первым из чувашских национальных деятелей выдвинул идею создания национального административно-территориального образования для чувашей. В 1905 г., когда никто даже не задумывался об автономии и суверенитете, Юркин, как пишет Д.П. Петров (Юман), был захвачен мыслью о создании чувашского государства: «Юркка Иванĕ чăваш патшалăхĕ тăвас тесе хайласа çунатланса çӳретчĕ»[265].

Вся писательская и исследовательская деятельность И.Н. Юркина была направлена на сохранение национальной самобытности, исконно чувашского. Элементы чувашского мира, с любовью собранные и описанные писателем, его очерки народного быта, написанные без оглядки на авторитеты в литературе, по мнению исследователя творчества писателя Ю.В. Яковлева, в совокупности составляют концепцию национального самосохранения чувашского народа, обосновывают право «развиваться по законам своего народного духа»[266].

В конце XIX в. в художественном творчестве проявили себя братья Турхан: Яков (1874–1938) и Хведер (1876–1932). Основу мировоззрения этих поэтов составили общегуманистические просветительские взгляды. В их стихах нетрудно разглядеть рационалистические установки просветителей на утверждение доб-

ра и осуждение зла[267]. В своих произведениях поэтам удалось воспроизвести характерные явления и картины чувашского села. Самым важным в творчестве братьев Турхан является то, что в нем отражено пробуждение национального самосознания чувашей. Поэты были убеждены в том, что чуваши, как и все другие народы, имеют право на сохранение своей культуры: «Все народы на этом свете распевают свои песни, не теряют свой язык и поэзию свою. Каждый бережет свой род», – пишет Я. Турхан в стихотворении «Каҫхи чан ҫапни» (Вечерний звон, 1901)[268]. Большой вклад Турханы внесли в развитие переводческого дела с русского на чувашский язык. Их переводческие опыты и оригинальные сочинения во многом предопределили основные направления дальнейших поисков чувашских поэтов, прежде всего в отношении ценностных ориентиров, обогатили литературно-художественное сознание чувашского народа. На их долю выпала важная миссия обозначения ведущих ориентиров для развития национального поэтического искусства[269].

Просветительские принципы чувашской литературы определяли ранее литературное творчество Г.И. Комиссарова, О.Р. Романова, Н.М. Кедрова, Г.А. Коренькова, Т.К. Кириллова и др. Их мысль сосредоточивалась на проблемах развития национальной культуры и просветительства. Верные традициям И.Я. Яковлева, прогресс чувашского народа они видели в распространении книжной грамотности среди населения, в развитии национальной интеллигенции, которая бы заботилась о действительных нуждах своего народа.

Наиболее яркая фигура среди них – Кореньков Гаврил Алексеевич (1884–1949), один из дореволюционных поэтов, который впервые столь серьезное внимание уделил национальному контексту культуры родного народа, стремясь осмыслить её место и роль в мировом культурном пространстве. Например, он ставит вопросы: «почему у нас, чувашей, до сего дня нет собственного Пушкина», почему чувашский народ «так долго блуждал в потемках истории»? Поэт мечтает о том, чтобы из чувашской сферы вышел хоть один человек «с ярким светильником в руке, и мы бы тогда при тихом свете увидели двери, ведущие в цивилизованный мир». Стихи поэта наполнены болью за судьбу национальной культуры, заряжены «чувашской идеей»[270]. Он размышлял о том, чтобы на Волге в девственных местах основать «новый, чисто чувашский град» и, собрав туда всех деятельных чувашей, развернуть работу по подъему культуры народа[271]. Г.А. Кореньков в определенном смысле предвосхитил идею национально-территориальной автономии чувашей.

Дальнейшее развитие просветительства связано с периодом революции 1905–1907 гг. В эти годы оно вступило в качественно новый этап. В просветительское движение проникают идеи социальной, классовой борьбы, происходит его политизация. Событием огромного значения для чувашей явилось начало издания с января 1906 г. первой чувашской газеты «Хыпар» (Вести), которая сыграла неоценимую роль в сплочении авангардных сил, осмыслении дальнейших путей социального и культурного возрождения народа. Ее издатель и редактор, историк и этнограф Н.В. Никольский ставил перед печатным органом культурно-просветительские задачи. Но вскоре газета «полевела», и ядро ее редакции составили радикально настроенные молодые литераторы: Т.С. Семенов-Тайр, М.Ф. Акимов, Н.И. Шелеби, Ф.Н. Николаев, С.С. Сорокин и др. В произведениях М.Ф. Акимова и Т.С. Семенова-Тайра содержится прямой призыв к свержению царского само-

державия, идея необходимости революционного переустройства общества. Так, М.Ф. Акимов, переводивший на чувашский язык революционные песни и гимны, брошюры и прокламации, печатавший в газете призывающие к борьбе за свободу очерки, рассказы, фактически превратил газету в трибуну для пропаганды революционных идей. Стремление покончить с социальной несправедливостью и отсталостью, невежеством чувашских крестьян, открытое осуждение бесправия сквозили в произведениях Н.И. Полоруссова-Шелеби, Г.А. Коренькова, Ф.Н. Николаева, С.С. Сорокина и др. Просветительские идеи этих писателей качественно отличались своим социальным содержанием: их направленность на пробуждение национального самосознания народа была озвучена революционно-мобилизирующими мотивами; они были ориентированы на защиту гражданских свобод, человеческого достоинства, обличали деспотизм во всех формах и становились носителями настроений передовых представителей народа, его национальных интересов[264].

На идеях просветительства выросло поэтическое творчество классика чувашской поэзии Константина Васильевича Иванова (1890–1915), чье художественное мировоззрение и мысли сформировались непосредственно под влиянием педагогических и нравственно-этических идей И.Я. Яковлева. В своей поэзии и особенно в поэме «Нарспи» он высокохудожественно отобразил своеобразие национального характера, специфику внутреннего мира чувашского народа. Критикуя и обличая старый, заскорузлый чувашский быт в своей поэзии, он утверждал идею, что духовное начало должно стать решающей силой, определяющей ход исторического развития родного народа. Сам народ из объекта должен превратиться в активный субъект исторического процесса, сохранив лучшие качества.

«Вăранăр, тапранăр, чăваш çыннисем!» (Вставай, подымайся, чувашский народ!) – эти строки К.В. Иванова стали одним из лозунгов национально ориентированной чувашской интеллигенции[273]. Характерно стихотворение «Наше время» (1908), в котором поэт размышляет о судьбе и перспективах чувашского этноса. Залогом его сохранения и процветания К.В. Иванов считает просвещение и подъем культуры родного народа; он высоко оценивает просветительскую деятельность И.Я. Яковлева и его школы:

Что бы стало с чувашами?
Все б в татары подались,
С ихней верою сжились
Или русскими бы стали,
Быть собою перестали.
Друг-чуваш за дело взялся... <...>
Много школ открыли нам.
Сердце этих школ в Симбирске... <...>
У чуваш глаза все шире
Открываются, и в мире
Видят многое они[274].

Идейные и художественные достоинства произведений Иванова выдвинули его на ведущее место в чувашской литературе дореволюционного времени и определили выдающуюся роль поэта в последующем развитии национальной литературы и культуры.

Одной из самых заметных фигур в просветительском движении в годы революции 1905–1907 гг. был поэт Н.В. Васильев-Шубоссинни (1889–1942), входивший в окружение К.В. Иванова. Типичный просвещенец, к литературной деятельности он приобщился во время учебы в Симбирской чувашской учительской школе. По поручению И.Я. Яковлева Шубоссинни занимался чувашскими переводами (в частности, в 1908 г. перевел стихотворение М.Ю. Лермонтова). В творчестве Н.В. Шубоссинни раннего периода выделяется стихотворение «Сорок лет», посвященное юбилею Симбирской школы. Поэт подчеркивает историческое значение этого учебного заведения в просвещении чувашей, считая ее прародительницей по отношению к другим образовательным учреждениям. Шубоссинни видит путь к спасению от всех социально-культурных бед в пропаганде просвещения и распространении грамотности, называя письменное слово «светом фонаря» (стихотворение «Свет фонаря»)[275].

В предоктябрьский период просветительские традиции проявились и в поэзии Н.И. Шелеби (1881–1945). В 1915 г. поэт издал этнографическую поэму «Черемшан и Кондурча», в которой размышляет о своих далеких предках, когда-то пустивших корни на его малой родине. Более социально его произведение «Васянга», написанное в это же время. В нем отражены процессы, связанные с углублением классовых противоречий в деревне. Шелеби своим творчеством отразил одну из ведущих тенденций чувашской литературы того периода – ее нацеленность на чувашского крестьянина, стремление как можно глубже и всесторонне показать чувашское бытие[276].

На стыке столетий оживились историко-этнографические, фольклористические и филологические исследования. От интереса к истории рода, семьи, малой родины к осознанию историко-этнической и языковой общности всего чувашского этноса – таковы этапы развития национального самосознания. Историко-этнографические очерки, жизнеописания, краеведческие заметки к началу XX в. стали одной из наиболее действенных форм реализации выдвинутых временем культурно-возрожденческих задач.

В ряду дореволюционных исследователей этнографии особое место принадлежит Никифору Михайловичу Охотникову (1860–1892). Несмотря на то, что научно-литературное наследие Н.М. Охотникова невелико, его историко-этнографические труды по информативности значительно превосходят многие сочинения дореволюционных авторов о чувашах. «Записки чувашина» Охотникова знакомят читателей с жизнью чувашских крестьян. Из других публикаций писателя-этнографа интерес представляют «Грамота среди чуваш», «Приволжские чуваши». В произведениях он показывает на примере своей жизни воспитание и мир детства в чувашской деревне, прослеживает процесс передачи народного культурного наследия от одного поколения к другому. Значительное внимание в его работах уделяется вопросам становления чувашского просвещения. Со знанием дела «инородческого просвещения» Н.М. Охотников отстаивает принципы и идеи Н.И. Ильминского и И.Я. Яковлева. Ссылаясь на просветительскую деятельность И.Я. Яковлева и его сподвижников, Н.М. Охотников доказывает, что усвоение грамоты и православной религии действовало на чувашей положительно[277].

Широкую панораму жизни чувашей рисует Григорий Тимофеевич Тимофеев (1878–1937) в своей книге «Тăхăрьял» (Девятиселье) – сборнике этнографических очерков и фольклорных произведений, подготовленном в 1896–1901 гг.

«Тăхăрьял» действительно выглядит как энциклопедия народной жизни. Из очерков, взаимно дополняющих друг друга, вырисовывается обобщенный образ чувашского крестьянина; его повседневные занятия, миропонимание чувашей – все это описано образно и зримо, с любовью[278]. Сам факт появления очерков Г.Т. Тимофеева нанес удар по мифам, господствовавшим среди официальных кругов, что-де чуваши – народ со скудным умом и бедным языком. Произведения краеведа сыграли немалую роль в познании и правдивом восприятии чувашской действительности[279].

Самым непосредственным образом способствовал развитию чувашской культуры и росту национального самосознания выдающийся русский деятель Николай Иванович Ашмарин (1870–1933) – основоположник чувашского языкознания. В условиях, когда адепты официальной идеологии утверждали, что «чувашской культуры не бывало и не будет. Не язык чувашский нам надо сохранять... а сохранять и развивать хорошие свойства этого племени: их честность и бережливость, любознательность, любовь к земле и ко всему на ней растущему»[280], Н.И. Ашмарин своей разносторонней и плодотворной научно-педагогической деятельностью способствовал повышению интереса к изучению языка, культуры и быта чувашей. «Цель моих работ, – подчеркивал ученый, – всестороннее изучение жизни чуваш... Вместе с интересами научными мною всегда руководили и соображения о необходимости научной работы для подъема культурного уровня чувашского народа, судьбы которого не менее близки моему сердцу, чем судьбы родного мне русского народа»[281]. За 40 лет деятельности ученый-лингвист создал целый ряд научных трудов, посвященных изучению чувашского языка, этнографии и устно-поэтического творчества.

Н.И. Ашмарин сравнительно рано включился в научную работу. Еще на первом курсе Лазаревского института, узнав от профессоров о большом собрании чувашских песен, представленном в этнографический отдел Общества естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете чувашским литератором И.Н. Юркиным, он тщательно изучает его. В результате этого появляется его статья «Очерк народной поэзии у чуваш», помещенная в журнале «Этнографическое обозрение» (1892. Кн. 2–3)[282]. В этом очерке автор тонко подметил своеобразие чувашской народной песни как отражение национального характера. «Чувашин весь является в своей песне, – пишет он и, конкретизируя свою мысль, отмечает: Чувашин не является в песне исключительно преданным низшим материальным интересам; его самосознание восходит до истинно гуманных взглядов на жизнь; он уже способен углубиться в самого себя, в свой внутренний мир и рассматривать философски то, что его окружает»[283].

Работа в качестве преподавателя в Казанской инородческой учительской семинарии, в которой учились и представители чувашского народа, благоприятствовала занятиям Н.И. Ашмарина по исследованию чувашского языка. Наличие большого количества рукописей на чувашском языке, имевшихся в семинарии, языковая среда, наблюдения над фактами языка способствовали созданию первого капитального труда «Материалы для исследования чувашского языка», опубликованного в 1898 г. Здесь он затронул и глубоко осветил почти все главные отрасли чувашского языкознания: и фонетику, и морфологию, и диалектологию, и этимологию. «В ней чуваши приобрели себе первую, наиболее совершенную научную грамматику своего языка»[284], – так оценил этот труд крупнейший чуваш-

ский лингвист В.Г. Егоров. В подготовке «Материалов для исследования чувашского языка» большую помощь оказала Н.И. Ашмарину Симбирская чувашская школа, руководимая И.Я. Яковлевым, который высоко оценил значение этого труда. «Смотрите, вот какой крупный и ценный подарок сделал нам, чувашам, русский ученый»[285], – сказал И.Я. Яковлев, представляя эту книгу ученикам школы.

В 1903 г. появляется продолжение работы Н.И. Ашмарина по исследованию чувашского языка – «Опыт исследования чувашского синтаксиса». В этой области науки о языке ученый не имел предшественников, и первоначальная научная разработка основ чувашского синтаксиса всецело принадлежит ему. Огромной заслугой ученого является его классический труд – 17-томный словарь чувашского языка. Словарь имеет заглавие на трех языках – чувашском, русском и латинском: «Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Словарь чувашского языка. Thesaurus linguae Tschuwaschorum» (Сокровище языка чувашей). В предисловии к словарю, написанном на латинском языке, об особенностях своего детища Ашмарин пишет следующее: «Я делал все, чтобы не только собрать отовсюду возможно больше материалов, необходимых для истолкования чувашских слов, не только тщательнейшим образом исследовать значения отдельных слов, но также изобразить самую жизнь и обычаи народа»[286].

Приступая к составлению «Словаря чувашского языка», Н.И. Ашмарин разработал научно продуманную программу собирания языковых, историко-этнографических и фольклорных материалов (1896). В ней ученый просил молодую чувашскую интеллигенцию помочь ему в сборе сведений, касающихся чувашей, их быта, языка и народной словесности. Призыв Н.И. Ашмарина был услышан. В его распоряжение поступил ряд рукописных сборников и материалов, составленных И.Я. Яковлевым, И.Н. Юркиным, Н.И. Полоруссовым-Шелеби, И.Е. Ефимовым, Г.Т. Тимофеевым, А.В. Рекеевым, М.П. Петровым, М.В. Шевле, А.П. Милли, И.К. Токмаковым, Л.В. Васильевым и др.[287] По воспоминаниям современников, в Казани под руководством Н.И. Ашмарина образовался своего рода кружок собирателей словесного богатства чувашского языка. Участники этой добровольной группы при выезде на каникулы получали от Ашмарина различные задания на собирание произведений устного поэтического творчества, на описание народных обрядов и обычаев. По возвращении с каникул собранный материал систематизировался, записи передавались Н.И. Ашмарину для использования в словаре чувашского языка[288]. Г.И. Комиссаров, который принимал самое активное участие в сборе материалов для словаря ученого, в воспоминаниях так объяснял мотивацию своего энтузиазма: «Меня удивляло, как человек нечувашского происхождения мог полюбить наш родной язык и тратить свои силы на его изучение. С другой стороны, так было приятно сознавать, что есть на свете люди, которые интересуются и дорожат нашим языком и хотят сделать его известным и для других людей, которые или совсем не слыхали о чувашском языке, или относились к нему только пренебрежительно. Хотелось выразить этому человеку благодарность от имени чувашского народа за такое отношение его к нашему языку и хоть чем-нибудь помочь ему в его благородном и полезном для нашего народа деле»[289].

С именем Н.И. Ашмарина связано начало собирания чувашской народной поэзии, и его по праву следует считать не только основателем чувашской лингвистической науки, но и одним из создателей чувашской фольклористики. Необхо-

димость изучения народно-поэтического творчества он сам связывал с тем, чтобы лучше понять самобытный национальный характер чувашского народа, «все феномены его духовной жизни»[290].

Значим вклад Н.И. Ашмарина в этнографию. В своем труде «Болгары и чуваши» (1902) на данных чувашского языка, обобщив исследования предшественников-лингвистов с привлечением материала по истории и этнографии, он обосновал болгарскую теорию происхождения чувашей. Расшифровал эпитафии (надписи на могильных памятниках), которые проливают свет на историю языка и этническую историю чувашского народа[291].

Научные труды Н.И. Ашмарина в области чувашского языкознания, культуры и этнографии чувашского народа органично вписываются в общий контекст национального просветительства, выдвинувшего на первый план интенсивное изучение национальных языков, фольклора и этнографии. На этом фоне появляется целый ряд очерков-исследований («Пишущим на чувашском языке» И.Д. Никитина-Юркки, 1906 г.; «Наш язык» С.С. Сорокина, 1906 г.; «Низовые и верховые чуваши» П.И. Орлова, 1910 г. и др.), которые важно рассматривать как взгляд изнутри на функционирование и перспективы родного языка, в отличие от «внешнего» интереса к нему со стороны русских исследователей XIX в. Никитин-Юркки, к примеру, настаивает на том, чтобы чуваши, носители родного языка, сознательно стремились к его развитию, чтобы язык не оставался средством общения в быту, а был орудием выражения и обогащения духовного мира[292].

Научно-педагогическая и общественная деятельность Н.В. Никольского

Особая роль в национальном просветительстве чувашского народа принадлежит Николаю Васильевичу Никольскому (1878–1961). С юношеских лет, еще во время учебы в Казанской духовной семинарии, он увлекается историей и этнографией, чему немало способствовал В.К. Магницкий. Продолжив после окончания в 1899 г. семинарии свое образование в Казанской духовной академии, он оказался в сугубо академической среде, которая определила его интересы и жизненные приоритеты. В Академии и в Казанском университете, где Никольский также посещал лекции, работали крупные исследователи-специалисты по церковной и гражданской истории (Е.А. Малов, И.Н. Смирнов, Н.Н. Фирсов, М.А. Машанов, Н.Ф. Катанов, И.П. Покровский и др.). Слушание их лекций, изучение трудов, освещающих историю и этнографию народов Урало-Поволжья, христианизацию и инородческое просвещение, способствовали формированию просветительских взглядов, научных принципов и социально-этических представлений Н.В. Никольского. Духовное образование, связь с миссионерскими кругами, приверженность христианским взглядам сделали его убежденным адептом просветительской системы Н.И. Ильминского. Цивилизационный рост чувашей он не мыслил без «христианско-культурного подъема инородцев»[293]. По своим взглядам просветитель являлся решительным защитником права чувашей получать образование на родном языке, убежденным защитником национального равноправия. При этом сам был действующей исторической личностью: он непосредственно участвовал в политике и культурном процессе своего времени, разносторонней научно-педагогической и общественной деятельностью содействовал национальному подъему чувашей.

Имея общие мировоззренческие корни и являясь продолжением «чувашского дела» И.Я. Яковлева, просветительская программа Н.В. Никольского отличалась более широкой научной основой по сравнению с заложенными Яковлевым традициями. Последний преимущественно был педагогом-практиком, к «ученым штудиям» относился не совсем благосклонно, предпочитая науке миссионерство и организацию школьного образования, интересы же получившего европейско-энциклопедическое образование Никольского в большей степени были связаны с «чистой» наукой[294]. Исследователи отмечают также и различия в просветительских взглядах И.Я. Яковлева и Н.В. Никольского, по крайней мере, в трех принципиальных аспектах.

Первый аспект – отношение к православной религии. Мировоззренческие позиции И.Я. Яковлева в этом вопросе достаточно ортодоксальны, в русле официального миссионерства: «Просвещение чуваш прежде всего должно быть религиозно-нравственное, в духе православной церкви...»[295] Других элементов общечеловеческой культуры для чувашей он не предполагает. Н.В. Никольский, несмотря на духовное образование и мировоззренческую позицию, в которой «часто виден миссионер»[296], имеет бóльшую широту гуманистических воззрений и исходит из того, что «школы нужны не потому только, что из них могут образоваться священно- и церковнослужители, а главным образом для того, чтобы дети и родители и вся вообще народная масса более и более через образование знакомились с общечеловеческими понятиями»[297].

Второй – отношение к родному языку. И.Я. Яковлев удовлетворялся использованием чувашского языка в начальной школе и церкви. Перевод на чувашский язык Нового и Ветхого Заветов, других богослужебных книг он считал главным делом жизни. Для него родной язык выступал как средство приобщения к русской культуре, христианским ценностям. Для Никольского, как отмечает А.П. Хузангай, материнский язык являлся философией жизни, «языковой картиной мира» родного народа[298].

Третий аспект – отношение к национальному вопросу и перспективам развития чувашского этноса. Общая методологическая позиция И.Я. Яковлева заключалась в том, что «инородцы» безусловно растворятся в среде русской культуры, государственной и церковной жизни. Никольский, глубоко изучавший жизнь народов Урало-Поволжья, принявший на себя роль лидера их национально-демократического движения в рамках Союза мелких народностей Поволжья в 1917–1918 гг., подходил к культуре народов с позиций понимания ценности отдельного этноса как неотъемлемой составной части общечеловеческой цивилизации[299].

Продолжая дело И.Я. Яковлева, Никольский создал второй (наряду с Симбирском) центр чувашского просветительского движения – в Казани. Именно этот город с начала XX в. становится центром национального движения чувашей, откуда стали распространяться идеи национальной свободы и где происходил поиск путей и форм реализации права чувашского народа на самоопределение. И хотя между симбирским и казанским лидерами чувашской интеллигенции близкие контакты не завязались и не поддерживались (правда, был эпизод, когда И.Я. Яковлев в 1904 г. протянул Никольскому руку дружбы, пригласив посетить Симбирск)[300], тем не менее их программы не противоречили друг другу и развивались в едином общепросветительском русле.

Просветительская деятельность Н.В. Никольского характеризовалась разнообразием, однако главными ее составляющими были научно-исследовательское, педагогическое и общественно-политическое направления. Создание академической национальной истории заняло существенное место в научный работе просветителя. Занятия историей давали возможность решать важнейшую задачу для всякого национального просветителя – воспитывать национальное самосознание, поскольку в истории этнос черпает чувство национальной значимости, в исторической памяти концентрируются знания, опыт, чувства прошлых поколений, во многом благодаря осмыслению собственного прошлого происходит осознание нацией самой себя. Объективная интерпретация национальной истории и научное осмысление богатого исторического прошлого чувашского народа должны были также стать фундаментом для обоснования чувашской экзистенции, права народа на место в общецивилизационном пространстве, механизмом утверждения национальной идентичности. Историю народа Никольский рассматривает в аспектах религии, просвещения, языка, хозяйственно-бытового уклада. Ведущей темой его исторических исследований стало распространение православия, христианского просвещения среди чувашей. Анализируя эти вопросы, ученый преследовал не только научные, но и прикладные цели: давая объективную картину состояния христианизации и исходя из уроков «миссионерской методики», указывающих на «пригодность одних и непригодность других приемов воздействия на инородцев»[301], привлечь силы миссионерской общественности к организации инородческих школ, работающих с опорой на родной язык, и этим способствовать общекультурному развитию чувашей.

Вопросам религиозного состояния и истории христианского просвещения было посвящено его магистерское исследование. В 1909 г. ученый издал работу «Конспект по истории христианского просвещения чуваш», в которой были изложены основные положения будущего фундаментального труда «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках» (1912). Точка зрения Никольского на историю и состояние христианизации и роль миссионерства расходилась с устоявшимися позициями в современной ему историографии и официальных миссионеров[302]. В своих исследованиях просветитель рассматривал развитие религиозных представлений народа как эволюцию национального миропонимания. Вопреки своим изначально миссионерским установкам он критически оценивает процесс и результаты христианизации. Никольский приходит к выводам, аргументированным фактами, что Российское государство и русская церковь до середины XIX в. оказались неспособными выработать адекватную стратегию и тактику глубокого приобщения новокрещеных чувашей к культурному полю христианства. Исследователь доказывает, что применявшаяся среди них система религиозного просвещения, не обеспеченная соответствующими ресурсами и игнорировавшая фактор доступности новой веры на родном языке «инородцев», объективно была обречена плодить главным образом язычествующих христиан, чьи «религиозные верования... сбивчивы, смутны и отрывочны»[303]. Признав методы христианизации чувашей указанного периода непригодными, исследователь констатирует: «Сознавая христианскую веру „русской" верой, новокрещеный чуваш мог проникнуться уважением к ней и желанием пересоздать себя в ее духе, при условии хороших примеров христианского слова и жизни. К сожалению, этих примеров в среде новокрещеных не было. Существующих же представителей хрис-

тианской религии новокрещеные чуваши рассматривали как своих обидчиков и разорителей. Отсюда антипатии новокрещеных чуваш к новой религии»[304]. Ученый отмечает, что в результате чуваши более склонны были сближаться с татарами и переходить в мусульманство, чем становиться христианами[305]. Исследователь подробно анализирует влияние мероприятий московского правительства, связанных с христианизацией чувашей, на их социально-экономическое и культурное положение. В частности, с христианизацией и методами её реализации автор отчасти связывает исчезновение национальной элиты – «класса служилой инородческой аристократии» – и усиление русского служилого помещичьего элемента[306].

С распространением христианства Н.В. Никольский связывает историю просвещения чувашского народа. В ней просветитель выделяет два основных этапа, различные по методам преподавания и достигнутыми результатами: с начала христианского просвещения в Чувашском крае до первой половины XIX в. и со второй половины XIX в. и далее. Первый период в отношении просвещения чувашей исследователь оценивал как безрезультативный: «Мероприятия культурно-просветительного характера не были приспособлены к особенностям народной жизни, почему не оставили значительного следа среди чуваш»[307]. Созданная система образования не позволила «входить в миросозерцание инородца» и объективно не могла обеспечить существенных подвижек в школьном просвещении народа, ибо к окончанию курса новокрещеный ученик «научался говорить по-русски», но для работы в среде единоплеменников уже не годился: тяготел к русскому укладу жизни и пренебрегал бытом соплеменников[308]. Анализируя причины неуспеха миссионерско-просветительской деятельности в Чувашском крае до первой половины XIX в., ученый отвергает мнение, довольно часто озвучиваемое в некоторых официальных и научных кругах российского общества, «о природной тупости инородцев», «к наукам неспособных»[309]. «В неуспехе просвещения среди инородцев, – констатирует он, – виноваты не инородцы, а их просветители». Главной причиной, по которой до середины XIX в. грамотность, литература и наука для чувашей «были чем-то чужим, наносным и даже враждебным»[310], просветитель называет отсутствие преподавания на родном языке. Как последовательный сторонник Н.И. Ильминского и И.Я. Яковлева, Никольский считал необходимым учет языковых особенностей народа в процессе преподавания и при выработке организационных основ «инородческого» просвещения. «Родное слово – великий народный педагог, потому что при усвоении слов родного языка мы усваиваем еще бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, логику и философию языка. Человек, первоначально обучавшийся чужому языку, а потом родному, навсегда останется чужд своему народу, никогда не поймет народа и не будет понят им...»[311] – так определяет просветитель, цитируя слова педагога К.Д. Ушинского, роль родного языка в процессе преподавания.

Помимо незнания чувашского языка преподавателями и миссионерами, Н.В. Никольский называет еще ряд факторов, препятствовавших делу просвещения чувашей: поверхностное знакомство с культурой и бытом народа и великодержавное пренебрежение к нему, профессиональная и педагогическая некомпетентность, неэффективные методики преподавания, не учитывающие уровень владения русским языком, чужая, отрывающая учеников от родных мест обстановка и др.[312]

Изменения в просвещении чувашей Никольский связывает с педагогической системой Н.И. Ильминского, чьи методы обучения «инородцев» на родном

языке способствовали распространению грамотности среди них, формированию национальной интеллигенции и созданию национальной школы. Заслугу последней в национальном развитии этноса он усматривает в том, что «бесправный чувашин сознал свое человеческое достоинство и захотел многих и многих для себя культурных благ»[313]. Успехи просвещения чувашей в конце XIX в., с его точки зрения, были определяющими в чувашской истории последующего столетия. С ними он связывает рост национального самосознания, участие новой чувашской интеллигенции и трудящихся в политической истории.

В социально-политическом плане, по мнению Н.В. Никольского, просвещение и христианизация на родном языке коренных жителей Чувашского края вели к укреплению российской государственности, а не к развитию сепаратизма, «как это мерещится тем, которые здешних бедных инородцев приравняли к остзейским баронам, полякам, чехам австрийским»[314]. Присоединение к Московскому государству земель, населенных чувашами, историк оценивает с позиций исторической неизбежности и выбора между «большим» и «меньшим» злом. Нахождение в Казанском ханстве и соседство с татарами «способствовали отатариванию чуваш и переходу их в ислам»[315], как отмечает он. Вхождение на территорию «русской гражданственности» чуваши покорно признали. Мусульманское правительство сменилось православным, и началось упрочение русско-христианского влияния, которое характеризовалось приобщением к продвинутой русской культуре, но вместе с тем увеличением податного бремени, ухудшением социально-экономического положения, притеснением чувашей как нерусского народа, сопровождавшимися принудительной христианизацией[316].

Изучение истории Н.В. Никольским базировалось на твердой «этнографической почве». «Этнография, – указывал просветитель, – первая и единственная из наук, которая смело во все времена говорила о равноправии народов. Она есть единственная из наук, которая может сказать чувашину, кто он и что он»[317]. В чувашеведении он остался известен как основатель чувашской этнографической школы. Этнографические исследования просветителя имели широкий спектр и выразились в сборе, сохранении, изучении и популяризации духовной и материальной культуры чувашского народа: изучение и описание народных традиций и обрядов, исследование фольклора, языка и комплекса религиозных представлений, создание этнографических коллекций, музейных экспозиций. В ходе этих работ выявлялась комбинация базовых свойств, составляющих совокупный образ чувашского этноса, национальный характер, своеобразие национальной культуры, ее ценности для мировой культуры; происходило «установление места чуваш в культурном творчестве народов мира»[318]. Развитие этнографических знаний о чувашах Н.В. Никольский связывал с практическими задачами национально-политического и культурного строительства среди чувашей. Чувашский просветитель подчеркивал: изучая «тонкие» свойства народного характера, произведения народной словесности, мифологию, географическую номенклатуру, народную архитектуру и технику, «мы тем самым облегчаем себе политическую, административную и просветительную работу среди данного народа»[319].

Органично соединивший в одном лице ученого и собирателя (что было несвойственно для этнографической науки XIX в.), Никольский создал объемный этнографический портрет чувашского народа, описав этногенез, географическую среду территорий обитания, физический и этнопсихологический тип чувашей,

религиозные верования, занятия, хозяйство, общественный и семейный быт, народные знания и т.д. Еще со студенческих лет Н.В. Никольский стал собирать историко-этнографические фольклорные материалы, выезжая в сельские местности, работая в архивах. Он составил и издал несколько программ для сбора сведений по истории, географии, этнографии и фольклора. По научной глубине, широте охвата вопросов, системности эти программы являлись одними из наиболее совершенных. У него было несколько сотен корреспондентов – столько не имел ни один исследователь. Получая материалы от информаторов, работая в архивах и библиотеках, просветитель создал богатейшее собрание источников, состоящее из 249 томов, в том числе 127 томов этнографических записей[320]. Это рукописное собрание специалистами оценивается как уникальное, как «драгоценнейшая культурная сокровищица чувашского народа». «Подобных фольклорных архивов на земном шаре имеется очень немного – ни в коем случае не более трех десятков», – отмечает эстонский фольклорист, профессор Вальтер Андерсон[321]. В этом богатейшем собрании источников фольклорные материалы составили 82 тома. В них представлены 15 тыс. куплетов чувашских народных песен, 10 тыс. сказок, около 8 тыс. пословиц, 5 тыс. поговорок и загадок[322] – ценнейшие образцы языка чувашей, своего рода энциклопедия народной жизни, воплощение духовного и реального жизненного опыта чувашского народа, его внутренней культуры. До конца жизни Н.В. Никольский собирал чувашские сказки и работал над ними. В сказках, как известно, отражаются и аккумулируются общечеловеческие и общенациональные ценности, в них содержится общая система моделирования мира этносом. Просветитель предложил классификацию чувашских сказок, выявил их эволюцию, продемонстрировал значимость их для понимания различных сторон культурного развития народа, раскрыл научное, художественное и педагогическое значение.

Исследование социальных норм жизни народа осуществлялось ученым и с помощью такого вида фольклора, как народная песня. Песня комплексно передает философию народа и информацию о нем. В музыкально-поэтической форме сохраняется историческая и художественная память народа, она пропагандирует эстетические и этические идеалы этноса. Н.В. Никольский, отмечая эти качества народной песни, называет ее «языком чувств народа»[323]. Он дает высокую оценку песенному творчеству чувашского народа: «Замечательно своей мягкостью тонов, любовью и сильным чувством. В своей песне чуваш поднимается до истинно гуманных взглядов на жизнь, углубляется в себя самого, в свой внутренний мир и рассматривает философски то, что его окружает»[324].

Создав богатейшее фольклорное собрание чувашского народа, просветитель не только оставил его в наследство будущим поколениям ученых и литераторов, он предложил глубокое и всестороннее исследование его разных жанров, условий их формирования и бытования, разнообразия содержания и значительности как литературного и педагогического материала, исторического источника и инструмента научного краеведения. Работа просветителя в области сохранения народной словесности и песенного творчества имела значение не только с эвристических и культурологических, но и общественно-политических позиций, поскольку в фольклоре находят самовыражение национальный идеал, представления о национальной общности, укрепляющие этническую идентичность нации.

Серьезен вклад Н.В. Никольского в развитие музееведения и экспозиционную практику. Он собирал и передавал в центральные музеи страны этнографические коллекции. В частности, в 1910–1911 гг. представил в Русский музей собрание коллекции из 205 чувашских этнографических предметов[325]. Чувашский ученый-энциклопедист рассматривал музейные экспозиции как материализованный эквивалент этических, религиозных и эстетических представлений народа. Он стремился использовать музеи как важное звено в формировании знаний общественности России о чувашах, самосознания этноса, пропагандируя богатство и красоту его культуры, самобытность ее проявлений и бытования, создавая образ народа – созидателя ценностей, важных для мировой культуры.

Опора на богатейший эмпирический материал, фундаментальную и фактическую базу, эрудиция и высокие аналитические способности ученого позволили ему создать серьезные научные исследования по этнографии чувашского и других народов Волго-Уралья. До революции Н.В. Никольский издал 35 работ. Важнейшими из них являются: «Краткий конспект по этнографии чуваш», открывший собой «новую эпоху в истории этнографической литературы о чувашах»[326], «Этнографический очерк К. Мильковича, писателя конца XVIII в., о чувашах», «Об этнографической карте Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов Казанской губернии» (совместно с Г.И. Комиссаровым), «О мордовских переводах XIX в.», «Несколько слов о зырянских переводах», «Из истории христианизации татар», «Инородцы Поволжья в первой четверти XVII века», «Уфимские башкиры». Эти и многие другие работы Н.В. Никольского были написаны на основе современных ему методологических историко-этнографических принципов, на широкой источниковой базе и до последнего времени находятся в активном научном обороте, являются ценным вторичным источником изучения истории и просвещения народов региона.

К этнографическим исследованиям ученого-просветителя примыкают его лексикографические и лексикологические труды. Подходы к этим работам готовились созданием словарей и учебной литературой. Он внес весомый вклад в научное изучение и стандартизацию чувашского языка. С 1903 по 1914 г. Никольский составлял «Чувашско-русский словарь». В 1909 г. он издал «Русско-чувашский словарь», который в дореволюционное время и в первые годы советской власти широко использовался в чувашских школах и сыграл большую роль в овладении чувашами русским языком. Уже в советское время на базе накопленных материалов ученый выпустил «Краткий чувашско-русский словарь». Словари Н.В. Никольского явились первыми нормативными и многотиражными словарями чувашского языка, широко используемыми на практике. Современными специалистами эти труды ученого оцениваются как играющие «огромную роль в удовлетворении потребностей лингвистических исследований», как важный материал для исследований истории чувашского и тюркских языков в целом[327].

В области языкознания Н.В. Никольский опубликовал следующие труды: «Введение к „Русско-чувашскому словарю”» (1909), «Конспект по грамматике чувашского языка» (1909) (через 100 лет переизданный дополненным), «К истории зырянского языка» (1913). В предисловии к грамматике чувашского языка автор подчёркивает роль родного языка в обучении и культурном развитии чувашей, которое «должно быть построено согласно указаниям истории и общенационального идеала»[328]. Еще в начале своей научной деятельности в 1904–1905 гг.

он издал две работы о значении родного языка и книг на родном языке в просвещении нерусских народов[329]. Защищая систему Н.И. Ильминского от нападок со стороны представителей великодержавного лагеря, он доказывал, что только путем распространения просвещения и издания книг на родном языке можно добиться приобщения к русской христианской и общечеловеческой культуре, «духовно преобразовать и сплотить инородцев в единое не только политическое, но и духовное целое»[330], достичь культурного и экономического подъема нерусских народов.

Будучи одним из лидеров среди нерусских деятелей науки Поволжья, Н.В. Никольский не ограничивался кабинетной научной работой, он выступал с докладами на научных форумах, являлся активным участником научных обществ. В 1905 г. учёный был приглашен в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, а в 1912 г. избран членом его совета, где работал редактором «Известий», секретарем, председателем этнографической секции. Он также состоял членом Церковного историко-археологического общества в Казани. Никольский сотрудничал с Русским географическим обществом (Санкт-Петербург), являлся членом-сотрудником Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (Москва), членом Общества археологии, истории и этнографии (Самара) и других научных обществ и кружков[331]. Работа в научных обществах и участие в научных форумах давали возможность для повышения теоретико-методологического уровня, апробирования собственных научных изысканий учёного и вместе с тем позволяли донести до интеллектуальной российской общественности представления о богатстве, самобытности и ценности культур нерусских народов Поволжья и Приуралья. Подобная деятельность прямо и опосредованно содействовала национально-культурному развитию, росту национального самосознания чувашского этноса.

Н.В. Никольский много сделал для развития образования чувашского народа. Просветитель обращался к проблемам организации школьного дела уже в ходе научной и педагогической деятельности. Прежде всего он стремился изучить реальное состояние образованности и школьного обучения в инородческой среде. Вопросы о грамотности, состоянии школ, характеристика обучения присутствовали во многих исторических, этнографических и статистических исследованиях ученого («Народное образование у чуваш», 1904–1905 гг.; «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках», 1912 г.; «Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама», 1912 г.; «Конспект по истории народностей Поволжья», 1919 г.; «Основы инородческого просвещения», 1919 г. и др.). Просветитель в своем анализе школьного образования среди нерусского населения исходил из сведений, которые постоянно получал от учителей и приходских священников, из материалов, собранных им в архивах, библиотеках и экспедициях. Данные классифицировались в соответствии с определенной внутренней схемой: описание школ и их материальной базы, обеспеченность учебниками на русском и родном языках, сведения об учителях, количество учеников и их национальная принадлежность и т.д. Весьма показательна в этом отношении книга Н.В. Никольского «Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама». Информация, содержавшаяся в ней, настолько заинтересовала официальных лиц Министерства народного просвещения и Синода, что на ее основе были изданы книги по отдельным этносам[332].

Большое значение в организации школьного обучения просветитель придавал языку преподавания. Являясь активным сторонником системы Ильминского, он считал, что первоначальное образование все народы должны получать на родном языке[333]. Другим важным условием просветитель считал наличие педагогов, по духу и крови принадлежащих к той народности, для которой они трудятся, так как «учитель, вышедший из среды инородцев, по себе знает меру и образ понимания своего племени»[334]. Подготовка национальных кадров просвещения должна была осуществляться в специальных учебных заведениях «типа Симбирской чувашской учительской школы» по современным методикам обучения будущих преподавателей с учётом национальной специфики[335]. В связи с последним условием Н.В. Никольский отмечал: «Самые науки, знания инородцами будут усваиваться охотнее лишь тогда, когда они будут построены на этнографической основе. <...> ...Истинное образование инородца не должно порывать связь его со своим народом; целью образования должно быть внушение любви к своему племени, к судьбе его, а не стремление оттолкнуть от прежней семьи...»[336] Перед учителями-просветителями Никольский ставил очень высокие задачи: они должны были не только хорошо преподавать, но и уметь «разрабатывать на основании местных сырых материалов родную историю, этнографию, обычное право, историческую географию и т.п.»[337].

Н.В. Никольский ратовал за развитие внешкольного образования и считал необходимым создание в селениях культурно-просветительских кружков, народных библиотек и читален, организацию народных чтений для взрослого населения[338]. Именно через внешкольное образование, полагал он, можно значительно повысить уровень культуры в среде простых чувашских крестьян, для которых обучение в школе недоступно из-за возраста или по причине ее отсутствия.

Свою лепту Никольский внес в создание учебно-методической литературы для нерусских школ. Он стал автором «Книги для чтения на чувашском языке», пособия для учителей «Русские глагольные приставки и русские предлоги», «Рассказов из русской истории». Кроме того, просветитель выступил редактором «Наглядного арифметического задачника» на чувашском языке (составитель И.Е. Ефимов-Тхти). В основу учебных пособий были положены принципы передовой русской и мировой педагогической мысли, идеи К.Д. Ушинского и Н.И. Ильминского: учет психологических особенностей в процессе освоения детьми чужого языка; ценностные национальные компоненты, принцип последовательности, доступности, системности. Данные методические принципы и требования он воплощал и как педагог-практик, будучи в дореволюционное время преподавателем чувашского языка, в том числе на миссионерских курсах при Казанской духовной академии, Казанской учительской инородческой и духовной семинариях; в советское время – преподавателем истории и этнографии народов Поволжья в Казанском университете, Казанском педагогическом институте, Казанском северо-восточном археологическом и этнографическом институте, Центральной восточной музыкальной школе.

Как лидер казанского центра чувашского просветительского движения Н.В. Никольский много сделал для подготовки национальных кадров в области просвещения, науки, культуры и общественно-политической деятельности. Наиболее одаренными учениками он считал Г.И. Комиссарова, К.В. Элле, И.Д. Никитина-Юркки, Н.А. Резюкова, Н.К. Кузьмина. Плодотворные результаты при-

несли его творческие связи с исследователями чувашской культуры и этнографии, в частности с Н.И. Ашмариным и И.Н. Юркиным. Первого он высоко ценил за основательные знания чувашского народа и за труды. «Его синтаксис и готовящийся к печати словарь – ясное доказательство богатства чувашского языка и неопровержимое свидетельство в пользу мысли Н.И. Ильминского о необходимости для чуваш деятелей из среды их сородичей», – отмечал он в письме к Д.Ф. Филимонову. В переписке с И.Н. Юркиным отражались его смелые идеи (например, об издании журнала для нерусской интеллигенции), обсуждались актуальные проблемы гуманитарных научных исследований чувашского народа[339].

По вопросам развития науки и образования ученый-просветитель осуществлял деловые связи с широким кругом специалистов по изучению и образованию народов Поволжья и Приуралья: Н.Ф. Катановым, Н.Н. Фирсовым, К.В. Харламповичем, Н.А. Бобровниковым, В.В. Радловым, Н.Я. Марром, Н.Н. Поппе и др.[340] Контакты с крупными деятелями науки не только обогащали ученого, они позволяли расширить диапазон представлений российской научной общественности о самобытности чувашского народа, богатстве его истории и культуры.

Большое значение в формировании и развитии национального самосознания чувашского народа имела переводческая и издательская деятельность Н.В. Никольского. Работа в этом направлении позволяла решать важные задачи: удовлетворение потребностей чувашского населения в знаниях, повышение их образовательного и культурного уровня; христианское просвещение, издание трудов по национальной проблематике, фольклорных материалов, художественных произведений чувашских авторов и переводов сочинений русских писателей. Требования, которые сформулировал Н.В. Никольский к качественному переводу, близки к принципам, обоснованным Н.И. Ильминским: согласие с православным учением, близость к смыслу и тексту переведенного подлинника; общедоступность, т.е. «правильность и народность языка» («языком переводной литературы должен быть язык устной народной словесности»)[341]. Для просветителя тексты были важны тем, что приобщали чувашский народ к духовности, заложенной в христианской литературе, обеспечивали трансляцию ценностей и достижений общечеловеческой культуры.

Переводческую деятельность Н.В. Никольский осуществлял главным образом в рамках своего сотрудничества в переводческой комиссии Православного миссионерского общества, в которой состоял с 1903 г. до начала 1917 г. (секретарем, делопроизводителем, руководителем чувашской секции комиссии). Он рецензировал и редактировал переводы на чувашский язык, способствовал выпуску комиссией более 30 брошюр хозяйственного и медицинского содержания на чувашском языке, подготовил к изданию на чувашском языке переводы вероучительной и художественной литературы[342]. С декабря 1907 г. при управлении Казанского учебного округа была организована переводческая комиссия во главе с Н.Ф. Катановымдля издания светской учебной литературы для нерусских школ. В ее состав вошел и Никольский, при его участии и под его редакцией были изданы учебные книги для чувашей, словарь на чувашском языке Н.И. Ашмарина и «Русско-чувашский словарь» Н.В. Никольского[343]. Значительную роль сыграл просветитель и в организации Самарской переводческой подкомиссии, руководимой Д.Ф. Филимоновым[344].

Благодаря деятельности этих переводческих организаций была достигнута не достижимая для предыдущего поколения переводчиков вероучительной литературы цель: народ принял книжное слово как родное. Тонкое понимание языка и уважение к нему национальных переводчиков обеспечили аутентичность чувашских переводов. В процессе переводческой практики происходило также дальнейшее совершенствование чувашского языка, утверждался его равноправный статус среди других языков, имевших более древнюю литературно-письменную традицию. Как отмечал Н.В. Никольский, опыты переводов подтвердили, что «инородческие языки достаточно сильны, для того чтобы обдумать мысль, возникшую на почве чужого языка, и могут воспроизвести ее в духе собственного гения и по соответственным традициям»[345].

Переводы занимали значительное место в материалах чувашских календарей «Çулталăк кĕнеки», издаваемых Никольским с 1906 по 1914 г. Настольные календари пользовались большой популярностью среди чувашского населения. В них пропагандировались научные знания, содержались разнообразные полезные советы по передовым приемам агротехники и животноводству, кустарным промыслам, сведения о борьбе с болезнями и лекарствах, о гигиене и санитарии, о школах и условиях поступления в образовательные учреждения, статьи об истории, культуре и этнографии чувашей. Таким образом они успешно осуществляли коммуникативные внутриэтнические функции и решали задачи развития просвещения и культуры чувашского народа[346].

Н.В. Никольскому принадлежит заслуга основания первой национальной газеты на чувашском языке «Хыпар» (Вести), которая издавалась в Казани с 8 января 1906 г. по 27 мая 1907 г. Вышло всего 65 номеров. Выступая на съезде сотрудников переводческой комиссии в сентябре 1905 г., просветитель говорил: «Чувашская секция берет на себя смелость заявить комиссии, что... необходимо поспешить с изданием газеты на чувашском языке»[347]. В декабре 1905 г. Никольский несколько раз обращался к казанскому губернатору с просьбой о разрешении издавать еженедельную газету на чувашском языке под названием «Хыпарсем» (Известия). Издателем был назван Н.А. Бобровников – активный деятель в области просвещения нерусских народов Поволжья, редактором – Н.В. Никольский. 5 января 1906 г. Николай Васильевич получил свидетельство Главного управления по печати МВД на издание газеты «Хыпар»[348]. В программу издания печатного органа заложил широкую просветительскую программу: провозглашалось, что в ней будут освещаться текущие события в стране и за рубежом, жизнь чувашского и других народов, экономические вопросы и вопросы крестьянской общественной жизни, просвещения и школьного дела. Н.В. Никольский был редактором-издателем 22 номеров (по май 1906 г.). Под его редакцией газета в целом носила либерально-демократический характер, хотя и печатала корреспонденции и художественные произведения революционной и радикально-демократической направленности[349].

Первый номер газеты «Хыпар», выпущенный тиражом в 1500 экземпляров, вызвал восторг и оптимизм среди образованных чувашей. Письмо А. Сизова из Тетюшского уезда Казанской губернии выражало настроение большинства читателей: «И для нас, чувашей, свет над миром появился! Свет над миром светится с сотворения мира, но мы его не видели, и если бы не было газеты, то этого света не видели бы и сейчас... <...> ...И эта газета, и вся письменность и книги точно так

же, лишь при чтении и нормальном восприятии просвещают нас». Таких воодушевляющих писем газета получала немало[350].

Первый печатный орган чувашей сыграл огромную роль в сплочении авангардных сил нации, осмыслении дальнейших путей социального и культурного возрождения народа, консолидации чувашского этноса. Он способствовал духовному и интеллектуальному объединению разбросанных по разным местам чувашей. Публицисты «Хыпара» были в числе первых, кто сформулировал и выдвинул общественно-политические требования чувашского народа. Благодаря стараниям Н.В. Никольского и поддержке газеты «Хыпар» в 1-ю Государственную думу прошел чуваш Яков Абрамов. Вокруг газеты сгруппировались национальные революционно-демократические силы, которые пропагандировали печатным словом идеи революции. Газета послужила организационным ядром для зарождения казанской чувашской литературной школы и вырастила таких замечательных чувашских поэтов и писателей, как Т.С. Семенов-Тайр, М.Ф. Акимов, Н.И. Полоруссов-Шелеби, А.В. Княгинина (Васся Анисси) и др.[351] Газета положила начало развитию чувашской периодической печати, сыграла важную роль в становлении в чувашской литературе жанров общественно-политического, научно-популярного и официально-делового стилей, внесла существенный вклад в нормализацию лексики, орфографии и грамматики чувашского литературного языка[352].

Н.В. Никольский спустя годы (в 1956 г.) следующим образом оценил историческое значение своего детища: «1. Появление в 1906 году первой чувашской газеты «Хыпар» было большим национальным торжеством. 2. Чувашский язык, считавшийся народными массами бессильным стать орудием газеты, с появлением «Хыпара» и дальнейшим выходом его в свет стал восприниматься наравне с русским языком, а также пригодным для газетной литературы. 3. Наличие газеты на чувашском языке показало чувашам, как надо относиться к родному языку и какие виды произведений могут издаваться на нем. 4. Чувашская народная масса, считавшая себя неспособной для развития у себя литературы и вообще высокой культуры, теперь должна была переменить свое мнение. 5. Вместе с ростом самосознания народа стала расти и развиваться литература всех видов, национальная по форме...»[353]

Дав соплеменникам еженедельное периодическое печатное издание, Н.В. Никольский тем самым поднял их национальное самосознание на новый уровень, ускорил процесс их этнической консолидации. Правы те исследователи, которые отмечают, что издание первой чувашской газеты явилось рубежом в развитии чувашского национального движения – началом его перехода от фазы пробуждения (характеризуется проявлением со стороны формирующейся национальной интеллигенции интереса к истории и культуре собственного народа, их шагами по развитию культуры и языка соплеменников) к фазе агитации (на этом этапе происходит развитие национального самосознания широких слоёв этноса)[354].

Закрытие газеты «Хыпар» на долгие годы (вплоть до 1917 г.) лишило чувашей национального органа печати. Были попытки возобновления газеты на чувашском языке. По инициативе Г.И. Комиссарова с января 1909 г. в Казани планировалось издание чувашской газеты под названием «Юлташ». Она должна была стать прогрессивным изданием, избегающим столкновений с цензурой. На пост редактора-издателя предполагалось предложить Н.В. Никольского (при его несогласии – профессора востоковедения М.А. Машанова). Этот проект активно

обсуждался в широких кругах чувашской общественности, однако в условиях политической реакции вопрос о газете повис в воздухе[355].

В связи с изданием газеты «Хыпар» деятельность Н.В. Никольского стала выходить за рамки сугубо просветительской сферы, поскольку, будучи редактором печатного органа, он волей-неволей вовлекался в обсуждение злободневных общественно-политических проблем, хотя и стремился всячески избегать политизации газеты. По своим политическим убеждениям просветитель примыкал к той части национальной интеллигенции, которая стояла на либерально-демократических позициях. По-настоящему как общественно-политический деятель Никольский проявил себя в период революционных событий февраля – октября 1917 г. Тогда же он стал общепризнанным лидером и идеологом национального движения народов Поволжья.

Наряду с просветительской деятельностью, изучением истории, этнографии и культуры родного народа, Н.В. Никольский занимался исследованием других народов. Национальному мыслителю было свойственно восприятие историко-культурного пространства Волго-Уралья как пространство полилога. Он хорошо осознавал общность исторических судеб народов-соседей, процесс взаимовлияния и взаимопроникновения культур, поэтому в работах просветителя важное место занимают история, культура и этнография мари, удмуртов, татар, мордвы. Он дал также этнографические характеристики башкир, бесермян, калмыков и сибирских народов. В дореволюционное время самым крупным исследованием Н.В. Никольского, касающимся народов Поволжья и Приуралья, стала работа «Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама»[356]. В советское время учёный продолжает региональные исследования. Уже в первые годы советской власти Н.В. Никольский вводит в научный оборот вместо характерных для эпохи царизма терминов «инородцы», «мелкие племена» новые обозначения: «мелкие народности», «народности», «народы», «национальности», «нации»[357]. Исследования и научные разработки Н.В. Никольского в области истории и этнографии народов Волго-Уралья оказали весомую помощь в национально-административном строительстве поволжских республик. На этапе определения границ и формирования территории автономий Народным комиссариатом по делам национальностей РСФСР были использованы и его работы, в частности «Статистические сведения о черемисах» (1912), «Статистические сведения о вотяках» (1912), «Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири» (1912)[358].

Н.В. Никольский установил хорошие деловые контакты с деятелями просвещения народов Поволжья, например с М.Е. Евсевьевым – просветителем мордвы. Чувашскому просветителю принадлежит описание научной деятельности М.Е. Евсевьева. Творческие связи Никольский поддерживал с исследователем крещеных татар Я.Д. Кобловым, исследователем удмуртского языка, истории и этнографии П.И. Лупповым. Целенаправленную методико-методологическую помощь Н.В. Никольский оказывал марийским исследователям, в особенности В.М. Васильеву[359].

Просветительская практика Н.В. Никольского продолжалась и после Октября. Непросто было ему «вписаться» в действительность советского времени, особенно сталинской эпохи, когда он подвергся арестам, а его труды – идеологи-

ческой критике[360]. В этот период жизни он полностью посвящает себя преподаванию и науке. Н.В. Никольский внес немалый вклад в становление советской высшей школы и подготовку национальных кадров. В 1919 г. просветитель приложил много усилий для открытия в Казанском университете краевого факультета – по подготовке специалистов по истории и филологии из чувашей, мари, удмуртов и мордвы, разработал учебный план и структуру факультета. В 1920 г., установив связь с Ревкомом Чувашской автономной области, он развернул деятельность по открытию Чебоксарского университета: разрабатывал его структуру, подбирал кадры. Однако недостаточность материально-технической базы и финансовых средств не позволила ему завершить начатое дело[361]. В начале 1920-х гг. Н.В. Никольским была проведена большая научно-организаторская работа по налаживанию деятельности Восточной консерватории в Казани, директором которой он был в 1921–1922 гг.[362]

Плодотворно работал Никольский на ниве науки и много издавался в первое десятилетие советской власти. В 1919–1929 гг. он опубликовал 16 работ, в том числе две рецензии. Только за 1919 г. издано 5 его научных работ, в том числе две монографии («Краткий конспект по этнографии чуваш», «Конспект по истории народностей»), брошюру «Основы инородческого просвещения». В следующем, 1920 г. у него вышли две монографии («История мари», «Конспект по истории народной музыки»), сборник исторических материалов о народностях Поволжья[363]. До конца своих дней ученый-просветитель продолжал неустанно трудиться на поприще истории и этнографии чувашского и других народов Поволжья, несмотря на неблагоприятную атмосферу, сложившуюся в России в 1930-х гг.

Выходец из трудовой чувашской семьи, благодаря незаурядным способностям и целеустремленности, а также объективным условиям конца XIX – начала XX в., благоприятствующим развитию чувашского этнического самосознания, он стал второй после И.Я. Яковлева значимой фигурой в национальном просветительстве чувашского народа. Своей активной и разносторонней деятельностью он содействовал подъему национального самосознания этноса, формировал идеологию чувашского национального движения.

Просветительские идеи и деятельность Г.И. Комиссарова

Видным деятелем чувашского просветительства стал Гурий Иванович Комиссаров (1885–1969). Питомец Симбирской чувашской школы, он впитал ее просветительский дух и рано проникся идеей служения соплеменникам. «Целью своей жизни я считал более широкую деятельность на пользу общества и родного народа, – писал Г.И. Комиссаров, вспоминая годы учебы в Симбирске. – Я хотел быть не только педагогом, но и литератором и научным работником, страстно желал двинуть вперед изучение родного чувашского народа, его истории и этнографии, участвовать в создании и развитии его литературного языка, литературы и искусства. Поэтому второй задачей своей жизни я считал посильное участие свое в литературной деятельности (создание произведений на чувашском и русском языках). Третьей задачей своей жизни я считал и считаю участие свое в научной работе»[364]. В 1903 г., закончив родной «лицей», Комиссаров начал просветительскую деятельность в качестве сельского учителя в Персирланской начальной школе Ядринского уезда. Здесь он на практике

реализует педагогические принципы И.Я. Яковлева, размышляет об их совершенствовании. Процесс мышления и развития человека, по его мнению, невозможен без обучения на родном языке: «В чувашской школе чувашский язык должен быть языком преподавания и предметом изучения. <...> ...Русский язык является общегосударственным, вторым родным языком для мелких народов России. Поэтому он должен изучаться в чувашской школе в обязательном порядке»[365]. Учебные занятия с учениками обратили его внимание на несовершенство учебных пособий. «Так, уроки по обучению грамоте, – вспоминал Комиссаров, – заставили меня оценить чувашский и русский алфавиты и основанные на них орфографии: чувашскую и русскую»[366]. Чувашский алфавит, составленный И.Я. Яковлевым, по его мнению, «обедняет чувашский язык в звуковом отношении. Следовало бы составить общечувашский алфавит на основе не только низового, но и верхового наречия, более богатого в фонетическом отношении». В русском алфавите он находил много лишних букв, и у него появилось желание составить словари: русско-чувашский и чувашско-русский. Но задуманное Комиссаров не сумел осуществить[367].

Несмотря на обвинения в «злоупотреблении чувашским языком» в школьном преподавании и вопреки требованиям начальства Комиссаров всячески противился так называемому «натуральному» методу обучения детей неродному языку – без родного языка и без учебников на этом языке – и отстаивал необходимость сохранения чувашского языка в чувашской школе[368].

Работая в школе, Г.И. Комиссаров много занимается и самообразованием. В результате глубокого изучения и анализа работ крупнейших философов, классиков литературы сельский педагог создает оригинальные тексты о смысле жизни, о влиянии книг и т.д. Формируются его просветительские взгляды. Под влиянием событий Первой русской революции он включается в общественную жизнь чувашей. Осенью 1905 г. – в начале 1906 г. Г.И. Комиссаров стал одним из инициаторов создания Ядринского отделения Всероссийского союза учителей. Этот союз требовал демократизации политической системы и системы образования в стране, признания родного языка основным средством обучения в нерусских школах[369]. Летом 1906 г. Г.И. Комиссаров едет в Казань. Здесь он знакомится с Н.В. Никольским и публикуется в первой чувашской газете «Хыпар». В дальнейшем с целью получения высшего образования он поступает в Уфимскую духовную семинарию, затем обучается на арабо-татарском подотделении Казанской духовной академии и одновременно в качестве вольнослушателя посещает словесное отделение Казанского университета[370].

В 1913 г. Г.И. Комиссаров окончил академию и получил направление в Уфу, где занял должности помощника инспектора и преподавателя противомусульманской политики в Уфимской духовной семинарии, а также учителя словесности в городской гимназии и заместителя председателя Уфимского епархиального комитета Православного миссионерского общества. В Уфе Комиссаров не только проявил себя как защитник православия и проповедник гуманистических основ христианства, но принял деятельное участие в обсуждении вопросов просвещения нерусского населения Уфимской губернии, отстаивал позиции национальной школы и родного языка: Комиссаров открыто выступил против насаждаемого уфимским епархиальным наблюдателем церковно-приходских школ Д.Ф. Машкевичем «натурального» метода обучения русскому языку в нерусских церковно-

приходских школах. Он поставил вопрос и ходатайствовал об открытии в Белебеевском уезде чувашской учительской семинарии[371]. В бурное время между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. Комиссаров выступил с предложениями по демократизации системы образования, усовершенствованию подготовки национальных педагогических кадров; о необходимости иметь «особых заведывающих делом образования чуваш, крещеных татар, черемис и вотяков Уфимской губернии» – преодолеть «то подозрение к инородческой школе, которое проявляло правительство старого режима»[372]. Комиссаров стал одним из инициаторов открытия в Уфе Чувашской учительской семинарии, в 1922 г. преобразованной в Приуральский чувашский педагогический техникум, обслуживавший чувашей Приуралья и Западной Сибири[373].

Еще в юношеские годы Г.И. Комиссаров включается в научную деятельность. Он пишет в своих воспоминаниях: «Осуществление третьей моей жизненной задачи – участие в научной работе, началось с лета 1900 года, когда записывал чувашские названия полей, оврагов, урочищ и предания, объясняющие происхождение этих названий, а также тексты чувашских сказок, исторических преданий для Н.И. Ашмарина...» Пример Ашмарина, а также автора сборника «Тăхăрьял» Г.Т. Тимофеева и поддержка И.Я. Яковлева подтолкнули Комиссарова к самостоятельным научным изысканиям[374]. Работа по сбору этнографического, краеведческого и исторического материала о чувашах Г.И. Комиссаровым особенно интенсивно проводилась в период учебы в Казанской духовной академии (1908–1913). В 1909 г. по поручению Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете он приступил к составлению «Этнографической и археологической карты Казанской губернии», ему был поручен сбор материалов по Чебоксарскому и Ядринскому уездам. В 1909–1910 гг. по командировке Общества он изучал жизнь и быт чувашского населения перечисленных выше уездов, собирал исторические и этнографические материалы, записывал образцы устного народного творчества и т.д. Подытоживая свое исследование, осенью 1910 г. на собрании Общества он прочитал доклад «Чуваши Казанского Заволжья», который был опубликован в 1911 г. и принес ему известность в научном мире. В 1913 г. Комиссаров защитил магистерскую диссертацию по теме «Религиозное состояние чуваш в XIX веке» и стал кандидатом богословия. Это сочинение было опубликовано в одном из московских религиозных изданий. В Уфе Комиссаров также продолжил изучение истории, этнографии чувашей, других народов Приуралья, собирал фольклор[375].

Педагогическую и научную деятельность Г.И. Комиссаров совмещал с литературным творчеством. Еще в годы учебы в Симбирской чувашской школе совместно с поэтом Г. Кореньковым они создали литературное товарищество под названием «Компания юных пиитов» и стали издавать рукописный альманах. Первые литературные опыты Г.И. Комиссарова связаны с сочинением стихотворений. Писал он как на чувашском, так и на русском языках. По его признанию, только стихов, написанных на русском языке, к середине августа 1913 г. у него стало 92, в том числе написанных в 1907–1913 гг. – 33[376]. Кроме стихотворного, пробовал перо и в других жанрах – писал прозу, драму. С литературным творчеством он напрямую связал реализацию научно-просветительских задач, дело воспитания народа. В его дневниковой записи 1905 г. читаем следующее: «Нам гораздо легче будет быть воспитателями всего чувашского народа с помощью своего примера и с помощью литературы. С помощью последней мы можем также возвес-

тить умной России, как живут и развиваются чувашский народ и его соседи, другие инородцы»[377].

Февральская революция 1917 г. внесла крутые перемены в жизнь Г.И. Комиссарова. Как и ряд видных деятелей национального просветительства, в период 1917–1918 гг. он становится одной из ключевых фигур национального движения чувашей. Как организатор и руководитель Уфимского чувашского национального общества – координатор чувашского национального движения в Приуралье, Комиссаров участвует в работе исторических общечувашских съездов в Симбирске и Казани, в разработке программных требований, стратегии и тактики национального движения, в общественно-политической жизни чувашей на этом этапе. В конце лета 1917 г. чувашские священнослужители добились его избрания делегатом на Всероссийский поместный собор. Осенью 1917 г. он был выдвинут кандидатом в члены Учредительного собрания по списку № 6 от уфимских православных приходов[378]. С утверждением монополии партии большевиков, выдвижением на передний план советских деятелей происходит вытеснение Г.И. Комиссарова на периферию общественно-политической жизни. С начала 1920-х гг. его деятельность протекает в сугубо просветительском русле – он работает на педагогическом поприще, в науке и краеведении, занимается литературным творчеством. Лучшие его труды, созданные в дореволюционное и советское время, вошли в культурное наследие чувашского народа.

Диапазон просветительской деятельности Г.И. Комиссарова поставил его в один ряд с такими фигурами, как И.Я. Яковлев и Н.В. Никольский. Более того, просветительство Комиссарова стало своего рода синтезом просветительских инициатив и начинаний его учителя и старшего коллеги: после Яковлева он продолжил разработку вопросов теории и практики организации чувашской школы и наряду с Никольским активно формировал и разрабатывал комплекс чувашеведческих исследований. Хотя просветительская практика Комиссарова не достигла масштабов и глубины двух выдающихся чувашских просветителей, но именно он первым в национальном просветительстве сделал то, что не делали другие: пытался философски осмыслить место чувашского этноса, отдельной личности в глобальном контексте, в потоке мировой истории. Об этом свидетельствуют богословско-философский трактат Г.И. Комиссарова «Смысл мировой истории» (1916) и сочинение «Чăваш халăхĕ малалла кайĕ-ши, каймĕ-ши?» (Может ли чувашский народ иметь будущее, 1918). В первой работе он «как бы подвел итоги нравственно-философским исканиям дореволюционной чувашской интеллигенции»[379], сформулировал концепцию человека, размышлял о смысле жизни. Признавая Бога творцом всего сущего в мире, автор утверждает, что Бог назначил осуществлять людям то, что сам любит, т.е. добро. Поэтому цель жизни может быть только в том, что достойно Бога, и сам Бог, «а смысл жизни заключается в осуществлении или увеличении добра, усовершенствовании и приближении к этой цели»[380].

В сочинении «Чăваш халăхĕ малалла кайĕ-ши, каймĕ-ши?» он рисует широкую панораму чувашской жизни и задумывается об исторической судьбе соплеменников. Его тревожат процессы ассимиляции, заниженная этническая самооценка значительной части сородичей. Он делает вывод: есть признаки, которые указывают на ослабление национального духа и начало исчезновения чувашского этноса, но вместе с тем имеются индикаторы, показывающие мощь и потенциал народа. Об этом, по его мнению, свидетельствует: рост численности чувашей, их

трудолюбие, стремление к образованию, создание национальных организаций, проведение чувашских съездов, этническая консолидация, книгоиздание и печать на чувашском языке, сохраняющаяся самобытность национальной культуры, открытие национальных школ и церковных учреждений, увеличение количества образованных людей, появление творческой интеллигенции среди чувашей и т.д. «Урăхла паллăсене курсассăн „Чăваш пĕтмест, чăваш пурăнăçĕ малалла" тесе калани те тĕрĕс пек туйăнать[381]» (Эти и другие признаки дают возможность сказать: «Чуваши не исчезнут, у чувашей есть будущее») – констатирует он. «Çавăнпа чăваш халăхĕ вăрăм ĕмĕре пырассине, малалла каяссине пит ĕненмелле[382]» (Поэтому хочется верить, что у чувашского народа будет долгий век, что есть будущее). Залог сохранения и процветания родного народа Г. Комиссаров видит в развитии самобытной национальной культуры, в том, чтобы народом правили избранные им же люди («хăйĕн суйланă çынсене пăхăнса итлесе пурăннă»)[383], в покровительстве Бога: «...Турă чăваша та хăйĕн ырăлăхне кăтартать. Апла пулсан Вăл чăваш халăхне те ытти халăхсем пекех йышăнать. Чăваша та Вăл тасатса çĕнетĕ, унăн пурăнăçне илемлентерсе, пиллесе малалла каймалла тăвĕ. Чăваш хăй тăрăштăр анчах»[384] (Бог демонстрирует свое расположение к чувашам. Значит, он принимает чувашский народ так же, как и другие народы. Он будет способствовать очищению и обновлению чувашского народа, развитию его жизни. Лишь бы сам чуваш стремился к этому).

Религиозная мотивация просветительства Г.И. Комиссарова была отнюдь не случайной. Как и ряд других представителей чувашского просветительства (Н.В. Никольский, Д.Ф. Филимонов, О.Г. Романов, Н.М. Кедров, К.П. Прокопьев), он получил духовное образование, его просветительская практика на первых порах была связана с церковно-духовным поприщем. Христианство чувашскими просветителями воспринималось как прогрессивное явление, а с язычеством часто связывались суеверия, темнота и невежество. В рамках христианской религии они осуществляли просвещение народа, подъем его культуры, распространяли просветительскую мораль, общегуманистические идеи. Нередко и публицистические, и литературные творения чувашских просветителей оформлялись в духе религиозных верований, или подобная мораль выносилась в название их произведений[385]. Другое дело, что в процессе развертывания просветительской деятельности Г.И. Комиссарова и Н.В. Никольского произошла ее секуляризация.

Религиозно-христианское течение в общепросветительском движении чувашского народа. Значение национального просветительства

В деятельности на ниве просвещения и культуры таких деятелей национального просветительства, как А.С. Иванов, Д.Ф. Филимонов, О.Г. Романов, религиозная составляющая была ведущей, что дало основание исследователям выделить вполне своеобразное религиозно-христианское течение в широком общепросветительском движении чувашского народа[386].

В числе приверженцев этого направления заслуживает внимания личность священника Антония Семеновича Иванова (1871 – после 1932), внесшего большой вклад в развитие школьного образования самарских чувашей. При непосредственном участии его как наблюдателя инородческих церковно-приходских школ Бугульминского и частично Бугурусланского уездов Самарской епархии к 1914 г.

здесь действовали 141 инородческая, 59 смешанных школ. В Бугульминском уезде в это время имелось 57 национальных школ, из них 34 чувашские (чисто чувашских – 24, смешанных – 10)[387]. А.С. Иванов добивался, чтобы в подчиненных ему начальных церковных школах обучение шло по системе его учителя Н.И. Ильминского. В ее защиту он написал доклад «Церковно-школьное образование и просвещение инородцев Самарской епархии по системе Н.И. Ильминского» и представил его Казанскому миссионерскому съезду, проходившему в июне 1910 г. Основная идея этой работы: образование и просвещение «инородцев» должны вестись по системе Ильминского во всех национальных школах, учебно-воспитательный процесс в нерусских школах всех типов должен находиться в руках лиц, сочувствующих этой системе и свободно владеющих национальными языками. Для активизации миссионерско-педагогической деятельности и объединения усилий в этом направлении чувашских священников А.С. Иванов предполагал создать специальный журнал, в котором чувашские священники и учителя должны были печатать статьи миссионерского и школьного содержания, обмениваться опытом. Местом его издания Иванов намечал Казань или Симбирск. Однако осуществить этот замысел не удалось[388].

А.С. Иванов участвовал в переводе трудов с русского на чувашский язык. В сентябре 1913 г. председатель Самарской переводческой подкомиссии Православного миссионерского общества Д.Ф. Филимонов докладывал самарскому епископу Симеону, что священник Антоний Иванов весьма усердно занимается переводом книг и брошюр, что им переведено на чувашский язык разных книг в 34 названиях, из них 9 названий уже отпечатано[389].

Просветительское направление деятельности Иванова проявлялось в его этнографических исследованиях о чувашах. В 1899 г. в д. Лашманкино (Малое Девлизеркино) Бугульминского уезда по его просьбе были записаны чувашские свадебные песни. В связи с обращением студента Казанской духовной академии Н.В. Никольского в 1900 г. А.С. Иванов сообщил ему сведения о чувашских селениях Самарской губернии. В 1907 г. в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии» Иванов опубликовал «Указатель брошюр, журнальных и газетных статей и заметок на русском языке о чувашах, в связи с другими инородцами Среднего Поволжья с 1756 по 1906 год». Этот «Указатель...» имел большое значение для своего времени, так как был единственным справочником литературы, опубликованной о чувашах и других нерусских народах Среднего Поволжья за этот период. Подобного издания у других национальностей Волго-Уральского региона в то время не имелось. Иванов являлся также автором этнографических публикаций, статей и заметок по культуре, просвещению чувашей, которые печатались не только в провинциальных газетах и журналах, но и в столичных. Так, преобладающая часть этнографических статей, написанных им, была опубликована в московском журнале «Православный благовестник». В мае 1897 г., как активный автор и инициативный исследователь, он был принят в члены-сотрудники Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, а в сентябре 1904 г. выбран действительным членом этого Общества[390].

После Февральской революции 1917 г. до начала 1918 г. А.С. Иванов принял активное участие в чувашском национальном движении. 23 апреля 1917 г. по его инициативе в г. Бугульма возникло Чувашское национальное общество. Он участвовал в работе Общечувашского национального съезда (20–28 июня 1917 г.,

г. Симбирск), где его кандидатура была внесена в национальный список чувашских кандидатов в Учредительное собрание под № 12: за него было подано 49 голосов[391]. В этот же период он стал активным деятелем по перестройке школьного образования нерусских народов Поволжья на национальной основе. 9–12 мая 1917 г. А.С. Иванов участвовал в работе Самарского губернского съезда учителей, на котором выступил с докладом «Положение дела начального образования инородцев Самарской губернии и меры к его улучшению». В его выступлении было указано на необходимость подбора учительских кадров в нерусских школах из представителей этих национальностей, обучения по учебникам на родном языке учащихся; прозвучало предложение образовать при губернской земской управе особую комиссию по просвещению нерусских народов, организовать курсы, съезды, совещания для нерусских учителей, издавать книги, брошюры на национальных языках[392]. С установлением диктатуры большевиков А.С. Иванов как церковнослужитель подвергся репрессиям. Где и когда окончил жизненный путь просветитель самарских чувашей, неизвестно.

Наиболее масштабной фигурой среди просветителей религиозно-христианского течения, безусловно, является Даниил Филимонович Филимонов (1855–1938). Деятельность Д.Ф. Филимонова следует рассматривать в общем контексте просветительского движения и религиозной политики государства в пореформенный период, когда с середины 60-х гг. XIX в. акцент с принудительной христианизации был сделан на миссионерско-просвещенческую деятельность священнослужителей. Ученику просветителя поволжских народов Н.И. Ильминского, выпускнику Казанской инородческой учительской семинарии, принявшему в 1882 г. священнический сан, Филимонову не хотелось быть простым отправителем церковных служб, он стремился стать настоящим духовным просветителем и пастырем чувашей в религиозной жизни. По его мнению, для дальнейшего христианского воздействия на чувашей необходимы были следующие меры: совершение церковного богослужения и требоисправлений на чувашском языке, распространение грамотности и основных сведений из Закона Божьего среди чувашей посредством школьного и внешкольного обучения с использованием родного языка, распространение книг религиозно-нравственного содержания в чувашском переводе[393].

После того, как в 1883 г. Синод издал указ, разрешивший богослужение на национальных языках, Филимонов стал проводить богослужение на чувашском языке в церкви с. Мусирмы Цивильского уезда, продолжив эту практику среди чувашского населения Самарской губернии, куда переехал в конце 1890-х гг. «Молебен совершил по-чувашски, что чувашам очень нравится»[394], – записал он в дневнике, будучи священником церковного прихода с. Туарма.

Весьма заметный вклад Филимонов внес в дело развития национального образования. Где бы он ни оказался в силу жизненных обстоятельств, всегда стремился превратить свой церковный приход в эпицентр просвещения чувашей. Им были открыты школы грамоты в д. Кудеснеры (1883), школы Братства св. Гурия в деревнях Дальние Мусирмы, Первое Степаново, Старые Арабоси, Тенеево (1884) Цивильского уезда. Первыми учителями в этих школах были его же ученики. Самым важным и полезным для себя делом в области образования он считал открытие в с. Ишаки Чебоксарского уезда двухклассной миссионерской школы Братства св. Гурия со вторым при нем учительским классом. Она готовила учителей для сельских чувашских школ. В Ишаковском приходе им также были от-

крыты три школы грамоты. Благодаря ему в Цивильском и Козьмодемьянском уездах было основано 13 школ, в том числе школа для девочек при Александринской чувашской женской общине[395]. Полагая, что «христианская культура и русская гражданственность скорее и прочнее прививаются к инородцам путем образования женской половины населения», просветитель был решительным поборником развития женского образования через открытие в чувашских деревнях недорогих домашних школ для обучения девочек грамоте и привития им христианской веры[396].

В октябре 1899 г. Филимонов сменил место жительства в с. Ишаки на с. Пролейка Самарской губернии. На второй день после его отъезда газета «Казанский телеграф» сообщила: «В понедельник, 11 октября, выехал из Казани к новому месту служения в Самарскую епархию... о. Даниил Филимонов, столь много потрудившийся для просвещения инородцев в нашем крае...»[397] На новом месте священник столь же рьяно взялся за развитие школьного образования среди чувашского населения. При нем в 1890–1892 гг. возникло 9 школ в чувашских населенных пунктах Самарской губернии. Много сил отдал Филимонов, чтобы открыть в своем Туарминском приходском центре инородческое училище для просвещения чувашей Самарской губернии. Но эти хлопоты не увенчались успехом из-за противодействия министра просвещения А.Н. Шварца, противника системы Н.И. Ильминского[398].

В системе просвещения, претворяемой в жизнь Филимоновым, краеугольным являлся родной язык. Здесь он неуклонно и твердо руководствовался принципами, воспринятыми от своих учителей Н.И. Ильминского и И.Я. Яковлева. Не случайно чувашский просветитель решительно встал на защиту этой системы, когда ее создатель ушел из жизни и начались нападки на нее. Осознавая, насколько опасно для «инородцев» свертывание названной системы, со всей энергией он принялся за пропаганду наследия своего наставника. В письме к известному публицисту С.В. Чичериной, выступавшей в защиту образования нерусских народов Поволжья на родном языке, Филимонов пишет: «Инородцы к обучению на своем языке относятся с любовью... <...> Когда в школе учение начинается сразу же по-русски, то оно идет туго, большинство учащихся бросает обучение не по ненависти к русскому языку, а вследствие трудности и неестественности постановки учебного дела... Инородцы доверие больше питают к учителям из своего племени...»[399] В официальном обращении к чиновнику по особым поручениям при обер-прокуроре Синода И.А. Износкову, датированном 3 февраля 1907 г., Д.Ф. Филимонов по-новому ставит традиционные вопросы инородческого просвещения: «Ныне настало такое время, что необходимо открыть инородцам свободный доступ к высшему образованию; просвещение инородцев нельзя ограничить одним лишь религиозным образованием, инородцев нужно развивать разносторонне. Пусть чуваши разрабатывают свой язык, литературу, музыку, песни и другие стороны духовной жизни. Не надо препятствовать им в этом деле»[400].

Религиозный просветитель решительно защищал преподавание на чувашском языке в начальной школе от нападок и действий тех, кто считал, что «чуваш надо учить по-русски, чтобы они скорее обрусели»[401]. Когда стало известно о решении комитета по народному образованию при Государственной думе (ноябрь 1909 г.), в число «инородческих языков», на которых можно вести преподавание, не включить чувашский, потому что на нем нет литературы, нет никакого труда в

области науки и искусств[402], возмущенный Филимонов лично встретился с депутатом Госдумы И.С. Клюжевым, представлявшим Самарскую губернию. В письме к нему от 21 февраля 1911 г. просветитель подчеркивает: «Такое заявление несправедливо и обличает в народных представителях незнание жизни чуваш и вообще инородцев Поволжья. В отношении самобытности чувашская поэзия превзошла любую из инородческих, и в этом случае чуваши даже оставили за собой татар-магометан. Чувашские „Такмак", „Урожайный год", „Мотивы", „Арçури" (Леший) и многие другие не имеют равных произведений в татарско-мусульманской литературе. После этого можно ли говорить, что у чуваш нет литературы и нет самобытного, оригинального?»[403] Филимонов просил Клюжева внести в постановление совещания чувашский язык (поскольку решение совещания не прошло еще этап принятия законопроекта, эта поправка была допустима). С такой же просьбой он обратился и к члену совета Министерства просвещения Н.А. Бобровникову[404].

Понимая, что престиж и авторитет чувашского языка в немалой степени зависят от того, насколько успешно ведется издательская деятельность, Филимонов стремился к тому, чтобы придать широкий размах переводческо-издательскому делу. Переводами с русского на чувашский язык просветитель стал заниматься еще во время учебы в учительской семинарии. Ему пришлось принять участие в переводческих трудах студента Казанского университета И.Я. Яковлева (переводы на чувашский язык Евангелия от Матфея в 1873 г., от Марка и Луки в 1874), которому он помогал в составлении первого чувашского букваря и книги «Чăн тĕн кĕнеки». Много занимался Д.Ф. Филимонов переводом текстов из богослужебных книг в годы службы в с. Мусирмы. Первым переводным трудом стала брошюра «О загробной жизни» (1899). Переводческую работу он продолжил и в Ишаках. Здесь он перевел и издал 7 работ[405]. Широкого размаха достигла переводческая деятельность Д.Ф. Филимонова в Туарме. Заручившись поддержкой руководителей переводческой комиссии в Казани, он выступил координатором объединения переводческих сил среди духовенства Самарской епархии. Обладая опытом в переводческом деле, просветитель по собственной инициативе разработал проект правил по переводческому и издательскому делу в Самарской епархии, который в 1900 г. был одобрен комитетом. Согласно этому проекту, разрешалось организовать из числа чувашских священников епархии особую переводческую комиссию, призванную осуществлять перевод и издание книг и брошюр духовного и светского содержания на чувашский язык. Избранный председателем подкомиссии, Филимонов вскоре принялся хлопотать о созыве и проведении первого съезда переводчиков, который состоялся 4 октября 1900 г. в Самаре. За период с 1900 по 1914 г. было проведено 7 съездов переводчиков[406]. К делу переводов в Самарской епархии было привлечено более 40 инородческих священников. В 1904 г. число сотрудников Самарской переводческой подкомиссии составляло 42: из них 37 – чувашские священники. Об их деятельности Д.Ф. Филимонов рассказал в работе «Краткий очерк деятельности переводческой подкомиссии при Самарском епархиальном комитете Православного миссионерского общества за первые 10 лет ее существования (1900–1910 гг.)». Переводились на чувашский язык, как правило, жития святых и церковные поучения, книги и брошюры общеполезного содержания: на темы борьбы с пьянством, сельского хозяйства, здравоохранения и т.д. Лично Д.Ф. Филимонов перевел легенду о Моисее, составил краткий словарь

церковнославянского языка в переводе на чувашский язык (от А до О) и т.д. Он читал и редактировал переводческие труды многих священников. За 12 лет переводческой подкомиссией было создано и издано переводческих трудов 96 названий общим количеством 183 500 экз., в том числе на чувашском языке 85 названий – 171 500 экз.[407]

После закрытия печатного органа чувашей – газеты «Хыпар» – Филимонов пытался инициировать выпуск нового издания на чувашском языке. Об этом свидетельствует его обращение к члену Государственной думы М.Д. Челышову. В марте 1912 г. он просил депутата помочь в издании чувашской газеты «Сельский вестник», которая должна была печататься при финансовой поддержке Министерства внутренних дел[408].

Как и большинству национальных просветителей, Филимонову было свойственно стремление познать глубже культуру и историю родного народа, отсюда его увлечение этнографией чувашей. Он изучал этнографические работы о соплеменниках, сам написал несколько этнографических статей: «Основание деревни Тенеево и крещение тенеевских чуваш», «Чувашская свадьба, записанная с натуры в приходе села Мусирмы» (1889), «Сведения о том, какая одежда шьется и какие украшения женские употребляются у крестьян села Мусирмы» (1890).

Просветительская деятельность Д.Ф. Филимонова пришлась на период политических катаклизмов, охвативших страну на рубеже XIX–XX вв., и он никак не мог остаться в стороне от них. В силу своего крестьянского происхождения, образования и рода службы Филимонов по общественно-политическим воззрениям был либеральным консерватором. Он не был согласен с идейной и культурно-политической концепцией самодержавия в отношении нетитульных этносов – подавление элементов национального самосознания, ассимиляция нерусских народов. В статье «Положение приволжских чуваш в настоящее время», опубликованной в «Православном благовестнике» (1907. № 20) священнослужитель резко критикует русификаторские устремления тех местных деятелей просвещения, которые «видят задачу образования инородцев в том только, чтобы превратить их по внешности в русских мужиков. Они не желают дать чувашам единоплеменного духовенства и богослужения на родном языке... Представители русификации настойчиво и систематически вытравливают самосознание чувашей во имя скорейшего обрусения их»[409]. Его также беспокоила утрата частью чувашской интеллигенции национального менталитета. Он с грустью отмечал, что образованные чуваши чуждаются своих единоплеменников, «стыдятся говорить по-чувашски, гнушаются своим происхождением и презрительно относятся к своему роду-племени»[410]. «Посмотрите на жизнь их, – с горечью писал просветитель, – и Вы увидите, что у них ничего своего национального (самобытного) не осталось. У большинства их дети даже не умеют говорить на языке своих сородичей и чуждаются последних»[411].

В Самарской епархии Д.Ф. Филимонов стал свидетелем перехода жителей ряда чувашских селений в ислам, что неизбежно вело к потере ими национальной идентичности. И это тоже вызывало у него обеспокоенность.

Выход из сложившейся ситуации он видел в сохранении и развитии этнической самобытности соплеменников, повышении национальной самооценки: «Чуваши как особая нация могут существовать и правильно идти вперед по пути развития в том лишь случае, если самосознание их освободится из принужденного

угнетенного состояния»[412]. В письме к Н.В. Никольскому (6 ноября 1906 г.) он еще резче подчеркнул эту мысль: «Мы прежде всего должны стараться о повышении „приниженного самосознания" чуваш и во что бы то ни стало освободить дух их из плена, чтобы чуваши не имели побуждений говорить «вырăс пулас», «тутар пулас» (хочу стать русским, татарином. – *В.К.*) и т.п.»[413] В докладе А.И. Износкову (3 февраля 1907 г.) Д.Ф. Филимонов сформулировал свое видение решения национальных проблем чувашского народа: во всех инородческих приходах церковнослужителями должны быть лица коренной национальности; для их подготовки открыть богословские классы при Симбирской чувашской учительской школе, Казанской крещенотатарской центральной школе, Казанской учительской семинарии; инородческие пастыри должны воспитываться по заветам Н.И. Ильминского; необходимо открыть нерусским национальностям свободный доступ к высшему образованию; просвещение «инородцев» нельзя ограничить лишь религиозным образованием, их нужно развивать разносторонне: способствовать развитию национального языка, литературы, музыки, расширить масштабы и объемы финансирования инородческого школьного образования; поощрять внешкольное образование «инородцев» (открывать библиотеки, читальни, просветительские и благотворительные общества, издавать на национальных языках газеты и журналы и т.д.); принять меры к улучшению материального благосостояния национальностей (среди них назывались переселение крещеных «инородцев» на новые земли, помощь в приобретении земельных участков в собственность, развитие кредита, сельскохозяйственного и ремесленного образования и промыслов); учредить внеепархиальное братство просвещения и развивать другие стороны духовной жизни[414]. Выступая 28 июня 1909 г. с речью в с. Шентала на собрании чувашских священников Самарской епархии он предложил следующую программу защиты чувашей от исламизации: на деле осуществить перестройку системы образования национальных школ, подготовки кадров для них, богослужения, книжно-издательской деятельности, работы священников среди «инородцев» в соответствии с системой Н.И. Ильминского; развивать национальное литературно-художественное, музыкальное творчество (в частности, предлагалось издать альбомы чувашских костюмов, вышивки, народных песен) «инородцев» Волжско-Камского края[415]. Многие из этих предложений и высказанных Д.Ф. Филимоновым идей впоследствии вошли в число программных положений, принятых на общечувашских национальных съездах 1917, 1918 гг.

Просветителю хотелось, чтобы получившие образование чуваши отдавали силы и способности делу подъема культуры и экономики своего народа, и он считал, что для объединения интеллектуальных и духовных сил нации необходимо созвать всеобщий съезд деятелей образования чувашей, на котором выработать новые способы и меры по наилучшей организации постановки дела просвещения народа и освобождения его от приниженного, духовно и материально подавленного состояния. В статье «О необходимости всеобщего съезда чувашских интеллигентов» Д.Ф. Филимонов отмечал, что в работе съезда могут участвовать не только чуваши, но и русские деятели, интересующиеся судьбой чувашей и сочувствующие образованию «инородцев» по системе Н.И. Ильминского – та часть либерального русского образованного общества, которая относится к «инородцам» с «братским расположением», признает их равными себе[416].

Исходя из своих религиозных убеждений главную задачу чувашской национальной интеллигенции он определял как реализацию просветительской миссии – распространение христианских идеалов среди родного народа. «Наша задача, – подчеркивал Д.Ф. Филимонов, – должна состоять лишь в том, чтобы чуваши прежде всего усвоили себе общечеловеческую христианскую культуру и шли по пути прогресса, не отставая от других народностей России. Для этого им необходимо подняться выше политических партий и все силы духа, всю любовь к своему роду-племени отдать на перерождение родного народа в одну общецерковную партию, – не в смысле узкоклерикальном, а в духе живого братского единения всех в одном великом Божием деле. По нашему мнению, силы и знания всех интеллигентных чувашей, кто бы они ни были по профессии, должны быть направлены к решению и исполнению этой именно задачи, а остальное все приложится само собой»[417].

Просветитель полагал, что достижение задачи процветания родного ему народа возможно только путем просвещения и подъема культуры, без революционных ломок и потрясений. В письме к И.Я. Яковлеву (22 января 1906 г.) он писал: «Нам ли, интеллигентам маленького чувашского племени, быть активными участниками в политических переворотах России? Наша задача одна – культурное расцветание своего племени по началам христианским или общечеловеческим. <...> У чуваш умственных сил еще очень мало; они не могут расходовать их на рискованные предприятия, имеющие для чуваш только посредственное значение»[418]. Радуясь рождению национальной интеллигенции, Филимонов решительно выступал против методов и способов достижения национальной свободы, пропагандируемых молодыми радикалами. «К сожалению, мы видим, – отмечал он, – что в последнее время среди чуваш появился особый новый элемент, действующий на народ в революционном направлении, это небольшая кучка молодых образованных чуваш, которых русские революционеры увлекли на свою сторону и сделали слепым орудием для распространения своего утопического учения»[419]. Его тревожил разрыв преемственной связи просветительских традиций: «Вместо того, чтобы спокойно и разумно заниматься своим делом и подготовлять чуваш правильно вступить на путь прогресса, они стали проповедовать о негодности тех основ и способов, коими за последние 30 лет было возбуждено в чувашах самосознание и стремление к культурной жизни по началам Евангельского учения...»[420] С точки зрения религиозного просветителя, магистральное направление, обеспечивающее социально-экономический и культурный подъем нации, – путь просветительства, эволюционного развития, а не революционных преобразований, избранных молодой частью национальной интеллигенции. Об этом он писал в письме к Н.В. Никольскому (6 ноября 1906 г.): «Я вполне одобряю горячее стремление молодых образованных чуваш всесторонне просветить своих соплеменников, но никак не могу одобрить их тактику и крайне революционное направление. <...> Нет никакой нужды нам производить опыты социализма на такой маленькой народности, как чуваши». И далее автор подчеркивает: нельзя «ради торжества социализма стремиться совершенно разрушить существующие основы образования чуваш и выставить маленькую чувашскую нацию (малоразвитую) на арену политической борьбы во имя социализма. <...> Пусть русские социалисты, как люди передовые, дерутся между собой, вмешивать же чуваш в эту борьбу и сделать их пушечным мясом нет никакой нужды»[421].

Интеллектуальное наследие и вся разносторонняя подвижническая деятельность чувашского просветителя Д.Ф. Филимонова свидетельствуют о том, что труд был направлен во благо чувашского народа и служил его процветанию. Свое главное призвание – миссионерскую, духовную работу среди соплеменников и других «инородцев» – он стремился вести с учетом их национального своеобразия, исторических судеб, психологии и менталитета и скромно рассматривал ее лишь как частицу огромного труда, который вложили в дело возрождения чувашской нации его учителя и предшественники, прежде всего Н.И. Ильминский и И.Я. Яковлев. «Я считаю себя счастливым, – писал он Н.В. Никольскому, – быть при колыбели первоначального духовного возрождения моих соплеменников и принимать некоторое маленькое участие в этом деле. Я участвовал (как последняя спица в колеснице) в составлении первого чувашского букваря, первых переводов и т.п. Мы работали исключительно во имя культурного развития своего рода-племени – работали сознательно, искренне и совершенно бескорыстно. Мы стояли в стороне от политики. Это дело шло и развивалось на протяжении более 30 лет при наших глазах, в результате чего получилась молодая чувашская интеллигенция в числе не более пяти- или шестисот человек»[422].

Нелегкая, но благородная деятельность Д.Ф. Филимонова и других представителей чувашского просветительского движения, проникнутая смыслом социально-культурного преобразования нации, явилась мощным двигателем прогресса чувашского народа. Пройдя через ряд этапов – миссионерский, охвативший период до первой половины XIX в. (задачи национального возрождения решались через православную церковь и духовные учреждения, которые являлись главным каналом повышения культурного статуса чувашского этноса); собственно национального просветительства – во второй половине XIX в. (происходит секуляризация действий национальных просветителей, создание самостоятельной просветительской программы, институциональное оформление национальной культуры в виде письменности, литературного языка; родной язык – язык начальной школы, национальной интеллигенции; изучение вопросов духовной и материальной культуры чувашского народа приобретают самостоятельное значение); этап, когда культурные задачи просветительства дополняются политическими – в начале XX в. (создание общественных движений, партий, лозунг культурной автономии, равенства культур в государственной и образовательной сферах) национальное просветительство пробудило к жизни творческие силы нации. В его общественной мысли, программных установках и практических результатах сосредоточились интересы и идеалы народа. Опираясь на этнические ценности и решая национальные задачи (возрождение родного народа, развитие этнического самосознания), в то же время национальное просветительство содержало задачи модернизации традиционного чувашского социума через приобщение к передовым достижениям русской культуры, обеспечивая тем самым его органичное вхождение в общероссийское культурное и экономическое пространство. Ключевыми субъектами просветительского движения среди чувашей стали С.М. Михайлов, И.Я. Яковлев, Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров, Д.Ф. Филимонов и др. Овладев высотами общероссийской культуры, пережив духовно-интеллектуальный переворот относительно своих соплеменников, они поднялись над общим уровнем нации, сохраняя с ней прочные этнические связи и оставаясь яркими носителями этнической культуры. Положительная этническая идентич-

ность вкупе с высоким образовательным и интеллектуальным уровнем, энциклопедизм научных и практических интересов, харизматичность их фигур в глазах своего народа сделали национальных просветителей духовными авторитетами, признанными уже современниками. Просветители стали первыми из представителей чувашского социума, чей личный и научный опыт предстал как цельная система взглядов, охватывающих весь национальный мир: его прошлое и настоящее, общественную жизнь, духовную сферу, соотношение национальных с российскими и общечеловеческими ценностями, значение родной культуры для мировой[423]. Их общественно-идеологическая и научная деятельность повлияла на развитие всех сфер национальной культуры, разрушение стереотипов социальной и культурной ущербности, служила формированию национального самосознания народа; своей просветительской работой они подготовили базу для развития научного чувашеведения, идейную основу для создания организованного чувашского национального движения, формулировки его лозунгов, политических интересов и требований этноса (прежде всего в области национально-культурного строительства).

Значение национального просветительства и роль просветителей как национальных лидеров начинает теряться в послеоктябрьский период. Для этого были объективные факторы: переложение функций просветительства на созданные общественные и государственные структуры, национальную школу, печать и литературу, отрасли гуманитарного знания; субъективные обстоятельства: просветители не разделяли программных целей правящей коммунистической партии и конкретных форм их реализации, национальная политика советского государства, начиная с 1930-х гг., выражала курс на нивелирование всего национального многообразия в стране[424].

Литература, источники, примечания

[1] *Зеткина И.А.* Национальное просветительство в культуре народов Поволжья. Саранск, 2005. С. 8.

[2] *Родионов В.Г.* Чăваш литературин, XVIII–XIX ĕмĕрсем. Шупашкар, 2006. С. 420–424.

[3] *Зеткина И.А.* Указ. соч. С. 22.

[4] *Канюков В.Я.* Развитие дореволюционной культуры чувашского народа и ее взаимосвязи с русской культурой // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 15: О дореволюционной культуре чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 21.

[5] *Герцен А.И.* Былое и думы // Русские писатели о чувашах. Изд. 2-е, доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 25.

[6] *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1869. С. 148.

[7] *Берви-Флеровский В.В.* Положение рабочего класса в России // Русские писатели о чувашах. С. 68.

[8] *Берви-Флеровский В.В.* Избранные экономические сочинения: в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 197.

[9] Исследователи этнографии и археологии Чувашии: биобиблиографический словарь. Чебоксары, 2004. С. 240–241, 287–288.

[10] *Родионов В.Г.* Феномен С. Михайлова (Яндуша) и И. Куратова // Этнос. Культура. Слово. Чебоксары, 2006. С. 444; *Артемьев Ю.М.* Становление социалистического реализма в чувашской литературе. Чебоксары, 1977. С. 14.

[11] *Зеткина И.А.* Указ. соч. С. 54.

[12] *Павлова А.Н.* Система Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России (в последней трети XIX – начале XX века). Чебоксары, 2004. С. 52–54.

[13] *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. М., 1997. С. 62.

[14] *Димитриев В.Д.* М.П. Петров (Тинехпи) — деятель просвещения и культуры, этнограф и историк. Чебоксары, 2003. С. 18.

[15] *Димитриев В.Д.* Просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев: сб. ст. Чебоксары, 2002. С. 87.

[16] Цит. по: *Краснов Н.Г.* Педагогическое наследие И.Я. Яковлева // Вопросы яковлеведения. Чебоксары, 1999. Вып. 1. С. 104.

[17] *Ильминский Н.И.* Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань, 1883. С. 34.

[18] *Зеткина И.А.*. Указ. соч. С. 56.

[19] *Павлова А.Н.* Система Н.И. Ильминского и ее реализация ... С. 139, 140, 150.

[20] *Александров Г.А.* Формирование дореволюционной чувашской интеллигенции и ее идейные поиски // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 223.

[21] *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 166.

[22] *Александров Г.А.* Деятельность переводческой комиссии в Казани по переводу книг на чувашский язык // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. ст. Чебоксары, 2004. Вып. 3. С. 111.

[23] Там же. С. 104–106.

[24] *Канюков В.Я.* Развитие дореволюционной культуры чувашского народа и ее взаимосвязи с русской культурой ... С. 19; *Гаврилова Л.М.* Интеллигенция Чувашии в первой половине XIX века // Исследования по истории Чувашии дооктябрьского периода. Чебоксары, 1985. С. 38.

[25] *Золотницкий Н.И.* Избранные труды = Суйласа илнĕ ĕçсем. Чебоксары – Шупашкар, 2007. С. 7, 13.

[26] Цит. по: *Абашева Д.В.* Из истории фольклористики России. В.К. Магницкий. Чебоксары, 2004. С. 18.

[27] *Канюков В.Я.* Развитие дореволюционной культуры чувашского народа и ее взаимосвязи в русской культурой ... С. 25.

[28] *Александров Г.А.* Деятельность переводческой комиссии в Казани ... С. 103; *Золотницкий Н.И.* Избранные труды ... С. 482, 484–485.

[29] *Золотницкий Н.И.* Избранные труды ... С. 485.

[30] Исследователи этнографии и археологии Чувашии: биобиблиографический словарь. С. 97–98.

[31] *Золотницкий Н.И.* Избранные труды ... С. 22–23.

[32] *Канюков В.Я.* Развитие литературы и народные художественные традиции: проблемы литературно-фольклорных отношений. Чебоксары, 1979. С. 11.

[33] Известия Общества археологии, истории и этнографии (ИОАИЭ). Т. 14. Вып. 4. Казань, 1898. С. 440.

[34] *Канюков В.Я.* Развитие дореволюционной культуры чувашского народа и ее взаимосвязи с русской культурой ... С. 26.

[35] *Магницкий В.К.* Рассказы об Акрамовском картофельном бунте чуваш в 1842 году // Волжский вестник. 1883. № 34.

[36] В.К. Магницкий – этнограф чувашского народа // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 21. Чебоксары, 1962. С. 357.

[37] Областные известия от нашего корреспондента. С. Шуматово // Волжский вестник. 1896. 1 января. № 1; Из быта чуваш // Волжско-камское слово. 1881. 13 декабря. № 12.

[38] *Магницкий В.К.* Чуваши (Вниманию г. Михневича) // Волжский вестник. 1891. 21 ноября. № 265.

[39] *Магницкий В.К.* Казанские инородцы и отношение к ним русских просветителей // Волжский вестник. 1885. 17 августа. № 180.

[40] *Никольский Н.В.* Собрание сочинений: в 4 т. Чебоксары, 2004. Т. 1. С. 384.

[41] Празднование столетнего юбилея Козьмодемьянского городского трехклассного училища. Казань, 1891. С. 479.

[42] *Магницкий В.К.* О преподавании в инородческих школах // Городской и сельский учитель. 1895. Вып. 6, 7–8.

[43] Цит. по: *Абашева Д.В.* Указ. соч. С. 41.

[44] *Магницкий В.К.* Грамотность у чуваш в Ядринском уезде // Казанские губернские ведомости. 1864. № 43, 44.

[45] *Иванов В.П., Абашева Д.В.* Жизнь и деятельность В.К. Магницкого // Василий Константинович Магницкий – исследователь культуры и быта чувашей: сб. ст. Чебоксары, 1989. С. 15.

[46] См: Приписка В.К. Магницкого к «Приволжским чувашам» Н. Охотникова // Симбирские губернские ведомости. 1892. 17 марта. № 20.

[47] *Романов Н.Р.* В.К. Магницкий – этнограф чувашского народа // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 21. Чебоксары, 1962. С. 366–368; *Абашева Д.В.* Указ. соч. С. 48–50.

[48] См.: *Корбут М.К.* В.К. Магницкий и его труды. Чебоксары, 1929. С. 28.

[49] Там же. С. 27.

[50] *Михайлов С.М.* Собр. соч. / сост., авт. предисл. коммент. и прилож. В.Д. Димитриев. Чебоксары, 2004. С. 468.

[51] Письмо М.П. Погодину от 5 сентября 1860 г. // *Михайлов С.М.* Собр. соч. С. 437.

[52] Автобиография // Там же. С. 33.

[53] *Димитриев В.Д.* О чувашском ученом и писателе середины XIX века С.М. Михайлове и его сочинениях о чувашах, марийцах и русских Волжско-Сурского края. Чебоксары, 2003. С. 202.

[54] *Сироткин М.Я.* А.С. Пушкин и чувашская литература. Чебоксары, 1949. С. 6–7; *Канюков В.Я.* Творчество С.М. Михайлова как этап утверждения народного сознания в ранней чувашской литературе // С.М. Михайлов: первый чувашский этнограф, историк и писатель: сб. ст. Чебоксары, 1973. С. 67.

[55] *Канюков В.Я.* Творчество С.М. Михайлова как этап утверждения народного сознания в ранней чувашской литературе. С. 58; *Данилов А.П., Тенюшев И.Я.* Зарождение, развитие публицистики и журналистики в Чувашии. Чебоксары, 1999. С. 20.

[56] *Михайлов С.М.* Собр. соч. С. 21, 415.

[57] Отчего чуваши давятся и какие правительство должно принять меры для предупреждения этого явления // *Михайлов С.М.* Собр. соч. С. 177.

[58] Известия из Козьмодемьянска // Там же. С. 301.

[59] Там же. С. 207.

[60] Там же. С. 367.

[61] Там же.

[62] Там же. С. 301–302.

[63] *Канюков В.Я.* Творчество С.М. Михайлова как этап утверждения народного сознания в ранней чувашской литературе. С. 61.

[64] *Михайлов С.М.* Собр. соч. С. 180–181.

[65] Там же. С. 184–185.

[66] Казанские инородцы перед памятником Державину в Казани // *Михайлов С.М.* Собр. соч. С. 344.

[67] О музыке чуваш // Там же. С. 63.

[68] *Данилов А.П., Тенюшев И.Я.* Указ. соч. С. 33.

[69] Из письма С.М. Михайлова А.И. Артемьеву от 29 декабря 1851 г. // *Михайлов С.М.* Собр. соч. С. 416–417.

[70] См.: *Фукс А.А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 25, 58.

[71] Автобиография // *Михайлов С.М.* Собр. соч. С. 25.

[72] Статистические очерки Козьмодемьянского уезда // Там же. С. 160.

[73] Там же. С. 161.

[74] *Егоров Д.Е.* С.М. Михайлов – просветитель и исследователь чувашской народной педагогики: учеб. пособие. Чебоксары, 1998. С. 21.

[75] Там же.

[76] О приходских училищах в чувашских селах // *Михайлов С.М.* Собр. соч. С. 200.

[77] Там же. С. 201.

[78] *Канюков В.Я.* Творчество С.М. Михайлова как этап утверждения народного сознания в ранней чувашской литературе. С. 63.

[79] О приходских училищах в чувашских селах // *Михайлов С.М.* Собр. соч. С. 201.

[80] Село Ишаки в Козьмодемьянском уезде // Там же. С. 139; Село Чемеево в Ядринском уезде // Там же. С. 239.

[81] *Егоров Д.Е.* Указ. соч. С. 23.

[82] Там же. С. 26.

[83] Там же.

[84] Предания чуваш // *Михайлов С.М.* Собр. соч. С. 53; Краткое этнографическое описание чуваш // С. 107–108.

[85] Село Ишаки в Козьмодемьянском уезде. С. 199.

[86] Цит. по: *Егоров Д.Е.* Указ. соч. С. 31.

[87] *Иванов Л.А.* К характеристике историко-этнографических работ С.М. Михайлова // С.М. Михайлов – первый чувашский этнограф, историк, писатель. С. 35.

[88] Там же. С. 36.

[89] *Димитриев В.Д.* О чувашском ученом и писателе середины XIX века С.М. Михайлове и его сочинениях ...С. 205–206.

[90] *Михайлов С.М.* Собр. соч. С. 345.

[91] Там же. С. 416.

[92] *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 91.

[93] О происхождении имени «чуваш» // *Михайлов С.М.* Собр. соч. С. 143.

[94] Там же. С. 50, 361–364.

[95] *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1993. С. 13.

[96] *Абашева Д.В.* Указ. соч. С. 17.

[97] *Сидорова Е.С.* С.М. Михайлов как фольклорист // С.М. Михайлов – первый чувашский этнограф, историк, писатель. С. 52.

[98] *Димитриев В.Д.* Спиридон Михайлович Михайлов: его жизнь и труды // Там же. С. 31.

[99] *Канюков В.Я.* Творчество С.М. Михайлова как этап утверждения народного сознания в ранней чувашской литературе. С. 67.

[100] Там же. С. 58.

[101] *Данилов А.П., Тенюшев И.Я.* Указ. соч. С. 46.

[102] Новые материалы о С.М. Михайлове – первом чувашском этнографе и писателе // Записки ЧНИИ. Чебоксары,1950. Вып. 4. С. 241.

[103] Письмо А.И. Артемьева от 16 января 1852 г. // Михайлов С.М. Собр. соч. С. 421.

[104] Цит. по: *Димитриев В.Д.* О чувашском ученом и писателе середины XIX века С.М. Михайлове и его сочинениях ... С. 7.

[105] Там же. С. 29.

[106] *Данилов А.П., Тенюшев И.Я.* Указ. соч. С. 46.

[107] *Димитриев В.Д.* О чувашском ученом и писателе середины XIX века С.М. Михайлове и его сочинениях ... С. 210.

[108] Там же. С. 29–30.

[109] Телеграмма В.И. Ленина председателю Симбирского Совета от 20 апреля 1918 г. // Ленин и Чувашия: документы, материалы, воспоминания. Чебоксары, 1980. С. 38.

[110] *Волков Г.* Десять этюдов об Иване, помнившем родство // Дружба (альманах). Чебоксары, 1970. С. 141.

[111] *Волков Г.* И.Я. Яковлев как духовный отец чувашской нации, как ее апостол и пророк // И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества: тезисы докладов Международной научной конференции (24 апреля 1998 года, Чебоксары). Чебоксары, 1998. С. 15.

[112] *Герасимова Н.И.* Истоки формирования чувашской национальной интеллигенции (культурологический аспект) // И.Я. Яковлев и проблемы яковлевоведения: сб. ст. Чебоксары, 2001. С. 56.

[113] Докладная записка господину директору гимназии и симбирских училищ И.В. Вишневскому // *Яковлев И.Я.* Из переписки. Чебоксары, 1989. Ч. 1. С. 41.

[114] Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы (по случаю сорокалетия, 1868–1908 гг.). Симбирск, 1908. С. 4–6.

[115] *Кондратьев М.Г.* Цивилизационные аспекты просветительской деятельности И.Я. Яковлева // И.Я. Яковлев – просветитель народов Поволжья и Приуралья. С. 9.

[116] Цит. по: *Канюков В.Я.* Развитие литературы и народные художественные традиции... С. 28.

[117] Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы. С. 5.

[118] *Артемьев Ю.М.* Страсть к полемике: статьи, рецензии. Чебоксары, 2003. С. 44.

[119] Письмо И.Я. Яковлева А.С. Михайлову от 23 января 1914 г. // *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. 1. С. 235.

[120] *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 310.

[121] Цит. по: *Димитриев В.Д.* И.Я. Яковлев – поборник сближения народов // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 42. С. 36.

[122] *Яковлев И.Я.* Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы. С. 3.

[123] *Канюков В.Я.* Развитие дореволюционной культуры чувашского народа ... С. 36.

[124] *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 163.
[125] НА ЧГИГН. Отд. II. Д. 501. Л. 242–243.
[126] *Краснов Н.Г.* Иван Яковлев и его потомки. Чебоксары, 1998. С. 23.
[127] См.: *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 166.
[128] *Таймасов Л.А.* Этноконфессиональный аспект деятельности И.Я. Яковлева // И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества: тезисы докладов Международной научной конференции (24 апреля 1998 года, Чебоксары). С. 95.
[129] *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 191.
[130] *Кондратьев М.Г.* Чувашские преобразования И.Я. Яковлева и начало новой истории чувашской музыки // И.Я. Яковлев и проблемы яковлевоведения: сб. ст. Чебоксары, 2001. С. 68.
[131] *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 179.
[132] *Кондратьев М.Г.* Яковлевоведение: современные контексты // И.Я. Яковлев и проблемы яковлевоведения. С. 7.
[133] *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 256.
[134] *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. Чебоксары, 2004. С. 30–49.
[135] Положение о Симбирской чувашской учительской школе // *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 97.
[136] *Ильминский Н.И.* О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещенотатарской школе. Казань, 1913. С. 30.
[137] *Кондратьев М.Г.* Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М., 2007. С. 208.
[138] И.Я. Яковлев в воспоминаниях современников. Чебоксары, 1968. С. 33.
[139] На память о сорокалетии Симбирской чувашской школы (28 октября 1868 – 1908 г.). Симбирск, 1910. С. 30–31.
[140] *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 11.
[141] *Зеткина И.А.* Указ. соч. С. 119.
[142] *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 143, 163.
[143] *Демидова И.И.* Русско-чувашские связи во второй половине XIX – начале XX в. Чебоксары, 2006. С. 178.
[144] *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чуваш // *Никольский Н.В.* Собр. соч.: в 4 т. Чебоксары, 2004. Т. 1. С. 109.
[145] *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 450.
[146] *Зеткина И.А.* Указ. соч. С. 121.
[147] Соображения о мерах к развитию просвещения в чувашском населении Казанского учебного округа // *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 76–77, 89–91.
[148] *Арсентьева А.В., Демидова И.И., Попова Н.Я.* И.Я. Яковлев о женском образовании // И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества: тезисы докладов ... С. 44.
[149] *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 452.
[150] *Демидова И.И.* Русско-чувашские связи. С. 61; *Арсентьева А.В., Демидова И.И., Попова Н.Я.* И.Я. Яковлев о женском образовании. С. 43.
[151] *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении: из переписки. Чебоксары, 1998. Ч. 2. С. 182.
[152] *Арсентьева А.В., Демидова И.И., Попова Н.Я.* И.Я. Яковлев о женском образовании // С. 44.
[153] *Рогачев В.* Поволжское просветительство: региональный контекст // Диалог культур: проблемы художественного сознания. Чебоксары, 2000. С. 103.
[154] *Краснов Н.Г* . Иван Яковлев и его потомки. Чебоксары, 2007. С. 292.
[155] Там же. С. 293.
[156] *Краснов Н.Г.* Иван Яковлевич Яковлев: жизнь, деятельность, педагогические идеи. Чебоксары, 1976. С. 56.
[157] *Комиссаров Г.* Из «Воспоминаний об Иване Яковлевиче Яковлеве» // И.Я. Яковлев и проблемы яковлевоведения: сб. ст. Чебоксары, 2001. С. 130.
[158] *Яковлев И.Я.* Отчет о состоянии сельскохозяйственной фермы за 1912 г. Симбирск, 1912. С. 206.
[159] Данные предоставлены Г.А. Александровым.

[160] *Димитриев В.Д.* Просветитель чувашского народа. С. 93.

[161] *Плечов Г.Н.* Социально-просветительные и педагогические идеи и деятельность И.Я. Яковлева: сб. ст. Чебоксары, 2008. С. 63–64, 65.

[162] *Димитриев В.Д.* Просветитель чувашского народа. С. 94.

[163] *Краснов Н.Г.* Педагогическое наследие И.Я. Яковлева // Вопросы яковлевоведения. Вып. 1. Чебоксары, 1999. С. 97–99.

[164] *Краснов Н.Г.* И.Я. Яковлев – теоретик и практик педагогической науки // И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества... С. 21.

[165] *Плечов Г.Н.* Социально-просветительные и педагогические идеи и деятельность И.Я. Яковлева. С. 78–79, 80–81.

[166] *Макаревский В.И.* Консервативная политико-правовая идеология М.Н. Каткова и И.Я. Яковлева. С. 11; *Макаревский В.В.* Консерватизм политико-правовых воззрений К.П. Победоносцева и И.Я. Яковлев. С. 8; *Петров Д.П.* Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань, 1921. С. 16.

[167] *Плечов Г.Н.* Социально-просветительные и педагогические идеи и деятельность И.Я. Яковлева. С. 241.

[168] *Там же.* С. 72.

[169] *Зеткина И.А.* Указ. соч. С. 125–126.

[170] Там же.

[171] *Плечов Г.Н.* Социально-просветительные и педагогические идеи и деятельность И.Я. Яковлева. С. 86–87.

[172] *Краснов Н.Г.* Педагогическое наследие И.Я. Яковлева // Вопросы яковлевоведения. Вып. 1. Чебоксары, 1999. С. 115.

[173] На память о сорокалетии Симбирской чувашской школы. С. 7.

[174] *Петров Н.П.* Зарождение и развитие новой чувашской письменности // 100 лет новой чувашской письменности. Чебоксары, 1972. С. 78.

[175] Там же. С. 80.

[176] Солдалык кнеге // *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 21.

[177] *Петров Н.П.* И.Я. Яковлев – создатель чувашской письменности и литературного языка // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 42. С. 71–72.

[178] Цит. по: *Волков Г.Н.* Жизнь, смерть и бессмертие патриарха: роман-эссе. Чебоксары, 2004. С. 99.

[179] *Петров Н.П.* Зарождение и развитие новой чувашской письменности. С. 81.

[180] *Родионов В.Г.* И.Я. Яковлев и история противопоставления диалектов чувашского языка // И.Я. Яковлев – просветитель чувашского народа... С. 3–4.

[181] *Яковлев И.Я.* Учебные книги. Чебоксары, 2008. Т. 2. С. 5–8.

[182] Цит. по: *Петров Н.П.* И.Я. Яковлев – создатель чувашской письменности и литературного языка. С. 79.

[183] *Канюков В.Я.* Развитие литературы и народные художественные традиции. С. 5, 12.

[184] Переписка о чувашских изданиях переводческой комиссии. Казань, 1890. С. 22.

[185] *Спиридонов С.С.* Мировоззрение Ивана Яковлевича Яковлева (1848–1930 гг.). М., 1965. С. 87.

[186] *Мукина И.В.* «Наибольший труд мой, наибольшая моя любовь...» // И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества ... С. 203–205.

[187] *Тенюшев И.Я.* Свет яркой звезды: К 160-летию чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева. Чебоксары, 2008. С. 189.

[188] *Петров Н.П.* И.Я. Яковлев – создатель чувашской письменности и литературного языка. С. 81.

[189] *Зеткина И.А.* Указ. соч. С. 79.

[190] *Канюков В.Я.* Развитие литературы и народные художественные традиции. С. 24–25.

[191] *Яковлев И.Я.* Становление системы образования ... С. 311.

[192] Письмо А.В. Рекееву от 8 мая 1873 г. // *Яковлев И.Я.* Письма. Чебоксары, 1985. С. 158.

[193] Письмо А.В. Рекееву от 10 декабря 1873 г. // Там же. С. 161–162.

[194] *Яковлев А.И.* Иван Яковлевич Яковлев (1848–1930). Чебоксары, 1958. С. 113–114.

[195] Письмо А.С. Михайлову от 23 января 1914 г. // Из переписки. Чебоксары, 1989. С. 234.

[196] *Сергеев Л.П.* О дояковлевском периоде чувашской письменности // 100 лет новой чувашской письменности. С. 58–59.

[197] *Васильев А.В.* Черты просветительства в дореволюционной чувашской литературе // Чувашский язык, литература и фольклор: сб. ст. Чебоксары, 1974. Вып. 4. С. 313.

[198] *Петров Н.П.* И.Я. Яковлев – создатель чувашской письменности и литературного языка. С. 80; Письмо И.Я. Яковлева Н.И. Ильминскому от 24 июня 1871 г. // *Яковлев И.Я.* Письма. Чебоксары, 1985. С. 54.

[199] *Егоров Н.И.* И.Я. Яковлев и развитие фольклористики в Симбирской чувашской школе // И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества ... С. 219.

[200] *Канюков В.Я.* Развитие литературы и народные художественные традиции. С. 33; *Родионов В.Г.* К вопросу о национальном самосознании чувашей в конце XIX – начале XX в. С. 70.

[201] *Петров Н.П.* И.Я. Яковлев – создатель чувашской письменности и литературного языка. С. 80.

[202] *Кондратьев М.Г.* Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. С. 219.

[203] *Родионов В.Г.* К вопросу о национальном самосознании чувашей в конце XIX – начале XX вв. С. 70.

[204] *Спиридонов С.С.* Мировоззрение Ивана Яковлевича Яковлева (1848–1930 гг.). М., 1968. С. 88.

[205] *Артемьев Ю.М.* Страсть к полемике ... С. 159.

[206] *Канюков В.Я.* Развитие литературы и народные художественные традиции. С. 34.

[207] *Макаревский А.В.* Охранительная теория Н.М. Карамзина и И.Я. Яковлев // И.Я. Яковлев – просветитель народов Поволжья и Приуралья. С. 57–58.

[208] *Макаревский В.В.* Консерватизм политико-правовых воззрений К.П. Победоносцева и И.Я. Яковлев // Там же. С. 68.

[209] *Яковлев И.Я.* Становление системы народного образования чувашского народа.Чебоксары, 2007. С. 189.

[210] *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 598.

[211] Там же. С. 305; *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. 1. С. 218.

[212] *Макаревский В.В.* Консерватизм политико-правовых воззрений К.П. Победоносцева и И.Я. Яковлев. С. 6.

[213] *Александров Г.А.* Иван Яковлевич Яковлев в 1917–1920 годы. Чебоксары, 1992. С. 49.

[214] *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 327.

[215] Там же. С. 598.

[216] Там же. С. 566.

[217] Там же. С. 327.

[218] *Плечов Г.Н.* Социально-просветительные и педагогические идеи и деятельность И.Я. Яковлева. С. 70.

[219] Письмо Л.А. Кассо от 8 ноября 1912 г. // *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. 1. С. 223.

[220] Письмо И.Я. Яковлева в Симбирский губернский отдел по народному образованию от 29 ноября 1918 г. // Становление системы образования чувашского народа. С. 423; *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 492.

[221] *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 534.

[222] Письмо В.И. Ленину от 12 (25) ноября 1919 г. // *Яковлев И.Я.* Письма. Чебоксары, 1975. С. 32, 36.

[223] *Волков Г.Н.* Жизнь и смерть патриарха чувашского народа. С. 188–190.

[224] Письмо Г.А. Алексееву от 7 ноября 1896 г. // *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. 1. С. 132–133; На память о сорокалетии Симбирской чувашской школы... С. 97–98, 105, 112.

[225] *Плечов Г.Н.* Социально-просветительные и педагогические идеи и деятельность И.Я. Яковлева. С. 222.

[226] *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 476.

[227] Там же. С. 477.

[228] Там же.

[229] *Плечов Г.Н.* Социально-просветительные и педагогические идеи и деятельность И.Я. Яковлева. С. 223.

[230] *Плечов Г.Н.* Вараксарская чувашская женская трудовая община: феномен социально-просветительной теории и практики И.Я. Яковлева. Чебоксары, 1999. С. 4–5.

[231] *Плечов Г.Н.* Социально-просветительные и педагогические идеи и деятельность И.Я. Яковлева. С. 147.

[232] Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы. Симбирск, 1908. С. 5.

[233] Там же.

[234] Письмо Л.А. Кассо от 8 ноября 1912 г. // *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. 1. С. 218.

[235] *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 598.

[236] *Яковлев И.Я.* Верьте в Россию и любите ее. Чебоксары, 2002. С. 10–11.

[237] На память о сорокалетии Симбирской чувашской школы (28 октября 1868 – 1908 гг.). Симбирск, 1910. С. 6.

[238] О школьном образовании чуваш // *Яковлев И.Я.* Становление системы образования... С. 188; См. также: По поводу заметки земского начальника С.Я. о земских инородческих школах // Там же. С. 126–127.

[239] По поводу заметки земского начальника С.Я. о земских инородческих школах. С. 127.

[240] О двух генералах // Тăван Атăл. 1993. № 2. С. 57–58.

[241] *Юркин И.Н.* (Юркка Иванĕ). Чăваш тăшманĕ // Тăван Атăл. 1993. № 2. С. 46–66.

[242] *Хузангай А.П.* Мифологические концепты об И.Я. Яковлеве в контексте официальной идеологии русского и чувашского национализма. С. 12.

[243] *Яковлев И.Я.* Воспоминания. Изд. 2-е. Чебоксары, 1983. С. 109–111.

[244] *Тенюшев И.Я.* Свет яркой звезды. С. 26; *Петров М.П.* Чĕмпĕрти чăваш шкулĕпе Иван Яккăлч Яковлев çинчен кĕскен каласа кăтартни. Шупашкар, 1928. С. 84; *Яковлев И.Я.* Учебные книги. Чебоксары, 2008. Т. 1. С. 4.

[245] *Хузангай А.П.* Мировоззрение И.Я. Яковлева в контексте официальной идеологии, русского мессионизма и чувашского национализма // И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества ... С. 267; *Его же.* Мифологические концепты об И.Я. Яковлеве в контексте официальной идеологии, русского и чувашского национализма. С. 13; *Димитриев В.Д.* К истории исследования и публикации творческого наследия И.Я. Яковлева // Вопросы яковлевоведения. Вып. 1. С. 172.

[246] *Хузангай А.П.* И.Я. Яковлев и мы. Готовы ли мы понять его завет? // Советская Чувашия. 1991. 15 июня; *Его же.* Мировоззрение И.Я. Яковлева в контексте официальной идеологии, русского мессионизма и чувашского национализма. С. 266–269; *Его же.* Мифологические концепты об И.Я. Яковлеве в контексте официальной идеологии русского и чувашского национализмов. С. 10–18; *Яковлев Ю.В.* «Лĕпĕртетекен» И.Н. Юркин тата çурт тăрринче тырă ӳстерме чĕнекен И.Я. Яковлев пирки // Хыпар. 1996. Август, 14. *Его же.* Особенности восприятия Иваном Юркиным и Иваном Яковлевым идей русского национализма // Диалог культур: проблемы художественного сознания. Чебоксары, 2000. С. 91–101.

[247] *Волков Г.Н.* И.Я. Яковлев как духовный отец чувашской нации, как ее апостол и пророк. С. 12–17.

[248] *Спиридонов С.С.* Мировоззрение Ивана Яковлевича Яковлева (1848–1930 гг.). С. 43; *Краснов Н.Г.* Педагогическое наследие И.Я. Яковлева // Вопросы яковлевоведения. Вып. 1. С. 92.

[249] *Артемьев Ю.М.* И.Я. Яковлев и некоторые особенности формирования литературно-художественного сознания чувашского народа // И.Я. Яковлев и проблемы яковлевоведения: сб. ст. Чебоксары, 2001. С. 50.

[250] *Димитриев В.Д.* Об историческом значении просветительской деятельности И.Я. Яковлева // Известия Академии наук Чувашской Республики. Гуманитарные науки. 1993. № 1. С. 35.

[251] *Димитриев В.Д.* И.Я. Яковлев – поборник сближения народов // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 42. С. 42.

[252] *Спиридонов С.С.* Указ. соч. С. 30; *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории и историографии Чувашии. С. 254.

[253] *Артемьев Ю.М.* XX ĕмĕр пуçламăшĕнчи чăваш литературри (1900–1917 çç.). Шупашкар, 1992. С. 210.

[254] *Краснов Н.Г.* Педагогическое наследие И.Я. Яковлева // Вопросы яковлевоведения. Вып. 1. С. 79; *Хузангай А.П.* Мифологические концепты об И.Я. Яковлеве в контексте официальной идеологии русского и чувашского национализмов: опыт реконструкции яковлевского дискурса // И.Я. Яковлев и проблемы яковлевоведения: сб. ст. Чебоксары, 2001. С. 17.

[255] На память о сорокалетии Симбирской чувашской школы (28 октября 1868–1908 г.). С. 95.

[256] Цит. по: *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. Чебоксары, 2004. С. 347.

[257] *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: воспоминания. С. 58.

[258] *Канюков В.Я.* Развитие литературы и народные художественные традиции. С. 12, 39–40.

[259] *Васильев А.В.* Черты просветительства в дореволюционной чувашской литературе // Чувашский язык, литература и фольклор. С. 313–314.

[260] *Федоров Г.И.* Заметки о художественно-речевой структуре поэмы К. Иванова-Прти «Нарспи» // Вопросы поэтики К. Иванова: Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения поэта 21–22 мая 1990 г. Чебоксары, 1991. С. 108.

[261] *Яковлев Ю.В.* И.Н. Юркин как защитник национальной самобытности чувашского народа // Межэтнические отношения, национальные проблемы и движения в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII–XX веках. Тезисы докладов региональной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора И.Д. Кузнецова (27–28 мая 1996 г., Чебоксары). Чебоксары, 1996. С. 41–42.

[262] *Никифоров И.Н.* Зарождение чувашской революционно-демократической печати. Чебоксары, 1971. С. 4.

[263] *Яковлев Ю.В.* Духовное пространство Ивана Юркина в экзистенциальном чувашском контексте и на фоне иных культурных духовных сфер. Чебоксары, 2009. С. 13.

[264] Приложение // Ономастика и языки Урало-Поволжья: материалы региональной конференции. Чебоксары, 2002. С. 178.

[265] *Юман М.* (Петров Д.П.). 1905-мĕш çул (чăвашсен хушшинче пулнă ĕçсене асăнни). Шупашкар, 1925. С. 117; *Яковлев Ю.В.* Национализм Юркина в аспекте веры в народ // Чăваш ен. 1997. № 53.

[266] *Яковлев Ю.* Юркин, автор концепции национального самосознания чувашей // Чаваш ен. 1996. № 40.

[267] *Васильев А.В.* Проблема творческого метода в чувашской литературе XIX и начала XX века // Художественное мастерство чувашских писателей. Чебоксары, 1986. С. 57.

[268] *Васильев А.В.* Становление и развитие жанров в дореволюционной чувашской литературе XVIII–XIX вв. // Чувашская литература: тенденции развития, стилевые поиски. Чебоксары, 1983. С. 22–23.

[269] *Артемьев Ю.М.* Страсть к полемике ... С. 127–128.

[270] Там же. С. 150; Революцичченхи чăваш литературин: текстсем. II том. I кĕнеке. Шупашкар, 1988. С. 98–101.

[271] *Юман М.* (Петров Д.П.). 1905-мĕш çул: Чăвашсен хушшинче пулнă ĕçсене асăнни). С. 117.

[272] *Артемьев Ю.М.* Становление социалистического реализма. С. 42–49.

[273] *Яковлев Ю.В.* Духовная спячка чувашского народа и призыв его к активной жизни, к пробуждению (Михаил Сеспель : Константин Иванов : Иван Юркин) // Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеспеля. Чебоксары, 2001. Кн. 1. С. 228.

[274] *Иванов К.В.* Çырнисен пуххи. 2-мĕш, хушса тӳрлетнĕ кăларăм. Шупашкар, 1990. С. 71–73.

[275] *Артемьев Ю.М.* XX ĕмĕр пуçламăшĕнчи чăваш литературин (1900 – 1917 çç.) ... С. 225–226.

[276] Там же. С. 227.

[277] *Денисов П.В.* Историко-этнографические исследования Н.М. Охотникова // Исследования по истории Чувашии дооктябрьского периода. Чебоксары, 1985. С. 79–80, 86.

[278] *Родионов В.Г.* Григорий Тимофеев (1878–1937) // *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял: этнографи тĕрленчĕкĕсем, халăх сăмахлăхĕ, çырса пынисем, çырусемпе асаилӳсем. Шупашкар, 2002. С. 12.

[279] *Васильев А.В.* Проблема творческого метода в чувашской литературе XIX и начала XX века. С. 65.

[280] Цит. по: *Никитина Э.В.* Чувашский этноменталитет. Чебоксары, 2005. С. 90.

[281] Цит. по: *Егоров Н.Е.* Н.И. Ашмарин – выдающийся исследователь языка, фольклора и истории чувашского народа // Н.И. Ашмарин – основоположник чувашского языкознания: сб. ст. Чебоксары, 1971. С. 9.

[282] *Денисов П.В.* Проблемы устного народного творчества и этнографии чуваш в произведениях Н.И. Ашмарина // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1954. Вып. 10. С. 153.

[283] *Ашмарин Н.И.* Чувашская народная словесность: исследования, автобиография, воспоминания, письма. Чебоксары, 2003. С. 37, 61.

[284] *Егоров В.Г.* Н.И. Ашмарин как исследователь чувашского языка: к 75-летию со дня рождения. Чебоксары, 1948. С. 17.

[285] Там же.

[286] Цит. по: *Егоров В.Г.* Указ. соч. С. 21.

[287] *Абашева Д.В.* Указ. соч. С. 21–22; *Ашмарин Н.И.* Чувашская народная словесность. С. 379.

[288] *Сироткин М.Я.* Н.И. Ашмарин и чувашская культура // Н.И. Ашмарин – основоположник чувашского языкознания: сб. ст. Чебоксары, 1971. С. 18.

[289] *Комиссаров Г.* Мои воспоминания о Н.И. Ашмарине // *Ашмарин Н.И.* Чувашская народная словесность. С. 384.

[290] *Абашева Д.В.* Указ. соч. С. 22.

[291] *Федотов М.Р.* Исследователи чувашского языка. Чебоксары, 1987. С. 54–56.

[292] *Артемьев Ю.М.* Страсть к полемике ... С. 125.

[293] *Никольский Н.В.* Народное образование у чуваш // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Чебоксары, 2007. С. 71.

[294] *Артемьев Ю.М.* ХХ ĕмĕр пуçламăшĕнчи чăваш литературин ... С. 211.

[295] *Яковлев И.Я.* О школьном образовании чуваш // *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. Чебоксары, 2004. С. 189.

[296] *Леонтьева А.М.* Указ. соч. С. 319.

[297] *Никольский Н.В.* Народное образование у чуваш. С. 66.

[298] *Хузангай А.П.* И.Я. Яковлев и Н.В. Никольский (опыт ретроспективного анализа исторического поведения личностей) // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века: материалы конференции, посвященной 125-летию со дня рождения ученого. Чебоксары, 2005. С. 22.

[299] Там же. С. 23.

[300] *Матвеев Г.Б.* Н.В. Никольский – крупный исследователь истории и культуры народов Поволжья // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004. С. 18.

[301] *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках: исторический очерк // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 126.

[302] *Матвеев Г.Б.* Н.В. Никольский в историографической литературе // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века ... С. 26.

[303] *Николаев Г.А.* Слово о Н.В. Никольском и его трудах по истории христианизации и христианского просвещения чувашей // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 19.

[304] *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Никольский Н.В. Т. 2 // С. 201–202.

[305] Там же. С. 230–231.

[306] *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 1. С. 43.

[307] Там же. С. 58; *Леонтьева А.М.* Указ. соч. С. 316.

[308] *Николаев Г.А.* Слово о Н.В. Никольском ... // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 15.

[309] *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. С. 131.

[310] *Никольский Н.В.* Основы инородческого просвещения // Там же. Т. 3. Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. Чебоксары, 2008. С. 82.

[311] Там же. С. 87.

[312] *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш // Там же. Т. 1. С. 42, 48, 53, 57–58.

[313] Там же. С. 59.

[314] *Никольский Н.В.* Родной язык как орудие просвещения инородцев // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 40.

[315] *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв. // Там же. С. 140.

[316] Там же. С. 140–157.

[317] Никольский Н.В. Этнография чуваш // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 1. С. 406.

[318] Там же. С. 406.

[319] *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чуваш // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 1. С. 108.

[320] *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель. Чебоксары, 2002. С. 26–27.

[321] Там же. С. 29; *Сидорова Е.С.* О научном назначении фонда Никольского // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского. С. 43.

[322] *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель. С. 28.

[323] *Никольский Н.В.* Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 3. С. 255.

[324] Там же. С. 20–21.

[325] *Матвеев Г.Б.* Никольский Н.В. – крупный исследователь истории и культуры народов Поволжья // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 1. С. 15.

[326] *Комиссаров Г.* Чуваши Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1911. Т. 27, вып. 5. С. 328.

[327] *Матвеева Н.В.* Лингвистическое наследие Н.В. Никольского в свете современного чувашского языкознания: автореф. дис ... канд. филол. наук. Казань, 2009. С. 3; *Дегтярев Г.А.* Н.В. Никольскин лексикографири пултарулăхĕ // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского. С. 41.

[328] *Никольский Н.В.* Конспект по грамматике чувашского языка. Казань, 1919. С. 2.

[329] *Никольский Н.В.* Родной язык как орудие просвещения инородцев // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 24–42; *Его же.* Переводческая комиссия в Казани и ее просветительская деятельность среди инородцев // Там же. С. 91–99.

[330] *Никольский Н.В.* Родной язык как орудие просвещения инородцев // С. 39.

[331] *Матвеев Г.Б.* Никольский Н.В. – крупный исследователь истории и культуры народов Поволжья С. 19–20.

[332] *Зеткина И.А.* Указ. соч. С. 117.

[333] *Никольский Н.В.* Основы инородческого просвещения. С. 81.

[334] Там же. С. 94.

[335] *Васильева И.Н.* Педагогические идеи Н.В. Никольского и его взгляды на просвещение инородцев // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века. С. 263.

[336] *Никольский Н.В.* Основы инородческого просвещения // С. 92–93.

[337] Там же. С. 95.

[338] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 307. Инв. № 6184. Л. 107.

[339] *Матвеев Г.Б.* Никольский Н.В. – крупный исследователь истории и культуры народов Поволжья. С. 18.

[340] Там же. С.19.

[341] *Никольский Н.В.* Переводческая комиссия в Казани и ее просветительская деятельность среди инородцев // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 2. С. 93; *Его же.* Основы инородческого просвещения. С. 90.

[342] *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – чувашский ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары, 1993. С. 14.

[343] Там же. С. 15.

[344] *Артемьев Ю.М.* Страсть к полемике ... С. 89.

[345] *Никольский Н.В.* Основы инородческого просвещения. С. 91.

[346] *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – чувашский ученый, просветитель, общественный деятель. С. 23–24.

[347] Там же. С. 24.

[348] Там же. С. 25; *Леонтьев А.* Провозвестник чувашской печати: К 100-летию первой национальной газеты // ЛИК. 2005. № 4. С. 93.

[349] *Петров К.П.* История чувашской журналистики (дореволюционный период). Чебоксары, 1987. С. 7, 13.

[350] *Леонтьев А.* Провозвестник чувашской печати ... С. 94.

[351] *Нагорнова Е.С.* Деятельность Н.В. Никольского и вопросы изучения чувашских литературных школ // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века. С. 255–256.

[352] *Петров К.П.* История чувашской журналистики ... С. 36, 65.

[353] Цит. по: *Леонтьев А.* Провозвестник чувашской печати ... С. 120.

[354] *Николаев Г.А.* Слово о Н.В. Никольском и его трудах по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. С. 11; *Каппелер А.* Предпосылки и развитие национальных движений в Среднем Поволжье в сравнении с другими регионами Российской империи // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1996. № 2. С. 207, 208.

[355] *Комиссаров Г.И.* Мои мемуары // Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. Уфа, 1999. С. 81–82.

[356] *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 3. С. 316–544.

[357] *Матвеев Г.Б.* О трудах Н.В. Никольского по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири // *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. 3. Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. Чебоксары, 2008. С. 10.

[358] *Матвеев Г.Б.* Н.В. Никольский – крупный исследователь истории и культуры народов Поволжья. С. 13.

[359] Там же. С. 18.

[360] *Погодин Е.П.* Историческое мировоззрение Н.В. Никольского (в советский период его деятельности) // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского... С. 21–27.

[361] *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – чувашский ученый, педагог, общественный деятель. С. 55–56.

[362] *Данилова И.В.* Восточная консерватория и Н.В. Никольский // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века. С. 66–85.

[363] *Матвеев Г.Б.* Н.В. Никольский – крупный исследователь истории и культуры народов Поволжья. С. 22–23.

[364] Гурий Комиссаров – краевед и просветитель / сост. Кондратьев А.А. С. 34–35.

[365] Из автобиографических заметок Г.И. Комисарова // Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. С. 32.

[366] Там же. С. 33.

[367] Там же. С. 33–34.

[368] Там же. С. 33, 41–42.

[369] *Алексеев А.А.* Г.И. Комиссаров (Вандер) // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 47: (История, этнография, социология). Чебоксары, 1969. С. 264.

[370] Там же.

[371] *Кондратьев А.А.* Г.И. Комиссаров в Уфе // Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. С. 8, 9.

[372] Там же. С. 9.

[373] Там же. С. 6, 8–9.

[374] Из автобиографических заметок Г.И. Комиссарова // Там же. С. 35–36.

[375] *Алексеев А.А.* Указ. соч. С. 264–265; Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. С. 17, 72–74.

[376] Из автобиографических заметок Г.И. Комисарова. С. 74.

[377] Цит. по: *Артемьев Ю.М.* XX ĕмĕр пуçламăшĕнчи чăваш литературри (1900–1917 çç.). Шупашкар, 1992. С. 218.

[378] *Изоркин А.В.* С думой о судьбе народа. Комиссаров Гурий Иванович // Их имена останутся в истории: биографические очерки. Вып. 2. Чебоксары, 1994. С. 100; *Кондратьев А.А.* Г.И. Комиссаров в Уфе // Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. С. 10.

[379] *Артемьев Ю.М.* XX ĕмĕр пуçламăшĕнчи чăваш литературри (1900–1917 çç.). С. 228.

[380] *Комиссаров Г.И.* О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары, 2003. С. 217.

[381] Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. С. 349.

[382] Там же. С. 367.

[383] Там же. С. 350.

[384] Там же. С. 367.

[385] См.: *Васильев А.В.* Просветительство и концепция просвещенного человека в чувашской литературе XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1988. С. 11–12.

[386] Там же. С. 12; *Артемьев Ю.*М. XX ĕмĕр пуçламăшĕнчи чăваш литературри (1900–1917 çç.). С. 212.

[387] *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. Изд. 2-е. Чебоксары, 2004. С. 119.

[388] Там же. С. 116, 123.

[389] Там же. С. 123.

[390] Там же. С. 127.

[391] *Александров Г.А.* Просветитель самарских чувашей // Бизнес-среда. 2001. № 5. 8–14 февраля. С. 5.

[392] *Алесандров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. С. 127–128.

[393] Там же. С. 28, 46.

[394] Цит. по: *Артемьев Ю.М.* Мятежный дух «чувашского Аввакума» // Известия НАНИ ЧР. 2000. № 1. С. 7.

[395] *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. С. 17, 19, 27.

[396] Там же. С. 22.

[397] Там же. С. 20.

[398] Там же. С. 24.

[399] *Филимонов Д.* Приход Христорождественской церкви села Туармы Бугульминского уезда Самарской епархии // *Чичерина С.В.* У приволжских инородцев. СПб., 1907. С. 73.

[400] *Артемьев Ю.М.* Мятежный дух «чувашского Аввакума». С. 12–13.

[401] *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. С. 26.
[402] *Артемьев Ю.М.* Мятежный дух «чувашского Аввакума». С. 13.
[403] *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. С. 26.
[404] *Александров Г.А.* Просветитель в рясе // Советская Чувашия. 1999. 24 сентября.
[405] *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. С. 67.
[406] *Артемьев Ю.М.* Мятежный дух «чувашского Аввакума». С. 7.
[407] *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. С. 69, 71; *Его же.* Переводчики в рясах трудились усердно // Советская Чувашия. 1998. 22 июля. С. 3.
[408] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 247. Инв. № 615. Л. 314.
[409] *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. С. 52.
[410] *Александров Г.А.* «Народ на школу смотрел как на восходящее солнце» // Чăваш ен. 1994. № 2. 8–15 января. С. 6.
[411] *Александров Г.А.* «Родной язык – это есть дар Божий» // Республика. 2001. № 26. 11 апреля. С. 5.
[412] *Артемьев Ю.М.* Мятежный дух «чувашского Аввакума». С. 11.
[413] Цит. по: *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. С. 58.
[414] Там же. С. 52.
[415] Там же. С. 52–53.
[416] Там же. С. 59.
[417] Там же. С. 57–58.
[418] Цит. по: *Александров Г.А.* Чувашская интеллигенция в годы Первой русской революции // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 144–145.
[419] Цит. по: *Артемьев Ю.М.* Мятежный дух «чувашского Аввакума». С. 11.
[420] Там же.
[421] Там же. С. 12.
[422] Цит. по: *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. С. 55.
[423] *Зеткина И.А.* Указ. соч. С. 149.
[424] Там же. С. 12–13.

Глава 4

ЗАРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧУВАШСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Этническая консолидация в начале XX в. и общественно-политическая мобилизация чувашей в годы революции 1905–1907 гг.

Рубеж XIX – начала XX в. стал судьбоносным в развитии чувашского этноса. Именно в этот период произошла консолидация чувашей в нацию. Ее основными признаками являлись чувашский язык, выросший до уровня единого литературного языка, национальная культура, появление национальной интеллигенции. Языковая и культурная общность чувашской нации подкреплялись компактным проживанием основной массы народа на общей территории, что «явилось этногеографической предпосылкой к упрочению у них внутриэтнических хозяйственно-экономических и культурных связей»[1]. К концу XIX столетия произошло окончательное оформление и стабилизация основной конфигурации этнической территории чувашей, которая объективно определилась примерно на базе внешних границ семи смежных уездов Казанской и Симбирской губерний (Чебоксарский, Ядринский, Цивильский, Козьмодемьянский, Тетюшский, Буинский, Курмышский), где проживало 662 тыс. чувашей, т.е. 78 % от общей их численности в Российской империи. Чуваши проживали здесь более чем компактно, лишь местами имея чересполосицу с татарским, мордовским и русским населением. Именно этот территориальный массив чувашей стал ядром этноса, а земли названных уездов, составив в последующем территориальную основу создаваемой национальной автономии, – «материнской родиной для большинства чувашей»[2]. «По всему течению Волги, по правую сторону от нее, мы встречаем чуваш... – отмечал Г.И. Комиссаров. – Но далеко не все местности с чувашским населением в перечисленных уездах связаны между собою: во многих уездах чуваши являются лишь вкрапленными в массу нечувашского населения ... Где чуваши живут сплошной массой, составляя преобладающее население, так это на пространстве земли, заключенном между рек Сурой, Волгой и Свиягой. Это настоящая страна чуваш, их метрополия по настоящему времени, это настоящая „Чувашландия", по выражению одного из исследователей чуваш проф. Сбоева»[3]. «Коренной Чувашландией», в которой чуваши «сохранили более, чем в других местах, свой национальный характер» назвал территорию Цивильского и Ядринского уездов и Д. Семенов, составитель книги «Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям»[4].

Вместе с этноконсолидационными процессами у чувашей в начале XX в. явственно обозначились зачатки организованного национального движения. Согласно мнению чешского историка М. Гроха, в национальном движении «малых народов» (не имевших беспрерывной государственной традиции и письменного языка) модно выделить три фазы. Первая фаза характеризуется появлением национальных просветителей, патриотически настроенных деятелей образования и

культуры, которые обращались к разработке вопросов языка, истории и культуры народа. Во второй фазе происходит переход к национально-патриотической агитации с целью развития самосознания всех слоев этноса, консолидация их в современную нацию. Третья фаза завершается возникновением массового национального движения с открытыми политическими лозунгами и сетью национальных организаций, образованных в целях этнической эмансипации[5]. В первом десятилетии XX в. национальное движение чувашей вступило в фазу агитации и достигло крайних пределов в 1917 г.

У народов Поволжья национальное движение было ускорено революцией 1905–1907 гг., в которой своеобразно переплелись социально-политические, экономические, этнические противоречия и конфликты. Самодержавная политическая система отказывала народам России в праве не только на административную автономию, но и на свободное развитие культуры, подразумевая постепенную ассимиляцию. Даже такой просвещенный и либерально настроенный человек, как епископ Андрей (князь Ухтомский), писал: «Нет сомнения, что мелкие народности в силу исторического процесса должны слиться с народностями более крупными; такая же участь, несомненно, постигнет и приволжских инородцев»[6]. В качестве государственной идеологии со времени правления Александра III утвердилась доктрина «официального национализма» с лозунгом «Россия должна принадлежать русским». Как следствие, правительство все дальше отходило от прежней политики толерантности в отношении национальных особенностей нерусских подданных царя[7]. Применительно к чувашам это, в частности, проявилось в том, что узкомиссионерский характер государственной программы просвещения еще больше сужается: проявляется стремление пересмотреть систему Н.И. Ильминского и изгнать родной язык чувашей из чувашских школ; издание светской чувашской литературы встречает противодействие со стороны официальных органов. В 1903 г. в целях предупреждения чувашского «национального сепаратизма» был снят с должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа И.Я. Яковлев, что произвело крайне негативное впечатление на всю чувашскую интеллигенцию. Заметное недовольство существующими порядками проявляется даже среди чувашского духовенства. Росту его оппозиционности и демократичности содействовали его крестьянское происхождение, а также русское духовенство, которое смотрело на священнослужителей-чувашей «из мужиков» с пренебрежением и высокомерием. Недовольство охватило и чувашское крестьянство, задавленное малоземельем, ростом податей и налогов, чиновничьим произволом[8]. Хотя для чувашских крестьян, сохранявших замкнутый социальный мир, основанный на общинной собственности на землю, эгалитаризме и круговой поруке, все же более актуальным было не национальное пробуждение, а экономический подъем и стимулирование деловой активности наиболее производительной части сельского социума.

Идею национального подъема прежде всего несла молодая чувашская интеллигенция. Как отмечал Д. Петров (Юман), к началу революции это «была лишь тончайшая, отнюдь не высокообразованная прослойка чувашского народа, однако она смело претендовала на многообязывающее звание интеллигенции»[9]. В её рядах заметной была доля учителей, священников, юристов, многие из которых являлись воспитанниками Симбирской чувашской школы. Именно в среде молодой национальной интеллигенции произошло «накопление эле-

ментов юношеской деструктивности... и рост социальных ожиданий, вылившихся в ненависть к империи как средоточию угнетения»[10]. Подавляющее большинство представителей чувашской интеллигенции поддерживало программные заявления партии эсеров, которая в аграрном Поволжье из революционных движений рубежа века имела наиболее сильные позиции с популярным среди крестьянства требованием «социализации земли» и уравнительного землепользования. Датой возникновения эсеровского движения среди чувашей, по мнению исследователя А.В. Изоркина, следует считать 1903 г.[11] (историк В.В. Макаревский называет 1904 г.[12]), когда чувашские учащиеся Симбирской духовной семинарии образовали кружок по политическому самообразованию чувашей. Участниками кружка стали С.Н. Николаев, Д.И. Ургалкин, В.Ф. Федоров, П.Ф. Мигушов. Идейным наставником кружковцев был преподаватель семинарии В.Г. Архангельский, впоследствии крупный деятель партии социалистов-революционеров, депутат Государственной думы, член Комуча. В 1903 г. в партию эсеров вступили Г.Ф. Федоров (Алюнов) – студент Демидовского юридического лицея в Ярославле и Т.Н. Николаев (Хури) – воспитатель Симбирской мужской гимназии[13]. В 1904 г. кружок по политическому самообразованию принял на себя функцию пропаганды и распространения революционных идей. Организация состояла из 10–12 чел. – семинаристов и учащихся Симбирской чувашской учительской школы. Руководителем кружка стал Т.Н. Николаев, который в начале августа 1906 г. организовал в Казани «чувашский кружок», по сообщениям казанских газет, ставивший целью культурное возрождение чувашского народа. Кружок состоял в основном из эсеров[14].

С началом революции чувашские эсеры выполняли задания Казанского и Симбирского губернских комитетов партии социалистов-революционеров: вели устную и печатную агитацию и пропаганду против царского режима, распространяли революционную литературу и прокламации, устраивали тайные собрания, совершали террористические акции. С середины лета 1906 г. начался организационный этап в движении чувашских социалистов-революционеров. Было создано руководящее ядро (комитет), куда вошли Т.Н. Николаев, Г.Ф. Федоров, С.И. Игнатьев. Создание руководящего ядра явилось началом формирования чувашской организации социалистов-революционеров[15]. В апреле 1907 г. в Казани в нелегальных условиях состоялся съезд чувашских эсеров. На нем присутствовало 46 делегатов со всех мест с чувашским населением. Съезд утвердил функционирование Чувашской автономной окружной организации партии социалистов-революционеров, избрав его комитет в составе пяти чел.: Т.Н. Николаев (председатель), С.Н. Николаев, Ф.Н. Николаев (Сергеев), Д.П. Петров (Юман) и Н.Ф. Беляев (члены). Была утверждена печать с надписью «Казанская окружная чувашская организация социалистов-революционеров» и девизом «В борьбе обретешь ты право свое». Понятием «Казанский округ» обозначался Поволжско-Приуральский регион (несколько губерний), где имелось чувашское население[16]. Чувашские социалисты-революционеры в своей деятельности руководствовались общеэсеровской партийной программой. В ходе революции 1905–1907 гг. выдвигали следующие политические и экономические требования: немедленный созыв Учредительного собрания на основе прямого, равного избирательного права и тайного голосования; гражданское равноправие; выборность, сменяемость и подсудность всех должностных лиц; свобода печати; равноправие языков; безвозмездная кон-

фискация всех казенных, удельных, монастырских и помещичьих земель и распределение их между крестьянами на основе уравнительного трудового землепользования; отмена всех недоимок, выкупных платежей; всеобщее обязательное низшее образование. В отношении национального вопроса, выражая общую линию программы партии социалистов-революционеров, чувашские эсеры не шли дальше требования культурно-национальной автономии[17]. Эта национальная программа вполне соответствовала и социальной структуре чувашской организации партии эсеров (учителя, журналисты, студенты, учащиеся и семинаристы – выходцы из крестьянства), для которых доминировали целевые установки культурно-просветительского характера (распространение национального образования и печати, внедрение чувашского языка в школы и судопроизводство и т.д.).

Чувашская организация эсеров явилась самой заметной политической силой, способной идейно воздействовать на чувашскую интеллигенцию и бóльшую часть крестьянства. В ее среде формировались идеология и лидеры движения за национальную эмансипацию чувашей. Представители этой организации руководили возникшими в годы революции профессиональными объединениями национальной интеллигенции и крестьянства. Наиболее организованным отрядом интеллигенции было учительство. Во второй половине 1905 – начале 1906 г. в Буинском и Ядринском уездах возникли союзы чувашских учителей, входившие в качестве национальных филиалов во Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию. Учительство предприняло первую в истории чувашей попытку общенационального объединения на основе движения за свободную школу и национальную культуру. 1–2 августа 1906 г. недалеко от Симбирска состоялся нелегальный съезд чувашских учителей. В его работе приняли участие около 50 делегатов из Казанской, Симбирской, Уфимской и Самарской губерний. Газета «Волжский вестник» в связи с этим событием сообщала: съезд созван группой молодых чувашских интеллигентов для обсуждения вопросов объединения всех прогрессивно настроенных деятелей по образованию чувашей в особый союз с широкими просветительными и политическими задачами, и можно «смело надеяться, что народившемуся союзу удастся объединить если не всех, то, по крайней мере, большинство деятелей по образованию чуваш и сыграть в деле развития общекультурного и политического самосознания чуваш крупную роль»[18]. На съезде возник вопрос о том, под флагом какой партии должны выступить учителя. Эсеры во главе с Т.Н. Николаевым (Хури) настаивали, чтобы союз учителей принял их программу. Социал-демократ М.Д. Демьянов выступил против подчинения учительской организации партии эсеров. В итоге съезд отказался принять программу эсеровской партии. Было решено, что Союз чувашских учителей – организация не партийная, а профессиональная и является филиалом Всероссийского союза учителей. Союзу дали название «Кружок деятелей по образованию чуваш». Были проведены выборы в комитет Союза, куда вошли эсеры Т.Н. Николаев (Хури), Г.Ф. Федоров (Алюнов), С.Н. Николаев. Председателем комитета был избран Г.Ф. Федоров. Съезд постановил, чтобы кружок взял в свои руки газету «Хыпар» (Вести) и издательское дело на чувашском языке. Съезд создал редакционную комиссию из трех человек: Т.Н. Николаева, Г.Ф. Федорова, С.И. Игнатьева. Вскоре после съезда был опубликован устав кружка на русском языке. «Кружок, – говорилось в нем, – имеет целью поднятие умственного и экономического состояния чуваш, в частности развитие их политического самосознания. Средствами для это-

го служат: а) издание и распространение периодических органов на чувашском языке... б) борьба за реорганизацию внешкольного образования чуваш на началах свободы и строгого демократизма»[19]. Формирование национального учительского союза свидетельствовало о том, что в рядах чувашской интеллигенции произошло осознание необходимости социально-политических действий. Принятые учителями программные документы по образованию выражали демократические требования, направленные на национальную мобилизацию этноса под флагом борьбы за передачу дела образования чувашей в руки самих чувашей.

Вместе с активизацией социально-политической деятельности интеллигенции, в годы революции развертывается движение чувашских крестьян, наряду с аграрным вопросом выдвигающих национальные требования. Решение земельного вопроса для чувашских крестьян означало, что они должны получить свою долю от конфискации помещичьих, удельных и казенных земель в уездах средневолжских губерний, а также вернуть земли, захваченные у них при русской колонизации Чувашского края. «У чувашей, при всей их солидарности с соседним русским населением, – отмечалось в связи с последним обстоятельством в книге профессора Штернберга «Формы национального движения в современных государствах», – был в некоторых местах свой больной вопрос: это спорные луговые земли, которые чуть ли не при Грозном были отняты у них силой и переданы русским переселенцам; и вот, несмотря на популярность в их среде идеи социализации земли, ими был выдвинут в общерусскую аграрную платформу пункт о restitutio statu quo ante с луговыми землями». Это требование касалось не только луговых земель, а всех земель вообще[20].

Общественно-политические требования чувашского крестьянства, изложенные в приговорах и наказах сходов, собраний, в петициях в земские и правительственные учреждения, в прокламациях, кроме общедемократических (гражданское равноправие и свободы, выборность и сменяемость всех должностных лиц, полная свобода печати, созыв Учредительного собрания и т.д.), содержали и национальные требования (равноправие языков, обучение в школе на родном языке, выборность судей местным населением)[21]. В ходе революционных событий чувашское крестьянство не только выступило четко сформулированными требованиями, но и сорганизовалось в общественно-политическое движение в виде отделений Всероссийского крестьянского союза, которые были созданы в 113 селах и деревнях Чувашии[22]. Отделения Всероссийского крестьянского союза открыто ставили вопросы о ликвидации национального неравенства, создании равных и свободных условий для развития языка и культуры. В числе их требований были использование чувашского языка в судах и учреждениях, в школе – не только начальной, но и средней, издание литературы на родном языке, создание местных органов власти с учетом национального состава населения[23].

На национальную агитацию среди крестьян Чувашии обратил внимание министр внутренних дел П.А. Столыпин. На докладную записку предводителя дворянства Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов (12 сентября 1906 г.), в которой сообщалось, что среди чувашского населения началась агитация «в пользу образования особой чувашской народной организации», Столыпин наложил резолюцию: «Обратить особое внимание». 19 сентября департамент полиции дал указание начальнику Казанского губернского жандармского управления представить сведения о революционном движении в Чебоксарском уезде и агитаторах из чувашей[24].

Столкнувшись с массовым недовольством, под воздействием народного движения царское правительство вынуждено было пойти на либерализацию политического режима. Принятый 17 октября 1905 г. манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» провозгласил неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов, признание Думы законодательным органом. Одним из итогов дарования народу «основ гражданских свобод» стало появление национальной чувашской газеты – «Хыпар». Возникшая 8 (21) января 1906 г. по инициативе Н.В. Никольского с сугубо просветительскими целями, газета с лета 1906 г. начала политизироваться и «леветь», когда ее редакторами стали эсеры С.И. Игнатьев, П.А. Алексеев, В.И. Иванов. Как национальная газета, «Хыпар» не мог не освещать проблем чувашского народа. Газета писала о нуждах и бесправном положении чувашских масс. В редакцию в большом количестве поступала корреспонденция от грамотных чувашей, печатались стихи и рассказы, которые воссоздавали широкую панораму жизни и быта чувашей. Вокруг газеты объединилась национальная элита. В числе сотрудников и активных корреспондентов «Хыпара» были видные деятели национальной культуры и общественного движения: М.Ф. Акимов, Т.С. Семенов (Тайр), Ф.Н. Николаев (Сергеев), Н.И. Полоруссов (Шелеби), Д.Ф. Филимонов, К.П. Прокопьев, И.Н. Юркин, С.Н. Николаев и др., а также простые люди – образованные чуваши, в чьих публикациях артикулировались национальные, общественно-политические и социально-экономические потребности и требования чувашского этноса. Показательна помещенная в газете «Хыпар» программная статья религиозного просветителя Д.Ф. Филимонова «Патшалăха тытса тăрас йĕркене» (Как построена государственная система), в которой национальное развитие чувашей связывается с необходимостью расширения общегражданских прав и свобод, укрепления правовых основ российского государства, развития национального образования (в том числе высшего) и чувашской культуры, самоуправления и местного хозяйства, демократизации аппарата управления, выборности чиновников, независимости церкви от государства[25].

С учетом цензурных ограничений и соблюдения требований политкорректности вопросы национального развития этноса газетой рассматривались и обсуждались зачастую опосредованно – на примере других народов. Так, в небольшой корреспонденции «Словаксен ĕмĕчĕ» (Мечта словаков) звучал призыв соблюдать равноправие всех народов, не допускать дискриминации национальных языков, обосновывалось право каждого народа на представительство в парламенте, на свободу образования национальных учреждений и судопроизводства на родном языке[26]. Редакция целенаправленно публиковала статьи о разных странах со сравнительными данными. Между строк ставились вопросы: в чем сила той или иной нации, в чем чуваши должны следовать ей? Подобные публикации стимулировали мысль, заставляли читателя задумываться о судьбе своего народа. Под впечатлением прочитанных материалов некоторые чуваши сами выступали с рецептами национальной консолидации и подъема этноса. Так, крестьянин Василий Тимофеев выступил на страницах газеты за создание Общества всенародного содействия просвещению соплеменников. Другой анономный корреспондент предложил созвать всечувашское собрание (съезд) для разработки мероприятий по улучшению преподавания родного языка в школах, изданию чувашских газет, обсуждению проблем здоровья нации[27].

Редакция газеты «Хыпар» стояла у истоков национальной публицистики. В 1906 г. ею была издана на чувашском языке брошюра «Современная эпоха», которая состояла из ряда статей, написанных на злобу дня. В статье «О выборах во вторую Государственную думу» подробно рассказывалось о том, каким должен быть порядок выборов в законодательный орган страны (в выборах должны участвовать все граждане, им должно быть предоставлено равное избирательное право, выборы должны быть прямыми и путем тайного голосования), чем должны заняться избранники народа в первую очередь[28]. Преимущества парламентской формы доказывались и в брошюре «Патшалăхсене тытса тăмалли майсем» (Формы правления государствами), написанной редактором газеты «Хыпар» С.И. Игнатьевым[29]. Несколько брошюр по политической проблематике были изданы на чувашском языке депутатом Государственной думы З.М. Таланцевым. В брошюре «Гражданские свободы» обосновывались идеи общедемократического характера: должно соблюдаться равенство прав; государственные дела должны решаться народными представителями, ими же должны приниматься законы; народам России должны быть на деле обеспечены общегражданские права и свободы.

Такой же смелой постановкой политических проблем отличались и другие брошюры, изданные З.М. Таланцевым. В издании «Народное представительство и основные права граждан» писалось о правах избранников народа в странах с конституционно-монархическим и республиканским устройством, где парламенты избирались путем прямых выборов и тайным голосованием. В таких государствах первейшей заботой парламента являлись защита и расширение прав и свобод граждан. В брошюре «Автономия и единство России» рассказывалось о том, что означают понятия «автономия» и «федерация»; приводились примеры государств с федеративным устройством (США, Австро-Венгрия, Германская империя); выдвигалось требование о предоставлении автономии народам России и создании их представительных органов[30].

Появление названных работ свидетельствовало о существенном сдвиге в чувашской общественной мысли, диапазон которой расширился от просветительских до государственно-правовых, социально-политических воззрений.

Газета «Хыпар» сыграла значительную роль в продвижении чувашского представителя в 1-ю Государственную думу. Известно, что в середине апреля 1906 г. в редакции газеты собралось 25 чувашских крестьян – делегатов губернского съезда выборщиков, которые предложили выдвинуть Н.В. Никольского кандидатом в депутаты, однако он отказался, объяснив отказ решением посвятить себя всецело просветительскому делу. Взял самоотвод и преподаватель Казанской инородческой семинарии Ф.Н. Никифоров. Ведущий собрания Н.В. Никольский напомнил выборщикам, что они представляют миллионный чувашский народ и что из поволжских губерний в Думу не прошел ни один представитель от чувашей. Свою речь он закончил вопросом: «Кто не побоится донести нужды народа до власти?» В результате голосования выбор пал на чуваша-крестьянина с. Убеево Ядринского уезда Я.А. Абрамова. Он и прошел от Казанской губернии в 1-ю Государственную думу (27 апреля – 8 июля 1906 г.). Анализируя итоги выборов, «Хыпар» отмечала, что татарские выборщики проявили политическую сознательность и дисциплину (из 10 депутатов от губернии в парламент прошли трое татар), а голоса чувашских делегатов разделились, поэтому им с трудом удалось провести одного депутата. С точки зрения корреспондента, неумение объединять усилия ради общего дела мешает развитию чувашского народа[31].

Через газету «Хыпар» Я.А. Абрамов информировал земляков о своей депутатской деятельности. «Меня избрал чувашский народ, поэтому мне нужно много работать для него. Если мы не будем трудиться на свое будущее, никогда не выйдем к свету», – делился он размышлениями в письме к редактору газеты. В «Хыпаре» было опубликовано интервью с парламентарием, который в числе первоочередных своих задач как депутата отметил принятие нужных народу законов о земле и юридическом равноправии граждан. Поддерживая идею о культурно-национальной автономии, Абрамов выступал за то, чтобы чиновниками, учителями и священниками работали представители коренной национальности, обучение в школе и церковная служба велись на родном языке, также подчеркивал необходимость борьбы за расширение и демократизацию органов самоуправления[32].

Кроме Я.А. Абрамова, в 1-ю Государственную думу вошли адвокат из Чебоксарского уезда К.В. Лаврский (как и Абрамов, он состоял во фракции трудовиков); от Симбирской губернии – В.Н. Микешин (числился во фракции кадетов). Во 2-ю Государственную думу (20 февраля – 2 июня 1907 г.) были избраны земский врач из Чебоксарского уезда кадет Д.А. Кушников, эсеры – предприниматель из Ядрина З.М. Таланцев и крестьянин-чуваш из д. Старые Урмары Цивильского уезда А.Ф. Федоров, из Алатыря – трудовик, земский врач Л.В. Карташев, а также уроженец чувашской деревни Апанасово-Темяши Тетюшского уезда, учитель-меньшевик В.А. Анисимов – от Саратовской губернии. В 3-й Государственной думе (1 ноября 1907–1912 г.) чувашские уезды представляли: чебоксарский купец Н.П. Ефремов, торговец из д. Козловка Чебоксарского уезда кадет А.Л. Лунин, священник с. Шихазаны Цивильского уезда И.И. Соколов, из Алатыря – И.С. Клюжев. В 4-ю Государственную думу (15 ноября 1912 – 6 октября 1917 г.) были избраны крестьянин Стрелецкой Слободы Ядринского уезда А.С. Юхтанов, дворянин Алатырского уезда, член «Союза русского народа» С.И. Самойлов.

Независимо от партийной принадлежности такие парламентарии, как А.Ф. Федоров, Д.А. Кушников, З.М. Таланцев, в своей депутатской деятельности были ориентированы на решение аграрного вопроса, борьбу за просвещение, расширение свобод, национальное равноправие и защиту национального достоинства. Так, подпись А.Ф. Федорова стояла под аграрным законопроектом эсеров, предусматривающим национализацию земли; под проектом временных правил о народном образовании, направленных на отмену всех национальных и сословных ограничений, введение бесплатного обучения, преподавания на родном языке и т.д.; под проектом группы депутатов по поводу ограничения права на выступления ораторов, а также под другими прогрессивными законопроектами[33]. Д.А. Кушников подписал 12 законопроектов, подготовленных фракцией кадетов (в том числе по земельному вопросу). Он принял участие в судьбе священника с. Бичурино М.С. Спиридонова, за политическую деятельность попавшего в немилость духовной власти. После инициированного Кушниковым обращения депутатов от Казанской губернии архиепископу Казанскому наказание со священника было снято. Весной 1907 г. вместе с депутатом А.Ф. Федоровым Д.А. Кушников обратился к заместителю министра народного просвещения О.П. Герасимову с запросом о восстановлении на учебе учеников 1 класса Симбирской чувашской учительской школы, исключенных оттуда за антиправительственные настроения и неповиновение школьной администрации[34]. З.М. Таланцев известен своей помощью чу-

вашской интеллигенции: выделял деньги на издание газеты «Хыпар» и выписывал ее до 65–80 экз. для грамотных чувашей. С его помощью в 1906 г. был выпущен ряд политических брошюр на чувашском языке[35]. К.В. Лаврский вместе с видным деятелем образования Поволжско-Приуральского региона Н. Бобровниковым в 1912 г. предпринял попытку основать журнал с «целью выяснить нужды населения Северо-Восточной России и, в частности, татар, чуваш, черемис и пр. в их полном составе без разделения на губернии»[36]. Депутат 4-й Государственной думы А.С. Юхтанов подписал 11 законопроектов и 5 депутатских запросов, в том числе проект закона о преобразовании местного суда, предусматривающий использование родного языка в судопроизводстве[37].

Участие чувашей в думских выборах и представительство их в парламенте, несмотря на малые полномочия и ограниченный характер их деятельности (в Думе не выдвигались и не ставились в повестку дня самостоятельные требования чувашского народа), несомненно, стали важным инструментом развития гражданско-правовой и политической культуры чувашского общества; они стимулировали общественную активность и способствовали формированию политической элиты нации.

Даже с такими существенными ограничениями в полномочиях и самостоятельности парламент не устраивал царя и его правительство, и 3 июня 1907 г. было объявлено о роспуске Государственной думы. Это событие ознаменовало собой окончание революции и начало политической реакции в стране. Несмотря на поражение, Первая русская революция сыграла важную роль в жизни народов России, она придала значительный импульс национальным движениям в стране. В ходе революционной борьбы все более заметными становились проявления национально-освободительного движения чувашского народа. Самыми крупными национальными достижениями чувашей, в 1905–1907 гг., несомненно, явились создание газеты на родном языке и национальных организаций, политическая мобилизация во время выборов в Государственную думу. Период революции ознаменовался выходом на арену чувашской общественной жизни новых сил в лице молодых политических радикалов, которые, не ограничиваясь в требованиях культурной проблематикой, увязывали цели национальной эмансипации с социальными и общественно-политическими задачами. Концепт национального объединения на основе всестороннего просвещения (не только христианского, как у И.Я. Яковлева) и культуры, который настойчиво проводил в жизнь Н.В. Никольский, они дополнили акцентом на росте политического самосознания и классовой борьбе за социальное освобождение чувашского народа[38].

Качественные изменения произошли и в чувашской общественной мысли: она на базе просветительства и либеральных идей имела общую тенденцию к формированию национальной идеологии, которая в отношении разрешения национального вопроса не шла дальше требования культурно-национальной автономии для чувашей. Ее реализация, как писал Д.П. Петров (Юман), виделась таким образом. Получая от государства пропорциональную долю бюджета на культурно-просветительские потребности, чувашский народ создает общенациональный орган просвещения и культуры, облаченный полномочиями государственного органа и совершенно независимый от центрального правительства. В задачи общенационального органа входит объединение, сосредоточение всех форм работы в области культуры, в том числе и просвещения, руководство учеными комиссиями

по разработке проблем языка, истории и культуры, поощрение развития национального искусства. Под эту автономию подводили и административно-организационную основу в виде общечувашского союза земств чисто чувашских уездов с привлечением в данный союз волостных и районных земских единиц с чувашским населением из уездов и губерний, где чуваши были в меньшинстве. Этот союз должен был выражать политическую волю нации, осуществлять действия в ее политических и социально-экономических интересах. Данный проект занимал умы революционных кругов, и даже были проделаны подготовительные работы по его осуществлению[39].

Таким образом, в дни революции 1905–1907 гг. у чувашского национального движения совершенно отчетливо сложились цель и программа действий, свидетельствующие о притязании чувашского этноса на культурно-национальную автономию и на ограниченное кругом местных дел национальное самоуправление. Идея же о территориальной автономии была чужда лидерам чувашского национального движения, она обсуждалась лишь некоторыми деятелями чувашской культуры (И.Н. Юркин) и политиками (Т.Н. Николаев (Хури). Последний, как отмечали Д.П. Петров (Юман) и А.Д. Краснов, «единственный из чувашских социалистов», кто в национальном вопросе высказывался за необходимость территориальной автономии для чувашей, «за что пользовался в партийных кругах насмешливым прозвищем «президент Чувашской Республики»[40].

С наступлением политической реакции, после того, как схлынула первая революционная волна, правительство усилило политику этнозапретительства. Оказались под запретом национальные организации, была закрыта газета «Хыпар», издательство общественно-политической литературы прекратило свое существование, усилились гонения на чувашский язык в начальной школе, увольнялись из учебных заведений прогрессивно настроенные чувашские педагоги. Руководителями учебных заведений стали назначать русских и политически благонадежных. Ставился вопрос о преобразовании Казанской учительской семинарии и Симбирской чувашской учительской школы «как рассадников инородческого сепаратизма» в русские учебные заведения. Репрессиям и арестам подверглись участники революции и видные деятели чувашского национального движения[41]. Общее направление правительственного курса в национальном вопросе становилось все более великодержавным.

Иллюстрацией политики национальной нетерпимости служит и обсуждение на VII съезде уполномоченных объединенных дворянских обществ 37 губерний (1911 г.) вопроса «об инородческой школе». На этом съезде как на пример потворства со стороны власти указывалось на то, что на государственные средства содержится «особая чувашская национальная академия» (имелась в виду Симбирская чувашская учительская школа), которая выпускает сепаратистов и революционеров. Особую активность в гонениях на национальное образование проявило казанское дворянское чиновничество. Показательны материалы губернского съезда дворян от 14 января 1911 г. В выступлениях его делегатов (В.Ф. Залесский, П.Н. Арцыбышев) резко критиковалась правительственная политика по отношению к национальностям, прежде всего в области образования, которая «пробуждает национальное самосознание и сепаратистские стремления» «инородцев». Собрание приняло обращение к императору Николаю II, в котором были отмечены «сепаратистские стремления у татар и чуваш», то, что «существующая орга-

низация школьного просвещения инородцев по системе Ильминского... прямо соответствует означенным сепаратистским стремлениям», и прозвучал призыв «решительно бороться с сепаратистскими стремлениями татар, чуваш»[42].

Консервируя национальное неравноправие, поддерживая архаические стереотипы восприятия нерусских народов официальными терминами «инородцы» и «иноверцы», российская государственная машина сама провоцировала крах имперского режима. Первая мировая война послужила катализатором новой российской революции, одним из самых мощных взрывных компонентов которой стали этнополитические движения и центробежные тенденции, выразившиеся в требовании демократического решения национального вопроса[43]. Свержение царизма в феврале 1917 г. вызвало подъем политической активности и национального самосознания, создало условия для либерализации всей сферы национальных отношений в стране. Все подданные бывшей Российской империи получили гражданские права и свободы, а также индивидуальные национально-культурные права, возможность создавать национальные организации. Была восстановлена автономия Финляндии и царства Польского. Однако в отношении остальных народов России Временное правительство в своей политике не ставило вопроса о предоставлении им национально-территориальной автономии, ограничившись готовностью приступить к реформе административно-территориального устройства лишь на основе областной автономии, развития местного законодательства и национально-культурной автономии[44]. Решение задачи реорганизации общего государственного устройства, общественно-политической и национальной жизни новая власть предоставила Учредительному собранию, сроки созыва которого ею не были определены.

Подъём национального движения чувашского народа после Февраля 1917 г. Установление его организационных форм и идеологии

Февральскую революцию передовая часть чувашского общества встретила восторженно и с надеждой на достижение равноправия народов страны, свободы национально-культурного и политического развития. Эти настроения хорошо передает письмо одного из представителей чувашской интеллигенции Ф.Б. Исланкина Н.В. Никольскому от 16 марта 1917 г.: «Поздравляю Вас с новой эрой, откуда можно считать начало свободного просвещения чувашского населения... Чтобы навсегда закрепить новый строй и порядок, мне лично думается, наверное, так же думаете и Вы, что необходимо приступить, не откладывая дело в долгий ящик, теперь же к обработке сознания и мировоззрения чуваш»[45]. В унисон прозвучало заявление представителей национального студенчества высших учебных заведений Казани, опубликованное 23 марта 1917 г. в газете «Камско-волжская речь»: «Единодушно решив поддержать Временное правительство, уже определившее в своей программе ближайшей деятельности свое отношение к малым народностям предполагаемой отменой всех национальных, религиозных и сословных ограничений, вместе с тем приступая к немедленной и действенной организации национальных групп, армянская, грузинская, еврейская, мусульманская и молодежь поволжских инородцев высших учебных заведений г. Казани будет всемерно пропагандировать и защищать идею национального самоопределения к предстоящему созыву Учредительного собрания...»

Данное обращение подписали представители армянского, грузинского, еврейского, мусульманского, якутского, удмуртского, марийского и чувашского студенчества (от чувашей А. Васильев)[46].

Развернувшееся после Февраля 1917 г. национальное движение народов Среднего Поволжья и Приуралья первоначально развивалось в организационных рамках полиэтнических органов, поскольку народы Волжско-Камского региона имели много общего в плане исторического прошлого, в социально-экономическом и правовом положении, в культуре и быте. Их также объединяли общие цели и задачи национально-политической этноидентификации. Г.И. Комиссаров в своих воспоминаниях отмечал: «Я был еще в то время вообще против разделения и разбивки народов, особенно мелких народностей, таких, как чуваши и марийцы, на партии, соперничающие и даже враждующие между собой. Я думал, что такие народности надо просто собирать, объединять в единую силу по признаку кровного родства и помочь им строить новую жизнь в национальных рамках общими силами, не противопоставляя ни сословия, ни административные, ни другие деления»[47]. Эти мысли, надо думать, были созвучны настроениям и других лидеров национального движения народов Урало-Поволжья. Поэтому они выработали общую для себя форму его организации. Ею стало Общество (впоследствии – Союз) мелких народностей Поволжья, созданное 22 марта 1917 г. на собрании представителей нерусских народов в Казани. Инициаторами его организации выступили преподаватели учебных заведений Казани. В организационном собрании участвовали 150 чувашей, 43 марийца, 26 кряшен (крещеных татар), 7 удмуртов, 2 мордвина (мокша), по одному калмыку, башкиру, латышу, эстонцу, финну, якуту[48]. При этом наибольшую активность проявили представители чувашской интеллигенции. Решение организационных вопросов взял на себя видный чувашский историк и этнограф, приват-доцент Казанского университета Н.В. Никольский, который и был избран председателем правления Общества. Объединение ставило своей целью прежде всего культурно-просветительные задачи. В листовке, распространенной Обществом, указывалось, что оно «ставит своей целью: а) изучение народностей Поволжья в их настоящем и прошлом, б) просвещение мелких народностей на основании новой гражданской жизни, исходя из национальных особенностей каждого племени», издает литературу на национальных языках[49]. В его составе были созданы секции: чувашская (к началу августа 1917 г. ее численность выросла до 193 чел.), черемисская (47 чел.), крещенотатарская (27 чел.) и мордовская (2 чел.). Как сочувствующие вступили в Общество 36 русских, 2 татарина-мусульманина, башкир, якут, калмык, латыш, эстонец, украинец[50].

Чувашская интеллигенция с энтузиазмом приняла весть об организации Общества мелких народностей Поволжья. «Жду с нетерпением получить от Вас обещанный устав (Общества) мелких народностей Поволжья. Очень просил бы Вас выслать этот устав в нескольких экземплярах. Ну хотя бы в десяти», – просил в своем послании к Н.В. Никольскому работавший в Симбирске инспектор мелкого кредита, чуваш Ф.Б. Исланкин. «Я встретил в газете объявление о (будущем) собрании Общества мелких народностей Поволжья. Интересно бы узнать состав его, цели, преследуемые им, и средства», – писал И.Д. Никитин из Козьмодемьянского уезда.

30 марта 1917 г. группа членов Общества опубликовала в газете «Камско-волжская речь» обращение к народам Среднего Поволжья с просьбой оказать ему

денежную помощь, столь необходимую для развертывания работы по национальному подъему, прежде всего для издания национальных газет и книг. Правление Общества разослало по волостным правлениям, школам и церквам письма с разъяснением целей своей многонациональной организации, с перечислением имеющихся в ее структуре национальных секций, чтобы представители каждой нации могли вступить в свою секцию, оказать помощь в изучении поволжских народов, развитии их просвещения, издании газет и литературы на родных языках[51].

Важнейшей вехой на пути дальнейшего развития национального движения, кристаллизации национальных элит и выработки задач нациестроительства немусульманских народов Поволжья стал I съезд мелких народностей Поволжья. Он был подготовлен и созван правлением Общества мелких народностей Поволжья по почину его председателя Н.В. Никольского. Форум открылся 15 мая 1917 г. в здании Казанского университета и продолжался до 22 мая. В его работе участвовали чуваши, марийцы, удмурты, калмыки, кряшены-татары, мордва (эрзя и мокша), а также коми и пермяки; свыше 500 участников, среди которых были и гости: латыши, финны. Съезд явился первым в истории народов края широким национально-политическим собранием: он объединил людей не по профессиональному или конфессиональному, а по национальному признаку, что само по себе способствовало росту национального самосознания. Участниками съезда были представители немногочисленной национальной интеллигенции Поволжья и Приуралья – носители национальной идеи: учителя, юристы, священнослужители, врачи и т.д. На конгрессе малых народностей Поволжья тон задавали чувашские делегаты. На нем был представлен цвет нации – ее интеллектуальная сила и идейно-политические лидеры: просветитель Н.В. Никольский, юристы Г.Ф. Алюнов (выпускник Демидовского юридического лицея в Ярославле), С.Н. Николаев (выпускник юридического факультета Казанского университета), педагог и священнослужитель Г.И. Комиссаров (руководитель Уфимской делегации чувашей в составе 15 чел.), И.В. Васильев (студент-практикант Московского межевого института), преподаватель Козьмодемьянской мужской гимназии П.И. Иванов. Казанские чуваши были, представлены, в частности, выпускником Казанской духовной академии М.П. Петровым (Тинехпи), студентом университета С.П. Павловым, чувашская интеллигенция Симбирска – Ф.Б. Исланкиным, Т.М. Матвеевым, Ф.Т. Тимофеевым, В.Н. Орловым, чебоксарцы – уездным комиссаром общественной безопасности Т.П. Прохоровым. На съезде присутствовал известный ученый-языковед Н.И. Ашмарин[52].

Открывший съезд Н.В. Никольский проинформировал его участников о деятельности Общества мелких народностей Поволжья и «объяснил необходимость при наступающих условиях начать мелким народностям настойчивую работу для своего культурного и национального самоопределения». Конгресс малых народов Поволжья единогласно избрал своим председателем видного деятеля просвещения нерусских народов Поволжья Н.А. Бобровникова, который во вступительной речи подчеркнул: «То обстоятельство, что съезд собрался именно в университете, дает уверенность, что работа съезда будет проходить в объективно-научном настроении без партийной розни»[53]. Краевой форум создал четыре комиссии: издательскую, школьную, церковную, по местному самоуправлению – и определил программу работы национальных секций: чувашской, черемисской, крещеных татар, вотской и мордовской[54]. Им предстояло подготовить доклады по главным вопро-

сам форума и выработать проекты резолюций в качестве основы принимаемых съездом постановлений.

Центральными вопросами, вынесенными на обсуждение, были проблемы национально-административного и культурного развития народов Волго-Камского региона в новых социально-политических условиях: это формы государственного устройства России, местного самоуправления, культурного возрождения народов региона. Первым был заслушан доклад комиссии по местному самоуправлению о форме правления (государственного устройства России. – *В.К.*), с которым выступил Ф.Б. Исланкин. Он констатировал: «комиссия признала желательность единой демократической республики с широким местным самоуправлением; хотя в комиссии были и сторонники федеративной республики, но она, комиссия, признала, что мелкие народности Поволжья в настоящее время не подготовлены к такому строю»[55]. В развернувшейся по докладу комиссии по местному самоуправлению дискуссии выявились разные позиции. Первым выступил удмуртский представитель Т.К. Борисов, который высказался за федеративное устройство, сославшись на пример США и Швейцарии и на довод, что федеративная республика «в интересах полного самоопределения народностей Поволжья». Оратор предложил перекроить административные границы губерний «во имя интересов отдельных национальностей»: «В местах с преобладающим населением чуваш, вотяков, черемис и т.д. могли бы образоваться отдельные штаты»[56]. Подавляющее большинство участников дискуссии не поддержало этой точки зрения. Чувашский делегат И.В. Васильев, не отрицая сам принцип федерализма, считал нецелесообразным его осуществление в существующих условиях. Поскольку нет осознания необходимости федеративного устройства в массовом общественном сознании «свои штаты образовывать еще не своевременно»; отсутствуют национальные кадры, «которые могли бы заполнить все государственные должности во вновь образованном местном штате». Вместе с тем он не исключил для народов, живущих на окраинах бывшей Российской империи, создание национально-территориальных образований и считал необходимым в законодательном порядке обеспечить «разным местностям возможность перерождения местного самоуправления в местный штат на территориально-национальных основаниях»[57].

Против федеративного устройства выступил и Г.С. Семенов, который аргументировал свою позицию тем, что федерация, построенная на территориально-национальной автономии, повлечет быстрый рост общегосударственных расходов: «Эти расходы легли бы непосильным бременем на хрупкие плечи маленьких государств федеративной республики»[58]. Препятствием для установления федерации в России, по его мнению, являлись также многочисленность Российского государства, низкий культурный уровень нерусских народов. С точки зрения выступавшего, при условии предоставления им широкой культурно-национальной автономии «единая демократическая республика вполне приемлема»[59]. О несвоевременности федерации сказал и Г.Ф. Алюнов. На его взгляд «устройство федеративной республики на национальных началах невозможно, а для устройства федеративной республики на территориальных началах (областная автономия. – *В.К.*) в данный момент необходимы культурно-политические условия»[60]. Российская демократическая республика, как подчеркнул он, должна быть устроена таким образом, «чтобы стремлениям окраин и отдельных национальностей замене демократической республики в будущем федеративной республикой не ставилось пре-

пятствий». Против федерации выступили также С.Н. Николаев и П.А. Лаврентьев-Филиппов, указывая на низкий культурный и образовательный уровень народностей Поволжья[61].

По итогам обсуждений на утверждение съезда были внесены две резолюции: комиссии по местному самоуправлению и И.В. Васильева. Постановление комиссии гласило: «Ввиду невозможности осуществления в данный момент федеративной республики съезд высказывается за демократическую республику с самым широким местным самоуправлением»[62]. Резолюция И.В. Васильева была не столь категорична: «Признавая федеративную республику самой желательной формой правления и не возражая против особых штатов на окраинах, съезд представителей мелких народностей Поволжья вынес решение: в настоящий момент своих штатов не образовывать; но в законодательном порядке обеспечить возможность перерождения самоуправления в местные штаты на территориально-национальных основах, когда местные национальности политически и культурно доразовьются до надлежащего уровня» [63]. Съезд утвердил проект постановления о форме государственного устройства страны, внесенный Г.Ф. Алюновым, синтезировавший резолюции комиссии и И.В. Васильева. Наилучшей формой государственного устройства конгресс малых народов Поволжья признал федеративную республику. Но с учетом того, что большинство населения страны «при его сравнительно низком культурном и политическом уровне не может, к сожалению, считаться подготовленным к немедленному введению в России федеративной республики», съезд предложил демократическую республику, оговорив, чтобы в её основных законах «не заключалось препятствий к переходу в федеративное государство при наступлении соответствующих культурно-политических условий»[64]. Он постановил: признать, что Учредительному собранию следует установить в России демократическую республику с предоставлением самой широкой автономии: политической – тем народам, «которые имеют отдельное и обособленное историческое прошлое», и культурной – «всем мелким народностям», самого широкого самоуправления – «всему населению Российской державы»[65].

Таким образом, весной 1917 г. идея федерализма не получила поддержки большинства национальных лидеров немусульманских народов Поволжья. Для них принцип федерации был скорее идеалом, чем задачей дня. Фактически же сложилось единое отношение к «автономии», которая трактовалась в рамках возможностей децентрализации, расширения местного самоуправления и национально-культурного движения для так называемых «малых народов», а для «имеющих обособленное и историческое прошлое» возможно было и создание территориально-национальной автономии. Как неготовность к формированию федерации при признании самого этого принципа и децентрализации, так и преобладающий культурно-автономистский компонент в решениях съезда свидетельствовали, что у национальных вождей Волго-Камского региона в целом доминировали антисепаратистские, интеграционные устремления и настроения. Децентрализацию они истолковывали главным образом как расширение и перестройку местного самоуправления и судопроизводства с учетом национальной специфики. Об этом говорят резолюции съезда по местному самоуправлению и о местном суде, которые содержали требования необходимости «как можно скорее ввести в жизнь волостные земства... в целях более успешного выполнения общих у мелких народностей культурных задач», осуществить переход к судопроизводству на «местном (мате-

ринском) языке» и формированию местного самоуправления и суда «из выборных представителей народностей данной местности», в случае же смешанного национального состава предполагалось «пропорциональное представительство гласных от каждой народности» [66].

Конгресс принял обширную программу культурно-просветительных мероприятий для народностей Поволжья, которая включала развитие школ всех типов и профессионально-образовательных учреждений с преподаванием на родном языке, издание учебников на национальных языках, самоуправление национальных школ, создание национального дошкольного и внешкольного образования меры по развитию литературы и искусства народов Поволжья[67]. Из этой программы приведем отдельные положения, касавшиеся подготовки педагогов и имевшие вполне конкретные направления реализации: для подготовки кадров национальных учителей «спешно приступить к открытию достаточного количества национальных учительских семинарий, как мужских, так и женских», с началом наступающего учебного года должны быть преобразованы Бирская инородческая учительская школа и Бирские женские педагогические курсы при ней в черемисские учительские семинарии, Красноуфимская второклассная учительская школа – в черемисскую учительскую семинарию, Симбирская чувашская учительская школа и женские педагогические курсы при ней – в чувашские учительские семинарии, Шихранская учительская семинария – в чувашскую учительскую семинарию, Казанская центральная крещенотатарская школа, мужская и женская, – в крещенотатарские учительские семинарии, Глазовская учительская семинария – в вотскую учительскую семинарию. Для мордовского населения предусматривалось открыть учительские национальные семинарии в населенных пунктах: Малый Толкай Самарской губернии, Атяшево Симбирской губернии, Баевка Саратовской губернии, Аралово Пензенской губернии. Решением съезда предполагалось немедленно организовать особые экзаменационные комиссии «для производства испытаний на звание учителя и учительницы в национальной школе» – для чувашей в Казани, Симбирске и Уфе, для мари – в Казани, Бирске, Вятке и Царевококшайске, для кряшен – в Казани, для удмуртов – в Глазове и Вятке[68].

Серьезное внимание на съезде было уделено вопросам церковной жизни народов Поволжья. Для их рассмотрения была сформирована специальная церковная комиссия во главе с диаконом Ф.К. Садковым, которая выдвинула требования, поддержанные участниками форума, о переходе к богослужению на родном языке, избрании церковнослужителей из представителей народностей, отправке церковных делегатов от народов Поволжья на Всероссийский поместный собор, преподавании языков с историей, этнографией местных народов в духовных образовательных учреждениях Урало-Поволжья и т.д.[69] Эти положения резолюции церковной комиссии свидетельствовали, что в условиях национального подъема возникла необходимость перестройки и сферы духовно-религиозных отношений, адаптации даже такого консервативного института, как церковь, к национальным потребностям.

Социально-экономическая проблематика, ставшая предметом обсуждения на конгрессе малых народов Поволжья, охватывала аграрный, продовольственный вопросы, а также развитие кооперации. В своих решениях он выступил за безвозмездное отчуждение всех частновладельческих земель, конфискацию церковно-монастырских, вакуфных, кабинетских, казенных, удельных земель, предо-

ставив законодательное решение аграрного вопроса Учредительному собранию. От участников съезда (делегат от Уфимского чувашского национального общества В.А. Иванов) поступило предложение при решении земельного вопроса в «интересах сохранения национальной самобытности мелких народностей Поволжья» в общегосударственном порядке «организовать национально-групповое расселение инородцев», но оно не получило поддержки общего собрания[70]. В целях развития кооперативного движения среди народов Поволжья форум признал необходимым, в частности, «распространение среди этих народностей книг и брошюр на их материнском языке по всем видам кооперации», подготовку инструкторов «из этих народностей» по кооперации[71].

Первый съезд мелких народностей Поволжья стал действительно историческим событием, определенным этапом в развитии национального движения поволжских этносов, ознаменовав собой качественный переход от решения задач исключительно культурно-просветительских к задачам политическим: он поставил на рассмотрение проблемы государственного устройства страны, административной децентрализации, обеспечения условий для политического и культурного развития народов региона, несмотря на то, что в главном вопросе – о форме национального самоопределения – он не вышел за рамки требования культурно-национальной автономии для народов края. Позже активный участник съезда, один из чувашских лидеров С.Н. Николаев вспоминал: «В то время великих потрясений и сдвигов, во время разыгравшихся национальных и иных аппетитов, доходящих до требования самостоятельности и отделения от России, пожелания чуваш были скромнейшими из скромных, если не сказать наивными. Даже среди участников нашего съезда были лица более радикальных настроений»[72]. Такая позиция чувашских национальных лидеров отражала не только субъективный уровень их притязаний, но и объективную ситуацию на тот момент в вопросе о национально-государственном устройстве страны. Право народов на территориальное самоопределение после Февральской революции первоначально относилось к числу преимущественно внешнеполитических принципов и применительно к России рассматривалось политическими партиями лишь в теоретической плоскости. Не только либералы, но и большинство социалистов в 1917 г. в вопросе о национально-государственном устройстве выступили в защиту принципа «непредрешения» до Всероссийского учредительного собрания[73]. Тем не менее итоги работы и решения I съезда мелких народностей Поволжья существенно сказались на перспективах национально-административного строительства региона, усилили этническую консолидацию его народов. На заседаниях национальных секций съезда обсуждались проекты общенациональных общественно-просветительных союзов, утвержденных на самостоятельных национальных съездах летом 1917 г.

Первые национальные чувашские объединения стали возникать весной 1917 г. 22 марта 1917 г. Ф.Б. Исланкин сообщал из Симбирска Н.В. Никольскому: «На днях у нас здесь было собрание представителей местной чувашской интеллигенции, которое избрало из своей среды особый комитет для выработки мер и средств пропаганды и ознакомления чувашского населения с текущими событиями»[74]. 23 марта состоялось собрание представителей чувашей Уфы, в котором участвовало 18 чел. – офицеры местного гарнизона, преподаватели городских учебных заведений, служащие учреждений, студенты Уфимского учительского института и учащиеся духовной семинарии. Их созвали преподаватель Уфимской духов-

ной семинарии Г.И. Комиссаров и миссионер П.П. Шленкин[75]. Голосованием решили создать Уфимское чувашское национальное общество, «которое было бы и культурно-просветительской, и общественно-политической организацией, представляющей чуваш Уфимской губернии и уполномоченной иметь в учреждениях и организациях губернии своих представителей»[76]. Избрали временный президиум Общества в составе Г.И. Комиссарова (председатель), П.О. Осипова (заместитель председателя), П.П. Шленкина (секретарь и казначей). Общество заявило о себе, напечатав и распространив обращение «К чувашам Уфимской губернии», известив о создании национальной организации и о своих планах. В нем, в частности, говорилось: «Если чувашский народ не сумеет постоять сам за себя и не сумеет обдумать и высказать слова о своих нуждах, он не будет в числе счастливых народов России. Только тогда будет услышан его голос, когда он будет организован. Необходимо организоваться. Теперь все организуются»[77]. Уфимское чувашское национальное общество обратилось в Казань, Симбирск, Саратовскую, Самарскую губернии с предложением организовать подобные ему объединения, с тем чтобы потом можно было губернским организациям составить один чувашский союз и создать одно центральное бюро с газетой, издательской и другими комиссиями. Для создания союза чувашских организаций Общество предложило подготовить созыв общечувашского съезда[78].

Уфимское чувашское национальное общество, руководимое Г.И. Комиссаровым, энергично развернуло деятельность. На заседании 30 марта 1917 г. был расширен его президиум, в состав которого включили известного педагога П.М. Миронова и чиновника Уфимской уездной земской управы И.Е. Храмова. 9 апреля был утвержден устав Общества. Одновременно возникали отделения Общества: в Бугульме (организатор – священник Гавриил Тихонов), Белебее (протопоп Т.А. Земляницкий), Стерлитамаке (В.А. Петров и Н.А. Петров), Дюртюлинском церковном приходе (священник Константин Степанов). Уфимское чувашское национальное общество было признано губернской демократической общественностью: оно направило своих представителей (делегатов) на губернские съезды учителей и приходских священников[79], на которых они выступили со своими национальными требованиями. Так, на съезде учителей Уфимской губернии и Оренбургского учебного округа П.М. Миронов, К.С. Сергеев и Г.И. Комиссаров выразили пожелание, чтобы в Уфе была открыта Чувашская учительская семинария для подготовки учителей из чувашей. Это предложение было принято: Чувашская учительская семинария была внесена в список новых учебных заведений, которые требовалось открыть в Уфе. От чувашских делегатов поступило также предложение губернской земской управе принять на работу в качестве инструктора по чувашским школам К.С. Сергеева и выделить деньги на распространение книг и газет среди чувашского населения[80].

Программа и политическая платформа, цели и задачи, организационная структура Уфимского чувашского национального общества стали предметом обсуждения общегубернского съезда чувашей в Уфе 10–12 мая 1917 г. На съезде присутствовало 44 чел., председательствовал И.Н. Антипов-Каратаев. Протоколы съезда впервые в истории велись на чувашском языке. Делегаты съезда утвердили устав Общества. По вопросу о текущем моменте съезд постановил: оказать поддержку Временному правительству, местные органы власти формировать на выборных началах от населения и от политических партий и общественных органи-

заций; перестроить судопроизводство в местностях с чувашским населением на родном языке; землю объявить «всенародным достоянием». Уфимское собрание чувашей высказалось за войну «до победного конца», поддержало предложения о преподавании в чувашских школах на родном языке и приглашении в чувашские церковные приходы священников из чувашей; переизбрало своим председателем Г.И. Комиссарова[81]. Последний также был избран делегатом на Поместный собор Русской православной церкви, ему было поручено защищать на соборе интересы чувашских прихожан и духовенства, в частности добиваться официального учреждения самостоятельных чувашских епископских кафедр[82].

К лету 1917 г. формируется довольно широкая сеть чувашских национальных организаций, включающая помимо общегубернских, уездные и даже сельские национальные общества. 25 мая в д. Тебикасы Цивильского уезда был организован Чувашский национальный союз крестьян. Совсем скоро он трансформировался в уездную организацию: 4 июня 1917 г. в Цивильском уезде образовался Чувашский национальный союз, председателем которого стал студент Казанского университета А.В. Васильев, прибывший на родину на каникулы. Союз имел отделения в чувашских селениях уезда. Первоначально главной целью организация ставила подготовку чувашского населения уезда к предстоящим выборам в Учредительное собрание путем чтения лекций и проведения бесед. После ознакомления членов Союза с уставом и программными положениями Союза мелких народностей Поволжья была выдвинута программа, охватывающая широкий круг вопросов культурно-политической жизни уезда: организация национальной местной власти, коренизация местных учреждений самоуправления и школ как важный фактор переустройства местной жизни «на национальных началах». Союз выдвигал требование, чтобы судебные процессы проводились на родном языке, а переписка по судопроизводству велась на русском. Предлагалось в составе суда обеспечить национально-пропорциональное представительство, руководящие должности в органах исполнительной власти защищать лишь представителям наиболее многочисленной народности; в области образования предусматривалось открытие начальных и средних школ на родном языке и обязательное преподавание русского языка. Относительно формы государственного устройства страны Союз высказался за «демократическую трудовую республику», чтобы «в ее основных законах не заключалось препятствий к переходу при наступлении соответствующих культурно-политических условий в федеративную республику». Члены Союза планировали строительство народного дома, который бы занимался культурно-просветительным воспитанием чувашского населения. При содействии Союза в Цивильске была открыта бесплатная библиотека-читальня[83].

Чувашский национальный союз сразу же заявил о своем представительстве во всех заметных учреждениях Цивильского уезда. 8 июня 1917 г. члены его комитета с совещательным голосом участвовали в работе чрезвычайного земского собрания; 20 июня два его представителя были включены в комиссию по организации выборов волостных земств. Трое из членов Чувашского национального союза были введены в редколлегию «Цивильской народной газеты», А.И. Иванов стал ее редактором[84]. Он же 4 июня 1917 г. собранием Чувашского национального союза был избран представителем в Цивильское уездное земское собрание. 15 июня Союз уполномочил П.И. Иванова представлять его в Цивильском уездном комитете общественной безопасности[85].

Чувашские национальные учреждения создавались не только по территориальному, но и по признаку профессиональной принадлежности. Так, 24 июля 1917 г. в Симбирске был организован Совет депутатов чувашской трудовой интеллигенции Симбирской губернии. Согласно уставу он учреждался для объединения различных групп чувашской интеллигенции, и его основной задачей являлись ее организационное участие в общественно-политическом строительстве свободной России на демократических началах и защита интересов труда и культуры чувашского народа[86].

Возникали и иные национально ориентированные общественные организации. 25 июня 1917 г. в Шихазанах был создан Шихазановский комитет единения для «избавления» основной массы чувашского населения от «духовной темноты». В его состав вошли местное духовенство, земские врачи, учителя «и другие интеллигентные лица». На собрании под председательством священника И.А. Афанасьева было признано необходимым немедленно приступить к подготовке местного чувашского населения к выборам в Учредительное собрание и «вообще к проведению в народную массу политической грамотности» путем регулярных чтений лекций, причем особое внимание предлагалось «обратить на выяснение дарованной народу свободы»[87].

Структурирование чувашского национального движения происходило и в формах организационного объединения этнических групп чувашей. Наибольшую активность проявили представители верховых чувашей (этнической части, населяющей северо-запад Чувашского края, – территории Ядринского и Козьмодемьянского уездов Казанской и Курмышского уезда Симбирской губернии). Весной 1917 г. в с. Балдаево, волостном центре Ядринского уезда, возник волостной чувашский комитет, активисты которого обсуждали необходимость сохранения уникальной культуры верховых чувашей[88]. На состоявшемся в начале июня 1917 г. Балдаевском волостном сходе, в работе которого участвовал член исполкома Казанского губернского Совета крестьянских депутатов студент В.С. Разумов, по докладу последнего признали «крайне желательным и необходимым образовать Вирьяльское общество чувашей в целях объединения сородичей по диалекту, проживающих в Козьмодемьянском и Ядринском уездах Казанской и в Курмышском уезде Симбирской губернии. Было решено вынести данный вопрос на рассмотрение Ядринского уездного крестьянского съезда, намеченного на 10 июня 1917 г. Сформировали организационное бюро по проработке данного вопроса в составе председателя Е.А. Кузьмина (поручика 141-го Можайского полка, бывшего учителя), М.К. Лебедева и С.И. Иванова. 5–6 июня от имени этого органа с грифом «просьба объявить народу» в волостные комитеты общественной безопасности ушли извещения с разъяснением предложения Балдаевского волостного схода: «Лиц, сочувствующих этой мысли, – говорилось в них, – просим оказать всемерное содействие и помощь в распространении идеи объединения, помня, что в единстве – сила...»[89].

10–13 июня 1917 г. в Ядрине работал I съезд крестьян Ядринского уезда. В повестку дня был включен и вопрос об объединении верховых чувашей. Эту тему затронули несколько докладчиков. К тому же съездом руководил, как председатель президиума, Е.А. Кузьмин. В результате съезд утвердил оргкомитет по созыву учредительного съезда Общества вирьяльских чувашей. Привлекают внимание эмоциональные строки постановления съезда: «В дальнейшем мы должны объединиться. В начальники ставить чувашей, а сами мы должны уважать друг друга.

Создать Вирьяльское чувашское общество. Хозяевами земли между Сурой и Волгой должны быть мы»[90]. Уездное собрание представителей крестьянства наметило проведение первого съезда названного общества на 25–27 июля в с. Аликово, сформировало его повестку дня, приняло обращение к чувашам-вирьяльцам, в котором инициаторы созыва съезда призывали соплеменников объединенными усилиями включиться в защиту общенациональных и местных (вирьяльских) интересов[91].

25 июля в с. Аликово открылся организационный съезд вирьяльских чувашей, куда прибыло свыше 100 делегатов. Из Казани приехали Г.И. Комиссаров и И.В. Васильев. Однако в тот же день в селе было созвано волостное собрание по вопросу выполнения закона о хлебной монополии. Крестьяне подняли бунт, произошло столкновение с властями и делегатами съезда, из-за чего он был сорван, а Общество вирьяльских чувашей создано не было. Аликовские события сказались на общественных настроениях верховых чувашей. У некоторых участников съезда проявились пессимистические настроения: «не беритесь за общественное, народное дело, наверняка сами пострадаете, а благодарности не увидите»[92]. И хотя не удалось создать организацию, объединяющую верховых чувашей, несмотря на попытки повторного созыва съезда во второй половине 1917 г., тем не менее движение за организационное объединение верховых чувашей явилось важным событием. Многие активисты «вирьяльского» движения и участники неудавшегося учредительного съезда впоследствии сыграли весьма значительную роль в общественно-политической, культурной жизни и становлении автономии чувашского народа – к примеру, И.И. Илларионов (председатель ЦИК Чувашской АССР), Я.П. Ятманов (заведующий областным земельным отделом), Е.Я. Орлова (заведующая женотделом обкома РКП(б), Ф.П. Павлов (композитор и драматург) и др.[93]

Национальный подъем по-своему проявился в церковной жизни. В условиях господства религиозного мировоззрения православная религия также становилась одной из форм выражения национальных устремлений, а церковнослужители из числа этнических представителей – активными субъектами процесса национального пробуждения. Достаточно назвать такие имена, как Г.И. Комиссаров и П.П. Шленкин (члены Уфимского миссионерского комитета), Д.Ф. Филимонов (священник в Бугульме), Т.А. Земляницкий (протопоп в Белебее), Г.Т. Тихонов (благочинный в Бижбуляке), А.С. Иванов (священник в Бугульме), К.П. Прокопьев (священник в Челябинске) и др. Своеобразным манифестом чувашских церковных деятелей в новых условиях явилось обращение протоиерея Т. Земляницкого (5 мая 1917 г.) к чувашской интеллигенции и деятелям просвещения, в котором он призвал к консолидации чувашей: «Настало время, когда вам никто не может воспретить организоваться, отстаивать свою народность, свой язык, свои обычаи. Всякая нация... имеет полное неоспоримое право на самостоятельную духовную жизнь. Чем больше в той или иной народности национального самосознания, тем она сильнее, крепче, устойчивее и имеет больше шансов на уважение... Вас, чувашей, не меньше миллиона, и, если вы не хотите потерять свой облик, должны сплотиться, и чем скорее, тем лучше»[94]. В качестве основных требований по церковным вопросам национальными религиозными деятелями выдвигались: назначение в чувашские приходы чувашских священнослужителей, внедрение в церковное богослужение родного языка, учреждение должности чувашского архиерея для руководства деятельностью чувашских церквей[95]. Все эти требования нашли отражение в соответствующих резолюциях и постановлениях съездов народ-

ностей Поволжья и общечувашских форумов. Чувашскими церковниками были предприняты усилия по созданию самостоятельных союзов и организаций. Так, на II съезде нерусских народностей Поволжья (август 1917 г.) принимается решение провести делегата от чувашского православного духовенства на Всероссийский поместный собор. В задачу чувашского представителя входило добиться на соборе официального учреждения самостоятельных чувашских епископских кафедр. Съезд утвердил кандидатами в чувашские епископы протоиерея К.П. Прокопьева (в Цивильскую епархию) и протоиерея Д.Ф. Филимонова (в Ядринскую епархию)[96]. 20 февраля 1918 г. на съезде чувашского духовенства Ядринского уезда в с. Шуматово было принято решение организовать отдельное благочиние приходов Ядринского уезда и учредить Ядринский уездный союз чувашского духовенства. Союз заявил о преследуемой им цели: принять в организацию священников, диаконов, псаломщиков, а также мирян, «сочувствующих идеям союза и религиозно-просветительной деятельности среди чуваш», в своей религиозно-просветительной деятельности пользоваться «материнским языком в духе любви и сообразуясь с прошлым чуваш». Объединение претендовало на право рекомендовать священнослужителей в чувашские приходы, иметь своих представителей в общественных учреждениях и т.д.[97]

Событием, имевшим большое значение в развитии чувашского национального движения, явилось возрождение национальной печати. После известий о создании Общества мелких народностей Поволжья к Н.В. Никольскому пошли письма с просьбой об издании чувашской газеты. «Нельзя ли выпускать газету на чувашском языке?» – писал священник А. Иванов из Бугульмы (4 апреля 1917 г.). «Сейчас нам, наверное, надо подумать об издании своих газет и букварей», – вопрошал в письме с фронта прапорщик 109-го пехотного Волжского полка П.В. Пазухин. Ф.Б. Исланкин из Симбирска обращался к Н.В. Никольскому: «Для того, чтобы закрепить новый государственный порядок, мне кажется, необходимо обратить внимание на изменение духовности и мировоззрения чувашей. Полагаю, так же думаете и Вы. Поэтому, как и раньше, надо начинать издание чувашской газеты. Мы, представители чувашской интеллигенции Симбирска, предлагаем Вам возложить на себя дело по выпуску газеты»[98].

Чувашская секция Общества мелких народностей направила во многие газеты Поволжья, в том числе и в «Чебоксарскую правду», обращения с просьбой материально поддержать возобновляемую газету «Хыпар»[99]. В списке оказавших финансовую помощь были чувашские купцы и предприниматели С.А. Игнатьев (200 руб.), П.Т. Селиванов (50 руб.), Е.С. Байталов (50 руб.), П.Д. Селиванов (25 руб.), русский купец из Чебоксар Ф.М. Дряблов (50 руб.). Комиссар Временного правительства в Чебоксарском уезде Т.П. Прохоров на собрании земских гласных собрал 356 руб. 28 коп., Ф.Б. Исланкин в Симбирске – 300 руб., активист национального движения П.Ф. Федоров пожертвовал 71 руб. 15 коп. на выпуск газеты[100]. В числе пожертвователей много учителей, чиновников, священнослужителей, военнослужащих, также органы местного самоуправления и общественные организации. В 1917 г. посильный вклад в дело издания национального печатного органа внесли Ф.П. Павлов – в будущем известный музыковед и драматург, С.В. Эльхерин (писатель Эльгер), ядринский купец М.М. Таланцев, подпоручик Л.М. Лукин, Симбирское национальное общество, Чувашский военный комитет Стерлитамака, Балдаевское волостное правление, Тораевский волостной сход и

десятки других добровольных жертвователей[101]. Весьма существенной была помощь земств: в 1917 г. В фонд газеты «Хыпар» от Цивильской уездной управы поступило 1500 руб., Чебоксарской – 3000 руб., Казанской губернской – 5000 руб., Белебеевской уездной управы Уфимской губернии – 300 руб.[102]

В редакционную комиссию воссозданной 1 мая 1917 г. газеты «Хыпар» вошли студенты Казанского университета А.В. Васильев, учащийся Казанской духовной семинарии А.П. Прокопьев (Милли), его товарищ по учебе Н.П. Петров (Ширновой). Сотрудницей в газету была приглашена выпускница Симбирской чувашской учительской школы А.Г. Гаврилова[103]. Редакционная группа была коллегиальным органом (персонально ответственный редактор не выдвигался), ее состав со временем частично изменился. Газета издавалась сначала чувашской секцией Общества мелких народностей Поволжья, с 10 августа – Чувашским национальным обществом[104]. Девизом газеты стал лозунг «Пĕтĕм çĕр хура халăха пултăр!» (Пусть вся земля принадлежит крестьянам). С конца мая 1917 г. «Хыпар» ввел призыв «Чăвашсем, пĕрлешсе ĕçлеме тытăнар» (Чуваши, давайте трудиться сообща). Цель издания была определена в передовой статье под заголовком «Слово редакции»: «В 1907 г., в январе (в действительности в мае. – *В.К.*) перестала выходить газета. Царские слуги, не любящие правдивого слова, наложили запрет. С тех пор прошло уже десять лет и четыре месяца. Постепенно народ почувствовал, что царский порядок никудышный, и быстро низверг его. Вместе с царем разбежались и его слуги. Мы, обучающиеся в Казани чуваши, возобновили газетное дело. Мы не те, кто выпускал прежний «Хыпар», но, как и они, намерены содействовать простому народу создавать праведную жизнь. Чтобы облегчить участь трудового народа, жившего до сих пор в муках, надо полностью менять старые порядки в государстве, вместо них установить новые, добрые порядки. Для установления таких порядков скоро должны созвать Учредительное собрание. И мы, чуваши, должны выбрать для участия в этом собрании умных людей, наказав им, чтобы они требовали то, что нужно чувашскому народу. По мере сил мы хотим им в этом помочь»[105].

Как и в годы Первой русской революции, газета «Хыпар» стала рупором общественно-политических и национальных устремлений этноса, призывала к единению всех чувашей: «Чуваш един тем, что он чуваш»; «Ученые чуваши, крестьяне-чуваши, священники-чуваши и все остальные, чуваши-торговцы, купцы... да будемте меж собой согласны, будемте действовать дружно, все вместе; нам, чувашам, нечего делить меж собой!»[106]. Она выступала в поддержку демократических перемен, происходивших в стране и Чувашском крае в послефевральский период, пропагандировала идеи чувашских социалистов-революционеров.

Демократизация органов управления, возникновение новых общественно-политических институтов и национально-политическое развитие чувашского этноса

Отличительной чертой послефевральского периода явилась радикальная демократизация с существующих и вновь создаваемых политических институтов. По распоряжению Временного правительства для решения вопросов управления на местах вводилась должность полномочного представителя – комиссара Временного правительства. 6 марта были назначены комиссары Казанской и Симбирской губерний, которые

утвердили председателей Цивильской (А.Н. Абалымов), Чебоксарской (Л.В. Энатский), Ядринской (А.Ф. Ашмарин), Алатырской (П.С. Алеев) уездных земских управ уездными комиссарами, следуя указаниям Центра: Временное правительство должно было считаться с реальным положением на местах, где земства были наиболее представительными и структурированными органами, и в то же время известными своей оппозиционностью к самодержавию, но достаточно умеренными и безопасными по сравнению с социалистами. В Казанской и Симбирской губерниях в должности уездных комиссаров были утверждены почти все представители земских управ, за некоторым исключением. Например, председатель Буинской земской управы В.Л. Персиянов, представленный Симбирским губернским комиссаром Ф.А. Головинским на должность уездного комиссара, не был утвержден органами Временного правительства, поскольку «не пользовался уважением населения», о чем извещали приговоры сельских сходов и волостных собраний. Так, сельский сход Шамкинской волости 18 марта 1917 г. своим приговором «единодушно постановил: просить губернского комиссара... отстранить от занимаемой должности уездного комиссара помещика Василия Львовича Персиянова, который уважением населения не пользуется»[107].

Земства, городские думы, финансовые и другие учреждения с прежними чиновниками и функциями были сохранены. Из должностных лиц на местах волостной старшина был переименован в комиссара волости, сельский староста – в комиссара села (деревни)[108]. Первоочередной задачей уездных комиссаров как уполномоченных и исполнительных органов Временного правительства на местах являлся «надзор за деятельностью правительственных учреждений и за законностью действий органов местного самоуправления[109]. Фактическое содержание деятельности комиссаров составили политическое управление уездом и волостью, сохранение общественного порядка, недопущение анархии, создание нового аппарата власти в уездах и волостях, замена полиции милицией, организация комитетов общественной безопасности. Последние образовывались как выборные органы при комиссарах Временного правительства из рядов демократически настроенной интеллигенции и чиновничества, представителей профессиональных, общественных и кооперативных объединений и партий. В момент образования (15 марта 1917 г.) Ядринский уездный комитет общественной безопасности был представлен 7 членами от города, по 1 чел. – от солдат, рабочих и земских служащих и 2 крестьянами из ближайших русских селений; к 20 апреля 1917 г. он пополнился 14 представителями от волостей, уездного земского собрания и Союза землепашцев Ядрина. В июне в комитете предоставили по 2 места профсоюзам учителей и женщин, в июле включили 10 членов уездного крестьянского совета. По представительству лиц число чувашей сравнялось с русскими. К 16 октября 1917 г. в комитет приняли представителей профсоюзов фельдшеров, почтовых служащих, волостных секретарей, кооперативов (по одному члену), два места предоставили местной эсеровской организации. В составе Ядринского уездного комитета общественной безопасности находились авторитетные люди уезда: известный предприниматель Н.М. Таланцев, подвергавшийся гонениям при царизме, бывший секретарь Ядринского отделения Всероссийского учительского союза и преподаватель Н.А. Лаврентьев, председатели Ядринского уездного крестьянского совета С.Б. Борисов и Совета солдатских депутатов Г.С. Скворцов, лидер местных эсеров В.И. Мартынов, редакторы газеты «Крестьянский листок» А.И. Кортов и М.Л. Юхтанов и др.

В Цивильском уезде выборы в комитет общественной безопасности из-за весеннего бездорожья были отложены до 10 апреля 1917 г., при уездном комиссаре был создан временный совет. Только к лету уездный комитет общественной безопасности обрел устойчивую структуру. На 20 июня в нем были представлены все 12 волостей уезда (26 чел.): крестьянский союз (8 чел.), школьный комитет (5 чел.), городской народный комитет (3 чел.), по 2 чел. – гласные земского собрания и солдаты команды уездного воинского начальника; по одному представителю имели работники Урмарской фабрики гнутой мебели, строители бараков на станции Шихраны, служащие города, земства и государственных учреждений, учителя, священнослужители, союз мировых судей, Цивильский чувашский национальный союз. В комитет входил председатель городской думы. Большинство в нем составили чуваши в лице посланцев от волостей, крестьянского союза, учителей.

Чебоксарский уездный комитет общественной безопасности как временный орган при уездном комиссаре был создан 10 марта 1917 г. из 20 членов (представителей земской и городской управ, потребительских кооперативов, граждан Чебоксар и Мариинского Посада, крестьян, рабочих и военных). С 26 марта комитет функционировал как постоянный орган. В мае 1917 г. в его состав вошли представители всех общественных организаций и профсоюзов, сформированных к тому времени, а также Совета рабочих и солдатских депутатов. Алатырский уездный комитет общественной безопасности был образован в конце августа 1917 г. также на началах широкой демократии – представительности всех политических, профсоюзных и общественных структур[110].

В силу своей многолюдности, громоздкости структуры комитеты общественной безопасности собирались лишь периодически (обычно 1 раз в месяц) для обсуждения вопросов, касающихся всего уезда, или разрешения политических конфликтов. Постоянно функционировал только исполнительный комитет при комиссаре из узкого круга лиц.

Временное правительство главным представителем своей власти считало комиссаров общественной безопасности, а комитетам общественной безопасности отводилась роль связующего звена между властью и обществом. Рассматривая процесс конструирования органов новой власти, нужно отметить, что в разных уездах он происходил неодинаково. Наиболее оперативно либеральные общественные органы в лице комитетов общественной безопасности были созданы в Чебоксарском и Ядринском уездах, где постоянно расширяли свой состав за счет демократических элементов и представителей массовых общественных организаций. В Цивильске и Алатыре либеральные силы были менее инициативны и официальные общественные структуры новой власти сформировались только к лету 1917 г.

Процессы демократизации затронули и земства. При Временном правительстве было создано Особое совещание по реформе местного самоуправления для проведения преобразований муниципальной системы. 21 мая 1917 г. были опубликованы Положение о введении волостного земства в 43 «староземских» губерниях и Постановление о выборе уездных и губернских гласных. В июне – августе, появились новое Земское положение, Наказ о выборах волостных гласных, Положение о Всероссийском земском союзе, Постановление о союзах, товариществах и съездах земств и целый ряд других законов, касающихся земских финансов, системы городского и земского кредита и т.д. Согласно этим нормативным актам, значительно расширялись права и компетенции земских органов, вводились во-

лостные земства, вся система местного самоуправления подвергалась коренной реорганизации: достаточно жестко включенные в государственно-бюрократический аппарат земства должны были стать всесословным, действительно «общественным» самоуправлением[111].

К осени 1917 г. в результате реализации заявленных целей в земских учреждениях Чувашии произошли глубокие изменения социального, политического и национального характера. Полностью обновился состав земских органов. Были устранены старые председатели и члены управ; покончено не только с дворянско-помещичьей монополией в руководстве земствами, но и с купеческим влиянием. Уездное земское самоуправление перешло в руки народных представителей. На руководящие позиции в местном самоуправлении выдвинулось учительство. Наметилась тенденция к национально-пропорциональному представительству в земствах. К концу 1917 г. чуваши стали составлять подавляющее большинство среди гласных уездных земских собраний. Демократические общественно-политические и массовые общественные организации получили представительство в земствах.

Инициаторами обновления земств выступили прогрессивные земские деятели, комитеты общественной безопасности, союзы земских служащих. Так, уже 16 марта на Чебоксарском чрезвычайном уездном собрании городской глава Ф.П. Ефремов внес предложение обновить состав гласных путем довыборов новых членов. На выборах нового состава были выдвинуты 33 чел., и половина мест в земском собрании стала принадлежать крестьянам. На земском собрании, созванном 15 апреля, управа была переизбрана. Ее председателем выдвинули хуторянина, демобилизованного из армии младшего офицера Т.П. Прохорова. Он же занял пост уездного комиссара. 13 сентября состоялись новые выборы гласных уездного собрания. По их результатам в земское собрание прошли 12 учителей, 21 крестьянин, по 2 земских врача и земских служащих, по одному представителю от воинской команды, служителей духовенства, милиции, мещан и т.д. Руководящая роль в уездном земстве перешла к учительской интеллигенции. Один из них, И.С. Сергеев, временно возглавил Чебоксарскую уездную земскую управу. В национальном составе гласных земства около двух третей составили чуваши.

В Цивильском уезде зачинателем демократизации земства выступил уездный комитет общественной безопасности, установив норму при выборах гласных по одному представителю от волости, от служащих, от общественных организаций. В итоге выборов в конце мая прежний состав гласных пополнился 17 новыми представителями от крестьян, 3 – от граждан Цивильска, 2 – от городской управы. Представительство в земстве получили Цивильский чувашский национальный союз и союз земских служащих (по одному гласному). 8 июня 1917 г. был снят с должности председатель Цивильского уездного земского собрания, уездный предводитель дворянства князь А.А. Кропоткин, 11 июля сняли с должности председателя земской управы купца А.Н. Абалымова. Был избран и новый состав уездной управы: в нее вошли три учителя (все чуваши), служащий (русский), и одно место осталось вакантным для представителя татарского населения уезда. Председателем управы стал чувашский учитель П.И. Иванов. 8 октября 1917 г. прошли новые выборы гласных земского собрания: из 50 мест чуваши получили 33, русские – 11, татары – 4, другие – 2. Руководство в уездной управе осталось за чувашской интеллигенцией: председателем был избран тот же П.И. Иванов.

Процессы обновления и демократизации, хотя и в замедленных темпах, охватили и Ядринское уездное земство. В начале мая 1917 г. число его гласных было увеличено на 12 новых представителей от рабочих, земских служащих, союзов учителей, женщин, солдат, горожан и крестьян. На состоявшихся в июле перевыборах ни один прежний член управы в гласные не прошел. Ими стали известные в уезде учителя, крестьянские активисты и деятели уездного Совета крестьянских депутатов, священники, в большинстве своем – чуваши. Председателем Ядринской земской управы был избран школьный учитель, русский по национальности, из села Полянки, один из организаторов Ядринского отделения Всероссийского союза учителей 1905 г. И.С. Юхтанов. Его заместителем стал председатель уездного Совета крестьянских депутатов, чувашский учитель С.Б. Борисов. На осенних перевыборах гласных абсолютное большинство мандатов получили чуваши. Председателем управы выдвинули чувашского учителя И.Г. Филиппова, членами управы стали чувашские учителя И.И. Илларионов, А.М. Самарин, упомянутый И.С. Юхтанов[112].

В принципиальных чертах были схожи с чувашскими уездами Казанской губернии процессы трансформации уездных земств Симбирской губернии. Так, на первой сессии демократизированного Курмышского уездного земского собрания (23–25 апреля 1917 г.) помимо цензовых элементов приняли участие представители общественно-политических организаций: союза учителей, союза земских служащих, комитета общественной безопасности, городской управы, военной организации и т.д. Причем гласных прежнего состава было только 22,9 %, остальные 77,1 % являлись представителями уездных общественных объединений[113]. Известно, что с осени 1917 г. Алатырское уездное земское собрание в печати стало именоваться «новым уездным демократическим земством», в его состав на выборах гласных 14 сентября «социалистический блок» (меньшевики и правые эсеры) провел четырех своих представителей. Еще с июля 1917 г. председателем Алатырской земской управы являлся педагог А.М. Сперанский[114].

Завершающим аккордом в реформировании местного самоуправления стали выборы волостных земств. Постановлениями Временного правительства с организацией волостных земских учреждений вся система волостного общественного самоуправления подверглась коренной реорганизации: упразднялись всякого рода волостные организации – волостные сходы и правления, должности волостных старшин, писарей, заседателей, волостные попечительства, продовольственные комитеты, а также временные исполнительные комитеты. В Цивильском уезде должно было быть избрано 497 волостных гласных, в Ядринском – 557, в Козьмодемьянском – 414, в Чебоксарском – 357, в Алатырском – 562[115]. На территории рассматриваемых уездов выборы волостных земств проходили с конца августа по декабрь 1917 г. С формальной точки зрения задачи земской реформы 1917 г. были выполнены: обновлены уездные земства, в подавляющем большинстве волостей появились новые земские единицы. Однако новое, реформированное земство так и не успело укорениться и в полной мере проявить себя эффективно работающим органом. В условиях тотальной советизации страны, начавшейся после Октября 1917 г., земствам с их защитой частной собственности, финансовой и хозяйственной самостоятельностью, частнокапиталистическим индивидуализмом не было места в новой организации общественной, политической и социально-экономической жизни советской России. Одним из важных обстоятельств, предопре-

деливших судьбу земств, явилось и то, что Временному правительству, стремившемуся на основе демократизированных по его плану земств выстроить новую систему централизованной власти снизу доверху, не удалось приспособить их в качестве основы новой государственности. Властные структуры на местах, организованные Временным правительством из верхов земского самоуправления, с самого начала оказались в противоречии с правотворчеством масс в области государственного строительства. Уже к лету 1917 г. действовало множество форм народоправства – различные крестьянские организации, Советы депутатов и другие, которые проявляли стремление взять на себя функции местного самоуправления. Причем большинство этих организаций было создано по почину самих масс и при их участии, и им (массам) было непонятно, почему созданные ими органы должны быть ликвидированы.

Непопулярность земствам придавала и осторожная позиция по аграрному вопросу, а также то, что на них возлагали ответственность за трудности продовольственного обеспечения, взимание местных налогов и т.д., разрешить которые было крайне сложно в тех конкретных условиях[116]. Стремление Временного правительства унифицировать органы местного самоуправления в огромной многонациональной стране, не учитывая национальных особенностей, также не способствовало успеху преобразований. Так, Чебоксарский уездный комиссар, докладывая 9 октября 1917 г. Казанскому губернскому комиссару о выборе волостных земств, отметил, что возникли трудности с составлением избирательных списков и голосованием в мусульманских округах, т.к. в них отказались дать сведения «о женской половине населения» и «мусульманское население принять участие в тайном и равном голосовании отказалось и выбрало гласных открытым голосованием»[117].

В силу указанных причин земства с самого начала революции стали постоянно отставать от всех других демократических общественно-политических организаций в борьбе за влияние на массы. Логика революции отталкивала массы от земств, стремившихся удержать их в русле законности и порядка, постепенности и осторожности в разрешении сложнейших проблем общественного развития. В Поволжье, где сельское население не только преобладало численно, но и имело значительный опыт социальной организации, срастание власти и земства толкнуло крестьян к тем организациям (Советам, партии эсеров), которые обещали осуществить их насущные требования: разрешить аграрный вопрос, установить социальное и национальное равноправие[118].

Когда земства и официальные органы правительства не поспевали за возрастающей радикализацией общественных настроений и требований масс, по ее инициативе стали появляться альтернативные формы массового участия интеллигенции, горожан, рабочих, крестьян и солдат в политической и общественной жизни. Это – Советы депутатов, крестьянские съезды и союзы, солдатские организации и различные профессиональные объединения.

Первыми образовались Советы рабочих и солдатских депутатов. В Чувашском крае такие Советы возникли в Чебоксарах и Алатыре. 17 марта 1917 г. на собрании жителей г. Чебоксары был избран Совет гражданских депутатов в составе 30 чел. – рабочих, водников, мелких служащих. Его возглавил находившийся в ссылке в Чебоксарах латышский студент-меньшевик К.Я. Грасис. 13 апреля 1917 г. Совет гражданских депутатов слился с созданным в этот же день в Чебок-

сарах Советом рабочих и солдатских депутатов, президиум которого возглавил К.Я. Грасис[119]. В 20-х числах марта 1917 г. было положено начало Алатырскому уездному Совету рабочих и солдатских депутатов. Согласно программному заявлению, сделанному на общем собрании членов Совета 21 марта, он преследовал цель «полного народовластия в форме демократической республики на основах свободы и равенства всех граждан российских без различия веры, национальности и пола, передачи всей земли трудящимся на ней и коренных реформ законодательства в смысле программы-минимума Российской социал-демократической рабочей партии». Указывалось также, что «Совет всемерно будет бороться с явными и тайными сторонниками старого режима»[120]. На всем протяжении 1917 г. политическое руководство Алатырским Советом рабочих и солдатских депутатов осуществляла эсеро-меньшевистская коалиция. Первым председателем исполкома был избран руководитель городской организации РСДРП (меньшевиков) М.Я. Житомирский, в июне его сменил эсер И.Ф. Павленко[121].

Совет рабочих и солдатских депутатов был организован в Козьмодемьянске в мае 1917 г. под руководством эсеров и энесов (народных социалистов), поддерживающих политику Временного правительства[122].

Советы рабочих и солдатских депутатов сформировались на широкой демократической основе. Из 90 депутатских мест в Алатырском Совете рабочих и солдатских депутатов 1/3 была занята военнослужащими, 21 место имели железнодорожные рабочие и 11 – рабочие и служащие промышленных предприятий города и уезда. Представительство в Совете получили также уездная земская управа и городская дума, мещанское общество, профсоюз печатников, союзы фельдшеров, учителей, торгово-промышленных служащих и т.д. 10 мест досталось представителям политических партий[123].

Состав Чебоксарского Совета рабочих и солдатских депутатов также отражал широкий спектр социальных групп городского населения: депутатские места заняли 7 военнослужащих, по столько же – рабочие промышленных предприятий и кустари, по одному месту – учителя, мелкие торговцы, работники водного транспорта, местной типографии, беженцы, служащие земских учреждений и т.д.[124]

Предметом деятельности Советов в соответствии с веяниями времени стало решение вопросов общественно-политических и отчасти государственных. Уездным хозяйством по-прежнему заправляли земские управы. А общее управление уездами, соблюдение общественного порядка осуществляли уездные комиссары и созданные при них комитеты общественной безопасности. Прогрессивная роль Советов рабочих и солдатских депутатов проявилась прежде всего в защите и реализации социально-экономических мероприятий в интересах трудящихся. Так, одним из первых решений Алатырского Совета рабочих и солдатских депутатов было установление с 22 марта 1917 г. 8-часового рабочего дня во всех мастерских, фабриках и на заводах города и уезда[125]. Аналогичное решение 28 мая 1917 г. принял Чебоксарский Совет рабочих и солдатских депутатов, постановив «ввести 8-часовой рабочий день во всех торгово-промышленных заведениях гор. Чебоксары...»[126]. Советы рабочих и солдатских депутатов участвовали в разрешении трудовых конфликтов между работниками и работодателями, в защите социальных и политических прав трудового населения. Например, когда в апреле возник конфликт между рабочими и администрацией деревообделочного завода Чебоксарского уездного земства, Совет вмешался в него и активно отстаивал интересы работников предприятия[127].

Защита прав и интересов трудящихся, столкновение личных амбиций, в какой-то мере вмешательство в функции местной администрации неизбежно вызывали конфликт между Советами и органами Временного правительства на местах. Однако это не приводило к двоевластию. Советы занимали подчиненное положение по отношению к официальным органам Временного правительства. И даже Чебоксарский Совет рабочих и солдатских депутатов, который с середины мая 1917 г. провозглашал большевистские лозунги, не разделял ленинского требования передачи всей власти Советам, установления диктатуры пролетариата. Признавая власть Временного правительства, Чебоксарский Совет рабочих и солдатских депутатов перешел в оппозицию к местной администрации. Как отмечалось в одном из документов, Чебоксарский уездный комиссар, едва вступив в должность, столкнулся с тем, что «ссыльный публицист Грасис, недовольный назначением комиссара Эннатского, доносит на него телеграммами министрам Львову и Керенскому»[128]. 18 марта под давлением Совета Л.В. Эннатский покинул пост уездного комиссара. На его место был выдвинут судья М.А. Бочаров, работавший начальником уездной милиции[129].

Несмотря на конфликты, до середины апреля 1917 г. взаимоотношения двух органов, возникших на волне революции, в целом оставались в рамках сотрудничества. Шесть членов Совета даже были введены в состав уездного комитета общественной безопасности[130]. Ситуация стала меняться с приходом 16 апреля на место уездного комиссара М.А. Бочарова Т.П. Прохорова. Разлад между последним и К.Я. Грасисом произошел как по служебным, так и по идейно-политическим мотивам. Совет, отстаивая социально-экономические интересы рабочих, вмешивался в дела, которые относились к компетенции официальных органов власти[131]. Углублению конфликта способствовали также идейно-политические разногласия. 18 мая Т.П. Прохоров создал в Чебоксарах организацию партии социалистов-революционеров (интернационалистов). Политическая же позиция К.Я. Грасиса эволюционировала в сторону большевизма[132].

Дальнейшее становление новой государственной власти в Чебоксарах происходило в условиях постоянного конфликта между органом Временного правительства и общественными силами в лице Совета. Финалом их противостояния стал разгон в 20-х числах июня уездного комитета общественной безопасности членами Совета совместно с военнослужащими, которые просто избили деятелей органа государственного управления. Т.П. Прохоров временно покинул Чебоксары. Официальная власть была восстановлена присланной из Казани военной командой. К.Я. Грасис и ряд его соратников были доставлены в Казань и заключены в тюрьму, участники разгона местной власти из числа военных были отправлены в свои части[133]. Впрочем, ситуация противостояния Совета и органов управления Временного правительства, сложившаяся в Чебоксарском уезде с весны по июнь 1917 г., явилась локальной и не была характерна для других уездов Чувашии. Когда И.М. Смоленков возглавил Чебоксарский Совет рабочих и солдатских депутатов, последующий этап его деятельности характеризовался отсутствием острых конфликтов. Совет уже не вступал в противостояние с официальной властью[134].

Другой тип Советов, появившийся в Чувашии после Февраля 1917 г., был представлен Советами солдатских депутатов, которые или входили как секция в объединенные Советы рабочих и солдатских депутатов, или действовали самосто-

ятельно. По данным на конец июня 1917 г., они имелись во всех уездах Казанской и Симбирской губерний, вошедших полностью или частично в состав Чувашии, кроме Цивильского уезда. В Алатырском, Буинском, Козьмодемьянском, Чебоксарском, Курмышском уездах существовали солдатские секции в Советах рабочих и солдатских депутатов, в Ядринском уезде – самостоятельный Совет солдатских депутатов. В начале июля 1917 г. солдатская секция Алатырского Совета рабочих и солдатских депутатов насчитывала более 30 членов, военная секция Буинского – 10, Козьмодемьянского – 12, Курмышского – 5, Чебоксарского Совета рабочих и солдатских депутатов – 10 чел., Ядринский Совет солдатских депутатов состоял из 7 членов[135]. По партийной принадлежности, как свидетельствуют анкеты I окружного съезда военных секций Советов рабочих и солдатских депутатов, состоявшегося в конце июля 1917 г. в Казани, в них доминировали эсеры и сочувствующие партии социалистов-революционеров[136].

Политической платформой Советов солдатских депутатов Чувашского края, по крайней мере, до лета 1917 г., являлась соглашательская линия в отношении Временного правительства и его органов на местах, поддержка идеи созыва Учредительного собрания, политики Временного правительства в аграрном вопросе («примириться со своим малоземельем и не проявлять никаких захватных стремлений, оставляя разрешение этого вопроса до созыва Учредительного собрания»), продолжение войны «до победного конца» («ибо с поражением России похоронена свобода наша и всего мира»)[137]. Однако эта идеологическая основа не исключала того, что солдатские депутаты в Советах были наиболее склонны к большевистской агитации и радикальным действиям, о чем свидетельствует деятельность солдатской секции Алатырского Совета рабочих и солдатских депутатов в период, когда ее возглавлял И.Я. Петров (март – апрель 1917 г.). Получив поддержку гарнизона, Совет постановил распустить военный гарнизонный комитет, арестовал офицеров, отличившихся особой жестокостью по отношению к нижним чинам. Армейская часть Совета вошла в острый конфликт с исполкомом Алатырского Совета по продовольственному вопросу[138]. В Чебоксарах же члены Совета солдатских и рабочих депутатов с участием отпускников-фронтовиков 22 июня разогнали уездный комитет общественной безопасности. 28 июня 1917 г. I съезд Казанской местной бригады, представленный делегатами военных комитетов Казанской, Пензенской и Симбирской губерний, вынужден был заняться внеочередным обсуждением действий Чебоксарского Совета рабочих и солдатских депутатов и высказанной им поддержки действий Кронштадтского Совета против Временного правительства. Съезд постановил: поступок военных представителей в Чебоксарском Совете рабочих и солдатских депутатов признать «заслуживающим осуждения»[139].

Наиболее ярко роль солдатских Советов как реальной силы демократии проявилась в ходе контрреволюционного мятежа генерала Корнилова в конце августа – начале сентября 1917 г. Тогда Советы рабочих и солдатских депутатов Казанского военного округа выступили с осуждением авантюры части генералитета и призывом встать на защиту революции. «Стоим на стороне демократической республики при твердой власти с оставлением председателем министров Керенского», – телеграфировал Алатырский Совет Казанскому военноокружному комитету. Ядринский Совет солдатских депутатов также приветствовали «быстрые и решительные меры Временного правительства» по подавлению «злодейской

авантюры генерала Корнилова». О готовности встать на защиту революции заявил Буинский Совет рабочих и солдатских депутатов[140]. Выступая в поддержку Временного правительства, солдатские массы и их Советы руководствовались тем, что с установлением военной диктатуры генералов было бы покончено с демократическими завоеваниями Февраля 1917 г.

Советы рабочих и солдатских депутатов как альтернативные официальным органам власти общественно-политические объединения были характерны для городов. В деревне же после Февраля 1917 г. получили развитие свои специфические формы общественной жизни крестьян. Среди них особое политическое значение имели крестьянские съезды. Созывались они по инициативе крестьян с помощью сельской интеллигенции, кооперативных служащих, членов различных революционно-демократических организаций, прежде всего эсеров. 3–4 мая 1917 г. в Чебоксарах собрался уездный съезд крестьянских депутатов, созванный эсерами для выбора делегатов на I Казанский губернский крестьянский съезд. В 20-х числах мая работал I Крестьянский съезд Цивильского уезда. В апреле был созван I съезд крестьянских депутатов Алатырского уезда. 10 июня 1917 г. открылся Ядринский уездный крестьянский съезд, на нем присутствовало 220 делегатов от селений и волостей[141].

Являясь наиболее представительными массовыми общественными объединениями, крестьянские съезды способствовали демократизации местной жизни, в политическом движении заняли революционную позицию защиты крестьянских интересов. На уездных крестьянских съездах обсуждался весь комплекс вопросов революционного времени: земельный вопрос, об отношении к Временному правительству, формах государственной власти и собственности, войне и мире, возрождении чувашского народа и языка. В революции проявилось новое качество крестьянских общественных объединений: постановка вопросов политического характера общероссийского масштаба. Так, делегаты I Чебоксарского уездного крестьянского съезда, рассмотрев вопрос о политическом устройстве Российского государства, решили «стоять за свободную демократическую республику с одной палатой». Категорично решение съезда по аграрному вопросу: «Требовать, чтобы вся земля... перешла из частных рук в общегосударственную собственность без всякой платы и чтобы она была отдана в пользование только тем, кто сам будет на ней трудиться. Частную собственность на землю и торговлю землей крестьяне считают недопустимой...» По вопросу о войне в резолюции было высказано требование ее окончания «при первом удобном случае без всяких денежных и земельных захватов за счет другого государства». Съезд выразил поддержку Временному правительству, но не безоговорочную: он дал городскому Совету рабочих и солдатских депутатов и будущему Совету крестьянских депутатов наказ доверять правительству «в пределах выполнения его обязательств и воли народа» и требовать от Временного правительства исполнения «этой воли народа и следить за выполнением ее». Крестьянский съезд выразил поддержку рабочим в разрешении их жизненных вопросов и принятии необходимых для этого законов, потребовал ввести бесплатное обучение во всех учебных заведениях, выразил «сочувствие утверждению государственной монополии хлеба»[142].

I Алатырский крестьянский съезд прошел под лозунгом поддержки Временного правительства («Вся власть до Учредительного собрания принадлежит Временному правительству!»), а принятая по аграрному вопросу резолюция соответствовала лозунгам эсеровской партии[143].

На I Ядринском уездном крестьянском съезде (июнь 1917 г.), кроме общепринятой повестки дня – о войне, о земле, об отношении к Временному правительству, об Учредительном собрании и о форме государственного управления – по предложению чувашских делегатов были включены пункты о народном образовании, церкви, вирьяльском обществе чувашей, газете «Сурский листок», об уездном комиссаре[144].

Для многонациональных Казанской и Симбирской губерний было характерно выдвижение на крестьянских съездах вопросов о национальном самоопределении народов и государственном устройстве России. Так, крестьянский съезд Чебоксарского уезда (май 1917 г.) потребовал «признать за всеми национальностями полное право на самоопределение»[145]. Пункт наказа крестьян Покровской волости с требованием учреждения в стране федерации был зачитан одним из делегатов Чебоксарского уезда П.Н. Никитиным на I съезде крестьянских делегатов Казанской губернии. Последний, обсудив 9 мая 1917 г. наказы волостных сходов с требованием установления федеративного строя, 79 голосами «за» (против – 61, воздержавшихся – 4) первоначально принял следующую резолюцию: «Съезд крестьянских депутатов Казанской губернии высказывается за демократическую республику на федеративных началах с правом самоопределения всех народов»[146]. В результате последующих дискуссий им окончательно было принято постановление: «Съезд крестьянских депутатов Казанской губернии высказывается за демократическую республику с одной палатой с правом самоопределения всех народностей»[147].

Наиболее ярко национальная специфика крестьянских форумов проявилась на Ядринском уездном крестьянском съезде, прошедшем 10–15 июня 1917 г. Как писала казанская газета «Социалист-революционер», настоящий «съезд прошел с ярко выраженной национальной линией». Обсуждая вопросы о церкви, народном образовании, его делегаты передавали данные им на сходах наказы: в церквах чувашских селений служба должна идти на родном языке, в начальных и средних чувашских школах детей следует обучать на родном языке. Говорили о предоставлении чувашскому населению в пределах уезда национального самоуправления[148]. Вместе с тем не обошлось на съезде и без националистических ноток. В наказах звучали мнения о выселении русского населения: «Русские, как некоренные жители северо-востока Европейской России, первыми подлежат выселению за счет государства»; «Дальнейшее расширение крестьянского земельного надела в уезде произвести за счет земель русских крестьян, которые должны выселяться за пределы уезда»[149].

Требования выселить русских из мест компактного проживания чувашей раздавались не только среди крестьян Ядринского уезда. Так, по сообщению «Цивильской народной газеты», 2 июля 1917 г. в с. Шибылги собрался волостной сход по выборам членов земельного комитета. Чуваши не допустили к выборам представителей русских селений Высоковка и Дмитриевка, заявив, что русские, привезенные помещиками, не имеют права на землю. «Раздавались даже голоса, – отмечалось в заметке, – что русских давно нужно выселить»[150]. Эти примеры со всей очевидностью свидетельствуют, что первопричиной разыгравшегося местного национализма, который в некоторых случаях приобрел шовинистические формы, являлось острое крестьянское малоземелье.

Исключительно важную роль крестьянские съезды 1917 г. сыграли в демократических преобразованиях на местах. Они активно участвовали в формировании распорядительной и исполнительной власти в пределах уезда, переназначении уездных комиссаров Временного правительства, подготовке выборов волостных земств и выдвижении депутатов в Учредительное собрание; создавали Советы крестьянских депутатов, утверждали новые составы уездных земельных, лесных, продовольственных комитетов. При этом в различных уездных центрах Чувашии влияние крестьянского общественного движения на переформатирование местной власти было неодинаковым. В Цивильском и Ядринском уездах оно было достаточно выраженным. В Цивильске уездное отделение Крестьянского союза уже в начале июня 1917 г. в составе Цивильского уездного комитета общественной безопасности получило 8 мест – намного больше других организаций. Вместе с 26 представителями от волостей этот союз занял 34 места из 59 в местном органе власти. Создание уездного отделения Крестьянского союза способствовало демократизации уездного земства. Вдвое было увеличено число гласных, куда вошли представители всех 12 волостей. Следует добавить, что выдвиженцы из крестьян 23 июня 1917 г. в Цивильске создали организацию эсеров.

Делегаты I Крестьянского съезда стали инициаторами создания уездного Совета крестьянских депутатов. Однако из-за национальных противоречий были избраны два самостоятельных исполкома уездного Совета – один из русских, другой – из чувашей, оба нежизнеспособные. Вторая попытка организовать Цивильский уездный Совет крестьянских депутатов была предпринята в 20-х числах августа 1917 г. на объединенном заседании крестьянского съезда и съезда Цивильского отделения Чувашского национального общества, на котором председательствовал один из лидеров чувашского национального движения И.В. Васильев. Объединенное заседание после обмена мнениями постановило временно – до будущего более представительного крестьянского съезда – создать исполком уездного Совета крестьянских депутатов. Его председателем избрали учителя А.Н. Никитина. На совместном съезде также выработали наказ будущему Учредительному собранию и утвердили кандидатом в депутаты Учредительного собрания от уезда фронтового офицера С.И. Игнатьева, активного участника революции 1905–1907 гг. [151]

Мощным политическим фактором демократизации общественно-политической жизни в уезде стал I Ядринский уездный крестьянский съезд. Из своей среды крестьянские делегаты выдвинули 28 представителей в гласные уездной земской управы. Кандидатом на должность уездного комиссара был предложен председатель съезда – поручик Е.А. Кузьмин. 13 июня на специальном заседании съезда избрали исполком Ядринского уездного Совета крестьянских депутатов во главе с учителем из д. Абызово С.Б. Борисовым. Туда вошли 3 представителя из организационного комитета Крестьянского союза, 2 учителя и 7 крестьян (по другим данным, 16 чел.). Совет крестьянских депутатов реорганизовал уездные органы власти. 7 июля 1917 г. новые гласные от Совета крестьянских депутатов с помощью гласных от крестьян (волостей) переизбрали состав земской управы: председателем стал бывший сельский учитель, уволенный из армии прапорщик И.С. Юхтанов, его заместителем – С.Б. Борисов. Активные участники крестьянского съезда В.Ф. Каратаев (из Ядрина) и И.Г. Филиппов (из с. Визикасы) были избраны заместителями уездного комиссара Временного правительства. Исполком Совета

крестьянских депутатов добился того, чтобы от него 12 представителей были включены в исполком уездного комитета общественной безопасности. Представители крестьянского Совета вошли и в состав других уездных органов. Исполком Совета совместно с Ядринским комитетом эсеров, созданным в июне 1917 г., организовал с июля издание газеты «Сурский листок» [152].

Стремление делегатов крестьянских съездов к независимости от административных органов Временного правительства на местах проявилось и на крестьянском съезде Алатырского уезда, работавшем 8–9 июня 1917 г. Съезд высказался за создание волостных и сельских Советов крестьянских депутатов. Он избрал исполком уездного Совета крестьянских депутатов в составе 16 чел., вошел в рабочий контакт с Алатырским Советом рабочих и солдатских депутатов. Представители уездного крестьянского Совета вошли в состав земских и других органов местной администрации[153].

Создание Советов крестьянских депутатов крестьянскими съездами свидетельствовало, что в конструировании местной власти последние стремились к изменению не только содержательной (смещали уездных чиновников), но и формальной структуры власти: не доверяя администрации Временного правительства, тяготея к непосредственному представительству, составляющему суть соборности, крестьянство желало создавать свои собственные органы власти и управления.

Составной частью общедемократического национального чувашского движения явились чувашские военные организации. В период Первой мировой войны в армии оказалась значительная часть наиболее передовой, образованной прослойки чувашского населения; в тылу, в городах Поволжья, сосредоточивалось много запасных воинских частей. Они были укомплектованы главным образом новобранцами из местного населения. В одной только Казани в отдельные периоды военнослужащих чувашей насчитывалось свыше 5 тыс. чел.[154] После свержения царя проявлением развернувшегося в армии национально-демократического движения стало создание армейцами-чувашами своих военных организаций (комитеты, армейские и флотские землячества). Раньше других они возникли в Кронштадте, Казани. Вслед за ними в мае – июне 1917 г. национальные комитеты военнослужащих чувашей были организованы в Симбирске, Уфе, Белебее. К осени 1917 г. чувашские национальные военные организации были также зафиксированы в Бугульме, гарнизонах Оренбурга, Стерлитамака и Термеза (Туркестан)[155].

Чувашские военные объединения оказали заметное воздействие на общедемократическое национальное движение этноса. Они быстрее гражданских организаций реагировали на острые политические моменты, легче поддавались агитации политических партий. Политический радикализм чувашских военных организаций заметно выделял их среди других демократических общественно-политических объединений. По своей идейно-политической направленности они примыкали к левым партиям, прежде всего эсерам, а также к большевикам и анархистам.

Своеобразное место в армейской системе занимали землячества. В апреле 1917 г. организовалось Кронштадтское чувашское землячество из уроженцев Казанской губернии. Чувашским землячеством, а также всем союзом землячеств в Кронштадте руководил уроженец с. Ишаки Янгильдинской волости Козьмодемьянского уезда Александр Михайлович Халапсин – машинист аварийных сухих

доков военно-морского порта. Он же возглавлял крестьянскую секцию Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов. Оказавшись в гуще политической борьбы, землячества Кронштадта приняли активное участие в противоборстве с Временным правительством. Их члены использовались как агитаторы, направлялись в регионы России, где участвовали в образовании крестьянских комитетов, разрешении конфликтов, выступали в защиту демократических требований и завоеваний. По обобщенным данным, в мае 1917 г. из Кронштадта в родные края выехало около 600 агитаторов, а в последующие месяцы – по 400–500 балтийцев[156]. Известно, что в мае 1917 г. в родной Цивильск прибыл унтерофицер учебно-машинного отряда Балтийского флота, член Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов, левый эсер А.А. Рогожкин. Поскольку в Цивильске не было Совета рабочих и солдатских депутатов, он связался с Чебоксарским Советом, выступал на митингах[157]. Чувашское землячество на родине представлял и А.М. Халапсин, приехавший в начале июня 1917 г. в Чебоксары. Его деятельность доставила много хлопот местной власти. Используя мандат Кронштадтского Совета, он вмешивался в работу волостных комитетов общественной безопасности, продовольственных и других учреждений, настаивал на захвате помещичьей земли, проверял выдачу пособий солдатским семьям и т.д. В итоге агитационный вояж Халапсина закончился тем, что в начале июля 1917 г. по решению Чебоксарского уездного комитета общественной безопасности он был арестован за «оказание вредного влияния», выразившегося в разгоне 22 июня этого комитета[158]. Агитаторская деятельность чувашского землячества расшатывала устои Временного правительства, способствовала укреплению влияния левых радикальных партий. Как отмечала одна из поволжских газет, солдаты-агитаторы «по деревням... являются главными распространителями большевистских идей. Иногда они еще сами плохо знакомы с программой этой партии, но зато хорошо умеют сказать, что хотят большевики»[159].

Чувашские военные организации оказали заметное влияние на национальное движение этноса. Особую роль в этом отношении сыграл Чувашский военный комитет в Казани (иногда именуемый гарнизонным комитетом; первоначально, до начала мая, именовался Советом депутатов чувашских воинских чинов). Он стал центральной чувашской военной организацией. На его первом общем собрании, прошедшем 26 апреля 1917 г., присутствовали представители от чувашских военнослужащих 94, 95, 164, 240-го пехотных запасных полков и 2-й артиллерийской запасной бригады Казанского гарнизона. Позднее в комитет вошли представители 45-го пехотного запасного полка и 686-й пешей Казанской дружины. Цели и задачи чувашского военного комитета были определены в решениях организационного собрания Совета депутатов чувашских воинских чинов. Его участники приветствовали Февральскую революцию, Советы рабочих и солдатских депутатов как истинных представителей демократии и защитников ее интересов. В исполнительный комитет Совета депутатов воинских чинов избрали 13 чел., его председателем – поручика Скворцова[160].

Была выработана программа действий военной организации, которая предусматривала устройство в частях общих собраний и разъяснение чувашским солдатам вопросов текущего момента; создание агитационной комиссии для выступления перед чувашскими солдатами; выделение из состава исполкома комиссии по переводу на чувашский язык правительственных и губернских постановлений и

распоряжений; обращение к командующему Казанского военного округа с просьбой иметь в военном госпитале переводчика с чувашского; уравнение в правах членов исполкома Совета депутатов чувашских воинских чинов Казанского гарнизона с депутатами военных общественных организаций; посылку в чувашские селения агитаторами солдат-чувашей и т.д.[161]

Таким образом, создание военнослужащими-чувашами Казанского гарнизона своей военной организации в целом преследовала прежде всего задачи культурно-просветительской деятельности и агитации «в среде чуваш, как военных, так и сельских, с целью ознакомления их с фактами и событиями жизни нашей страны и разъяснения смысла и значения этих фактов и событий»[162]. В первые же месяцы своей деятельности Казанский чувашский военный комитет стал вести культурно-просветительскую работу среди соплеменников-военнослужащих, направлял агитаторов в чувашские селения для разъяснения крестьянам правительственных распоряжений, проводил сбор пожертвований среди солдат и офицеров в пользу газеты «Хыпар» и т.д.[163] Он принял решение об образовании переводческой комиссии при Чувашском военном комитете с целью «приступить к переводам брошюр и воззваний и всеми силами помочь» газете; в состав комиссии намеревались включить «наилучшие интеллигентские силы»[164].

Чувашские военные объединения взяли на себя роль кузницы кадров новой генерации национальных лидеров. В августе 1917 г. председателем Казанского чувашского военного комитета становится воспитанник Симбирской чувашской учительской школы, член Казанского Совета рабочих и солдатских депутатов и Казанского губернского Совета крестьянских депутатов фронтовик-артиллерист Александр Дмитриевич Краснов, его помощником – Лев Миронович Лукин (после октября 1917 г. оба левые эсеры); казначеем организации назначается сотрудница газеты «Хыпар», правый эсер А.Г. Гаврилова[165]. В состав Чувашского военного комитета Симбирского гарнизона вошли офицеры-эсеры Д.П. Петров и Г.Т. Титов[166]. Приход к руководству Казанским чувашским военным комитетом новых инициативных деятелей придал динамику военной организации. Была пересмотрена ее программа и принят специальный Наказ Казанскому чувашскому военному комитету. В нем в «интересах объединения... демократии всей страны и, в частности, чуваш» предусматривалось «всемерное содействие укреплению и организационному расширению завоеваний революции». Важнейшей задачей провозглашалось «содействие сознательному отношению к дисциплине и поднятию духа (солдат и офицеров. – *В.К.*) для боеспособности армии». Значительная часть Наказа касалась национальной проблематики: улаживание возможных инцидентов из-за незнания языка, урегулирование межнациональных отношений, намерение создать чувашские национальные роты в армейских частях, подъем культурного уровня чувашских солдат и населения и т.д. Серьезное значение придавалось подготовке выборов в Учредительное собрание[167]. Лидер Казанского чувашского военного комитета оказался в числе кандидатов национального списка.

Занимая левое крыло в чувашском общедемократическом национальном движении, национальные военные комитеты в первой половине 1917 г. своей деятельностью пробуждали национальное самосознание, формировали политический кругозор чувашских солдатских и крестьянских масс, достигая этих целей главным образом культурно-просветительскими средствами. Усиление политической и установление ведущей роли «солдатского фактора» в процессах национально-

демократического движения чувашского этноса произойдет уже в послеоктябрьский период.

Помимо военных комитетов, Советов, крестьянских съездов многообразие форм демократизации общественно-политической жизни в послефевральской России отражали и другие общественные организации – профсоюзы, различные корпоративные объединения. Активизировались профессиональные союзы. В промышленном Алатыре в профсоюзы объединились торгово-промышленные служащие, работники кооперативных обществ, кредитных товариществ, печатного дела и т.д. Путейцы Алатырского участка Московско-Казанской железной дороги создали свой районный железнодорожный комитет. В Ядрине возникли союзы рабочих и служащих предприятий Торгового дома «Братья Таланцевы» и др. Во всех уездах начали действовать союзы фельдшеров. Свои профсоюзы организовали земские служащие, почтово-телеграфные работники. В Цивильском уезде существовал союз строителей военных бараков на ст. Шихраны[168]. На территории Чувашии были восстановлены уездные организации Всероссийского учительского союза, которые имели городские и волостные отделения, а учительский союз Цивильского уезда имел национальные фракции. Из всех профессиональных объединений именно учительские союзы проявляли себя как наиболее активные субъекты демократизации общественно-политической жизни, занимаясь обновлением школы, пропагандой и политическим просвещением населения, делегируя своих представителей в органы местной власти, на крестьянские, национальные съезды и съезды Советов[169]. Немалая часть активистов Учительского союза вошла в число руководителей чувашского национального движения.

Несмотря на то, что разнообразные профессиональные объединения и союзы не ставили перед собой программных национально-политических задач, сосредоточивая внимание главным образом на защите профессиональных интересов, своей деятельностью они формировали социальное пространство для развития общественной и гражданской инициативы населения Чувашского края.

Создание новых общественных институтов, демократизация существующих органов власти и местного самоуправления сопровождались их «национализацией». В истории Российского государства представители коренного этноса впервые получили доступ к руководящим должностям местного уровня. Во главе уездных органов управления становились чуваши. С июня 1917 г. в Чебоксарском уезде все руководящие посты заняли чуваши: М.А. Алексеев стал уездным комиссаром, И.И. Данилов – председателем исполкома комитета общественной безопасности, Т.П. Прохоров – председателем уездной земской управы, С.Н. Роднов – начальником уездной милиции. Курс к национально-пропорциональному представительству определился и в других чувашских уездах. В июле 1917 г. в новый состав Цивильской уездной земской управы вошли 3 чуваша, один русский, и одно место было зарезервировано для представителя татарского населения уезда. Председателем управы был выдвинут чуваш – учитель П.И. Иванов. По итогам выборов в земское собрание 8 октября чуваши получили 33 места (60 %), русские – 11 (22 %), татары – 4 (8 %), другие национальности – 2 (4 %)[170]. Изменения в национальном составе произошли и в ядринских уездных органах управления. С июня 1917 г. в национальном отношении чуваши и русские были представлены в равном количестве в составе исполкома уездного комитета общественной безопасности. 15 июня 1917 г. чувашский эсер, поручик Е.А. Кузьмин был избран на должность уездного

комиссара, но вышестоящими ведомствами это постановление Ядринского уездного комитета общественной безопасности не было утверждено[171]. Осенние перевыборы гласных дали абсолютное большинство чувашам, и во главе Ядринской земской управы стал их представитель И.Г. Филиппов[172].

Представители чувашского этноса оказывались и в руководящих губернских и всероссийских выборных органах. Так, от Общества мелких народностей Поволжья Н.В. Никольский был избран гласным 98-го земского собрания Казанской губернии. В мае 1917 г. земское собрание избрало его в состав губернской земской управы, он стал заместителем председателя управы и заведующим отделом народного образования. В июне 1917 г. в связи с выбытием председателя управы на Никольского было возложено исполнение должности председателя губернской земской управы. Эту должность он занимал вплоть до ликвидации управы – до лета 1918 г.[173] На организационном собрании Казанского Совета рабочих и солдатских депутатов (8 марта 1917 г.) заместителем председателя Совета был избран С.И. Иванов, уроженец чувашской деревни Шербаши Тораевской волости Ядринского уезда[174]. Председателем Симбирского губернского исполкома Совета крестьянских депутатов стал Д.П. Петров, а членом исполкома этого же Совета – Г.Т. Титов[175]. Последний на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов (4–28 мая 1917 г.) был избран в исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов[176]. Высокую должность председателя Ярославского Совета рабочих и солдатских депутатов в марте 1917 г. занял Г.Ф. Алюнов[177].

Политические и гражданские свободы, провозглашенные Временным правительством, явились мощным стимулом для развития и укрепления многопартийности. Еще в годы Первой русской революции общественная система Чувашского края стала формироваться как многопартийная. В ней был представлен весь основной спектр политических партий – социалистического, либерального и консервативного толков. Кроме эсеров, в регионе имелись члены Партии конституционных демократов (известные представители – депутаты Государственной думы Д.А. Кушников и А.Л. Лунин), трудовики (депутаты Государственной думы Я.А. Абрамов, К.В. Лаврский, Л.В. Карташев, З.М. Таланцев – заместитель председателя фракции трудовиков в Думе, издатель ее печатного органа «Трудовой народ»), представители РСДРП (на территории Чувашии в разное время действовали социал-демократическая группа «Курмыш – Ядрин – Васильсурск», яльчикская группа социал-демократов Казанского окружного комитета во главе с А.А. Буйновским), движения черносотенцев. Организации и отделы черносотенцев в 1906 г. существовали в четырех уездах: Цивильском, Тетюшском, Козьмодемьянском и Ядринском. Общая их численность на территории современной Чувашии в 1916 г. достигала 468 чел.[178]

Февраль 1917 г. выдвинул на главные роли социалистические и либеральные партии. Кадетские организации оформились в городах Алатырь, Мариинский Посад и Ядрин. Возродилась алатырская группа Трудовой народно-социалистической партии. Ее представители были избраны в Алатырскую городскую думу и уездное земское собрание. Усилились позиции РСДРП. В торгово-промышленном Алатыре меньшевики оказывали существенное политическое влияние на местное общество. На начальном этапе деятельности Алатырского уездного Совета рабочих и солдатских депутатов председателем его исполкома был избран меньшевик М.Я. Житомирский[179]. Летом 1917 г. в Чувашии фактически появилась больше-

вистская группа. Вот что об этом писал секретарь Казанского комитета РСДРП(б) И.Н. Волков в письме от 3 июля 1917 г.: «2 июля состоялось губернское совещание. Были представители из Чебоксар, Ядрина, Свияжска. Совещание выяснило, что социал-демократические группы существуют у вас в Чистополе, в скором времени можно создать в Чебоксарах... В г. Ядрине, как выяснилось, подходящих социальных групп нет»[180].

В послефевральский период «звездный час» пережили чувашские эсеры. Весной – летом 1917 г. они организовались во всех уездных городах. 18 мая 1917 г. сформировался уездный комитет эсеров (интернационалистов) в Чебоксарах. Его возглавил председатель уездного комитета общественной безопасности Т.П. Прохоров. 28 июня 1917 г. по инициативе редактора «Цивильской народной газеты» А.С. Иванова была организована Цивильская партия социалистов-революционеров. В нее вошли бывший делегат Всероссийского съезда крестьянских депутатов от Казанской губернии, чувашский учитель А.Н. Никитин, служащий уездного земства Б.С. Маландин, учитель Н. Туймедов и др. 22 июня 1917 г. по почину участвовавшего в работе Ядринского уездного крестьянского съезда члена Казанского комитета эсеров К.А. Кишкина был организован Ядринский комитет партии эсеров. Его председателем стал Н.А. Лаврентьев. В организацию вошли активные члены крестьянского Совета С.Б. Борисов, И.Г. Филиппов, И.С. Юхтанов, А.И. Кортов и др. В 1917 г. сформировалась Алатырская эсеровская организация. Она была одной из наиболее влиятельных политических сил в городе и уезде. Ее члены занимали руководящие уездные должности: И.Ф. Павленко выдвигался председателем исполкома Алатырского Совета рабочих и солдатских депутатов, П.Н. Мошкин – заместителем председателя исполкома уездного Совета крестьянских депутатов, затем председателем Алатырской городской думы, А.А. Масленников руководил уездным профсоюзом труда; он же и Г.А. Горланов избирались делегатами Симбирской губернской конференции партии эсеров. Об авторитете партии социалистов-революционеров среди населения уезда свидетельствует и избрание П.Н. Мошкина депутатом Учредительного собрания от Симбирской губернии[181].

Эсеровские организации действовали и в других городах, центрах уездов, в которых имелись чувашские волости: в Буинске, Козьмодемьянске, Курмыше, Тетюшах.

В июне 1917 г. вновь была образована Чувашская организация партии социалистов-революционеров. Организационное собрание состоялось в Казани. На нем председателем областного комитета утвердили Г.Ф. Алюнова, его заместителем – И.В. Васильева, членами – А.В. Васильева, С.Н. Николаева, И.С. Сергеева, Д.П. Петрова, секретарем – А.П. Лбова. Чувашская организация партии социалистов-революционеров не входила в Казанскую губернскую организацию эсеров. Она была автономной и объединяла чувашей-эсеров Казанской, Симбирской, Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний[182]. В период после свержения самодержавия и фактически до первой половины 1918 г. эсеры являлись самой влиятельной и наиболее организованной политической силой в Чувашском крае. Они стояли во главе национального движения, под их руководством проходили национальные съезды чувашского народа, были образованы национальные организации. Чувашские эсеры входили в руководящий состав уездных органов власти, руководили крестьянскими съездами, Советами депутатов и национальными

военными организациями. Они сформировали национальный список кандидатов в депутаты Учредительного собрания.

В обстановке подъема этнических движений политические партии в своих программах, стратегии и тактике действий неизбежно должны были четко артикулировать свое видение и способы решения национальных проблем. Историк О.В. Волобуев в связи с позицией политических партий по национальному вопросу выделил три их типа. Первый – автономистский, или этнорегиональный, главным для которого было требование автономии в рамках Российского государства, преобразованного в демократическое или федеративное. Другой тип – этнократические партии, которые выдвигали требование создания независимого государства. К третьей группе историк отнес имперские (этноимперские) партии. К этому типу он причислял черносотенцев[183]. Исходя из классификации О.В. Волобуева, все политические партии и движения (за исключением черносотенцев), действовавшие в Чувашском крае, являлись автономистскими.

Идеологическая концепция черносотенного союза основывалась на лозунге «Россия для русских»; развитие национальных языков на государственном уровне считалось невозможным; уважение культуры и обычаев нерусских народов распространялось лишь на те из них, которые считали за благо «принадлежать к составу Русской империи»; лидеры союза отстаивали унитарную форму государственного устройства страны. Однако филиалы союза, действовавшие в Поволжье, вторя программным положениям центральных партийных органов, проявляли гибкость в «допущении национальных особенностей окраин». Они не исключали «употребление местных языков параллельно с государственным языком русских... в местных органах суда и управления», введение областной формы самоуправления, самоуправляющихся уездов и всесословных волостей, «могущих заменяться у инородцев более подходящими местными единицами»[184].

Социал-демократы разных направлений в первой половине 1917 г. не приветствовали федерацию, которая способствует сепаратизму, препятствует единству пролетариата, ослабляя его классовую борьбу разделением на нации. Большевистская программа по национальному вопросу была отражена в резолюции VII Всероссийской конференции РСДРП(б) (24–29 апреля 1917 г.). Резолюция исходила из того, что за «всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства». Однако тут же указывала, что вопрос «о праве наций на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент, он должен решаться в каждом отдельном случае «с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм». Партия большевиков выдвигала требование широкой областной автономии, отмены обязательного государственного языка, «определения границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т.п.». При этом большевики решительно отвергали «культурно-национальную автономию», поскольку она «искусственно размежевывает по принадлежности к той или иной „национальной культуре", т.е. усиливает связь рабочих с буржуазной культурой отдельных наций»[185].

В отличие от большевиков, меньшевики честно зафиксировали в программных документах свое негативное отношение к «сепаратистско-федералистским

стремлениям» и однозначно отстаивали идею «унитарной демократической республики». Партия меньшевиков отстаивала программу «широкой местной автономии». Это требование эклектично сочетало принцип «культурно-национальной автономии» с лозунгом областной автономии. В резолюции Объединительного съезда РСДРП по национальному вопросу (август 1917 г.) соединились требования территориальной автономии «для областей, отличающихся своим национальным составом» и хозяйственно-бытовыми условиями с провозглашением защиты прав национальных меньшинств на основе экстерриториальной культурно-национальной автономии[186].

Кадеты, так же как и социал-демократы, в своей программе предлагали не федерацию, а автономию, статус которой, в отличие от социал-демократов, они четко определяли. По этому вопросу на VIII съезде партии конституционных демократов в мае 1917 г. доклад сделал Ф.Ф. Кокошкин. Он предлагал отделить проблему «автономии» от «национального вопроса» и отмечал, что принципиально речь идет «не об автономии, построенной непременно на национальном разделении, а об автономии совершенно иного типа, чисто территориальной». Съезд кадетов принял резолюцию в духе этих предложений Кокошкина[187].

Эсеры на общепартийном съезде в начале июня высказались «за форму федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией». Однако это решение касалось не тогдашнего бытия России, а более отдаленных перспектив[188]. На таких же позициях стояли чувашские социалисты-революционеры и их областной комитет: в качестве своих программных целей летом 1917 г. они выдвигали лозунги демократической республики с перспективой преобразования ее в федеративное государство при наступлении соответствующих социально-политических условий, национально-культурной автономии для чувашей, пропорционально-национального представительства в выборных органах власти.

Трудовая народно-социалистическая партия, подобно эсерам предполагала строить федерацию из областных и национально-территориальных автономных единиц[189]. Но эта политическая организация не пользовалась успехом у избирателей и населения Чувашского края.

Созыв общечувашских национальных съездов, создание Чувашского национального общества, подготовка выборов во Всероссийское учредительное собрание. Их роль в процессах национальной консолидации и подъема общественно-политической активности народа

Процессы национального подъема, роста общественно-политической инициативы, кристаллизации национальных лидеров в послефевральский период в среде чувашского социума неизбежно ставили на повестку дня задачу проведения общечувашского национального форума, призванного сформировать стратегию национального возрождения и определиться с выбором идеологической платформы. Вопрос о его созыве обсуждался еще на I съезде мелких народностей Поволжья, на котором чувашские делегаты дали согласие созвать в Симбирске чувашский национальный съезд. Были проведены выборы организационного бюро по его созыву. О съезде известили все волости, где имелось чувашское население[190]. На съезд приглашались по одному делегату от волостей, от сель-

ских потребительских кооперативов, кредитных товариществ, солдат-чувашей поволжских гарнизонов, национальных и других общественных организаций, а также национальная интеллигенция без квоты[191].

Первый общечувашский съезд открылся 20 июня в Симбирске и продолжил работу до 28 июня 1917 г. Форум собрал национальных представителей со всех регионов с компактным этническим населением – из Казанской, Симбирской, Самарской, Уфимской и Саратовской губерний. На нем присутствовали 700–800 чел. – представители основных слоев чувашского общества (педагоги, священники, юристы, военнослужащие, крестьяне), различных общественных и профессиональных организаций, земских учреждений, чувашских военных организаций и «вообще все лица, стоящие близко к чувашскому народу и интересующиеся делом образования и просвещения его»[192]. На съезде были образованы четыре секции: социально-политическая, по народному образованию, церковная, издательская. Национально-политические и социально-экономические проблемы (форма государственного устройства страны, земельный, продовольственный вопросы, а также вопрос кооперации), организация местного самоуправления и судопроизводства были рассмотрены в рамках первой секции. По этим вопросам ее решения фактически полностью воспроизводили основные положения и дух резолюций Конгресса мелких народностей Поволжья. Общенациональный форум чувашей, так же как и съезд народностей Поволжья, признал «лучшей формой государственной организации» для страны федеративную республику, однако с учетом условий «политического момента» единогласно постановил, что Учредительному собранию следует установить демократическую республику с предоставлением самой широкой автономии: политической – «тем окраинам, которые имеют отдельное и обособленное историческое прошлое» и культурной – «всем мелким народностям». Съезд выступил за то, чтобы основные государственные законы закрепили за всеми народами свободу пользования родным языком и национально-культурного развития, и за «право, при наступлении соответствующих культурно-политических условий, на национальную автономию, основы которой должны быть выработаны согласно желанию и воле населения национальными представительными собраниями»[193].

Последняя формулировка весьма примечательна, ибо она свидетельствовала об эволюции взглядов в сторону признания делегатами общенационального форума принципа административно-территориальной автономии «для малых народов»[194]. Это же подтверждает и выраженная съездом необходимость «в целях национального объединения и строительства... при наступлении соответствующих политических и культурных условий, разграничения губерний, уездов и волостей и прочих административных и земских единиц согласно этнографическим границам расселения чуваш»[195].

На общечувашском съезде также были приняты решения, преследовавшие цели национальной консолидации, усиления этнической самоидентификации и воспитания чувства национального достоинства народа. Он выступил в защиту сохранения национальных обычаев и обрядов; счел нужным приступить к созданию национальной символики (флага и значка), установить «чувашский национальный праздник», организовать в Казани «Чувашский Национальный Дом», который должен был стать «инициативным и связующим центром культурной и национальной жизни чуваш», где м огли бы разместиться национальные издатель-

ства, типография, музей, библиотека, театр, клуб, проходить съезды и собрания. Форум выразил пожелание, чтобы были собраны материалы «о всех революционных деятелях из чуваш и составлена история участия чувашского народа в революционном и освободительном движении», он высказался за необходимость тесных координационных и культурных связей между всеми чувашскими организациями и чувашским населением, «рассеянными по отдаленным окраинам Сибири, Туркестана, Кавказа и пр.»[196].

В основу решений съезда по вопросам местного самоуправления были заложены идеи глубокого демократического начала при организации местной власти, приближения ее к населению, уменьшения бюрократизма. Они включали положения о немедленном введении волостных земств, предоставлении «земским единицам с однородным национальным составом населения право объединения в национальные земские союзы», о демократизации органов местного самоуправления на основе всеобщего равного, прямого избирательного права и тайного голосования и национально-пропорционального представительства «в местностях со смешанным составом населения»; расширении их самостоятельности и прав в отношении контроля над ведомствами и хозяйствующими субъектами на их территории; укреплении правовых начал местного самоуправления[197].

Постановление о местном суде содержало требование упразднения «дореволюционного типа местного суда», введения института выборных коллегиальных мировых судей и судопроизводства на чувашском языке, а в местностях «с преобладающим чувашским населением» – формирования состава суда «предпочтительно из чуваш» или во всяком случае знающих чувашский язык и «местные нравы и обычаи»[198].

Большое значение в контексте социально-экономических аспектов национальной жизни чувашского этноса, если принимать во внимание преимущественно сельский состав его населения и такую национальную особенность, «как бережное отношение к земле», имела резолюция съезда по земельному вопросу. По своему содержанию она полностью соответствовала эсеровской программе в аграрном вопросе и решениям Первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов (4–28 мая 1917 г.): окончательное решение земельного вопроса должно быть разрешено Учредительным собранием на основе обращения всей земли в общегражданское достояние без выкупа, пользование землей должно быть уравнительно-трудовым. Съезд видел общинную организацию почти единственным типом хозяйства среди чувашей, отрицательно отнесся к индивидуальным формам хозяйствования. Одновременно он высказался за «широкое распространение среди чувашского населения всех видов кооперативных товариществ и обществ»[199].

Одним из ключевых пунктов повестки дня в работе общечувашского форума стал вопрос о подготовке к выборам в Учредительное собрание, призванное установить основы конституционного, государственного и экономического строя страны, без «рассмотрения и санкции» которого невозможно было «удовлетворительное решение чувашского национального вопроса»[200]. Съезд решил, что «чувашам как нации необходимо всемерно стремиться к тому, чтобы иметь своих депутатов в Учредительном собрании, так как чувашские национальные интересы могут быть лучше и больше всего защищаемы только ими». Поэтому собрание представителей чувашского народа признало безусловно необходимым выступить в Казанской и Симбирской губерниях при выборах в Учредительное собрание с отдельным на-

циональным списком чувашских кандидатов в депутаты, не вступая в соглашения и блоки с политическими партиями. Съезд призвал «всех сознательных чуваш» пропагандировать, агитировать и голосовать за чувашский национальный список[201]. Был сформирован short list чувашских кандидатов в депутаты Учредительного собрания. Предварительно был определен список из 31 чел. Из них 13 отказались участвовать в рейтинговом голосовании. Из включенных в список 18 кандидатур съезд должен был оставить 12 чел., собравших наибольшее число голосов (выбирающих было 361 чел.). 26 июня комиссия по подсчету голосов объявила результаты голосования. 12 первых в порядке убывания числа полученных голосов должны были быть внесены в национальный список кандидатов, среди них: Николаев Семен Николаевич (юрист, прапорщик) – 211, Васильев Иван Васильевич (студент) – 208, Алюнов Гавриил Федорович (юрист, прапорщик) – 206, Исланкин Федот Борисович (финансовый служащий) – 186, Петров Дмитрий Петрович (студент, прапорщик) – 179, Никольский Николай Васильевич (приват-доцент) – 128, Афанасьев Петр Анисимович (преподаватель) – 115, Назарова Вера Петровна (преподаватель) – 98, Яковлев Алексей Иванович (преподаватель, сын просветителя И.Я. Яковлева) – 66, Сергеев Иван Сергеевич (преподаватель) – 62, Комиссаров Гурий Иванович (преподаватель) – 57, Иванов Антоний Семенович (священнослужитель) – 49 голосов[202]. Указанные лица проявили себя как активные и инициативные деятели чувашского национального движения, просвещения и культуры. Так, Н.В. Никольский, Г.Ф. Алюнов, С.Н. Николаев, И.В. Васильев играли ведущую роль в работе I съезда мелких народностей Поволжья и принятии им решений. И.В. Васильев был выбран редактором возобновившей в мае 1917 г. работу газеты «Хыпар». Г.Ф. Алюнов стал инициатором воссоздания чувашской партийной организации эсеров. Ф.Б. Исланкин был одним из главных организаторов созыва национального чувашского съезда. С.Н. Николаев председательствовал на общих собраниях и руководил работой социально-политической секции общечувашского съезда, а после его закрытия возглавил исполнительный комитет по изданию резолюций этого национального собрания[203].

Значительное место в работе общечувашского съезда заняло обсуждение деятельности церкви среди чувашского населения. На форуме была образована специальная церковная секция во главе с видным религиозным просветителем Д.Ф. Филимоновым. По итогам ее работы съезд принял резолюции «Об административной организации церкви», «О церковном богослужении», «О церковно-просветительных организациях». В них выставлялись требования: «иметь самостоятельных епископов из чуваш» и представителей чувашского духовенства и мирян при центральных епархиальных учреждениях, замещать должности церковнослужителей в чувашских приходах чувашами или же лицами, «обладающими хорошими знаниями чувашского языка», выделить чувашские приходы в особые благочинные округа, совершать богослужение и требы в чувашских приходах «исключительно на чувашском языке», учредить церковноприходские библиотеки с книгами религиозно-нравственного содержания на чувашском и русском языках[204]. По сути, в решениях чувашского съезда речь шла не просто об адаптировании деятельности церкви к национальным особенностям прихожан, но и о перестройке ее организационных структур на «национальных основах» (создание самостоятельного чувашского епископата, особых благочинных округов из чувашских приходов).

Выдвигая на первый план достижение целей культурно-национальной автономии, съезд одной из ведущих в своей работе считал культурно-просветительскую проблематику: рассмотрение вопросов о национальной школе, о языке преподавания, об учащихся начальной школы, управлении чувашскими начальными школами, о чувашских учительских семинариях и институтах, средней школе для чувашей, о профессиональном образовании, внешкольном образовании, издательском деле и проч. Прозвучали, в частности, пожелания, чтобы языком преподавания в чувашской начальной школе во все годы обучения являлся родной язык, в то же время и русский язык преподавался с первого класса. Признали нужным учредить центральный орган для руководства делом образования и просвещения чувашей; в местностях с чувашским населением, в земских органах организовать отделы по школьному образованию чувашей; открыть чувашские учительские семинарии в Бугульме, Уфе, Буинске, Чебоксарах, Чистополе, Тетюшах и Ядрине; преобразовать Шихранскую учительскую семинарию в чувашскую; в учительских институтах в Самаре, Казани, Саратове и Уфе для студентов-чувашей ввести преподавание чувашского языка, истории, географии и этнографии народа; в местах компактного проживания чувашей открыть сельскохозяйственные и фельдшерские школы, развивать сеть библиотек, народных домов, лекционных курсов, организовать особые отделы по внешкольному образованию; увеличить издание учебников, книг и брошюр политического содержания, научно-популярной литературы на чувашском языке, учредить издательскую комиссию и типографию; составить библиотеку «Чувашин», в которую собрать всю имеющуюся литературу о народе и издания на чувашском языке[205].

I общечувашский съезд завершил работу 28 июня созданием Чувашского национального общества (ЧНО) как центральной чувашской организации. Он избрал правление Общества в следующем составе: В.Н. Орлов, В.А. Никаноров, Я.З. Захаров, С.М. Максимов, кандидатами в члены правления стали Н.Ф. Некрасов и В.Н. Никифоров, а также была избрана ревизионная комиссия ЧНО. В основном в правление ЧНО были избраны симбирские чуваши, главным образом преподаватели Симбирской чувашской учительской школы[206].

Состоявшийся в Симбирске чувашский съезд стал первым общенациональным форумом. Он декларировал необходимость самоопределения народа в виде культурной автономии и наметил пути осуществления через всестороннее развитие национального образования и культуры, консолидацию национальной интеллигенции, перестройку духовно-религиозной жизни «на национальных началах». Собрание чувашского народа выдвинуло национально-политические задачи развития этноса: создание общенациональных земских и кооперативных объединений, поддержка Временного правительства на основе идеологической платформы партии эсеров, участие в выборах Учредительного собрания с «отдельным национальным списком чувашских кандидатов в депутаты».

Проведение первого общечувашского форума знаменовало собой организационную дифференциацию этнического движения немусульманских народов Поволжья и Приуралья. Чувашский конгресс открыл череду национальных съездов: 14 июля 1917 г. прошел съезд удмуртов в Глазове, 15–20 июля 1917 г. – Всероссийский съезд мари в Бирске. Несмотря на это, 1–4 августа 1917 г. в Казани состоялся II съезд мелких народностей Поволжья с участием около 100 делегатов, на котором завершилась формализация структур этой организации[207]. В связи с

появлением национальных объединений было решено преобразовать Общество в Союз мелких народностей Поволжья. Председателем правления был вновь избран Н.В. Никольский. На съезде утвердили устав Союза, который ставил «целью объединить народные силы – чуваш, мари, мордвы (эрзи-мокши), вотяков, зырян, пермяков, калмыков, крещеных татар и др. для проведения в жизнь на основах новой гражданской жизни и национальных особенностях каждой народности задач политических, экономических, социальных, культурно-просветительных и религиозных»[208]. В уставе были сформулированы задачи Союза в политической области: содействовать насаждению и укреплению в России «свободного, демократического и правового строя», учитывающего права отдельных народов и защищающего интересы национальных меньшинств; способствовать осуществлению национального самоопределения мелких народностей (подразумевалась национально-культурная автономия: языковое равенство в школе, церковной жизни, книгоиздательском деле, учреждениях местного самоуправления); требовать национально-пропорционального представительства в государственных органах и органах местного самоуправления и пропорционального распределения финансовых и других средств, выделяемых на нужды мелких народностей. В социальной сфере ставились задачи: добиваться равноправия полов в сферах общественной жизни, признания национально-бытовых особенностей мелких народностей. В экономической области первоочередными целями Союза провозглашались разрешение земельного вопроса в интересах трудящегося народа, распространение среди народностей Поволжья и Приуралья всякого рода кооперативных объединений, развитие промышленности, ремесел и кустарных промыслов. В культурно-просветительской сфере предусматривалось содействовать всемерному подъему школьного, внешкольного и профессионального образования народов, общему и нравственному воспитанию их, изданию и распространению национальной литературы[209].

Помимо организационных, II съезд мелких народностей Поволжья рассмотрел вопросы просветительского характера, о выборах в Учредительное собрание, доклад военной комиссии и ряд других. Самым важным явился вопрос о выборах в Учредительное собрание. Конгресс постановил: народы Поволжья и Приуралья на выборах во всероссийский парламент участвуют со своими национальными списками; в тех избирательных округах, где из-за малочисленности этническое население не имеет возможности самостоятельно провести своего кандидата в Учредительное собрание, составляется объединенный список национальных кандидатов[210]. По докладу военной комиссии съезд рекомендовал создать при штабе командующего войсками Казанского военного округа коалиционный военно-исполнительный комитет, включив в этот орган для защиты интересов нерусских солдат и проведения культурно-просветительской работы среди них представителей национальностей. Его задачами должны были стать составление списков лиц, «принадлежащих к мелким народностям Поволжья, с указанием частей, в которых они служат», распространение грамотности и литературы среди них, разрешение конфликтных ситуаций и т.д.[211]

По вопросам народного образования межнациональный региональный форум принял решение добиваться организации комитетов по народному образованию – государственного, губернских и уездных. Предполагалось в общегосударственный комитет включить представителя от каждого народа, губернские и уезд-

ные комитеты по народному образованию сформировать на национально-пропорциональной основе. Съезд высказался за реорганизацию Казанской мужской учительской семинарии в культурно-просветительский центр для народов Поволжья, а также за то, чтобы преобразовать национальные учительские семинарии: Шихранскую в чувашскую, Бирскую в черемисскую, Глазовскую в вотскую; Казанскую церковно-учительскую школу в крещенотатарскую учительскую семинарию; открыть учительские семинарии для удмуртов в Сарапуле, мордвы – в Ардатове и Арапове, для чувашей – в Уфе[212].

Конгресс народов Поволжья и Приуралья завершил свою работу принятием воззвания «Свободным гражданам великого Отечества – братьям чувашам, мари, эрзе, мокше, вотякам, зырянам, пермякам и друг.», в котором звучал призыв: «Мы, мелкие народности, имея счастье быть сынами великой России, должны всячески содействовать процветанию нашей Родины»; «стать просвещенными и образованными, слабые – сильными... чтобы Родина, отныне не мачеха, а любящая мать, имела право гордиться нами, ее сынами, а не пасынками, как было доныне»; объединить усилия народов региона для сохранения и развития национальной самобытности; создавать общества, союзы «местные, уездные, губернские как отдельно по национальностям, так и общие для живущих вместе народностей»[213]. Факт избрания от Союза мелких народностей Поволжья делегатом на Всероссийское государственное совещание, созываемое в середине августа в Москве, Г.Ф. Алюнова[214] свидетельствовал о высоком авторитете и доминирующей роли чувашских деятелей среди лидеров национального движения в Поволжье и Приуралье. Об этом говорило и утверждение Н.В. Никольского председателем правления Союза мелких народностей Поволжья и поддержка его кандидатуры на должность директора Казанской учительской семинарии большинством делегатов съезда (он получил 68 голосов, Н.А. Бобровников – 8, П.А. Афанасьев – 7, Н.И. Ашмарин – 15)[215].

II конгресс мелких народностей Поволжья, организационно оформив общеэтническое движение поволжских народов, в то же время явился важным событием в структурировании чувашского национального движения. В дни работы съезда состоялось общее собрание чувашских делегатов и представителей чувашей-солдат военных гарнизонов Казани, на котором были рассмотрены актуальные вопросы национальной жизни: о приобретении в Казани здания для Чувашского национального дома, обсуждена возможность участия в выборах в Учредительное собрание со своими национальными списками не только в Казанской, но и в Симбирской губерниях и в связи с этим желательность созыва очередного общечувашского съезда, а также вопрос о переизбрании ввиду бездействия правления Чувашского национального общества[216]. В его новый состав вошли Г.Ф. Алюнов, И.В. Васильев, Н.В. Никольский, студент А.В. Васильев, священник А.В. Рекеев и сотрудница газеты «Хыпар» А.Г. Гаврилова – представители чувашских националов, группировавшихся в Казани. И таким образом лидерство в новом правлении ЧНО перешло от «симбирских» к «казанским» чувашам. На первом заседании правления ЧНО председателем избрали А.В. Васильева, секретарем – А.Г. Гаврилову; кандидатами в члены правления названы чувашские предприниматели И.С. Баймеков и В.И. Эсливанов[217].

Смена руководящего состава Чувашского национального общества – приход в его правление политиков – сказалась на содержании деятельности ЧНО. Возник-

шее на почве объединения деятелей просвещения и культуры главным образом для культурно-просветительской работы Общество начало позиционировать себя в качестве олицетворения общенациональной воли в решении всех вопросов, в т.ч. политических. Так, к политическим целям общества относились поддержка Временного правительства до установления Учредительным собранием нового государственного строя на началах народовластия, участие через представителей Общества в различных государственных и общественных органах и организациях, содействие политическому воспитанию народа. В сферах культурно-просветительской и религиозно-нравственной целями ЧНО являлись развитие школьного, внешкольного и профессионального образования чувашей, содействие осуществлению бесплатного среднего и установлению общедоступного высшего образования, учреждение централизованного административного органа для руководства делом образования и просвещения чувашей и специализированных чувашских учебных заведений, религиозно-нравственное воспитание народа[218]. Являясь по сути либерально-демократическим движением, не оформившимся в партию, ЧНО в идейно-политическом отношении стояло на платформе правых эсеров, в своей национальной программе – на принципах национально-культурной автономии. Располагая разветвленной сетью филиалов в губернских центрах – Симбирске, Самаре, Уфе и Оренбурге, а также в уездных городах – Чебоксарах, Цивильске, Буинске, Тетюшах, Чистополе, Белебее, Стерлитамаке, Бугульме, Златоусте и других местах, издавая с 10 августа 1917 г. газету «Хыпар», ЧНО стало фактически монопольным организатором общественного мнения чувашского социума и поддерживалось большинством чувашской интеллигенции и духовенства[219].

Август – осень 1917 г. – пора интенсивной работы правления ЧНО по укреплению доминирующей роли в национальном движении, где первейшей задачей стала подготовка к выборам в Учредительное собрание. На заседании правления 5 августа были составлены предварительные национальные списки для Казанской и Симбирской губерний из числа намеченных на Общечувашском съезде кандидатур. Они располагались в таком порядке: по Казанской губернии – С.Н. Николаев, И.В. Васильев, Г.Ф. Алюнов, П.И. Иванов (предложен из Цивильского уезда взамен выбывшего Д.П. Петрова), Н.В. Никольский, И.С. Сергеев и Г.И. Комиссаров; по Симбирской губернии – те же С.Н. Николаев и Г.Ф. Алюнов, далее Ф.Б. Исланкин, П.А. Афанасьев, В.П. Назарова, А.И. Яковлев и А.С. Иванов[220]. Обсуждение кандидатур в депутаты Учредительного собрания происходило и другими национальными общественными объединениями. Как пишет А.Д. Краснов, предварительный список кандидатов в депутаты Учредительного собрания был выдвинут на Казанском чувашском гарнизонном собрании военнослужащих. В результате обсуждений в него вошли А.Д. Краснов, Г.Ф. Алюнов, И.В. Васильев, С.Н. Николаев, С.П. Павлов. Собрание военнослужащих отвергло предложенные И.В. Васильевым «как чувашских светил» кандидатуры В.П. Назаровой, Г.И. Комиссарова, Н.В. Никольского, поскольку не нашло их «революционными фигурами» для «столь важного учреждения»[221].

На 28 сентября был назначен созыв II Общечувашского национального съезда, для обсуждения на котором выносился лишь один вопрос: о выборах в Учредительное собрание[222]. Съезд собрался в назначенный день и продолжался до 30 сентября. В Казань прибыли 169 делегатов с решающим голосом и около

200 чел., получивших право совещательного голоса. Были представители со всех концов России, преимущественно крестьяне и военнослужащие[223]. Председателем съезда был избран С.Н. Николаев, его заместителями – И.С. Сергеев и А.В. Васильев[224]. Главным на общенациональном форуме был вопрос о том, выступать чувашам при выборах в Учредительное собрание с национальным списком или иными списками. Представитель Казанского губернского комитета партии социалистов-революционеров Н.И. Строганов, даже не поприветствовав участников съезда, обратился к ним с призывом не выставлять особого национального списка, а троих представителей включить в общий список Казанского губернского Совета крестьянских депутатов и Казанских губернского и городского комитетов партии эсеров. Он заявил, что четыре или пять представителей от чувашей «все равно ничего не сделают в Учредительном собрании», и предупредил о дисциплинарных мерах воздействия на чувашскую организацию через ЦК вплоть до исключения ее из партии эсеров. Его речь на съезде вызвала протест, решительный и единодушный отпор. Участники съезда усмотрели в ней «недоверие к умению чуваш выбирать достойных представителей и поползновение опекать чуваш». Выступившие вскрыли необоснованность обвинения чувашской организации партии эсеров в нарушении партийной дисциплины, ибо комитет чувашской организации партии социалистов-революционеров является областным, «центральным для чувашей всех местностей» и, значит, не подчинен губернскому и «имеет право выступать со своим списком». Они отметили, что делегаты съезда, представляющие чувашское крестьянство, наметят кандидатов в депутаты Учредительного собрания из социалистов-революционеров и «из близко к ним примыкающих». Указали, что запрет выступать с национальным списком не соответствует идеологии и противоречит основным положениям программы партии эсеров – об уважении к личности и нации и о принципе самоопределения народов[225].

По окончании прений съезд вынес резолюцию. Принимая во внимание, 1) что во Всероссийском учредительном собрании национальный вопрос «будет решен в полном объеме», 2) «нужды чуваш в полной мере могут быть известны только лицам, вышедшим из среды самих чуваш», 3) чувашский народ располагает в достаточном количестве политическими и деятелями культуры, 4) организационным бюро съезда по всем пунктам достигнуто полное соглашение с чувашскими военными организациями и чувашской организацией партии социалистов-революционеров, второй общенациональный форум постановил: на выборах во Всероссийское учредительное собрание по Казанскому, Симбирскому и Самарскому избирательным округам «выступать с самостоятельным национальным списком, который поддерживать всеми силами»[226].

На утверждение съезда для включения в национальный список выдвинули 17 кандидатур. В результате обсуждения большинством голосов в него были внесены следующие кандидатуры: Г.Ф. Алюнов – прапорщик, присяжный поверенный, председатель комитета Чувашской организации партии социалистов-революционеров, член правления ЧНО, член Всероссийского демократического совещания, член Временного совета Российской республики; И.В. Васильев – студент Константиновского межевого института, товарищ председателя комитета Чувашской организации партии социалистов-революционеров, товарищ председателя правления ЧНО, член редакции газеты «Хыпар»; С.Н. Николаев – прапорщик, кандидат судебных должностей, член полкового суда, товарищ предсе-

дателя Симбирского Совета солдатских депутатов, член комитета Чувашской организации партии эсеров, мировой судья; А.Д. Краснов – военнослужащий, председатель Казанского чувашского военного комитета, член Казанского Совета солдатских и крестьянских депутатов, член Чувашской организации партии социалистов-революционеров; И.С. Сергеев – председатель Чебоксарской уездной земской управы, член комитета Чувашской организации партии социалистов-революционеров, член Всероссийского демократического совещания; Д.П. Петров – прапорщик, студент Московского университета, журналист, секретарь комитета Чувашской организации партии социалистов-революционеров, председатель Симбирского губернского Совета крестьянских депутатов; С.П. Павлов – студент Казанского университета, член Казанской губернской земской управы, член партии социалистов-революционеров. Все кандидаты – выходцы из крестьян и, кроме А.Д Краснова, бывшие учителя. Комментируя итог работы II Общечувашского национального съезда, «Крестьянская газета» писала: «Чувашская нация показала, что она в целом вполне сознательно относится к текущему политическому моменту и стоит на высоте требований нового государственного и национального строительства»[227].

II общечувашский съезд завершил череду национальных и региональных форумов 1917 г., на которых, как писал спустя год Г.И. Комиссаров, не было места идее «партийного сепаратизма и ненависти ко всем инакомыслящим» и которые отличались тем, что «ставили себе задачи общенародные, но не партийные, а потому на этих съездах можно было наблюдать трогательное единение всех общественных элементов собравшихся народностей: и простого крестьянства, и рабочих, и военных, и светской интеллигенции, и духовенства»[228].

Свидетельством консенсуса основных общественно-политических сил в Чувашском крае по вопросу о выборах в Учредительное собрание явились и решения Объединенного демократического совещания Чебоксарского уезда, созванного по примеру Всероссийского демократического совещания (состоялось 14–27 сентября 1917 г. в Петрограде) 10 октября 1917 г. в Чебоксарах уездным комиссаром Временного правительства М.А. Алексеевым по инициативе руководителей чувашских эсеров и ЧНО. В нем участвовали представители Чувашской организации партии социалистов-революционеров, ЧНО, уездного земства, городской думы, Чебоксарского Совета рабочих и солдатских депутатов, профсоюзов, волостей. Президиум совещания составили: М.А. Алексеев (председатель), Г.Ф. Алюнов, С.Н. Николаев, Т.П. Прохоров, И.В. Васильев, И.С. Сергеев. На повестке дня стояли вопросы о доверии к Временному совету Российской республики, об Учредительном собрании и агитации за чувашских кандидатов в члены Учредительного собрания. Совещание приняло решение «при выборах членов Учредительного собрания всему населению уезда голосовать за список чувашских военных организаций и чувашского национального съезда в г. Казани от 28–29 сентября»[229]. Оно также постановило «признать обязательным для Чебоксарского уезда законы и распоряжения, издаваемые Временным правительством, а на местах органами местного самоуправления, никакие постановления других организаций не признавать»; прекратить всякую классовую и партийную борьбу, забыть ссоры и споры и объединиться для спасения родины»[230].

Национальный список кандидатов в депутаты Учредительного собрания, утвержденный общечувашским форумом, в Казанской губернии был зарегистри-

рован под № 1 – «Список полномочного общечувашского национального съезда, чувашских военных комитетов и чувашской организации партии социалистов-революционеров». В нем фигурировали 6 лиц – все кандидатуры, названные съездом, кроме Д.П. Петрова[231]. Последний вместе с Г.Т. Титовым вошли в общий крестьянский и эсеровский список Симбирской губернии, который Симбирской окружной избирательной комиссией был зарегистрирован под № 2 как «список крестьянских депутатов и социалистов-революционеров». Д.П. Петров, председатель исполкома Симбирского губернского Совета крестьянских депутатов, числился в списке первым, Г.Т. Титов, член ЦИК Совета крестьянских депутатов, – вторым. Специально к выборам в Учредительное собрание Симбирским губернским Советом крестьянских депутатов и Симбирским губернским комитетом партии социалистов-революционеров было приурочено издание газеты на чувашском языке «Самана» (Эпоха) (вышли 2 номера)[232].

В соответствии с решениями Общечувашского съезда, национальный список был выставлен по Казанской, Симбирской, Самарской и Уфимской губерниям[233], фактически с теми же кандидатами, что и в Казанской губернии. По Самарской губернии он получил регистрационный № 8 (Н.В. Никольский, И.В. Васильев, Г.Ф. Алюнов), по Симбирской губернии – № 12 (6 кандидатов)[234].

В ходе голосования в Учредительном собрании, в ноябре–декабре 1917 г. около 39,5 % голосов получили эсеры, 22,5 % – большевики, 4,5 % – кадеты, 3,2 % – меньшевики, 0,9 % – народные социалисты, 14,5 % – национальные партии социалистического толка, 9,6 % – национальные списки[235]. Из 12 мест, выделенных в Учредительное собрание по Казанской губернии, по данным газеты «Хыпар», чувашский национальный список, собрав почти 190 тыс. голосов (в т.ч. в Цивильском уезде – 60 512, в Ядринском – 49 865, в Чебоксарском – 44 655, в Тетюшском – 14 365, в Чистопольском – 12 196, в Козьмодемьянском – 7 376, в Спасском – 3, в Свияжском – 444, в Мамадышском – 48, в Царевококшайском – 169), завоевал 3 мандата*. В Учредительное собрание по списку № 1 прошли Г.Ф. Алюнов, И.В. Васильев, С.Н. Николаев. Татарские националы получили 4 мандата, список № 11 Казанской губернской организации партии социалистов-революционеров и Казанского губернского Совета крестьянских депутатов – 4 мандата, список № 7 Казанской организации Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) – 1 мандат. В Казанском избирательном округе участвовало в голосовании всего 831 950 чел.[236] В Симбирской губернии по общегубернскому крестьянскому и эсеровскому списку прошли Д.П. Петров и Г.Т. Титов. Выставленные по Симбирской, Самарской, Уфимской губерниям чувашские национальные списки собрали недостаточное для делегирования депутатов число голосов[237].

В общем же, итоги выборов во Всероссийское учредительное собрание свидетельствовали о большом успехе ЧНО, достаточно высоком уровне этнического самосознания, национальной консолидированности и электоральной активности чувашского избирателя. (К примеру, в ряде волостей Чебоксарского уезда в выборах приняли участие до 97 % избирателей, а на одном избирательном участке – 100 %[238]. В общероссийский парламент прошли 5 чувашей (в целом его наци-

* В сборнике документов «Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии» дается другая цифра – за список № 1 подано 226 496 голосов. Чебоксары, 1957. С. 380.

ональный состав выглядел следующим образом: 372 великоросса, 138 украинцев, 81 еврей, 18 казаков, по 16 армян и белорусов, 15 латышей, 14 поляков, 12 грузин, по 11 азербайджанцев и башкир, 10 татар, 9 эстонцев, 8 узбеков, по 5 немцев и молдаван и т.д.)[239]. Однако поворот к парламентаризму в России так и не произошел. Открывшееся 5 января 1918 г. Учредительное собрание было разогнано пришедшими к власти большевиками. Как вспоминал С.Н. Николаев, он даже не успел приехать в Петроград и принять участие в открытии всероссийского парламента[240].

Временное правительство так и не сумело наладить взаимодействие с обществом и решить ключевые проблемы российской действительности, в том числе и в сфере национальных отношений. Декларируя отмену национальных и вероисповедных ограничений, оно медлило с решением проблемы в целом, скованное великодержавными традициями – стремлением к сохранению целостности бывшей империи и обязательством не предрешать волю Учредительного собрания в вопросах государственного устройства России. Как следствие названных причин, в стране происходили радикализация общественно-политических настроений, нарастание конфликтности, усиление позиций РСДРП(б) в обществе.

Литература и источники

[1] *Иванов В.П.* Чувашский этнос. Чебоксары, 1998. С. 100.

[2] Там же. С. 100, 298.

[3] *Комиссаров Г.И.* Чуваши Заволжья // ИОАИЭ. Казань, 1911. Т. 27, вып. 5. С. 311–312.

[4] Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям: учеб. пособие для учащихся / сост. Д. Семенов. Т. 5. Великорусский край. СПб.; М., 1869. С. 233.

[5] *Мыльников А.С.* Типология национальных движений в Европе XIX–XX вв. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 133.

[6] Цит. по: *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 5. С. 131.

[7] *Волхонский М.А.* Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы Первой русской революции // Отечественная история. 2005. № 5. С. 48.

[8] *Петров Д.П.* Чувашия. М.; Л., 1926. С. 50.

[9] *Юман М.* Суйласа илнисем. Шупашкар, 1997. С. 377. Пер.: Леонтьев А. Провозвестник чувашской печати // ЛИК, 2005. № 4. С. 102.

[10] *Булдаков В.П.* Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29.

[11] *Изоркин А.В.* О деятельности Чувашской организации партии социалистов-революционеров в 1903–1910 гг. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Чебоксары, 2001. Вып. 2. С. 96.

[12] *Макаревский В.В.* Политическая и социальная деятельность чувашских организаций партии социалистов-революционеров (1904–1918). Чебоксары, 2008. С. 5.

[13] *Изоркин А.В.* О деятельности Чувашской организации... С. 96–97.

[14] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 5.

[15] *Изоркин А.В.* О деятельности Чувашской организации. С. 107.

[16] Там же. С. 120–121.

[17] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 7–9.

[18] Волжский вестник, 1906. 5 августа; *Александров Г.А.* Чувашская интеллигенция в годы Первой русской революции // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 143.

[19] Устав кружка деятелей по образованию чуваш: утв. общ. учред. собр., состоявшимся в г. Симбирске 1–2 августа 1906 г. Казань, 1906. С. 3.

[20] *Петров Д.П.* Чувашия. С. 53–54.

[21] См.: Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905–1907 годов: документы и материалы, Ульяновск, 1955. С. 60; Национальные движения в период первой революции: сборник документов из архива быв. Департамента полиции / сост. И.Д. Кузнецов. Чебоксары, 1935. С. 290.

[22] Очерки по истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1985. С. 241.

[23] *Симулин А.М.* Всероссийский крестьянский союз // Чувашская энциклопедия. Т. 1. С. 367.

[24] Национальные движения в период первой революции... С. 305–306.

[25] *Д.Ф.* Патшалăха тытса тăрас йĕрке // Хыпар. 1906. 26 февраля.

[26] Словаксен ĕмĕчĕ // Хыпар. 1906. 23 апреля.

[27] НА ЧГИГН. Отд. II Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 24–25; *В. Тимофеев хресчен.* Пĕрпĕрĕмĕре пулăшса тăрар // Хыпар. 1906. 15 января; «Хыпар» çинчен савăнса калаçнипе чăвашсене пысăк пуху тума кирли çинчен // Хыпар. 1906. 26 февраля.

[28] *Никифоров И.Н.* Зарождение чувашской революционно-демократической печати. Чебоксары, 1971. С. 101, 106.

[29] *Игнатьев С.И.* Патшалăхсене тытса тăмалли майсем. Казань, 1906. 21 с.

[30] *Никифоров И.Н.* Указ. соч. С. 107–108, 110–111.

[31] *Гусаров Ю.В.* Первые парламентарии Чувашии (К.В. Лаврский, Я.А. Абрамов) // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья: сб. ст. Чебоксары, 2008. С. 224–225.

[32] Там же. С. 226.

[33] *Гусаров Ю.В.* Общественно-политические деятели Чувашии начала XX века А.Ф. и П.А. Федоровы // Личность, общество, власть в истории Чувашии, XX век: сб. ст. Чебоксары, 2007. С. 13.

[34] *Гусаров Ю.В., Герасимова Н.В.* Дмитрий Алексеевич Кушников // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 16.

[35] *Изоркин А.В.* Известный демократ// Их имена останутся в истории. Чебоксары, 1993. Вып. 1. С. 24.

[36] *Бобровников Н.* Средневолжский и Приуральский штат // Казанское слово. 1918. 3 марта (18 февраля). № 40.

[37] *Гусаров Ю.В.* Юхтанов Алексей Степанович // Чувашская энциклопедия. Т. 4. С. 700.

[38] *Хузангай А.* Новая трактовка истории чувашского слова // ЛИК. 2006. № 2. С. 71.

[39] *Петров Д.П.* Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань, 1921. С. 23.

[40] ГАСИ ЧР. Ф.-П. 1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 2, 48.

[41] Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. Сост. Кондратьев А.А. Уфа, 1999. С. 82–85.

[42] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 523. Инв. № 5777.

[43] *Зорин В.Ю.* К вопросу об этноконфессиональном компоненте внутренней политики России начала XX века // Отечественная история. 2003. № 5. С. 109.

[44] *Жданова И.А.* Проблема федеративного устройства государства в Февральской революции 1917 г . // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 17; *Сенцов А.А.* Национально-государственное устройство России накануне Октября 1917 г. // Советское государство и право. 1990. № 11. С. 121, 123.

[45] Цит. по: *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель. Чебоксары, 2002. С. 49.

[46] Малые народности России // Камско-волжская речь. 1917. 23 марта. № 65. С. 2.

[47] Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. С. 109.

[48] *Леонтьев А.* Провозвестник чувашской печати // ЛИК. 2005. № 4. С. 129.

[49] *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель. С. 50.

[50] *Иванов В.П., Изоркин А.В.* Союз мелких народностей Поволжья (1917–1918 гг.) – редкий пример религиозной межэтнической консолидации и самоорганизации // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского. С. 270–271.

[51] НА ЧГИГН. Отд. II Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 175.

[52] Там же. Л. 184.

[53] Съезд представителей мелких народностей России // Камско-волжская речь. 1917. 17 мая.

[54] Протокол общего собрания съезда мелких народностей Поволжья. Казань, 1917. С. 3–4.

[55] Там же. С. 6.

[56] Там же. С. 6–7.

[57] Там же. С. 7–8.

[58] Там же. С. 9.

[59] Там же. С. 8.

[60] Там же. С. 9.

[61] Там же. С. 9–10.

[62] Протокол общего собрания съезда мелких народностей Поволжья. Казань, 1917.С. 10.
[63] Там же. С. 11.
[64] Там же. С. 12.
[65] Там же.
[66] Там же. С. 12–13, 14, 15.
[67] Там же. С. 30, 36–47.
[68] Там же. С. 42–44.
[69] Там же. С. 23–28
[70] Там же. С. 18–20.
[71] Там же. С. 21.
[72] Цит. по: *Леонтьев А.П.* «Хыпар»: минувшее и настоящее: факты, события, личности, судьбы. Чебоксары, 2011. С. 320.
[73] *Жданова И.А.* Указ. соч. С. 23.
[74] НА ЧГИГН, Отд. I. Ед. хр. 287. Л. 391.
[75] *Милли А.* Уфари (Ĕпхӳри) чăваш халăхĕн ушкăнĕ çинчен // Хыпар. 1917. 13 июня. № 11.
[76] *Комиссаров Г.И.* О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма. Чебоксары, 2003. С. 432.
[77] Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. С. 326.
[78] Там же. С. 327.
[79] *Милли А.* Уфари (Ĕпхӳри) чăваш халăхĕн ушкăнĕ çинчен.
[80] *Немцева Т.В.* Национальное движение чувашского народа: исторический опыт создания государственности (1917–1925): дис. ... канд. ист. наук. Л. 75 .
[81] *Комиссаров Г.И.* О чувашах ... С. 433; Ĕпхӳ (Уфа) хулинче пулнă кĕпĕрнери чăвашсен пирвайхи пуххи (съезд) çинчен // Хыпар. 1917. 27 июня. №15.
[82] Там же.
[83] *Немцева Т.В.* Некоторые особенности становления чувашского национального движения // Российская цивилизация в условиях трансформации: региональный аспект: сб. науч. тр. Чебоксары. 2003. С. 175–176.
[84] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 197–198.
[85] Там же; *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 52.
[86] *Немцева Т.В.* Национальное движение чувашского народа. Л. 80.
[87] Село Шихазаны // Цивильская народная газета. 1917. 5 июля.
[88] *Ерагин Е.Е.* Об истории движения за национальное возрождение верховых чувашей в 1917–1918 гг. // Историко-этнографические исследования в Чувашской ССР: сб. ст. Чебоксары, 1990. С. 97.
[89] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 199.
[90] *Ерагин Е.Е.* Указ. соч. С. 98.
[91] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 245. Л. 383.
[92] *Ерагин Е.Е.* Указ соч. С. 98–99.
[93] Там же. С. 100.
[94] Цит. по: *Немцева Т.В.* Образование первых чувашских национальных организаций и их деятельность // Сб. научных трудов докторантов, научных сотрудников, аспирантов. Чебоксары, 2001. Вып. 9. Т. 1. С. 117.
[95] *Денисов П.В.* Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары, 1972. С. 108–109.
[96] *Силич И.* Чăваш пухăвĕ // Хыпар. 31 августа. № 32.
[97] НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 288. Л. 80–81.
[98] *Леонтьев А.* Провозвестник чувашской печати: к 100-летию первой всечувашской газеты. С. 132.
[99] Чувашская газета // Чебоксарская правда. 1917. 15 мая.
[100] *Калкай П.* Пирĕн хаçат ĕçне укçа парса пулăшакансене тав туни // Хыпар. 1917. 1 мая. № 1; 7 мая. № 2.
[101] Пирĕн хаçата укçа парса пулăшакансен ячĕсем // Хыпар. 1917. 23 мая. № 6; Хыпара пулăшакан çынсен ячĕсем // Хыпар. 1917. 27 июня. № 15; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 178–179.
[102] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 179.
[103] *Леонтьев А.* Провозвестник чувашской печати. С. 134.
[104] Хыпар. 1917. 10 августа. № 27.

[105] Цит. по: Журналисты Чувашии: сб. ст. и очерков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 2005. С. 58.

[106] Очерки по истории культуры дореволюционной Чувашии. С. 250.

[107] *Кабытова Н.Н.* Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара. 2002. С. 48, 118.

[108] История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1. 1917–1945. Чебоксары, 2001. С. 15–16.

[109] *Кабытова Н.Н.* Указ. соч. С. 62.

[110] История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1. С. 16–17.

[111] *Герасимова Н.В.* Земская реформа Временного правительства в действии: выборы в волостные земства чувашских уездов Казанской и Алатырского уезда Симбирской губернии (июнь–декабрь 1917 г.) // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Чебокасары, 2004. Вып. 3. С. 128–129.

[112] История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1. С. 17–18; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 75.

[113] *Герасимова Н.В.* Земское самоуправление в 1914–1918 гг. на территории Чувашии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2002. С. 23.

[114] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л.75.

[115] *Герасимова Н.В.* Земская реформа Временного правительства в действии ... С. 131.

[116] *Титков Е.П.* Местное самоуправление в России: волостные земства и крестьянские Советы в 1917–1918 гг. // Власть и общество в России в первой трети XX века. Межвузовская конференция. М., 1994. С. 155.

[117] *Кабытова Н.Н.* Указ. соч. С. 215.

[118] Там же. С. 110–111, 123–125.

[119] История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1. С. 26.

[120] Революционное движение в России после свержения самодержавия: док. и материалы. М., 1957. С. 290.

[121] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 100–101.

[122] Революция 1917–1918 гг. в Марийском крае: (По материалам уездных съездов крестьянских депутатов). Вып. 2. Козьмодемьянский уезд. Йошкар-Ола, 2007. С. 5.

[123] История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1. С. 24.

[124] Там же. С. 26.

[125] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 99.

[126] Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии: сб. док. Чебоксары, 1957. С. 65.

[127] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 96.

[128] *Кабытова Н.Н.* Указ. соч. С. 115.

[129] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 91.

[130] Там же. Л. 95.

[131] Оправдание // Чебоксарская правда. 1917. 12 мая.

[132] *Кириллов В.К.* Карл Янович Грасис. Чебоксары. 1969. С. 29–30; *Кузьмин В.Л.* Чувашия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Материалы по истории Чувашии. Чебоксары, 1957. Вып. 3. С. 12.

[133] *Григорьев П.Г.* Чебоксарский Совет рабочих и солдатских депутатов в период подготовки и проведения Октябрьской революции // Установление советской власти в Чувашии: сб.ст. Чебоксары, 1958. С. 90–92.

[134] История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1. С. 28.

[135] *Изоркин А.В.* Советы солдатских депутатов Чувашии в 1917 году // Чувашия в годы Первой мировой войны. Чебоксары. 1985. С. 51.

[136] Там же. С. 53.

[137] Чебоксарский Совет рабочих и солдатских депутатов // Казанская рабочая газета и Известия Советов солдатских и рабочих депутатов. 1917. 25 мая. № 35. С. 4.

[138] *Изоркин А.В.* Восстание солдат Алатырского гарнизона весной 1917 года // Солдаты Чувашии в Октябрьской революции. Чебоксары, 1983. С. 25, 26.

[139] *Изоркин А.В.* Советы солдатских депутатов Чувашии в 1917 году. С. 50.

[140] Там же. С. 53–54.

[141] *Изоркин А.В.* Крестьянские съезды и Советы крестьянских депутатов в Чувашии в 1917 году // Из истории Чувашии советского периода. Чебоксары, 1991. С. 5, 8, 14, 16.

[142] Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии: сб. док. С. 59–60.

[143] *Кузьмин В.Л.* Крестьянское движение в Чувашии в период подготовки Октябрьской революции. Чебоксары, 1957. С. 77.

[144] *Изоркин А.В.* Крестьянские съезды и Советы крестьянских депутатов в Чувашии в 1917 году. С. 14.

[145] Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии. С. 59.

[146] Совет крестьянских депутатов // Казанская рабочая газета и Известия Совета солдатских и рабочих депутатов. 1917. 19 мая. № 32. С. 4.

[147] *Тагиров И.Р.* Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль–июль 1917 года). Казань, 1977. С. 171–172.

[148] Крестьянская жизнь. Крестьянский съезд в г. Ядрине 10–15 июня // Социалист-революционер. 1917. 22 июня.

[149] *Изоркин А.В.* Крестьянские съезды и Советы крестьянских депутатов в Чувашии в 1917 году. С. 15; *Павлов Я.К.* Великая Октябрьская социалистическая революция и разрешение национального вопроса в Чувашии (1917–1925 гг.). Чебоксары, 1957. С. 53.

[150] Село Шибылги // Цивильская народная газета. 1917. 8 июля.

[151] *Изоркин А.В.* Крестьянские съезды и Советы крестьянских депутатов в Чувашии в 1917 году. С. 8–9.

[152] Там же. С. 15–16.

[153] Там же. С. 16.

[154] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 36.

[155] *Изоркин А.В.* Чувашские военные организации и их роль в национальном самоопределении этноса (апрель 1917 г. – февраль 1918 г.) // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия. Чебоксары, 2002. С. 23, 28.

[156] Там же. С. 18.

[157] *Изоркин А.В.* Закалялся в революционном Кронштадте // Они боролись за счастье народное. Чебоксары, 1980. Вып. 1. С. 59.

[158] *Бурмистров В.М., Изоркин А.В.* Комиссар продовольствия // Там же. С. 86–87.

[159] *Цейтлин Р.С.* Место солдатских крестьянских комитетов в системе крестьянских организаций страны // Общественные организации в политической системе России, 1917–1918 годы: материалы конференции. М., 1992. С. 39.

[160] *Изоркин А.В.* Чувашские военные организации и их роль в национальном самоопределении этноса. С. 21–22.

[161] Полковая жизнь среди солдат-чуваш // Казанская рабочая газета и Известия Совета солдатских и рабочих депутатов. 1917. 2 мая. С. 4.

[162] Воззвание Казанской Чувашской организации // Крестьянская газета Казанского губернского земства. 1917. 27 августа. № 33. С. 2.

[163] *Изоркин А.В.* Чувашские военные организации и их роль в национальном самоопределении этноса. С. 23.

[164] *Алексеев.* Общее собрание офицеров и солдат-чуваш // Казанская рабочая газета. 1917. 21 июня. № 59. С. 4.

[165] *Изоркин А.В.* Чувашские военные организации и их роль в национальном самоопределении этноса. С. 25–26.

[166] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 25.

[167] Наказ Казанскому чувашскому военному комитету // Казанская рабочая газета и Известия солдатских и рабочих депутатов. 1917. 7 сентября.

[168] История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1. С. 31–32.

[169] *Гусаров Ю.В.* Учительский союз Всероссийский // Чувашская энциклопедия. Т. 4. С. 334.

[170] История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1. С. 17–18.

[171] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 47.

[172] История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1. С. 18.

[173] *Димитриев В.Д.* Н.В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель. С. 51–52.

[174] *Павлов И.П.* Агитировал за революцию. Иванов Семен Иванович // Они боролись за счастье народное. Вып. 3. Чебоксары, 1985. С. 25.

[175] *Изоркин А.В.* Крестьянские съезды и Советы крестьянских депутатов в Чувашии в 1917 году. С. 17.

[176] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 38.

[177] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 197.

[178] *Михайлова Е.М.* Черносотенцы в Чувашии: численность, социальный состав, деятельность // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Чебоксары, 2004. Вып. 3. С. 117.

[179] История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1. С. 34.

[180] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 85.

[181] История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1. С. 33–34.

[182] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 35; Поволжские национальные организации партии социал-революционеров // За землю и волю. 1917. 29 сентября. № 1. С. 4.

[183] *Волобуев О.В.* К вопросу о классификации национальных партий // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 285–289.

[184] *Михайлова Е.М.* Черносотенные организации Среднего Поволжья в 1905–1917 гг. Чебоксары, 2000. С. 61–63.

[185] Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), Петроград, 24–29 апреля (7–12 мая) 1917 г. Резолюция по национальному вопросу // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1: 1898–1917. Изд. 9-е, доп. и исправл. М., 1983. С. 503.

[186] *Ильящук Г.И.* Политическая система России 1917 г. в оценках меньшевистской публицистики и мемуаристики // Общественные организации в политической системе России. 1917–1918 годы: материалы конференции. М., 1992. С. 125–126.

[187] *Жданова И.А.* Указ. соч. С. 24–25.

[188] Там же. С. 25.

[189] Там же.

[190] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 196.

[191] Там же. Л. 197.

[192] *Унт.* Областной отдел. Симбирский чувашский съезд // Крестьянская газета. 1917. 8 июля. С. 4; Всероссийский чувашский съезд // Камско-волжская речь. 1917. 13 июня. С. 4.

[193] Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом в г. Симбирске с 20 по 28 июня 1917 года. Симбирск, 1917. С. 2–3.

[194] НА ЧГИГН. Отд.II. Ед. хр.192. Инв. № 463. Л. 308.

[195] Резолюция и пожелания, принятые Общероссийским национальным съездом в г. Симбирске с 20 по 28 июня 1917 года. С. 8.

[196] Там же. С. 14–15.

[197] Там же. С. 7–8.

[198] Там же. С. 9.

[199] Там же. С. 4, 5, 10.

[200] Там же. С. 11.

[201] Там же. С. 11–12.

[202] Там же. С. 13.

[203] *Леонтьев А.П.* «Хыпар»: минувшее и настоящее... С. 321, 322.

[204] Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом в г. Симбирске с 20 по 28 июня 1917 года. С. 26–28.

[205] Там же. С. 16–30.

[206] Там же. Л. 15–16; НА ЧГИГН. Отд. II. 2635. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 208.

[207] Съезд мелких народностей Поволжья // Крестьянская газета. 1917. 3 августа. №14. С. 3.

[208] Цит. по: *Хузангай А.П.* И.Я. Яковлев и Н.В. Никольский: (Опыт ретроспективного анализа исторического поведения личностей) // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века: материалы конференции, посвященной 125-летию со дня рождения ученого. Чебоксары: ЧГИГН. 2005. С. 16.

[209] *Иванов В.П., Изоркин А.В.* Союз мелких народностей Поволжья (1917–1918 гг.) – редкий пример региональной межэтнической консолидации и самоорганизации // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского: материалы конференции, посвященной 120-летию со дня рождения ученого. Чебоксары, 2002. С. 272–273.

[210] Съезд мелких народностей Поволжья // Крестьянская газета, 1917. 6 августа. № 17. С. 3.

[211] Съезд мелких народностей Поволжья // Там же. 4 августа. № 15. С. 3; 6 августа. № 17. С. 3.

[212] Там же. 5 августа. № 16. С. 3–4.

[213] Воззвание от Союза мелких народностей Поволжья // Там же. 9 августа. № 19. С. 3.

[214] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 218.

[215] Съезд мелких народностей Поволжья // Крестьянская газета, 1917. 5 августа. № 16. С. 4.

[216] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 217–219.

[217] Там же Л. 219.

[218] *Петров Д.П.* Чувашия. С. 62; *Немцева Т.В.* Национальное движение чувашского народа: исторический опыт создания государственности. Л. 76–77.

[219] *Немцева Т.В.* Образование первых чувашских национальных организаций и их деятельность. С. 118–119; *Петров Д.П.* Чувашия. С. 62.

[220] Чăваш халăхĕн ушкăнĕ // Хыпар. 1917. 7 сентября.

[221] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 154.

[222] Чувашский съезд // Крестьянская газета. 1917. 12 сентября. № 44. С. 3.

[223] *Васильев И.* Во глубине // Там же. 24 ноября. № 101. С. 2.

[224] Хроника. Чувашский съезд // Там же. 5 октября. № 62. С. 3.

[225] *Васильев И.* Во глубине. С. 2.

[226] *Его же* // Там же. 25 ноября. № 102. С. 2.

[227] Там же.

[228] *Комиссаров Г.И.* О чувашских съездах в Казани // Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. С. 330, 331.

[229] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 56–57.

[230] *Немцева Т.В.* Образование первых чувашских национальных организаций и их деятельность. С. 120.

[231] О списках // Крестьянская газета. 1917. 25 ноября. № 102. С. 2.

[232] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 62.

[233] *Петров Д.П.* Чувашия. С. 64.

[234] НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 237. Л. 178а об.

[235] *Протасов Л.Г.* Всероссийское учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 164.

[236] Учредительни собрани. Чăваш хучĕ // Хыпар. 1917. 18 декабря. № 56. С. 2.

[237] *Петров Д.П.* Чувашия. С. 64.

[238] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 62.

[239] *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портреты в интерьере эпохи. М., 2008. С. 136.

[240] *Александров Г.А.* С.Н.Николаев: штрихи биографии секретаря Комуча // Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век: сб. ст. Чебоксары, 2007. С. 52.

Глава 5

НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

Декларации принципов советской власти по национальному вопросу. Радикализация этнического движения чувашского народа. Деятельность чувашских военных организаций по реализации национально-освободительной доктрины

Для захватившей власть большевистской партии национальный вопрос занимал «подчиненное» положение применительно к социальному переустройству России (уничтожение классового эксплуататорского общества и частной собственности). Большевики верили в скорейшее и справедливое разрешение национальных проблем при достижении социальной справедливости. Вместе с тем советская национальная политика с самого начала характеризовалась прагматизмом, отвечающим насущным требованиям народов России. Один из современников, явно нелояльно настроенный к новой власти, отмечал: «СНК издал декрет (Декларация прав народов России, 2 ноября 1917 г. – *В.К.*) о предоставлении всем народам России права на национальное самоопределение. Громко сказано, так как народности и без большевистского декрета фактически осуществили право на самоопределение. И не для того писался декрет, чтобы дать нациям то, что они имели, а совершенно с другой целью – задобрить их и тем самым привлечь на свою сторону, заставить их поверить, что только большевики пекутся о судьбе всех угнетенных»[1]. В принятых II Всероссийским съездом Советов (26 октября 1917 г.) обращении «Рабочим, солдатам и крестьянам», Декрете о мире, в таких правовых актах, как Декларация прав народов России, обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября 1917 г.), Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (3 (16) января 1918 г.), советское правительство провозгласило основные принципы своей национальной политики: равенство и суверенность всех народов России, право на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, свободное развитие национальных меньшинств. В составе первого советского правительства, образованного II Всероссийским съездом Советов, был создан специальный орган по проведению национальной политики – Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац, НКН) во главе с И.В. Сталиным. В Положении о Наркомнаце определялись следующие задачи его деятельности: обеспечение мирного сожительства и братского сотрудничества всех народов России, содействие материальному и духовному развитию применительно к особенностям их быта, культуры и экономического развития, наблюдение и проведение в жизнь национальной политики советской власти[2].

Важным средством разрешения национального вопроса становилось национально-административное строительство. Изначально возникшее как унитарное, Советское государство быстро эволюционировало в сторону усложнения его форм.

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа установила, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза наций как федерация советских национальных республик»[3]. Это означало, что правящей партии пришлось отказаться от прежних догм: «пролетариат может употребить лишь форму единой и неделимой республики», что марксисты «ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации». На III съезде Советов 25 января 1918 г. Российская Республика была объявлена федерацией советских национальных республик[4]. Сделано это было исходя из реальной политической ситуации. В 1917 г. в России активно развивались этнические движения, резко усилился национальный сепаратизм. Революционизировать местный национализм представлялось возможным под лозунгом их самоопределения в советской форме. Как заявил на III Всероссийском съезде И. Сталин, «принцип самоопределения должен быть средством борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма»[5]. В программном положении VIII съезда РКП(б) (март 1919 г.) в области национальных отношений была сформулирована задача «федеративного объединения государств, организованных по советскому типу» и подчеркнуто, что партия рассматривает федерацию «как одну из переходных форм на пути к полному единству»[6]. «Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем, – писал в то время В.И. Ленин. – Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»[7]. Существенным было и то, что советская федерация рассматривалась как шаг «по пути объединения трудящихся всех стран в мировую социалистическую советскую республику»[8].

Провозглашение советской властью права наций на самоопределение способствовало еще большей радикализации этнических движений. После Октября 1917 г. в повестке дня чувашского национального движения были вопросы, связанные с осмыслением принципа автономии применительно к новым условиям. При сохранении приверженности к культуртрегерству и культурной автономии среди национальных лидеров оживленно дискутируются проблемы политической децентрализации, регионализации – идея об областной полиэтничной административно-территориальной единице нового типа. Главная цель образования областной федерации со своей конституцией, исполнительными органами, широким местным самоуправлением, культурно-национальной автономией для населяющих ее народов виделась в обеспечении и защите интересов коренного населения и этнических меньшинств в рамках единого федеративного государства.

Происходит стремительное «левение» чувашских политиков. Идейная гегемония и руководство переходят от «национал-народников» к «национал-социалистам», а с лета 1918 г. – к «национал-марксистам». Радикализация общественно-политических устремлений особенно заметно проявилась в идеологии и деятельности чувашских военных организаций – поначалу главным образом объединений культурнического типа. С конца 1917 г. они начали играть ведущую роль в регулировании и решении общеполитических вопросов чувашского народа и стали главными носителями и промоутерами национально-освободительной доктрины, взяв на себя, как отмечал Д.П. Петров, «решение всего чувашского национального вопроса в целом»[9]. Проникаясь левоэсеровскими настроениями, имея другую политическую установку, нежели гражданские объединения, и ори-

ентируясь на Советы, национальные военные организации явились «органами наиболее сплоченной и наиболее революционной чувашской общественности»[10]. Именно военные комитеты и солдатские организации, прежде всего их секции в Советах рабочих и солдатских депутатов, были главной силой в провозглашении и установлении советской власти в чувашских уездах[11], а солдаты-крестьяне «содействовали не только вовлечению чуваш в Советы, но и организации Советов на местах»[12].

Следует отметить отсутствие единства позиций и общей политической платформы, объединяющей разрозненные чувашские организации. Об этом свидетельствуют решения и резолюции, принятые на собраниях военнослужащих-чувашей. Так, в постановлении «съезда делегатов от военнослужащих-чувашей частей 28-й пехотной дивизии» от 26 декабря 1917 г. отмечалось: «Поддерживать всеми силами существующее правительство СНК и Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Учредительное собрание в связи с текущим моментом считается совершенно недопустимым... Съезд находит допустимым лишь Учредительное собрание, созванное из Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[13]. В Наказе от солдат-чувашей 41-й пехотной дивизии и 16-го армейского корпуса VIII армии (24 декабря 1917 г.), напротив, выражалась безоговорочная поддержка Учредительного собрания, которое «по неизвестным причинам до сего времени не созывается, – требуем немедленного созыва из истинных представителей от народа»[14].

Необходимость выработки общей политической позиции и организационного объединения чувашских военных организаций, а также создания чувашских национальных войсковых частей поставили на повестку дня вопрос об образовании единого общественно-политического военного аппарата. С этой целью в Казани был созван Чувашский военно-окружной съезд, на котором присутствовали делегаты чувашских военнослужащих Казанского военного округа, Симбирска, Уфы и Бугульмы. Съезд работал 10–16 декабря 1917 г. Его председателем был избран военный врач И.К. Лукьянов, секретарем – А.А. Спиридонов[15]. Съезд рассмотрел 13 вопросов и по всем принял соответствующие резолюции: текущий момент и отношение к нему; наказ кандидатам в Учредительное собрание; национальный момент в русской революции; мобилизация чувашских интеллигентных сил; учреждение общечувашского национального фонда; национализация войск; создание Чувашской военной окружной организации; отношение чувашских военных организаций к организациям других наций; содействие чувашских военных организаций созданию органов местного самоуправления и живая связь их с чувашскими военными организациями; издательство на чувашском языке; чувашские школы грамоты в войсковых частях и их функции; агитационная работа чувашских военных организаций среди населения; продовольственный вопрос.

Поскольку среди участников съезда были представители разных политических направлений и воззрений, это нашло отражение в его дискуссиях и решениях, прежде всего по общеполитическим вопросам. Выступивший с докладом по текущему моменту правый эсер, прапорщик Г.Ф. Алюнов внес проект резолюции, принятый большинством голосов: для спасения России и всех завоеваний революции «необходимо немедленно открытие Учредительного собрания, полновластного хозяина Российской республики». (Позже А.Д. Краснов в своей рукописи «Чувашские политические организации 1917 и 1918 гг.» писал: «Г.Ф. Алюнов и

И.В. Васильев вносили эту формулировку „всюду и везде" и при каждом удобном случае всякий раз, когда на каком-либо из собраний стоял вопрос об Учредительном собрании, за ними шла почти вся чувашская интеллигенция того времени»[16].) Поправка к ней, предложенная левым эсером А.Д. Красновым, – «Поддержать Учредительное собрание постольку, поскольку оно встает на защиту интересов трудящихся масс рабочих и крестьян» – не прошла по большинству голосов[17]. Правоэсеровским было и решение об органах местного самоуправления. Военные делегаты признали необходимым создание среди чувашей волостных земств «как органов народной власти». На доводы оппонентов, составлявших меньшинство на съезде, что земства изжили свой век, выдвигался аргумент: неизвестно, какое местное самоуправление установит Учредительное собрание, земство в волостях – самая приемлемая форма организации хозяйственной деятельности, земства в чувашских волостях не будут буржуазными, так как чувашские деревни состоят из бедняков и середняков[18]. В итоге съезд постановил: «Всеми имеющимися мерами и способами содействовать немедленному созданию земств в тех волостях, где их нет; с волостными земствами, уже организованными, установить самую тесную связь посредством чувашского печатного органа „Хыпар"»[19]. Таким образом, военно-окружное собрание выступило за всеобщую организацию земств, а не за Советы. В отношении последних выдвигалось условие – реорганизация существующих «Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в районах со смешанным населением на национально-пропорциональных основах»[20].

Среди других решений по «текущему моменту» делегаты военно-окружного съезда выдвинули задачу «скорейшего заключения всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народностей»; требование, что Россия должна быть демократической, федеративной республикой (ими был принят Наказ в Учредительное собрание с соответствующим предложением); они высказались за немедленную передачу некрестьянских земель сельскохозяйственного назначения в ведение земельных комитетов; «прекращение гражданской войны между отдельными народностями и областями республики»; «немедленное восстановление гражданских свобод»; «установление твердых цен на предметы первой необходимости»[21].

Точно так же общедемократическими по духу и консенсусными для всех участников съезда были решения по национальному вопросу. В резолюции «Национальный момент в русской революции» делегаты постановили: «Принять все меры на развитие среди чуваш национального самосознания и всем чувашским организациям, осуществляющим эту важнейшую задачу, оказывать полное содействие»[22]. Съезд высказался за то, чтобы сохранить все имеющиеся чувашские национальные организации и мобилизовать весь интеллектуальный потенциал этноса[23]; признал необходимым «самую тесную совместную работу чувашских военных организаций с организациями других наций» в проведении принципа самоопределения народов[24]. Форум поддержал решение общего собрания всех чувашских организаций Казани от 6 декабря о создании Общечувашского национального фонда, который «учреждается для обслуживания материальными средствами всех чувашских организаций»; принял решение сделать газету «Хыпар» «органом всего чувашского народа» в лице его центральных организаций: ЧНО, комитета Чувашской организации партии эсеров, Казанского чувашского военно-окружного комитета и созданного 26 ноября 1917 г. Союза учащихся-чувашей Казани[25].

Военно-окружной съезд исходя из признания самоопределения народов постановил военнослужащих-чувашей Казанского военного округа выделить в особые национальные команды, роты, батареи, эскадроны, батальоны и полки, учредить при штабе округа чувашское отделение, должность чувашского представителя в коллегии по управлению войсками округа; организовать в войсковых частях школы грамоты, а в будущих национальных частях – школы и курсы агитаторов; расширить издание литературы для национального и культурного просвещения[26].

В решениях съезда не обошлось и без радикально-националистических требований: к примеру, заменить к 1 января 1918 г. русскую администрацию и преподавателей Шихранской учительской семинарии чувашами и во всех учебных заведениях, расположенных в местностях со сплошным чувашским населением, иметь учителями только представителей численно доминирующего этноса[27].

Для проведения в жизнь принятых резолюций 12 декабря 1917 г. на заседании съезда был избран исполнительный комитет под названием Казанский чувашский военно-окружной комитет (КЧВОК) в составе 15 членов: И.К. Лукьянов (председатель), Г.М. Максимов (заместитель), Т.К. Крылов (заместитель), А.А. Спиридонов (секретарь), А.А. Осанов, С.А. Ильин, Д.И. Иванов, В.Е. Миронов, А.М. Меценатов, Я.И. Кадыков, А.И. Диаконов, В.Е. Алжиков, Ф.К. Кузьмин, А.И. Шаров, И.Е. Ефимов. В дальнейшем в него кооптировались представители военнослужащих-чувашей из гарнизонов Поволжья, и его состав достиг 24 чел. В КЧВОК вошли в основном правые эсеры и их сторонники[28]. Комитет приступил к организации чувашских национальных войсковых формирований. Еще в ноябре 1917 г. в ряде гарнизонов Поволжья – в Симбирске, Бугульме, Бугуруслане – были сформированы чувашские роты[29]. 23 декабря 1917 г. состоялось объединенное заседание представителей народностей при штабе Казанского военного округа, на котором было учреждено чувашское отделение отдела национальных войск при штабе округа во главе со старшим адъютантом. Комиссаром и старшим адъютантом чувашского отделения при штабе округа стал Т.Н. Крылов[30].

Самым значимым мероприятием, осуществленным КЧВОК и чувашскими военными организациями, стал созыв и проведение 12 января – 14 февраля 1918 г.* Всероссийского чувашского военного съезда в Казани. На съезде присутствовали военнослужащие-чуваши из разных районов страны, в том числе из чувашских национальных рот запасных полков Казанского, Самарского, Симбирского, Бугульминского и Сызранского гарнизонов, Гельсингфорсского чувашского землячества. Некоторые уезды и волости также послали на съезд демобилизованных из армии солдат[31]. В работе и в составе руководящих органов съезда участвовали депутаты Учредительного собрания И.В. Васильев, Д.П. Петров, Г.Т. Титов, представители Чувашской фракции Казанского губернского исполкома Совета крестьянских депутатов, Чувашской организации партии социалистов-революционеров, Чувашского национального общества и Казанской организации учащихся-чувашей[32]. По представительству и рассмотренным вопросам съезд вышел за рамки военно-профессионального, стал, по сути, общечувашским национальным форумом. Среди поставленных и обсужденных вопросов были: по текущему политическому моменту – отношение к войне, к Учредительному собранию, организация центральной и местной власти, аграрный вопрос; по национальному –

* Декретом от 26 января 1918 г. в России был введён григорианский календарь, и после 31 января наступило 14 февраля.

национализация армии, отношение к проекту образования Средневолжско-Южноуральского штата, о создании центральной Чувашской военной организации, мобилизации чувашских национальных сил. В повестку дня съезда были включены и такие вопросы: «чебоксарские события», по низшему народному образованию, по садоводству и огородничеству, аграрный, переселенческий, о реорганизации учебного округа и др. Председателем съезда был избран Д.П. Петров, его заместителем – И.К. Лукьянов[33].

Созыв I Всероссийского чувашского военного съезда имел широкий резонанс и не только среди чувашских националов. Открытие форума с одобрением было встречено другими национальными движениями. Так, «Украинская казанская громада» в своей телеграмме призвала «положить основы для строения родного национально-самообытного будущего своего народа»[34]. На съезд пришли и приветствовали его представители Всероссийской мусульманской военной организации – Шуро, 2-го Всероссийского мусульманского военного съезда и Казанского мусульманского военно-окружного комитета, Казанского военного комитета крещеных татар и Казанской военной организации народа мари и других национальных организаций[35].

Поскольку съезд был военным, обсуждению проблем армейской жизни уделено было серьёзное внимание. Военный форум заслушал выступления представителей чувашских национальных рот, наказы от солдат-чувашей, отчет Казанского чувашского военно-окружного комитета, а также вопрос «о национализации войск». Итоги его обсуждения подвела военная комиссия съезда, которая 24 января 1918 г. изложила свои выводы: энергично «национализировать» армию в тылу; организовать чувашские стрелковые полки не только в Казани, но и в других городах Поволжья и Приуралья; солдат и офицеров-чувашей – уроженцев Казанской и Симбирской губерний – собрать в 1-й стрелковый полк в Казани; уроженцев Уфимской, Вятской, Оренбургской и Самарской губерний направить в чувашский стрелковый полк, формируемый в Уфе; при Верховном главнокомандовании Российской армии иметь представителя Чувашского центрального военного комитета, при штабе военного округа – отдел национальных войск; в управлении Казанского военного округа должно быть пропорционально-национальное представительство; на основе 6-й артиллерийской финляндской бригады сформировать чувашскую артиллерийскую бригаду и т.д.[36]

Однако главными вопросами в работе съезда стали общественно-политические и национально-политические вопросы. Вокруг них развернулась основная дискуссия. По замечанию А.Д. Краснова, «как никогда в истории чувашских съездов и совещаний» имела место «острая фракционная борьба»[37]. Основной водораздел проходил между сторонниками Совета народных комиссаров, политики большевиков (левые эсеры и поддерживающие их военные делегаты) и защитниками Учредительного собрания (правые эсеры и их приверженцы из числа участников съезда).

По вопросу о текущем моменте, отношению к СНК, партии большевиков 15 января были сделаны два доклада – левым эсером А.Д. Красновым и правым эсером, членом Учредительного собрания И.В. Васильевым. Первый оратор защищал политику, проводимую советским правительством, доказывал необходимость классовой борьбы; заявил, что Учредительное собрание ничего не дало народу, его разгон не должен огорчать, необходимо «немедленное введение в жизнь социализма», а не ждать 200 лет. «Только Советы, – заявил он, – являются под-

линными выразителями интересов большинства народа, поэтому именно их следует признать властью, и они должны быть организованы на пропорционально-национальной основе»[38]. И.В. Васильев защищал Учредительное собрание и критиковал большевиков за приемы борьбы с политическими противниками: того, что делают «самодержцы из Смольного», не было даже при Николае II. Свою речь он завершил призывом к объединению всех чувашей, недопущению деления на политические партии, созыву Чувашского Учредительного собрания[39].

В оценке текущей политической ситуации и по вопросу о власти мнения делегатов съезда разделились. Лишь меньше половины их, левое крыло (А.Д. Краснов, М.С. Слюбкин, Г.Г. Герасимов, Зайцев, Волоснов), поддержали большевиков и политику СНК. Большинство оказалось сторонниками И.В. Васильева (депутаты Учредительного собрания, а также Волков, Макаров, А.А. Спиридонов и др.), не одобрившими захват власти большевистской партией. Споры завершились согласием делегатов с предложением А.Д. Краснова и Ефремова организовать национальную Чувашскую социалистическую партию[40].

Меньшинство участников съезда в лице левых делегатов видело политическую перспективу для страны в утверждении власти Советов[41]. Как писал позднее А.Д. Краснов, на Всероссийском чувашском военном съезде проявились три течения: сторонники Советов, сторонники Всероссийского учредительного собрания и те, кто выступал за созыв Общечувашского учредительного собрания[42]. Однако анализ выступлений участников форума говорит о том, что диапазон точек зрения был шире. В пользу безоговорочной поддержки разогнанного Всероссийского учредительного собрания высказались только три оратора: И.В. Васильев, Г.Т. Титов и А.А. Спиридонов. Выступления А.Д. Краснова и М.С. Слюбкина, как отмечал сам Краснов, являлись «полным аннулированием» Всероссийского учредительного собрания[43] (правда, текст протокола съезда указывает, что Слюбкин не был столь категоричен: он высказался за созыв нового Учредительного собрания с иным составом[44]). Делегат Матвеев заявил: надо признать власть Советов и поддержать Учредительное собрание[45]. Своеобразной была позиция Яковлева: чуваши превыше всего, мы не пойдем ни за Учредительным собранием, ни за СНК, «если они не удовлетворят чувашей»[46]. Представитель левых Волоснов выступил за желательность созыва двух Учредительных собраний – Чувашского и Всероссийского, но только при условии признания последним декретов, изданных Советом народных комиссаров; он же говорил о необходимости включения оставшихся не у дел чувашских депутатов разогнанного Учредительного собрания в состав ВЦИК[47] (между прочим, это предложение поддержано и А.Д. Красновым)[48]. Идею И.В. Васильева, высказанную в его докладе, о том, чтобы чуваши создали «свое Учредительное собрание», поддержал Д.П. Петров, не возлагавший «никаких надежд на советскую власть в деле разрешения национального вопроса» и предложивший «для разрешения чувашского вопроса созыв Чувашского учредительного собрания»[49]. С необходимостью созыва Чувашского учредительного собрания «по принципу выборов в Советы» согласилась и вся левая фракция съезда[50].

Выступавший с докладом о Чувашском учредительном собрании Д.П. Петров внес на голосование резолюцию, где говорилось, что оно созывается для разработки и утверждения органа и прав чувашского народа на политическое и культурно-национальное самоопределение, признанное рабоче-крестьянскими правительствами и декларированное Всероссийским учредительным собранием на засе-

дании 5 января 1918 г. Основные задачи Чувашского учредительного собрания определялись таким образом: выявление воли и точки зрения чувашской нации на основе федеральной конституции и контрактации центральных органов законодательной и исполнительной власти Российского государства; признание чувашским народом Средневолжско-Южноуральского штата* как автономной в политическом и культурном отношении области в составе Российской Федеративной Республики и детальная разработка конституции штата; разрешение всех основных задач по устроению национальной жизни чувашей. Предусматривалось, что всечувашский парламент будет избран на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права и тайного голосования и положения о выборах во Всероссийское учредительное собрание; окончательная разработка положения о выборах в Чувашское учредительное собрание и руководство всем выборным процессом будут возложены на комиссию из трех представителей от Всероссийского чувашского военного съезда, трех представителей от Чувашского национального общества и одного – от Казанского губернского земства. В своей деятельности комиссия обязана была руководствоваться следующими положениями: Чувашское учредительное собрание избирается всем чувашским населением независимо от того, где оно проживает; один депутат избирается от населения примерно в 10 тыс. чел.; в избирательных округах, каковыми должны быть преимущественно отдельные уезды, применяется пропорциональная система выборов; в местностях с малой численностью и дисперсным расселением чувашей разрешается образовывать избирательные округа с населением менее 10 тыс. чел.; причем выборы в таких округах проводятся по мажоритарной системе. Предусматривалось, что комиссия начнет работу «немедленно после объявления автономии» (Средневолжско-Южноуральского штата). Предполагалось, что расходы по созыву Чувашского учредительного собрания возьмут на себя штат или органы местного самоуправления; все выборное производство будет вестись на чувашском языке[51].

Данная резолюция была утверждена делегатами съезда.

С докладом «Об организации временной центральной власти на местах» выступил А.Д. Краснов, предложивший съезду проект постановления. Согласно ему, предусматривалось учредить Советы: областной (для штатов), губернские (для Казанской, Уфимской и Оренбургской губерний), уездные, волостные и сельские; создавать Советы на строго пропорционально-национальных основах. В Советах планировалось организовать национальные фракции как исполнительные органы наций, которые будут действовать самостоятельно в сфере устремлений своей нации постольку, поскольку ее действия не противоречат интересам других наций. Советы должны формироваться соответствующими съездами: волостной избирает в волостной Совет одного представителя от населения 75 до 100 чел.; уездный – в уездный Совет одного делегата от 800 до 1000 чел. населения; губернский – в губернский Совет одного депутата от 25 тыс. чел. населения (в примечании к проекту резолюции указывалось, что национальные меньшинства выбирают по одному представителю на уездный съезд от населения менее 800 чел., но более 300 чел., на губернский съезд – от населения менее 25 тыс. чел., но более 10 тыс. чел.). Состав Советов и исполнительных органов должен определяться постановлениями соответствующих съездов; организация местной советской власти предоставляется на усмотрение местного населения[52].

* В документах: «Средне-Волжский и Южно-Уральский штаты».

Большинством голосов проект постановления был принят. Содержание резолюции свидетельствовало, что Советы были признаны военным съездом как форма организации местной власти, как органы наций (отсюда зафиксированный в решениях съезда принцип их образования на «строго пропорционально-национальных основах»), а не как органы диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.

По итогам обсуждений общеполитических вопросов по предложению Д.П. Петрова и И.К. Лукьянова делегаты съезда, чтобы «не показывать о раздорах на съезде русским и иным», вынесли решение не принимать содержательной резолюции по текущему политическому моменту[53]. Военный форум по этому вопросу постановил: «Стремиться к восстановлению единого революционного фронта в интересах крестьян, рабочих создания мощного отпора против надвигающейся контрреволюции[54]. В его решениях декларировались признание и поддержка Совета народных комиссаров и его декретов «постольку, поскольку последние не идут вразрез с национальными интересами трудовых чувашей». Говорилось, что если Всероссийское учредительное собрание вновь откроется, то чувашским депутатам следует принять участие в его работе, «образовав самостоятельную национальную фракцию и подчиняясь в деятельности директивам центральных чувашских организаций»[55]. Военный съезд призвал «всемерно поддерживать Советы как правильные органы трудовой демократии», которые немедленно должны быть реорганизованы на национально-пропорциональных началах[56].

Таким образом, решения Всероссийского чувашского военного съезда, касающиеся оценки текущего политического момента, общеполитических вопросов, отношения к власти, являли собой попытку сбалансировать позиции сторонников и оппонентов советского правительства. Такой итог съезда объективно отражал расстановку политических сил среди чувашских националов в самом начале 1918 г., когда «левое крыло» (левые эсеры, сторонники СНК и большевиков) только начали отвоевывать лидирующие позиции у правых эсеров и либералов, постепенно вытесняя их на периферию национально-политического движения чувашского народа.

В связи с обсуждением вопроса о текущем моменте на съезде произошла дискуссия по поводу участия России в мировой войне. И в этом вопросе оценки делегатов военного форума зависели от их политической позиции и партийной принадлежности. Так, А.Д. Краснов, выражая точку зрения левых эсеров, говорил, что трудящимся всех стран война не нужна, мы должны воевать с мировым капиталом, а войну с немцами нужно немедленно закончить. Он заявил, что «война объявляется не другим народам, а имущим классам»[57]. С ним согласились М.С. Слюбкин и Ефремов. Первый отметил: если «мы докажем всему миру, что мы демократы... то и другие последуют за нами, они сделают также революцию, тогда мы уже можем сделать демократический всеобщий мир»[58]. Второй подчеркнул, что все социалистические партии «находят неотложно необходимым заключение мира»[59].

Депутаты Учредительного собрания оправдывали его линию в вопросе о войне и мире. Г.Т. Титов, в частности, заявил, что Учредительное собрание очень хотело заключить мир, «но не путем большевиков (сепаратный мир. – *В.К.*), а в согласии со всеми народами»[60]. Ему вторил И.В. Васильев: Учредительное собрание не намерено было прекратить начатые мирные переговоры, а «наоборот, расширить их, подыскивая новые способы»[61]. Участники дискуссии независимо от

своих политических позиций рассматривали проблему войны и мира в контексте решения национального вопроса. К примеру, Волоснов говорил о «высылке делегатов для мирных переговоров от всех наций»[62]. Г.Т. Титов подчеркнул, что для того, чтобы гарантировать нацию (чувашей) от невыгодного заключения мира, необходимо объявление национального штата в составе Российской Федеративной Республики, который бы послал своих делегатов на мирные переговоры[63]. В итоге, обсудив вопрос о войне съезд высказался за «немедленное прекращение бойни» путем заключения справедливого демократического мира на основе самоопределения народностей[64].

Весьма значительное место в работе чувашского военного съезда заняли вопросы национально-государственного устройства, самоопределения народов Среднего Поволжья и Приуралья. К их обсуждению делегатов форума подтолкнуло обращение председателя Коллегии по осуществлению Урало-Волжского штата Г.Ш. Шарафа, в котором извещалось о намерении татарских и башкирских деятелей образовать областную автономию в границах «наибольшего включения территории с тюрко-татарским, чувашским, черемисским населением»[65]. В результате непростого обсуждения этого вопроса военный съезд высказался за создание Волжско-Уральского штата на условиях обеспечения равноправия и суверенности, национально-культурной автономии всем входящим в него народам. Делегаты съезда рассматривали создаваемый штат как неотделимую часть России, а по внутреннему административному устройству – как регионную (областную) федеративную республику народов Поволжья и Приуралья[66] (подробнее о ходе дискуссий и принятых на Всероссийском военном съезде решениях по вопросу создания автономии см. в главе 6.)

В отношении проблемы общегосударственного устройства страны участниками съезда Россия мыслилась как «федерация областей и народов»[67], как федеративная демократическая республика «наподобие Соединенных Штатов Америки»[68]. И только ряд делегатов «лишь в общих формулировках»[69], высказался за создание отдельного чувашского и других национальных штатов (В.Н. Абрамов-Иревли)[70], за «объявление национального штата, входящего в состав Российской Федеративной Республики» (Г.Т. Титов)[71].

Делегатами съезда была принята резолюция «По мобилизации сил», призванная активизировать интеллектуальный и организационный потенциал этноса, подготовку национальных кадров, направленную «к поднятию у массы национального и классового самосознания»[72]. Ею предусматривалось приступить к подготовке чувашских съездов: крестьянского, учительского, учащихся, духовенства, рабочих и др.; учредить секцию по мобилизации национальных сил при Всероссийском центральном чувашском военном комитете; направить на учебу в университет им. А.Л. Шанявского чувашскую молодежь для изучения внешкольного образования, библиотечного дела, делопроизводства земского хозяйства[73].

Оживленная дискуссия развернулась на съезде по «переселенческому» вопросу. С докладом выступил А.С. Блинов, который отметил, что этот вопрос для чувашей имеет национальное значение, поскольку в районах проживания чувашского населения свободных земель очень мало и наделы ничтожны, «почему возникает вопрос перенаселения». В ходе обсуждения были высказаны идеи: оставить решение этого вопроса до созыва Учредительного собрания, создать специальную комиссию или комитет по переселению, организовать чувашский район в Сибири,

чтобы образовать там «свои общества и волости». Прозвучало и такое предложение: прежде чем думать о переселении чувашского населения, нужно поднять производительность имеющейся в его распоряжении земли. По итогам прений приняли резолюцию о необходимости образовать переселенческую комиссию при ВЦИК и переселенческие чувашские отделы при губернских, уездных и волостных земельных комитетах; переселять чувашей по возможности компактно и группами на средства Российской Федерации и с помощью Чувашского переселенческого фонда и т.д.[74]

Среди других решений съезда нужно отметить постановление по аграрному вопросу, в котором говорилось «о социализации земли на основе уравнительно-трудового землепользования»[75], и резолюцию о «чебоксарских событиях». В последней было записано: настаивать перед Казанским губернским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов немедленно реорганизовать Чебоксарский уездный Совет на национально-пропорциональных началах; немедленно устранить с поста председателя Чебоксарского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов И.Г. Кадыкова; создать комиссию из представителей КЧВОК и Всероссийского чувашского военного съезда для расследования деятельности Чебоксарского Совета по взысканию незаконных контрибуций и арестов[76].

Всероссийский чувашский военный съезд закончил работу избранием из своего состава исполнительного органа в лице Центрального чувашского военного совета (ЦЧВС), которому поручил руководить общественно-политической жизнью чувашей. Главными задачами ЦЧВС, согласно решениям съезда, являлись урегулирование вопросов, связанных с образованием Урало-Волжского штата, достижение согласия с различными организациями «по означенному вопросу», создание социалистической армии для защиты революции и культурно-просветительская деятельность[77]. ЦЧВС получил право после провозглашения областной автономии народов Поволжья и Приуралья создать Чувашский народный совет из представителей национальных общественно-политических объединений и трудового населения – своего рода чувашский парламент[78]. (Предложение об организации Центрального совета чувашского народа выдвинул на всероссийском чувашском военном съезде А.Д. Краснов[79]). В ЦЧВС вошли 35 чел. (из них «больше половины прошло из левого крыла» съезда[80]), Членами ЦЧВС стали И.К. Лукьянов, Д.П. Петров, А.Д. Краснов, А.А. Спиридонов, А.Ф. Федоров, В.Н. Абрамов-Иревли, Л.М. Лукин, В.П. Павлов, Г.Т. Титов, М.С. Слюбкин, И.Е. Ефимов, В.Ф. Федоров, Т.К. Крылов, А.А. Осанов, М.П. Петров и др.[81] Кандидатуры И.К. Лукьянова («придерживавшегося тактики примирения сторон»[82]) на пост председателя ЦЧВС и Д.П. Петрова как его заместителя не вызвали споров. Прения разгорелись вокруг претендентов на должность еще одного зама И.К. Лукьянова. В результате из двух кандидатов – А.Д. Краснова и Г.Т. Титова – большинством голосов заместителем председателя ЦЧВС стал А.Д. Краснов[83].

Руководящее положение в ЦЧВС занимали левые эсеры и центристы. Он признавал советскую власть. Но вместе с тем деятельность совета определялась неоднородностью его состава. Как отмечал Д.П. Петров, «Военный совет, состоя также наполовину из сторонников Советов и наполовину из их противников, попытался сесть на двух стульях: он признавал Советы лишь при условии их построения на основе пропорционально-национального представительства, причем и

построенные по этому принципу Советы не были обязательны для населения, если в районе последнего избранное всеобщим голосованием земство получило повторное признание со стороны крестьянского съезда района»[84].

ЦЧВС решал все вопросы, касающиеся солдат-чувашей и до некоторой степени всего чувашского населения. Он имел свое отделение при штабе Казанского военного округа, где комиссаром чувашского отделения был Т.К. Крылов. В ЦЧВС обращалось с жалобами на действия местных властей чувашское население из разных регионов[85]. Среди более или менее значимых политических вопросов, которые пришлось решать Центральному чувашскому совету, Д.П. Петров отметил два: о вооруженной поддержке Учредительного собрания и о вхождении чувашей в Татаро-Башкирскую советскую республику. Первый был поставлен прибывшими из Петрограда эсерами – членами распущенного Учредительного собрания, зондировавшими почву для его открытия где-нибудь в Поволжье, перед татарами, башкирами (у них в то время заседал созванный Шуро военный съезд) и чувашами. Президиум ЦЧВС и Шуро после совместного обсуждения предложения дали отрицательный ответ: они решили «совершенно воздержаться от внесения этого вопроса на обсуждение соответствующих пленумов, чтобы этим не нарушать спокойного хода работы их по разрешению чисто национальных вопросов»[86]. Вопрос о Татаро-Башкирской республике был поставлен татаро-башкирскими деятелями. Центральный чувашский военный совет отклонил их предложение и предложил вместо него «проект Соединенных Штатов Поволжья»[87].

Деятельность ЦЧВС прекратилась 4 апреля 1918 г. Как отмечает исследователь истории чувашских эсеров В.В. Макаревский, его существование «было недолго продолжавшимся компромиссом между чувашскими правыми и левыми эсерами и центристами, связанными единой национальной целью – поисками путей общественно-политического и национально-государственного устройства чувашского народа»[88].

В связи с демобилизацией старой армии и начавшимся самороспуском чувашских военных организаций бывшие их члены 27 февраля 1918 г. организовали Чувашский центральный совет «Канаш», куда вошли 35 чел., в основном представители социалистических партий, признающих советскую власть: левые эсеры, социалисты-националисты, а также беспартийные. Совет претендовал на роль центральной организации чувашского народа, имел 8 отделов, предназначенных для решения управленческих задач в сфере общественно-политической, социально-экономической и национально-политической жизни чувашей: общий отдел; политико-экономический (с функциями урегулирования земельного, лесного, продовольственного, кооперативного дел и вопросов деятельности земств); общеполитический (с задачами укрепления советской власти среди чувашей, урегулирования «национального вопроса» и межнациональных отношений); просвещения; военный (занимался организацией чувашского полка); санитарно-медицинский; юридический (контроль за деятельностью судов и юридические консультации чувашскому населению). Организация выдвинула лозунг «Да здравствует чувашский народ!», ориентировалась на местах на работу как с земствами, так и с Советами; стремясь объединить чувашские земства, готовила созыв съездов земств и кооперативов[89]. Предполагалось, что со временем Чувашский центральный совет «Канаш» передаст всю власть чувашскому центральному органу власти «Канаш». По решению совета от 3 марта 1918 г. Казанский революционный штаб передал в

его распоряжение имущество и средства газеты «Хыпар» и Центрального чувашского фонда, который был создан по инициативе ЧНО и формировался путем добровольных пожертвований. Со дня основания газеты «Канаш» (28 февраля 1918 г.) до 13 апреля того же года ЧЦС «Канаш» являлся ее учредителем, а затем соучредителем[90].

По мере укрепления местных органов советской власти, которые забирали под свой контроль управление национальными процессами, роль общественно-политических организаций, какой являлся совет «Канаш», сводилась на нет. После создания Комиссариата по чувашским делам при Казанском губернском исполкоме Советов, который сосредоточил в своих руках основные функции по управлению делами чувашей, ЧЦС «Канаш» оставался лишь номинальной организацией, затем прекратил и формальное существование. Представляя собой разнородное в партийном отношении объединение, участники которого различались идейно-политическими взглядами, он не обладал необходимой организационной устойчивостью.

Организация Чувашского левого социалистического комитета. Образование и деятельность Казанского комиссариата по чувашским делам. Создание Чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР

Национально-политические процессы в Чувашском крае в послеоктябрьский период характеризовались не только активным созданием общественно-политических организаций и объединений, но и интенсивным партийным строительством. Его отличительной чертой было усиление роли левых социалистических партий и возникновение новых левых национально ориентированных партий и партийных блоков. Из Чувашской организации партии социалистов-революционеров вышли и стали работать в советских органах власти левые эсеры, возглавляемые А.Д. Красновым. К ним ушли бывшие члены комитета Чувашской организации партии эсеров – бывший председатель ЧНО А.В. Васильев и сотрудник газеты «Хыпар» А.П. Лбов. 28 февраля 1918 г. чувашские левые эсеры на базе отобранной у Чувашского национального общества газеты «Хыпар» создали газету «Канаш» (Совет). Организационно чувашские левые эсеры составили фракцию Чувашского левого социалистического комитета. Члены фракции рассматривали себя как местную организацию общероссийской партии левых эсеров. На заседании 11 апреля 1918 г. было принято решение о присоединении ее к программе партии левых эсеров[91].

Чувашские левые эсеры выступали прежде всего от имени чувашского крестьянства как выразители его интересов. Они принимали активное участие в деятельности национальных организаций, в работе съездов крестьянских депутатов, возглавляли в первой половине 1918 г. ряд уездных исполкомов Советов депутатов. При этом были непоследовательны в своей поддержке политики советского правительства, в частности касающейся Брестского мира, отношения к деревне; выдвигали требование организации Советов по принципу национально-пропорционального представительства; колебались между партией большевиков и чувашскими правыми эсерами; действовали с последними и эсерами-центристами в разрешении вопросов национального и общественно-политического развития чувашского народа[92].

В конце февраля – начале марта 1918 г. в Казани эсерами-центристами, покинувшими Чувашскую организацию партии эсеров, во главе с Д.П. Петровым была образована Чувашская национально-социалистическая партия. Она провозгласила себя выразителем интересов чувашского трудового крестьянства, к чему неспособны были общероссийские партии; отстаивала тезис о развитии чувашского народа по особому пути, пользовании чувашским языком во всех местных общественных и государственных учреждениях. Возрождение чувашского народа партия связывала с успехами российской и мировой революции, вкупе с подъемом национальной экономики и культуры, рычаги которого видела в развитии кооперации и местного самоуправления. Советскую власть социалисты-националисты поддерживали при условии, что ее политика не будет идти вразрез с суверенными интересами чувашского народа, а Советы – лишь созданные на принципе национально-пропорционального представительства. В вопросах межпартийных отношений партия декларировала самостоятельный путь и свободу блокирования с социалистическими партиями. Члены партии разделяли идеи левых и правых эсеров о национально-культурной автономии, созыве общечувашского Учредительного собрания; поддерживали проект национально-культурной автономии чувашей в рамках областной федерации народов Поволжья, осудили Брестский мир. Среди членов партии были видные активисты национального движения – Д.П. Петров, А.А. Спиридонов, Д.Е. Ефимов, П.А. Федоров (позднее перешел к левым эсерам), Л.М. Лукин и др. Они входили в ведущие национальные организации, такие, как Центральный чувашский военный совет, Чувашский центральный совет «Канаш», участвовали в создании Чувашского левого социалистического комитета, делегировали своих представителей в Комиссариат по чувашским делам при Казанском губернском исполкоме Советов, Чувашский отдел при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР[93].

Если чувашские социалисты-националисты представляли организационно самостоятельную партию, чья программа не была лишена радикально-националистической риторики и положений, то организованный 5 марта 1918 г. в Казани Чувашский левый социалистический комитет (ЧЛСК) являл собой в одном лице партийный блок и общественно-политическую национальную организацию, объединившую социалистические партии и политические группировки на платформе признания советской власти. В ЧЛСК входило до 30 чел. – главным образом представители чувашской интеллигенции в Казани. Он имел в своем составе фракции левых эсеров (самая крупная – А.Д. Краснов, Г.Я. Ковалевский, А.П. Лбов, А.П. Прокопьев, Г.Г. Герасимов и др.), чувашских социалистов-националистов (Д.П. Петров, А.А. Спиридонов и др.), беспартийных (около одной трети состава – И.К. Лукьянов, М.С. Слюбкин и др.), представителей большевиков (в разное время С.Г. Зайцев и Г.Г. Селиванов) и меньшевиков-интернационалистов (С.А. Коричев)[94]. Руководящим органом ЧЛСК был исполнительный комитет (президиум). Председателями ЧЛСК являлись Г.Я. Ковалевский (с марта до 12 мая 1918 г.), А.П. Лбов (с 12 мая), Д.П. Петров (с конца мая до 20-х чисел июля), А.Д. Краснов (с 20-х чисел июля до 6 августа 1918 г.)[95].

С самого начала ЧЛСК проявил стремление «стать высшим центральным органом революционной воли народа», призванным разрабатывать и осуществлять начала культурно-национальной автономии и политического самоопределения чувашей, контролировать деятельность чувашских учреждений[96]. Устремле-

ние левого социалистического комитета рассматривать себя как единственную партийную организацию, призванную руководить всем чувашским народом, было выражено в «Общем положении» – организационном и программном документе ЧЛСК, где было записано: «1) Для того, чтобы лучше понять и осуществить в жизнь идеалы настоящей революции, необходимо объединить социалистов простого чувашского народа. 2) Будучи высшей организацией всех трудящихся чуваш, необходимо повести их по правильному пути. 3) Необходимо осуществить в жизнь культурную автономию и политическое самоопределение чувашского народа. 4) Контролировать деятельность всех объединений и учреждений среди чуваш с тем, чтобы они не пошли против революции и простого чувашского народа»[97].

В борьбе за достижение идеалов социализма приоритет отдавался национальным интересам чувашского трудового народа. Так, в другом программном документе ЧЛСК «Общая платформа фракций чувашских социалистов и беспартийных Левого чувашского социалистического комитета» отмечалось: «Ясно отдавая отчет в том, что освобождение чувашского народа от жестокой капиталистической эксплуатации и политического порабощения зависит прежде всего от исхода общероссийской и мировой революции, фракции однако убеждены, что дело освобождения и культурно-национального возрождения чуваш может получить практическое осуществление положительной работой и творческими усилиями только самого трудового чувашского народа»[98]. По вопросу национально-государственного устройства России ЧЛСК исходил из того, что «государство Российское должно стать единой федерацией в виде союза автономных самоуправляющихся областей с широкими государственными задачами (Московии, Кавказа, Украины, Поволжья, Сибири и пр.)... Чувашский народ в целом должен войти в состав автономной Поволжской области с центром в Казани»[99]. Советские органы власти признавались фракциями комитета лишь при условии, когда они сформированы с соблюдением принципа национально-пропорционального представительства – «Советы, не созданные таким образом, не считаются органами власти для чувашского народа»[100]. В области национальной политики документ отмечал следующие основные задачи: 1) полная культурно-национальная автономия чувашей; дело народного образования, развитие национального искусства и национальной культуры «немедленно должны перейти в исключительное ведение чуваш, причем для этого фракции всегда будут добиваться осуществления без всяких урезков принципа отчисления государственных и местных средств пропорциональной доли бюджета на национальные нужды»; 2) реорганизация всех государственных и общественных учреждений и организаций на началах пропорционально-национального представительства, «в местностях с населением в 25 % и свыше равенство чувашского языка с общегосударственным»; право неограниченного пользования чувашским языком во всех местных государственных и общественных учреждениях среди чувашей[101].

Чувашский левый социалистический комитет считал общероссийские социалистические партии «великодержавными» и неспособными разрешить национальный вопрос в деле культурно-национального возрождения чувашей, ибо «даже самые передовые группы и партии культурных „державных" господствующих наций отличаются всегда и во всем мире органическим неумением и неспособностью понимать глубину и суть национального вопроса»[102]. Рассматривая социально-экономические и общественно-политические вопросы прежде всего с точки зрения

интересов трудового чувашского крестьянства, ЧЛСК решительно высказывался против таких мероприятий советского правительства, как политика хлебной монополии и контрибуции, а также мер «насильственного насаждения в деревне зачатков коммунизма»[103]. Кроме того, большинство членов левого социалистического комитета выступило против Брестского мира. ЧЛСК вынес постановление по вопросу о войне и мире, в котором заявил, что целиком присоединяется к резолюции левых социалистов-революционеров, с «особым возмущением подчеркнув, что правительствующая коммунистическая партия большевиков, заключив мир с германским империализмом, пренебрегла судьбой Польши, Литвы, Белоруссии, Армении и проч. и тем нарушила священный лозунг о самоопределении народов»[104]. Поэтому комитет декларировал, что в вопросах политической тактики и действий и межпартийных отношений «фракции идут почти совершенно самостоятельным путем, диктуемым национальными интересами чувашского трудового народа, не следуя слепо ни за одной из общегосударственных партий и в нужных случаях блокируясь с любой из социалистических партий». СНК РСФСР и его документы признавались им постольку, «поскольку они не идут вразрез с национальными задачами чувашского трудового крестьянства»[105].

Позиционируя себя как высший центральный орган для разработки и осуществления начал культурно-национальной автономии и политического самоопределения чувашей, левый социалистический комитет стремился взять под свой контроль деятельность государственных и общественных учреждений, проведение чувашских съездов, издание национальной печати; делегировал своих представителей в различные органы и т.д. Так, на IV Казанском губернском съезде крестьянских депутатов (март 1918 г.), на котором присутствовало 130 чел. в качестве представителей от чувашских волостей губернии, ЧЛСК направил 10 делегатов (5 – делегированных общим собранием левого социалистического комитета, 5 – Казанским комиссариатом по чувашским делам). На съезде была сформирована чувашская фракция, руководителем которой избрали Д.П. Петрова – председателя ЧЛСК[106]. Уже на первом, организационном заседании ЧЛСК 5 марта 1918 г. члены комитета в резолюции по текущему моменту поставили задачу разъяснять чувашскому населению, «как чувашские трудящиеся должны бороться за свои интересы»[107]. На совместном заседании ЧЛСК и Казанского комиссариата по чувашским делам (10 мая 1918 г.) его участники обсудили вопрос об организации чувашского театра, чувашского музея и об учреждении Чувашского дома, приняв по нему положительное решение. Также была заслушана информация о предстоящих в Чистопольском уезде чувашском крестьянском съезде и съезде чувашских учителей; на них было предложено командировать представителя Казанского комиссариата по чувашским делам[108]. На заседании ЧЛСК от 12 мая 1918 г. рассматривался вопрос «о предполагаемом съезде чувашского духовенства и мирян-чуваш». Было решено не возражать против его проведения, так как это «частное дело верующих», но если съезд «будет против революции», то «надлежит предпринять в связи с этим обстоятельством меры»[109].

На заседании ЧЛСК 5 марта 1918 г. было решено создать административный орган по управлению чувашами – Комиссариат по чувашским делам при Совете народных комиссаров Казанской советской рабоче-крестьянской республики (позже он стал именоваться – при исполкоме Казанского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов). Казанским губернским комиссаром по чувашским делам

стал А.Д. Краснов[110]. 9 марта 1918 г. Комиссариат по чувашским делам был утвержден на расширенном заседании Казанского Совнаркома «при полном его собрании, в присутствии представителей фабрично-заводских комитетов, кажется, даже и единогласно», – вспоминал А.Д. Краснов[111]. 14 марта 1918 г. был сформирован состав комиссариата. Заместителями комиссара по чувашским делам избрали Д.П. Петрова и М.С. Слюбкина, секретарем – А.А. Спиридонова. Заведующими отделами и подотделами Комиссариата по чувашским делам стали: отдела труда – С.Г. Зайцев, по организации социалистической армии – А.А. Осанов, ликвидационного отдела – Д.Е. Ефимов, народного просвещения – С.П. Павлов, школьного подотдела – Г.Т. Титов, внешкольного подотдела – И.С. Максимов, издательского подотдела – А.П. Лбов и А.П. Прокопьев, иногороднего отдела – Л.М. Лукин, финансового – М. Филиппов, хозяйственного – Н.Д. Денисов, судебного – П.А. Федоров, отдела по борьбе с контрреволюцией – В.А. Алексеев, отдела народного здравоохранения – И.К. Лукьянов[112]. В этот же день чувашская фракция исполкома Казанского губернского Совета крестьянских депутатов заслушала доклад А.Д. Краснова о чувашском комиссариате и его задачах. В ходе обсуждения, как написал в своих воспоминаниях А.Д. Краснов, выдвинулись две точки зрения относительно задач комиссариата: «революционная» (А.Д. Краснов) и «национально-шовинистическая», представленная Г.Т. Титовым[113]. А.Д. Краснов не стал конкретизировать, что скрывалось под «националистической позицией». Можно предположить, что Г.Т. Титов выдвигал в качестве главной цели чувашского административного органа защиту не классовых, а прежде всего национальных интересов всего чувашского народа. (Дискуссия на этот счет имела место и в последующем. Так, на общем заседании комиссариата с ЧЛСК и чувашскими депутатами Казанского губернского Совета крестьянских депутатов (2 июня 1918 г.) между А.Д. Красновым, с одной стороны, и А.А. Спиридоновым, Г.Т. Титовым, Д.П. Петровым – с другой, произошел спор по вопросу о национально-пропорциональном представительстве чувашей во всех административных и общественных учреждениях. А.Д. Краснов предложил изменить п. 5 Общего положения о Комиссариате по чувашским делам в той части, где говорилось «о преобразовании всех административных и общественных учреждений в Казанской республике на принципе национально-пропорционального представительства», словами «необходимо стараться к вовлечению во все учреждения из чуваш», мотивируя тем, что чувашский комиссариат не в состоянии делегировать во все учреждения и органы представителей из чувашей. Его оппоненты считали необходимым «сохранение идеала пропорционально-национального представительства»)[114].

На собрании Чувашского левого социалистического комитета 18 марта 1918 г. А.Д. Краснов внес предложение об образовании в Комиссариате по чувашским делам лишь пяти отделов: справочного, связи, переводческого, хозяйственного и агитационно-политического. Разработка окончательной структуры комиссариата была поручена комиссии в следующем составе: Д.П. Петров, А.Д. Краснов, А.П. Лбов. На совместном заседании ЧЛСК и чувашского комиссариата 6 апреля 1918 г. А.Д. Краснов огласил текст Общего положения о Комиссариате по чувашским делам, разработанный Д.П. Петровым. После внесения дополнений и поправок общее собрание приняло их по пунктам. Для разработки личного состава и штата комиссариата выбрали комиссию из 5 чел.: Д.П. Петров, Г.Т. Титов, М.С. Слюбкин, Л.М. Лукин и Д.С. Эльмень[115].

Согласно Общему положению о Комиссариате по чувашским делам, он являлся отделом общего Комиссариата по национальным делам Казанской республики. Заведующий чувашским отделом именовался «комиссаром по чувашским делам» (он участвовал в работе Совета народных комиссаров Казанской советской республики с правом решающего голоса[116]). Комиссариат по чувашским делам в решении подведомственных ему дел наделялся автономией и разбивался соответственно поставленным задачам, на секции: общий отдел, связи и агитационно-политический, справочный, печати и переводческий, административно-военный, финансово-хозяйственный. Общей обязанностью комиссариата называлось укрепление рабоче-крестьянской власти среди чувашей и осуществление принципов культурно-национального и политического самоопределения чувашского народа, поскольку «это не противоречит основным задачам великороссийской революции»[117]. Перед структурными подразделениями комиссариата ставились конкретные задачи. Так, для секции связи и агитационно-политической, в частности, это были: организация на местах Советов и установление связи с ними; политическое руководство чувашским народом путем агитации, устройства съездов, лекций и т.д.; борьба «со всякими контрреволюционными проявлениями среди чуваш» путем убеждений и репрессий; постоянная связь с местными национальными организациями других народов, с местными комиссариатами по всем отраслям управления для защиты интересов чувашей и т.д. В функции справочной секции входили прием посетителей, заявлений и жалоб и направление их в соответствующие учреждения; сбор сведений и информации о всех начинаниях и мероприятиях для удовлетворения потребностей чувашского народа; обслуживание нужд чувашского населения посредством печати, почты и телеграфа. Задачами секции печати и переводческой являлись издание и распространение материалов, исходящих из комиссариата; распространение среди населения и перевод на чувашский язык распоряжений общегосударственной и местной властей; перевод на русский язык поступающих в местные государственные учреждения жалоб и заявлений; делегирование переводчиков в суд и правительственные учреждения. Целями административно-военной секции были обеспечение реорганизации всех административных и общественных учреждений в Казанской республике на принципе национально-пропорционального представительства; финансирование из местного бюджета согласно «пропорциональной доле на нужды чувашского пролетариата и беднейшего трудового крестьянства»; проведение в жизнь равенства чувашского языка с общегосударственным и татарским в пределах Казанской республики; создание административного аппарата и соблюдение революционного порядка в местностях с чувашским населением; организация чувашских национальных частей в Красной армии.

Личный состав Комиссариата по чувашским делам в соответствии с Общим положением был определен в 24 единицы[118]. Согласно приказу Комиссариата по чувашским делам Казанской советской рабоче-крестьянской республики от 1 мая 1918 г. был утвержден его руководящий состав, сформированный на объединенном заседании ЧЛСК, чувашской фракции исполкома Казанского губернского Совета крестьянских депутатов и Казанского чувашского комиссариата: комиссар по чувашским делам – А.Д. Краснов, заместитель комиссара – Д.С. Эльмень, заведующий финансово-хозяйственной частью – Н.Д. Денисов, заведующий административно-военным отделом – Л.М. Лукин, заведующий справочно-статистическим

отделом – С.Г. Зайцев, заведующий отделом связи и агитационно-политическим – Н.А. Трофимов[119].

Созданный как губернское учреждение, Казанский комиссариат по чувашским делам стал органом с широкими общенациональными задачами, который «претендовал на то, чтобы обратиться некоторым образом в экстерриториальное правительство чувашей»[120]. Его деятельность охватывала фактически весь круг политических, административных, социальных вопросов, касающихся чувашей. Прежде всего он приступил к ликвидации национальных военных организаций, которые потеряли значение ввиду декрета о демобилизации из старой армии. Таковыми были признаны: Казанский гарнизонный чувашский комитет, Чувашский военно-окружной комитет Казанского военного округа, Центральный чувашский военный совет (окончательно они были упразднены 4 апреля 1918 г.)[121]. Одновременно комиссариат инициировал организацию чувашских воинских частей Красной армии. 9 апреля 1918 г. президиум Казанского губернского исполкома Советов рабочих и солдатских депутатов с согласия Казанского военного комиссара своим постановлением разрешил «создание отдельных национальных частей социалистической Красной армии национальностям чувашским и марийским»[122]. До занятия белочехами Казани были сформированы две национальные роты интернационального полка Красной армии, состоявшие из чувашей и мари[123].

Казанский комиссариат стремился поставить под свой контроль и руководство деятельность чувашских национальных организаций. В газете «Канаш» им было опубликовано объявление о том, что «чувашским народным организациям при Казанской губернии надлежит извещать Казанский губернский комиссариат по чувашским делам о своих организационных структурах с высылкой своих уставов»[124]. Он также потребовал от организаций «среди чуваш Казанской губернии» информировать отдел связи и агитационно-пропагандистский комиссариата об издании всяких воззваний, которые «можно выпустить при просмотре этим отделом»[125]. Давая согласие на проведение общечувашских съездов учащихся и учителей, комиссариат выдвинул условия, чтобы в их оргбюро были представлены два члена ЧЛСК[126]. Он ставил задачей координировать деятельность советских органов среди чувашского населения – распоряжением административно-военного отдела комиссариата волостные Советы в районах проживания чувашей обязывались направлять ему копии протоколов всех своих заседаний[127]. Выступая за укрепление рабоче-крестьянской власти среди чувашей, комиссариат стремился обеспечить проведение классовой линии в деятельности Советов, национальных органов и печати. Так, редакции газеты «Канаш» было предложено печатать главным образом материалы, «направленные к оправданию политики советской власти и к защите ее революции»[128]. Комиссариат потребовал от советских органов на местах «доносить» в агитационно-политический отдел «о всех контрреволюционерах и о всех противниках советской власти незамедлительно»[129]. При подготовке к проведению общечувашского рабоче-крестьянского съезда комиссариат через газету «Канаш» обратился не избирать делегатами на съезд «противников Советов и сторонников богачей»[130].

Важнейшим направлением в деятельности Казанского чувашского комиссариата была агитационно-пропагандистская работа. Совместно с ЧЛСК, чувашской фракцией исполкома Казанского губернского Совета крестьянских депутатов

он издавал газету «Канаш», в которой печатались различные объявления и обращения комиссариата, декреты, постановления и законы центрального советского правительства, материалы, касающиеся общественно-политической, социально-экономической и национальной жизни чувашского народа[131]. Исходя из задачи осуществления принципа культурно-национальной автономии чувашей, комиссариат пропагандировал и стремился провести в жизнь идеи национально-пропорционального представительства в государственных и общественных учреждениях и суде, равенства языков, внедрения чувашского языка в судопроизводство, деятельность советских органов, выдвижения в них национальных кадров. К примеру, 13 апреля 1918 г. в газете «Канаш» комиссариат опубликовал извещение о том, что, с момента уравнения чувашского языка с языками других народов каждый чуваш «может говорить всюду на родном языке и писать бумаги на нем во все учреждения». В этом же номере было размещено объявление о том, что в различные учреждения нужны будут лица, знающие чувашский и русский языки, и «потому комиссариат приглашает быть переводчиками и подать соответствующие заявления»[132]. Совместно с мусульманским отделом Комиссариат по чувашским делам подготовил проект декрета о равноправии чувашского и татарского языков с общегосударственным[133].

В связи с учреждением окружного народного суда административно-военный отдел чувашского комиссариата возбудил ходатайство перед Казанским комиссариатом юстиции о включении представителя от чувашей «в список кандидатов, желающих баллотироваться в члены окружного народного суда»; объявление с предложением выдвигаться чувашам в состав данного суда напечатали газета «Канаш» и русскоязычные издания[134].

Казанский чувашский комиссариат стремился наладить справочно-статистическую работу. Он обратился к волостным Советам депутатов с просьбой предоставить сведения о численности чувашского населения в каждом населенном пункте чувашской волости; произвел регистрацию чувашских национальных учреждений в Казанской губернии[135]. Одной из главных функций комиссариата было изыскание средств для финансирования деятельности на национальные нужды из центральных и местных государственных источников, а также через добровольные пожертвования и принудительные обложения и контрибуции. С самого начала своего существования и до 1 ноября 1918 г. в общей сумме он получил 47 842 руб., а его расходы за этот период составили 52 542 руб.[136] При этом основным каналом финансирования чувашского комиссариата (не менее 80 %) стали государственные органы в лице Комиссариата по национальным делам Казанской губернии, Казанских губернских советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Казанского комиссариата по внутренним делам.

Казанский комиссариат по чувашским делам явился инициатором создания центрального советского административного органа для чувашей – Чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР. Первоначально предполагалась организация комиссариата (по примеру Комиссариата по делам мусульман Средней России при Наркомнаце), а не чувашского отдела[137]. Причем на роль общероссийского комиссариата готов был претендовать и сам Казанский комиссариат[138]. 9 апреля 1918 г. А.Д. Краснов обратился в СНК Казанской советской республики «об официальном признании Комиссариата в качестве административного органа для всего чувашского народа (впредь до орга-

низации общечувашского комиссариата)... и разрешении иметь при центральном правительстве представителя для защиты национальных интересов чувашского пролетариата и беднейшего и трудового крестьянства»[139]. Такая постановка вопроса была вполне правомерна, поскольку, несмотря на областной статус, характер деятельности Казанского комиссариата имел общечувашский масштаб. Кроме того, наделение Казанского комиссариата полномочиями всечувашского позволило бы использовать для нужд чувашского народа финансово-материальные ресурсы федерального центра»[140].

Вопрос о преобразовании Казанского комиссариата в самостоятельный Чувашский комиссариат (по примеру Комиссариата по делам мусульман Средней России при Наркомнаце) был поднят во время проходившего в апреле 1918 г. в Москве совещания (по поводу образования Татаро-Башкирской республики) чувашскими делегатами Д.С. Эльменем и И.С. Максимовым-Кошкинским. Однако данная инициатива не была поддержана руководителями НКН РСФСР, так как свою задачу они видели в том, чтобы не допустить «самостийности в национальных массах»[141]; контролировать национальное движение на местах. С этих позиций наиболее приемлемой и оптимальной организационной формой были признаны национальные отделы в структуре Наркомнаца РСФСР. В результате бесед с И. Сталиным была признана неправомерность экстерриториальных притязаний Казанского чувашского комиссариата. Позже Д.С. Эльмень вспоминал: «Мы встречались и беседовали с ним несколько раз. И вместо расширения полномочий Чувашского комиссариата в Казани Сталин предложил создать в Москве Чувашский отдел Наркомнаца»[142]. В ходе обсуждений с ним были определены примерные штаты и направления работы Чувашского отдела. 26 апреля 1918 г. состоялось заседание коллегии Наркомнаца, на котором было принято решение об учреждении Чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР. Вместе с тем был сохранен и Казанский комиссариат по чувашским делам в качестве областного органа[143].

На следующий день НКН РСФСР направил отношение Казанскому комиссариату, в котором извещал, что «вопрос об учреждении Чувашского отдела... решен положительно. Чувашскому комиссариату совместно с Казанским Совдепом предлагается выдвинуть кандидатов на пост заведующего отделом и его заместителя»[144]. 30 апреля на объединенном заседании чувашской фракции исполкома Казанского губернского Совета крестьянских депутатов, ЧЛСК и Казанского комиссариата по чувашским делам заведующим Чувашским отделом был избран учитель С.П. Павлов, его заместителем – служащий банка Г.Я. Ковалевский[145]. Однако они так и не приступили к работе в Наркомнаце и не выехали в Москву «вследствие необходимости пребывания их на вверенных им работах»[146] (таково было объяснение призванных «руководить всечувашской работой»). Поэтому 10 мая 1918 г. (в ряде источников указывается 9 мая 1918 г. вспоминал[147]) на совместном заседании ЧЛСК, чувашской фракции исполкома Казанского губернского Совета крестьянских депутатов и Казанского чувашского комиссариата руководство Чувашского отдела Народного комиссариата по делам национальностей было переизбрано: заведующим стал Д.С. Эльмень, его заместителем – С.А. Коричев, «фактически организовавшие Чувашский отдел Наркомнаца»[148]. Уже на следующий день они выехали в Москву для решения практических вопросов организации центрального чувашского органа[149]. 18 мая 1918 г. Чувашский отдел и его руководители были официально утверждены[150].

6 июня Д.С. Эльмень возвратился из Москвы и на следующий день на заседании Казанского чувашского комиссариата, ЧЛСК и чувашской фракции Казанского губернского Совета крестьянских депутатов доложил о результатах своей поездки, высказался за необходимость открытия чувашских комиссариатов «как филиалов» Чувашского отдела наряду с Казанью в Симбирске, Самаре и Уфе, а также за организацию чувашской газеты при отделе. Для реализации этих предложений заседание создало комиссию в составе А.Д. Краснова, Филиппова, Л.М. Лукина, Д.С. Эльменя; также приняло решение признать газету «Канаш» печатным органом Чувашского отдела НКН и издавать на его средства[151].

К середине июня 1918 г. была сформирована организационная структура Чувашского отдела. С 30 мая 1918 г. официально начала функционировать канцелярия. В июне 1918 г. в Казани работал I общечувашский рабоче-крестьянский съезд, который 10 июня утвердил выработанное комиссией Положение о Чувашском отделе при НКН РСФСР. Согласно документу, отдел учреждался для осуществления следующих задач: укрепление рабоче-крестьянской власти среди чувашского народа; осуществление начал культурной автономии чувашей и зачатков их политического самоопределения, «поскольку эти тенденции и характер самоопределения не идут вразрез с основными задачами великой российской революции»; представительство и защита интересов чувашей перед центральным рабоче-крестьянским правительством и центральными революционно-социалистическими организациями[152]. Была утверждена структура Чувашского отдела в составе следующих подотделов: общий, связи и иногородний, культуры и просвещения, печати и агитационно-политический, труда и экономики, административный и справочно-статистический[153], а также утверждены кандидатуры заведующего Чувашским отделом и его заместителя – Д.С. Эльмень и С.А. Коричев[154].

На съезде встал вопрос о кандидатурах заведующих подотделами. А.Д. Краснов выступил за исключение этого вопроса из повестки дня. С ним не согласился А.А. Спиридонов. В ходе обсуждения Г.Т. Титов отметил, что заведующий Чувашским отделом избирается чувашскими съездами и утверждается центральными органами, а заведующие подотделами избираются и утверждаются общенациональными съездами. В итоге из предложенных А.А. Спиридоновым кандидатур съезд утвердил лишь четыре: Г.Т. Титов (культуры и просвещения), Л.М. Лукин (административного и справочно-статистического), Сухарев (печати и агитационно-политического), Н.И. Рубачев (труда и экономики)[155].

Подотделы приступили к работе с 12 июля 1918 г., о чем Чувашский отдел довел до сведения правительственных и общественных учреждений и организаций через казанскую газету «Знамя революции»[156]. Его подразделения, кроме общего подотдела, разместились в Казани при губернском Комиссариате по чувашским делам[157]. Однако полноценно функционировать они так и не начали (к примеру, подотдел труда и экономики из-за отказа своего заведующего приступить к работе фактически существовал лишь на бумаге), прежде всего по причинам нехватки денежных средств и кадров и развернувшейся летом 1918 г. Гражданской войны[158]. Подотделы Чувашского отдела вынуждены были пользоваться аппаратом Казанского чувашского комиссариата, эффективность и масштаб их работ был значительно меньше, чем у последнего[159]. По этой причине Д.С. Эльмень, преследуя цель придать самостоятельность, авторитет и повысить работоспособность руководимого им органа, вынужден был дать объявление в газете «Канаш» об ан-

нулировании извещения, подписанного С.А. Коричевым, о том, что подотделы Чувашского отдела «проводят свои работы через Казанский чувашский комиссариат»[160]. Лишь с конца 1918 г. после освобождения Казани от белочехов, укрепления коммунистических организаций, «большевизации» советских и национальных органов и отделов Чувашский отдел сумел приступить к «более или менее полному функционированию»[161].

Утверждение руководящей роли левых сил в чувашском национальном движении. Общечувашский рабоче-крестьянский съезд и его решения

Создание Чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР имело огромное значение для национально-политического и социально-культурного развития этноса. Впервые в истории народа был образован центральный орган управления, призванный представлять его интересы перед высшими органами власти страны, ставить и добиваться реализации национальных запросов и нужд чувашей. Вместе с тем создание Отдела знаменовало новую веху в этническом движении народа: произошел переход от общественных организационных форм его регулирования к управлению государственными органами; чувашское национальное движение перестало быть плюралистическим и становилось гомогенным в партийном отношении: оппозиционные блоку левых эсеров и большевиков силы (правые эсеры, ЧНО, антисоветски настроенные беспартийные) оказались на вторых ролях. Последняя тенденция четко прослеживалась на всем протяжении первой половины 1918 г. По мере укрепления советской власти руководящая роль Чувашского национального общества неуклонно снижалась. Лидеров национального движения 1917 г. стали вытеснять советские деятели. Так, на Всероссийском чувашском военном съезде (январь 1918 г.) Г.Ф. Алюнова и С.Н. Николаева не было, хотя первый из них в протоколах форума не раз упоминался в связи с избранием его в состав различных комиссий. С поста председателя ЧНО ушел и покинул ряды правых эсеров А.В. Васильев. К левым эсерам перешли ответственные работники редакции газеты «Хыпар»: один из редакторов А.П. Прокопьев (Милли) и заведующий экспедицией газеты А.П. Лбов[162].

В конце февраля 1918 г. ЧНО и правые эсеры лишились своего органа печати, а значит, возможности воздействовать на общественное сознание и умы. По инициативе ряда членов Центрального чувашского военного совета (Д.П. Петров (Юман), В.А. Алексеев, А.Д. Краснов, Г.Г. Герасимов, М.С. Слюбкин, Д.Е. Ефимов) ночью 27 февраля имущество и типография газеты «Хыпар» были отобраны солдатами во главе с М.С. Слюбкиным, М.П. Петровым, Д.Е. Ефимовым, а на ее базе стала выходить газета «Канаш» как орган Центрального чувашского военного совета, с начала марта 1918 г. ее соучредителем выступил также ЧЛСК[163].

Несмотря на устойчивое ослабление политических позиций и снижение идейного влияния, Чувашская организация партии социалистов-революционеров и ЧНО в первой половине 1918 г. были еще достаточно организованны и авторитетны, чтобы оказывать «если не столько политическое, то культурно-просветительское влияние на чувашский народ»[164]. Тем более что их лидеры (Г.Ф. Алюнов, И.В. Васильев, Г.Т. Титов) были харизматичными личностями, «с большими организаторскими способностями работники и обладали большими оратор-

скими способностями. Поэтому пройти мимо них, не обратив на них того или иного внимания в то время было абсолютно невозможно»[165], – отмечал А.Д. Краснов. Значительным влиянием правые социалисты пользовались среди национальной интеллигенции. Как заметил Краснов в рукописи «Чувашские политические организации в 1917–1918 годах», «эсеры правые и центровики имели в то время определенную тенденцию направления своей политики через русло учительства и учащихся в гущу народной массы»[166]. Поэтому и не случайно, что деятели Чувашского национального общества стали инициаторами созыва ряда корпоративных съездов национальной интеллигенции. По этому поводу Г.Ф. Алюнов устно обратился от имени ЧНО к А.Д. Краснову «о санкционировании» Казанским чувашским комиссариатом проведения общечувашского съезда учащихся, съезда чувашских учителей и съезда духовенства и мирян-чувашей[167].

Вопрос о созыве этих съездов предварительно был рассмотрен левой фракцией ЧЛСК на заседании 11 апреля 1918 г. В ходе обсуждения А.Д. Краснов отметил, что съезды учителей-чувашей и учащихся «будут носить чисто учебный характер». С ним согласился С.П. Павлов, заявив, что они «никакой опасности (политической. – *В.К.*) из себя не должны представлять» и необходимы по тем соображениям, что во многих уездах не созданы органы образования (советы по народному образованию и комиссариаты просвещения). Их поддержал Г.В. Герасимов, высказавший пожелание чувашскому комиссариату проследить, чтобы съезды были исключительно профессиональными. Против проведения съездов высказался Г.Г. Герасимов, так как, по его мнению, приходится обсуждать, «будем ли мы активно работать на этих съездах и кому принадлежит инициатива в их проведении»[168]. В результате обсуждения пришли к мнению, что Комиссариату по чувашским делам следует взять инициативу проведения съездов в свои руки. С.П. Павлов внес предложение, которое легло в основу решения заседания: со стороны Комиссариата по чувашским делам не должно быть препятствий к созыву съездов учащихся и учащих чувашей при условиях, чтобы в их организационных бюро были представлены 2 члена ЧЛСК, а комиссариат по чувашским делам и Чувашский комиссариат просвещения оставили за собой право обеспечить активное участие своих представителей в работе созываемых съездов. Были намечены в организационное бюро съезда учителей (чувашей) (куда входили А.Г. Гаврилова, М.П. Михайлов, Г.Т. Титов и А.С. Блинов – от ЧНО) Д.Е. Ефимов – от Комиссариата по чувашским делам при Казанском губернском Совете, кандидаты от левой фракции ЧЛСК – Г.Г. Герасимов и Г.Г. Селиванов, в оргбюро съезда учащихся чуваш (И.В. Васильев, Т.П. Селиванов, Т.Д. Алексеев и П.А. Макарова (кандидат) – П.А. Федоров и А.П. Прокопьев. Фракция поручила П.А. Федорову и А.П. Прокопьеву «проводить на съезде работу по его идейному расколу в целях создания чувашской партии левых эсеров»[169].

Наиболее дискуссионным на этом собрании стал вопрос о созыве съезда духовенства и мирян-чувашей. Высказывались мнения: «о съезде духовенства и мирян не может быть и речи» (Г.Г. Герасимов); «мы не должны прямо запрещать» его (А.Д. Краснов); съезд нежелателен, так как он не только духовенства, но и мирян (Г.В. Герасимов)[170]. После долгих прений была принята резолюция, подготовленная С.П. Павловым, которая гласила: ввиду того, что советским правительством религия объявлена частным делом граждан, религиозные общества и союзы могут собираться, но только в том случае, если они «не противятся декретам со-

ветского правительства, касающимся вопросов веры». В постановлении говорилось: «Из представленного перечня предполагаемых докладов* ... усматриваем, что съезд духовенства и мирян в настоящее время может встать в оппозицию советской власти в связи с изданными его декретами по вопросам религии и преподавания Закона Божия»[171].

Таким образом, созыв чувашского съезда духовенства и мирян явно не одобрялся (намеченный на 20–24 мая 1918 г. (по старому стилю) он так и не был проведен). Г.Ф. Алюнову в ответ на его обращение о разрешении на проведение чувашских съездов учителей, учащихся, духовенства и мирян Комиссариатом по чувашским делам была послана в Чувашское национальное общество копия постановления, идентичная резолюциям, принятым на заседании фракции левых эсеров ЧЛСК 11 апреля 1918 г.[172]

Съезд чувашских учителей прошел в Казани 23–29 мая 1918 г. В его работе участвовало около 200 делегатов из Казанской, Самарской, Симбирской и Уфимской губерний. С приветственными речами к съезду обратились: от Союза мелких народностей Поволжья – Н.В. Никольский, от Казанского комиссариата по чувашским делам – А.Д. Краснов, от Чувашского национального общества – С.Н. Николаев, от Северо-Восточного института – И.М. Покровский и др. Съезд был призван определить задачи развития чувашской школы в новых условиях, выработать организационные формы национального просвещения. На нем рассмотрели вопросы о программе обучения в чувашской начальной школе, преподавании чувашского языка, руководстве народным образованием, развитии чувашской культуры, роли женщины в общественной жизни и др. Основными докладчиками выступили Т.Д. Алексеев, Г.Ф. Алюнов, О.А. Андреев, А.Г. Гаврилова, Н.В. Никольский, Д.П. Петров, Г.Т. Титов. На съезде был создан общечувашский учительский союз и избрано его правление во главе с А.С. Блиновым. А.Г. Гаврилова, проведя в дни работы съезда собрание участниц-учителей, организовала союз женщин-чувашек и была избрана председателем его правления[173].

Общечувашский съезд учащихся работал 30 мая – 1 июня 1918 г. Названия «общечувашский» он не оправдал, так как на нем присутствовали лишь делегаты двух губерний (43 – из Казанской, 14 – из Симбирской), хотя планировалось участие 2 представителей от каждой волости с чувашским населением. Выслушали и обсудили доклады Г.Ф. Алюнова, Н.И. Ашмарина, И.В. Васильева, Г.Т. Титова, С.М. Максимова, Н.В. Никольского, М.П. Петрова, В.Ф. Смолина и др., посвя-

* Предполагался следующий примерный перечень докладов на съезде чувашского духовенства и мирян: по вопросу о чувашских епископах (докл. В.Е. Егоров и Г.И. Комиссаров); организация приходской жизни (прот. Д.Ф. Филимонов); издание Библии на чувашском языке (свящ. М.П. Петров); издание богослужебных книг на чувашском языке (он же); организация чувашских духовно-учебных заведений (прот. К.П. Прокопьев); организация типографии для чувашских изданий (И.В. Васильев); о религиозно-нравственном воспитании чувашского народа (прот. Д.Ф. Филимонов); этнографическая карта чувашей (И.Н. Саперов); отделение церкви от государства (Г.Ф. Алюнов); организация чувашского духовенства (Н.В. Никольский); о наиболее важных религиозных центрах среди чувашей (он же); о чувашских святынях (свящ. С.М. Михайлов); экономическое положение чувашского духовенства и способы его улучшения (свящ. П.В. Васильев); о распространении среди чувашей санитарно-гигиенических и медицинских знаний (И.К. Лукьянов); о развитии среди чувашей кооперации (свящ. Н.К. Кузьмин); о церковно-проповеднической деятельности в чувашских приходах (И.Е. Ефимов). В организационное бюро съезда входили Н.В. Никольский, свящ. М.П. Петров, В.Н. Эсливанов (см.: Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. С. 332).

щенные истории и культуре чувашей, проблемам организации и задачам деятельности школьных союзов учащихся и школьных кооперативов, профессиональной ориентации учащейся молодежи, ее участию в политической, культурной, экономической жизни своего народа и т.д. Съезд принял решение о необходимости создать общечувашский союз учащихся[174].

Общечувашские съезды учителей и учащихся, хотя и оставили свой след в истории национального движения народа, все же не оказали заметного влияния на ход его развития и не имели значимых общественно-политических последствий. Это произошло прежде всего в силу их узкокорпоративного характера (рассмотренные вопросы и принятые решения были сугубо профессиональными), а также из-за отсутствия заинтересованности и поддержки со стороны Казанского комиссариата по чувашским делам, ЧЛСК, Чувашского отдела НКН РСФСР в реализации постановлений съездов и придании им широкого общественного резонанса, поскольку, как отмечал А.Д. Краснов, «для полного и исключительного руководства сторонников большевизма над этими интеллигентными силами ... у нас образованных сил все же было недостаточно»[175].

Гораздо более важным для левосоциалистического блока, доминировавшего в чувашском национальном движении, и всех других его участников стал прошедший в июне 1918 г. Общечувашский рабоче-крестьянский съезд. Правые социалисты задумывали созвать вместо него общечувашский съезд «на началах всесословного, всенародного и внеклассового представительства»[176]. Именно с таким предложением правление ЧНО выступило 17 апреля 1918 г. на «Собрании чуваш всех профессий», которое рассмотрело вопрос «О чувашском съезде», но оно им было отвергнуто. Собрание постановило: провести «рабоче-крестьянский чувашский съезд, приурочив его к предстоящему областному съезду Советов», и избрать комиссию для выработки положения о созыве съезда при Казанском комиссариате по чувашским делам[177]. 25 апреля 1918 г. созданная комиссия представила на объединенное заседание чувашской фракции исполкома Казанского губернского Совета крестьянских депутатов, ЧЛСК и Казанского комиссариата по чувашским делам основные положения, которые следующим образом определяли главные задачи рабоче-крестьянского съезда: разрешение назревших вопросов национальной жизни; отношение к предполагаемому объявлению Татаро-Башкирской республики; политическое самоопределение чувашского народа, его ориентация, формы и основы; отношение к культурной автономии и формы ее фактического осуществления в общечувашском масштабе; вопросы экономического и культурного возрождения чувашей: кооперативное движение, мероприятия в области местного хозяйства и проч.; органы административные и судебные среди чувашей, их задачи и организации и т.д.[178]

На этом же объединенном заседании было учреждено оргбюро по созыву съезда в следующем составе: от Казанского комиссариата по чувашским делам – А.Д. Краснов (председатель) и Л.М. Лукин, от ЧЛСК – Д.П. Петров и А.П. Лбов, от чувашской фракции исполкома Казанского губернского Совета крестьянских депутатов – три представителя (Е.М. Матвеев и др.)[179], от Чувашского национального общества – Г.Ф. Алюнов, чувашской организации учащихся – И.В. Васильев[180]. Последние два оказались в нем «не без значения». По мнению А.Д. Краснова, «они, стоявшие в свое время за созыв общечувашского Учредительного собрания, оказались там как бы для фиксации права Учредительного собрания это-

му рабоче-крестьянскому съезду вольно или невольно»[181]. Таким образом, их участие в оргбюро призвано было придать и самому организационному бюро, и предстоящему общечувашскому рабоче-крестьянскому съезду характер демократических, широких, многопартийных органов. Хотя на практике все вопросы, рассматриваемые на оргбюро, «предварительно разрешались в Чувашском левом социалистическом комитете или комиссариате» (Казанском комиссариате по чувашским делам. – *В.К.*)[182]. Как считает исследователь В.В. Макаревский, чувашские левые эсеры «резонно видели опасность национальной классовой конфронтации в случае придания общечувашскому съезду статуса Чувашского учредительного собрания в условиях существования советских органов власти в тот период в Чувашском крае. Поэтому они и объявили будущий съезд рабоче-крестьянским»[183].

Общечувашский рабоче-крестьянский съезд открылся в Казани 9 июня 1918 г. и работал до 15 июня. На него прибыло 98 делегатов. Съезд открыл председатель оргбюро А.Д. Краснов. Председателем съезда был избран А.А. Спиридонов, его заместителями – Г.Т. Титов, Сухарев, М.С. Слюбкин. 10 июня 1918 г. единогласно была принята программа съезда из 14 вопросов, среди которых были: отношение к Татаро-Башкирской республике (докладчик Д.П. Петров); о Центральном чувашском комиссариате и его отделениях (Д.П. Петров); о самоопределении чувашского народа и формах его осуществления (общий доклад Г.Ф. Алюнова); о культурном самоопределении (Г.Т. Титов); о зачатках политического самоопределения (А.Д. Краснов), органы власти и самоопределение среди чувашей (А.Д. Краснов); экономическое положение чувашей и способы его улучшения (И.В. Васильев); аграрный вопрос и др. Для предварительного рассмотрения вопросов повестки дня съезда были образованы комиссии: по вопросу о культурном самоопределении, об организации власти, по аграрному вопросу, по продовольственному вопросу[184].

По национальному вопросу съезд обсудил два основных выступления: отношение к Татаро-Башкирской республике и общий доклад о самоопределении чувашского народа и формах его осуществления, а также доклады о культурном самоопределении и зачатках политического самоопределения чувашей. Делегаты большинством голосов высказались против создания названной республики и вхождения в неё чувашей. Съездом было заявлено, что на данном этапе политического и культурного развития чуваши не готовы к самоопределению, т.е. к политической административной автономии[185]. (Подробно содержание этих докладов, ход их обсуждения и принятые решения рассматриваются в главе 6.)

В связи с обсуждением доклада о Татаро-Башкирской республике на съезде встал вопрос об оценке текущего политического момента, отношения к советской власти. Делегат Алексеев предложил, чтобы в первый пункт резолюции к словам «единую великую Российскую Федеративную Республику» добавили слово «Советскую». Председатель съезда А.А. Спиридонов и докладчик Д.П. Петров выступили против поправки, «чтобы не вносить раскола в съезд». В результате голосования поправка Алексеева не прошла (28 – за, 38 – против, 17 – воздержались)[186]. С этим не согласились ее сторонники, которые 10 июня провели фракционное совещание максималистов, большевиков, левых социалистов-революционеров и сочувствующих этим партиям делегатов Всероссийского общечувашского рабоче-крестьянского съезда в составе 45 чел. под председательством Быкова. На этом со-

вещании было принято такое решение: 1) на вечернем заседании съезда первым поставить вопрос о текущем моменте и в связи с отношением к советской власти; 2) в случае непринятия съездом постановления фракция обсудит вопрос о текущем моменте самостоятельно, отказавшись от дальнейшей работы с правым крылом; 3) докладчиками избрать С.П. Павлова и Быкова[187].

На вечернем заседании от имени объединенного левого крыла съезда выступил Быков, он внес письменное заявление с требованием внеочередной постановки в повестку дня вопроса о текущем моменте, так как отвергнутая поправка Алексеева (слово «Советская») «не выяснила левому крылу физиономию настоящего съезда»[188]. Возник инцидент. Председательствующий А.А. Спиридонов объявил о сложении с себя полномочий. В итоге обсуждений съезд проголосовал за доверие к А.А. Спиридонову и принял решение о внеочередном обсуждении вопроса о текущем моменте. С докладом о нем выступил Д.С. Эльмень. Он отметил, что Учредительное собрание – исторический пережиток, и предложил съезду утвердить постановление левого крыла о доверии к советской власти; подчеркнул, что если оно не будет принято, то левое крыло будет считать съезд неправомочным решать какие-либо вопросы. А.А. Спиридонов внес поправку к предлагаемой резолюции: «чуваши, как более темный в культурном отношении народ, без национального представительства в Советах окажутся игрушкой в руках темных сил. Поэтому Советы в местностях со смешанным населением должны быть реорганизованы на строго пропорционально-национальных началах»[189]. Вновь возникла дискуссия. А.Д. Краснов и Д.С. Эльмень выступили против этой поправки, назвав ее «контрабандным недоверием к существующей советской власти»[190]. (Позже, вспоминая об этом эпизоде, А.Д. Краснов прокомментировал его следующим образом: «Уместно ли было ставить вопрос о пропорциональном представительстве национальностей в Советах на 8-м месяце после Октябрьского переворота, когда, во-первых, все Советы на местах находились в руках чуваш – сторонников революции. И, во-вторых, сама постановка вопроса о национально-пропорциональном представительстве без оговорки, без добавления о сторонниках советской власти и активных борцов за советскую власть, за интересы революции, трудящихся масс являлась буржуазно-национально-шовинистической постановкой»[191].)

В результате голосования поправка А.А. Спиридонова была отвергнута (Д.С. Эльмень внес свою поправку: «Советы реорганизуются по возможности на национально-пропорциональных началах», но, когда не прошла поправка А.А. Спиридонова, Эльмень свою также снял)[192].

В итоге на утверждение съезда вынесли в целом (без поправок) резолюцию левого крыла по текущему моменту, которая была принята большинством голосов при пяти воздержавшихся. Она гласила: «Заслушав доклад об отношении к власти, Общечувашский рабоче-крестьянский съезд постановил: 1) признать только советскую рабоче-крестьянскую власть; нет власти, кроме власти трудового народа, Советы – его выразители; 2) все те, кто не стоит на платформе Советской власти и не признает таковой, есть контрреволюционеры и враги трудового народа и пролетариата. Да здравствует Всероссийская Социалистическая Федеративная Республика! Да здравствует трудовое крестьянство и рабочий пролетариат!»[193]

14 июня 1918 г. на заседании съезда с докладом «Об органах самоуправления среди чуваш» выступил А.Д. Краснов. Он подчеркнул, что в стране «единствен-

ный орган власти – советская власть», в Советы должны выбираться представители «только трудовых масс» (из интеллигентов – лишь сторонники советской власти) по принципу пропорционально-национального представительства; в губерниях и уездах необходимо образовать комиссариаты по чувашским делам, которые подчиняются вышестоящим «вплоть до Центрального чувашского отдела»; в местностях, где сплошное чувашское население, официальным языком в судах должен быть чувашский. В ходе развернувшихся прений Г.Т. Титов предложил внести дополнение в постановление по докладу: «Там, где есть необходимость, могут быть организованы чувашские комиссариаты в волостях, с подчинением соответствующим Советам»[194]. Делегат Кузьмин высказался, что среди чувашей, в том числе и «трудовых масс», существует отрицательное отношение к Советам[195]. Но его точку зрения не разделили участники съезда.

Большинством голосов при двух воздержавшихся он принял резолюцию «Об органах власти и самоуправления среди чуваш и о судах». В ней говорилось: среди чувашского населения устанавливается советская власть на следующих основаниях – состав Советов должен быть пропорционально-национальным трудовым массам; по возможности на таких же началах организуются исполнительные органы Советов. В разделе «Организация комиссариатов по чувашским делам и соответствующих отделов» отмечалось: в местностях, где чувашское население менее 50 %, организуются комиссариаты по чувашским делам или соответствующие им отделы по национальным делам; они создаются при губернских, уездных Советах (при крайней необходимости могут быть организованы и волостные комиссариаты); должностные лица комиссариатов или отделов избираются чувашскими фракциями съездов Советов или их исполкомами совместно с чувашскими левыми социалистическими организациями, «где таковые имеются и утверждаются Совдепами»; комиссариаты или отделы по чувашским делам подчиняются высшим органам по иерархии и контролируются Советами. В разделе «Об органах суда» было записано: в местностях, где чувашский язык должен «считаться официальным», судьи обязаны владеть чувашским языком; там же, где нет сплошного чувашского населения, в судах необходимо иметь переводчиков; судопроизводство в обоих случаях осуществляется на чувашском языке[196].

В принципиальном плане вопросы национально-культурной политики среди чувашей получили освещение в докладе Г.Т. Титова. Во главу угла он поставил сохранение чувашского языка, который необходимо развивать и поставить на должную высоту путем преподавания в школах в «национальном духе» на родном языке; нужно создавать и развивать национальную культуру. Докладчик ратовал за то, чтобы педагогический персонал в школах был «из чистокровных чуваш», при этом не следует допускать игнорирования русских учителей: чтобы русский язык был предметом преподавания в чувашских школах[197].

Съезд принял отдельную резолюцию по внеочередному заявлению С.Н. Николаева о положении Симбирской учительской чувашской семинарии. В ней декларировалось следующее: с учетом того, что эта семинария является национальным достоянием, общечувашский рабоче-крестьянский форум признает необходимым передать ее в управление «самому чувашскому народу» в лице Центрального чувашского совета по народному образованию, который «в целях технических удобств» передаст управление, если найдет нужным, Симбирскому губернскому комиссариату народного просвещения[198]. Принятие данной резолюции, по

мнению А.Д. Краснова, «имело большое значение в смысле сохранения этого училища исключительно для чувашских детей, как исторического культурного очага чуваш»[199].

Вне повестки дня на Общечувашском рабоче-крестьянском съезде был обсужден вопрос об участии его делегации на III съезде мелких народностей Поволжья, ставшем последним в истории народов региона. Он открылся 14 июня и рассмотрел следующие вопросы: о мерах по обеспечению средствами культурно-просветительских учреждений мелких народностей Поволжья, о школьном, дошкольном, внешкольном и профессиональном образовании, об отношении к Татаро-Башкирской республике (этот проект не получил его поддержки)[200]. В результате обсуждения Общечувашский рабоче-крестьянский съезд по предложению Г.Т. Титова принял решение большинством голосов при пяти воздержавшихся – не рассматривать съезд мелких народностей Поволжья как «полномочный съезд представителей с мест»[201]. И тем самым фактически проигнорировал его: объективная общественно-политическая ситуация складывалась таким образом, что как отмечал один из наблюдателей, «жизнь уже перешагнула через „внепартийные" организации, каковым стремился быть Союз мелких народностей Поволжья»[202], развитие национально-политических процессов в стране и регионе шло по пути поляризации общественных сил, партий и национальных объединений.

Наряду с национально-политической и культурной проблематикой традиционно на чувашских съездах рассматривались вопросы хозяйственно-экономического развития этноса. Не стал исключением и Общечувашский рабоче-крестьянский форум, который принял резолюции по земельному вопросу, о мероприятиях по подъему сельского хозяйства, по продовольственному вопросу. В первом постановлении съезд высказался за скорейшее проведение в жизнь основного закона о социализации земли. Но, имея в виду острое аграрное перенаселение среди чувашей, разрешение проблемы он видел в переселении «на свободные земли Сибири и Средней Азии». Для урегулирования переселенческого дела съезд постановил в составе Чувашского отдела при НКН РСФСР открыть подотдел по земледелию, который должен решать задачи главным образом переселения чувашей; сбора сведений о свободных землях, куда можно переселить чувашей и где можно создать национальные административные единицы (селения, волости и уезды); снабжения переселенцев сельскохозяйственными орудиями, устройства культурно-просветительских центров и т.д. Форум также решил возбудить ходатайство об открытии двух чувашских средних сельскохозяйственных училищ[203]. Во второй резолюции съезд постановил принять «все меры к тому, чтобы поднять производительность сельского хозяйства среди чуваш», для чего во всех низших школах предполагалось ввести «параллельное преподавание» предметов по сельскому хозяйству; поощрять переводы и издательство сельскохозяйственной литературы на чувашском языке; содействовать устройству курсов и чтений по сельскому хозяйству для учащихся и взрослого населения; организовывать местные съезды энтузиастов сельского хозяйства, садоводства и пчеловодства; увеличить количество инструкторов и агрономов; содействовать устройству сельскохозяйственных выставок, открытию курсов, средних и низших учебных заведений «по всем отраслям сельского хозяйства и вообще промышленно-технических училищ»[204]. В резолюции по продовольственному вопросу съезд постановил принять срочные меры по «борьбе с мешочничеством со спекулятивной целью, для искоренения это-

го зла в самой основе», признать необходимым установление твердых цен на хлеб и на все предметы первой необходимости; повсеместно организовывать общественные работы для беднейшего населения «на изыскание средств к жизни, как то: ремонты дорог и др.»[205].

На съезде также были приняты организационные и кадровые решения. По докладу Д.П. Петрова утвердили Общее положение о Чувашском отделе при Наркомнаце РСФСР и Устав Чувашской национальной библиотеки. Съезд избрал заведующими подотделами Чувашского отдела: культуры и просвещения – Г.Т. Титова, административно-справочно-статистического – Л.М. Лукина, печати, переводческого и агитационного – Сухарева, труда и экономики – Н.И. Рубачева (осталась вакантной должность заведующего подотделом связи); утвердил список членов Центрального чувашского совета по народному образованию из 6 чел., куда вошли представители Казанской (М.С. Слюбкин, Кольцов, Иванов), Уфимской (И.Н. Антипов), Симбирской (А.А. Спиридонов), Самарской (Корнилов) губерний, а также список членов по созданию Чувашской национальной библиотеки под председательством Н.И. Ашмарина: Г.Ф. Алюнов, Г.Т. Титов, И.В. Васильев, А.Г. Гаврилова, А.П. Прокопьев, А.Д. Краснов, Л.М. Лукин, А.А. Спиридонов, Д.П. Петров[206].

Общечувашский рабоче-крестьянский съезд был последним национальным форумом, в котором, несмотря на идейно-политические разногласия, приняли участие все главные политические силы, национальные объединения чувашского народа, хотя и при безусловном доминировании левых социалистов. Как писал позднее в своих воспоминаниях С.Н. Николаев, всех его участников отличало искреннее стремление «поделиться своими думами и желаниями по занимавшим их вопросам, при открывшейся к тому политической возможности, при родившейся свободе, так долго и жестко содержавшейся в оковах»[207]. Съезд продемонстрировал совместную работу левых эсеров, социалистов-националистов и правых эсеров по решению национальных, политических, экономических вопросов и проблем просвещения. Представители всех политических течений были солидарны в вопросе о недопустимости включения чувашского народа в состав Татаро-Башкирской республики, о неготовности чувашей к созданию политической автономии; придерживались лозунга культурно-национальной автономии и принципа национально-пропорционального представительства в органах власти и общественных учреждениях. По требованию левых эсеров съезд принял постановление о признании советской власти[208].

Резолюция Общечувашского рабоче-крестьянского съезда о поддержке советской власти де-юре закрепила фактическое положение вещей. С момента прихода к власти в октябре 1917 г. партии большевиков, она приступила к реализации идеи построения нового государства, основанного на преодолении отчуждения человека от власти, недостатков буржуазного парламентаризма и всеобщем самоуправлении народа, которое должно было осуществиться через систему Советов, построенных снизу доверху. Однако, прежде чем достичь непосредственного управления страной всем трудовым населением, по мнению создателей нового государства, необходимо было пройти через этап диктатуры пролетариата «в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти»[209]. Таким образом, с самого начала советская власть опира-

лась на насилие, что обосновывалось классовыми и идеологическими соображениями[210].

Установление советской власти. Национальные моменты в советском строительстве

После провозглашения 26 октября 1917 г. II Всероссийским съездом Советов перехода всей власти к Советам на местах начался процесс формирования новой власти. Данный процесс охватил и уезды с чувашским населением Казанской и Симбирской губерний. 29 октября в Чебоксарах по постановлению общего собрания Совета рабочих и солдатских депутатов и солдат гарнизона был образован Военно-революционный комитет под председательством И.М. Смоленкова. На следующий день он обратился к населению уезда с воззванием, в котором провозглашалась передача всей власти в уезде в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 8 ноября прежний Совет был преобразован в уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с возложением на него ответственности «за благополучие всего уезда и города». 10 ноября уездный Совет распространил обращение, в котором сообщалось, что, повинуясь приказанию ВЦИК, он взял власть в свои руки, «комиссары Временного правительства упраздняются»[211]. В Цивильском уезде инициативу в создании советской власти взял на себя военный комитет управления Цивильского уездного воинского начальника. 3 ноября им был создан временно-организационный Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. На собрание 23 ноября этот орган пригласил местный военный комитет, представителей уездных и городских учреждений, различных союзов, обществ, членов ЧНО, священнослужителей и т.д., в полном составе уездное земское собрание и представителей волостных земств, признав за ними право уездного Совета крестьянских депутатов. Обсудив вопрос о власти в уезде, собрание решило организовать Совет солдатских и крестьянских депутатов; должность уездного комиссара упразднялась. Совет провозглашался местной руководящей и исполнительной властью. Советская власть признавалась впредь до создания высшей власти Учредительным собранием[212]. В Ядринском уезде уездный Совет крестьянских депутатов, руководимый правыми эсерами, отказался признать советскую власть. Здесь Военно-революционный комитет был создан на базе Совета солдатских депутатов. Ревком во главе с прибывшим из Казани И.Г. Кадыковым 1 декабря созвал уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который и провозгласил в уезде и городе советскую власть[213].

Непросто советская власть устанавливалась в Козьмодемьянском уезде, в который входило пять чувашских волостей. Наряду с созданным в мае 1917 г. под руководством эсеров и энесов Советом рабочих и солдатских депутатов, в ноябре 1917 г. по инициативе эсеров и ряда сельских обществ образовался Совет крестьянских депутатов, который в январе 1918 г. объявил себя уездной властью. Создалось своеобразное двоевластие, которое продолжалось вплоть до февраля 1918 г., пока не был провозглашен объединенный Совет[214]. 31 декабря 1917 г. Козьмодемьянский Совет рабочих и солдатских депутатов вынес постановление о переходе всей полноты власти к Советам в городе и уезде. 11–15 марта 1918 г. прошедший в Козьмодемьянске уездный съезд Советов крестьянских депутатов единогласно признал единственной властью в стране советскую власть[215].

В Тетюшском уезде, куда входили три чувашские волости, советская власть была провозглашена на III уездном крестьянском съезде – 20 ноября 1917 г. съезд постановил передать всю власть Совету солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, признал необходимым во всех селах и деревнях уезда немедленно избрать Советы крестьянских депутатов, упразднил должность комиссара Временного правительства[216].

Установление советской власти в уездах Симбирской губернии произошло несколько позднее, чем в уездах Казанской губернии. В Алатырском уезде эсеро-меньшевистские Совет рабочих и солдатских депутатов и Совет крестьянских депутатов не признали ни II Всероссийский съезд Советов, ни Совет народных комиссаров. Они заявили о всемерной поддержке Временного правительства и Учредительного собрания[217]. Только 24 января 1918 г., после роспуска Учредительного собрания, Алатырский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов заявил о переходе власти в уезде в свои руки[218]. В одном из наиболее отсталых в социально-экономическом отношении уездов Симбирской губернии – Буинском – советская власть установилась 15 февраля 1918 г. В этот день уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, преодолев сопротивление представителей земств, мусульманского Шуро и других организаций, выступавших в защиту Учредительного собрания, вынес резолюцию о переходе всей власти к Советам. Принятие этого постановления ускорило прибытие из Симбирска красногвардейского отряда, возглавляемого большевиком Першиным[219]. Курмышский уездный Совет крестьянских депутатов вплоть до конца 1917 г. возглавляли правые эсеры, ратовавшие за Учредительное собрание. Лишь 11 февраля 1918 г. на II уездном съезде крестьянских депутатов сторонникам советского правительства удалось добиться единогласного признания власти Советов[220].

Таким образом, сроки установления советской власти в центрах уездов с чувашским населением были неодинаковы и зависели от многих факторов: наличия местных революционных сил, степени сопротивления сторонников Временного правительства и Учредительного собрания и других особых условий, присущих тому или иному уездному центру.

На первых порах новая власть была крайне слаба и децентрализованна. На местах царили анархия, произвол и беспорядок. Показательно в этом отношении обращение жителей Мариинского Посада к Общечувашскому всероссийскому военному съезду (январь 1918 г.). В письме они сообщали, что группа солдат-дезертиров совместно с местными жителями, называя себя большевиками, терроризируют население, пропагандируя захват частной собственности; принимают решения об обложении «имущих классов» контрибуциями. Они разогнали Думу, избранную на демократических началах, а взамен ее «избрали новую узкой группой лиц, простым подниманием рук, без всякого извещения граждан города»[221].

Процесс смены власти и национального подъема не обходился и без националистических крайностей. Известно, что II крестьянский съезд Ядринского уезда (20–23 февраля 1918 г.) вынес резолюцию о замене в чувашских школах преподавателей, не знающих чувашский язык, «основательно знающими его»[222]. 27 января 1918 г. чувашские жители Новомамеевской волости Цивильского уезда приняли решение и обращение в Казанский губернский исполком Советов крестьянских депутатов об отделении от русских в делах внутреннего самоуправления, об организации в с. Вутабоси национального чувашского сельского комитета и из-

брании комиссара (этот приговор был утвержден 14 февраля 1918 г. губернским исполкомом Советов «по всем пунктам... включительно до образования национально-чувашского и продовольственного комитетов и избрания комиссара»)[223]. Определенную роль в нагнетании националистических настроений сыграла опубликованная в газете «Канаш» статья «Чувашские дела должны делать чуваши». В ней говорилось: «...чувашских детей учат русские учительницы, в чувашских деревнях обычно служат русские священники. Все это теперь пора прекратить: с согласия народа их необходимо заменить чувашами, чувашские земства должны быть в руках чувашей»[224].

В ситуации переходной власти дали знать о себе тенденции сепаратизма и местничества, чему способствовала и политика центрального советского правительства. Так, декретом СНК РСФСР от 27 января 1918 г. местным Советам было дано право внесения изменений в административно-территориальное деление[225]. Такого рода факты имели место во многих уездах. Например, 28 января 1918 г. общим собранием жителей 15 селений правобережья Малого Цивиля Чуратчинской волости Цивильского уезда было постановлено: принять меры к образованию отдельной волостной земской управы и отдельной Ямалгинской волости[226]. Шивбосинское сельское общество в составе 5 деревень этого же уезда 24 марта 1918 г. решило образовать «автономное от каких-либо волостных учреждений местное сельское самоуправление»[227]. Депутаты волостных Советов Атаевской и Красночетаевской волостей Курмышского уезда на основании своих решений от 13 и 15 февраля 1918 г. вошли с ходатайством в Центральный чувашский совет об отделении «означенных волостей» от Курмышского уезда Симбирской губернии и переходе в состав Ядринского уезда Казанской губернии[228]. Аналогичные процессы происходили в Козьмодемьянском и Чебоксарском уездах. В июле – августе 1918 г. в с. Большой Сундырь прошел объединенный сход 6 волостей, где было решено образовать чувашский уезд с центром в данном селе[229]. В феврале 1918 г. представители Помарской и Помьяльской волостей Чебоксарского уезда обратились к Национальному областному съезду мари «о желании населения этого района отделиться от этого уезда и либо присоединиться к Царевококшайскому, либо образовать с соседними волостями особый уезд»[230].

Особенно остро проблема сепаратизма встала в Ядринском уезде, где возникла угроза раскола. По составу населения он был чувашским, за исключением небольшой крайней северо-западной части с уездным городом Ядрин, населенным русскими. 6 марта 1918 г. состоялось объединенное собрание граждан г. Ядрин, созванное по инициативе правления Союза землепашцев, на котором было принято решение о присоединении города и Слободо-Стрелецкой волости к Васильсурскому уезду Нижегородской губернии; избран городской Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов из 9 чел. На заседании 10 марта горсовет постановил, что власть сосредоточивается в его руках, Ядринский уездный исполком Советов не вправе вмешиваться в деятельность городского Совета, уездной властью признается Васильсурский уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов[231]. Последний своим постановлением от 27 марта 1918 г. подтвердил присоединение к Васильсурскому уезду г. Ядрина и Слободо-Стрелецкой волости[232].

Ядринский уездный исполком Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов определил эти действия как «контрреволюционные», заявив, что «отделение грозит потрясениями» для хозяйственной жизни уезда, приведет к росту

национальной вражды[233]. В обращении в адрес Казанского губернского съезда крестьянских депутатов он выразил категорический протест против «отделения Ядрина к Васильсурскому уезду»[234]. Его позицию поддержал Совет народных комиссаров Казанской советской республики, который «отнесся отрицательно к вопросу» об отделении г. Ядрина от уезда, так как «город без согласия последнего отделиться не может». Совнарком указал, что в Ядрине «не должно быть никакого Совета помимо уездного»[235]. Свое негативное отношение к событиям в Ядрине выразил и Казанский комиссариат по чувашским делам, высказавшись за то, чтобы сохранить «былое единство в смысле административного управления»[236].

Сложившаяся ситуация с сецессией русского населения от Ядринского уезда была вызвана не только национальными моментами, общей атмосферой «самостийности» революционного времени, не на последнем месте были социально-экономические причины: недовольство налогами, наложение различных сборов и «контрибуций» на городское мещанское население[237].

Ее следствием стал фактический раскол уезда на две административные части. Без оповещения и согласования Ядринского уездного Совета в с. Норусово 20 марта 1918 г. собрались представители 10 волостей (Норусовской, Кошлоушевской, Тойсинской, Малояушевской, Убеевской, Чувашско-Сорминской, Чебаевской, Аликовской, Асакасинской, Атаевской), которые объявили Норусово «самостоятельным уездным городом»[238]. Для узаконения объявленного проекта 28 марта 1918 г. был созван I Норусовский уездный крестьянский съезд, который проштамповал постановление «открыть город и уезд» в с. Норусово и образовал Норусовский уездный исполком Советов крестьянских депутатов[239]. Мотивы данного решения в постановлении не указывались. Они были изложены в протоколе от 2 апреля 1918 г. заседания комиссии чувашской фракции 4-го Казанского губернского съезда крестьянских депутатов, созданной для рассмотрения вопроса об объявлении с. Норусово уездным городом, и сводились к таким аргументам: географически Ядрин находится на самой окраине уезда; жители уездного города и Слободо-Стрелецкой волости приняли решение о присоединении к Нижегородской губернии; с. Норусово располагается недалеко от железнодорожной станции Вурнары, в нем имеются почта и телеграф; если все чувашские волости Ядринского уезда войдут в Норусовский уезд, то «получится чисто чувашский уезд», а русское население за Сурой вместе с Ядрином отойдет в Нижегородскую губернию. В итоге комиссия пришла к заключению поддержать ходатайство о создании Норусовского уезда, присоединив к нему все чувашские волости Ядринского уезда, чтобы «не разбить чувашское население на два уезда»[240].

Однако с решением объявить с. Норусово уездным городом не согласились представители Шуматовской, Балдаевской, Хочашевской, Селоустьинской, Тораевской, Ядринской, Чиганарской волостей, которые 1 апреля 1918 г. приняли резолюцию «остаться, не считаясь с отторжением Ядрина и Слободо-Стрелецкой волости к Васильсурскому уезду, в Ядринском уезде с центром в г. Ядрине»[241]. Руководство Ядринского уисполкома не нашло ничего лучшего, как заняться проектами сохранения уезда в новом составе путем объединения остающихся волостей с частью соседних Курмышского и Козьмодемьянского уездов[242]. Как выход из создавшегося положения рассматривалось разделение уездных органов управления: одни оставались в Ядрине, другие должны были переехать в Норусово, предусматривалось, что часть членов уездного исполкома будет жить в с. Норусово и «вести дела дальних волостей» Ядринского уезда[243].

На неурегулированность проблемы административно-территориального устройства Ядринского уезда повлияла и позиция Центра и губернских властей. Первый устранился от решения конфликтной ситуации, как это явствует из письма отдела местного хозяйства НКВД РСФСР в Казанский губернский Совет рабочих и солдатских депутатов (27 апреля 1918 г.). В нем было указано, что «мелким административным единицам» предоставлена возможность «отделяться от центров... и создавать самостоятельные либо объединяться с другими единицами»[244]. Губернские органы управления на первых порах вели линию невмешательства[245]. И лишь по прошествии времени определили свое отношение. На заседании Казанского губернского исполкома Советов крестьянских депутатов (20 мая 1918 г.) признали нежелательным «деление Ядринского уезда на два»; сочли необходимым перенести уездный центр из Ядрина в «какой-либо центральный пункт» – желательно в с. Норусово; окончательное решение в этом вопросе оставить за Ядринским уездным съездом Советов[246]. С необходимостью переноса уездного центра в с. Норусово согласились и все национальные чувашские организации в Казани[247].

7 июня 1918 г. открылся III Ядринский уездный крестьянский съезд в полном составе делегатов от всех волостей. 8 июня он рассмотрел вопрос о переносе административного центра из Ядрина в Норусово и полном самоопределении волостей Ядринского уезда. Съезд постановил перенести административный центр уезда из г. Ядрин в с. Норусово; утвердить отход Ядрина и Слободо-Стрелецкой волости к Васильсурскому уезду Нижегородской губернии, Чебаевской волости к Цивильскому уезду. Делегатам семи волостей (Чиганарской, Балдаевской, Шуматовской, Хочашевской, Селоустьинской, Тораевской и Ядринской), которые «остались при особом мнении», согласно решению съезда, предоставлялось право самоопределиться – примкнуть к Норусовскому или другому уезду, и в этом «препятствий не иметь»[248]. Съезд 50 голосами «за» (6 – «против», 6 – «воздержались») постановил в дальнейшем как уезд, так и исполком Советов именовать Норусовским, но до окончательной санкции этого решения Казанским губернским исполкомом Советов крестьянских депутатов уездному исполкому, избранному III крестьянским съездом, находиться в Ядрине, а для «продолжения работ по Норусовскому уезду» из числа членов уика 4 чел. отправить в с. Норусово, 16 оставить в Ядрине[249].

Вопрос об образовании Норусовского уезда специально был рассмотрен на заседании Казанского губернского исполкома Советов крестьянских депутатов 17 июня 1918 г. В ходе его обсуждения Спиридонов внес резолюцию: «оставаясь при прежнем решении о нераздроблении уездов», с учётом расположения г. Ядрин на краю уезда, перенести административный центр в с. Норусово, оставив в Ядрине подотдел уездного исполкома Советов (за эту резолюцию проголосовало 12 чел., против – 9, воздержались 8). Участник дискуссии Кузьмин предложил иной вариант – в с. Норусово открыть подотдел для волостей Норусовского района (за это предложение проголосовало 13 чел., против – 10, воздержались 7). В результате обсуждения приняли постановление – «вопрос внести на окончательное решение общего исполкома» (Казанского губернского исполкома Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – *В.К.*)[250].

В итоге в составе Ядринского уезда был образован Норусовский район, для управления которым учредили Норусовский подотдел (отделение) Ядринского уездного Совета, состоящий из 4 его членов. В район вошли Аликовская, Асакасин-

ская, Кошлоушевская, Малояушевская, Норусовская, Тойсинская, Чувашско-Сорминская, а также Убеевская и Чебаевская волости. Норусовский район Ядринского уезда функционировал с 26 июня по 9 декабря 1918 г. В это же время остальную часть уезда иногда называли Ядринским районом. В декабре Норусовский подотдел (отделение) был упразднен, а его дела принял Ядринский уисполком[251].

Период в истории советского строительства Чувашии до весны 1918 г. можно назвать «декларативным». Власть Советов была провозглашена, но не более того. На деле все управление в уездах оставалось по-прежнему в земских органах, а деятельность Советов носила характер политических деклараций. Продолжали функционировать старые учреждения Временного правительства, а Советы существовали «как побочный придаток этих учреждений, как терпимый, но нежелательный нарост, не пользуясь популярностью среди населения, игнорируемый всеми»[252]. Они не имели структурированного аппарата, с помощью которого могли проводить свои планы в жизнь. Легко принимали смелые решения, часто выходящие за рамки закона. Особенно этим отличался исполком Чебоксарского уездного Совета, когда его возглавлял И.Г. Кадыков (декабрь 1917– март 1918 г.). Исполком налагал произвольные и бессистемные контрибуции, выносил распоряжения о производстве обысков и арестов, вторгаясь в компетенции судебно-следственных органов.

Вновь образованные Советы на первых порах, по сути, были предоставлены самим себе. Не имея четких инструкций со стороны центральной власти, они даже не в состоянии были уяснить своих целей и задач. Первые обстоятельные документы, в которых определялись принципы строительства советского государственного аппарата, появились во второй половине декабря 1917 г. 22 декабря Наркомат внутренних дел (он в то время ведал вопросами местного управления) – обратился с письмом «Ко всем Советам рабочих, солдатских и батрацких депутатов», в котором разъяснялись сущность и полномочия Советов и давались указания, как их использовать. Все прежние органы местного управления – губернские, уездные комиссары, комитеты общественной безопасности, волостные правления и проч. – подлежали замене Советами. Особое внимание обращалось на организацию Советов по классовому принципу. В письме отмечалось, чтобы они объединяли действительно демократические, пролетарские и полупролетарские элементы деревни[253]. В конце декабря 1917 г. была опубликована инструкция НКВД «О правах и обязанностях Советов». В ней делалась попытка установить единообразие в структуре Советов, определялись права, направление и компетенция их деятельности. Наркомат рекомендовал губернским и уездным исполкомам создавать в первую очередь отделы управления, финансовый отдел и Советы народного хозяйства[254]. С учётом рекомендации Центра III Казанский губернский съезд Советов крестьянских депутатов (декабрь 1917 г.) принял постановление об организации власти в губернии. В уездах высшими органами власти становились уездные съезды Советов, делегаты на которые избирались, что особенно подчеркивалось, волостными сходами, а не земскими собраниями[255].

Таким образом, впервые в истории России народное представительство появляется на уровне административно-территориальных единиц государства. В границах своего ведения региональные съезды Советов должны были стать высшей властью в пределах данной территории. В период между съездами де-юре власть

принадлежала исполнительным комитетам, которые избирались съездами Советов. Съездам Советов и их исполнительным комитетам принадлежало право контроля над деятельностью нижестоящих Советов. Эта схема организации региональной представительной власти с незначительными изменениями существовала на протяжении всего советского периода[256].

Переломными моментами на пути к тотальной советизации страны стали роспуск Учредительного собрания и законодательные акты III Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (январь 1918 г.), на котором произошло объединение Советов рабочих и солдатских депутатов и Советов крестьянских депутатов. Они знаменовали собой начало юридического и фактического создания однородной советской политической системы, в которой, кроме Советов, не оставалось места другим органам местного управления.

Зимой – весной 1918 г. в Чувашии стала оформляться более или менее стройная организация уездного советского аппарата. 21–24 января 1918 г. состоялся I Цивильский уездный съезд Советов солдатских и крестьянских депутатов. На нем избрали новый состав уездного исполкома. Съезд принял Положение об организации власти в уезде: высшим органом власти признавался уездный Совет, который взял на себя инициативу по созданию волостных Советов. Представительство в уездном Совете и исполкоме должно было быть пропорционально национальному составу населения уезда[257]. 20–23 февраля 1918 г. прошёл II Ядринский уездный съезд Советов. Он принял решение ограничить компетенцию уездного земского собрания, избрал исполком из 18 чел. во главе с Д.С. Эльменем; постановил, что уездные исполнительные органы управления войдут в Совет в качестве его отделов во главе с комиссарами – членами уика[258].

18–23 марта 1918 г. (по старому стилю) работал I съезд Чебоксарского уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов. Фактически он был вторым по счёту, но первым, носившим общеуездный характер. Съезд вынес решение об упразднении уездного земского собрания, переходе всех его функций к уездному Совету и о передаче в ведение Совета всех земских управ[259]. В письме от 13 апреля 1918 г. в Казанский губернский Совет рабочих и солдатских депутатов исполком Чебоксарского уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов охарактеризовал эти решения красноречивой фразой: «Теперь вся власть в уезде взята Советами»[260]. Съезд создал единый орган власти в уезде – исполнительный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов, вместо раздельно существовавших до этого исполкомов уездного Совета крестьянских депутатов и Чебоксарского Совета рабочих и солдатских депутатов. Председателем исполкома стал большевик П.П. Бондарев, заместителями – левый эсер И.Я. Морозов и большевик М.А. Малинин[261].

17–18 марта 1918 г. прошёл чрезвычайный V Алатырский уездный съезд Советов. Он постановил признать власть Советов как в Центре, так и на местах и упразднить уездное, волостное земства, передав их функции Советам[262]; избрал новый состав исполкома: председателем – А.Н. Полякова, его заместителем – В.Н. Шигаева (оба большевики). Сформировал отделы уездного исполкома Советов, большинство из которых возглавили большевики[263]. Об итогах съезда Алатырский уездный Совет в своей телеграмме в Москву от 17 марта сообщил: «До сих пор наш уезд стоял за Учредительное собрание. Лишь 15 марта, когда собрался 5-й уездный крестьянский съезд, сброшена старая власть и уезд стал на сторону Совета»[264].

С созданием уездного советского аппарата развернулась организация волостных и сельских Советов. Первые волостные Советы появились в январе 1918 г. Среди них Посадско-Сотниковский, Покровский Чебоксарского уезда, Чувашско-Сорминский Ядринского уезда, Шамкинский Буинского уезда. В феврале 1918 г. образовались Чиганарский, Малояушевский, Норусовский, Слободо-Стрелецкий, Чебаевский, Кошлоушевский волостные Советы Ядринского уезда; Чебоксарский, Воскресенский волсоветы Чебоксарского уезда; Сундырский волостной Совет Козьмодемьянского уезда[265]. Во многих случаях в волостях Советы учреждались путем преобразования волостных земств при активном участии представителей старой власти. Например, так произошло образование Хормалинского волостного Совета крестьянских депутатов Цивильского уезда. На волостное собрание 20 апреля 1918 г. (по старому стилю) собрались делегаты, избранные сельскими обществами, которые постановили учредить волостной Совет и избрать председателем волисполкома бывшего председателя волостной земской управы А.С. Чернова[266]. А Ядринский уездный Совет вообще вынес решение: «Во всех избранных земствах выборы не производить, а впредь называть их волостными Советами крестьянских депутатов»[267].

Одновременно с созданием советской организации на местах шла ликвидация прежних органов местной власти – земств и городских самоуправлений. Процесс этот происходил не без некоторого сопротивления со стороны представителей старой власти. К примеру, в Цивильске местное чиновничество заняло отрицательную позицию в вопросах передачи дел управления Совету[268]. Но в целом замена земств Советами произошла относительно бесконфликтно. Правильнее ее будет назвать процессом абсорбации (поглощения) прежних органов местного самоуправления Советами. Решением I Чебоксарского уездного съезда Советов (18–23 марта 1918 г. по старому стилю) исполнительные органы уездного земства и городского самоуправления были переименованы в отделы Совета. Оно предусматривало использование служащих земских управ в советском аппарате[269]. Согласно постановлению II Цивильского уездного съезда Советов (март 1918 г.) уездное земство переходило в Совет. Все функции земского собрания передавались уездному съезду Советов. В состав Совета вошли все члены бывшей земской управы[270].

К лету 1918 г. Советы в уездах и волостях структурно оформились. Они стали проявлять себя как органы, действительно управляющие всеми местными делами. Упрочению Советов способствовал политический блок, союз большевиков и левых эсеров, которые до лета 1918 г. по многим принципиальным вопросам выступили единым фронтом. Левые эсеры поддержали установление советской власти, что расширило социальную базу большевизма. Причем в условиях аграрного Чувашского края они доминировали в политическом отношении. Статистические данные о партийном составе ряда уездных Советов Казанской и Симбирской губерний, избранных между IV и V Всероссийскими съездами Советов (апрель – июнь 1918 г.), показывают, что из 25 членов Чебоксарского уездного исполкома Советов большевиков и сочувствующих им было 4 чел., левых эсеров и сочувствующих им – 5 чел., беспартийных – 16 чел.; из 20 членов Ядринского уика большевиков и сочувствующих им было 4 чел., левых эсеров и сочувствующих им – 16 чел.; из 15 членов Тетюшского уисполкома левые эсеры и сочувствующие им составляли 7 чел., беспартийные – 8 чел.; в составе Цивильского уика Казанской губернии все 15 чел. были беспартийными. В Алатырском уезде Симбирской губернии в чис-

ле 15 членов уездного исполкома большевиков и сочувствующих им было 8 чел., левых эсеров и сочувствующих им – 7 чел.; в Буинском уике среди 15 членов большевики и сочувствующие им составляли 3 чел., левые эсеры и сочувствующие им – 10 чел., беспартийные – 2 чел.; в Курмышском уезде в составе 15 членов уика было 6 большевиков и сочувствующих им, 7 левых эсеров и сочувствующих им, 1 меньшевик, 1 беспартийный[271]. На протяжении первой половины 1918 г. левые эсеры возглавляли Ядринский уездный исполком Советов, в марте 1918 г. представитель этой партии А.В. Васильев на II Цивильском уездном съезде Советов был избран председателем уездного исполкома Советов[272].

Для чувашских левых социалистов принципиально важным было, чтобы местные Советы строились по принципу «пропорционально-национального представительства трудовых масс» и с учётом национальных особенностей. Этот принцип провозглашали и губернские съезды Советов, проводившиеся в Поволжье после установления советской власти. Согласно постановлению III съезда Советов крестьянских депутатов Казанской губернии по национальному вопросу (6 декабря 1917 г.), отныне все «национальности должны получить право свободно устраивать свои религиозные дела, учиться на своем родном языке, сохранять и развивать свою культуру»; «все ответственные места и средства в органах местного самоуправления общественного и государственного характера распределяются на началах национальной пропорциональности»[273]. 11 декабря в Казани состоялось совещание комитетов социалистических партий и организаций, стоящих на платформе II Всероссийского съезда Советов под председательством Я.С. Шейнкмана, где присутствовали большевики, социал-демократы-интернационалисты, левые социалисты-революционеры, представители мусульманского социалистического комитета, чувашских военных организаций. На нем говорилось о необходимости реорганизовать Советы – ввести в органы советской власти представителей народов региона (в частности, А.Д. Краснов в своем выступлении указал, что в Советах национальности представлены неполно, как, например, «в Чебоксарах, в столице чуваш, едва ли в Совете есть один чуваш»)[274]. Здесь же было принято решение расширить исполнительное бюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Казанской губернии представительством национальных социалистических организаций, стоящих на платформе II Всероссийского съезда Советов: от мусульманской организации – 4 чел., от чувашской организации – 3 представителя[275].

Вскоре это постановление было проведено в жизнь. 14 декабря 1917 г. общее собрание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Казанской губернии по докладу Я.С. Шейнкмана «О реорганизации исполнительного бюро» постановило ввести в его состав представителей национальных социалистических организаций, стоящих на платформе II Всероссийского съезда Советов, предоставив социалистическим комитетам по два места, военным национальным организациям – по одному, а всего мусульманам – четыре и чувашам – три места[276]. Предполагалось, что не только исполнительное бюро, но и секции (крестьянская, солдатская, рабочая) и их объединенный комитет Казанского губернского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов будут формироваться с учетом многонационального состава Казанской губернии. Об этом говорилось в постановлении Казанского губернского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов от 21 декабря 1917 г. «Об организации властей»: пополнить его предста-

вителями от национальных социалистических партий и военных организаций (мусульман, чувашей и черемис), принимающих платформу II Всероссийского съезда Советов[277].

Следуя принципу национально-пропорционального представительства, в марте 1918 г. в составе Казанского губернского исполкома Совета крестьянских депутатов была создана чувашская фракция, которая, наряду с Казанским комиссариатом по чувашским делам, играла ведущую роль в руководстве национально-политической жизнью чувашского народа. Так, на заседании чувашской фракции IV Казанского губернского съезда Советов крестьянских депутатов 30 (17) марта 1918 г. решались следующие вопросы: 1) организация власти и комиссариат; 2) организация газет «Хыпар» и «Канаш»; 3) передача функций и полномочий Центрального чувашского совета. В этот же день чувашская фракция рассмотрела вопрос о губернском отделе народного образования и чувашском комиссаре по народному образованию. Фракция решила: ввиду того, что Совет народных комиссаров Казанской республики должен организоваться на пропорционально-национальных началах, губернский отдел по народному образованию должен состоять из коллегии в составе 5 чел. (по одному от русских, татар, чувашей, мари и мелких народностей); чувашский комиссар по народному образованию вполне автономен в своих действиях и ответствен перед чувашской фракцией. Она приняла резолюцию, согласно которой предлагалось при СНК Казанской советской республики организовать Комиссариат по национальным делам, в коллегию которого должны войти представители народов Казанской губернии, выбирающие из своей среды комиссара по национальным делам для заведования делами своей нации. При обсуждении вопроса о кандидатах в исполнительный комитет Казанского губернского Совета крестьянских депутатов чувашской фракцией было принято решение отстаивать пропорциональное представительство, причем в исполком Совета от чувашской фракции съезда должны были войти не менее 16 чел.[278]

Стремление осуществить принцип пропорционально-национального представительства проявилось и в организации власти и органов управления на уровне уездов и волостей. К примеру, Покровский волостной сход Чебоксарского уезда в постановлении от 7 января 1918 г. «О текущем политическом моменте» выразил поддержку резолюции III Казанского съезда крестьянских депутатов по национальному вопросу и «просил проводить эту резолюцию немедленно в жизнь»[279]. Состоявшийся 16 февраля 1918 г. Чебоксарский чувашский съезд крестьянских депутатов в своем решении записал, что необходимо реорганизовать уездный Совет крестьянских и рабочих депутатов на пропорционально-национальных началах[280]. Этот принцип был положен в основу постановления общего собрания Чебоксарского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 20 февраля 1918 г. Согласно ему, организация Совета предусматривалась в составе 130 членов: от рабочих и солдат – 60 чел., от крестьян – 60 чел., партийных организаций – 10 чел.; его исполком, состоящий из трех секций, – в составе 48 чел. Группа крестьянских депутатов должна была формироваться на пропорционально-национальных началах: чувашей – 36 чел., русских – 16, татар – 2, мари – 6; на таких же основах предполагалось образовать крестьянскую секцию исполкома: 15 депутатов-чувашей, 6 – русских, 1 – татарин, 2 – мари[281]. Данное решение не было проведено в жизнь – известно, что в исполкоме Чебоксарского уездного Совета в июле 1918 г. были выделены две секции: мари и мусульманская – и два места для представителей мари и одно для мусульман[282].

Достаточно последовательно принцип пропорционально-национального представительства проводился в организации системы управления в Цивильском уезде. На таких основаниях в апреле 1918 г. был сформирован Цивильский совет городского хозяйства[283], в мае этого же года проведены выборы делегатов на уездный крестьянский съезд[284].

Важнейшей мерой в целях учета национальных запросов и интересов чувашского народа должна была стать организация чувашских отделов и комиссариатов в уездных органах власти. С такой инициативой выступил Казанский комиссариат по чувашским делам[285]. В апреле 1918 г. чувашский комиссариат функционировал при Тетюшском уездном Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (в уезде также действовал самостоятельный Комиссариат по народному просвещению чувашей), в Чистопольском уезде – уездная Чувашская национальная управа[286]. 26 апреля 1918 г. решение о создании Комиссариата по чувашским делам принял Цивильский уездный Совет крестьянских депутатов[287].

В послеоктябрьский период впервые начали воплощаться в жизнь декларации и положения, выдвинутые на общечувашских и региональных съездах народов Поволжья о равноправии языков, использовании национальных языков в судопроизводстве. В марте 1918 г. Совет народных комиссаров Казанской советской республики рассмотрел декрет «О равноправии татарского, чувашского и русского языков». Согласно ему татарский и чувашский языки в Казанской губернии вводились во все правительственные и общественные учреждения «как равноправные со считавшимся до сего времени государственным русским языком»; татарское и чувашское население получало право передавать просьбы и заявления во все без исключения учреждения Казанской республики на родном языке; все объявления и воззвания к населению и служебные бланки должны были одновременно печататься на русском, чувашском и татарском языках. Предполагалось ввести положения декрета в силу с 1 апреля 1918 г.[288] 29 апреля 1918 г. общее собрание Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов своим постановлением признало языки поволжских народов на территории Казанской советской республики официальными и предложило Комиссариату по национальным делам разработать проект резолюции о его проведении в жизнь[289].

Опираясь на распоряжение губернских властей, Казанский комиссариат по чувашским делам предпринимал практические шаги и меры, направленные на реализацию принятых декретов. В апреле 1918 г. комиссар по чувашским делам А.Д. Краснов обратился к комиссару юстиции Казанской советской республики с просьбой издать приказы и инструкции о неограниченном пользовании родным языком в местных судах, «функционирующих среди инородческого населения», обеспечить возможность перевода, издания и распространения установлений центральной власти «касательно суда на инородческих языках»[290]. 24 апреля 1918 г. Казанский комиссариат по чувашским делам направил обращение в Тетюшский, Норусовский, Ядринский, Цивильский, Чистопольский, Чебоксарский, Спасский уездные Советы, в которых информировал, что 10 мая 1918 г. в Казани созывается съезд местных судей «по одному представителю от каждого уезда» и что чувашский комиссариат намерен поставить на обсуждение съезда доклад «о самом широком пользовании чувашским языком» в местных судах среди чувашского населения. Он предложил прислать на съезд представителей уездов с наказами «о характере и пределах использования в судах национальных языков»[291]. 5 июня 1918 г.

Казанский комиссариат по чувашским делам разослал письма в адрес Лаишевского, Тетюшского, Цивильского, Свияжского, Козьмодемьянского, Чебоксарского, Ядринского, Спасского, Симбирского, Буинского, Уфимского, Белебеевского, Стерлитамакского, Бугурусланского уездных Советов, в которых доводил «до сведения всего чувашского народа», что во всех правительственных учреждениях можно говорить и писать заявления на родном языке, что при комиссариате функционирует отдел печати и переводческий, где могут быть переведены прошения и заявления и даны «нужные советы». Комиссариат обязал уездные Советы направить копии данного письма в волостные Советы, «а последние по разъяснении населению» его содержания должны были сообщить об этом комиссариату[292].

Гражданская война в Поволжье. Раскол в чувашском национальном движении. Утверждение большевистской гегемонии

Позитивная линия в процессе формирования советской политической системы, когда существовал союз большевиков и левых эсеров, летом 1918 г. оказалась прерванной. Столкнувшись с тяжелым экономическим кризисом, в апреле – мае 1918 г. советское правительство приняло ряд декретов, установивших продовольственную диктатуру в стране: централизация снабжения и распределения хлеба, предоставление местам чрезвычайных полномочий по его изъятию, создание продовольственных отрядов. Таким образом, чтобы избежать экономической катастрофы, власть по отношению к крестьянству – большинству населения – взяла курс на жесткие административные методы. И это неизбежно резко сужало ее социальную базу. Чтобы компенсировать и обеспечить поддержку своей политики хотя бы части крестьян, власть пошла на раскол деревни. 11 июня 1918 г. был опубликован декрет ВЦИК и СНК «Об организации и снабжении деревенской бедноты». Согласно ему повсеместно учреждались волостные и сельские комитеты бедноты, организуемые местными Советами при непременном участии продовольственных органов с задачами распределения хлеба, сельскохозяйственных орудий, изъятия хлебных излишков[293]. Более подробно функции и полномочия комитетов бедноты были расписаны в инструкции ВЦИК по организации комбедов, в которой указывалось, что они осуществляют регистрацию «спекулянтов, буржуев, контрреволюционеров, чтобы лишать их всякого пайка»[294]. С лета 1918 г. изменились акценты и в деле советского строительства. Теперь на первый план при организации волостных и сельских Советов выдвигалось требование, в какой мере они являлись «органами диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства» и насколько их действия не расходились с политикой Центра. На это недвусмысленно указывали телеграмма НКВД РСФСР от 2 июля 1918 г. о полном устранении от всякой советской работы всех зажиточных и кулацких элементов и инструкция политическим агитаторам и руководителям по созданию советской власти – требовать от Советов «проведения в жизнь беспрекословно всех распоряжений центральной советской власти»[295].

Политика продовольственной диктатуры, которую левые эсеры назвали «походом против крестьянства», вместе с несогласием с Брестским миром привели к разрыву их союза с большевиками, выходу из правительственной коалиции, вооруженному выступлению (восстание левых эсеров в Москве 6 июля, мятеж 10–11 июля командующего Восточным фронтом левого эсера М.А. Муравьева). Свое

несогласие с курсом большевиков выразили и чувашские левые социалисты. В знак протеста против поддержки политики большевиков со стороны фракции левых эсеров ЧЛСК, а также части своих сторонников по партии покинули ряды Чувашской национально-социалистической партии, а также вышли из состава Чувашского левого социалистического комитета и Казанского комиссариата по чувашским делам Д.П. Петров и А.А. Спиридонов. Уход этих деятелей не мог не повлиять на остальных чувашских левых социалистов. Антиэсеровские мероприятия большевиков после вооруженных выступлений левых эсеров в начале июля 1918 г. привели большую их часть и социалистов-националистов на антибольшевистские позиции, под лозунг «Советы – без большевиков». 21 июля 1918 г. состоялось чрезвычайное совещание членов чувашской фракции Казанского губернского исполкома Совета крестьянских депутатов, ЧЛСК и Казанского комиссариата по чувашским делам, на котором присутствовало 11 чел. Председателем был А.Д. Краснов. Он же выступил по главному вопросу – о текущем моменте. Для выработки решения была избрана комиссия в составе А.Д. Краснова, Л.М. Лукина и Е.М. Матвеева. В принятой большинством голосов резолюции по текущему моменту (а по каждому из пяти пунктов постановления голосование проходило отдельно[296]) говорилось, что чрезвычайное совещание: 1) резко осуждает тактику большевиков-коммунистов, «как идущую вразрез с интересами трудового крестьянства, всецело будет бороться с империализмом каких бы то ни было стран» (против Брестского мира); 2) одобряет тактику борьбы ЦК партии левых эсеров с империализмом; 3) глубоко возмущено и протестует против насилия партии большевиков над представителями левых эсеров и крестьянской секции V Всероссийского съезда Советов; 4) протестует против «насилия над печатными органами левых эсеров и Советом крестьянских депутатов»; 5) протестует против насильственного упразднения большевиками Казанского губернского исполкома Советов крестьянских депутатов и травли, которая ведется против членов Совета крестьянских депутатов[297].

Далее совещание приняло резолюцию «По национальному вопросу текущего момента» (пункт 1-й – единогласно, пункт 2-й – при трех воздержавшихся), в которой указывалось: 1) существующие национальные учреждения и организации, «правильно и честно отражающие революционное мнение трудовых классов чувашского народа, невзирая на чинимые насилия» должны продолжать работу на «пользу своего народа»; 2) представители от чувашей в правительственных учреждениях и организациях являются ответственными за действия в них, «поскольку они касаются чувашской нации»[298]. Таким образом, смысл данного постановления сводился к тому, что, несмотря на раскол правительственной коалиции большевиков и левых эсеров и репрессии против последних, чувашские левые социалисты были намерены продолжить свою работу в советских национальных учреждениях и органах управления, если это служило интересам чувашского народа.

Обострение политического противостояния в конечном итоге привело к Гражданской войне в стране. Своей кульминации в Поволжье она достигла летом – осенью 1918 г. 6 июня 1918 г. в Самаре образовалось правоэсеровское правительство – Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) во главе с В.К. Вольским. После занятия города частями мятежного чехословацкого корпуса 8 июня Комуч объявил себя властью впредь до созыва Всероссийского учредительного собрания, заявил о намерении уничтожить советскую власть, очистить страну от

полчищ германского империализма[299]. В июне – августе 1918 г. власть Комуча распространялась на Самарскую, часть Саратовской, Симбирскую, Казанскую, Уфимскую губернии. На сторону Комуча перешли все чувашские депутаты Учредительного собрания. С.Н. Николаев, являвшийся заведующим чувашским подотделом Симбирского губернского комиссариата просвещения, с августа 1918 г. стал секретарем Комуча. Д.П. Петров в июле 1918 г. был назначен бургомистром Симбирска (позднее в Самаре он стал сотрудником культурно-просветительного отдела Народной армии Комуча), Г.Ф. Алюнов был назначен помощником особоуполномоченного Комуча по Казанской губернии[300]. Комуч декларировал восстановление государственности на основе принципов народовластия и федерализма; восстановление парламентаризма на основе реконструкции Учредительного собрания, социализацию земли на основе Земельного закона Учредительного собрания; восстановление частнокапиталистических отношений в экономике при сохранении доминирующей и регулирующей роли государства; отмену Брест-Литовского договора и продолжение войны с Германией; достижение союза крестьянства с городскими рабочими на основе кооперации, установление широких демократических и социальных свобод[301]. В национальном вопросе он провозгласил право различных областей России на широкую автономию, при этом окончательное решение вопроса о провозглашении России федеративным государством предоставлялось Учредительному собранию; право на национальную и культурную автономию для национальных меньшинств, не имеющих отдельной области (территории) расселения[302]. На заседании Комитета членов Учредительного собрания 22 июля 1918 г. постановили образовать Ведомство по национальным делам с задачами содействия организации Народной армии и вербовки в нее добровольцев из «инородцев»; установления отношений между властью и народами, населяющими территорию Комуча. Предусматривалось, что Ведомство со временем будет иметь свои национальные отделы: мусульманский, еврейский, чувашский и др.[303]

В деятельности Комуча чувашский национальный вопрос стал предметом обсуждения, когда татарские и киргизские депутаты внесли на утверждение Комуча особую, подробно разработанную конституцию об автономном управлении тюрко-татар (мусульманских народов). Чувашские депутаты выступили с возражениями, указывая на то, что она насквозь пропитана идеями панисламизма и пантюркизма, и потребовали переработки конституции в смысле «применения ее ко всем национальным меньшинствам, против чего татары и киргизы возражали»[304]. Комуч должен был утвердить этот законодательный акт, поскольку за мусульманами была большая сила в виде национальных татаро-башкирских частей. В отношении немусульманских поволжских народов он издал декларативное обращение к ним об их правах на национально-культурное самоопределение[305]. 8 сентября 1918 г. была опубликована Декларация Комитета членов Всероссийского учредительного собрания «Ко всем народам, населяющим Волжско-Камский край: чувашам, черемисам, вотикам (вотякам. – *В.К.*), мордве и др.», подписанная председателем Комитета В.К. Вольским и секретарем С.Н. Николаевым. В ней говорилось, что будущий строй государства Комитет мыслит не иначе как в форме демократической федеративной республики; Всероссийским учредительным собранием национальный вопрос будет решен «в полном соответствии со справедливыми желаниями самих народов, каковые требования могут быть выражены национальными учредительными собраниями»; комитет в своей текущей деятель-

ности руководствуется безусловным признанием принципа культурно-национальной автономии «всех национальностей, как бы они ни были малочисленны и на какой бы ступени культуры ни находились», он будет стремиться к тому, чтобы обеспечить за всеми народами право беспрепятственного пользования родным языком в школах, органах местного самоуправления и местных судах, возможность «передачи дела культуры и просвещения в ведение самих национальностей». В декларации провозглашалось, что государственная власть будет всеми мерами оберегать свободу автономных народов в религиозном, бытовом и культурном отношении[306]. По мнению Д.П. Петрова (Юмана), реализация на практике этого обращения означала бы, что чувашам, мари, мордве, удмуртам, коми, пермякам и кряшенам будут переданы дела народного образования и культуры; будут созданы по этим отраслям национальные ведомственные институты «с государственными правомочиями» и отчислена в их распоряжение пропорциональная доля государственного бюджета[307].

Первоначально военные успехи были на стороне антибольшевистских сил. Советская власть в течение трех месяцев была низложена на всем протяжении от Волги до Владивостока. После быстрого занятия войсками Комуча и чехословацкими частями Симбирска (22 июля 1918 г.) и Казани (7 августа 1918 г.) чувашские революционные организации и видные деятели оказались на территории Комуча. Не успевшие перейти через фронт или укрыться в подполье, советские работники были арестованы (среди них заведующие отделами Казанского губернского комиссариата Л.М. Лукин и Е.М. Матвеев, заведующий Чувашским отделом Наркомнаца Д.С. Эльмень, которому удалось бежать из тюрьмы), а заместитель Казанского губернского комиссара по чувашским делам П.А. Федоров был расстрелян[308]. 14 августа 1918 г. приказом помощника особоуполномоченного Комуча И.С. Алкина подлежали ликвидации все советские учреждения и организации. На заседании Чувашского национального общества была создана ликвидационная комиссия в составе членов его правления И.В. Васильева и А.Г. Гавриловой. 15–18 августа комиссия провела опись всего имущества и денежных средств Казанского комиссариата по чувашским делам, Чувашского отдела при НКН РСФСР, Общечувашского национального фонда, издательства «Чăваш кĕнеки», газеты «Канаш» и сельскохозяйственного журнала «Ана» (Нива). В докладе И.В. Васильева, датируемом 26 августа 1918 г., помощнику особоуполномоченного по Казанской губернии Г.Ф. Алюнову был сделан детальный отчет о ходе приемки дел, документов, имущества и денежных средств этих организаций. Приказом Г.Ф. Алюнова от 30 августа 1918 г. все конфискованное имущество бывших чувашских советских учреждений было передано в распоряжение Чувашского национального общества. 27 августа 1918 г. возобновлено издание газеты «Хыпар» под редакцией А.Г. Гавриловой. До занятия Казани частями Красной армии (10 сентября 1918 г.) вышли еще два номера газеты[309].

Чувашское национальное общество проводило мобилизацию чувашей в Народную армию Комуча. Им планировалось создание национальных войсковых частей, но осуществить это не удалось[310]. На территории Чувашского края вели боевые действия части Народной армии под командованием В.И. Лебедева и Б.К. Фортунатова. Крупные бои с красноармейцами произошли 28 августа у станции Тюрлема и с. Батырево. Наступление Народной армии Комуча было поддержано антисоветскими мятежами. 2 сентября 1918 г. крестьянство чувашских волостей Кур-

мышского уезда подняло антисоветский мятеж. 6 сентября 1918 г. он был подавлен отрядами Красной гвардии, прибывшими из Чебоксар и Ядрина[311]. Вторжение войск Комуча стало сигналом к поголовному бегству из Чувашского края на территорию Комуча чувашского офицерства (его, по данным Д.П. Петрова (Юмана), насчитывалось более тысячи человек, оно состояло из бывших учителей и учащихся, произведенных в офицеры в военное время), вместе с ним бежала и часть чувашской интеллигенции, зажиточного крестьянства и мелких промышленников. Многие из сбежавших за фронт пополнили ряды наиболее стойких частей генерала Каппеля и не вернулись: часть погибла, часть эмигрировала в Маньчжурию[312].

Рассматривая себя как «третью силу», стоящую между «красными» и «белыми», и стремясь к консолидации антибольшевистских сил, Комуч в целях создания единой государственной власти 8–9 сентября 1918 г. в Уфе организовал и провел так называемое Уфимское государственное совещание. В нем участвовали представители всех областных правительств Поволжья и Сибири (областного правительства Урала, Сибирского временного правительства, Башкирии, Алаша и др.), политических партий, общественных организаций и все члены Комуча в количестве 170 чел. (из них 108 эсеров). На нем рассматривались вопросы об организации власти, составе будущего правительства. Четверо чувашей-учредиловцев (Г.Ф. Алюнов, И.В. Васильев, С.Н. Николаев, Г.Т. Титов) входили в состав эсеровской фракции совещания. Д.П. Петров, исключенный из партии эсеров за «национально-советский уклон», находился вне фракции (позже он покинул совещание). Совещание завершилось образованием «директории», объявленной временной всероссийской властью. В ее состав вошли 5 чел., председателем стал эсер Н.Д. Авксентьев. Главная ее цель заключалась в том, чтобы не позднее 1 февраля 1919 г. созвать Учредительное собрание с полномочным кворумом не менее 170 депутатов[313].

Объявленная программа Временного всероссийского правительства предусматривала решение следующих неотложных задач: борьба за освобождение России от советской власти; непризнание Брестского мира; административное строительство страны «на началах признания за ее отдельными областями прав широкой автономии, обусловленной как географическими и экономическими, так и этническими признаками, предполагая окончательное установление государственной организации на федеративных началах полновластным Учредительным собранием»; признание за национальными меньшинствами, не занимающими отдельной территории, прав на культурно-национальное самоопределение; восстановление демократического городского и земского самоуправления; установление всех гражданских свобод и т.д.[314]

Согласно решению Уфимского совещания 23 сентября Комуч уступил власть Уфимской директории. Комитет был переименован в «Съезд членов Учредительного собрания». 26–27 сентября 1918 г. его заседания проходили в Уфе, на них присутствовали 100 депутатов, в том числе и чувашские. Г.Ф. Алюнов был избран в бюро съезда и состав финансовой комиссии[315]. В связи с победами Красной армии и по мере ее приближения учредиловцы вынуждены были переехать из Самары сначала в Уфу, затем в Челябинск, Екатеринбург и Омск. Во время нахождения Съезда членов Учредительного собрания в Екатеринбурге чувашские депутаты из-за ряда принципиальных разногласий по национальному вопросу сделали официальное заявление о своем выходе из эсеровской фракции и образовании самостоя-

тельной чувашской фракции Съезда членов Учредительного собрания для решения чувашских национальных вопросов[316]. 19 ноября в Екатеринбурге стало известно о произведенном Колчаком в Омске государственном перевороте. Съезд единогласно признал незаконность захвата власти адмиралом и необходимость борьбы против омского диктатора. На следующий день все члены Съезда выехали в Уфу, где гражданская власть находилась в руках Совета управляющих ведомствами (Уфимского областного правительства во главе с эсером В.Н. Филипповским). 30 ноября 1918 г. в Уфе состоялось последнее заседание Съезда[317].

Если Комуч в соответствии со своей программой поддерживал принцип федерации и стремился использовать демократический потенциал решения национальных проблем, прежде всего форму культурно-национальной автономии, то в идеологии правительства А.В. Колчака ключевыми стали великодержавный шовинизм и идея «единой и неделимой России»[318]. Декларация Добровольческой армии, подписанная генералом Деникиным, также провозглашала «восстановление могущественной единой и неделимой России» и допускала лишь «установление областной автономии и широкого местного самоуправления»[319]. Великодержавные амбиции, имперские традиции, недостаточная гибкость в отношениях с национальными движениями, невнимание к предложениям о необходимости более дифференцированного и внимательного национального курса приводили к сужению социальной опоры белого лагеря[320]. Белое движение не в малой мере потерпело поражение потому, что не сумело найти адекватных способов взаимодействия с национальными движениями и массами, выработать и осуществить эффективную национальную политику, которая обеспечила бы им столь необходимую социальную поддержку, особенно с учетом того, что основные силы антибольшевистских организаций действовали на национальных окраинах бывшей империи, а решительные и вовремя принятые советским правительством меры в интересах национальных масс принесли победу большевикам[321]. Чувашское трудовое население даже в самый опасный для советской власти в Поволжье период (лето – осень 1918 г.) в основной своей массе сохранило ей лояльность и оказало существенную помощь Красной армии, прежде всего в снабжении продовольствием. О нем с восхищением говорили красные комиссары и сам председатель Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкий: будучи на Восточном фронте, в одной из своих речей он особо подчеркнул поддержку со стороны чувашского народа Красной армии[322].

Гражданская война имела далеко идущие последствия: она преобразовала партийный ландшафт и радикально изменила организацию национально-политической жизни чувашского народа, сделав их гомогенными. С лета 1918 г. прекратили свою деятельность национальные чувашские организации и различные общественно-политические объединения, действовавшие в рамках советской системы, среди них – партия чувашских социалистов-националистов, Чувашский левый социалистический комитет, чувашская фракция Казанского губернского Совета крестьянских депутатов. Чувашские левые эсеры оказались перед политическим выбором: или поддержать антибольшевистские выступления общероссийской партии, или перейти в стан большевиков. 5 августа 1918 г., когда чехословацкие части и войска Комуча подошли непосредственно к Казани, состоялось экстренное заседание коллегии Казанского комиссариата по чувашским делам, на котором был заслушан доклад А.Д. Краснова о текущем моменте. В нем политика коммунистов признавалась «пагубной для завоеваний революции», выражался протест по

поводу разгона V Казанского губернского съезда крестьянских депутатов, вставшего на защиту действий левых эсеров. На заседании было принято решение о самороспуске коллегии Комиссариата по чувашским делам. В постановлении говорилось, что коллегия комиссариата «не считает возможным оставаться ответственным руководителем и в целом составе слагает с себя полномочия»[323]. Таким образом, Комиссариат по чувашским делам при Казанском губернском Совете фактически самоустранился от защиты советской, точнее большевистской, власти в ходе Гражданской войны на территории Поволжья[324].

После разгрома антибольшевистских сил в Поволжье активизировавшаяся на территории Комуча Чувашская организация партии социалистов-революционеров (правые эсеры), Чувашское национальное общество, чуваши-депутаты Учредительного собрания были объявлены вне закона. Согласно приказу чувашского подотдела политического отдела штаба Восточного фронта о борьбе с врагами советской власти от 26 сентября 1918 г., члены «Учредилки» Г.Ф. Алюнов, И.В. Васильев, С.Н. Николаев «их приспешники» А.С. Блинов и Г.И. Комиссаров и «все добровольно перешедшие к чехо-белогвардейцам... и агитирующие против советской власти» объявлялись врагами РСФСР[325]. В соответствии с приказом Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР о ликвидации контрреволюционного Чувашского национального общества и его отделений от 28 сентября 1918 г. (опубликован 3 октября 1918 г.) ЧНО подлежал ликвидации, а члены его правления – аресту; всем уездным и волостным Советам, комитетам деревенской бедноты среди чувашского населения предлагалось «немедленно доставить сведения о имеющихся в их районах отделениях вышеназванного Чувашского национального общества», установить наблюдение над членами этого общества, всех выступающих от имени общества задерживать[326].

Приказы эти возымели действие. Буквально через месяц были расстреляны А.Г. Гаврилова, Н.И. Рубачев. (Погиб в губернской тюрьме в Казани в 1921 г. Г.Ф. Алюнов; Г.Т. Титов скончался в 1919 г. в Башкирии; С.Н. Николаев, секретарь Комуча, в марте 1922 г. эмигрировал в Чехословакию; Д.П. Петров и И.В. Васильев, оказавшись на периферии общественно-политической жизни, стали обычными советскими служащими[327].)

Зачистка политического пространства от оппонентов, роспуск общественно-политических и партийных организаций завершили процесс формирования фактически однопартийной советской политической системы. Левые эсеры, единственные союзники большевиков в правительственной коалиции, летом 1918 г. оказались перед выбором: или открыто встать на сторону антикоммунистических сил, или перейти в стан большевиков. Чувашские левые социалисты в абсолютном большинстве выбрали второе. Массовый их переход в коммунисты стал происходить осенью 1918 г. после поражения войск белочехов и Народной армии Комуча. Значительная часть бывших членов Чувашского левого социалистического комитета вошла в состав Чувашского коммунистического комитета, организованного на национальных началах 28 сентября 1918 г. А.П. Лбовым (стал его председателем), Л.М. Лукиным (выбран секретарем), Д.С. Эльменем, В.А. Алексеевым, И.А. Максимовым, А.Д. Красновым и К.И. Ванеркке. Членами комитета записались А.П. Прокопьев (Милли), С.А. Коричев, П.З. Львов, А.В. Васильев, Н.Д. Денисов и другие видные советские национальные деятели, всего 15 чел.[328] Возникшая организация мыслилась ее создателями как автономная национальная коммунис-

тическая партия, не входившая в РКП(б) и оформленная только по национальному признаку[329]. Следующим шагом, приблизившим Чувашский коммунистический комитет к РКП(б), было преобразование его в Чувашскую организацию РКП(б), осуществленное по решению бюро комитета и общего собрания активных членов комитета от 31 октября 1918 г.[330] К этому времени в ее рядах насчитывалось уже 40 чел.[331]

Тенденция к централизации общественной, экономической и политической жизни, четко наметившаяся со второй половины 1918 г., неизбежно затронула и коммунистические организации. Как следствие ее, 5 ноября 1918 г. Казанский губернский комитет РКП(б) принял постановление о национальных организациях, в котором говорилось, что все национальные самостоятельные комитеты уничтожаются; все национальные организации существуют как секции Казанского губернского комитета РКП(б), причем «никакими партийно-политическими правами не пользуются и существуют исключительно для культурно-просветительной и агитационно-пропагандистской работы»; все национальные секции имеют по одному представителю с правом решающего голоса на пленуме партийного губернского комитета[332]. Сообразуя свои действия с общим курсом, 28 ноября 1918 г. Чувашская организация РКП(б) обратилась в Казанский губком РКП(б) с просьбой о создании чувашской секции при Казанском губернском комитете РКП(б). В тот же день президиум Казанского губкома партии принял постановление об образовании чувашской секции (подразделения. – *В.К.*) при Казанском губкоме РКП(б)[333].

Курс на укрепление вертикали в партийном строительстве продолжился. Решением Казанской губернской конференции РКП(б) (июль 1919 г.) чувашская секция перестала существовать «как самостоятельная организация, из ее ведения отошли организационные задачи по национальному признаку»[334], она оставалась только как аппарат при губкоме для агитации и пропаганды[335]. На конференции было принято предложение об организации лишь губернских национальных партийных секций, несмотря на активную позицию татарских и чувашских делегатов, настаивавших на создании также уездных партийных секций (только «в виде уступки товарищам мусульманам» решено было сохранить уездные мусульманские партийные секции «там, где они имеются»)[336].

Ограничение полномочий и прав в партийном аппарате неизбежно создавало коллизии во взаимоотношениях национальных коммунистов с губернскими партийными органами. Об этом красноречиво свидетельствует протокол заседания активных работников чувашских коммунистических секций от 29 ноября 1919 г. На нем констатировалось, что Казанский губернский комитет РКП(б) «вовсе не желает считаться с чувашской секцией». В частности, это проявилось в том, что ее представитель, несмотря на соответствующее постановление губернской партийной конференции, так и не был введен в состав губкома РКП(б). На заседании также было отмечено, что на предстоящий Всероссийский съезд Советов представитель чувашской секции избран «лишь с правом совещательного голоса, что чувашская секция считает оскорбительным», и принято решение «тов. Эльменя с правом совещательного голоса не делегировать»[337]. О систематическом игнорировании позиции национального подразделения в работе губернского партийного аппарата говорилось и в докладе о деятельности чувашской секции при Казанском губкоме РКП(б) за январь 1920 г.: наблюдается «совершенная оторванность от президиума губкома... кажется, что губком совершенно позабыл о существовании

секции», и если прежде на все его заседания всегда приглашались и представители чувашской секции, то «в настоящее время это не практикуется, секция предоставлена сама себе»[338].

Создание и деятельность чувашских отделов, подотделов и секций при партийных и советских органах. Организационно-политическая работа Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР

Тем не менее годы Гражданской войны были временем, когда активно создавались чувашские отделы, подотделы и секции при партийных и советских органах. Процесс создания национальных структур находил поддержку, во многом инициировался и санкционировался Центром, поскольку они рассматривались как важный инструмент укрепления советской власти и распространения коммунистической идеологии среди нерусских народов. 17 июля 1918 г. ВЦИК направил Советам РСФСР предписание оказывать всяческое содействие Наркомнацу и его отделам, национальным комиссариатам в организации отделов национальных комиссариатов на местах. Предписание было обнародовано через средства массовой информации[339]. С августа по декабрь 1918 г. на заседании коллегии Наркомнаца не раз поднимался вопрос о выработке рекомендаций по организации местных национальных отделов. В октябре 1918 г. в Наркомнаце РСФСР был рассмотрен «проект временной Инструкции об организации отделов Народного комиссариата по делам национальностей на местах»[340]. А в начале декабря 1918 г. была опубликована в печати Инструкция об организации отделов по делам национальностей на местах. Согласно документу, отделы по делам национальностей учреждались при Советах депутатов в местностях, «отличающихся различным национальным составом населения», с ведома губернского исполкома Советов «на равных с другими отделами основаниях». Утверждалось данное решение Наркомнацом РСФСР. Местные отделы по делам национальностей могли образовывать в своем составе национальные секции «в соответствии с имеющими на данной территории жительство национальностями». Заведующий отделом по делам национальностей избирался исполкомом Советов и утверждался наркомом по делам национальностей РСФСР, заведующий национальной секцией – исполкомом Совета и утверждался соответствующим центральным отделом (национальным комиссариатом) при НКН РСФСР. Главными задачами национальных подразделений Инструкция определяла проведение в жизнь начал советской власти «в среде соответствующих наций на их родном языке», осуществление постановлений Наркомнаца РСФСР, принятие всех мер к подъёму уровня культуры и классового самосознания трудовых масс наций; борьба с контрреволюцией в «ее национальных проявлениях». Местные отделы по делам национальностей имели двойное подчинение: на общих основаниях подчинялись местному исполкому Советов и вместе с тем являлись исполнительным органом Наркомнаца; были подотчетны в своей деятельности исполкому и Наркомнацу. Особо отмечалось, что в случае расхождения по принципиальному вопросу между коллегией отдела и исполкомом Совета он «должен быть доведен до сведения Народного комиссариата по делам национальностей, который принимает соответствующие меры к его выяснению и решению, согласно общим положениям Конституции РСФСР»[341].

Установления центральной советской власти, безусловно, облегчали решение задач и делали легитимной организацию чувашских структурных подразделений при партийных и советских органах. 26 октября 1918 г. об этом писал Д.С. Эльменю заместитель заведующего Чувашским отделом НКН РСФСР С.А. Коричев: «Нам без всяких указаний свыше нужно организовывать свои комиссариаты и отделы, где это в интересах социалистического строительства». Он отмечал, что нет необходимости «войти с ходатайством о декретировании об организации комиссариатов по чувашским делам при губернских и уездных Совдепах, где чувашское население не достигает 50 % ... надо начать организацию отделов на местах»[342]. 30 ноября 1918 г. коллегия Чувашского отдела Наркомнаца РСФСР, рассмотрев вопрос «о мероприятиях по организации чувашских отделов в губерниях, где таковые не имеются», постановила: «В самом непродолжительном времени делегировать от коллегии организаторов и в первую очередь в Самарский исполком»[343].

В числе первых был образован чувашский национальный отдел в Симбирске. Еще в марте 1918 г. почти одновременно с Казанским комиссариатом по чувашским делам начал работать чувашский подотдел отдела национальностей при Симбирском губернском Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который возглавил Г.С. Савандеев[344]. 20 октября 1918 г. на заседании Симбирского губернского исполкома Советов выступили Д.С. Эльмень и А.Д. Краснов, предложившие учредить чувашский комиссариат. Против организации самостоятельного чувашского учреждения высказались некоторые члены и участники заседания, заявив, что речь может идти лишь о чувашском подотделе при общегубернском Комиссариате по национальным делам. В итоге губернский исполком признал «необходимым организовать национальный подотдел»[345]. 30 ноября 1918 г. по инициативе заведующего отделом по делам национальностей при Симбирском губернском исполкоме Советов чувашского коммуниста Г.С. Савандеева состоялось организационное собрание чувашской секции Симбирской городской организации РКП(б), на котором была образована чувашская секция при Симбирском горкоме партии. Ее председателем единогласно избрали Г.С. Савандеева[346]. После I губернской партконференции (6–7 декабря 1918 г.) секция при городской организации РКП(б) была преобразована в чувашскую секцию при Симбирском губкоме РКП(б)[347]. Кроме нее, с 1 декабря 1918 г. в составе отдела по делам национальностей Симбирского губернского исполкома Советов стал функционировать чувашский подотдел, который также возглавил Г.С. Савандеев. Подотдел подразделялся на 3 секции: статистическую, культурно-просветительскую и издательскую (занималась выпуском чувашской газеты «Çĕнĕ пурăнăç» (Новая жизнь)[348].

Несмотря на губернский статус, чувашские партийно-советские органы Симбирска претендовали на роль центрального чувашского учреждения, осуществляли самостоятельную и независимую деятельность и, с точки зрения Чувашского отдела при НКН, все время вели сепаратную политику[349]. Г.С. Савандеев считал необходимым создать чувашскую партийную организацию в общегубернском масштабе. Чувашская секция при Симбирском губкоме РКП(б) проводила работу не только в Симбирской губернии, но и в ближайших частях Самарской и Уфимской губерний, Чувашский подотдел при Симбирском губисполкоме Советов не представлял отчеты о своей деятельности в Чувашский отдел при Наркомнаце[350]. Такую линию поведения симбирские руководители объясняли тем, что «Симбирск издавна был культурным центром чуваш, поэтому и в дальнейшем должен быть таковым»[351].

Однако такая позиция вела к конфронтации в руководстве чувашским национальным движением: в Москве говорили о двух группировках и конфликтах между ними: «казанской» (Д.С. Эльмень, В.А. Алексеев, Л.М. Лукин – руководители Чувашского отдела при НКН РСФСР) и «симбирской» (Г.С. Савандеев, М.С. Сергеев)[352]. Размежевание между «казанцами» и «симбирцами» пагубно отражалось на процессе национально-политической консолидации и в дальнейшем сыграло отрицательную роль при создании чувашской автономии и определении ее территориального формата.

В 1919 г. были образованы чувашские партийно-советские органы в Самарской и Уфимской губерниях. В Самарской губернии первым губернским учреждением стал чувашский подотдел при губернском отделе управления, в ноябре 1919 г. возник чувашский подотдел губернского отдела национальностей, в декабре 1919 г. появились чувашская секция при губкоме РКП(б) (в ряде источников приводится другая дата – ноябрь 1919 г.[353]) и чувашский подотдел губернского отдела народного образования[354]. Разветвленной была сеть чувашских учреждений в Уфимской губернии. Здесь к апрелю 1920 г. действовали чувашский подотдел при Уфимском губисполкоме Советов, чувашская секция при губкоме партии, чувашская секция подотдела просвещения национальных меньшинств при губернском отделе народного образования, чувашское отделение Центральной переводческой комиссии, имелись чувашские представители при губернском женском отделе, Уфимском уездном отделе по делам национальностей, Уфимском городском и уездном отделе народного образования; издавалась чувашская газета «Хĕрлĕ Урал»[355].

После освобождения Казани от чехословаков восстановил свою деятельность Казанский губернский комиссариат по чувашским делам. 20 сентября 1918 г. появился приказ № 1, подписанный А.Д. Красновым, уполномоченным Временного гражданского революционного комитета для восстановления Казанского губернского комиссариата по делам национальностей. В нем директивно предписывалось всем ответственным работникам и служащим Комиссариата по чувашским делам вернуться в течение трех дней и приступить к исполнению своих обязанностей[356]. 1 октября 1918 г. на совещании губернских комиссаров: по чувашским делам (А.Д. Краснов), мари (В.А. Мухин), мусульманского (К. Каспранский) – руководителей Чувашского отдела при НКН РСФСР и Центрального мусульманского комиссариата было принято решение о восстановлении комиссариатов мусульман, чувашей, мари и образовании коллегии комиссаров народностей губернии из представителей губернских национальных комиссариатов, по делам народностей. Ее председателем избрали А.Д. Краснова[357].

В связи с изменением социально-политической обстановки воссозданный Казанский чувашский комиссариат отличался от прежнего: он не имел его авторитета и влияния, это не был общечувашский орган, им де-юре и де-факто являлся Чувашский отдел при НКН РСФСР. В дальнейшем аппаратные позиции казанского губернского чувашского учреждения еще более ослабли. В связи с указанием отдела управления Казанского губернского исполкома Советов о переименовании комиссариатов в отделы, с 23 октября 1918 г. коллегия комиссаров народностей стала называться коллегией отделов по делам национальностей при Казанском губернском Совете, а комиссариаты по делам чувашей, мари, мусульман – отделами этих народов. Постановлением президиума исполкома Казанского губернского Совета от 18 декабря 1918 г. вместо коллегии отделов по делам национальностей уч-

реждался отдел по делам национальностей с подотделами (секциями): мусульман, чувашей, мари[358]. За этим решением скрывались стремление к бюрократической централизации и недооценка национальных моментов руководящим органом Казанского губернского Совета. В результате такой реорганизации отделы по делам чувашей, мари, мусульманский перестали быть самостоятельными губернскими административными органами, их совещательный и координирующий центр был ликвидирован. Изменение организационной формы привело к качественным трансформациям в содержании деятельности чувашского структурного подразделения. Как было сказано в отчете чувашской секции (подотдела) от 26 марта 1919 г., «после того, как отняли административную власть, секция активной, творческой работы не проявляла»[359]. По этой причине, а также из-за постоянной нехватки подготовленных кадров (они уходили в Красную армию), параллелизма и дублирования в работе подотдела с центральным чувашским учреждением при Наркомнаце РСФСР губернский отдел по делам национальностей по ходатайству чувашского подотдела 29 сентября 1919 г. вынес резолюцию о присоединении последнего к Чувашскому отделу при Наркомнаце. Весь состав служащих и делопроизводство чувашского подотдела с 1 октября 1919 г. передавались в подотдел связи и иногородний Чувашского отдела при НКН РСФСР[360].

Чувашские отделы, подотделы и секции при партийных и советских органах вели разнообразную организаторскую, политическую, партийно-массовую, культурно-просветительную работу среди чувашского населения. Одной из главных задач национальных подразделений была широкая пропаганда политики советской власти и Коммунистической партии, претворение ее решений в жизнь. В этих целях они переводили на чувашский язык и издавали постановления и распоряжения центральных органов, способствовали развитию «классовой борьбы деревенской бедноты» (организовывали комитеты бедноты и перевыборы Советов), распространению газет в местностях с чувашским населением, активно его вовлекали в массовые кампании, такие, как «недели пайка Красной армии», «недели партии» и т.д.[361] Весьма значимой в их деятельности была агитационно-массовая работа. К примеру, чувашской секцией при Симбирском губкоме РКП(б) устраивались в Симбирске митинги для красноармейцев-чувашей на темы: «Текущий момент», «Что дала Октябрьская революция», «Милитаризм и капитализм», «Эксплуатация труда» и т.д.[362] Чувашской секцией при Казанском губкоме РКП(б) рассылались агитаторы в красноармейские части с преобладающим чувашским составом[363]. К числу приоритетных направлений относилась культурно-просветительская работа – создание соответствующих административно-организационных условий, кадрового и материально-финансового обеспечения развития национального просвещения и культуры. Так, чувашский подотдел отдела национальностей Казанского губернского исполкома Советов, рассмотрев 12 декабря 1918 г. заявление граждан Яншихово-Норвашского сельского общества об открытии гимназии в селе, постановил «открыть гимназию в означенном селе», для чего войти с предложением в губернский отдел народного образования «с просьбой принять меры» и просить подотдел культуры и просвещения Чувашского отдела при Наркомнаце «посодействовать открытию гимназии»[364]. Согласно отчету о деятельности чувашской секции при Самарском губкоме партии, при ее участии к октябрю 1920 г. были открыты чувашский клуб в Самаре, 24 библиотеки в уездах, 47 избчитален, 17 культпросветорганизаций, 2 школы для красноармейцев[365].

Важная роль в работе чувашских партийно-советских органов отводилась издательской деятельности. Активностью в этом направлении отличался чувашский подотдел отдела национальностей Казанского губисполкома Советов. Он издавал журналы на чувашском языке «Çĕр ĕçлекен» (Земледелец), разнообразные брошюры на сельскохозяйственную и санитарно-гигиеническую тематику[366]. 10 декабря 1918 г. на его заседании было признано необходимым сконцентрировать «все издания сельскохозяйственного характера, наряду со всеми изданиями по всем другим вопросам, в одном из чувашских учреждений», чувашские издания «по всем вопросам» проводить через комиссию, состоящую из заведующих сектором и подотделом издательско-переводческих и печати чувашского губернского казанского подотдела, Чувашского отдела НКН РСФСР и чувашского отделения Реввоенсовета Восточного фронта[367]. Чувашские печатные издания выпускались также чувашским подотделом отдела национальностей Симбирского губернского исполкома Советов (газета «Çĕнĕ пурăнăç» – Новая жизнь) и чувашской секцией при Уфимском губисполкоме Советов (газета «Хĕрлĕ Урал» – Красный Урал)[368].

Неотъемлемой частью сферы компетенции национальных подразделений стала защита гражданских, политических прав и национального достоинства чувашского населения. Как отмечалось в отчете о деятельности чувашского подотдела отдела национальностей Симбирского губернского исполкома Советов за первую половину 1919 г., подотделом принималась масса клиентов с заявлениями и жалобами на неправильное наложение чрезвычайных налогов и незаконные действия сельских Советов. Для их выяснения и разрешения чувашской секцией при Симбирском губернском комитете РКП(б) командировались коммунисты-чуваши или же чувашский подотдел «сносился с соответствующими учреждениями»[369]. Показательна и резолюция чувашского подотдела отдела национальностей Казанского губика от 6 декабря 1918 г. по поводу жалобы чувашей-хуторян д. Ивановская Алексеевской волости Лаишевского уезда о притеснении их русскими – «просить президиум Казанского губсовдепа сделать соответствующее распоряжение для предотвращения этой ненормальности»[370].

Особое место в системе национальных учреждений заняли органы политико-массовой работы среди красноармейцев-чувашей и чувашского населения прифронтовой полосы Восточного фронта. В 1918–1920 гг. на фронтах Гражданской войны сражались более 100 тыс. красноармейцев-чувашей[371]. В связи с наличием в рядах Красной армии значительной массы бойцов-чувашей 16 сентября 1918 г. был образован чувашский подотдел политотдела штаба Восточного фронта[372] в целях политического воспитания красноармейцев-чувашей «путем устного и печатного слова». На подотдел также возлагались следующие задачи: оказывать всемерное содействие чрезвычайным комиссиям по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией среди чувашского населения, назначать политических комиссаров в красноармейские части с чувашским составом и агитаторов через соответствующие штабы армий для агитации среди красноармейцев и организации комитетов бедноты среди чувашских крестьян[373]. 23 января 1919 г. он был преобразован в чувашскую секцию политотдела 5-й армии Восточного фронта, с 21 мая 1919 г. – в чувашское отделение Реввоенсовета Восточного фронта. Первым заведующим чувашским подотделом был И.С. Максимов-Кошкинский, с марта 1919 г. его возглавил В.А. Алексеев, затем Г.С. Савандеев[374]. В разное время в числе сотрудни-

ков чувашских политорганов были А.Д. Краснов, С.А. Коричев, Л.М. Лукин, А.П. Лбов и другие видные советские деятели и работники чувашских комиссариатов. Чувашское отделение было связано со всеми армиями Восточного фронта, им были назначены ответственные представители в 1, 2, 3, 4 и 5-ю армии Восточного фронта[375].

С самого начала подотдел (секция, затем отделение) главным образом занимался культурно-просветительской, агитационной работой и борьбой с контрреволюцией. Однако она была осложнена постоянной нехваткой кадров, отсутствием регламентирующих права и полномочия инструкций, скудостью материально-финансового обеспечения, непостоянством местопребывания (Казань, Симбирск, Уфа, Сызрань и др.)[376], а также тем, что с этим органом «почти никто не хотел считаться, как с организацией, не имеющей никаких полномочий»[377], – так констатировалось в докладе чувашского отделения Реввоенсовета Восточного фронта о его деятельности за период с 16 сентября 1918 г. по 17 июня 1919 г.

Самой результативной оказалась издательская деятельность. С 28 сентября 1918 г. по 3 августа 1919 г. чувашское отделение выпускало красноармейскую газету «Чухăнсен сасси» (Голос бедноты). Всего были изданы 133 номера, в июне 1919 г. ее тираж достигал 10 тыс. экз. Типография и редакция газеты следовали за продвигающимися армиями Восточного фронта и освещали положение дел в действующих частях[378]. (Представителями чувашских секций политотделов армий Восточного фронта при некоторых армейских газетах издавались дочерние листки и газеты на чувашском языке. Так, чувашской секцией политотдела 2-й армии ежедневно выпускалась на чувашском языке газета «Хĕрлĕ салтак» (Красный воин); при газете «Гражданская война» два раза в неделю выходила чувашская красноармейская газета[379].)

Чувашским отделением Реввоенсовета издавалась масса различных воззваний и брошюр. В целом за период с 16 сентября 1918 г. по 17 июня 1919 г. ими было издано 93 номера газет общим тиражом 561 700 экз., 19 названий брошюр (182 500 экз.) и 23 названия воззваний (135 000 экз.)[380]. Помимо издания литературы, большое значение в деятельности органов политико-массовой работы среди красноармейцев-чувашей придавалось агитационной и культурно-массовой работе. Во всех местах, где находились их работники, для чувашских бойцов устраивались и проводились митинги. С 16 сентября 1918 г. по 21 мая 1919 г. этими органами на фронт было послано несколько десятков агитаторов, которые, выступая на митингах и в армейских клубах, вели беседы и читали лекции на темы: «Красный фронт», «Дезертирство», «Сущность советской власти» и т.д. В культурно-просветительских целях для красноармейцев-чувашей были открыты в Уфе школы грамоты. В период своего пребывания в Симбирске чувашское отделение Реввоенсовета Восточного фронта сформировало группу актеров, которая каждую неделю для чувашских солдат ставила две-три революционные пьесы[381].

В условиях острой социально-политической обстановки, нехватки партийно-советских кадров чувашским политработникам Красной армии приходилось брать на себя и функции по советскому строительству: создание ревкомов, комитетов бедноты, Советов в местностях с чувашским населением. И здесь не обходилось без администрирования, военно-командных методов управления и использования репрессивных мер, что подтверждает приказ политического отдела штаба

5-й армии Восточного фронта о реорганизации Цивильского уездного исполкома Советов на том основании, что тот «не отвечает нынешнему моменту», члены Совета «не являются коммунистами, а самое главное, председатель и некоторые его члены – форменные кулаки и стоят на стороне мелкой буржуазии»[382].

Чувашское отделение Реввоенсовета Восточного фронта было ликвидировано 16 августа 1919 г. по приказу Реввоенсовета Восточного фронта в связи со вступлением его армий в районы, где не было чувашского населения, и значительным снижением числа красноармейцев-чувашей, сражающихся во фронтовых частях. Политработники чувашского отделения переходили в распоряжение Симбирского губкома РКП(б) (Г.С. Савандеев, Н.Я. Золотов, М.Ф. Акимов и др.), Чувашского отдела Наркомнаца (А.П. Прокопьев, Г.И. Иванов, К.Ф. Тарасов и др.), политотдела Восточного фронта (В.А. Алексеев, К.Л. Быстров и др.)[383].

Целенаправленно работа среди чувашей-красноармейцев проводилась Чувашским отделом при Наркомнаце РСФСР. Для проведения лекций и бесед с бойцами во все части Казанского гарнизона направлялись ответственные работники отдела. После прибытия летом 1919 г. в Казань штаба Запасной армии Республики Чувашским отделом совместно с чувашской секцией Казанского губкома РКП(б) была организована чувашская секция при политотделе Запасной армии Реввоенсовета Республики, которая вела всю культурно-просветительскую и политическую работу среди чувашей-красноармейцев Казанского гарнизона. Вначале эта структура являла собой представительство, состоявшее из 2–3 агитаторов и секретаря, затем она трансформировалась в агитационно-лекторское бюро, и, наконец, формой деятельности чувашской секции политотдела Запасной армии стала работа «порайонно»: гарнизон был разбит на 8 районов, в каждый назначался районный организатор, в распоряжении которого были политруки, библиотекари, члены культпросветкомов[384].

Победы Красной армии на фронтах Гражданской войны на первый план выдвигали цивильные формы и содержание в деятельности чувашских советских отделов. После освобождения Казани в сентябре 1918 г. примерно к ноябрю восстановили и к началу 1919 г. развернули свою деятельность подотделы Чувашского отдела Наркомнаца[385], который стал играть доминирующую роль в регулировании национально-политических процессов чувашского народа. Он отвечал перед своим этническим населением и советским правительством за деятельность во всех сферах жизни народа, его полномочия распространялись на чувашей всей России. Отдел мог контролировать мероприятия, проводившиеся как центральными, так и местными национальными организациями и учреждениями, руководить деятельностью местных чувашских отделов, координировать их работу, созывать общечувашские съезды; при его участии должны были решать все вопросы, касавшиеся чувашей, советские органы на местах.

Статус и задачи Чувашского отдела Наркомнаца определялись специальным положением, принятым Общечувашским рабоче-крестьянским съездом (июнь 1918 г.). Его организационное ядро составили шесть подотделов (общий, связи и иногородний, культуры и просвещения, печати и агитационно-политический, труда и экономики, справочно-статистический). Кроме общего подотдела, все другие находились в Казани. Число подотделов менялось. Так, в апреле 1919 г. был ликвидирован, а точнее, переведен в состав Народного комиссариата просвещения подотдел культуры и просвещения. Высшим органом Чувашского отдела

была коллегия подотделов, куда входили заведующий, его заместитель и руководители подотделов[386].

В обобщенном виде основные задачи, которые пришлось решать центральному Чувашскому отделу, сводились к таким: пропаганда политики советской власти, создание ее органов среди чувашского населения, удовлетворение культурно-просветительных потребностей этноса, информирование центральных органов управления о нуждах чувашского народа, разработка проектов национально-государственного устройства и др.

Одно из первых мест заняли вопросы развития национального образования и культуры, которое, помимо характерного для дореволюционного периода расширения и укрепления образовательной и культурно-просветительной сети, дополнилось задачей ее идеологизации – наполнения выражающим государственную идеологию коммунистическим мировоззрением. Без национального «ключа» достигнуть цели тотальной политизации национально-образовательной базы не представлялось возможным: основным принципом советской национальной просветительной политики провозглашался родной язык и «коренизация»[387].

Чувашскому отделу при НКН РСФСР пришлось решать задачу создания советской национальной школы и культуры в условиях скудости материально-финансовых ресурсов, сложной социально-политической обстановки, нехватки кадров. 9 октября 1918 г. состоялось заседание Чувашского отдела, на котором рассмотрели вопрос «Организация управления делом народного образования». Были приняты решения – «взять дело образования чувашей в свои руки»; разработать проект положения об организации дела просвещения чувашей; созвать съезд деятелей по внешкольному образованию среди чувашей[388]. Основное внимание отдела обращалось на открытие школ и работу с педагогическими кадрами. К маю 1919 г. открыли 80 школ грамоты для взрослых. В феврале того же года была созвана конференция по народному образованию среди чувашей, которая выработала целый ряд проектов и положений по народному образованию: проведение в жизнь принципов единой трудовой школы, организация дошкольного, внешкольного и профессионально-технического образования среди чувашей. В марте 1919 г. была организована переводческо-издательская комиссия по изданию учебной литературы для чувашских школ, которая руководила деятельностью аналогичных подкомиссий, созданных при чувашских учительских семинариях – Тетюшской, Шихранской, Большечурашевской, при школах 2-й ступени в Ядрине и Цивильске. В конце июля – начале августа 1919 г. прошел I Всероссийский съезд работников просвещения и социалистической культуры среди чувашей. Он наметил ряд мероприятий и проектов в области образования, осуществление которых было поручено Чувашскому отделу. В декабре 1919 г. по ходатайству Чувашского отдела в Казани начали работать Центральные чувашские педагогические курсы для подготовки учителей для школ 1-й ступени[389].

Чувашскому отделу пришлось предпринять энергичные усилия для сохранения национального учебного заведения – Симбирской чувашской школы, которую власти Симбирска решили преобразовать в губернский институт просвещения. 30 октября 1919 г. заведующий подотделом связи и иногородним В.А. Алексеев собрал экстренное заседание с участием представителей Самарского, Казанского губернских отделов народного образования и губернских комитетов РКП(б), на котором обсудили сложившуюся ситуацию и утвердили резолю-

цию: «Симбирский губернский отдел народного образования... прикрывая алчные зубы великодержавного шовинизма флагом „интернационализма", старается разрушить годами, пóтом и кровью созданную и приспособленную для плохо развитой в культурном отношении чувашской массы школу, отнять ее и преобразовать в Русский институт народного просвещения. Экстренное собрание ответственных работников именем чувашского пролетариата категорически протестует против такого акта, акта партийного невежества и местнического царька, и требует раз и навсегда положить предел таким явлениям; [требует] преобразовать названную школу в Чувашский институт народного просвещения... как высшее культурное учреждение, имеющее значение не только для Симбирской губернии, но и для всего чувашского населения Республики [РСФСР]». Было принято решение просить Наркомпрос Российской Федерации изъять семинарию из ведения Симбирского отдела народного образования, включить ее в систему высшего и среднего образования РСФСР на правах государственного университета[390]. В итоге борьбы в вышестоящих инстанциях национальное учебное заведение удалось сохранить, хотя и не добились его преобразования в высшую школу[391].

Составной частью общепросветительской деятельности Чувашского отдела была культурно-просветительская работа. За короткий срок (конец 1918 – начало 1919 г.) было открыто 38 пролетарских клубов, где велись беседы на общеобразовательные, политические и культурно-просветительные темы. Еще до издания декрета СНК РСФСР об обязательном устройстве чтений Чувашским отделом было отдано распоряжение местным Советам о проведении в чувашских деревнях обязательных чтений газет и брошюр на чувашском языке среди населения с привлечением грамотных в порядке мобилизации. Событием в культурной жизни стало учреждение в Казани Центрального чувашского пролетарского клуба «Халăх пӳрчĕ» (Народный дом) с секциями: литературно-художественная, периодически-издательская, агитационно-политическая, театральная с музыкальной подсекцией, библиотечная, музейная, изобразительных искусств[392].

Широкая просветительская работа немыслима без газет, журналов, литературы на национальном языке. Печати отводилась исключительная роль в распространении коммунистических идей, вовлечении чувашских трудящихся в советское строительство. В октябре 1918 г. Чувашский отдел предложил всем уездным и волостным Советам, комитетам бедноты выписывать газету «Канаш», на сходах и собраниях крестьян проводить коллективные читки газеты. Он также предписывал прочитывать населению каждую чувашскую газету и воззвание, листовки и плакаты вывешивать на видных местах[393]. На чувашском языке издавались газеты «Канаш» – орган Чувашского отдела при НКН РСФСР, выходившая ежедневно в Казани (тираж в 12 тыс. экз. в 1919 г.), «Чухăнсен сасси» (Голос бедноты) – орган чувашского отделения Реввоенсовета Восточного фронта (три раза в неделю тиражом в 5 тыс. экз.), «Çĕнĕ пурăнăç» (Новая жизнь) – орган чувашского подотдела отдела по делам национальностей Симбирского губернского Совета депутатов (два раза в неделю тиражом в 3 тыс. экз.). Кроме того, в Казани Чувашским отделом при НКН РСФСР издавались политико-литературно-научный журнал «Шурăмпуç» (Заря) (тиражом в 8 тыс. экз.) и сельскохозяйственный журнал «Ана» (Пашня) (5 тыс. экз.); чувашским подотделом отдела национальностей Казанского губернского Совета депутатов – журнал «Çĕр ĕçлекен» (Земледелец) (3 тыс. экз.)[394]. Выпускались в большом количестве агитационно-политические

листовки, воззвания, плакаты, брошюры, книги. К примеру, в 1918 г. Чувашским отделом в Москве был напечатан плакат на чувашском языке «Царь, поп и кулак» тиражом в 100 тыс. экз.[395] В течение 1919 г. было издано более 100 названий различных книг и брошюр на чувашском языке: «Что такое коммуна», «Советская Конституция», «Что такое Советская власть?», «Мир и война», «О коммунах», «Как организовать коммунистические ячейки в деревнях» и т.д. Спрос на литературу был очень большой (так, в один Приволжский округ требовалось газет более 15 тыс. экз.), однако ее издание сдерживалось нехваткой наборщиков, отсутствием собственной типографии у Чувашского отдела Наркомнаца, а также малым количеством квалифицированных переводчиков, журналистов и редакторов[396].

Важным каналом проведения идеологической и культурно-просветительской работы Чувашского отдела при НКН РСФСР, помимо печати, была устная пропаганда среди чувашских масс. При подотделе связи и иногороднем состояло 10 агитаторов. В целях подготовки новых кадров из чувашей в июле 1919 г. были организованы агитационно-политические курсы, которые окончили 46 чел. Выпущенные курсанты отправлялись в распоряжение политотделов армий и информационно-инструкторских подотделов отделов управления исполкомов Советов среди чувашей. Таким образом стремились установить связь с чувашским населением Симбирской, Уфимской и Самарской губерний. Делегируемые Чувашским отделом агитаторы устраивали митинги, беседы, читали лекции на чувашском языке о текущем моменте, о сущности советской власти и коммунизма и т.п. среди чувашей-красноармейцев и в чувашских деревнях; попутно инструктировали Советы на местах[397].

В годы Гражданской войны в условиях разгула администрирования и чрезвычайщины Чувашскому отделу пришлось сдерживать местные советские органы, продотряды от злоупотреблений, бесчинств и насилий по отношению к чувашским крестьянам при сборе чрезвычайных налогов, продразверстке, которые приняли массовый характер, особенно в Ядринском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии и Курмышском уезде Симбирской губернии[398]. «В каждой канцелярии была нагайка, – говорилось в отчете о деятельности Чувашского отдела НКН за период с 1 января по 25 апреля 1919 г. – При избиении изощрялись превзойти истых инквизиторов: раздевали донага, клали на скамейку и били нагайкой, били прикладами, били женщин раздетых, приставляя к виску заряженный револьвер, держали в холодных амбарах, сараях, требуя показать хлеб. Отбирали одежду, избы, лошадей, коров»[399].

Принимая во внимание масштабы беззаконий и произвола, Чувашский отдел 22 октября 1918 г. телеграфировал специальный приказ «Всем губернским, уездным, волостным Советам и комбедам среди чувашского населения» с указанием прекратить администрирование, насилие, грубость со стороны лиц советской администрации по отношению к населению[400]. По требованию Чувашского отдела Казанским губернским исполкомом Советов были организованы специальные следственные комиссии для расследований наиболее одиозных случаев, как, например, в Чувашско-Сорминской волости Ядринского уезда, где злоупотребления продотряда, как констатировала следственная комиссия, «по своему варварству превосходят действия жандармов самых мрачных времен царского режима»[401]. Чтобы снизить градус напряжения и озлобленность в чувашской деревне, Отдел, командируя агитаторов и своих представителей, давал им инструкцию обращать особое внимание на факты беззаконий на местах[402].

Чувашский отдел принял самое активное участие в обсуждении проектов национально-административного переустройства Среднего Поволжья и Приуралья, добиваясь учета национальных интересов народа (об этом речь пойдет в главе 6). Во весь период 1918–1919 гг. его деятельность осуществлялась в очень сложных условиях. Отдел функционировал неровно, с перебоями из-за частых мобилизаций ответственных работников и сотрудников на фронт. Так, во время наступления Колчака весной 1919 г. Отдел лишился почти всех работников и его работа на время (апрель, май и июнь) приостановилась[403]. В Чувашском отделе постоянно не хватало подготовленных кадров. Частично эта проблема решалась совмещением должностей. Несмотря на кадровые проблемы, все же Отделу удалось увеличить штат с 5 единиц в сентябре 1918 г. до 17 в 1919 г. Его костяк составили те, кто приступил к работе в Чувашском отделе в конце 1918 г.: А.В. Васильев, А.Д. Зайцев, Г.И. Иванов, А.Л. Лукин, Л.М. Лукин, А.П. Лбов, П.З. Львов, А.М. Роднов и др.[404]

Чувашский отдел не обладал законодательными полномочиями, он мог лишь рекомендовать государственным учреждениям решение вопросов, касающихся чувашского населения[405]. И это зачастую приводило к игнорированию местными органами его распоряжений и ходатайств, а также скрытым противодействиям с их стороны осуществлению мероприятий Отдела. В докладе заведующего Чувашским отделом при Наркомнаце о деятельности Отдела за 1919 г. прямо говорилось: «Местные партийные и советские органы не обращают внимания на указания Отдела, наоборот, они стараются препятствовать проникновению чувашской литературы в чувашскую деревню, находя, что литература на родном языке противоречит идее интернационализма»[406]. В одном из обращений в Наркомат по делам национальностей Д.С. Эльмень указывал, что на местах существует тенденция превратить Чувашский отдел в провинциальный, «как отдел губисполкома»[407]. Другой видный работник Чувашского отдела при НКН РСФСР В.А. Алексеев отмечал, что приходилось работать, преодолевая шовинистические предрассудки и чиновничий бюрократизм: «Сколько дорогого времени и революционной энергии уходило на ненужную борьбу. В жизни и деятельности Отдела по организации политработы и культурной работы среди трудящихся-чувашей с их бытовыми особенностями и незнакомых с русским языком, не было случая, когда какое-либо мероприятие проводилось бы без борьбы. Кроме недостатков, присущих всем советским учреждениям, путем всевозможных ложных препятствий чинимых Чувашскому отделу, искусственные создавались так же. На ход деятельности Отдела последствия трехлетней империалистической войны и продолжающейся Гражданской войны гораздо менее влияли, чем бюрократические проволочки всевозможных спецов, бывших чиновников в советских учреждениях, нередко и ответственных партийных работников, пренебрежительное отношение к законным требованиям». В.А. Алексеев подчеркивал, что «жизнь в Отделе поддерживалась только благодаря центральным учреждениям – Наркомнацу и ВЦИК»[408].

Большевизация советского государственного аппарата. Формирование командно-административной системы управления

Бюрократизм, жесткий централизм, командно-административные методы управления, решающая роль высших органов и исполнительного аппарата при формализации прав и полномочий выборных органов стали неотъемлемыми характеристиками и составили генотип советской политической системы. Открыто и резко проявившиеся летом 1918 г. процессы установления монопартийности и свертывания демократических норм в ходе Гражданской войны и осуществления политики «военного коммунизма» приняли завершенный характер. Существовавшая на первом этапе тенденция к складыванию двухпартийной системы на основе блока коммунистов с левыми эсерами, действовавшая в Поволжье более длительное время, чем в Центре и других регионах страны, была ликвидирована[409]. В Чувашии изгнание левых эсеров из советских органов происходило в августе – осенью 1918 г. В это же время шел активный процесс организации в уездах большевистских партийных комитетов, ячеек коммунистов и им сочувствующих, которые и занялись большевизацией советского аппарата. Так, первое же общепартийное собрание большевиков Ядринского уезда, состоявшееся 18 сентября 1918 г. приняло решение левых эсеров на «всех наиболее ответственных постах в исполкоме Совета заменить большевиками»[410]. Впрочем, очень многие левые эсеры – руководители советских учреждений – сами покидали ряды своей партии и переходили в РКП(б), тем самым сохранив за собой руководящие советские должности – А.Д. Краснов, Д.С. Эльмень, Г.П. Кубарев, В.Ф. Каратеев, Л.М. Лукин, А.П. Лбов и др.

Процесс большевизации Советов в Чувашии завершился к декабрю 1918 г. Правда, вплоть до начала 20-х гг. XX в. единичным представителям тех партий, которые проявляли лояльность к политике большевиков, был разрешен доступ в Советы и к работе в советском аппарате. Так, в Ядринском уезде в феврале 1919 г. среди заведующих отделами Шуматовского и Чувашско-Сорминского волисполкомов было по одному социал-демократу-интернационалисту. В составе 816 служащих уездных советских учреждений Алатырского уезда в марте 1919 г. числилось 3 анархиста. Однако безраздельное политическое господство в Советах и контроль над ними принадлежали партии большевиков. По анкетным данным, в 1919 г. абсолютное большинство членов уездных исполкомов составляли большевики: в первой половине этого года из 20 членов Чебоксарского уика 18 были коммунистами и 2 – сочувствующими им, из 16 членов Цивильского 15 – большевиками и 1 – беспартийный, из 20 членов Ядринского – 14 членов РКП(б), 5 сочувствующих им и 1 беспартийный, из 23 членов Алатырского уездного исполкома Советов – 13 коммунистов, 1 анархист и 9 беспартийных[411].

Советская система власти стала однородной, унифицированной не только по партийному составу, но и в социальном отношении. В результате конституционного закрепления неравного избирательного права для различных категорий населения, деятельности комитетов бедноты, перевыборов Советов в начале 1919 г. в Чувашии они перестали быть органами всех трудящихся, потеряли «общенародный» характер, превратившись в «классовые организации бедноты». Был снят с повестки дня лозунг «пропорционально-национального представительства в Советах», выдвигавшийся в первой половине 1918 г. на всех чувашских съездах и в программных документах национального движения.

Поставив под свой надзор Советы и подмяв их, органы Коммунистической партии взяли на себя функцию государственного управления. «Никакой партийной работы не ведется. Ячейки смешивают свои функции с советской работой»[412], – констатировалось на совещании представителей волостных и сельских ячеек Чебоксарского уезда, состоявшемся весной 1919 г. Об этой же тенденции говорил в своем докладе на II Цивильской уездной партийной конференции (июнь 1919 г.) секретарь укома РКП(б), отметивший, что большинство ячеек не понимает своих функций и занимается администрированием[413]. Начиная с 1919 г. в руководящих центральных и губернских партийных органах открыто стали говорить о подмене Советов партийными комитетами, о том, что Советы отстранены от непосредственного управления, бюрократизируются; выражалась в связи с этими обстоятельствами обеспокоенность. Вопросы разграничения функций партии и Советов остро были поставлены на VIII съезде РКП(б) (март 1919 г.)[414]. Однако его решения остались на бумаге. Объективная логика развития процессов управления – в условиях монопартийной диктатуры, когда советский аппарат (прежде всего в силу своего социального состава – в подавляющем большинстве крестьянский) неспособен был проводить политику Коммунистической партии, необыкновенная сложность административно-хозяйственных задач в обстановке Гражданской войны, более высокий профессионально-управленческий уровень служащих партийных комитетов – неизбежно приводила к тому, что реальная власть сосредоточивалась в руках РКП(б), а Советы становились ее безвластным придатком, превращаясь по сути в хозяйственно-снабженческие организации.

Едва ли не главным содержанием их деятельности стали выполнение трудовых и гужевых повинностей, различных нарядов; исполнение поручений и распоряжений, касающихся реализации декретов о хлебной монополии, сбора налогов, учета посевов и урожая; вопросы снабжения населения и учреждений; проведение мобилизаций и разнообразных хозяйственно-политических кампаний: «недель» крестьянина, трудового фронта, по борьбе с дезертирством, обороны, топлива и т.д., всяких субботников[415]. Административно-политические функции Советов в условиях Гражданской войны и ограничения демократических норм переходили к различным чрезвычайным административным и военным органам – ревкомам, военно-революционным комитетам, которые были не выборными, а назначаемыми органами из представителей ЧК, военных, партийных комитетов и Совета данной местности. 1 августа 1918 г. был образован Чебоксарский, 2 сентября 1918 г. Ядринский военно-революционный комитет. 11 августа 1918 г. создан Шихранский ВРК. Приказом № 1 он подчинил себе все советские учреждения Цивильского уезда[416]. В Ядринском уезде с сентября по декабрь 1918 г. вся власть была узурпирована чрезвычайной комиссией[417]. Ревком и чрезвычайная комиссия действовали в ноябре 1918 г. в Алатырском уезде, в первой половине этого месяца функционирование уездного исполкома Советов было приостановлено[418]. По итогам проверки деятельности Алатырской чрезвычайной комиссии было отмечено, что в своих действиях она выходила за рамки компетенции, вмешивалась во все сферы советской работы, производила незаконные аресты и налагала контрибуции[419].

Годы Гражданской войны – это время затухания демократических импульсов Февраля и Октября 1917 г., свертывания ростков самоуправления, прогрессирующего нарастания бюрократизма в Советах. Усиливалась тенденция к централизации. «Теперь нет местной власти – идет ее централизация», – констатировал

в своем докладе на V Чебоксарском уездном съезде Советов (20–24 июня 1919 г.) председатель президиума уездного исполкома М.А. Малинин[420]. Централизация управления и отсутствие разделения властей, обстановка войны способствовали сосредоточению широких полномочий в узких коллегиях – исполкомах и в руках отдельных лиц. Укоренялась практика формирования исполнительных органов не выборным путем, а назначением. Например, решением исполкома Ядринского уездного Совета от 4 сентября 1918 г. заведующие его отделами получили право кооптации на ответственные советские посты[421]. Советская система управления быстро бюрократизировалась. Бумажное делопроизводство и канцелярская переписка достигли огромных масштабов. Только одним Малояушевским волисполкомом Советов Ядринского уезда за период с 1 февраля по 1 марта 1919 г. было получено более 240 различных бумаг[422]. Пытаясь создать заслон бумажному потоку, НКВД радиотелеграммой от 18 декабря 1918 г. всем Советам передал требование: «Чрезмерно возросшую ведомственную переписку и тормозящую работу канцелярскую волокиту пресечь в корне»[423]. Но эти указания не достигали своей цели.

Прогрессирующая бюрократизация во многом обусловливалась низкой культурой и отсталостью населения, которое не могло в достаточном количестве выдвинуть из своей среды в новый аппарат подготовленные кадры, обладавшие необходимым образовательным уровнем и профессиональной подготовкой для осуществления управленческих функций. Анализ анкетных листов руководящего состава уездных Советов показывает, что, к примеру, из 20 членов Чебоксарского уездного исполкома в марте 1919 г. 2 являлись учителями, 1 – агрономом, остальные – техниками, кузнецами, машинистами, каменщиками, столярами. Председатель же исполкома П.П. Бондарев был техником-строителем, его заместитель М.А. Малинин – портным, секретарь И.Е. Ефимов – лесным техником[424]. В Малояушевской волости Ядринского уезда в январе 1919 г. из 100 членов исполкомов сельских Советов 97 имели низшее образование, 3 – никакого[425]. «Во всех сельсоветах находятся люди совершенно неграмотные, – отмечалось в отчете Шибылгинского волостного исполкома Совета Цивильского уезда за период с 20 ноября 1918 г. по 12 января 1919 г., – они даже не могут разобраться в содержании письменных приказов»[426]. Малограмотность и неграмотность кадров как одну из главнейших причин неудовлетворительной работы советского аппарата и низкого профессионализма его работников постоянно отмечали в своих докладах инструкторы отдела управления Казанского губернского исполкома Советов, командируемые для инспекции в чувашские уезды[427].

К 1920 г. основные тенденции развития советской политической системы, наметившиеся с лета 1918 г., привели к созданию жестко централизованной административно-командной системы управления в военно-бюрократической форме. Реальная власть была узурпирована большевистскими партийными комитетами и различными чрезвычайными органами, осуществлявшими свою диктатуру весьма жестко. Гражданская война, хозяйственный кризис, обострение социальных противоречий, резкая поляризация политических сил, низкий политический и культурный уровень масс, идеологические постулаты правящей партии, насильственно навязываемые обществу, не способствовали становлению демократической советской власти. Советы стали рычагом для управления государством в руках монопольно властвующей Коммунистической партии. Политические реа-

лии страны к концу Гражданской войны оказались далеки от идеалов и программных установок, провозглашенных пришедшей в Октябре 1917 г. к власти партией большевиков.

Литература и источники

[1] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 95. Л. 200–201.

[2] *Минеева Е.К.* Наркомнац РСФСР: цели, задачи, структура // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2006. № 7. С. 28.

[3] Декреты советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 341.

[4] *Вдовин А.И.* Формирование основ и эволюция национальной политики СССР, 1917–1941 // Отечественная история XX века: экономическая, политическая и социальная жизнь, преподавание в вузе: Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию д-ра ист. наук, проф. В.З. Дробижева. М., 2004. С. 114–116.

[5] Доклад по национальному вопросу, 15 января (газетный отчет) // *Сталин И.В.* Соч. Т. 4. С. 31–32.

[6] Программа Российской коммунистической партии большевиков // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1917–1922. М., 1983. Т. 2. С. 79.

[7] Речь на Первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 115.

[8] *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерки истории советской Конституции. М., 1987. С. 265.

[9] *Петров Д.П.* Чувашия: историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л., 1926. С. 66.

[10] Там же; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 192. Инв. № 463. Л. 306.

[11] См.: *Изоркин А.В.* Советы солдатских депутатов в 1917 году // Чувашия в годы Первой мировой войны. Чебоксары, 1985. С. 54–57.

[12] ГАСИ Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 75.

[13] ГИА ЧР. Ф. Р-501. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.

[14] Там же. Л. 130.

[15] *Макаревский В.В.* Политическая и социальная деятельность чувашских организаций партии социалистов-революционеров (1904–1918). Чебоксары, 2008. С. 64.

[16] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 62.

[17] Там же. Л. 109.

[18] Там же. Л. 110.

[19] Резолюции, принятые 1-м Казанским чувашским военно-окружным съездом, состоявшимся в г. Казани с 10 по 16 декабря 1917 г. Казань, 1918. С. 11.

[20] Там же. С. 5–6.

[21] Там же. С. 5.

[22] Там же. С. 6.

[23] Там же. С. 10.

[24] Там же.

[25] Там же. С. 8, 11.

[26] Там же. С. 9–10.

[27] Там же. С. 7.

[28] ГИА ЧР. Ф. 499.Оп. 1. Д. 12. Л. 10; *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 65–66.

[29] *Изоркин А.В.* Чувашские военные организации и их роль в национальном самоопределении этноса (апрель 1917 г. – февраль 1918 г.) // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия. Чебоксары, 2002. С. 31.

[30] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 66.

[31] *Изоркин А.В.* Чувашские военные организации и их роль в национальном самоопределении этноса ... С. 32–33.

[32] *Немцева Т.В.* I Всечувашский военный съезд и проблема государственности чувашского народа // Сборник научных трудов докторантов, научных сотрудников, аспирантов, студентов ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Вып. 8. Чебоксары, 2008. С. 129.

[33] Хроника. Чувашский съезд // Казанское слово. 1918. 17 января; ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 133.

[34] ГИА ЧР. Ф. Р-501. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.

[35] *Изоркин А.В.* Чувашские военные организации и их роль в национальном самоопределении этноса ... С. 34.

[36] Там же. С. 34, 36–37.

[37] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 147.

[38] Там же. Л. 135; ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 26. Л. 5.

[39] Там же. Л. 6; ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 136.

[40] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 140, 142; ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 26. Л. 11, 14; *Изоркин А.В.* Чувашские военные организации и их роль в национальном самоопределении этноса ... С. 39.

[41] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 148, 186.

[42] Там же. Л. 182.

[43] Там же. Л. 168.

[44] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

[45] Там же. Л. 14.

[46] Там же. Л. 13.

[47] Там же. Л. 12; ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 162, 168.

[48] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 142.

[49] Там же. Л. 186.

[50] Там же. Л. 162.

[51] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 10. Л. 25–26; Чувашский съезд // Казанское слово. 1918. 1 (14) февраля. № 26. С. 2.

[52] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 10. Л. 42.

[53] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 149.

[54] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 414. Инв. № 1060. Л. 123.

[55] Там же. Л. 126.

[56] Там же.

[57] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 135, 141.

[58] Там же. Л. 143.

[59] Там же. Л. 142.

[60] Там же.

[61] Там же. Л. 145.

[62] Там же. Л. 141.

[63] Там же. Л. 142.

[64] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 414. Инв. № 1060. Л. 123.

[65] *Клементьев В.Н.* Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация чувашей (ноябрь 1917–1920 г.) // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 24.

[66] *Немцева Т.В.* Роль чувашского национального движения в истории образования Татаро-Башкирской республики // Вестник Чуваш. гос. пед. ун. им. И.Я. Яковлева. 2001. № 4. С. 57.

[67] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 414. Инв. № 1060. Л. 125.

[68] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 185.

[69] Там же.

[70] *Клементьев В.Н.* Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья и автономизация чувашей ... С. 26.

[71] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 142.

[72] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 10. Л. 30 об.

[73] Там же. Л. 30.

[74] Там же. Л. 46–47.

[75] Там же. Л. 51.

[76] Там же. Д. 26. Л. 19–20.

[77] Хроника. Центральный чувашский совет // Знамя революции. 1918. 19 (6) февраля.

[78] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 10. Л. 43.

[79] Чувашский съезд // Казанское слово. 1918. 31 января.

[80] См.: ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 188.

[81] ГИА ЧР. Ф. Р-501. Оп. 1. Д. 5. Л. 49.

[82] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 188.

[83] Там же.

[84] *Петров Д.П.* Указ. соч. С. 67.

[85] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 188; Д. 211. Л. 167.
[86] *Петров Д.П.* Указ. соч. С. 68.
[87] Там же.
[88] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 70.
[89] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 28а–30.
[90] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 74–75; *Гусаров Ю.В.* Чувашский центральный совет «Канаш» // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. С. 589; ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 28а–30.
[91] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 72.
[92] Там же. С. 73–74.
[93] *Гусаров Ю.В.* Социалисты-националисты чувашские // Чувашская энциклопедия. Т. 4. С. 85.
[94] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 75–77, 81.
[95] *Гусаров Ю.В.* Чувашский левый социалистический комитет // Чувашская энциклопедия. Т. 4. С. 581.
[96] У чуваш // Знамя революции. 1918. 25 (12) апреля.
[97] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 80.
[98] Там же. С. 82.
[99] Там же. С. 83.
[100] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 412. Инв. № 1058. Л. 180.
[101] Там же. Л. 179.
[102] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 82.
[103] Там же. С. 83.
[104] IV Казанский губернский съезд крестьянских депутатов. Выступление Спиридонова на съезде от имени Чувашского социалистического комитета // За землю и волю. 1918. 29 (16) марта.
[105] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 412. Инв. № 1058. Л. 180.
[106] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 17, 22.
[107] Там же. Л. 15.
[108] Там же. Л. 76.
[109] Там же. Л. 76–76 об.
[110] Там же. Л. 14, 69.
[111] Там же. Л. 31.
[112] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 85–86.
[113] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 18.
[114] Там же. Л. 77.
[115] *Макаревский В.В.* Указ соч. С. 86.
[116] НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 66. Л. 51.
[117] Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии: сб. док. Чебоксары, 1957. С. 196.
[118] Там же. С. 197–198.
[119] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
[120] *Петров Д.П.* Указ. соч. С. 69.
[121] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 19. Д. 2. Л. 18 а.
[122] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 31.
[123] Там же. Л. 106.
[124] Там же. Л. 72.
[125] Там же. Л. 75.
[126] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 412. Инв. № 1058. Л. 161.
[127] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 105.
[128] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 414. Инв. № 1060. Л. 259.
[129] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 53.
[130] Там же. Л. 57.
[131] Там же. Л. 67, 103, 106; НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 76. Л. 6.
[132] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 53, 56.
[133] Там же. Л. 105.
[134] Там же.
[135] Там же. Л. 103, 105.
[136] Там же. Л. 106, 107.

[137] Там же. Л. 66.

[138] ЦГАИПД РТ. Ф. 868. Оп. 1. Д. 554. Л. 17 об.

[139] Цит. по: *Минеева Е.К.* Наркомнац и становление автономии чувашского народа (1918–1925 годы). Чебоксары, 2007. С. 49; ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 29. Ч. 1. Л. 36.

[140] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 69.

[141] Национальная политика советской власти за два года: сб. / под ред. С. Диманштейна, М.,1920. С. 2.

[142] *Иванов М.И.* Даниил Эльмень: острые грани судьбы. Чебоксары, 2009. С. 35.

[143] *Минеева Е.*К. Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа (1918–1925 годы). С. 50.

[144] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 416. Инв. № 1061. Л. 21.

[145] *Минеева Е.К.* Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа (1918–1925 годы). С. 50.

[146] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 66.

[147] См.: ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 99. Л. 62 об.; Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 306. Л. 72 об.

[148] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 66.

[149] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 34. Л. 12.

[150] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 426. Л. 132.

[151] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 79.

[152] Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии: сб. док. С. 314.

[153] Там же.

[154] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 72. Л. 55.

[155] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 237.

[156] Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии: сб. док. С. 222.

[157] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 67.

[158] Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии: сб. док. С. 315.

[159] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 68, 70.

[160] Там же. Л. 71.

[161] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 99. Л. 62.

[162] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 237.

[163] *Краснов А.Т.* Нарăспа юпа уйăхĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеки уйрăмĕ, 1931. С. 52–53.

[164] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 100–101.

[165] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 161.

[166] Там же. Л. 165.

[167] Там же. Л. 11.

[168] Там же. Л. 9–10.

[169] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 98; ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 159, 160; *Гусаров Ю.В.* Общественно-политические деятели Чувашии начала XX века А.Ф. и П.А. Федоровы // Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век. Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 30.

[170] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 11.

[171] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 98–99.

[172] Там же. С. 99.

[173] Там же; *Гусаров Ю.В.* Союз учительский общечувашский // Чувашская энциклопедия. Т. 4. С. 90; *Его же.* Съезд учителей общечувашский // Там же. С. 158–159.

[174] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 100; *Гусаров Ю.В.* Съезд учащихся общечувашский // Чувашская энциклопедия. Т. 4. С. 158.

[175] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 261.

[176] У чуваш // Знамя революции. 1918. 17 (4) апреля.

[177] Там же.

[178] У чуваш. Собрание Левого чувашского социалистического комитета // Знамя революции. 1918. 25 (12) апреля; Открытие общечувашского рабоче-крестьянского съезда // Там же. 13 июня (31 мая).

[179] ГИА ЧР.Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 25. Л. 14.

[180] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 101.

[181] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 189.

[182] Там же. Л. 189.

[183] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 101.

[184] Там же. С. 102; ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 27. Л. 1; ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 211.

[185] Подробно содержание этих докладов, ход их обсуждения и принятые решения рассматриваются в главе 6 настоящей книги.

[186] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 104.

[187] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 27. Л. 36.

[188] Там же. Л. 90 об.

[189] Там же. Л. 90 об. –91; *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 105.

[190] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 27. Л. 91.

[191] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 194.

[192] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 27. Л. 91.

[193] Там же; Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии: сб. док. С. 217.

[194] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 27. Л. 102 об. – 103.

[195] Там же. Л. 102 об.

[196] Там же. Л. 67–67 об.

[197] Там же. Л. 8 об.

[198] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 229.

[199] Там же. Л. 196.

[200] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 192.

[201] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 252.

[202] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 192. Инв. № 463. Л. 329.

[203] Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии: сб. док. С. 218.

[204] Там же. С. 219.

[205] Там же. С. 219–220.

[206] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 27. Л. 106; *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 104, 105–106, 107–108.

[207] Цит. по: *Леонтьев А.П.* «Хыпар»: минувшее и настоящее: факты, события, личности, судьбы. Чебоксары, 2011. С. 325.

[208] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 108.

[209] Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР: сб. док., 1917–1922. М., 1959. Т. 1. С. 72.

[210] *Иванченко А.В., Курицын В.М.* Российское народовластие: уроки истории. М.: Юриспруденция, 2006. С. 27.

[211] *Клементьев В.Н.* Формирование советской системы в Чувашии: начальный этап (ноябрь 1917 г. – первая половина 1920 г.) // Личность, общество, власть в истории Чувашии, XX век. Чебоксары, 2007. С. 72.

[212] *Изоркин А.В.* Советы солдатских депутатов Чувашии в 1917 году. С. 56–57.

[213] Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии: сб. док. С. 24–25.

[214] Революция 1917–1918 гг. в Марийском крае: (По материалам уездных съездов крестьянских депутатов). Вып. 2. Козьмодемьянский уезд / Мар. гос. ун-т; отв. ред. А.А. Иванов, С.В. Стариков; сост. А.А. Иванов. Йошкар-Ола, 2007. С. 5–6.

[215] Там же. С. 6, 8.

[216] *Захаров Н.С.* Октябрьская революция и советское строительство в Среднем Поволжье (октябрь 1917 – март 1918 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. С. 30.

[217] *Климова В.П.* Установление советской власти в Алатырском уезде // Установление советской власти в Чувашии: сб. ст. Чебоксары, 1958. С. 114.

[218] Там же. С. 116.

[219] *Захаров Н.С.* Указ. соч. С. 32.

[220] *Кузнецов И.Д.* Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии // Великий Октябрь и проблемы перестройки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1988. С. 49.

[221] *Клементьев В.Н.* Формирование советской системы в Чувашии: начальный этап (ноябрь 1917 г. – первая половина 1920 г.). С. 78.

[222] Протокол заседания 2-го крестьянского съезда Ядринского уезда, 20–23 февраля 1918 г. // Известия Ядринского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 20 марта.

[223] НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 10. Л. 150–150 об., 161.

[224] *Немцева Т.В.* Некоторые особенности становления чувашского национального движения // Российская цивилизация в условиях трансформации: региональный аспект: сб. науч. тр. Чебоксары, 2003. С. 179.

[225] *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения. М., 1995. С. 50.
[226] ГИА ЧР. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 9. Л. 263.
[227] Там же. Л. 231.
[228] Там же. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 83. Л. 8.
[229] *Ерагин Е.Е.* Об истории движения за национальное возрождение верховых чувашей в 1917–1918 гг. // Историко-этнографические исследования в Чувашской ССР. Чебоксары, 1990. С. 102.
[230] *Сануков К.Н.* Марийская автономия. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2010. С. 56.
[231] ГИА ЧР. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 30. Л. 1, 2 об.
[232] Там же. Д. 32. Л. 65.
[233] Там же. Д. 36. Л. 47.
[234] НА РТ. Ф. Р-983. Оп. 1. Д. 80. Л. 199.
[235] ГИА ЧР. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 36. Л. 21.
[236] Там же. Ф.Р- 499. Оп. 1. Д. 83. Л. 24.
[237] Отход г. Ядрина к Нижегородской губернии // За землю и волю. 1918. 15 (2) марта; НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 80. Л. 230.
[238] Хроника. К отделению гор. Ядрина // За землю и волю. 1918. 3 апреля (21 марта); НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 80. Л. 182.
[239] *Нестеров В.А.* Населенные пункты Чувашской АССР, 1917–1981 годы: справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. С. 16.
[240] НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 80. Л. 190–191.
[241] Там же. Л. 185.
[242] *Нестеров В.А.* Указ. соч. С. 16.
[243] Где выход (Ядрин или Норусово) // Известия Ядринского Совета крестьянских и рабочих депутатов. 1918. 27 (14) апреля.
[244] НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 80. Л. 203 об.
[245] Там же. Д. 10. Л. 11.
[246] Там же. Д. 69. Л. 36.
[247] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 171.
[248] Протокол заседания 3-го крестьянского съезда Ядринского уезда, 8 июня (26 мая) 1918 г. // Известия Ядринского Совета крестьянских и рабочих депутатов. 1918. 18 июня; НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 96. Л. 19, 20.
[249] Протокол заседания 3-го крестьянского съезда Ядринского у. (30 мая ст. ст. 1918 г.) // Известия Ядринского Совета крестьянских и рабочих депутатов. 1918. 28 июня.
[250] НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 80. Л. 213.
[251] *Нестеров В.А.* Указ. соч. С. 17–18.
[252] ГИА ЧР. Ф. 152. Оп.1. Д. 7. Л. 145.
[253] Триумфальное шествие советской власти. М., 1963. Ч. 1. С. 134–135.
[254] Советы за 50 лет. М., 1967. С. 80–81.
[255] ГИА ЧР. Ф. 194. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.
[256] *Коренев М.В.* История развития регионального народного представительства в России: проблемы правового регулирования // История государства и права. 2011. № 6. С. 29.
[257] ГИА ЧР. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 8. Л. 45; Ф. 194. Оп. 1. Д. 24. Л. 2 об.
[258] Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 27. Л. 1, 6; Д. 36. Л. 22; Д. 27. Л. 3 об.
[259] Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 4–4 об.
[260] Там же. Д. 9. Л. 24.
[261] *Артемьев С.А.* Советы рабочих и крестьянских депутатов в Чувашии в 1917–1918 годах. Чебоксары,1965. С. 136.
[262] Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии. сб. док. С. 183–184.
[263] ГИА ЧР. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 28а. Л. 5.
[264] *Любимов В.Н., Кузьмин В.Л.* Борьба за установление и упрочение советской власти в Чувашии // Установление советской власти в Чувашии: сб. ст. С. 29.
[265] *Артемьев. С.А.* Указ. соч. С. 156; *Любимов В.Н., Кузьмин В.Л.* Борьба за установление и упрочение советской власти в Чувашии. С. 32.
[266] ГИА ЧР. Ф. Р-152. Оп. 1. Д . 6. Л. 108, 111.
[267] *Артемьев С.А.* Указ. соч. С. 165.
[268] ГИА ЧР. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 7. Л. 145.
[269] Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 9. Л. 124.

[270] Там же. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 9. Л. 361.

[271] *Изоркин* А.В. Из истории Советов Чувашии первых лет диктатуры пролетариата // Вопросы истории советского строительства в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984. С. 11.

[272] *Макаревский А.В.* Указ. соч. С. 73.

[273] Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии: сб. док. С. 149, 150.

[274] Совещание комитетов социалистических партий и организаций, стоящих на платформе 2-го Всероссийского съезда Советов по национальному вопросу // Знамя революции. 1917. 15 декабря.

[275] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 91. Инв. № 207. Л. 445–447.

[276] *Захаров Н.С.* Указ соч. С. 63.

[277] НА РТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 7. Л. 2 об.

[278] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 92, 93.

[279] ГИА ЧР. Ф. Р-501. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.

[280] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 540. Инв. № 5988. Л. 454.

[281] НА РТ. Ф. Р-983. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.

[282] ГИА ЧР. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 44.

[283] НА РТ. Ф. Р-983. Оп. 1. Д. 93. Л. 91 об.

[284] ГИА ЧР. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 9. Л. 159.

[285] Там же. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 32. Л. 22.

[286] Там же. Д. 34. Л. 2; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 431. Инв. № 1112. Л. 25.

[287] НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 93. Л. 14.

[288] Там же. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

[289] Образование Татарской АССР: сб. док. и материалов. С. 52.

[290] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 33. Л. 7.

[291] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 416. Инв. № 1061. Л. 58.

[292] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 39. Л. 24–24 об.

[293] Декреты советской власти. М.; 1959. Т. 2. С. 416–419.

[294] ГИА ЧР. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 8. Л. 72–73.

[295] Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 30. Л. 14; Ф. 243. Оп. 1. Д. 71. Л. 15.

[296] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 435. Инв. № 1116. Л. 16.

[297] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 109–111; ГАРФ. Ф.1318. Оп. 19. Д. 1. Л. 69–69 об.

[298] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 111; ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 19. Д. 1. Л. 69 об.

[299] Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): док. и материалы: в 4 т. / авт.-сост. Б.Х. Юлдашбаев. Уфа: Китап, 2002. Т. 2, ч. 1. С. 20.

[300] *Александров Г.А.* С.Н. Николаев: штрихи к биографии секретаря Комуча // Личность, общество, власть в истории Чувашии, XX век. С. 52, 54–55; *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 113.

[301] *Лапандин В.А.* Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – январь 1919 г.) / Самар. центр аналитической истории и ист. информации. Самара, 2003. С. 190–191.

[302] Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): док. и материалы. Т. 2, ч. 1. С. 34.

[303] Там же. С. 28.

[304] *Петров Д.П.* Указ. соч. С. 71.

[305] Там же.

[306] *Лапандин В.А.* Эсеровские политико-государственные образования в России в годы Гражданской войны. Комитет членов Всероссийского учредительного собрания (июнь 1918 – январь 1919 г.): исторические источники. Самара, 2006. Т. 1. С. 134–135.

[307] *Петров Д.П.* Указ. соч. С. 71.

[308] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2635. Инв. № 9306. Л. 242; ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1530. Л. 55.

[309] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 113–114.

[310] *Петров Д.П.* Указ. соч. С. 71.

[311] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 144.

[312] *Петров Д.П.* Указ. соч. С. 72.

[313] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 115; *Ткачев В.И.* Формирование советской политической системы: Октябрь, 1917–1930-е годы (на материалах Поволжья). Саратов: Изд. центр Саратовского гос. социально-эконом. ун-та, 2005. С. 97–98.

[314] Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): док. и материалы. Т. 2. ч. 1. С. 38.

[315] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 115.
[316] Там же; ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 69. Л. 253.
[317] *Александров Г.А.* С.Н. Николаев: штрихи к биографии секретаря Комуча. С. 56–57; *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 115.
[318] *Зорин В.Ю.* Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. М., 2003. С. 77.
[319] Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): док. и материалы. Т. 2, ч. 1. С. 55.
[320] Белое движение и национальный вопрос в России: коллективная монография. М.: Изд-во СГУ, 2009. С. 130.
[321] *Зорин В.Ю.* Указ. соч. С. 192.
[322] ГИА ЧР. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 306. Л. 73; *Петров Д.П.* Чувашия. С. 73.
[323] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.
[324] *Макаревский В.В.* Указ. соч. С. 112.
[325] Октябрьская революция и установление советской власти в Чувашии: сб. док. С. 269.
[326] Там же. С. 285; ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
[327] *Леонтьев А.* Провозвестник чувашской печати // ЛИК. 2006. № 1. С. 79–80.
[328] *Симулин А.М.* Чувашский коммунистический комитет // Чувашская энциклопедия. Т. 4. С. 580.
[329] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. Чебоксары, 1960. С. 628.
[330] Там же. С. 66.
[331] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 257.
[332] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 435. Инв. № 1116. Л. 63.
[333] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 79–80, 82, 628–629.
[334] Там же. С. 344.
[335] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 434. Инв. № 1115. Л. 105.
[336] ЦГАИПД РТ. Ф. 868. Оп. 1. Д. 35. Л. 9.
[337] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 434. Инв. № 1115. Л. 105–107.
[338] ЦГАИПД РТ. Ф. 868. Оп. 1. Д. 302. Л. 57.
[339] *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003. С. 521.
[340] *Макарова Г.П.* Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923 гг.: исторический очерк. М., 1987. С. 26–27.
[341] *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 521; Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): док. и материалы. Т. 2. ч. 1. С. 172–173.
[342] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 19. Д. 1. Л. 114–114 об.
[343] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 61. Л. 35.
[344] Гражданская война в Поволжье, 1918–1920. Казань,1974. С. 368.
[345] Заседание губисполкома 20 октября // Известия Симбирского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов, 1918. 23 октября.
[346] Симбирская губерния в годы Гражданской войны (май 1918 – март 1919 г.): сб. док. Ульяновск, 1958. Т. 1. С. 279–280.
[347] Чувашская областная организация КПСС: хроника, 1898–1990. Кн. 1. (1898–1955). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. С. 35.
[348] Известия Симбирского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 21 декабря. С. 4; ГИА ЧР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 37. Л. 59 об.
[349] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 128. Л. 5.
[350] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 19. Д. 6. Л. 190–190 об.; ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 139. Л. 62.
[351] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1 Д. 137. Л. 2.
[352] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 1277. Л. 10; ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 426. Ч. 3. Л. 170.
[353] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 550.
[354] ГИА ЧР. Ф.Р-499. Оп.1. Д. 58. Л. 35.
[355] Там же. Оп. 1. Д. 98. Л. 169.
[356] Приказ по Казанскому губернскому комиссариату по делам национальностей № 1. 20 сентября 1918 г. // Знамя революции. 1918. 21 сентября.
[357] Образование Татарской АССР: сб. док. и материалов. Казань, 1963. С. 85.

[358] *Клементьев В.Н.* Отдел по делам национальностей Казанского губернского исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его деятельность // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья: сб. ст. Чебоксары, 2008. С. 299, 300.

[359] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 14. Л. 33.

[360] *Клементьев В.Н.* Отдел по делам национальностей Казанского губернского исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его деятельность. С. 303.

[361] ЦГАИПД РТ. Ф. 868. Оп. 1. Д. 90. Л. 296 об.; ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 29. Л. 3–9; ГАСИ ЧР. Ф. 1046. Оп. 4. Д. 211. Л. 142–149.

[362] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 117.

[363] Там же. С. 441.

[364] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 14. Л. 40.

[365] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 550.

[366] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 29. Л. 3; Д. 14. Л. 36, 38.

[367] Там же. Д. 14. Л. 38.

[368] Известия Симбирского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 21 декабря. С. 4; Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 550.

[369] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 37. Л. 59.

[370] Там же. Д.14. Л. 37.

[371] Гражданская война в Поволжье. С. 343.

[372] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 229.

[373] Там же. С. 73.

[374] Там же. С. 630.

[375] *Петров И.Е.* Чувашия в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Вып. 2. 1919–1920 гг. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. С. 105.

[376] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 229–230.

[377] Там же. С. 231.

[378] *Румянцев М.В.* Участие трудящихся Чувашии в разгроме империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в годы Гражданской войны. Чебоксары, 1963. С. 65.

[379] Там же. С. 67.

[380] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 231.

[381] Там же. С. 232; *Минеева Е.К.* Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа (1918–1925 годы). С. 70.

[382] *Клементьев В.Н.* Формирование советской системы в Чувашии: начальный этап (ноябрь 1917 г. – первая половина 1925 г.). С. 100.

[383] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 272–273.

[384] Там же. С. 547, 594.

[385] Там же. С. 593; *Минеева Е.К.* Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа (1918–1925 годы). С. 56.

[386] *Минеева Е. К.* Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа (1918–1925 годы). С. 53–54.

[387] Национальное образование в России: концепции, взгляды, мнения 1905–1938 гг.: сб. док.: в 2 ч. М.: ИНПО. Ч. 2. 1917–1938 гг. М., 2002. С. 4, 7.

[388] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 14. Л. 7–8.

[389] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 193, 330, 593.

[390] *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 487–488.

[391] Там же. С. 488.

[392] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 193, 330, 593.

[393] *Макарова Г.П.* Указ. соч. С. 77, 78.

[394] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 181–182.

[395] *Макарова Г.П.* Указ. соч. С. 77.
[396] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 182, 194–195, 331.
[397] Там же. С. 193, 330–331, 593.
[398] ЦГАИПД РТ. Ф. 868. Оп. 1. Д. 554. Л. 20.
[399] *Клементьев В.Н.* Формирование советской системы в Чувашии: начальный этап (ноябрь 1917 г. – первая половина 1920 г.). С. 101.
[400] Там же.
[401] *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 485.
[402] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 194.
[403] Там же. С. 331–332.
[404] *Минеева Е.К.* Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа (1918–1925 годы). С. 62–63.
[405] Там же. С. 54–55.
[406] Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: сб. док. С. 332.
[407] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 62. Л. 28 об.
[408] *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 489–490.
[409] *Ткачев В.И.* Указ. соч. С. 69.
[410] ГАСИ ЧР. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.
[411] *Клементьев В.Н.* Формирование советской системы в Чувашии: начальный этап (ноябрь 1917 г. – первая половина 1920 г.). С. 95–96.
[412] ГАСИ ЧР. Ф.10. Оп.1. Д. 24. Л. 29.
[413] Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.
[414] *Клементьев В.Н.* Формирование советской системы в Чувашии: начальный этап (ноябрь 1917 г. – первая половина 1920 г.). С. 116–117.
[415] ГИА ЧР. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 111. Л. 129; Ф. 243. Оп. 1. Д. 174. Л. 148, 182; Ф. 152. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.
[416] Там же. Ф. Р-1315. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3 об.
[417] Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 26. Л. 182.
[418] Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 26. Л. 84.
[419] Там же. Д. 15. Л. 133.
[420] Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.
[421] Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 64. Л. 3.
[422] Там же. Д. 138. Л. 1 об.
[423] Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 8. Л. 124.
[424] Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 4. Л. 322–323.
[425] Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 140. Л. 17–78.
[426] Там же. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 10. Л. 30 об.
[427] Там же. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 94. Л. 14–15; ГАСИ ЧР. Ф. 11. Оп. 1. Д. 19. Л. 169.

Глава 6

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ И АВТОНОМИЗАЦИЯ ЧУВАШЕЙ (НОЯБРЬ 1917–1919 Г.)

Проект создания Урало-Волжского штата

Начавшийся после Февраля 1917 г. процесс национального самоопределения народов России захватил и многочисленные этносы Поволжья и Приуралья. Вплоть до Октябрьской революции 1917 г. основные требования подавляющего большинства национальных движений в этом регионе ограничивались предоставлением расширенной национально-культурной автономии для его народов. Лишь национальное движение башкир на своих первых съездах (лето 1917 г.) поставило вопрос о национально-территориальной автономии[1].

В послеоктябрьский период вопрос о самоопределении в форме национально-территориальной автономии вновь подняли башкиры. 11 ноября 1917 г. руководители Башкирского областного (центрального) совета (БОС) издали в Оренбурге фирман (приказ) № 1, в котором было заявлено: «Мы стремимся к тому, чтобы получить территориальную автономию…»[2] 15 ноября БОС провозгласил автономию башкир[3]. Газета «Правда» 22 ноября сообщила: «Башкирский областной совет при поддержке Оренбургского мусульманского гарнизона объявил башкирскую территорию Оренбургской, Уфимской, Пермской, Самарской губерний автономной частью Российской Республики и приступил к осуществлению автономии в пределах территории Оренбургской губернии»[4]. Но практически одновременно, 20 ноября 1917 г., в Уфе открылось Национальное собрание мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири, которое исходя из принципа религиозной, культурно-языковой общности приняло решение о создании территориальной автономии татар и башкир в виде штата Идель-Урал (Урало-Волжского штата). Согласно принятой резолюции, предусматривалось образование в числе российских субъектов «тюрко-татарского штата, включающего в себя Южный Урал и Среднее Поволжье», причем в нем не должно быть других образований[5]. В намечаемый штат должны были войти «вся Казанская губерния, вся Уфимская губерния, западная часть Оренбургской губернии, населенная тюрко-татарами и прилегающая к Уфимской и Самарской губерниям, южная часть Пермской губернии, населенная тюрко-татарами, часть Вятской губернии, прилегающая к Уфимской и Казанской губерниям, населенная тюрко-татарами и черемисами, часть Симбирской губернии, населенная мусульманами тюрко-татарами и прилегающая к Казанской губернии, а также часть Самарской губернии, населенная тюрко-татарами и прилегающая к Казанской и Уфимской губерниям»[6]. Это было бы весьма крупное образование с населением около 8,4 млн чел., включая почти 3 млн 700 тыс. татар и башкир, более 3 млн русских, около 1 млн чувашей, 400 тыс. мари

и 300 тыс. чел. других национальностей[7]. В резолюциях Национального собрания мусульман тюрко-татар «О внутреннем устройстве Урало-Волжского штата и отношении его к другим штатам Российской Федеративной Республики» и «О правах наций, языков и религий в Урало-Волжском штате» провозглашалось, что Урало-Волжский штат по форме управления представляет демократическую республику и «вместе с другими штатами составит Российскую Федеративную Республику»; в нем должно осуществляться полное равенство наций, языков и религий, все национальные дела народов штата «подлежат исключительному ведению всероссийских национальных органов каждой нации» и «органов национального самоуправления»[8].

Для организации Урало-Волжского штата был создан специальный административный орган – коллегия по осуществлению автономного Урало-Волжского штата (КУВШ) – с задачами установления точных границ территории штата, определения организаций и учреждений, участвующих в его создании, распространения среди народов, «входящих в состав Урало-Волжского штата, идеи территориальной автономии»[9]. В первый состав коллегии вошли Г. Ибрагимов, Г. Шараф (председатель), И. Алкин, Г. Акчурин, С. Атнагулов, Ф. Сайфи, С. Енгалычев, Н. Хальфин[10] – по национальности татары и башкиры. Ее должны были пополнить и представители других народов, включаемых в Урало-Волжский штат[11].

Смена лозунга культурно-национальной автономии призывом к национально-территориальной автономии народов Волго-Уралья, выдвинутым лидерами мусульман тюрко-татар региона, в целом нашла позитивный отклик и среди немусульманских национальных лидеров. Об этом свидетельствует публикация «Возможны ли Соединенные Штаты в Поволжье?». Ее автор признавал «за единственное спасение России от грозящей ей катастрофы федеративное устройство» и «единственно приемлемой формой федерацию», организованную по национальному признаку. «Большие области, – отмечал автор, – являя собой одно федеративное целое, внутри себя предоставляют автономию отдельным областям, т.е. каждая народность самоопределится», «вверит власть над собой своим родным избранникам», последние «могли бы составить союзное правительство в Поволжье». По его мнению, чтобы эта мера государственного строительства могла осуществиться, необходима огромная работа статистического, экономического, вероисповедного, юридического характера; колоссальная работа по организации дела. «Осуществима ли она в Поволжье и вообще в темной России?» – задавался вопросом автор в завершении своей статьи[12].

Но такого рода скепсис не разделяли члены коллегии по осуществлению Урало-Волжского штата, которые сразу же после ее избрания приступили к активной работе. В декабре 1917 г. три представителя КУВШ (Г.Ш. Шараф и др.) провели встречу в редакции газеты «Хыпар» с Г.Ф. Алюновым, И.В. Васильевым (от Чувашского национального общества), А.Д. Красновым и Л.М. Лукиным (от Казанской чувашской военной организации) для обсуждения проекта Урало-Волжского штата. Спустя годы А.Д. Краснов так вспоминал об этой встрече: «Проект образования штата, зачитанный Шарафом, был насквозь пропитан национальным шовинизмом пантюркизма и панисламизма. <...> Границы штата были составлены тенденциозно с тем, чтобы в этих штатах было больше лишь татаро-башкир»; «совещание совместного заседания, как и надо было ожидать, не привело ни к какому соглашению между татарами и чувашами»[13].

Идея создания Урало-Волжского штата не получила поддержки и со стороны части башкирских деятелей. Они предлагали создать два штата: Башкортостан «на национально-территориальной основе, с мусульманским большинством при официальном языке татар» и штат в рамках Казанской губернии, как областную автономию. С таким предложением выступил З. Валидов[14].

Однако позиции сторонников создания одной и единой территориальной автономии для мусульман Среднего Поволжья и Приуралья возобладали на II Всероссийском мусульманском военном съезде, проходившем 8 (21) января – 18 февраля (3 марта) 1918 г. в Казани[15], который «принимая во внимание национальные, экономические и прочие интересы мусульман тюркского племени и других народностей, населяющих эту территорию (между Южным Уралом и средним течением р. Волга. – *В.К.*), находит необходимым образование в этих пределах автономной Идиль-Уральской* (Волжско-Уральской) советской республики, входящей в состав Российской Федеративной Советской Республики»[16]. Коллегия по осуществлению Урало-Волжского штата в лице ее председателя Г.Ш. Шарафа в январе 1918 г. разослала национальным организациям чувашей и мари обращение, в котором извещалось о решении образовать автономный Волжско-Уральский штат в границах «наибольшего включения территории с тюрко-татарским, чувашским, черемисским населением и наименьшего включения территории с другими народностями». В нем также говорилось, что в штате должно осуществляться «полное, последовательно проведенное равенство наций, языков, религий», что общее государственное устройство России должно представлять федерацию областей и федерацию наций. Сообщалось, что коллегия совместно с представителями заинтересованных народов созовет «общую конференцию для объявления осуществления автономии штата»[17].

Проходивший одновременно с мусульманским военным конгрессом в Казани Всероссийский чувашский военный съезд (12 (ст.ст.) января – 14 февраля (н. ст.) 1918 г.) – широкий общечувашский форум – принял к рассмотрению послание КУВШ. К началу 1918 г. программным положением в национальном движении чувашей являлся принцип экстерриториальной национально-культурной автономии. С учетом этого положения на чувашском военном съезде было проведено обсуждение и принято решение, касающееся обращения тюрко-татарских лидеров. Для рассмотрения их предложения на съезде была образована специальная, так называемая национальная комиссия. 19 января съезд заслушал подготовленный комиссией доклад (И.В. Васильев). Комиссия видела три возможные перспективы в сфере национального самоопределения чувашей: пассивное ожидание общегосударственной административно-территориальной реформы; образование чувашского национального территориального штата; вхождение в проектируемый мусульманами штат. С точки зрения комиссии, практическая реализация первых двух вариантов не представлялась возможной, ибо центральная власть, несмотря на принимаемые ею декларации, была против национального самоопределения народов. Комиссия констатировала, что организовать чувашский национальный штат «мы (чуваши. – *В.К.*) не в силах: нет материальных и культурных сил и инициативы, нет ясного осознания в чувашских массах необходимости штата». Комиссия считала, что придется соглашаться на включение в образуемый Средневолж-

* Так в документе.

ско-Южноуральский штат, который «при нашем отказе войти в этот штат мусульмане все равно создадут, но уже без чуваш»[18].

Согласие на включение территории с чувашским населением в планируемую административно-территориальную единицу И.В. Васильев предложил дать на определенных условиях. По его мнению, в декларации о провозглашении штата необходимо указать, что вновь образуемый субъект входит во Всероссийскую Федеративную Республику «как часть в целое»; в штате все народы должны быть равными, суверенными, обладать культурно-национальной автономией; его границы должны быть существенно изменены в целях увеличения доли нетюрко-татарского населения и включения крупных экономических и культурных центров; весь природный, экономический и культурный потенциал в пределах штата должен быть в пользовании всех его народов. (И.В. Васильев специально подчеркнул, что выдвижение этого условия стало главной причиной, определившей отказ от идеи отдельного национально-территориального чувашского штата.) Провозгласить штат он предложил не позже 1(14) февраля 1918 г. (в этот день в Казани должен был состояться областной съезд Советов Поволжья и Приуралья по вопросу федерирования региона, и лидеры национальных движений опасались, что в силу преобладания на областном съезде влияния большевиков и русских делегатов он выступит против провозглашения Средневолжско-Южноуральского штата)[19].

Прозвучавший на съезде доклад вызвал оживленные прения. Д.П. Петров предложил к уже выдвинутым условиям добавить еще одно: изменить границы штата с тем, чтобы включить в него большее число русского населения, городов, судоходных рек, Ядринский уезд, мордву и вотяков (удмуртов). Г.Т. Титов предложил провести «национализацию» в пределах штата, т.е. каждый народ остается суверенным, и, на его взгляд, «в будущем... чуваши и другие нации могут требовать устроить свою судьбу как хочется». Диссонансом прозвучало на общем фоне выступление В.Н. Абрамова-Иревли, который высказался за создание отдельного чувашского и других национальных штатов[20].

Итоги первого дня обсуждения подвел И.В. Васильев. В своей речи он указал, что позиция Абрамова-Иревли имела бы резон, если бы у чувашей «было все»: заводы, средства, войско, учреждения. Всем этим они будут обладать, по его мнению, лишь войдя в татарский штат. Предложение И.В. Васильева было поддержано подавляющим большинством голосов: 42 – «за», 2 – «против», 4 – «воздержались»[21]. Съезд единогласно принял решение: провозгласить образование штата до созыва областного съезда Советов Поволжья и Приуралья – 25 января 1918 г., приняв на этот счет совместную декларацию с татарами и башкирами; для взаимодействия с ними сформировать контактную комиссию. Съездом последняя была избрана в следующем составе: И.В. Васильев, Г.Ф. Алюнов, Г.Т. Титов, Д.П. Петров, И.К. Лукьянов и два кандидата – А.С. Блинов и А.Д. Краснов[22].

21 января с докладом «По вопросу об образовании штатов и пересмотру границ» выступил И.К. Лукьянов. Он конкретизировал план изменения границ и территории штата, приняв во внимание внесенные поправки: округлить границы, уравновесить этнические группы, сохранить непрерывность путей сообщения. Докладчиком было предложено включить в штат 10 городов: Екатеринбург, Челябинск, Сарапул, Алатырь, Ардатов, Красноуфимск, Уржум, Малмыж, Бугуруслан и Яранск. По его мнению, вместе с названными экономическими и куль-

турными центрами край вберет в себя три больших плодородных и 2–3 с огромными лесными массивами уезда, жизненно важные железнодорожные линии Казань – Сарапул – Красноуфимск – Екатеринбург, Самара – Уфа – Челябинск, Ардатов – Казань, Симбирск – Уфа, Челябинск – Екатеринбург, а также водные сообщения по Волге (от Васильсурска до Сенгилея), Каме (от Камского Устья до Саранска), Суре (до Алатыря), по рекам Белая и Уфа. Иными бы стали соответственно, по его расчетам, численность и этнический состав населения административно-территориального субъекта. Здесь проживали бы почти 10 млн чел., в том числе татар и башкир – 3 млн 769 тыс. чел. (38 %), русских – 3 млн 695 тыс. чел. (37–38 %), других народов – 2 млн 355 тыс. чел. (23–24 %)[23]. Тем самым было бы достигнуто относительное этническое равновесие и исключено значительное численное преобладание какой-либо одной национальной группы. Докладчик высказал рекомендации о желательности изменить название штата на «Волжско-Камский» и объявить о его образовании только с согласия всех народов, проживающих в его пределах, привлечь в последующем в штат «пограничные этнические группы», обеспечить каждой народности полную культурно-национальную и религиозную автономию; политическую платформу штата утвердить Всероссийским учредительным собранием, а органы его управления сконструировать с соблюдением принципа национально-пропорционального представительства[24].

Оценивая возможные последствия вступления чувашей в Волжско-Уральский штат, И.К. Лукьянов выделил позитивные и негативные стороны такого шага. По его мнению, вступив в федерацию, чувашский народ получит возможность сформировать свое собственное автономное управление, в социокультурном пространстве которого чувашский язык займет подобающее ему место. Но вместе с тем, на его взгляд, в штате будут доминировать мусульмане, и остаются спорными вопросы, даст ли согласие на образование штата русская группа, признают ли штат Советы и СНК[25].

29 января прения по вопросу о создании Волжско-Камского штата продолжились. Прозвучало предложение А.Д. Краснова войти в контакт с башкирами на предмет изменения границ штата[26]. Он же высказал мнение о том, как организовать центральную власть в будущем штате: правительство должно быть сформировано на пропорционально-национальной основе; управление предусмотреть коллегиальное с подразделением на несколько отделов во главе с комиссарами. По заявлению А.Д. Краснова, нужно настоять, чтобы пост комиссара по народному образованию или земледелия был закреплен за представителем чувашской нации[27].

Военный съезд признал необходимым созыв Чувашского (Общечувашского) учредительного собрания для решения основных вопросов политического и национально-культурного самоопределения этноса, утверждения условий включения населенной чувашами территории в Средневолжско-Южноуральский штат и детальной разработки конституции штата. Съезд также высказался за созыв областного Учредительного собрания, которое было бы сформировано из представителей входящих в территорию штата народов и решало бы все основные задачи по устройству штата[28].

Прозвучавшие на общечувашском военном съезде предложения и поправки к проекту штата были обсуждены на встречах делегации контактной комиссии с

членами коллегии по осуществлению Урало-Волжского штата. Все они, за исключением объявления об образовании штата до 1 (14) февраля, были ими отвергнуты[29]. Представители КУВШ выступили категорически против изменения границ и расширения территории штата и ультимативно потребовали согласиться с их условиями вхождения в штат и с предложенным ими составом коллегии по учреждению штата: 8 мусульман, 5 русских, 2 чуваша, 1 мариец[30].

Отсутствие консенсуса по вопросу территориального формата поволжско-приуральской федерации не помешало II Всероссийскому мусульманскому съезду 17 февраля 1918 г. принять следующую резолюцию: «Образовать согласно представленному проекту Южноуральский и Средневолжский штат, как федеративную часть Российской народно-советской Республики, под названием «Волжско-Уральская советская республика»; созвать Законодательное собрание республики на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования, руководствуясь принципом национально-пропорционального представительства «в ближайший срок»[31].

Однако в развернувшееся в регионе национальное движение активно вмешались деятели Казанского губернского Совета, встревоженные независимостью мусульманских политиков, многие из которых разделяли политическую платформу Всероссийского учредительного собрания. Казанские большевики и левые эсеры стремились взять под свою эгиду процесс национального самоопределения народов Поволжья. Еще 9 декабря 1917 г., выступая на общем собрании депутатов Казанского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, председатель его исполкома Я.С. Шейнкман заявил, что принимаются меры для решения вопроса самоопределения народов, населяющих Казанскую губернию и Поволжье[32]. 11 декабря в Казани было созвано совещание по национальному вопросу комитетов социалистических партий и национальных организаций, стоящих на платформе II Всероссийского съезда Советов. В его работе приняли участие представители казанских большевиков, социал-демократов-интернационалистов, левых эсеров, Мусульманского социалистического комитета, чувашских военных организаций. Основная цель совещания, как отметил в своем выступлении на нем делегат Мусульманского социалистического комитета М.Х. Султан-Галиев, необходимость «локализовать национальное движение мусульман» и недопущение к власти в Поволжско-Приуральской области буржуазии. На совещании развернулись дискуссии. Часть его участников (А.И. Карпов и др.) выступила за созыв областного съезда Советов Поволжья и Приуралья, который «выяснит свою позицию по национальному вопросу о территориальной автономии области». Представители национальных организаций (чувашский делегат А.Д. Краснов, М.Х. Султан-Галиев и др.) считали необходимым созыв Учредительного собрания народов Поволжья и Приуралья[33]. Председательствующий на совещании Я.С. Шейнкман заявил, что большевики не будут чинить препятствия в вопросе самоопределения народов, и высказался за созыв Учредительного собрания, «в котором, как в фокусе, отразились бы все народности, входящие в состав Поволжья». Но такое Учредительное собрание, по его мнению, прерогатива только областного съезда Советов и «безусловно, при соблюдении всех демократических принципов». В результате совещание единогласно постановило созвать областной съезд Советов Поволжья и Приуралья для обсуждения проблем национального строительства и вопроса проведения Поволжско-Приуральского учре-

дительного собрания, «с приглашением на съезд представителей национально-социалистических организаций, стоящих на платформе 2-го Всероссийского съезда советов»[34].

14 декабря 1917 г. заседание Казанского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов приняло решение созвать областной съезд Советов Поволжья и Южного Приуралья для обсуждения проблем национально-государственного строительства[35]. На съезд приглашались делегаты от Советов депутатов 11 губерний – Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Астраханской, Оренбургской, Уфимской, Пермской, Вятской и Пензенской, а также «по одному представителю от всякой национальной организации каждой народности указанных губерний»[36]. Таким образом, представительство на съезде предполагало более широкий по сравнению с проектом Урало-Волжской республики (7 губерний) территориальный формат областной федерации, и на четко определенной платформе – сторонников Советов.

По сути, казанскими большевиками выдвигалась в противовес создаваемой на национальной базе Урало-Волжской республики альтернатива в виде областного объединения Советов на основе политического, экономического и географического признаков, не содержащего в себе национально-государственных оснований. Такое решение было вполне логичным и не расходилось с общим курсом центрального советского правительства, которым на тот момент административные образования в виде областных союзов губернских Советов рассматривались как одна из наиболее перспективных моделей федеративного строительства советской России. Установку на такую организацию административно-территориального устройства давал на места и НКВД, разработавший Инструкцию (20 января 1918 г.), в которой указывалось: «...губернии, связанные национальными, географическими или экономическими узами, объединяются в области. Во главе области стоит областной Совет и исполнительный комитет». Далее говорилось, что все области прежней российской территории, признающие советскую власть и желающие быть в тесном союзе, составляют Российскую Социалистическую Федеративную Республику Советов, высшим органом которой является Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, казачьих, батрацких и крестьянских депутатов*[37].

* Лишь со второй половины 1918 г. правительственная политика по отношению к областным объединениям претерпела существенную эволюцию. Принятая в июле 1918 г. Конституция РСФСР подтвердила федеративно-этнический принцип Российского государства. Она установила, что федерация строится на основе «свободного союза свободных наций», а не союза составных частей; основанием для образования субъектов РСФСР являются национально-территориальный и бытовой (культурно-национальный) признаки (см.: *Хабриева Т.В.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010. С. 144). 11 ноября 1918 г. коллегия НКВД оценила областные организации как временное и преходящее явление. 23 декабря 1918 г. Я.М. Свердлов, выступая во ВЦИК, указал на полезность областных объединений в предыдущий период и подчеркнул, что теперь существование этих промежуточных учреждений представляется излишним (см.: *Ящук Т.Ф.* Организация местной власти в РСФСР, 1921–1929 гг. Омск, 2007. С. 264). В конечном итоге в высших эшелонах власти окончательно было признано, что Российская Федерация должна строиться не по территориальному, а по национальному признаку (см.: *Кушнир А.Г.* Реорганизация политико-административного деления России как средство захвата и удержания власти: (из опыта революционных преобразований 1917–1918 годов) // Отечественная история XX века: экономическая, политическая и социальная жизнь, преподавание в вузе: Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию д-ра ист. наук, проф. В.З. Дробижева / отв. ред. Е.И. Пивовар; Центр теоретических проблем ист. наук МГУ. М., 2004. С. 260).

Свой проект областного самоуправления Урало-Волжского края выдвинули представители либерально-общественных сил. Своего рода манифестацией их взглядов стала статья видного общественного деятеля и работника образования Н.А. Бобровникова, опубликованная в начале марта 1918 г. в газете «Казанское слово». В ней он отметил, что в Поволжско-Приуральском регионе «давно уже очевидна необходимость образования в нем краевого самоуправления», но предлагаемый мусульманскими политиками план создания самоуправляющейся области «в целях объединения татар, чуваш, черемис и вотяков» неприемлем, так как «противоречит правильно понимаемым интересам названных народов». На его взгляд, за ее пределами оказываются крупные торгово-промышленные и культурные центры, без которых невозможно увеличение производительных сил и преодоление бедности; из штата исключается русское население, право народов на самоопределение не дает «никакого основания татарам и союзу мелких племен Поволжья принимать оборонительные меры против русских же». С точки зрения Н.А. Бобровникова, одни только национальные организации «не могут исчерпывающим образом разработать проекты областного самоуправления нашего края. Это может быть сделано лишь съездом представителей земств и городов» пяти губерний – Казанской, Уфимской, Оренбургской, Пермской и Вятской. Окончательное же решение этого вопроса, как он считал, должно принадлежать «будущему Учредительному собранию»[38].

В условиях, когда власть находилась в руках левых социалистических сил, подобные либеральные проекты не могли даже рассматриваться в контексте реальной политики.

21–22 февраля 1918 г. в Казани прошел Областной съезд Советов Поволжья и Приуралья. В его работе приняли участие 144 делегата (меньше, чем предполагалось) от 11 губерний; явились на съезд с правом решающего голоса 110 чел., из них представителей Советов депутатов – 89 (вместо 318) и национальных организаций (мусульман, чувашской, марийской, удмуртской) – 21 чел.[39] В связи с этим съезд был признан совещательным, а не учредительным – без права «дать окончательную формулу при решении вопроса о самоопределении наций» и «правомочным» взять на себя инициативу по созыву II Областного съезда Советов Поволжья и Приуралья для разрешения национального вопроса[40]. По партийной принадлежности состав участников форума был следующим: левые эсеры – 43 чел., большевики – 36, беспартийные – 15, социал-демократы-интернационалисты – 4, меньшевики – 3, националисты – 2, анархисты – 2. На съезде председательствовал большевик Я.С. Шейнкман, его заместителями были избраны М.Х. Султан-Галиев (Мусульманский социалистический комитет) и Денисов (левый эсер), секретарями – Ф. Мухамедьяров (от мусульман), Виноградов и Комлев (левые эсеры), А.Д. Краснов и М.С. Слюбкин (от чувашей), Н. Алексеев (от мари)[41].

Первым на съезде выступил К.Я. Грасис. Он заявил, что необходимо национальное движение противопоставить националистическому, которое проявилось в политике Шуро; что самоопределение народов «должно быть понимаемо как самоопределение трудящихся масс». В числе выступивших в принципиальном плане его поддержали Пономарев и М.Х. Султан-Галиев. Первый отметил, что в вопросе самоопределения народов «никакой коалиции с буржуазией не должно быть». Второй заявил, что волю нации «должна выражать не вся нация в целом, а лишь ее демократическая масса». Им оппонировал И. Алкин, который

указал, что национальный вопрос хотят решать с точки зрения событий «текущего момента» – диктатуры пролетариата, «но не надо давать готовых проектов, а спросить сами демократические массы, чего они хотят»[42].

В ходе работы форума выявилось несколько основных подходов относительно формы национального самоопределения народов Волжско-Камского бассейна. Так называемая фракция «сторонников Урало-Волжского штата» из мусульманских делегатов (И. Казаков, И. Хансуваров, Г. Шараф, Г. Енбаев, С. Атнагулов и др.) отстаивали проект образования «Идель-Урала», который, по их мнению, должен был вобрать в себя максимальное количество мусульман, а немусульманские народы по возможности оставить за пределами штата[43]. Казанский делегат, большевик К.Я. Грасис противопоставил этому плану формулу, что «теперь каждая губерния, представляя собой советскую республику, будет самостоятельно решать национальный вопрос»[44], т.е. фактически выступил против федерирования Поволжско-Приуральского региона по этническому признаку. Позиция чувашских делегатов была озвучена Т. Антоновым. Он сказал: если ВЦИК декларирует, что Россия представляет союз советских республик, то это не значит, что можно создавать самостоятельные республики; на самостоятельное существование в смысле политическом может претендовать нация, в смысле экономическом представляющая одно целое. Т. Антонов подчеркнул: «Мы, чуваши, стоим на такой точке зрения, что о создании чувашского штата не может быть и речи. Для создания политического целого нам необходимо соединиться с народностями, которые живут рядом с чувашами и в смысле экономическом не представляют большого различия»[45].

В итоге на Областном съезде Советов было принято решение: «ввиду совещательного характера съезда передать разрешение вопроса о национальных чаяниях на предварительное разрешение Советов Поволжского района»; окончательную формулу в решении национального вопроса должен дать II Областной (учредительный) съезд Советов Поволжья и Приуралья; дату его проведения назначить в период между 10 апреля и 1 мая 1918 г. Для организационной работы по созыву II Областного съезда Советов Урало-Поволжья было решено образовать оргбюро в составе 11 чел.[46] Форум нашел возможным образовать областную федерацию Поволжья и Приуралья и предложил всесторонне обсудить вопрос о национальной и краевой федерации на местах[47].

Прямым результатом состоявшихся обсуждений и высказанных на Областном съезде Советов идей стало решение Казанского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о реорганизации управления Казанской губернией. 26 февраля 1918 г. он объявил ее Казанской советской рабоче-крестьянской республикой и с этой целью избрал из большевиков и левых эсеров Совет народных комиссаров в составе 11 комиссариатов во главе с Я.С. Шейнкманом[48]. Газета «Казанское слово» дала оценку этому событию. Она отметила, что очевидная причина создания Казанской республики в том, чтобы «разбить все сепаратистские идеи Шуро». Советская власть довольно последовательно проводит политику централизации. И объявление большевиками «Казанской республики», которая якобы должна после II Областного съезда Советов превратиться в федерацию или штат, «на самом деле есть акт централизма, подавление национальной мусульманской идеи». Другой причиной провозглашения Казанской советской рабоче-крестьянской республики газета называла германскую экспан-

сию, которая «может дойти вплоть до столиц, поэтому местные Советы видят задачу в том, чтобы подготовить другие центры, взамен утерянных»[*49]. Такой итог определился нарастанием централистской тенденции, укреплением вертикали советской организации и стремлением ограничить местный сепаратизм и, кроме того, начавшимся изгнанием левых эсеров из советских органов и формированием вместо двухпартийной политической системы однопартийной).

Между тем 7 марта 1918 г. Казанский губернский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов вынес решение принять «срочные меры к организации Урало-Волжской республики, каковая организуется во главе с Советом народных комиссаров на пропорционально-национальных классовых началах». Он поручил президиуму исполкома «снестись с Уфимским и Оренбургским Советами по вопросу о срочном провозглашении Урало-Волжской республики»[50]. Данное решение было принято в результате долгих прений, во время которых представители левых эсеров, социал-демократов-интернационалистов и Мусульманского социалистического комитета «особенно настаивали на немедленном провозглашении штата». Их позиция была поддержана большинством участников заседания, несмотря на то, что большевики «категорически высказывались против немедленного введения областного самоуправления». В газетном сообщении об этом заседании подчеркивалось, что провозглашение штата «возможно, конечно, только по созыву экстренного съезда Советов и созыв подобного съезда является очередной задачей текущего момента»[51].

10 марта 1918 г. председатель КУВШ Г. Шараф направил телеграмму Уфимскому мусульманскому военному совету Шуро, в которой информировал о предстоящем объявлении территории Поволжья и Приуралья автономной частью РСФСР; указывал, что «в штат Идель-Урала входит вся Башкирия плюс мусульманская часть Казанской губернии с городом Казанью» и что в новом образовании мусульмане составят 55 %. В ней также отмечалось, что учредительный съезд Советов созывается на национально-пропорциональных началах уже после объявления штата[52]. Как видим, решения I Областного съезда Советов Поволжья и Южного Урала и Казанского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов подверглись ревизии как в отношении последовательности действий по осуществлению Урало-Волжской советской республики, так и относительно ее территориального формата (сужения при доминировании тюрко-мусульман).

Впрочем, дальнейшего развития проект Волжско-Уральской советской республики не получил: не было проявлено достаточных усилий для его реализации, поскольку руководители Казанского губернского Совета рабочих, солдатских и Совета крестьянских депутатов, партийного комитета большевиков на деле были против немедленного введения областного или национального самоопределения и тем более против «татаро-башкирского штата» в любой форме[53]. Свою роль также

---

[*] Существование Казанской республики было недолгим. 16 мая 1918 г. по инициативе большевистской фракции исполком Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял постановление: «Казанскую губернию впредь республикой не именовать, ибо ни один орган советской власти таковой республики не провозглашал». 3 июня 1918 г. было решено ликвидировать Совнарком Казанской губернии (см.: *Захаров Н.С.* Октябрьская революция и советское строительство в Среднем Поволжье (октябрь 1917–март 1918 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. С. 68).

сыграли противоречия между федералистами и башкирскими суверенистами (сторонники башкирского суверенитета в лице Временного революционного совета Башкортостана дали отрицательный ответ на телеграмму председателя КУВШ Г. Шарафа от 10 марта 1918 г. о предстоящем объявлении Урало-Волжского штата)[54], КУВШ и Национальным собранием мусульман (руководители Национального собрания мусульман С. Максудов и И. Ахтямов были против советизации проекта Урало-Волжского штата КУВШ)[55], критическое отношение к нему не только чувашских, но и других национальных организаций Среднего Поволжья и Приуралья[56]. А самое главное, весь этот проект, несмотря на провозглашенную советскую платформу Урало-Волжской советской республики[57], являясь продуктом не зависимых от центрального большевистского правительства мусульманских политиков, уже в силу этого был неприемлем для Москвы[58].

План образования Татаро-Башкирской советской республики

Вместо проекта Волжско-Уральской советской республики весной 1918 г. группой деятелей Комиссариата по делам мусульман и Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР был выдвинут план образования Татаро-Башкирской советской республики. Будучи результатом сепаратного соглашения мусульманских большевиков (М. Вахитова и М.Х. Султан-Галиева) и наркома по делам национальностей РСФСР И.В. Сталина (последний руководствовался не только декретами советской власти о праве каждого народа на самоопределение и целями «ускоренной советизации» восточных народов, но и сугубо прагматическими соображениями – необходимостью считаться с приверженцами ислама как реальной политической силой), данный план усиливал тюрко-татарскую направленность нового образования, что следовало из самого названия республики и ее территориального формата. Согласно декрету Народного комиссариата по делам национальностей от 22 марта 1918 г. «О Татаро-Башкирской советской республике», территория Южного Урала и Среднего Поволжья объявлялась Татаро-Башкирской советской республикой РСФСР. При определении ее границ в основу был положен проект, разработанный башкирскими и татарскими революционными организациями (вся Уфимская губерния, башкирская часть Оренбургской и Казанской губерний, за исключением чувашско-марийской части, и прилегающие мусульманские части Пермской, Вятской, Симбирской и Самарской губерний). Окончательное установление границ республики предоставлялось учредительному съезду Советов этой республики. Им же определялись политические и экономические взаимоотношения западной части республики и Башкортостана. Организация комиссии по созыву учредительного съезда Советов поручалась Комиссариату по делам мусульман Средней России[59].

Таким образом, согласно декрету, Татаро-Башкирская республика должна была быть образованием в принципе двунациональным, строиться строго по национальному признаку. Для этого прежние административно-территориальные единицы должны были быть перекроены, чтобы выделить из них и объединить в одно целое районы, населенные татарами и башкирами[50]. Соответственно этому замыслу планировался и состав организационной комиссии по Татаро-Башкирской республике. 28 марта 1918 г. Комиссариат по делам мусульман при Наркомнаце телеграммой информировал Уфимский, Казанский, Оренбургский губерн-

ские Советы и Уфимское чувашское национальное общество о представительстве в комиссии по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики: Казанский губернский Совет – 1 представитель, Казанский мусульманский комиссариат – 1, Уфимский Совет – 1, Уфимский башкирский комиссариат – 1, Уфимский татарский комиссариат – 1, Оренбургский Совет – 1, Оренбургский башкирский комиссариат – 1, Уфимское чувашское национальное общество – 1. Как видим, в ее состав не включались представители немусульманских национальных организаций перечисленных в декрете губерний и чувашских национальных организаций Казанской губернии. Предусматривалось, что комиссия приступит к работе 10 апреля[61].

Когда эта информация стала известна руководству чувашского национального движения, казанский комиссар по делам чувашей А.Д. Краснов в начале апреля 1918 г. обратился в Уфимское чувашское национальное общество. Им был высказан ряд просьб: телеграфировать ему, кто командируется в Комиссию по созыву учредительного собрания Татаро-Башкирской республики; сообщить, имеется ли «подходящий человек стойкого умелого отстаивания национальных интересов». И наконец, была высказана рекомендация выразить протест «против проекта, разделяющего чувашский народ на части»[62].

7 апреля 1918 г. вопрос о Татаро-Башкирской советской республике был обсужден на совещании ведущих чувашских советских учреждений – Чувашского левого социалистического комитета, чувашской фракции исполкома Казанского губернского Совета крестьянских депутатов и Казанского комиссариата по чувашским делам. Им принята резолюция: факт объявления советским правительством Татаро-Башкирской республики без согласия местных Советов и национальных организаций «считать досадным недоразумением, не имеющим обязательной силы для чуваш»; никакой Татаро-Башкирской республики быть не может, а «возможно создание объединяющих многие народности штатов»; новая республика должна охватывать всю обширную территорию Волжско-Камского района; при определении ее границ экономические факторы играют главенствующую роль, и нужно «по возможности стремиться к включению каждой национальности в целом»; национальный состав административно-территориальной единицы «по возможности должен приближаться к тому идеалу, чтобы ни одна национальность не превалировала над другими, т.е. не достигала 50 % ». Резолюция совещания исходила из того, что все народы республики должны представлять из себя штаты, управляемые Советами; в основу республиканской конституции должны быть положены принципы: полная автономия каждого народа в вопросах культуры, равенство языков, организация всех учреждений на основе национально-пропорционального представительства, установление административных единиц и их границ «преимущественно по этнографическому признаку»; основной закон республики должен быть разработан и утвержден областным учредительным съездом Советов и национальных организаций. Совместное заседание признало проект автономии, разработанный татаро-башкирскими деятелями и поддержанный НКН, как отличающийся «тенденцией установления в ней мусульманской гегемонии» и вдохновленный «идеями пантюркизма и панисламизма»[63].

13 апреля 1918 г. в Казани состоялось объединенное заседание комиссариатов по чувашским делам и делам мари и представителей кряшено-татарских социалистических организаций, где была выработана солидарная позиция: 1) вы-

разить протест против провозглашения Татаро-Башкирской республики, «совершенного помимо воли и согласия местных Советов и национальных организаций чувашей, черемис, вотяков, крещеных татар и пр.», против тенденции к установлению мусульманской гегемонии в пределах республики, в ущерб малым народам, «что видно из самого названия республики и намечаемых границ»; 2) декрет признать не имеющим обязательной силы, пока он не будет утвержден областным съездом Советов, которому предстоит разработать конституцию областной автономии для района Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья; 3) заявить, что новая административно-территориальная единица «тогда только будет жизненна», когда при определении ее границ «первенствующее значение» будет придано экономическим факторам, и она будет приемлема для всех народов региона, будет представлять из себя штаты, объединяющие «равноправные народы на началах федерации»[64].

Таким образом, решения, принятые совещаниями от 7 и 13 апреля, свидетельствовали, что в вопросе организации областной автономии Среднего Поволжья и Приуралья их участники придерживались точки зрения, что это образование не должно быть только татаро-башкирским, а должно объединять все народы региона; быть сконструировано и утверждено широким представительным форумом; строиться на принципах национального равноправия и советской демократии с учетом приоритета экономической целесообразности.

Тем временем советское правительство начало предпринимать реальные шаги по созданию автономии. 13–18 апреля 1918 г. при Татаро-Башкирском комиссариате (так с 31 марта стал называться Комиссариат по делам мусульман Внутренней России, а с 27 апреля 1918 г. было установлено новое название – Центральный мусульманский комиссариат) состоялось совещание по вопросу организации Татаро-Башкирской советской республики с участием татарских, башкирских и русских представителей, чувашских, марийских и ряда других организаций (КУВШ, оргбюро, избранного учредительным Областным съездом Советов Поволжья) и ученых (Г. Шараф и профессор С.П. Покровский)[65]. На совещание в качестве делегатов были командированы от чувашей Д.С. Эльмень и И.С. Максимов-Кошкинский[66]. Председателем на заседаниях был М.Х. Султан-Галиев (руководитель Казанского мусульманского комиссариата), его заместителями избрали Н. Алексеева (представитель мари), секретарем – Зиновьева (от оргбюро по созыву областного съезда Советов Поволжья и Приуралья)[67]. Обсуждались вопросы о территории, границах, составе учредителей и принципах организации республики. Своими соображениями поделились Г. Шараф, профессор С.П. Покровский и Д.С. Эльмень и др. Основные разногласия касались вопроса о территориальном формате Татаро-Башкирской республики: расширение или сужение границ[68]. М.Х. Султан-Галиев заявил, что требование чувашей и мари о расширении границ республики противоречит стремлению к «автономному самоопределению» татар и башкир, поскольку «включаются и великороссы, и тогда преобладание большинства будет на стороне великороссов»[69]. По результатам обсуждения совещание постановило: «Остановиться на границах, указанных в Положении Народного комиссариата по национальным делам о Татаро-Башкирской республике. Окончательную же границу республики должен установить учредительный съезд Советов республики». В состав комиссии по созыву учредительного съезда включались с правом решающего голоса также представители чувашей,

мари, удмуртов и мордвы отдельно, «как от входящих в республику, так и остающихся за ее пределами»[70]. Помимо комиссии по созыву съезда предполагалось учредить «комиссию по научному обследованию» создаваемой республики и прилегающих к ней губерний и областей «в этнографическом, географическом, геологическом, историческом и культурно-промышленном отношении и разработке имеющихся по этим вопросам материалов»[71].

«Голосуя за эту резолюцию, – подчеркивалось в примечании к протоколу совещания, – представители чуваш и мари против территориально-национальной автономии (имелась в виду исключительно татаро-башкирская. – *В.К.*) в Южноуральском и Средневолжском крае, так как этнографический состав этого края не допускает такого решения вопроса»[72]. А газета «Чулпан», печатный орган Татаро-Башкирского комиссариата, о работе совещания при Татаро-Башкирском комиссариате Наркомнаца РСФСР писала: «Если раньше чуваши сами было порвали отношения, поставив тяжелые условия (требования, выдвинутые перед КУВШ. – *В.К.*), то теперь уже замечаются у них некоторые сомнения, и возможно, что они войдут снова [в Татаро-Башкирскую республику]. Но все-таки пока нет у них решительного и окончательного плана»[73].

Обмен мнениями происходил не только на официальных заседаниях совещания, но и в узком кругу лиц. И.С. Максимов-Кошкинский в своих воспоминаниях сообщает такой факт. Находясь в приемной, откуда в кабинет И.В. Сталина дверь была приоткрыта, он услышал разговор, участниками которого были Сталин, М. Вахитов, М.Х. Султан-Галиев, Д.С. Эльмень и башкирский представитель (фамилию мемуарист не указал).

«Сталин: «Если не хотите войти в Татаро-Башкирскую республику (имелись в виду Д.С. Эльмень и башкирский представитель. – *В.К.*), то создавайте свои автономные советские республики.

Д.С. Эльмень: У нас для столицы пригодного города даже нет.

Сталин: Вашингтон 100 лет назад каким городом был, знаете?.. Насчет столицы не надо печалиться, создадим новый город»[74].

Судя по свидетельству И.С. Максимова-Кошкинского, еще на стадии обсуждения проекта образования областной Поволжско-Приуральской федерации Центром не исключалась возможность создания вместо нее группы национальных советских автономий в регионе.

21 апреля 1918 г. коллегия Наркомнаца утвердила решение совещания и постановила созвать в двухнедельный срок совещание по вопросу созыва учредительного съезда Татаро-Башкирской республики. В ее резолюции было указано: «Привлечь на совещание представителей всех заинтересованных в автономии Татаро-Башкирии губерний и городских Совдепов и соответствующих мусульманских комиссариатов из местностей, расположенных в границах Татаро-Башкирии и смежных с ними. На совещание делегировать также представителей Народного комиссариата по делам национальностей»[75]. На следующий день соответствующее предписание за подписью председателя СНК РСФСР В.И. Ленина было разослано Советам и мусульманским комиссариатам Симбирска, Казани, Перми, Уфы, Оренбурга, Вятки и Екатеринбурга с тем, чтобы они направили своих представителей на совещание, назначенное на 5 мая в Москве для создания ко-

миссии по созыву учредительного съезда в целях определения границ и компетенции Татаро-Башкирской советской республики[76].

Вышеупомянутые директивы Совнаркома, Наркомнаца и итоги апрельского совещания в Москве свидетельствовали о том, что авторами проекта Татаро-Башкирской республики в определенной мере приняты были во внимание запросы и интересы народов, оказавшихся за ее пределами. Было решено, что их официальные представители будут привлечены к участию в организационных работах по созданию советской автономии в регионе Среднего Поволжья и Приуралья, а ее территориальный формат станет предметом обсуждения всех заинтересованных сторон.

Учитывая важность для чувашского этноса вопроса об областной автономии Поволжья и Приуралья, его вынесли на рассмотрение широкого форума чувашского народа – общечувашского рабоче-крестьянского съезда. 25 апреля 1918 г. на заседании организационного бюро было обсуждено определение срока его созыва. В ходе развернувшейся дискуссии М.С. Слюбкин высказался за то, чтобы общечувашский съезд, так же как и съезды других народов, предшествовал созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики, который должен быть проведен только после того, «как эти съезды выскажутся за созыв учредительного съезда». С точки зрения А.Д. Краснова, вопрос о времени созыва общечувашского съезда нужно отложить до «личных переговоров» с участниками московского совещания. Д.П. Петров рекомендовал предоставить решение вопроса о сроках созыва общечувашского съезда и «вообще съездов» совместному совещанию представителей чувашских и марийских национальных организаций. Г.Ф. Алюнов высказал мнение, что общечувашский съезд следует провести раньше учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики – условно 25 мая 1918 г. (по старому стилю). Единогласно были утверждены предложения Г.Ф. Алюнова и Д.П. Петрова[77].

Назначенное на 5 мая в Москве совещание по подготовке к созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики состоялось 10–16 мая 1918 г. под председательством И.В. Сталина. Незадолго до начала работы совещания, 7 мая, прошло заседание коллегии Наркомнаца с участием представителей от Казанского губернского, Уральского областного Советов и представителей народа мари и других народностей Поволжья. Был заслушан вопрос о совещании по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской республики. В своей резолюции руководящий орган наркомата указал: «Коллегия исходит, что Совет народных комиссаров в вопросе об этой республике должен действовать прежде всего солидарно с местными Советами»[78]. Данное заключение означало не что иное, как готовность к компромиссу, возможность внесения Центром с учетом мнения аутсайдеров поправок в совместный проект Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР и Центрального мусульманского комиссариата.

В работе совещания приняли участие 30 чел. Были представлены областной Совет Урала, Советы Казани, Уфы, Оренбурга, Перми, Симбирска и соответствующие национальные комиссариаты губернских Советов. С правом решающего голоса присутствовали: от Народного комиссариата по делам национальностей – И.В. Сталин и С.С. Пестковский; от Центрального комиссариата по делам мусульман – Ф.К. Сайфи, Ш.А. Манатов и Г. Янбаев; от Казани – К.Л. Якубов и К.Я. Грасис; от Оренбурга – Филиппов и Г.К. Шамигулов; от Уфы – В.И. Его-

шин и Г.А. Давлетшин; от Перми – Динмухаметов; от Симбирска – Х. Рамеев и С.С. Гафуров; от Екатеринбургского областного исполнительного комитета Советов – Ф.Ф. Сыромолотов и И.Я. Тунтул; представитель чувашей – А.Д. Краснов, мари – В.А. Мухин, всего 18 чел.[79] Открывая встречу, И.В. Сталин так определил ее задачи и программу работы: цель совещания – сформировать комиссию по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики; задача будущего съезда – определить границы и характер татаро-башкирской автономии; совещание выслушает доклады с мест для того, чтобы получить общую картину требований национальностей данной области, затем наметит предварительную схему территории, численность трудового населения, которое привлекается к выборам в учредительный съезд (право выбора предоставляется организованным в Советы трудовым массам не только проектируемого автономного образования, но и смежных районов). По намеченному плану, совещание должно выбрать комиссию, на которую возлагается задача созыва учредительного съезда Советов Татаро-Башкирской республики. Решение же вопроса об автономии, определение ее статуса и окончательное установление границ предоставляется учредительному съезду[80]. В своем выступлении Сталин достаточно четко разъясняет, почему он является сторонником Татаро-Башкирской советской республики. По его мнению, «есть два типа автономий»: первый – чисто националистический, построенный на национальных основах; другой – автономии областей с преобладанием одной или нескольких национальностей; при этом никаких «национальных курий», никаких «национальных перегородок». Автономия, опирающаяся на Советы депутатов, значит «межевание людей в данной области... не по национальному, а по признаку классовому». Предоставив областным органам главным образом административно-политические и культурные функции чисто областного характера, И.В. Сталин считает необходимым оставить в руках центральной власти все важные для страны функции. Именно тип областных автономий, как полагал он, является наиболее целесообразной формой и «диктуется в настоящий переходный момент» интересами укрепления диктатуры пролетариата и борьбой с буржуазным национализмом[81].

После речи Сталина была принята повестка дня совещания: 1) выступления представителей с мест, 2) о территориальном принципе созыва представителей и нормах представительства на учредительный съезд Татаро-Башкирской советской республики, 3) создание комиссии по созыву съезда, определение места работы, времени созыва съезда и др.[82]

В ходе работы совещания выявились острые разногласия вокруг проекта образования Татаро-Башкирской республики. Группа делегатов (Г.К. Шамигулов, И.Я. Тунтул, Ф.Ф. Сыромолотов, К.Я. Грасис и др.) выступила против проекта в целом, полагая, что его реализация в Поволжско-Приуральском регионе будет на руку «мусульманской буржуазной интеллигенции», усилит национальную вражду и идеологию панисламизма; приведет к нарушению целостности экономики страны, угнетению более слабых народов; ослабит классовую борьбу и укрепит буржуазный и мелкобуржуазный национализм. Названные лица, покинув совещание, от имени фракции коммунистов подали заявление с протестом в ЦК РКП(б). В нем они изложили свои требования: 1) комиссию по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики организовать по партийному принципу, т.е. из коммунистов и левых эсеров, «потому, что контроль

партии в этом вопросе как политическом имеет свое значение». (На совещании предложение фракции коммунистов не прошло, его участники проголосовали за расширенный состав комиссии «для полноты представительства национальностей, не зависимого от партийного состава».) 2) на учредительный съезд привлечь «представительство от более окрепших Советов, т.е. от губернских, уездных, окружных Советов», и не настаивать на представительстве от областных Советов и национальных комиссариатов, чтобы «закрепить на съезде представительство более политически оформленной массы в противовес кулацкому, мелкобуржуазному» представительству волостных Советов. Составители протеста обращали внимание руководящего партийного органа на то, что совещание «протекало в достаточно резко шовинистически мусульманском духе», что И. Сталин, «как ответственный представитель советской власти», все время демонстрировал к фракции коммунистов «ироническое поведение», «как к чему-то постороннему, мешающему работать, осложняющему очень «простую ориентацию на Восток»; что вопрос о Татаро-Башкирской республике, ее территории и правах предрешен.

Авторы письма заявляли, что не желают брать на себя ответственность за «такую национальную политику», при которой «будет торжествовать не пролетариат», и поэтому уходят из совещания и из состава комиссии по организации учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики[83].

В ЦК Коммунистической партии 16 мая поступила также записка некоторых членов коллегии и сотрудников Наркомата по делам национальностей РСФСР. В ней осуждалось поведение И. Сталина, который «вообще в принципиальных вопросах никогда не считает нужным принимать во внимание мнение большевистского большинства коллегии», и это, в частности, ярко проявилось в деле «о пресловутой Татаро-Башкирской республике». Он не пожелал считаться ни с мнением коллегии, ни с мнением большевистской части совещания, несмотря на то, что фракция коммунистов, представители губернских Советов, коллегия НКН выступили против учреждения республики «в том виде, как это сообща с татарским комиссариатом предлагал т. Сталин». Авторы записки просили ЦК партии рассмотреть поведение И. Сталина и разобраться с вопросом о Татаро-Башкирской советской республике[84].

В ходе работы совещания имели место и личные встречи противников областной автономии Урало-Поволжья с В.И. Лениным и другими членами ЦК Коммунистической партии[85]. Ни руководящий партийный орган, ни лично В.И. Ленин не одобрили их позиции[86], указав, что все члены партии должны поддерживать шаги Народного комиссариата по делам национальностей, направленные на созыв учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики, «поскольку Центральным Комитетом не отменена линия поведения Наркомнаца»[87]. (Уже после завершения работы совещания К.Я. Грасис, с самого начала один из самых непримиримых противников областной автономии народов Среднего Поволжья и Приуралья, на страницах газеты «Знамя революции» опубликовал цикл статей, в которых вновь и вновь подчеркивал ошибочность принятых майским совещанием решений и проекта Татаро-Башкирской республики, не способствующих укреплению советской власти, пролетарскому интернационализму и не отвечающих интересам нерусского трудового населения Урало-Поволжья[88].)

Согласно постановлению совещания, представители чувашей и мари, ознакомив его участников с отношением своих народов к проекту, а также с резолю-

циями национальных организаций на этот счет, заявили, что они в принципе не против образования Татаро-Башкирской советской республики, но желают расширить ее границы, и выразили пожелание быть представленными на учредительном съезде[89]. Однако тексты выступлений на совещании чувашского и марийского представителей не согласуются с положениями его резолюции. Так, А.Д. Краснов в своей речи, в частности, указал, что объявление Положения о Татаро-Башкирской советской республике для чувашских организаций оказалось полной неожиданностью, что рамки ее слишком узки, «ибо она выкидывает за борт тесно связанные с ней мелкие народности». «Странным» нашел чувашский представитель и само название – «Татаро-Башкирская республика»: в нее, кроме татар и башкир, входит ряд других народов; речь должна идти об областной автономии, образованной в первую очередь по экономическому принципу[90]. В выступлении А.Д. Краснова прозвучали также такие слова: «Говорят, чувашская демократия могла бы объявить свою автономию. Но для нас в этом не было никакой необходимости»[91]. В.А. Мухин огласил на совещании наказ марийцев о том, что Комиссариат народа мари признает желательным образование Урало-Волжского штата со включением в него всех мелких народностей Поволжья и Приуралья, что при его образовании весь народ мари должен войти в состав штата (Казанская, Вятская, Уфимская, Пермская, Нижегородская, Костромская губернии)[92].

Делегаты от Уфимской губернии (В.И. Егошин), Уфы (Г. Ибрагимов), Симбирска (С.С. Гафуров), Перми (Динмухаметов), Казани (К.Л. Якубов), мусульманских комиссариатов и Центрального мусульманского комиссариата (М. Вахитов) высказались за необходимость образования Татаро-Башкирской советской республики[93]. М. Вахитов в своей речи подчеркнул, что на учредительном съезде Татаро-Башкирской республики должны быть представлены Советы только «той территории, границы которой начертаны в Положении Татаро-Башкирской советской республики»[92], тем самым не поддержав изменение ее границ.

Итогами работы майского совещания стало решение о расширении территории учреждаемой Татаро-Башкирской советской республики «с включением в нее мелких народностей (чуваш, мари и пр.)». Оно постановило привлечь к выборам на учредительный съезд «только оформленные Совдепы 7 прямо или косвенно заинтересованных губерний» (Казанской, Уфимской, Оренбургской, Вятской, Самарской, Пермской, Симбирской); избрало комиссию по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики в составе М. Вахитова (от Наркомнаца), Г. Янбаева (от Центрального мусульманского комиссариата), Г.А. Давлетшина (от башкир), К.Л. Якубова (от татар), Д.С. Эльменя (от чувашей), В.А. Мухина (от мари), В.И. Егошина (от русских). Собрание назначило местом съезда Уфу; определение срока его созыва предоставило Народному комиссариату по делам национальностей с условием его согласования «с местными Совдепами»[95].

Хотя в официальных решениях майского совещания нашли отражение принципиальные требования чувашского и марийского этносов, касающиеся включения их представителей в организационную работу по учреждению республики и определению ее территориальных границ[96], их национальные лидеры имели все основания полагать, что данное образование не будет равноправным объединением народов Среднего Поволжья и Приуралья. В полной мере эти опасения были вы-

ражены на I Общечувашском рабоче-крестьянском съезде, состоявшемся 9–15 июня 1918 г. в Казани. Вопросы об отношении к предполагаемому провозглашению Татаро-Башкирской советской республики и этнополитическом самоопределении чувашей, его формах и фактическом осуществлении были на нем в числе главных. Основной доклад «Татаро-Башкирская республика» зачитал Д.П. Петров, с содокладами выступили Д.С. Эльмень и А.Д. Краснов, в прениях выступил М.С. Слюбкин. Все они высказали негативное отношение к образованию Татаро-Башкирской республики и вхождению в нее чувашей[97]. Подавляющим большинством голосов (70 – «за», 14 – «против», 1 – «воздержался») съезд принял резолюцию, в которой заявил, что не признает необходимости создания и не верит в возможность существования Татаро-Башкирской республики. Съезд выступил против включения в нее чувашского населения, поскольку ее границы намечаются вопреки исторически сложившимся неразрывным экономическим и культурным связям; в пределах проектируемой республики больше всего русских и, кроме татар и башкир, в значительном количестве проживают также чуваши, черемисы, мордва и др.; создание новой республики под названием «Татаро-Башкирская» обострит межнациональные отношения; трудящиеся массы татар и башкир, «в особенности в лице сельского населения, и сами не проявляют стремления к созданию обособленной государственной единицы». Как альтернативу Татаро-Башкирской республике съезд предложил учредить «по взаимному соглашению» областную автономию народов Поволжья и Прикамья[98].

Заслушав доклады «Самоопределение чувашского народа и формы его осуществления» (Г.Ф. Алюнов), «О культурном самоопределении» (Г.Т. Титов), «О зачатках политического самоопределения и органы власти среди чуваш» (А.Д. Краснов), съезд признал, что чуваши по политическим, этническим, историческим условиям не могут образовать ни самостоятельного, ни независимого государства, ни отдельных штатов России; и что они должны добиваться культурно-национальной автономии с зачатками политической автономии[99].

Во время работы общечувашского рабоче-крестьянского форума 13 июня в Казани состоялось объединенное заседание представителей мелких народностей Поволжья и Приуралья, где обсуждался вопрос о Татаро-Башкирской республике. Это было представительное совещание, на котором присутствовали делегаты от мари (90 чел.), чувашей (61 чел.), удмуртов (4 чел.), татар-кряшен (8 чел.), эстов (1 чел.). Председательствовал на совещании мариец Л.Я. Мендияров. Первым выступил с большим докладом представитель чувашей Д.П. Петров, который проинформировал присутствующих о решении Общечувашского рабоче-крестьянского съезда не входить в состав Татаро-Башкирской республики. Попытки ее организации он назвал авантюрой, в то же время Д.П. Петров отметил, что чуваши не возражали бы против создания областной федерации равноправных народов Поволжья и Приуралья. Отрицательное отношение к проекту учреждения Татаро-Башкирской республики выразили и представители кряшен и удмуртов. Марийский делегат С.Г. Гаврилов заявил, что народ мари также отрицательно относится к идее образования Татаро-Башкирской республики, но согласен образовать областную федеративную республику мелких народностей «при условии сохранения единства России». С обстоятельными речами на совещании выступили А.Д. Краснов, Лялюков, А.А. Порк, Н.В. Никольский. Они также дали негативную оценку плану, выдвинутому тюркистами-федералистами[100]. В поддерж-

ку создания Татаро-Башкирской республики на совещании высказался представитель Центрального мусульманского комиссариата Г.Ш. Шараф. Суть его выступления сводилась к следующему: образуя республику, мусульмане «не собираются поработить кого-либо»; все народы будут равноправны; господства татар и башкир опасаться не стоит: их будет только 44 %; название «Татаро-Башкирская» не является окончательным, это во власти учредительного съезда; если какая-либо народность не будет согласна войти в состав республики, то такая территория из нее исключается[101].

В результате обсуждения объединенное заседание представителей чувашей, мари, кряшен и удмуртов приняло резолюцию: 1) отказаться от участия в попытках создания Татаро-Башкирской республики по проектам, разработанным на татаро-башкирских съездах и совещаниях при центральном правительстве, 2) при реализации принципа национального самоопределения и при утверждении федеративных начал в общероссийском масштабе признать желательным создание в районе Среднего Поволжья и Приуралья автономной государственной единицы Российской Федерации, учреждаемой по взаимному соглашению всех населяющих эту территорию народов, исключая «возможность расчленения последних, каковые по возможности в полном своем составе должны принадлежать к одной автономной области»[102].

Вследствие отрицательного отношения Общечувашского рабоче-крестьянского съезда и объединенного заседания народов Поволжья и Приуралья к проекту образования Татаро-Башкирской республики совместным решением Комиссариата по чувашским делам при Казанском губернском Совете, ЧЛСК и чувашской фракции Казанского губернского Совета крестьянских депутатов 20 июня 1918 г. представитель от чувашей П.А. Федоров из комиссии по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской республики был отозван[103]. На заседании в конце июня 1918 г. комиссия тем не менее утвердила нормы представительства на предстоящем учредительном съезде в рамках следующей территории: вся Казанская, Уфимская, Оренбургская губернии; Вятская губерния, части Елабужского, Малмыжского, Яранского, Уржумского и Сарапульского уездов; Симбирская губерния, Буинский уезд, части Симбирского и Курмышского уездов; Самарская губерния, части Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского уездов; Пермская губерния, части Шадринского, Осинского, Красноуфимского и Екатеринбургского уездов[104]. А 15 июля 1918 г. комиссия по созыву учредительного съезда Советов Татаро-Башкирской республики обратилась к народам Поволжья и Приуралья с воззванием, в котором сообщалось, что в ближайшее время откроются районные и уездные съезды, которые изберут представителей на учредительный съезд. Были определены время его созыва (15 сентября 1918 г.) и место проведения (г. Уфа)[105].

Эскалация Гражданской войны, в эпицентре которой оказался Поволжско-Приуральский регион, сделала невозможным проведение учредительного республиканского съезда. Но план образования Татаро-Башкирской советской республики не осуществился не только по этой причине. Изначально этот проект создавался исходя из доминирующей роли двух только этносов многонационального региона – татар и башкир. И, как писал в аналитической записке в 1918 г. сотрудник Наркомнаца Э. Булбулович (по происхождению боснийский мусульманин), Татаро-Башкирская республика «есть авантюра», «есть утопия, которую

нельзя осуществить», так как в таких границах она была бы «диктатурой 40 % над 60 % населения этой территории»[106]. К тому же проект вступил в противоречие со стремлением значительной части деятелей башкирского национального движения создать свою автономию[107].

Замыслу группы татарских и башкирских большевиков с пантюркистскими устремлениями (М. Вахитов, М.Х. Султан-Галиев, Б.А. Шафиев и др.) не суждено было воплотиться и по другой причине. План образования Татаро-Башкирской советской республики с некоторых пор перестал пользоваться поддержкой Москвы, наркома по делам национальностей И.В. Сталина, так как ситуация на фронтах Гражданской войны постепенно менялась в пользу большевиков, их власть укрепилась и поддержка мусульман Волги и Урала становилась менее необходимой[108]. Общий подход советского правительства к решению проблемы административно-территориального устройства России тоже изменился. Если до конца 1918 г. ведущим направлением в практике национально-государственного строительства в Советской стране являлось образование крупных многонациональных областных федераций (например, Терская, Кубано-Черноморская, Северо-Кавказская, Донская советские республики), то в последующем был взят курс на организацию отдельных национальных автономий.

Актуализация вопроса о самоопределении чувашей в форме национально-территориальной автономии

Со второй половины 1918 г. и в среде лидеров чувашского национального движения стала обсуждаться (И.С. Максимов-Кошкинский указал на сентябрь 1918 г.) идея о возможности образования национально-территориальной единицы для чувашей. Осенью 1918 г. появился проект «Чувашская Республика» Г.Ф. Алюнова. Летом 1919 г. Козьмодемьянский уездный исполком Советов выдвинул проект образования национальной губернии из частей Казанской, Нижегородской и Симбирской губерний[109]. Однако вопрос о практической реализации идеи территориальной автономии чувашей центральными чувашскими органами вплоть до конца 1919 г. не поднимался, о чем свидетельствует письмо заместителя заведующего Чувашским отделом при НКН РСФСР С.А. Коричева в коллегию названного отдела и в чувашскую секцию при Казанском губкоме РКП(б) от 7 июня 1919 г. Среди неотложных задач, стоящих перед руководящими советскими и партийными национальными органами, наряду с созданием национальных войсковых частей и необходимостью «добиться от Центра самостоятельности нашей партии путем подчинения ее исключительно ЦК», он назвал провозглашение Татаро-Башкирской советской республики (в тексте письма Коричева – «татарская республика»). Благодаря этому, как он пишет, «нам очень легко будет выделиться в самостоятельные губернии сообразно этнографическим условиям», как и марийцам, удмуртам и кряшенам. По вопросу создания общей автономии народов Поволжья и Приуралья Коричев предлагает провести совещание[110]. Оно состоялось 2 июля 1919 г. в Казани с участием татар-мусульман, кряшен, башкир, чувашей, мари и удмуртов и приняло решение «осуществить декрет центральной советской власти о Татаро-Башкирской республике»[111].

Идея образования отдельных советских национально-территориальных единиц обсуждалась и активистами национального движения отдельных восточно-финских народов. Так, I Всероссийский национальный съезд удмуртов в Елабуге в июне 1918 г. высказался против присоединения к Татаро-Башкирской советской республике. Вместе с тем съезд положительно отнесся к идее образования особой Прикамской губернии с центром в Сарапуле, мотивируя это тем, что в нее войдут почти все удмурты, населяющие пять губерний[112]. В октябре 1919 г. совещание актива коммунистов-татар в Казани и состоявшаяся вскоре Первая конференция коммунистов-мусульман Казанской губернии отметили необходимость выделения татар в самостоятельный субъект России[113].

Первыми из народов Волго-Камского региона автономию организовали башкиры: 20 марта 1919 г. была провозглашена автономная Башкирская советская республика. В такой обстановке стремление некоторых тюрко-татарских деятелей (М.Х. Султан-Галиев, М.Ю. Бурундуков, И.К. Фирдевс) провести в жизнь, пусть и подтвержденное в Москве на II съезде коммунистических организаций народов Востока (22 ноября – 3 декабря 1919 г.) Положение о Татаро-Башкирской республике, не получило результата[114]. 13 декабря 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б), заслушав вопрос «О Татаро-Башкирской республике», приняло решение: «ввиду того, что значительная часть Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока и, в частности, все представители коммунистов Башкирии против создания Татаро-Башкирской республики, таковой не создавать и декрет Народного комиссариата по национальным делам от 22 марта 1918 г. о Татаро-Башкирской советской республике отменить. Предложить членам партии не вести в дальнейшем агитацию за Татаро-Башкирскую республику»[115].

В декабре 1919 г. в Симбирске состоялся съезд чувашей – представителей коммунистических ячеек Симбирской губернии, который 26-го числа, обсудив вопрос о Татаро-Башкирской республике, постановил, что «чуваши категорически отказываются входить в нее». Заслушав доклад М.Ф. Акимова, форум вынес решение на предстоящем съезде чувашских коммунистов в Казани возбудить ходатайство о создании чувашской административно-территориальной единицы – Трудовой коммуны[116]. 3 января 1920 г. Чувашский отдел представил в Наркомнац «Краткий доклад о выделении чувашского народа в особую административную единицу». Согласно ему, планировалось образовать на территории Казанской и Симбирской губерний с чувашским населением самостоятельную административную единицу на правах губернии – Чувашскую трудовую коммуну. Проект ее создания был рассмотрен и одобрен I Всероссийским съездом чувашских коммунистов (4–9 февраля 1920 г.).

В послеоктябрьский период процесс национального самоопределения чувашей подчинялся общему ходу развития национального движения в России, проделавшему эволюцию от лозунга национально-культурной к лозунгу национально-территориальной автономии. Для многих народов России, в том числе и Поволжско-Приуральского региона, неизбежным этапом на этом пути была модель областной федерации. Понадобились время, опыт дискуссий и скрупулезных исканий, прежде чем лидеры национальных движений и Центр пришли к выводу, что наиболее оптимальной формой этнополитического самоопределения народов региона является выделение их в самостоятельные национальные администра-

тивно-территориальные единицы. Необходимые предпосылки для этого в общем-то сложились уже ко второй половине 1918 г. Сдерживающую роль сыграл субъективный фактор: пантюркизм (в большей мере татарских и в меньшей мере башкирских) советских национальных деятелей, поддержка их устремлений руководством Народного комиссариата по делам национальностей во главе с И.В. Сталиным; отсутствие политической воли у чувашских лидеров, их морально-психологическая и интеллектуальная неуверенность. Д.П. Петров (Юман) писал в связи с последним обстоятельством: «Следует отметить, что чувашские работники этого времени, несмотря на огромную работу, проделанную ими в области национального строительства, и несмотря на создание определенного политического центра для управления чувашами (Чувашского отдела при Наркомнаце. – *В.К.*), все еще не решались поднимать вопрос о создании чувашской автономной единицы... когда весной 1918 г. при Наркомнаце обсуждались на особых совещаниях вопросы о создании Татарской и Башкирской республик (имеется в виду проект Татаро-Башкирской советской республики. – *В.К.*), чувашские делегаты неизменно заявляли протест не только против включения в них чувашей, но и вообще высказывались против образования национальных республик в Среднем Поволжье»[117].

Были и объективные факторы – географическая распыленность чувашского этноса на территории нескольких губерний, его экономическая и социальная отсталость, немногочисленность национальных кадров, незначительный опыт создания национальных субъектов в РСФСР.

По названным причинам чувашские вожди проявили инертную реакцию на меняющиеся обстоятельства, идея национально-территориальной автономии в их среде вызревала сравнительно долго и противоречиво; осознание собственного «национального тела» происходило болезненно и мучительно. Свидетельством этого стали острая борьба и длительная дискуссия вокруг проектов Урало-Волжского штата, Татаро-Башкирской республики[118].

Литература, источники, примечания

[1] *Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.* Ленин и самоопределение наций (на примере народов Среднего Поволжья и Приуралья). Чебоксары, 1967. С. 87; *Кульшарипов М.М.* А.З. Валиди и Российский федерализм // Российская цивилизация в условиях трансформации: региональный аспект. Чебоксары, 2003. С. 157; *Мухаметдинов Р.Ф.* Татаро-башкирский вопрос в 1917 году // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 135.

[2] *Исхаков С.М.* Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть в Поволжье и на Урале (октябрь 1917 г. – лето 1918 г.) // Отечественная история. 1999. № 1. С. 51.

[3] С.М. Исхаков считает, что БОС провозгласил автономию Башкирии не 15 ноября, а 17 ноября 1917 г. Подробнее см.: *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918). М., 2004. С. 394–395.

[4] Образование Башкирской автономной советской социалистической республики: сб. док. и материалов. Уфа, 1959. С. 82.

[5] *Исхаков С.М.* Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть в Поволжье и на Урале ... С. 51.

[6] Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): док. и материалы. Уфа, 2002. Т. 1. С. 269.

[7] Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 117. Инв. № 250. Л. 165.

[8] Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 269, 270.

[9] Там же. С. 276.

[10] *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики, 1917–1924. М., С. 68.

[11] Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 276.

[12] Возможны ли Соединенные Штаты в Поволжье? // Крестьянская газета. 1917. 10 декабря.

[13] ГАСИ ЧР. Ф. П-1046. Оп. 4. Д. 210. Л. 104.

[14] Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 257.

[15] Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ). Ф. 36. Оп.1. Д. 256. Л. 40.

[16] Резолюция об Идиль-Уральской Республике, принятая 2-м Всероссийским мусульманским военным съездом // Известия Всероссийского мусульманского военного шуро, 1918. 26 (13) февраля. № 16.

[17] Волжско-Уральский штат // Казанское слово. 1918. 14 января. №11.

[18] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 10. Л. 21.

[19] Там же. Л. 22; Чувашский съезд. Границы штата // Казанское слово. 1918. 1 (14) февраля. № 26. С. 2.

[20] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп.1. Д.10. Л. 21, 22–24.

[21] Там же. Л. 23; 43.

[22] Там же. Л. 24–25.

[23] *Изоркин А.В.* От зарождения идеи самоопределения до образования автономии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 23.

[24] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп.1. Д.10. Л. 31, 31 об.

[25] Там же. Л. 31.

[26] Там же. Л. 52.

[27] Чувашский съезд // Казанское слово. 1918. 31 января. № 25.

[28] ГИА ЧР. Ф.Р-499. Оп. 1.Д.10. Л. 25–27.

[29] ЦГАИПД РТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 256. Л. 33.

[30] *Курултай*. О границах Волжско-Уральского штата // Казанское слово. 1918. 21 (8) февраля. № 31; ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 10. Л. 60.

[31] Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 284.

[32] Образование Татарской АССР: сб. док. и материалов. Казань, 1963. С. 6.

[33] Совещание комитетов социалистических партий и организаций, стоящих на платформе 2-го Всероссийского съезда Советов по национальному вопросу // Знамя революции, 1917. 15 декабря.

[34] Там же.

[35] Образование Татарской АССР... С. 7.

[36] Образование Башкирской автономной советской социалистической республики ... С. 128.

[37] *Серебрякова З.Л.* Региональные советы национальных районов, март 1917 – март 1918. М.: Наука, 1984. С. 163.

[38] *Бобровников Н.* Средневолжский и Приуральский штат // Казанское слово. 1918. 2 марта (17 февраля). № 39.

[39] Областной съезд // Там же. 1918. 22 (9) февраля. № 32.

[40] Областной съезд Советов. Первое заседание // Там же. 1918. 23 (10) февраля. № 33.

[41] Областной съезд Советов. // Там же. 1918. 22 (9) февраля. № 32.

[42] Областной съезд Советов. Второе заседание. // Казанское слово. 1918. 24 (11) февраля. № 34.

[43] *Усманова Д.М.* Вопросы национально-государственного самоопределения на страницах татарской периодической печати (1917 – апрель 1918): дис ... канд. ист. наук. Казань, 1994. Л. 146.

[44] Казанский областной съезд // Знамя революции. 1918. 8 марта.

[45] Казанский областной съезд // Там же. 1918. 10 марта (25 февраля). № 45.

[46] Областной съезд Советов. Второе заседание // Казанское слово. 1918. 24 (11) февраля. № 34.

[47] Образование Башкирской автономной советской социалистической республики ... С. 131–132.

[48] *Захаров Н.С.* Октябрьская революция и советское строительство в Среднем Поволжье (Октябрь 1917 г. – март 1918 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. С. 67.

[49] Казанская республика // Казанское слово. 1918. 2 марта (17 февраля). № 39.

[50] Протокол общего собрания Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 7 марта 1918 г. // Знамя революции. 1918. 22 (9) марта. № 52.

[51] Хроника. К провозглашению штата // Казанское слово. 1918. 10 марта (25 февраля). № 45.

[52] Образование Башкирской автономной советской социалистической республики ... С. 132–133.

[53] *Стариков С.В.* Казанский левосоциалистической блок и вопрос об Урало-Поволжском штате в начале 1918 г. // Межэтнические отношения, национальные проблемы и движения в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII–XX веках: Тезисы докладов региональной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения проф. И.Д. Кузнецова, 27–28 мая 1996. Чебоксары, 1996. С. 51.

[54] Подробнее см.: *Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.* Указ. соч. С. 73; Образование Башкирской автономной советской социалистической республики ... С. 135.

[55] Подробнее см.: *Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.* Указ. соч. С. 69; Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т. 1. С. 281.

[56] Подробнее см.: *Сануков К.Н.* Марийская автономия. Йошкар-Ола, 2005. С. 37–38, 42, 46; *Чузаев Р.И.* Марийское национальное движение в 1917–1918 годах. Дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 1998. Л. 110–112.

[57] Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 279, 293.

[58] *Исхаков С.М.* Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть в Поволжье и Приуралье ... С. 57.

[59] Образование Башкирской автономной советской социалистической республики ... С. 138.

[60] *Чистяков О.И.* Становление Российской Федерации (1917–1922). М., 1966. С. 107.

[61] Образование Башкирской автономной советской социалистической республики ... С. 139.

[62] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 17. Л. 32.

[63] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 29. Л. 39; К объявлению Татаро-Башкирской республики среди чуваш // Казанское слово, 1918. 18 (5) апреля. № 75.

[64] Татаро-Башкирский штат. На объединенном заседании чуваш и черемис // Казанское слово, 1918. 19 (6) апреля. № 76.

[65] Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 484.

[66] ГИА ЧР. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 306. Л. 72.

[67] Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 484.

[68] Там же.

[69] *Грасис К.* К национальному вопросу: о Татаро-Башкирской республике // Знамя революции, 1918. 26 (13) апреля. № 82.

[70] Образование Татарской АССР ... С. 48.

[71] *Султан-Галиев М.* Избранные труды. Казань, 1998. С. 121.

[72] *Грасис К.* К национальному вопросу: о Татаро-Башкирской республике.

[73] Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 484.

[74] *Максимов-Кошкинский И.* Такăр çул // Ялав, 1960. № 4. С. 20. На чуваш. яз.

[75] Образование Татарской АССР... С. 49–50.

[76] Там же. С. 50.

[77] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 416. Инв. № 1061. Л. 79–80.

[78] Образование Татарской АССР ... С. 53–54.

[79] *Сайдашева М.А.* Ленин и социалистическое строительство в Татарии, 1918–1923. М., 1969. С. 63–64.

[80] Образование Башкирской автономной советской социалистической республики... С. 157–158.

[81] Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 488–489.

[82] Образование Башкирской Автономной советской социалистической республики... С. 163.

[83] Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 500–501.

[84] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1, 1918–1933 гг. / Сост. Л.С. Гатагова, Л.Н. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. С. 17.

[85] Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 143; Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 502–504.

[86] Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 143; Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 503–504, 509.

[87] Ленин и Чувашия: документы, материалы, воспоминания. Чебоксары, 1980. С. 344.

[88] См.: *Грасис К.* Вопрос о Татаро-Башкирской республике // Знамя революции. 1918. 30 (17) мая; 2 июня (20 мая); 8 июня (26 мая); 12 июня (30 мая); 15 (2) июня; 16 (3) июня; 30 (17) июня.

[89] Образование Башкирской автономной советской социалистической республики... С. 164.

[90] Совещание по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики // Правда. 1918 г. 19 (6) мая.

[91] *Грасис К.* Вопрос о Татаро-Башкирской республике ... 1918. 16 (3) июня.

[92] Там же; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 438. Инв. № 1117. Л. 216.

[93] Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 504.

[94] *Вахитов М.* Избранное: Статьи, речи, письма, документы. Казань, 1967. С. 62.

[95] Образование Башкирской автономной советской социалистической республики ... С. 159.

[96] Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 510.

[97] ГИА ЧР. Ф. Р-499. Оп. I. Д. 27. Л. 4–7.

[98] Общечувашский рабоче-крестьянский съезд. Резолюция о Татаро-Башкирской республике // Знамя революции, 1918. 28 (15) июня.

[99] ГИА ЧР. Ф.Р-499. Оп.1. Д. 27. Л. 3–3 об., 8–8 об., 13 об., 48; *Изоркин А.В.* От зарождения идеи самоопределения до образования автономии ... С. 28.

[100] Образование Татарской АССР... С. 69–71.

[101] Там же. С. 70–71.

[102] Там же. С. 71.

[103] *Немцева Т.В.* Роль чувашского национального движения в истории образования Татаро-Башкирской республики // Вестник ЧГПУ: История и право. Чебоксары, 2001. № 4. С. 60.

[104] Образование Татарской АССР ... С. 80.

[105] Там же. С. 83, 87.

[106] Политическая «бомба» Эдема Булбуловича // Эхо веков, 1997. № 3–4. С. 81.

[107] См., например, *Абдуллин М.* Борьба без компромиссов (Критика буржуазных концепций разрешения национального вопроса в республиках Поволжья и Урала). Казань, 1982. С. 118–136, 137–139; *Исхаков С.М.* Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть ... С. 50–56; *Кульшарипов М.М.* З. Валидов и образование Башкирской автономной советской республики (1917–1920 гг.) Уфа, 1992. С. 54–55; *Чеботарева В.Г.* Указ. соч. С. 93–95; *Мухаметдинов Р.Ф.* Указ. соч. С.135; Зарубежная советология о башкирском национализме и образовании автономной республики Башкортостан // Национально-государственное устройство Башкортостана ... С. 585.

[108] *Абдуллин М.* Указ. соч. С. 136–137; *Сайдашева М.А.* Указ. соч. С. 44.

[109] ГАРФ. Ф. 5677. Оп.1. Д. 260. Л. 6–7; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2231. Инв. № 8606.

[110] НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 412. Инв. № 1058. Л. 80–81.

[111] *Сануков К.Н.* Марийская автономия: изд. 2-е, доп. Йошкар-Ола, 2010. С. 71–72.

[112] Гражданская война в Поволжье, 1918–1920. Казань, 1974. С. 386.

[113] *Абдуллин М.* Указ. соч. С. 18. *Сайдашева М.А.* Указ. соч. С. 72–76.

[114] *Сайдашева М.А.* Указ. соч. С. 72–76.

[115] Образование Татарской АССР ... С. 160–161. Пытаясь опротестовать резолюцию Политбюро ЦК РКП(б), один из самых активных поборников создания Татаро-Башкирской советской Республики М. Султан-Галиев направил письмо В.И. Ленину с анализом мнений ее противников. Подробнее об этом см.: *Султан-Галиев М.* Указ. соч. С. 245, 259; *Тагиров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2000. С. 186.

[116] Центр документации новейшей истории Ульяновской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 60а–60г.

[117] *Петров Д.П.* Чувашия: историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л., 1926. С. 69.

[118] *Усманова Д.* Создавая национальную историю татар: Историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. под ред. И.В. Герасимова [и др.] Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 119. (Библиотека журнала Ab imperio).

Заключение

Государственность чувашского народа своими истоками уходит в глубокое прошлое. Волжская Болгария явилась государственным образованием, объединившим предков чувашей наряду с предшественниками других народов Волго-Уралья. Ликвидация этого государства вследствие татаро-монгольского нашествия, массовые многократные миграционные перемещения болгаро-суварского населения в связи с драматическими военно-политическими событиями привели к тому, что земли между Сурой и Волгой к концу XV в. стали основной территорией обитания чувашской народности, центральной зоной расселения его этнического ядра[1].

Присоединение Поволжья к Московскому царству знаменовало собой начало коренных изменений в социокультурном и конфессиональном статусе чувашей на этнической территории их расселения. Стратегическая цель царского правительства состояла в том, чтобы превратить регион в органическую часть России, добиться полной интеграции его в Российское государство, но при этом культурная русификация и форсированная цивилизирующая миссия не были первичными целями, а сохранение империи было более важной задачей, чем распространение среди многонационального населения русских идей и представлений. К тому же, когда власти прибегали к политике русификации, она была недостаточно последовательной и не носила интенсивного характера[2]. Это способствовало тому, что в составе России завершился процесс формирования чувашской народности и консолидации ее в нацию.

В XIX в. задача социально-политической, хозяйственной и до некоторой степени культурно-идеологической интеграции Среднего Поволжья в составе России была решена. Однако устойчиво сохранялись национально-культурные отличия, традиционализм социальных структур и жизни, а значит, этническое своеобразие народов Поволжья, в том числе и чувашского. Потенциал этничности, опирающийся на столетия предшествующего опыта, оказался достаточно мощным, чтобы чувашский народ не только выстоял, но и в начале XX в. развернул борьбу за национальное самоопределение, чему способствовали либерально-буржуазные реформы второй половины XIX в., которые дали определенный импульс модернизации экономики и социальных структур чувашского общества. Более существенной была роль социально-культурных факторов: развитие национального образования, возникновение национальной интеллигенции, общественно-политической мысли на базе просветительских идей, рост национального самосознания. Важными были и политические предпосылки, поскольку без гарантии гражданских свобод и прав, без парламента, легальных политических партий и союзов, коммуникативных сетей (прессы) на родном языке развитие национального движения было бы осложнено. Эти условия появились в ходе революции 1905–1907 гг., которая привела к достаточно сильной общественно-политической мобилизации национальных сообществ. Кульминацией национально-политических

манифестаций у чувашей стало возникновение общественных объединений и союзов, появление общечувашского печатного органа и парламентариев, провозглашение лозунга о культурно-национальной автономии, что стало решающим для дальнейшего распространения национального движения[3].

Февральская революция 1917 г. явилась мощным катализатором движения за национальное самоопределение чувашей – происходит его окончательная институализация: оно превращается в социальный институт, приобретает организационные формы. Первоначально ими стали организационно-координационные центры в виде национальных объединений и съездов немусульманских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Приоритетной задачей остается национально-культурное возрождение и достижение культурно-национальной автономии. В качестве предметов самоопределения также обсуждаются политическое, экономическое, социальное, культурное состояние чувашского народа, государственное устройство страны, но при этом у национальных лидеров отсутствуют какие-либо проявления сепаратизма и наблюдается весьма осторожный подход к вопросу о территориальном статусе этноса.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г., провозглашение советским правительством права наций на самоопределение вплоть до отделения, последовавшая затем территориализация этничности на принципах советского федерализма[4] приводят к корректировке идеологии самоопределенческого процесса с учетом социально-политических реалий: от национально-культурной автономии к целям административно-территориальной (областной народов Поволжья и Приуралья), а затем и национально-территориальной автономий. Причем требование национально-территориальной автономии для чувашей возникло в большей мере под влиянием общероссийской политической ситуации, внешних обстоятельств, чем явилось результатом процессов в самом национальном чувашском движении.

Литература

[1] *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. Чебоксары, 2005. С. 306.

[2] *Бахлов И.В.*, *Напалкова И.Г.* Территориальная организация имперских систем и политические механизмы управления национальной периферией. Саранск, 2009. С. 138.

[3] *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое изд-во, 2005. С. 401.

[4] *Зорин В.Ю.* Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. М., 2003. С. 67.

Содержание

К читателю..... 3
Введение..... 4

Глава 1. Изучение истории национальной государственности чувашского народа..... 9
Глава 2. Социально-исторические условия развития чувашского этноса..... 43
Глава 3. Просветительство как фактор формирования национального самосознания и идеологии чувашского народа..... 67
Глава 4. Зарождение национального движения. Возникновение и деятельность чувашских организаций..... 156
Глава 5. Национально-политическое развитие чувашского народа в послеоктябрьский период..... 215
Глава 6. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья и автономизация чувашей (ноябрь 1917–1919 г.)..... 289

Заключение..... 316

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научное издание

ИСТОРИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

КЛЕМЕНТЬЕВ Владимир Николаевич

Книга 1

ИСТОКИ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЧУВАШЕЙ

Редакторы **А.П. Долгова, Т.Н. Таймасова**
Корректор **Г.И. Алимасова**
Оригинал-макет **Н.И. Никифоровой**

Подписано в печать 19.12.2014. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура SchollBook Chuvash. Печать оперативная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 28,95 а.л. Тираж 400 экз. Заказ № К-652.

Отпечатано в ООО «Типография «Новое Время»
428034, г. Чебоксары, ул. М. Павлова, 50/I.
Тел.: (8352) 32-33-53, 46-43-46